Е. ПОСЕЛЯНИНЪ

РУССКІЕ ПОДВИЖНИКИ

19го ВѢКА

Е. ПОСЕЛЯНИНЪ.

РУССКІЕ ПОДВИЖНИКИ

19-го ВѢКА.

Изданіе 3-е, значительно дополненное.

СЪ ПОРТРЕТАМИ И РИСУНКАМИ.

Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Просв. допущена въ ученическія библіотеки средних учебныхъ заведеній Министерства (4 августа 1903 г., № 23684).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе И. Л. ТУЗОВА. Гостиный дворъ, 45.
1910.

Въ книжномъ магазинѣ И. Л. ТУЗОВА,

въ С.-Петербургѣ, Садовая улица, Гостиный дворъ, магазинъ № 45,

МЕЖДУ ПРОЧИМИ ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

Соколовъ, А., прот. Священная исторія въ простыхъ разсказахъ для чтенія въ школѣ и дома. Ветх. и Нов. Зав. Съ 55 рис. по ориг. Доре и Плокгорста и съ 109-ю полит. въ текстѣ. Спб., 1905 г., ц. 1 р., въ изящн. кол. пер. съ зол. тис. 2 р.

Соколовъ, И. И. Аѳонское монашество въ его прошломъ и современномъ состояніи. Спб., 1904 г., ц. 40 к.

Соловьевъ, І., свящ. Пособіе къ доброму чтенію Святой Библіи (Руководств. свѣдѣнія объ ея богодухнов значеніи, составѣ, раздѣленіи и внѣшнихъ особенност., о происхожд., содерж. и богослуж. употребленіи каждой изъ свящ. книгъ, Библіи въ отдѣльности). Изд. 2-е, исправл. и дополн. Спб., 1898 г., ц. 2 р., въ кол. пер. 2 р. 75 к.

Соловьевъ, І., свящ. Что нужно знать православному христіанину о святомъ Евангеліи? Спб., 1898 г., ц. 30 к.

Соловьевъ, Н. И. Православное духовенство. Очерки, повѣсти и разск. изъ жизни приход. духовенства. Изд. 2-е, значит. дополн. Спб., 1902 г., ц. 1 р., въ изящн. кол. пер. 1 р. 75 к. *Мин. Нар. Просв. допущ. въ ученич. библ. средн. учебн. зав. Мин.* (17 ноября 1903 г., № 35999).

Спасскій, П. Н. Толкованіе на пророческія книги Ветхаго Завѣта, составл. на основаніи святоотеч. толков. примѣнит. къ славян. и греч. (70) тексту по прогр. для 4-го кл. дух. семин. Книги прор.: Исаіи, Іереміи, Іезекіиля и Дан. *Одоб. Уч. Ком. при Св. Сгн. къ употребл. въ кач. уч. пос. по Свящ. Пис. при прохожденіи курса IV кл. дух. сем.* Изд. 2. Спб., 1899 г., ц. 2 р.

Стратилатовъ, К., свящ. Катихизическія бесѣды къ сельскимъ прихожан. Изд. 5-е. Спб., 1893 г., ц. 1 р. 50 к.

— Собраніе церковныхъ поученій для простого народа. *Удостоенныя преміи Свят. Сгнода.* Изд. 3-е. Спб., 1903 г., ц. 1 р. 50 к. *Одоб. для пріобр. въ ученич. библ. средн. учебн. завед. Мин. Народн. Просв.* (№ 14375, 21 іюля 1894 г.).

Тренчъ, арх. Дублин. Толкованіе притчей Господа нашего І. Христа. Спб., 1888 г., ц. 2 р., въ изящн. кол. пер. 3 р.

Успенскій, Н., свящ. Какъ жить православному христіанину по заповѣдямъ Божіимъ. Въ 2-хъ частяхъ. Изд. 2-е. Спб., 1910 г., ц. 2 р., въ роск. коленк. переп. 3 р.

— Спутникъ трезвенника. 3-е изд., исправленное и дополнен. Спб., 1910 г., ц. 25 к.

Училище благочестія, или примѣры христіанскихъ добродѣтелей, выбран. изъ житій святыхъ. Съ 16-ю рис. акад. Ѳ. Г. Солнцева. Изд. 18 (5 иллюстрир.). Посвящ. церк.-прих. школ. Спб., 1899 г., ц. 80 к., съ перес. 1 р. 15 к. Въ кол. изящн. перепл. 1 р. 75 к., съ перес. 2 р. 15 к. *Мин. Нар. Просв. одобрена для пріобр. въ библ. средн. учебн. заведеній* 21 іюля 1894 г., № 14375. *Внесена въ списокъ книгъ для библ. церк.-прих. школъ* (Церк. Вѣд. № 2, 1896 г.).

Ушаковъ, А. Н. Сборникъ службъ, молитвъ и пѣснопѣній, употребляемыхъ при богослуженіяхъ въ православной церкви. Съ объясненіемъ непонятныхъ словъ и оборотовъ рѣчи на русскомъ языкѣ. Изд. 3-е. Спб., 1904 г., ц. 60 к., въ учебн. перепл. 75 к., въ кол. 1 р.

Фарраръ, Ф. В. Жизнь Іисуса Христа. Новый полн. пер. съ 30 англ. изд. А. П. Лопухина. 8 изд. (иллюстр. третье). Съ прилож. и примѣч. Со множествомъ великолѣпно исполн. иллюстрац. и съ прилож. раскраш. карты Палестины. Спб., 1900 г., ц. 6 р., въ роск. кол. пер. 8 р.

— Жизнь Іисуса Христа. Нов. переводъ съ 30-го англійскаго изданія. А. П. Лопухина. 7-е общедоступн. изд. Въ 2 ч. Съ прилож. 16 политип. на отдѣльн. листахъ и карт. въ текстѣ. Спб., 1899 г., ц. 2 р. 50 к., въ изящ. перепл. 3 р. 50 к., *одобр. для фунд. библ. средн. учебн. зав. вѣдом. Мин. Нар. Просв.* (21 іюля 1894 г., № 14375).

— Жизнь и труды святаго апостола Павла. Полный перев. съ послѣдняго англ. изданія А. П. Лопухина. Со множествомъ иллюстрац. и съ прил. 4-хъ раскраш. картъ путешествій св. апостола Павла. Большой роск. изданный томъ въ 4-ю д. л. Спб., 1901 г., ц. 8 р., въ роск. коленк. пер., съ зол. тисн. и обрѣз. 10 р.

— Власть тьмы въ царствѣ свѣта. Историч. разск. изъ врем. Свят. Іоанна Златоуста. Переводъ съ англійскаго. А. П. Лопухина. Спб., 1897 г., ц. 3 р., въ коленк. пер. 4 р. *Мин. Нар. Пр. отъ 10—19 ноября 1901 г., за № 31977, допущено въ учит. библ. низш. учил. и въ безпл. народн. читал. и библ.*

— На зарѣ христіанства, или сцены изъ временъ Нерона. Историч. разсказъ. Пер. съ анг. А. П. Лопухина. Спб. 1901 г., ц. 3 р., въ кол. перепл. съ зол. тисн. 4 р. *Мин. Нар. Просв. отъ 10—19 ноября 1901 г., за № 31977 допущено въ учит. библіот. низш. учил. и въ безпл. народн. чит. и библ.*

Е. ПОСЕЛЯНИНЪ.

РУССКІЕ ПОДВИЖНИКИ

19-го ВѢКА.

Изданіе 3-е, значительно дополненное.

СЪ ПОРТРЕТАМИ И РИСУНКАМИ.

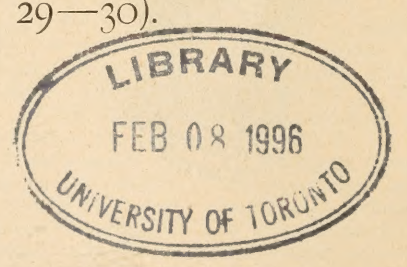
Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Просв. допущена въ ученическія библіотеки средних учебныхъ заведеній Министерства (4 августа 1903 г., № 23684).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе И. Л. ТУЗОВА. Гостиный дворъ, 45.
1910.

Отъ смерти въ жизнь!..

Блаженны алчущіе нынѣ, ибо насытитесь. Блаженны плачущіе нынѣ, ибо возсмѣетесь. (Ев. отъ Луки, VI, 21).

Я кротокъ и смиренъ сердцемъ, и вы найдете покой душамъ вашимъ, ибо иго Мое благо и бремя Мое легко (Ев. отъ Матѳея, II, 29—30).



От С.-Петербургскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета печатать разрѣшается. С.-Петербургъ, 30-го октября, 1909 года.

Цензоръ, Архимандритъ Василій.

Спб. Типо-литографія М. П. Фроловой. Галерная, 6.

Онъ былъ свѣти́льникъ горѧ́щій и свѣтѧ́щій. (Єв. Іоа́нна, є, ле).

Памѧти Оптинскаго старца Амвросія.

(† 10-го октября 1891 года).

Отъ составителя.

Сколько дикихъ, безумныхъ нападокъ было за послѣднее время производимо на православную Церковь!

И даже у лицъ, привязанныхъ къ Ней сыновней любовью, невольно слагался вопросъ, таково ли Ея воздѣйствіе, какъ въ прошлые вѣка, все такъ же ли Она спасаетъ людей и вырабатываетъ въ лучшихъ изъ нихъ тотъ высокій строй жизни, который принято называть святостью.

Нѣкоторымъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ является эта книга, представляющая собою первую попытку собрать въ одно цѣлое краткія жизнеописанія наиболѣе выдающихся русскихъ подвижниковъ истекшаго столѣтія.

Здѣсь люди разнообразныхъ положеній, склада, дарованій. Одно въ нихъ общее — неослабѣвающій всю жизнь порывъ ко Христу. Какая во всѣхъ неутолимая духовная жажда, какое благородное стремленіе къ истинной и полной свободѣ: освобожденію себя отъ путъ зла и созданію въ себѣ человѣка по образу и подобію милующаго, грѣющаго, прощающаго, чистаго, кроткаго Христа Спасителя.

Не намъ мѣрить людей! Но грѣхъ ли будетъ думать, что дивный старецъ Серафимъ по чрезвычайности подъема своего духа не уступаетъ наиболѣе аскетическимъ, наиболѣе удивительнымъ лицамъ славнѣйшихъ эпохъ христіанства? Что митрополитъ Московскій Филаретъ такъ напоминаетъ тѣхъ великихъ Отцовъ Церкви, которые во времена церковныхъ бурь, выяснили всю истину церковнаго ученія, установили формы церковной жизни. Что кроткій Епископъ

Ѳеофанъ является какъ бы продолжателемъ дѣла столь дорогого русскому народу святителя Димитрія Ростовскаго и между тѣмъ какъ одинъ своею безцѣнною Четью-Минеею говоритъ: «Вотъ до чего возвышались люди», другой своими книгами указываетъ: «Вотъ кратчайшій путь, чтобъ слѣдовать за тѣми людьми».

Нѣтъ, Церковь цвѣтетъ, плодоноситъ. Но дѣла Ея въ противоположность дѣламъ міра, гдѣ маленькіе люди подымаютъ вокругъ своихъ не цѣнныхъ, не нужныхъ дѣлъ такой шумъ: Ея дѣла совершаются безшумно, въ святомъ сосредоточеніи. Эти дѣла видитъ и знаетъ имъ цѣну русскій простой народъ, который по разсказамъ отцовъ продолжаетъ любить людей, здѣсь помянутыхъ.

Описанныя здѣсь лица представлены здѣсь преимущественно не со стороны историко-общественнаго значенія ихъ, а со стороны ихъ нравственной крѣпости.

Составитель вполнѣ сознаетъ, что въ его опытъ включены не всѣ подвижники 19-го вѣка и кое-что изъ разсказаннаго могло быть представлено полнѣе и ярче.

Но хотѣлось дать хоть что нибудь, малое изъ многаго, чтобъ не оставались втунѣ такія воспоминанія.

Скромный трудъ этотъ собранъ для вѣрующихъ, для укрѣпленія въ нихъ мысли, что все та же вѣетъ надъ міромъ сила Христова, и тѣ же дивные дары посылаетъ Богъ тѣмъ, кто искренно за Нимъ идетъ. И что русскій народъ понынѣ въ лучшихъ людяхъ своихъ тотъ же богоносецъ, какимъ былъ всегда.

Е. Поселянинъ.

Царское Село.
10 октября 1900 г.

Филаретъ, митрополитъ Московскій.

Имя Филарета, митрополита Московскаго, занимаетъ особое мѣсто въ исторіи русской Церкви послѣдняго вѣка.

Онъ былъ для русской Церкви этого времени тѣмъ же, чѣмъ были для молодой возраставшей Церкви первыхъ вѣковъ тѣ великіе епископы, которымъ присвоено названіе «Отцовъ Церкви». Филаретъ какъ бы выяснилъ еще разъ во всемъ томъ, что имъ написано, всю совокупность православнаго ученія. А въ самомъ себѣ далъ какъ величавый, удивительный образъ православнаго архипастыря, такъ и мѣру того, до какой глубины можетъ дойти просвѣтленный вѣрою умъ и духъ человѣческій.

Филаретъ родился 26 декабря 1782 г. въ семьѣ соборнаго діакона г. Коломны (Московской губерніи) и назывался въ міру Василій Михайловичъ Дроздовъ.

Съ дѣтства подавалъ онъ самыя блестящія надежды, и съ величайшимъ успѣхомъ проходилъ курсъ Коломенской семинаріи, откуда перешелъ для прохожденія академическаго курса въ Троице-Сергіеву лавру.

Онъ уже тогда любилъ уединеніе, предпочитая бесѣду съ книгами бесѣдѣ съ товарищами. Развлеченія зналъ лишь два: игру въ шахматы и игру на гусляхъ.

Прослышавъ объ учености Василія Дроздова, коломенскіе граждане явились къ митрополиту московскому Платону, съ просьбою назначить его имъ въ священники. Но митрополитъ, зная способности Дроздова, отклонилъ это предложеніе. Онъ хотѣлъ открыть Дроздову другой путь.

16 ноября 1808 г., послѣ вечерни въ Троице-Сергіевой лаврѣ, Дроздовъ постриженъ въ монашество съ именемъ Филарета.

Уже до того времени о немъ прошла молва, какъ о выдающемся проповѣдникѣ. Первое его слово произнесено 12 января 1806 г., день, когда лавра празднуетъ свое освобожденіе отъ польскихъ полчищъ въ эпоху смутнаго времени.

Такимъ образомъ, это первое его слово было посвящено прославленію того величайшаго изъ русскихъ святыхъ, преп. Сергія, которому всю жизнь Филаретъ былъ такъ близокъ духомъ и образъ котораго онъ такими яркими проникновенными красками рисовалъ столько разъ въ своихъ проповѣдяхъ.

Чрезъ три мѣсяца было произнесено другое «Слово въ великій пятокъ» — въ которомъ уже видны чрезвычайныя способности проповѣдника.

Въ началѣ января 1809 г. іеродіаконъ Филаретъ вызванъ въ Петербургъ, наставникомъ философіи во вновь открывавшуюся духовную академію.

Здѣсь онъ разомъ выдвинулся на видъ и имѣлъ возможность выказать свои дарованія.

Дѣятельность Филарета, достигшаго въ скоромъ времени положенія ректора академіи, была неизмѣрима.

Онъ преподаетъ, пишетъ обширную записку для супруги императора Александра I, императрицы Елисаветы Алексѣевны: — «Изложеніе разности между восточною и западною Церковью», разсужденіе «О нравственныхъ причинахъ неимовѣрныхъ успѣховъ нашихъ въ отечественной войнѣ», для студентовъ академіи — введеніе къ книгамъ ветхаго завѣта, записки о книгѣ Бытія, начертаніе церковно-библейской исторіи. Все, что онъ писалъ, было такъ ново, такъ глубоко, такъ блестяще, что цѣлые неизвѣстные горизонты открывались предъ глазами читателей. Глубина мысли, неотразимость логическихъ пріемовъ, крѣпко обоснованныхъ доказательствъ — отличительная черта его произведеній.

Школа Филарета — кругъ его воспитательнаго вліянія, перенесеннаго имъ такъ скоро въ Москву и такъ долго дѣйствовавшаго тамъ — образовывала въ людяхъ непреклонную волю, сильный умъ. Люди этой школы могли жить своимъ умомъ, руководиться своимъ собственнымъ разсужденіемъ. Здравый житейскій смыслъ совмѣщался въ нихъ съ книжною ученостью.

Во время пребыванія Филарета въ академіи упрочилась за нимъ окончательно слава перваго русскаго проповѣдника.

Проповѣди Филарета удивительны во всѣхъ отношеніяхъ. Смѣлость мысли его поразительна. Съ дерзновеніемъ безпредѣльной вѣры онъ погружается въ созерцаніе тайнъ божественныхъ, ведя за собою слушателя въ самыя высокія области міра вѣры. И этотъ всепроникающій умъ соединенъ въ немъ съ восторженнымъ одушевленіемъ, дѣйствующимъ тѣмъ сильнѣе, что порывы этого воодушевленія какъ бы сдерживаетъ постоянно могучая сила воли уравновѣшеннаго, мѣрнаго проповѣдника, соединенная съ младенчески умилительною теплотою вѣры. Чрезвычайное соотвѣтствіе глубокой мысли съ ея внѣшнимъ выраженіемъ — словомъ, сила, своеобразность рѣчи, — весь какой-то неуловимый великій духъ, запечатлѣвающій всякое слово Филарета: все это ставитъ его на высоту, какой не достигала никогда еще русская проповѣдь и которая, вѣроятно, никогда не будетъ превзойдена.

Не богословъ только, не возгласитель церковнаго ученія слышится въ этихъ проповѣдяхъ, а поэтъ, дѣйствующій на сердце человѣка образами, писанными удивительно яркими красками.

Какая сила и поэзія, напримѣръ, въ первыхъ словахъ слова въ великій пятокъ передъ плащаницею: «Чего ждете вы нынѣ, слушатели, отъ служителя Слова? Нѣтъ болѣе Слова!»

Или вотъ дивная, нарисованная имъ картина первоначальной обители преп. Сергія... Прерывающимся отъ волненія голосомъ развертывалъ тогда великій проповѣдникъ въ своемъ словѣ эту картину, и плакали слушатели:

«Прости мнѣ», — говорилъ онъ, — «великая лавра Сергіева, если мысль моя съ особеннымъ желаніемъ устремляется въ древнюю пустыню Сергія. Чту и въ красующихся нынѣ храмахъ твоихъ, дѣла святыхъ, обиталища святыни. свидѣтелей праотеческаго и современнаго благочестія; люблю чинъ твоихъ богослуженій, и нынѣ, съ непосредственнымъ благословеніемъ преподобнаго Сергія, совершаемыхъ; съ уваженіемъ взираю на твои столпостѣны, не поколебавшіяся и тогда, когда колебалась было Россія; знаю, что и лавра Сергіева и пустыня Сергіева есть одна и та же благодатію, которая обитала въ преподобномъ Сергіѣ, въ его пустынѣ, и еще обитаетъ въ немъ и въ его мощахъ, въ его лаврѣ; но при всемъ томъ желалъ бы я узрѣть пустыню, которая обрѣла и стяжала сокровище, наслѣдованное потомъ лаврою. Кто покажетъ мнѣ малый деревянный храмъ, на которомъ въ первый разъ наречено здѣсь имя Пресвятыя Троицы? Вошелъ бы я въ него на всенощное бдѣніе, когда въ немъ, съ трескомъ и дымомъ, горящая лучина свѣтитъ чтенію и пѣнію, но сердца молящихся горятъ тише и яснѣе свѣщи, и пламень ихъ досягаетъ до неба, и ангелы ихъ восходятъ и нисходятъ въ пламени ихъ жертвы духовной... Отворите мнѣ дверь тѣсной келіи, чтобы я могъ вздохнуть ея воздухомъ, который трепеталъ отъ гласа молитвъ и воздыханій преподобнаго Сергія, который орошенъ дождемъ слезъ его, въ которомъ отпечатлѣно столько глаголовъ духовныхъ, пророчественныхъ, чудодѣйственныхъ... Дайте мнѣ облобызать прахъ ея сѣней, который истертъ ногами святыхъ, и чрезъ который однажды переступили стопы Царицы Небесныя... Укажите мнѣ еще другія сѣни другой келіи, которыя въ одинъ день своими руками построилъ преподобный Сергій, и въ награду за трудъ дня и гладъ нѣсколькихъ дней, получилъ укрухъ согнивающаго хлѣба... Посмотрѣлъ бы я, какъ, позже другихъ насажденный въ сей пустынѣ, преподобый Никонъ спѣшно растетъ и созрѣваетъ до готовности быть преемникомъ преподобнаго Сергія... Послушалъ бы молчанія Исаакіева, которое, безъ

сомнѣнія, поучительнѣе моего слова... Взглянулъ бы на благоразумнаго архимандрита Симона, который довольно рано понялъ, что полезнѣе быть послушникомъ у преподобнаго Сергія, нежели начальникомъ въ другомъ мѣстѣ... Вѣдь это все здѣсь: только закрыто временемъ, или заключено въ сихъ величественныхъ зданіяхъ, какъ высокой цѣны сокровище въ великолѣпномъ ковчегѣ! Откройте мнѣ ковчегъ, покажите сокровище: оно непохитимо и неистощимо; изъ него, безъ ущерба его, можно заимствовать благопотребное, напримѣръ, безмолвіе молитвы, простоту жизни, смиреніе мудрованія»...

Назначенный викаріемъ петербургской епархіи, онъ недолго прослужилъ въ этой должности и назначенъ архіепископомъ Тверскимъ.

Въ Твери въ теченіе ста дней онъ обозрѣлъ епархію, въ каждомъ храмѣ ея безъ приготовленія произнося поученіе. Только что началъ онъ дѣйствовать въ Твери, какъ перемѣщенъ былъ въ Ярославль, а оттуда менѣе чѣмъ по истеченіи года — въ Москву (24 марта 1821 г.).

Въ 1823 году явился знаменитый трудъ Филарета «Христіанскій катехизисъ православныя каѳолическія восточныя грекороссійскія Церкви», по которому понынѣ обучается вѣрѣ вся русская молодежь.

Пользуясь особымъ довѣріемъ императора Александра I, Филаретъ писалъ по его порученію манифестъ императора, въ которомъ тотъ передавалъ права престолонаслѣдія, помимо второго, отрекшагося отъ престола, брата Константина — Николаю Павловичу.

Сперва, по невѣдѣнію этого манифеста, когда дошла вѣсть о кончинѣ въ отдаленномъ Таганрогѣ Александра I, народъ приведенъ былъ къ присягѣ великому князю Константину Павловичу, затѣмъ, когда выяснилось отреченіе его—надо было вновь приводить къ присягѣ уже Николаю Павловичу. Въ Петербургѣ эти обстоятельства послужили однимъ изъ поводовъ къ такъ называемому Декабрьскому бунту. Въ Москвѣ, благодаря твердости Филарета, все обо-

шлось спокойно. Онъ, при полученіи манифеста императора Николая, вынесъ изъ алтаря государственные акты, прочелъ манифестъ Александра I, отреченіе Константина и произнесъ: «По уничтоженіи силы и дѣйствія данной присяги непреложнымъ отъ нея отреченіемъ того, кому она дана»—тутъ онъ осѣнилъ народъ на три стороны крестомъ и выговорилъ слова новой присяги: «Я, нижепоименованный, обѣщаюсь и клянусь».

На коронаціи государя Филаретъ былъ возведенъ въ санъ митрополита.

Почти все время состоянія московскимъ митрополитомъ Филаретъ прожилъ безвыѣздно въ Московской епархіи. Вслѣдствіе нѣкоторыхъ недоразумѣній онъ съ непріятностями покинулъ Петербургъ въ маѣ 1824 г., и ужъ навсегда.

Какъ впослѣдствіи ни просили Филарета возвратиться туда, его рѣшеніе не въѣзжать болѣе въ этотъ городъ осталось непреклоннымъ.

Съ окончательнымъ переселеніемъ въ Москву его учено-литературная дѣятельность почти прекращается, замѣняясь проповѣдничествомъ. Кромѣ того, всею душою онъ отдался устройству епархіи, бывшей до него въ довольно запущенномъ состояніи.

Близкимъ наблюденіемъ за духовно-учебными заведеніями, въ его время въ его епархіи достигшими полнаго расцвѣта, онъ какъ бы создалъ цѣлое поколѣніе прекраснаго, развитаго, истинно православнаго духовенства.

Чрезвычайно строгій и настойчивый въ своихъ требованіяхъ, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, былъ чрезвычайно внимателенъ къ духовенству, входя во всѣ подробности всѣхъ его нуждъ, глубоко вдумываясь въ обстоятельства тѣхъ отдѣльныхъ случаевъ, которые вызывали его вмѣшательство.

Онъ оказывалъ особое почтеніе заслуженнымъ священникамъ, и бывали примѣры, что онъ, всегда слабый, былъ доступенъ и въ ночные часы, и, послѣ двухдневной поѣздки по осеннимъ дорогамъ внутри епархіи, съ освященіемъ двухъ храмовъ, поспѣвалъ ночнымъ переѣздомъ въ Москву на отпѣваніе приходскаго священника.

Величайшее уваженіе всей Россіи окружало Филарета. Иностранцы, пріѣзжавшіе въ Москву, старались увидѣть его, какъ удивительное явленіе. Высоко цѣнился голосъ Филарета въ вопросахъ государственныхъ, и почитавшій его государь Александръ Николаевичъ часто совѣщался съ нимъ о важнѣйшихъ вопросахъ управленія. Такъ, Филаретомъ составленъ манифестъ на освобожденіе крестьянъ.

То обаятельное впечатлѣніе, какое оказывалъ митрополитъ Филаретъ на современниковъ, нашло себѣ прекрасное выраженіе въ извѣстномъ стихотвореніи Пушкина—*Стансы.*

Въ часы забавъ иль праздной скуки,
Бывало, лирѣ я моей
Ввѣрялъ изнѣженные звуки
Безумства, лѣни и страстей.
Но и тогда струны лукавой
Невольно звонъ я прерывалъ,
Когда твой голосъ величавый
Меня внезапно поражалъ.
Я лилъ потоки слезъ нежданныхъ,
И ранамъ совѣсти моей
Твоихъ рѣчей благоуханныхъ
Отраденъ чистый былъ елей,
И нынѣ съ высоты духовной
Мнѣ руку простираешь ты,
И силой кроткой и любовной
Смиряешь буйныя мечты.
Твоимъ огнемъ душа согрѣта,
Отвергла мракъ земныхъ суетъ,
И внемлетъ арфѣ Филарета
Въ священномъ ужасѣ поэтъ.

Эти вдохновенныя строфы вотъ по какому поводу вылились у Пушкина.

Когда Пушкинъ написалъ полное глубокаго отчаянія стихотвореніе:

Даръ напрасный, даръ случайный,
Жизнь, зачѣмъ ты мнѣ дана?
Иль зачѣмъ судьбою тайной
Ты на казнь осуждена?
Кто меня враждебной властью
Изъ ничтожества воззвалъ,
Душу мнѣ наполнилъ страстью,
Умъ сомнѣньемъ взволновалъ?...
Цѣли нѣтъ передо мною,
Сердце пусто, празденъ умъ,
И томитъ меня тоскою
Однозвучный жизни шумъ.

Митрополитъ Филаретъ отвѣтилъ ему слѣдующими строками:

Не напрасно, не случайно
Жизнь судьбою мнѣ дана;
Не безъ правды ею тайно
На печаль осуждена.
Самъ я своенравной властью
Зло изъ темныхъ безднъ воззвалъ.
Самъ наполнилъ душу страстью,
Умъ сомнѣньемъ взволновалъ.
Вспомнись мнѣ, забвенный мною!
Просіяй сквозь сумракъ думъ —
И созиждется Тобою
Сердце чисто, свѣтлый умъ!

Прочтя этотъ отвѣтъ, Пушкинъ и написалъ свое знаменитое «Въ часы забавъ»....

Какая-то невыразимая духовная сила, стройность была въ митр. Филаретѣ. Онъ ни на минуту, ни разу въ жизни не спускался съ высоты своего положенія. Всюду и всегда былъ онъ все тѣмъ же: величавый православный архіерей... Казалось, все, что есть мелкаго, не цѣннаго въ человѣкѣ, въ немъ было упразднено, и совершенно вѣрно выразилось

о немъ одно хорошо знавшее его лицо: «Онъ былъ какъ бы прирожденный — архіерей».

Внѣшность Филарета была замѣчательна.

Очень маленькаго роста, весь изсохшій, онъ казался на видъ слабенькимъ ребенкомъ; но въ этой маленькой фигурѣ было какое-то величіе, поражавшее и державшее всѣхъ въ нѣкоторомъ страхѣ. На лицѣ, изможженномъ подвижничествомъ, съ глубокой печатью постоянной упорной работы мысли, блистали чрезвычайною силою проницательные живые глаза, взглядъ которыхъ трудно было вынести.

Когда онъ служилъ, было что-то необыкновенное въ тихой сосредоточенности его поступи, въ звукахъ его негромкихъ возгласовъ.

Онъ былъ истинный монахъ, строгій аскетъ въ жизни и своихъ вкусахъ.

Сколько онъ спалъ, какъ рано вставалъ,—о томъ никто не зналъ. Уходя спать и вставая, — келейникъ всегда заставалъ его за работой.

Пріемъ посѣтителей, епархіальныя дѣла, обширная переписка, частыя служенія, подготовленіе проповѣдей, отдыхъ, состоявшій въ чтеніи газетъ и журналовъ, за которыми митрополитъ слѣдилъ какъ за отголоскомъ жизни: все это занимало непрерывно весь день до глубокой ночи.

Имѣя особое чувство благоговѣнія къ преп. Сергію, онъ любилъ уединяться въ его лавру, гдѣ онъ былъ, по сану митрополита московскаго, настоятелемъ. Въ окрестностяхъ ея онъ устроилъ Геѳсиманскій скитъ, гдѣ и находилъ время отъ времени успокоеніе душѣ, жаждавшей сосредоточеннаго уединенія съ Богомъ, но обреченной на разнообразіе и волненія обширнѣйшей кипучей дѣятельности и постоянныя сношенія съ людьми. Здѣсь онъ мечталъ и быть схороненнымъ.

Московскій народъ окружалъ митрополита величайшею любовью. Толпы народа ждали всякое его служеніе благословенія его, и онъ не спѣшно, вглядываясь во многихъ своимъ проницательнымъ взоромъ, осѣнялъ каждаго крестнымъ знаменемъ.

Многіе имѣли особую вѣру въ силу этого благословенія и молитвъ и видѣли надъ собою необыкновенныя подтвержденія этой вѣры.

Безконечно милосерденъ онъ былъ къ бѣднымъ, окружалъ самою теплою заботою своихъ родителей, и особенно мать, умершую въ самыхъ преклонныхъ годахъ. Онъ поселилъ ее неподалеку отъ своего Троицкаго подворья, покоилъ ее и почиталъ, и имѣлъ счастье наслаждаться въ своихъ сложныхъ занятіяхъ ея безхитростною привязанностью почти всю свою жизнь.

За годъ до кончины былъ торжественно отпразднованъ безпримѣрный юбилей 50-ти-лѣтія его архіерейскаго служенія, и въ безднѣ привѣтствій со всѣхъ концовъ Россіи и изъ чужихъ краевъ помянуто все то значеніе, какое пріобрѣлъ Филаретъ для русской Церкви.

Незадолго до кончины явился въ видѣніи митрополиту его отецъ, и сказалъ: «Береги 19-е число».

19 ноября 1867 г., въ воскресный день, митрополитъ съ особою бодростью и одушевленіемъ совершалъ литургію въ своей домашней церкви. Черезъ нѣсколько часовъ онъ безболѣзненно отошелъ въ вѣчность.

Вся Москва сошлась на поклоненіе усопшему, который былъ перевезенъ въ Троицкую Сергіевскую лавру и схороненъ въ Церкви Св. Духа.

Много случаевъ доказали, какъ при жизни митрополита Филарета, такъ и по смерти его, ту помощь, какую духовная его сила оказывала людямъ.

Вотъ нѣсколько изъ нихъ.

Дѣвочка восьми лѣтъ была разслаблена и не могла ходить. Недалеко отъ ихъ дома митрополитъ долженъ былъ служить, и мать больной рѣшила везти ее на служеніе. Дѣвочку внесли въ церковь и посадили на стулъ, а, когда митрополитъ сталъ благословлять народъ, — и ее поднесли на рукахъ. Получивъ отъ него благословеніе, она могла встать на ноги, вышла съ помощью другихъ изъ церкви и вскорѣ совсѣмъ окрѣпла.

Филаретъ, Митрополитъ Московскій
(въ началѣ служенія своего въ Москвѣ).

Другая крестьянская дѣвица съ 7 лѣтъ сдѣлалась нѣмою. Ей было 20 лѣтъ, когда родственники привели ее къ митрополиту Филарету, находившемуся тогда въ Геѳсиманскомъ скиту. Митрополитъ спросилъ нѣмую, какъ ее зовутъ. Мать отвѣтила за нее: «Марья».

— Я не тебя спрашиваю, — замѣтилъ онъ, и опять повторилъ вопросъ. Нѣмая отвѣчала: «Марья». — Затѣмъ митрополитъ велѣлъ ей повторять за нимъ молитву Господню. Въ первый разъ она повторила ее туго, во второй — совсѣмъ легко. И съ тѣхъ поръ говорила свободно.

Г-жа Б. страдала ногами и два года не могла ходить. Она хотѣла просить митрополита Филарета помолиться за нее и приказала везти себя на Троицкое подворье. Въ покои митрополита ее внесли на простыняхъ. Выслушавъ ея просьбу, митрополитъ сказалъ ей: «И вы молитесь со мною». Онъ взялъ икону и медленно сталъ ею благословлять больную. Въ то же время она почувствовала крѣпость въ ногахъ и встала.

Съ лѣстницы она сошла безъ помощи, твердою поступью, къ изумленію сопровождавшей ее прислуги.

Дочь московскаго купца Е. въ 1850 г. страдала сильнымъ ревматизмомъ всего тѣла; никакіе врачи ей не помогали; даже лежать она не могла, а все сидѣла.

Въ ночь на 3-е марта мать больной видѣла во снѣ митрополита Филарета молящимся надъ ея дочерью. Она отправилась на Троицкое подворье и просила митрополита помолиться за дочь.

Черезъ три часа больная, которой мать разсказала о посѣщеніи митрополита, почувствовала себя лучше; въ первый разъ послѣ трехъ недѣль легла и уснула, спала болѣе полусутокъ. Она видѣла во снѣ митрополита, благословлявшаго ее, и на утро встала, сама прочла утреннія молитвы, и вскорѣ совсѣмъ оправилась.

16 октября 1849 г. митрополитъ исцѣлилъ 4-хъ-лѣтнюю дочь купца Е., ничего не говорившую и все плакавшую. Она прочла ему молитву — Богородице Дѣво радуйся — и выздоровѣла.

Одна женщина, у которой мужъ пилъ запоемъ, ходила къ митрополиту просить его, чтобъ онъ помолился за ея мужа, но она не была допущена прислугой. Ей посовѣтовали тогда объяснить свою просьбу, подходя въ церкви подъ его благословеніе. Такъ она сдѣлала, и мужъ ея вскорѣ пересталъ пить.

Извѣстный писатель по исторіи Русской Церкви, графъ М. В. Толстой, будучи боленъ тяжкою болѣзнью, видѣлъ во снѣ митрополита Филарета. Митрополитъ исчислялъ ему разные его забытые имъ грѣхи, разъяснялъ неясныя обстоятельства жизни, напомнилъ, что недавно онъ проѣзжалъ чрезъ одинъ древній городъ, не поклонившись почивающимъ въ немъ святымъ: «ты не почтилъ ихъ, а они о насъ молятся». Затѣмъ прибавилъ, что онъ не умретъ отъ этой болѣзни. Жена графа отправилась къ митрополиту, и привезла отъ него икону Спасителя. Больной съ этого дня сталъ поправляться. И именно съ этихъ поръ занялся описаніемъ жизни святыхъ и мѣстъ, ими прославленныхъ, — труды, которыми онъ принесъ много пользы.

У вдовы лютеранки единственный сынъ — студентъ университета—заболѣлъ чахоткой; врачи объявили его безнадежнымъ. Одна знакомая ея посовѣтовала сходить къ Филарету, говоря, что многіе больные выздоравливаютъ по его молитвамъ. Поговоривъ съ матерью, митрополитъ сказалъ: «Не скорбите: Господь милосердъ!» — спросилъ имя больного и сказалъ ей: «будемъ молиться вмѣстѣ!»

Дома вдова застала сына спящимъ, далѣе — онъ сталъ поправляться, и скоро совсѣмъ выздоровѣлъ.

Въ одной дворянской семьѣ братъ и сестра были различнаго мнѣнія о митрополитѣ Филаретѣ. Разъ зашелъ между ними разговоръ о прозорливости его, и братъ объявилъ сестрѣ, что испытаетъ на дѣлѣ эту прозорливость. Одѣвшись бѣдно, онъ отправился на Троицкое подворье и разсказалъ митрополиту, что надъ нимъ стряслось несчастіе: сгорѣло его помѣстье, и онъ находится въ крайности. Тогда митрополитъ вынесъ пакетъ съ деньгами и подалъ

ему со словами: «вотъ вамъ на погорѣвшее имѣніе». Вернувшись домой, онъ съ торжествомъ разсказалъ все сестрѣ, которая этимъ была очень огорчена.

На другой день пришло извѣстіе, что въ тотъ самый день и часъ, какъ онъ былъ у митрополита, былъ пожаръ въ его имѣніи, и на ту именно сумму, какую далъ ему митрополитъ... Пораженный, онъ немедленно поѣхалъ къ нему, и все разсказалъ ему.

Вотъ что случилось съ извѣстнымъ торговымъ дѣятелемъ В. А. Мед—вымъ.

Въ январѣ 1868 г. онъ возвращался въ Россію по Каракумской степи изъ Кокана, куда ѣздилъ по торговымъ дѣламъ. Его сопровождалъ одинъ русскій и проводникъ-киргизъ. Ѣхали на трехъ верблюдахъ. 15 января поднялся ужасный буранъ, морозъ доходилъ до 40°, дорогу занесло. Метель слѣпила глаза. Всадники и верблюды дрожали отъ холода. Они потеряли не только дорогу, но и направленіе, по которому надо было ѣхать, и плутали болѣе 12 часовъ. Наконецъ, верблюды остановились и жалобно кричали. Тоска страшная овладѣла людьми. Проводникъ предсказывалъ гибель. Его слова подтверждались валявшимися по сторонамъ дороги костями и скелетами... Тогда М—въ предложилъ спутникамъ помолиться Богу о помощи и предаться Его волѣ... Молясь, онъ вспомнилъ Москву, свою родину, покойныхъ своихъ родителей, близкаго къ нимъ митрополита Филарета (о смерти котораго онъ еще не зналъ, и у котораго предъ выѣздомъ принялъ благословеніе). Горячо помолившись, онъ прислонился къ верблюду, и сталъ забываться. — И тутъ ему представилось такое зрѣлище.

Шла процессія, впереди ея митрополитъ Филаретъ въ полномъ облаченіи, съ крестомъ въ рукахъ. Его подъ руки ведетъ отецъ М—ва, и говоритъ митрополиту: «Благослови, Владыка, сына моего Василія». — И митрополитъ перекрестилъ его, говоря: «Богъ благословитъ тебя благополучно продолжать путь».

Видѣніе кончилось, дремота М—ва прекратилась, и

вдругъ онъ услышалъ лай собаки. Ни одной собаки между тѣмъ съ ними не было. Всѣ слышали этотъ лай, а верблюды сами повернули въ ту сторону и бодро пошли въ сторону лая. Пять или болѣе верстъ раздавался предъ путниками этотъ лай невидимой собаки и довелъ ихъ до киргизскаго аула.

Подкрѣпившись, они спросили, гдѣ собака, которая привела ихъ къ жилью? Этотъ вопросъ удивилъ киргизовъ: во всемъ аулѣ не было ни одной собаки...

Одинъ московскій книгопродавецъ, чтившій память митрополита Филарета, въ 1883 году вечеромъ, наканунѣ дня св. Филарета Милостиваго (1 декабря), имя котораго носилъ митрополитъ,—собрался въ театръ. Въ это время ему приносятъ портретъ митрополита, который ему давно хотѣлось имѣть. Онъ купилъ портретъ, а въ это время ударили на сосѣдней колокольнѣ. Онъ спросилъ, какой завтра праздникъ, и ему отвѣтили, что день ангела почившаго митрополита.

Онъ призадумался и, вспомнивъ, что и торговлю свою онъ когда-то открылъ 1 декабря, пошелъ ко всенощной...

Черезъ нѣсколько лѣтъ онъ взялъ болѣе обширную лавку, когда все уже было перевезено, онъ пошелъ въ церковь пригласить священника для молебна. Въ церкви служили панихиду по митрополитѣ Филаретѣ: опять было 1 декабря.

Черезъ нѣсколько дней, когда онъ открылъ уже лавку для покупателей—входитъ простой русскій мужичокъ и дѣлаетъ починъ,—спрашиваетъ «Слова и рѣчи» митрополита Филарета.

«Пусть умники, заключилъ свой разсказъ этотъ купецъ, нынѣшняго вѣка назовутъ все это случайностью. Но я, темный человѣкъ, не могу не видѣть въ этомъ благословенія великаго митрополита, и потому свято чту его память».

Постараемся выяснить себѣ, чѣмъ былъ Филаретъ для Москвы и для Россіи.

Имя Филарета принадлежитъ Москвѣ. Нельзя не назвать его, когда названа Москва.

Вотъ уже тридцать лѣтъ, какъ умеръ онъ. Сколько есть взрослыхъ людей, которые не только не могутъ помнить его, но и родились послѣ его кончины; а, между тѣмъ, вся эта выросшая послѣ Филарета молодежь, если принадлежитъ къ московскимъ православнымъ семьямъ, знаетъ Филарета такъ, какъ будто видѣла его. Слишкомъ сильна была личность Филарета, чтобы впечатлѣніе, произведенное имъ на современниковъ, могло прекратиться съ его жизнью. Его образъ остался живымъ на московской каѳедрѣ во всей свѣжести своихъ красокъ.

Множество разсказовъ, передающихся изъ устъ въ уста, отъ лицъ, знавшихъ его, продолжающіе появляться въ печати неизданные письменные труды его—все это даетъ ему такой отблескъ жизни, что изъ этихъ отдѣльныхъ частицъ его существованія составляется цѣлый образъ живого человѣка.

А между тѣмъ, при безпримѣрной извѣстности его имени, при всемъ его обаяніи, немногіе, быть можетъ, отдаютъ себѣ ясный отчетъ въ сущности заслуги Филарета, въ томъ его чрезвычайномъ жизненномъ подвигѣ, на которомъ основывается его великое историческое значеніе для Церкви и Россіи.

Чтобы понять это, надо обратиться къ тому времени, когда суждено было начаться дѣятельности Филарета.

Первыя десятилѣтія нашего столѣтія — тяжелая эпоха въ лѣтописи нашей Церкви.

Начавшееся съ начала 18-го вѣка невиданное дотолѣ отношеніе ко многимъ проявленіямъ церковной жизни, пагубное вліяніе идей, шедшихъ съ Запада, который находился тогда на высшей точкѣ духовной растерянности, рѣзкая перемѣна въ положеніи монастырей, случившаяся при Екатеринѣ II, и столь удивительныя происшествія, какъ знаменитое дѣло Арсенія Мацѣевича: все это, разомъ взятое, обезсилило духовно-просвѣтительную дѣятельность Церкви. Въ такихъ обстоятельствахъ началось столѣтіе.

Со вступленіемъ на престолъ религіозно-настроеннаго

Императора Александра, казалось-бы должны были начаться иныя времена; но улучшенія происходятъ медленно. Тотъ самый городъ, куда изъ Москвы перенесено было при Петрѣ церковное управленіе, былъ заполоненъ множествомъ разнообразныхъ, нерѣдко совершенно безумныхъ еретическихъ сектъ. Насколько сильны были онѣ, какихъ вліятельныхъ имѣли защитниковъ, показываетъ дѣло восходившаго церковнаго свѣтила, ученаго и подвижника, Иннокентія. За то, что онъ пропустилъ, въ качествѣ цензора, книгу, обличавшую неправославныя мнѣнія, онъ былъ назначенъ въ дальнюю епархію и вынужденъ былъ, несмотря на крайнюю слабость, въ холодную пору оставить Петербургъ и совершенно больнымъ ѣхать въ изгнаніе (въ Пензу), гдѣ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ и умеръ.

Въ такое время выступилъ Филаретъ.

Борясь съ чрезвычайными трудностями, испытывая скрытыя и явныя нападки недоброжелательства, Филаретъ твердо провелъ свое дѣло и, умирая, видѣлъ его оконченнымъ.

Въ чемъ-же состояло это дѣло?

Въ эпоху столь распространеннаго умственнаго броженія, происходившаго и отъ легкомыслія, и отъ невѣжества относительно родного православія, надо было еще разъ установить неизмѣняемое, непреложное ученіе Церкви, выяснить ту чистоту православія, на которую дѣлались столь дерзкія посягательства.

Подобно тому, какъ въ вѣка языческихъ гоненій на христіанство, и затѣмъ въ вѣка ересей, сперва отдѣльные учители и Отцы Церкви, а затѣмъ вселенскіе соборы выработали и установили всѣ отдѣлы церковнаго вѣроученія, такъ Филаретъ въ вѣкъ столь сильныхъ и разнообразныхъ нападокъ на Церковь въ своихъ безчисленныхъ трудахъ выразилъ въ полнотѣ всѣ истины Православія, давъ современной и будущей Россіи основанный на многовѣковомъ опытѣ церковной жизни и на твореніяхъ всей совокупности учителей церковныхъ совершенный кодексъ того «како вѣровати».

Въ этомъ выясненіи во всей чистотѣ ея истины Православія и затѣмъ проведеніи ея въ жизнь архипастырскою дѣятельностью и состоитъ заслуга Филарета.

Вѣковѣчная заслуга его дѣлаетъ менѣе опасными всѣ неправильныя ученія, всѣ не церковныя мнѣнія, которыя могутъ возникать въ наши дни. Филаретъ такъ подробно раскрылъ, такъ прочно установилъ, въ такой системѣ провелъ различныя, заключающіяся въ разныхъ твореніяхъ разныхъ отцовъ Церкви части церковнаго ученія, что при свѣтѣ его твореній видна всякая неточность и ошибка въ современномъ духовномъ писателѣ.

Авторитетъ Филарета особенно цѣненъ въ тѣхъ случаяхъ, когда погрѣшности въ ученіи исходятъ отъ лицъ священнаго сана. Тотъ или другой отрывокъ изъ Филарета обнаружитъ всякую ошибку, и вотъ почему лица, имѣющія болѣе пристрастія къ самочинію, чѣмъ къ мнѣніямъ Церкви, относятся къ Филарету съ трудно скрываемымъ озлобленіемъ, чувствуя въ немъ вѣчнаго и строгаго судію, стоящаго на стражѣ Православія.

Богъ послалъ Филарета Русской Церкви, чтобы предъ тѣми днями, когда умножаются лжеученія, отлить содержаніе Православія въ металлическія, незыблемыя формы, ясности очертаній которыхъ нельзя закрыть никакими чуждыми придатками отъ глазъ тѣхъ, кто прежде всего станетъ искать въ жизни вѣрности своей Церкви.

И вышло по волѣ Божіей такъ, что это великое дѣло, за которое, быть можетъ, митрополита Филарета назовутъ когда-нибудь Отцомъ Церкви, онъ совершилъ въ томъ загадочномъ семихолмномъ городѣ съ таинственною судьбой, который созданъ вѣрою Русскаго народа и въ продолженіе пяти вѣковъ оберегалъ эту вѣру отъ иноземныхъ «воровъ». Какъ Василій Темный подъ сводами Успенскаго собора съ негодованіемъ отвергнулъ братанье съ ересью, какъ Гермогенъ цѣною своей жизни чрезъ два вѣка отстоялъ Русь отъ латинства, вооруженною силой вторгавшагося къ намъ, такъ Филаретъ въ той-же Москвѣ еще чрезъ два вѣка сво-

Митрополитъ Филаретъ
(въ послѣдніе годы жизни).

ими трудами вознесъ вокругъ святыни Православія такую мощную ограду, что ее не поколеблютъ никакіе приступы. И вотъ, совершивъ свое дѣло, отойдя туда, гдѣ молитвами московскихъ чудотворцевъ совершаются судьбы главенствующей надъ Русью Москвы—онъ остался въ сердцахъ понявшей его русской столицы, среди другихъ дорогихъ ей и незабвенныхъ для нея людей.

За долгое время полустолѣтія Москва достаточно узнала своего митрополита, и въ тѣ дни, когда совершаетъ его память,— ея любовь къ нему не будетъ смущена тѣми людьми, которые ставятъ себѣ задачей распускать низменныя мнѣнія про тѣхъ, кто принадлежитъ къ числу народныхъ святынь.

Такіе люди говорятъ часто о сухости Филарета, не видятъ души въ его проповѣдяхъ. Но это показываетъ лишь, какъ распространено невѣжество, какъ часто берутся судить о томъ, чего не знаютъ. Люди, читавшіе Филарета, выскажутъ иное: удивленіе его глубокой сердечной вѣрѣ, тому его пламенному дерзновенію, съ которымъ онъ углубляется въ созерцаніе тайны нашего спасенія. Тотъ, кто помнитъ его слова предъ плащаницею, слово о молчаніи Пресвятой Богородицы, и иныя слова о ней, помнитъ картину первоначальной Сергіевой лавры, нарисованную имъ такъ, что всѣ слушатели плакали; тѣ, чью душу Филаретъ заставлялъ трепетать восторгомъ и умиленіемъ, не скажутъ въ отвѣтъ на тѣ сужденія: «и Филаретъ не лишенъ теплоты и сердечности», а скажутъ, что трудно найти большую силу сердечнаго воодушевленія, которая въ то-же время сопровождается глубиною высокаго богословскаго ума.

Смѣшными покажутся мнѣнія о сухости Филарета тѣмъ, кто читалъ его письма. Можно-ли заботливѣе, теплѣе относиться къ знаемымъ, чѣмъ относился Филаретъ, напримѣръ, къ далеко не всегда спокойному и ровному А. Н. Муравьеву, котораго онъ любилъ за его великую ревность къ Церкви. Съ какимъ трогательнымъ смиреніемъ на упреки за не скорый отвѣтъ на письмо извиняется онъ (и то рѣдко,

чаще-же просто проситъ прощенія) своими занятіями, или молитъ писать письма разборчивѣе.

Говорятъ еще, что Филаретъ былъ требователенъ къ духовенству. Но отдаютъ-ли себѣ отчетъ, какъ возвысилъ онъ духовенство за сорокъ лѣтъ своего управленія епархіей, на какомъ уровнѣ онъ его засталъ и въ какомъ высокомъ состояніи оставилъ.

Что сдѣлалъ онъ своими непосредственными заботами съ учебными заведеніями своей епархіи, въ которыхъ видѣлъ лучшій способъ воздѣйствія на улучшеніе духовенства, и для которыхъ филаретовское время было золотымъ временемъ? Онъ перевоспиталъ московское духовенство, выработалъ изъ него одно изъ лучшихъ въ Россіи и тѣмъ сдѣлалъ безсильными тѣ нападки, къ которымъ враждебная Церкви часть общества любитъ прибѣгать.

Вспомнимъ тѣ черты, которыя придаютъ столько задушевной теплоты его образу, за которыя любили его въ нашей Москвѣ: его нѣжную любовь къ матери, неистощимое милосердіе, глубокую смиренность, безконечную преданность Церкви, благоговѣйное и неустанное, поминаемое доселѣ, служеніе въ храмахъ, усердное почитаніе святыхъ— того невидимаго міра, которому онъ былъ такъ близокъ, его подвижническій бытъ и красною чертой проходящее чрезъ всю его жизнь аскетическое настроеніе, его тяготѣніе къ дальнимъ, строгимъ обителямъ, его бережное, уважительное отношеніе къ низшимъ, работавшимъ на другихъ путяхъ тому-же дѣлу Православія, его любовь къ Россіи и ея глубокое пониманіе, восторженное отношеніе къ нему Пушкина, христіанскую свободу и независимость его духа, наконецъ, въ продолженіи 60 лѣтъ ежедневный его, быть можетъ, 16-часовой трудъ на пользу Церкви — и поймемъ тогда, что хулы на такого человѣка,—только новые лучи въ его славѣ, во исполненіе словъ Христа: «Блаженны вы, когда поносятъ васъ!»

И народъ московскій, простой народъ, чуткій въ различеніи Божьихъ людей, еще при жизни признавалъ своего

митрополита праведникомъ. И вѣра эта не была посрамлена, а подтверждена многими явленіями какъ при жизни его, такъ и по смерти.

Поминая святителя Филарета, оглядываясь на его, закончившуюся жизнь, дадимъ себѣ отчетъ въ томъ, что далъ онъ для будущаго. Филаретъ далъ своему и будущему (нашему) времени живой образецъ, какъ въ наши дни служить Церкви. Научимся отъ него безусловному подчиненію Ея ученію, установленному Сыномъ Божіимъ и выстраданному вѣками; малѣйшее отступленіе отъ него будемъ считать величайшимъ грѣхомъ и несчастіемъ и будемъ возставать противъ всего, что съ этою чистотою вѣры несогласно. Научимся отъ него постоянному воодушевленію, научимся и вѣрѣ его, при высочайшей мудрости сумѣвшаго по простотѣ, теплотѣ и смиренію своей вѣры быть наравнѣ съ простецами и дѣтьми, которыхъ вѣру ублажалъ Христосъ.

Митрополитъ Филаретъ сталъ исходною точкой и примѣромъ, по которому мы можемъ повѣрить и вѣру нашу и дѣла, если мы стремимся работать для Церкви.

На Москвѣ часто говорятъ: «другого Филарета не будетъ». И дѣйствительно, онъ былъ однимъ изъ тѣхъ великихъ явленій, которыя точно дружнымъ, въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ, напряженіемъ всѣхъ сокровенныхъ силъ своихъ выставляетъ изрѣдка русская жизнь, и выходятъ тогда изъ недоступныхъ глазу тайниковъ въ красотѣ чрезвычайной эти удивительныя олицетворенія родной народности. И счастлива Россія тѣмъ, что, наполнивъ Русь своими подвигами, словно не умираютъ эти люди, но и по закатѣ ихъ продолжаютъ освѣщать Россіи ея путь.

Иннокентій, епископъ Пензенскій.

Истинный инокъ, христіанскій ученый и исповѣдникъ, преосв. Иннокентій, въ міру носившій имя Иларіонъ, былъ сынъ церковнаго, Павловскаго посада Московской губерніи, причетника Дмитрія Егорова и родился 30 мая 1784 г.

Съ дѣтства отличался онъ особою скромностью, и за то въ Перервинской Московской семинаріи, гдѣ обучался, получилъ фамилію Смирнова. Перейдя въ Лаврскую семинарію, онъ окончилъ въ ней курсъ, при ней же былъ опредѣленъ учителемъ и чрезъ четыре года сдѣланъ префектомъ (инспекторомъ). Чувствуя призваніе къ монашеству, въ томъ же году онъ постригся. Въ 1810 г. поставленъ онъ игуменомъ Угрѣшскаго, а затѣмъ Знаменскаго монастыря, въ 1812 г. вызванъ въ Петербургскую духовную академію баккалавромъ богословскихъ наукъ, и произведенъ въ архимандриты. Въ Петербургѣ онъ пріобрѣлъ извѣстность даромъ проповѣдыванія. Въ 1813 г. онъ утвержденъ ректоромъ духовной семинаріи, съ оставленіемъ профессоромъ академіи, членомъ духовной цензуры и настоятелемъ Сергіевой пустыни.

Преподавая духовную исторію, арх. Иннокентій, не желая порабощать себя предразсудкамъ иностранныхъ ученыхъ, рѣшилъ самостоятельно провѣрять по источникамъ ихъ историческія показанія, и составлялъ собственныя записки. Такимъ образомъ, вышло изъ-подъ пера его «Начертаніе Церковной Исторіи отъ Библейскихъ временъ до XVIII вѣка»; оно выдержало много изданій и служило единственнымъ руководствомъ для преподаванія въ семинаріяхъ. Замѣчательны также труды его: «Богословіе дѣятельное»; «Опытъ изъясненія первыхъ двухъ псалмовъ»; «Изъясненіе Сvмвола вѣры».

Въ праздничные дни арх. Иннокентій удалялся въ Сергіевскую пустынь, и тамъ, безъ приготовленія, произносилъ вдохновенныя поученія.

Служеніе Иннокентія въ эти годы было постоянно награждаемо; онъ былъ возведенъ на степень доктора богословія, первоклассного архимандрита, назначенъ настоятелемъ Новгородскаго Юрьева монастыря, пожалованъ орденомъ св. равноапостольнаго князя Владиміра 2-й степени.

Но не эта внѣшняя дѣятельность выдающагося архимандрита заслуживаетъ вниманія. Цѣнна его внутренняя жизнь.

Съ ранняго возраста имѣя аскетическіе задатки, онъ особенно сталъ внимать себѣ съ тѣхъ поръ, какъ однажды при чтеніи Посланія ап. Павла къ Тимоѳею, его воображеніе было поражено образомъ истиннаго служителя вѣры. Тогда, по глубокому смиренію своему, онъ проникся сознаніемъ своего недостоинства, сталъ самымъ строгимъ для себя судіею, его благочестивое настроеніе обратилось въ пламенное духовное чувство, боязнь всякаго дѣла и слова неправеднаго, постоянную брань съ тонкими движеніями самолюбія и самоугодія. Имя Господа стало его постояннымъ орудіемъ, ревность Божія дѣйствовала въ немъ такъ сильно, что при чтеніи или бесѣдѣ онъ долженъ былъ часто удаляться, чтобъ скрыть свои слезы. Онъ любилъ учиться отъ самыхъ простыхъ людей, и искалъ обличеній своихъ недостатковъ. За то и самъ, если замѣчалъ въ людяхъ искреннее желаніе исправиться,—обличалъ ихъ. Разумъ его былъ столь проницателенъ, что, когда онъ бесѣдовалъ съ кѣмъ наединѣ—то, казалось, угадывалъ, тайные помыслы и желанія. Иные слышали отъ него указаніе ихъ тайныхъ грѣховъ. Обращавшимся къ нему за назиданіемъ онъ объяснялъ необходимость постоянно помнить всюду и всегда имя Іисуса Христа, и творить Ему неустанную краткую молитву: «Имя Іисуса Христа, какъ пламенное оружіе въ рукахъ Серафимовъ, ограждаетъ насъ отъ нападенія искушеній. Пусть это одно неоцѣненное великое имя пребудетъ въ сердцѣ нашемъ. Пусть это имя будетъ и въ умѣ, и въ памяти, и въ воображеніи нашемъ, и въ глазахъ, и, въ слухѣ, и на дверяхъ, и на празѣ, и за трапезой, и на одрѣ. — Оно укрѣпитъ умъ нашъ на враговъ и, подавая вѣчную жизнь, научитъ насъ мудрости безъ всякаго мудрованія». Также училъ онъ о великой и непобѣдимой силѣ крестнаго знаменія.

Праздныхъ словъ бѣгалъ Иннокентій, какъ огня, и говорилъ себѣ: «О Иннокентій, помни, что отъ словъ твоихъ оправдишися и отъ словъ своихъ осудишися».

Въ поученіяхъ своихъ онъ не искалъ витійства, а про-

износилъ ихъ съ силою, воодушевленіемъ и жаромъ. Во время службы видно было, что онъ предстоитъ самому Господу — молитва его сердца слышалась въ возгласахъ, прорывалась во вздохахъ и слезахъ.

Осужденія онъ не терпѣлъ, и когда разъ одинъ монахъ съ негодованіемъ передалъ ему о клеветахъ, распускаемыхъ про самого Иннокентія, тотъ отвѣтилъ: «Не укоряй, братъ, а молись. Какъ могу питать гнѣвъ на врага моего? Самая моя одежда не напоминаетъ ли мнѣ о младенческомъ незлобіи?» Всякіе разговоры о порокахъ другихъ онъ немедленно пресѣкалъ.

Глубоко скорбѣлъ Иннокентій о противорѣчіи жизни съ обязанностями христіанскими. Онъ дивился, что, когда въ церквахъ служба и пѣніе, театры полны зрителями, заплатившими дорого за то, между тѣмъ какъ богатые изъ нихъ скупятся положить грошъ на украшеніе храма.

Однажды пришелъ къ Иннокентію бѣдный отшельникъ въ ветхой одеждѣ, и Иннокентій предложилъ ему одну изъ своихъ. Тотъ отказался.—«Братъ,—сказалъ архимандритъ, если ты, ради Господа, не примешь эту одежду, я отдамъ ее нищему или брату на дорогѣ».—Инокъ взялъ, наконецъ, одежду и сказалъ:

«Нынѣ ты одѣлъ меня; будетъ же время, когда ты оскудѣешь, и Господь одѣнетъ тебя, и я вѣрую, что сбудется надъ тобою слово: дающій нищему, даетъ взаимъ Богу и пріиметъ сторицею». Слова инока въ свое время въ точности сбылись.

Въ келліи Иннокентія горѣла постоянно лампада предъ иконами, и онъ, несмотря на слабость изнуреннаго трудами и постомъ тѣла, часто преклонялъ тамъ колѣна съ молитвою мытаря: «Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному».

Семь лѣтъ продолжалась дѣятельность Иннокентія въ Петербургѣ, удивительная по сложности и разнообразію должностей, — административная, учебная, ученая, цензорская, настоятельская, проповѣдническая, старческая — и наряду съ этимъ аскетическіе подвиги.

Ярко горѣлъ его свѣтильникъ, но уже сталъ истощаться. Умственныя усилія надорвали уже и безъ того слабое здоровье Иннокентія. Къ этому присоединилась еще простуда. Однажды ночью, утомленный приготовленіемъ записокъ къ лекціи на завтра, онъ стоялъ у аналоя, и, обезсилѣвъ, прилегъ тутъ же, на полу, чтобъ скорѣе проснуться и докончить записки; но получилъ простуду и тяжко заболѣлъ, и уже болѣе не оправлялся.

Способности, извѣстность, дѣятельность Иннокентія обѣщали ему широкій путь. По обычному ходу дѣлъ ему предстояло чрезъ одну-двѣ степени назначеніе на какую нибудь изъ главныхъ, историческую, знаменитую каѳедру, гдѣ его дѣятельность могла бы проявиться въ полной силѣ, но Господь сподобилъ ревностнаго раба Своего, рано окончившаго трудовую жизнь, — завершить ее не въ славѣ, а въ скорбяхъ, принятыхъ за истину.

Въ царствованіе императора Александра I появилась въ высшемъ русскомъ обществѣ, особенно въ Петербургѣ, наклонность къ такъ называвшемуся на тогдашнемъ языкѣ «внутреннему христіанству». Неправильное ученіе это, шедшее часто въ разрѣзъ съ православіемъ, клонившееся къ отрицанію Церкви, породившее много сектъ съ направленіемъ нездороваго мистицизма, и бывшее предшественникомъ появившихся въ наши дни еретическихъ толковъ,— находилось подъ покровительствомъ оберъ-прокурора Сѵнода кн. Голицына, очень вліятельнаго въ то время лица.

Архимандритъ Иннокентій съ сокрушеніемъ сердца взиралъ на распространеніе этого ученія путемъ книгъ и не стѣсняясь высказывалъ свое о томъ мнѣніе: «Слезъ не достанетъ у здравомыслящаго христіанина, говорилъ онъ, оплакивать раны, какія могутъ эти книги нанести, если будутъ читаемы въ мѣстахъ воспитанія. Отъ броженія и круженія умственнаго суемудрія такъ зломудрствуютъ, что душа содрадается отъ одного чтенія иныхъ книгъ».

Въ 1818 г. г-нъ Станевичъ составилъ книгу «Бесѣда на гробѣ младенца о безсмертіи души, тогда токмо утѣши-

тельномъ, когда истина онаго утверждается на точномъ ученіи вѣры и Церкви». Книга эта довольно рѣзко обличала лжеумствованія такъ называемаго «духовнаго христіанства» — распространявшіяся чрезъ повременныя изданія и переводныя сочиненія (Эккарстгаузена, Юнгъ-Штиллинга, г-жи Гюіонъ и др.). Ревнуя о чистотѣ вѣры, архимандритъ Иннокентій, которому пришлось, въ качествѣ цензора, просматривать эту книгу, не задумался пропустить ее, какъ вполнѣ согласную со взглядомъ православной Церкви.

Иннокентій, епископъ Пензенскій.

Архимандритъ Филаретъ (впослѣдствіи митрополитъ московскій) еще раньше совѣтовалъ Иннокентію быть осторожнѣе въ своемъ неодобреніи такъ называемаго «духовнаго христіанства». — «Намъ, двумъ архимандритамъ, говорилъ онъ, не спасти Церковь, если въ чемъ есть погрѣшности, а лучше обращаться къ митрополиту, котораго голосъ имѣетъ болѣе силы, нежели наши оба». Но Иннокентій держался того мнѣнія, что должно поступать прямо, не заботясь, увѣнчается ли исполненіе дѣла успѣхомъ.

«Не говорить — такъ писалъ онъ потомъ — правды тому, кому должно, значитъ изъ страха робѣть или изъ человѣкоугодія повидимому терпѣть: не говорить, потому что не видишь успѣха. Успѣхъ не наше дѣло, а Господне; наше дѣло свидѣтельствовать потому во славу Господню».

Книга была издана и вызвала негодованіе и месть князя Голицына, и раньше весьма хорошо знавшаго несочув-

ственное отношеніе Иннокентія къ такъ называемому «духовному христіанству».

Авторъ книги, бѣдный, беззащитный человѣкъ, былъ высланъ изъ Петербурга; на книгу наложенъ Высочайшій запретъ (6 января 1819 г.) «съ тѣмъ, чтобъ сдѣланъ былъ строжайшій выговоръ за неосмотрительность по пропуску сочиненія, стремящагося истребить духъ внутренняго ученія христіанскаго. Авторъ къ сужденію о безсмертіи души привязалъ защищеніе нашей Греко-Россійской Церкви, тогда какъ никто на нее не нападаетъ. Книга сія совершенно противна началамъ, руководствующимъ христіанское наше правительство по гражданской и духовной части».

Было ясно, что и Иннокентію не долго придется оставаться въ Петербургѣ.

Черезъ шесть лѣтъ на имя Министра Народнаго Просвѣщенія—истинно русскаго человѣка—А. Н. Шишкова, послѣдовалъ указъ, гдѣ сказано: «Многія, къ вѣрѣ относящіяся книги, часто содержащія ложныя и соблазнительныя о священномъ писаніи толкованія, печатались въ частныхъ типографіяхъ безъ всякаго Сѵнодскаго разсмотрѣнія и, напротивъ, книги, въ духѣ нашей православной вѣры написанныя, подвергались строгому запрещенію. Такимъ образомъ и книга подъ названіемъ: «Бесѣда на гробѣ младенца о безсмертіи души» была запрещена и отобрана. Потому, выше означенную книгу, запрещенную, нынѣ митрополитомъ разсмотрѣнную и одобренную, повелѣваемъ дозволить печатать и продавать». Такъ разрѣшилось это грустное недоразумѣніе, вызванное ложною ревностью.

Чувства Иннокентія во время воздвигнутаго на него гоненія можно видѣть изъ писемъ его къ одному преданному ему лицу: «Пріятно,—пишетъ онъ 7 января,—пріятно слышать обвиненія въ томъ, къ чему отнюдь не причастенъ и въ чемъ успокаиваетъ совѣсть». Отъ 8 января: «Выговора еще не слышу, тѣмъ болѣе слабѣетъ слабая душа моя. Видясь съ княземъ во дворцѣ въ Крещеніе, замѣтилъ я, что онъ глубоко оскорбленъ.—Но, между нами сказать,—

молился я за него во время приношенія Господу безкровной жертвы, и не знаю, отчего, съ умиленіемъ сердечнымъ, слезнымъ — такъ Богъ послалъ, — и смягчилось сердце... Если между мною и княземъ А. Н. не будетъ мира, то трудно мнѣ являться въ собраніе къ нему, и ему трудно будетъ терпѣть меня. Такимъ образомъ, я какъ соръ петербургскій, какъ уметъ духовный, долженъ быть выброшенъ изъ Петербурга. Если и то угодно Господу, то, вѣрно, къ пользѣ общей, другихъ и моей... Жаль, очень жаль, что бѣдный сочинитель, коего сочиненіе мною пропущено, въ 24 часа высланъ изъ города. Этому и я, безразсудный грѣшный, причиною. Если бы не пропускалъ его книги, онъ былъ бы въ своемъ мѣстѣ, при должности и въ покоѣ».

Архимандритъ Иннокентій былъ назначенъ на Оренбургскую каѳедру и 2 марта рукоположенъ во епископа въ Казанскомъ соборѣ. При посвященіи лицо его сіяло духовною радостью.

Вечеромъ въ келіи своей онъ сказалъ пришедшему къ нему иноку: «Я рабъ недостойный, а почтенъ святѣйшимъ саномъ!» — и воспѣлъ благодарственную пѣснь Владычицѣ: «Совѣтъ превѣчный!» потомъ «Се женихъ грядетъ въ полунощи». Глаза его были полны радостныхъ слезъ. Наконецъ, онъ въ восторгѣ запѣлъ: «Чертогъ Твой вижду, Спасе мой!»

Между тѣмъ здоровье Иннокентія все ухудшалось. «Мой путь до Москвы недалекъ, — писалъ онъ, — а смерть еще ближе. Когда придетъ, неизвѣстно, а извѣстно, что нечаянно».

22 марта, по предстательству митрополита у Государя, во вниманіе къ слабому отъ природы здоровью, изнуренному учеными и служебными занятіями, Иннокентій былъ перемѣщенъ на каѳедру Пензенскую и Саратовскую, и ему предложено спѣшить въ Москву, гдѣ ему предписывалось, за смертью московскаго архіепископа, рукоположить одного епископа.

Въ день отъѣзда проститься къ преосвященному Иннокентію собралось много народа; ученикамъ своимъ онъ далъ

каждому по проповѣди своей, говоря: «Я дарю вамъ это въ память меня и для того, чтобы, по времени, сличая свои труды съ моими, могли сказать: вотъ какъ слабо прежде писали. Я васъ любилъ и желалъ осчастливить васъ. Но теперь я разлучаюсь съ вами, поручая васъ Богу. Учитесь терпѣнію».

Почитателямъ своимъ много далъ онъ вещей на память.

«Сейчасъ сажусь въ возокъ, — писалъ преосвященный. Помолитесь, чтобъ Господь подкрѣпилъ мою дѣйствительную слабость. Какая тяжесть лежитъ на головѣ, глазахъ, умѣ и еще болѣе на сердцѣ. Чѣмъ благословитъ Господь настоящій выѣздъ? Все Ему предаю; только бы руки, коими предаю себя искренно, къ Нему простирались Единому — вотъ мое желаніе».

Переѣздъ въ Москву совершенно изнурилъ Иннокентія, и онъ еле могъ совершить рукоположеніе.

Чрезъ силу въ четвергъ выѣхалъ на нареченіе — возвратился оттуда въ полуобморокѣ.

«Въ воскресенье служилъ въ Успенскомъ соборѣ, рукополагалъ.

«Единъ Господь далъ силы совершить такое великое дѣло. Зрители сомнѣвались, совершу ли начатое. Я самъ и трепеталъ, и былъ въ полуобморокѣ, и надѣялся, и чуть вѣровалъ милости Господа...

«По окончаніи литургіи едва добрался до кареты, и чуть помню, какъ возвратился въ квартиру, гдѣ и лѣчусь. Пока не выздоровѣю, въ Пензу не поѣду; пусть какъ хотятъ о томъ судятъ».

Служеніе въ холодномъ въ то время Успенскомъ соборѣ окончательно разбило здоровье Иннокентія.

Три мѣсяца долженъ онъ былъ прожить въ Москвѣ. Болѣзнь его была, повидимому, водяная. Сперва во многомъ онъ терпѣлъ недостатокъ; но потомъ его окружили заботы благочестивыхъ лицъ, тронутыхъ положеніемъ гонимаго страдальца. Такъ сбылись слова странника. Особенно много помогла незабвенная православною ревностью своею

графиня А. А. Орлова. Вообще, много страдалъ онъ и нравственно. Разразившаяся надъ нимъ гроза глубоко потрясла его кроткую душу. Это видно изъ слѣдующихъ словъ письма его, въ которыхъ слышится глубокая боль: «Есть во мнѣ боязнь людей, чтобъ не сдѣлали мнѣ зла, родившаяся во мнѣ по болѣзни». Когда, наконецъ, можно было преосвященному ѣхать, графиня послала съ нимъ врача, окружила его удобствами и оплатила всѣ дорожные расходы. Ѣхали шагомъ.

«Помолитесь, писалъ онъ съ дороги, чтобъ Господь благословилъ путь и жизнь и облегчилъ болѣзнь для продолженія тѣлесной жизни, которую по благости Его хочется хотя нѣкоторыми отрывками посвятить Его святому имени».

21 іюня Иннокентій въѣхалъ въ Пензу. Была ясная погода. Народъ стоялъ по обѣимъ сторонамъ улицъ, а около собора и въ соборѣ была толпа. Всѣ были встревожены болѣзненнымъ видомъ новаго архипастыря: лицо его было блѣдно отъ сильныхъ страданій, и голосъ дрожалъ отъ слабости. По совершеніи молебствія преосвященный сказалъ слово о мирѣ. Несмотря на болѣзнь, онъ не пропускалъ ни одного праздника и воскресенья безъ служенія и проповѣди. Поученія его производили неотразимое впечатлѣніе на паству,—онъ проповѣдывалъ со слезами. Совершая безкровную жертву, онъ одушевлялся новою жизнію, и особенно во время призыванія на Дары Святаго Духа. Со слезами падалъ онъ ницъ, и, несмотря на тяжесть облаченія для болѣзненнаго его тѣла, не позволялъ діаконамъ поддерживать себя. Онъ до того погружался при служеніи въ молитву, что однажды, когда послѣ херувимской случилось волненіе между присутствующими, такъ какъ въ томъ же архіерейскомъ домѣ произошелъ пожаръ,— онъ ничего не замѣтилъ.

Труды по устроенію епархіи предстояли обширные; духовенство не было на должной высотѣ; необходимыхъ удобствъ жизни не было; домъ былъ, какъ «шалашъ или

плохой трактиръ», полы подымались при проходѣ по нимъ, стекла закопчены и составлены изъ битыхъ кусочковъ, вездѣ протекало; казенный лѣсничій завладѣлъ архіерейскою землею. Все надо было исправить и уяснить.

Быстро осмотрѣвъ городскія церкви и побывавъ на испытаніяхъ въ семинаріи, гимназіи и духовномъ училищѣ, преосвященный отправился по епархіи. Его огорчила бѣдность церквей:—въ нѣкоторыхъ не было ни библіи, ни книгъ, составляющихъ кругъ церковный. Ризъ по три-четыре, одна шелковая, остальныя холщевыя. Посѣщеніе Саратова произвело отрадное впечатлѣніе на архипастыря; въ немъ уже было 10 храмовъ. Въ соборѣ преосвященный Иннокентій сказалъ проповѣдь на текстъ: «Возвеличимъ Господа со мною и вознесемъ имя Его вкупѣ». «Когда я произнесъ—пишетъ онъ—къ народу: «Возвеличимъ Господа со мною!» мнѣ хотѣлось обнять всѣхъ и во единомъ союзѣ возвеличить безпредѣльно Великаго; собраніе было немалочисленно: соборъ, его крыльцо, притворъ и окна наполнились зрителями».

На третій день по пріѣздѣ въ Саратовъ преосвященный окончательно изнемогъ и слегъ; чрезъ двѣ недѣли, почти на смертномъ одрѣ, онъ возвратился въ Пензу, но не переставалъ заниматься дѣлами епархіи. Узнавъ, что комиссія духовныхъ училищъ вторично издаетъ его «Церковную исторію», онъ заботился объ ея исправленіи. Врачъ еле могъ убѣдить его принимать лѣкарство. Взоръ больного былъ неотступно устремленъ на Распятіе. За недѣлю до кончины онъ передалъ тысячу рублей на содержаніе бѣдныхъ учениковъ въ уѣздномъ и приходскомъ училищахъ въ Пензѣ. «Кого благодарить?» спросили его. «Іисуса Христа»,—отвѣчалъ онъ.

Между тѣмъ, онъ все слабѣлъ, не въ силахъ былъ поднять и стакана съ водою, но не оставлялъ пера до кончины. Погода ненастной поздней осени еще болѣе усиливала страданіе его. Казалось, что кожа отъ худобы присохла къ костямъ его. Внѣшность Иннокентія, сіявшая спо-

койнымъ духомъ, умиленіемъ и благоговѣніемъ, походила на образъ святителя Димитрія Ростовскаго.

«Не великое дѣло,—отвѣчалъ онъ, когда ему говорили о томъ,—имѣть сходство по наружности. О, еслибъ благодать Божія сподобила приблизиться къ нему по духу».

Никто не слыхалъ отъ страдальца въ его послѣднюю болѣзнь стона, и когда высказывали ему соболѣзнованія, пресѣкалъ ихъ, говоря кратко: «Такъ Богу угодно».

9 октября ночью онъ позвалъ келейника и сказалъ: «Какое дивное видѣніе мнѣ представилось! Казалось мнѣ, что небеса отверзлись. Двое свѣтлыхъ юношей въ бѣлыхъ одеждахъ, слетѣвъ съ высоты, предстали предо мной и, съ любовью смотря на меня, взяли меня, немощнаго, и вознесли съ собою на небо. Сердце мое исполнилось несказанной радости, и я пробудился».

10 октября утромъ преосвященный просилъ особоровать его, и, напрягая послѣднія силы, повторялъ молитвы и нѣсколько подымался при помазаніи елеемъ. Потомъ языкъ сталъ нѣмѣть, дыханіе прерываться, онъ крестообразно сложилъ руки на груди. Окружающіе развели руки, чтобы не затруднялось дыханіе, но онъ опять сложилъ ихъ крестомъ.

Страданія длились до шести часовъ вечера, лицо было мирно. Одинъ изъ окружающихъ сталъ читать псалмы; при словахъ 54 псалма «Азъ къ Богу воззвахъ и Господь услыша мя»—капли слезъ выкатились изъ глазъ умирающаго; а на словахъ: «Азъ же, Господи, уповаю на Тя»—преосвященный Иннокентій вздохнулъ въ послѣдній разъ и тихо предалъ духъ Богу.

Онъ скончался 10 октября 1819 года, на 36-мъ году, пробывъ въ санѣ архіерея 7 мѣсяцевъ и среди паствы своей 3 мѣсяца.

Отпѣвалъ его предшественникъ его, жившій въ Пензѣ на покоѣ, что всѣхъ поразило. При отпѣваніи инспекторъ семинаріи арх. Василій (впослѣдствіи епископъ Тобольскій) произнесъ замѣчательную по силѣ чувства рѣчь.

Вотъ отрывки изъ нея:

«Почто такъ рано, свѣтъ очей нашихъ, почто такъ рано скрываешься отъ насъ? Почто на самомъ восходѣ жизни твоей познаешь западъ свой?

«Едва успѣли мы, а многіе еще и не успѣли облобызать тебя первымъ цѣлованіемъ, и ты уже требуешь послѣдняго.

«Возстань, пастырь добрый, услыши вопль чадъ, призывающихъ тя; преклонись на рыданіе сиротъ, проливающихъ благодарныя слезы у ногъ твоихъ!

«Медленная признательность сердецъ, проникнутыхъ твоими добротами, еще не успѣла принести жертвы достойной тебя, а ты уже успѣлъ и душу твою положить за овцы твоя. Какая любовь можетъ быть выше и сильнѣе сей?

«О, еслибы плачъ нашъ такъ же проникъ и оживилъ сердце его, какъ нѣкогда слово его, слово жизни, протекало и оживляло наши сердца. Но онъ успе, и одинъ трубный гласъ ангела силенъ возбудить его.

«Напрасно мы мятежнымъ воплемъ своимъ возмущаемъ мирный отдыхъ твой, послѣ трудовъ столько тебѣ нужный. Воспріими вѣнецъ правды, который уготованъ тебѣ за вѣру и подвиги твои! Соединись духомъ твоимъ съ Господомъ, котораго имя всегда носимо было во устахъ твоихъ и напечатлѣно было въ сердцѣ твоемъ! Но не оставляй насъ и по исходѣ твоемъ!»

Кромѣ ученыхъ трудовъ, сохранились еще многоцѣнныя письма преосвященнаго Иннокентія.

Мѣсто могилы его—подъ престоломъ Казанскаго придѣла въ Пензенскомъ соборѣ. Доселѣ жители Пензы служатъ панихиды по немъ. Память этого ревностнаго и прямодушнаго поборника Христовой истины, самоотверженнаго, незлобиваго, младенчески яснаго и благого пастыря—сохраняется среди тѣхъ, кому дорога цѣльность и чистота православія.

Амвросій, епископъ Пензенскій.

Составитель извѣстной книги, хотя и носящей справочный характеръ, какъ бы застрахованной отъ всеразрушающаго вліянія времени «Исторіи Россійской іерархіи»,—преосвященный Амвросій Орнатскій замѣчателенъ и какъ великій подвижникъ.

Сынъ діакона Чудскаго погоста, Череповецкаго уѣзда, Новгородской губ., онъ родился въ 1778 г., окончилъ курсъ въ С.-Петербургѣ, въ Александро-Невской семинаріи, служилъ въ Новгородѣ инспекторомъ и ректоромъ духовной семинаріи.

Въ Новгородѣ онъ сблизился съ епископомъ Старорусскимъ Евгеніемъ (Болховитиновымъ), впослѣдствіи бывшимъ митрополитомъ Кіевскимъ, знаменитымъ ученымъ и историкомъ русской Церкви.

Прослуживъ въ Москвѣ настоятелемъ Новоспасскаго монастыря, онъ былъ рукоположенъ въ архіереи и назначенъ викаріемъ Новгородскимъ, а затѣмъ въ 1819 г. епископомъ Пензенскимъ.

Именно съ этихъ поръ, со времени назначенія его на самостоятельную каѳедру, выступаетъ съ особенною силою крайняя своеобразность всего существа преосвященнаго Амвросія.

Епархія, назначенная ему въ управленіе, была обширныхъ размѣровъ, охватывая собою также и всю теперешнюю Саратовскую и части Самарской и Симбирской, и требовала многихъ заботъ, чтобы стать сколько-нибудь благоустроенною. Бѣдность была поразительная, архіерейскій домъ въ развалинахъ, соборъ не достроенъ, ризница убога до послѣдней степени. Бѣдность и неустройство духовенства полныя.

Всѣ свои силы молодой епископъ отдалъ епархіи. Его ученая дѣятельность прекращается.

Строгость, суровость къ себѣ и другимъ: вотъ качества, прежде всего бросавшіяся въ глаза въ преосвященномъ Амвросіи.

Самъ онъ былъ образцомъ воздержанія. Въ Пензѣ онъ не ѣлъ ничего кромѣ хлѣба, воды, рѣдьки и огурцовъ, великимъ же постомъ онъ питался одною или двумя просфорами на цѣлую недѣлю.

Нестяжательность его не знала границъ. Раздавъ всѣ свои деньги, онъ отдавалъ затѣмъ самыя нужныя вещи, даже полотенца. Безусловно точный въ соблюденіи церковнаго устава, того же требовалъ онъ и отъ другихъ, и въ этомъ не зналъ никакихъ уступокъ. Настойчивость его и желѣзная сила воли были непреклонны. Его характеръ выражался и въ его наружности. Высокій, худощавый, съ большими темными глазами, свѣтившимися умомъ и энергіею, съ голосомъ громкимъ, звучнымъ, который возвышался до громового,—когда епископъ былъ подъ вліяніемъ сильнаго волненія, тогда собесѣдники невольно вздрагивали. Большею частью епископъ былъ угрюмъ и молчаливъ и говорилъ рѣдко. Онъ не хотѣлъ ничѣмъ поступиться отъ того убѣжденія, что онъ все остается монахомъ. Глубокая пропасть лежала между нимъ и высшимъ обществомъ Пензы; отношенія сразу установились натянутыя и все болѣе и болѣе обострялись.

Въ высшей степени епископъ былъ требователенъ къ тому, чтобы въ храмѣ стояли какъ слѣдуетъ. Не терпѣлъ онъ ни разговоровъ въ церкви, ни перехода съ мѣста на мѣсто. Такіе люди сейчасъ же подвергались при всемъ храмѣ строгому выговору.

Такъ, однажды одна изъ выдающихся по положенію въ городѣ женщинъ стала говорить въ церкви. Амвросій началъ ей рѣзко выговаривать, а когда она хотѣла отъ стыда уйти, онъ закричалъ за ней: «Куда бѣжишь? отъ гнѣва Божія не уйдешь».

При непреклонной правдивости и прямотѣ Амвросія, его отношенія съ губернаторомъ стали въ высшей степени натянутыми, тѣмъ болѣе, что тотъ позволялъ себѣ притѣсненія по отношенію къ духовному вѣдомству, а Амвросій горячо отстаивалъ интересы церкви и духовенства.

Такъ какъ губернаторъ былъ человѣкъ не безупречный, то Амвросій, не стѣсняясь, въ своихъ проповѣдяхъ, даже въ присутствіи губернатора, обличалъ его дѣйствія, такъ что губернаторъ избѣгалъ ѣздить въ соборъ.

Не будучи въ состояніи бороться съ Амвросіемъ открыто, онъ началъ подпольную борьбу, путемъ доносовъ и разныхъ подвоховъ. Но прямодушный архіерей не послѣдовалъ этому низкому примѣру и дѣйствовалъ открыто, такъ что въ городѣ, несмотря на суровость архіерея, ему сочувствовали въ этой борьбѣ.

На духовенство Амвросій излилъ всю свою суровость, желая крутыми мѣрами поднять его на должную высоту, и получилъ отъ него прозваніе Грознаго.

Архіерей крѣпко держалъ въ рукахъ управленіе всею епархіею, у него не было ни совѣтниковъ, ни приближенныхъ.

Онъ разсылалъ одно за другимъ точныя предписанія и каралъ неминуемо тѣхъ, кто ихъ нарушалъ. Особенно онъ требовалъ отъ священниковъ, чтобъ они говорили народу поученія, приказывая тѣмъ, кто не умѣлъ этого дѣлать самъ, читать чужія проповѣди.

Усердно объѣзжая епархію, Амвросій всматривался во все: ничто не ускользало отъ его орлинаго взора. Замѣченныхъ въ провинности онъ отсылалъ надолго (нѣсколько мѣсяцевъ и болѣе) въ архіерейскій домъ въ Пензу, который при немъ сталъ какъ бы исправительнымъ пріютомъ для духовенства.

Самою же непріятною частью наказанія считались его выговоры, дѣйствительно тяжелые при его остроуміи, рѣзкихъ выраженіяхъ и суровомъ, приводившемъ въ трепетъ, голосѣ. Впрочемъ, у всѣхъ было то утѣшеніе, что они страдали за дѣйствительную вину, а не по наушническимъ навѣтамъ. И, какъ ни былъ строгъ Амвросій, онъ никого въ свою жизнь не сдѣлалъ несчастнымъ; всѣхъ виновныхъ по исправленіи назначалъ на мѣста. При его справедливости, заглаживавшей тяготу его суровости, его время не оставило въ средѣ духовенства тяжелой памяти.

Послѣдствія же этихъ пріемовъ были значительны. Явились хорошіе проповѣдники и священники, столь же преданные долгу, какъ и онъ самъ.

Дѣятельность Амвросія какъ священнослужителя была выдающаяся. Онъ достроилъ и отдѣлалъ каѳедральный соборъ, завелъ хорошую ризницу.

Безконечно нетребовательный въ своемъ домашнемъ быту, онъ обставлялъ пышно свои частыя служенія.

Множество духовенства, богатство облаченій, яркое освѣщеніе собора, стройность обрядовъ—все усиливало впечатлѣніе, производимое личностью самого архіерея.

Особенно замѣчательнымъ зрѣлищемъ были его всенощныя.

Тысячи свѣчей горѣли въ паникадилахъ, и среди темноты ночи издали свѣтились окна храма. Величавый и сосредоточенный епископъ, съ ликомъ какъ-бы сошедшимъ со старинной иконы, былъ окруженъ сонмомъ духовенства, предстоявшимъ со страхомъ и благоговѣніемъ. Онъ имѣлъ видъ скорѣе ветхозавѣтнаго первосвященника, чѣмъ теперешняго епископа. Когда онъ выходилъ кадить, его сопровождала цѣлая толпа діаконовъ. Одни шли попарно впереди съ большими зажженными свѣчами, другіе поддерживали его подъ руки, третьи заключали шествіе... Онъ самъ шелъ твердою поступью, медленно кадя иконамъ и народу. Все тихо было въ церкви, точно замерло: раздавалось лишь пѣніе, шаги архіерея, звонъ колокольчиковъ на его облаченіи.

Служеніе его было очень продолжительно и удлинялось еще болѣе продолжительными проповѣдями. Иногда онъ служилъ въ почти пустой церкви.

Проповѣди его, говоренныя всегда изустно, по суровости и дышавшему въ нихъ гнѣву, напоминали грозныя рѣчи пророковъ. Онъ безпощадно громилъ порокъ и недостатки общества.

Въ 1824 г. въ Пензѣ провелъ четыре дня императоръ Александръ I. Къ его прибытію городъ наполнился пріѣзжими лицами, которыхъ губернаторъ возстановлялъ противъ

архіерея, надѣясь, что слухи о строптивости его дойдутъ до государя.

Въ день пріѣзда государя, для встрѣчи власти собрались на одномъ крыльцѣ собора, а Амвросій направился къ другимъ боковымъ дверямъ, которыя находилъ болѣе величественными, и, отвѣтивъ на просьбы властей—перейти къ другимъ дверямъ, что распоряженія въ соборѣ принадлежатъ ему какъ архіерею, — остался у нихъ одинъ безъ властей и встрѣтилъ государя краткою и сильною рѣчью. Ведя его по собору, онъ останавливался у иконъ, коротко назначалъ, сколько государь долженъ положить поклоновъ. Можетъ быть, онъ надѣялся навлечь на себя неудовольствіе государя, чтобы быть уволеннымъ отъ управленія епархіею, которое его очень тяготило. Но онъ, несмотря ни на что, произвелъ на государя впечатлѣніе человѣка хотя суроваго, но справедливаго.

Государь не одинъ разъ былъ у него и подолгу съ нимъ бесѣдовалъ. Между прочимъ, онъ совѣтовалъ государю отказаться отъ бала, предложеннаго дворянствомъ, такъ какъ онъ не одобрялъ этихъ увеселеній. Государь говорилъ ему объ его строгости къ духовенству и сказалъ, что во время проѣзда его чрезъ Пензенскую губернію, ему подано на него множество жалобъ.

— Государь, — отвѣтилъ ему епископъ, — на тебя подали бы еще больше жалобъ, если бы было кому жаловаться.

Потомъ, указавъ на свою панагію съ изображеніемъ на ней распятаго Христа, онъ промолвилъ: «Онъ ли не былъ святъ, а и Его обвинили и распяли».

Послѣ шестилѣтняго пребыванія въ Пензѣ, Амвросій подалъ прошеніе въ св. синодъ объ увольненіи на покой, выставляя на видъ желаніе свое подготовить новое дополненное изданіе «Исторіи россійской іерархіи». На самомъ же дѣлѣ онъ мечталъ лишь о строгомъ монашескомъ уединеніи, такъ какъ, отправляясь изъ Пензы, отослалъ въ св. синодъ всѣ документы, забранные оттуда для дополненія своего труда, и исправленный печатный экземпляръ исторіи.

Получивъ увольненіе, онъ избралъ для жительства Кирилло-Бѣлозерскій монастырь, въ которомъ получилъ первое образованіе... Бѣднымъ странникомъ покинулъ онъ Пензу. Раздавъ все свое немногочисленное имущество и всѣ принадлежности архіерейскаго сана, Амвросій оставилъ себѣ небольшое количество книгъ и бумагъ.

На прощанье онъ сказалъ: «Теперь здѣсь моего ничего нѣтъ!» и уѣхалъ въ простой монашеской одеждѣ и шапкѣ, въ нагольномъ тулупѣ и на простыхъ дровняхъ.

Въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ Амвросій весь отдался безмолвію, уединенію и молитвѣ.

Ему для жилья было приготовлено большое помѣщеніе, но онъ выбралъ себѣ одну, самую отдаленную комнату.

Никто, даже келейникъ, не могъ входить въ нее. Никого почти онъ не принималъ, даже монастырскихъ властей и родныхъ, которымъ велѣлъ сказать, что Амвросій мертвъ. Изъ келіи своей онъ выходилъ только въ церковь, но рѣдко.

Иногда, когда въ церкви шла служба и народъ былъ внутри, онъ подходилъ къ одному изъ церковныхъ оконъ, смотрѣлъ нѣсколько минутъ во внутрь церкви и уходилъ къ себѣ.

Иногда, по ночамъ, выходилъ онъ на церковный дворъ, молился на церковной паперти, воздѣвъ руки къ небу, или въ келліи преп. Кирилла молился до утрени.

Когда пріѣхали къ нему родители, онъ позволилъ имъ пожить въ залѣ его покоевъ, самъ ставилъ для нихъ самоваръ, но они почти не видали его самого и не входили въ его келлію.

Письменно затворникъ уже ни съ кѣмъ не сообщался. Подавали ему простую монастырскую пищу, но онъ не бралъ ее цѣлыми днями, изрѣдка пилъ вмѣсто чая ромашку.

Чрезъ келейника онъ раздавалъ всю свою пенсію (2,000 руб. въ годъ), употребляя ее на монастырь и на бѣдныхъ. Онъ содержалъ двухъ сиротъ въ училищѣ и внесъ большой денежный вкладъ за содержаніе родителей

въ пустыни Новгородской губерніи, когда тѣ пожелали постричься.

Келейникъ у него былъ неисправнаго поведенія: заперевъ епископа въ архіерейскихъ покояхъ, онъ исчезалъ иногда на нѣсколько дней, оставляя его безъ пищи и въ нетопленыхъ комнатахъ. Тогда Амвросій дѣлалъ все самъ, топилъ печи, мылъ полы и никому ни словомъ не пожаловался на келейника. Только съ одной семьей сосланнаго туда полковника Дубовицкаго епископъ видался, принималъ даже его малолѣтнихъ дѣтей, которыя обращались съ нимъ, какъ со своимъ человѣкомъ. Когда Дубовицкій получилъ разрѣшеніе вернуться, Амвросій присутствовалъ при обѣднѣ и напутственномъ молебнѣ и самымъ теплымъ образомъ простился съ отъѣзжавшими.

Коротка была подвижническая жизнь преосвященнаго Амвросія.

Отъ его прежней красоты ежечасное понужденіе себя, суровый, безпощадный бытъ не оставили слѣда. Онъ походилъ на мертвеца. Но не жаловался, не лѣчился.

Полгода продолжалась его предсмертная болѣзнь. Черезъ два года по удаленіи на покой онъ отошелъ къ вѣчному успокоенію. Въ праздникъ Рождества Христова 1827 г. съ глубокимъ чувствомъ онъ исповѣдался, пріобщился св. Таинъ и на другой день рано утромъ былъ найденъ почившимъ послѣднимъ сномъ.

Онъ лежалъ на постели съ лицомъ, обращеннымъ къ иконамъ, съ правою рукою, сложенною для крестнаго знаменія.

Кончина была одинока. Онъ погребенъ въ Успенскомъ соборѣ.

Такъ прошло это сокровенное 49-ти-лѣтнее существованіе.

Мало сохранилось извѣстій о внѣшнихъ его событіяхъ. Глубокая тайна покрыла внутреннюю жизнь.

Но какимъ-то обаятельнымъ, сосредоточеннымъ въ себѣ свѣтомъ, какой-то могучею, непреклонною правдою

влечетъ къ себѣ память этого крѣпкаго борца церковной истины.

И кто задумывался надъ тѣмъ, какія сокровища скрыты въ жизни съ Богомъ: для тѣхъ за недоступной міру и надъ этимъ міромъ стоящей личностью епископа Амвросія, чувствуются такія безцѣнныя сокровища сильной Богомъ души.

Антоній, архіепископъ Воронежскій и Задонскій.

Имя Антонія, архіепископа Воронежскаго, при которомъ совершилось великое торжество обрѣтенія мощей святителя Митрофана, было широко извѣстно при его жизни. Богомольцы, бывавшіе въ Воронежѣ, приносили домой разсказы объ обаятельномъ образѣ Воронежскаго владыки; не умерла память о немъ и по его кончинѣ.

Преосвященный Антоній, въ міру Авраамій Гавріиловичъ Смирницкій, родился 29 октября 1773 г. въ селѣ Повстинѣ Пирятинскаго уѣзда Полтавской губерніи. Его отецъ, окончившій курсъ Кіевской академіи, сперва былъ домашнимъ учителемъ у помѣщика, потомъ въ продолженіе 50 лѣтъ былъ священникомъ въ селѣ и скончался въ санѣ протоіерея. Авраамій былъ старшій изъ семи сыновей его.

Усердіе къ церкви, набожность, тихость нрава были присущи Авраамію съ ранняго возраста. Отправляясь въ храмъ, онъ выпрашивалъ у матери себѣ денегъ на свѣчи. Однажды на Новый годъ, догоняя отца, который, не будя мальчика, пошелъ служить утреню, Авраамій попалъ въ прорубь. Божья сила удержала его на поверхности воды. Было еще совсѣмъ темно. Въ это время неподалеку ѣхали крестьяне. Почуявъ тонущее дитя, пристяжная лошадь шарахнулась въ сторону. Крестьяне остановились, и, различивъ причину испуга лошади, вытащили мальчика.

Отецъ началъ обучать грамотѣ Авраамія довольно рано, такъ что еще до десяти лѣтъ онъ часто замѣнялъ на клиросѣ причетниковъ.

На одиннадцатомъ году отецъ свезъ сына въ Кіевское

духовное училище, изъ котораго онъ, какъ лучшій ученикъ, перешелъ и въ академію. Уже въ тѣ годы онъ внушалъ къ себѣ такое довѣріе, что, во время прохожденія академическаго курса, полтавскій помѣщикъ Корицкій пригласилъ Смирницкаго въ качествѣ воспитателя своихъ дѣтей. Онъ занималъ съ этими дѣтьми особую квартиру, куда поселилъ и своихъ меньшихъ братьевъ. Руководя этимъ молодымъ обществомъ, Авраамій Гавриловичъ ввелъ въ ихъ жизнь начала, подобныя монастырскому уставу. Вставши рано, ученики молились Богу, и, здороваясь съ наставникомъ, должны были сказать ему, какого Церковь празднуетъ въ тотъ день святого. Нѣсколько разъ въ недѣлю положено было читать дневные акаѳисты. Во исполненіе же заповѣди милосердія наставникъ принялъ на эту квартиру бѣднаго престарѣлаго странника и покоилъ его. Каждый день Смирницкій бывалъ у обѣдни, и изъ церкви уже отправлялся на лекціи. Въ большіе праздники онъ любилъ ходить въ Лавру и часто бывалъ при служеніи Кіевскаго митрополита Самуила, отличавшагося праведною жизнью. Ставъ архіереемъ, онъ старался подражать ему въ служеніи. Развлеченій онъ не любилъ, а свободное время употреблялъ на молитву, богословское чтеніе и бесѣду съ подходившими къ нему по настроенію товарищами.

По окончаніи курса академіи, Смирницкому предлагали вступить въ бракъ. Старшій протоіерей арміи Суворова предоставлялъ ему за своею дочерью свое мѣсто. Когда объ этомъ доложили митрополиту Самуилу, находившемуся уже на смертномъ ложѣ, онъ, какъ бы въ забытьи, долго не отвѣчалъ и, наконецъ, открывъ глаза, промолвилъ: «Не благословляю. Смирницкому другіе пути назначены». Это были послѣднія слова митрополита. Такой исходъ дѣла глубоко радовалъ Авраамія; бракъ смущалъ его; безъ колебаній, онъ спѣшилъ исполнить давно задуманное дѣло, и новому митрополиту Іероѳею подалъ прошеніе о постриженіи въ монашество. Увидавъ въ первый разъ Авраамія, митрополитъ сказалъ: «Не послѣдній мнѣ подарокъ отъ Кіева

г. Смирницкій. Намъ подобаетъ умаляться, а ему расти». Митрополитъ думалъ сдѣлать его учителемъ риторики, но онъ изъявилъ рѣшительное желаніе поступить въ Лавру, «поучиться отъ святыхъ учителей, почивающихъ въ пещерахъ».

13 августа 1796 года, подъ всенощную на праздникъ перенесенія мощей преподобнаго Ѳеодосія, подъ трезвонъ колоколовъ, Авраамій вошелъ въ Лавру. Подъ утро во снѣ ему было знаменательное видѣніе. Онъ точно пришелъ въ келлію преподобнаго Антонія и спрашиваетъ видѣть настоятеля. Скоро открылись двери, и предсталъ преподобный Антоній, неся въ рукахъ большой потиръ со св. Тайнами. Авраамій палъ ницъ.

— Встань, сказалъ начальникъ русскаго монашества, и пріобщись.

— Я не готовъ, я только что изъ міра.

— Приступи и пріими.

И тогда Авраамій подошелъ и пріобщился изъ полной чаши.

Такъ совершилось устроеніе въ великой Лаврѣ юнаго подвижника. Изъ міра онъ принесъ съ собою удивительно ясное и свѣтлое настроеніе, какой-то торжественный строй жизни, который уже достаточно обрисованъ сказаніемъ о годахъ его юности, ту глубокую разумность и тихое обаяніе благодушія, которыя съ первыхъ лѣтъ влекли къ нему сердца. Теперь эти свойства должны были еще усовершиться. Онъ шелъ царскимъ путемъ, путемъ монастырскаго монаха, и умѣлъ на своемъ царскомъ пути достигнуть многаго.

«Во всякой добродѣтели» проходило первое время иноческой жизни Авраамія. На него возложены были послушанія – на клиросѣ и исправленіе листовъ выходящихъ изъ лаврской типографіи духовныхъ книгъ.

На первой недѣлѣ Великаго поста, 21 февраля 1797 г., Авраамій былъ постриженъ въ иноческій санъ съ именемъ Антонія; съ тѣхъ поръ онъ получилъ еще новыя послушанія - чтеніе каноновъ и произнесеніе проповѣдей, и, кромѣ

того, поручено ему было завѣдывать лаврскою библіотекой. 20 ноября 1799 г. посвященъ въ іеромонаха и получилъ вскорѣ предложеніе—отправиться въ миссію въ Константинополь. Но Антоній просилъ позволенія остаться въ дорогой ему Лаврѣ и усилилъ свои подвиги. Онъ строжайше содержалъ монашеское правило, надѣлъ власяницу, ночи проводилъ на молитвѣ и только краткое время отдыхалъ на жесткомъ ложѣ, покрытомъ чернымъ сукномъ. Онъ рѣдко ходилъ на трапезу, и ту пищу, которую, по сочувствію, приносилъ ему въ келлію одинъ изъ братіи, онъ раздавалъ нищимъ.

Когда Лавру посѣтилъ знаменитый митрополитъ московскій Платонъ, онъ спросилъ Антонія, почему онъ не пошелъ въ учителя, и на отвѣтъ инока, что онъ пришелъ въ Лавру, чтобъ самому поучиться, возразилъ, что онъ ищетъ своего покоя.

— Точно, отвѣчалъ Антоній, того покоя, о которомъ Спаситель нашъ говоритъ: «Пріидите ко мнѣ вси труждающіяся и обремененніи, и Азъ упокою вы».

Послѣдовательно занимавъ нѣсколько должностей, Антоній былъ назначенъ въ 1814 г. начальникомъ ближнихъ (Антоніевыхъ) пещеръ. Эта должность, дававшая возможность постоянно находиться у ракъ великихъ угодниковъ,— была по нраву Антонія; онъ думалъ о принятіи схимы, но 2 января 1815 г. поставленъ намѣстникомъ Лавры.

Съ этимъ высокимъ званіемъ усугубились обязанности Антонія, который, назидая братію, не оставлялъ безъ вниманія и богомольцевъ, гостепріимно открывая имъ двери своихъ келлій и поучая ихъ въ кроткихъ бесѣдахъ о православной вѣрѣ, жизни святыхъ, добрыхъ нравахъ, — но съ обязанностями усугубились и подвиги его. Онъ бодрствовалъ въ молитвѣ и священномъ чтеніи до полуночнаго колокола, по которому шелъ онъ къ заутренѣ, и только послѣ службы давалъ себѣ краткій отдыхъ. Входя во всѣ подробности лаврской жизни, ежегодно Антоній начиналъ братскій сѣнокосъ, дѣлая «первую ручку», т. е. впереди всѣхъ скашивая первую полосу.

Въ 1816 г., въ сентябрѣ, посѣтилъ Кіевъ императоръ Александръ I и нѣсколько разъ былъ въ Лаврѣ. Между прочимъ, указывая на колокольню, по случаю царскаго пріѣзда горѣвшую безчисленными огнями, государь спросилъ намѣстника: «долго ли она будетъ въ такомъ блескѣ?»

— Пока не истощится матерія свѣта.

— А тамъ что?

Поклонясь государю, намѣстникъ молчалъ. Тогда государь докончилъ: «Угаснетъ. Такова и земная слава! Вотъ тамъ у васъ цари (въ пещерахъ). Они торжествуютъ восемьсотъ лѣтъ надъ тлѣніемъ».

12 сентября намѣстникъ, по назначенію государя и въ его присутствіи, служилъ въ церкви преподобнаго Антонія, въ пещерахъ. Пѣлъ придворный хоръ и, по окончаніи службы, государь спросилъ намѣстника, хорошо ли они пѣли.

— Скороспѣшно, такъ что я затруднялся въ чтеніи молитвъ.

— Люди дорожные, — пояснилъ государь.

А намѣстникъ на то отвѣтилъ: «Дѣло Божіе должно дѣлать въ надлежащемъ порядкѣ». Послѣ того государь разсказывалъ Антонію, какъ встрѣчалъ онъ, окруженный 80 тысячами русскаго войска, Пасху въ Парижѣ. Много разъ былъ приглашаемъ Антоній, для бесѣды, къ государю, который пожаловалъ ему при отъѣздѣ наперсный алмазный крестъ въ двѣнадцать тысячъ.

Въ 1818 году намѣстникъ Антоній возведенъ въ санъ архимандрита.

Въ 1825 году Воронежская епископская каѳедра осталась праздною. Митрополитъ Кіевскій Евгеній, родомъ изъ Воронежа, говорилъ, что Богъ благословитъ Воронежъ, если туда назначатъ Антонія.

31 января 1826 года архимандритъ Антоній въ соборной Лаврской церкви Успенія Богоматери рукоположенъ во епископа граду Воронежу. Предъ отъѣздомъ онъ говорилъ:

«Не надѣюсь на себя, тамъ есть два святителя Христовы — Митрофанъ и Тихонъ. Ихъ молитвы подкрѣпятъ меня».

Съ великимъ нетерпѣніемъ ждали въ Воронежѣ новаго архіерея, извѣстнаго святостію жизни; и въ первое его служеніе въ соборѣ паства замѣтила въ лицѣ его что-то небесное.

Все время архіерейства своего преосвященный Антоній служилъ часто. Съ первой же поры, при его служеніи стали появляться причастники. Послѣ обѣдни онъ любилъ приглашать къ себѣ въ келліи, и тамъ гости наслаждались его духовной бесѣдой. Видя его доброту, духовенство его епархіи, помимо церковныхъ дѣлъ, стало относиться къ нему въ своихъ частныхъ нуждахъ и недоумѣніяхъ. Часто открывались ему въ бѣдности, и онъ изъ своей комнаты выносилъ тогда денегъ.

Многіе и посторонніе люди пріѣзжали въ Воронежъ, для бесѣды съ преосвященнымъ Антоніемъ.

Однимъ изъ первыхъ дѣлъ по прибытіи преосвященнаго Антонія на каѳедру — было обновленіе Благовѣщенскаго собора, расширеніе крестовой церкви и соборной колокольни. Нашлись щедрые жертвователи, и вслѣдъ за городскими храмами стало обновляться, украшаться и созидаться вновь много храмовъ по епархіи. Въ промежутокъ только 1833—45 гг. въ епархіи сооружено вновь 63 храма.

Священникамъ преосвященный разослалъ увѣщеваніе, чтобъ они разъясняли паствѣ необходимость бывать у исповѣди и св. причастія, и склоняли бы къ болѣе частому говѣнію, поучали милосердію и всепрощенію Божію и заботѣ о спасеніи души; сдѣлано было также распоряженіе, чтобъ читались въ монастыряхъ понятныя поученія, хотя бы въ церкви стояло и десять человѣкъ, и одинъ. «И одинъ, пояснялъ владыка, съ любовію принявъ слово, можетъ передать другимъ: и самъ спастись, и назидать ближнихъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ архипастырь старался упрочить почитаніе иконъ, говоря много объ ихъ великомъ значеніи.

Посѣщая знакомыя ему семьи, онъ прежде всего мо-

лился на св. иконы, и если не находилъ ихъ, выговаривалъ хозяину. При освященіи одного зданія, не увидѣвъ иконы, онъ строго замѣтилъ среди бѣла дня: «Какой тутъ мракъ»,— и тогда тотчасъ принесли икону.

Ознакомившись съ дѣлами обширной епархіи своей, заключавшей и область войска Донского, архипастырь нашелъ ее въ крайнемъ безпорядкѣ. Дѣло устроенія ея предстояло весьма сложное.

Когда преосвященный Антоній отправился обозрѣвать епархію, онъ служилъ ежедневно въ городахъ или селахъ. Все время поста онъ проводилъ ночи въ молитвѣ, и только подъ утро садился для отдыха на стулъ. Цѣлыми часами на воздухѣ благословлялъ онъ крестьянъ, заходилъ въ избы, гдѣ хозяева зажигали предъ иконами свѣчи; мужики между собою, или помѣщики для мужиковъ, устраивали трапезу, которую преосвященный благословлялъ, и за этими трапезами случалось тысячъ до пяти народу. А въ помѣщичьихъ домахъ собирались окрестные дворяне со своими семьями. Останавливаясь въ селеніяхъ, преосвященный приказывалъ своимъ служителямъ развозить убогимъ хлѣбы и милостыню.

Въ 1831 году, въ годъ холеры, архипастырь подвигнулъ духовенство на неусыпное исполненіе обязанности напутствовать умирающихъ; благодаря увѣщеваніямъ его, множество народа говѣло, и тѣ, которымъ пришлось умереть, перешли въ иную жизнь подготовленными.

По кончинѣ святителя Митрофана, перваго епископа Воронежскаго (въ первой четверти восемнадцатаго столѣтія), память о немъ среди народа не умирала; надъ гробомъ его служили панихиды для испрошенія себѣ его молитвеннаго ходатайства и получали требуемую помощь. Въ первые же годы управленія преосв. Антонія Воронежскою епархіею — число несомнѣнныхъ знаменій отъ угодника стало особенно велико. Святитель исцѣлялъ больныхъ, являлся страждущимъ, даруя имъ помощь и милость. Изъ отдаленныхъ

мѣстъ стали приходить богомольцы ко гробу святителя Митрофана. Послѣ панихиды возлагалась на молящихся мантія, въ которой святитель совершалъ свое молитвенное правило.

Въ 1830 г. воронежскій купецъ Гарденинъ, получившій помощь отъ св. Митрофана, просилъ чиновника Шевцова, занимавшагося живописью, сдѣлать снимокъ со стараго портрета святителя. Портретъ былъ въ такомъ ветхомъ видѣ, что Шевцовъ не приступалъ къ работѣ, не дерзая искажать ликъ такого святителя; не могъ убѣдить его и преосв. Антоній. Наконецъ, владыка сказалъ ему: «ты будешь видѣть его на яву или во снѣ»; и весь тотъ день Шевцовъ, съ вѣрою принявъ слова преосв. Антонія, молился. На слѣдующую ночь онъ увидѣлъ во снѣ старца, въ сумракѣ и неясно; а потомъ сдѣлался свѣтлый день, и предъ нимъ стояло отчетливое изображеніе святителя Митрофана, которое онъ списалъ до конца. Проснулся онъ съ такою памятью о портретѣ, что могъ написать его, и показалъ преосв. Антонію, который и благословилъ его писать такія изображенія святителя. Многіе, которымъ святитель являлся, придя въ Воронежъ, по этимъ изображеніямъ узнавали угодника.

Святитель Митрофанъ Воронежскій.

11 декабря 1831 г., при производствѣ работъ въ Благовѣщенскомъ соборномъ храмѣ, былъ найденъ поврежден-

ный сверху склепъ, въ которомъ въ истлѣвшемъ гробу (съ 1703 г.) покоилось нетлѣнное тѣло святителя Митрофана.

О всѣхъ этихъ событіяхъ преосв. Антоній донесъ Св. Сѵноду, который просилъ Высочайшаго разрѣшенія провѣрить ихъ.

Наряженная изъ духовныхъ лицъ комиссія донесла, что святитель былъ погребенъ во влажномъ черноземѣ и, несмотря на чрезвычайную сырость мѣста, нижняя доска гроба осталась цѣлою, при разрушеніи остальныхъ сторонъ; схимонашеское облаченіе и тѣло святителя въ полномъ нетлѣніи; исцѣленія засвидѣтельствовали до ста лицъ. Св. Сѵнодъ поднесъ докладъ, утвержденный Государемъ:

1) Тѣло Воронежскаго епископа Митрофана, въ схимонасѣхъ Макарія, признавать за мощи несомнѣнно святыя.

2) Изнеся оныя съ подобающею честію изъ подземнаго склепа въ каѳедральный Благовѣщенскій соборъ, положить въ приличномъ и открытомъ мѣстѣ для общаго поклоненія.

3) Память святителя сего праздновать въ день преставленія его 23 ноября.

4) Объявить о семъ во всенародное извѣстіе указами Св. Сѵнода.

6 августа 1832 года произошло торжество обрѣтенія святыхъ мощей. Послѣ обѣдни, на соборной и всѣхъ городскихъ колокольняхъ начался звонъ, и изъ приходскихъ храмовъ въ соборъ потянулись крестные ходы. Къ этому времени небо, съ утра туманное, прояснилось и солнце заиграло на хоругвяхъ, иконахъ и крестахъ. Къ двумъ часамъ архіереи съ крестнымъ ходомъ вошли въ Благовѣщенскій соборъ. При пѣніи псалма 33, первенствующій архіерей кадилъ святыя иконы и могилу святителя, кропилъ святою водой новую кипарисную раку, покровъ для мощей и полотно, приготовленное для поднятія ихъ. По возгласѣ протодіакона: «Со умиленіемъ, колѣна преклонше, святителю помолимся», — клиръ воспѣлъ въ первый разъ: «Святителю отче Митрофане, моли Бога о насъ», — и первенствующій

архіерей произнесъ молитву. Тогда два протоіерея сошли въ могилу, подложили подъ нижнюю уцѣлѣвшую доску гроба полотенца и подали концы ихъ стоящимъ на верху, и мощи стали подыматься изъ земли. Въ соборѣ воцарилось торжественное безмолвіе, прерываемое только тихимъ напѣвомъ «Господи помилуй», но и пѣніе прекратилось отъ общаго волненія, и среди этой благодатной тишины, проникнутой священнымъ трепетомъ и духовнымъ восторгомъ, какъ восходящее солнце, показались изъ могилы мощи угодника...

По положеніи святыхъ мощей въ новую раку, началось молебствіе святителю Митрофану, и, по совершеніи его, въ предшествіи крестнаго хода, святыя мощи были вынесены изъ собора съ пѣніемъ «Правило вѣры и образъ кротости». При появленіи великаго угодника предъ народомъ, общая радость была неизъяснима. Рака была поставлена въ соборѣ Архангельскомъ, гдѣ совершено торжественное всенощное бдѣніе; народъ послѣ чтенія Евангелія прикладывался во всю ночь, при чемъ было читаемо духовное завѣщаніе святителя Митрофана.

7-го за литургіей, на маломъ входѣ, святыя мощи внесены были въ алтарь, поставлены на горнемъ мѣстѣ, лицомъ къ престолу, а архіереи стояли по бокамъ какъ сослужащіе; послѣ же литургіи поставлены на приготовленное мѣсто, къ южнымъ боко́вымъ дверямъ алтаря.

Съ 7 до 14 августа были совершены преосв. Антоніемъ молебствія при мощахъ. Государь Николай Павловичъ прислалъ на раку золотой покровъ, а чрезъ 40 дней по обрѣтеніи прибылъ и самъ на поклоненіе.

Въ 1833 г. былъ великолѣпно возобновленъ Благовѣщенскій соборъ, въ него перенесены святыя мощи, и въ томъ же году, по мысли преосв. Антонія, Воронежское купечество устроило драгоцѣнную серебро-позолоченную раку въ семь пудовъ, стоимостью по тогдашнимъ цѣнамъ въ 45 тысячъ рублей.

Въ 1836 г., по ходатайству преосв. Антонія, при Бла-

говѣщенскомъ соборѣ учрежденъ мужской первоклассный Благовѣщенскій Митрофановъ монастырь, настоятелями коего состоятъ епископы Воронежскіе.

Въ дѣлахъ управленія преосв. Антоній отличался особою совѣстливостью и тонкою мудростью.

Онъ подробно зналъ правила церковныя и гражданскіе законы, но въ важныхъ дѣлахъ любилъ спрашивать мнѣніе и независимое сужденіе членовъ консисторіи. Излишней переписки, огласки неисправностей и проступковъ духовенства онъ тщательно избѣгалъ, и самъ. вникнувъ въ дѣло, безъ формальнаго слѣдствія, налагалъ исправительное взысканіе. Если случалось, что во время епитиміи семья виновнаго терпѣла нужду, преосвященный помогалъ ей; вообще любилъ смягчать или отмѣнять взысканіе. «Не долго, говорилъ онъ, сдѣлать несчастнымъ человѣка. Намъ, начальствующимъ, должно спасать, а не губить» Онъ требовалъ отъ духовенства и внѣшняго благообразія, училъ быть сострадательнымъ къ бѣднымъ, не позволялъ новопоставленными священникамъ первенствовать надъ старѣйшими отцами той же церкви священниками.

Отъ духовнаго юношества преосв. Антоній требовалъ знанія Писанія, и на экзаменахъ испытывалъ, насколько знакомы они съ твореніями св. отецъ, показывая важность науки патристики прежде, чѣмъ она была введена. Воспитанники, жившіе на частныхъ квартирахъ, должны были ходить въ свои приходскія церкви и участвовать въ пѣніи и чтеніи, за чѣмъ и обязаны были слѣдить настоятели церквей. Такимъ образомъ наглядно изучалось богослуженіе.

Лучшихъ учениковъ преосв. Антоній дарилъ въ Рождество и Пасху деньгами.

Когда преосвященный Антоній приходилъ въ семинарію, младшіе воспитанники окружали его какъ пчелы, ловя его руки. Онъ гладилъ дѣтей по головѣ, со словами: «учитесь, дітки», и давалъ мальчуганамъ пятачки, приговаривая «на калачикъ, на пирожокъ!»

Особенно усердно посѣщалъ пр. Антоній семинарію на первой, голодной недѣлѣ поста. По Воронежскому обычаю, въ прощеное воскресеніе къ нему приходили прощаться горожане и приносили большіе бѣлые хлѣбы, которые, изъ усердія къ любимому архипастырю, достигали громадныхъ размѣровъ (до 3/4 аршина въ діаметрѣ). Эти хлѣбы владыка раздавалъ въ семинаріи. Любилъ также преосв. Антоній посѣщать семинаристовъ на прогулкѣ ихъ и, выходя изъ кареты, осыпалъ дѣтей пряниками, орѣхами, среди которыхъ попадались серебряные пятачки и гривеннички.

Въ 1840 г. преосв. Антоній сильно ослабѣлъ и просилъ увольненія на покой, съ жительствомъ въ Кіево-Печерской Лаврѣ. Но Государь, хорошо знавшій и почитавшій архипастыря, изъявилъ желаніе, чтобъ онъ не спѣшилъ оставлять столько уже обязанную ему паству, и онъ рѣшился остаться въ Воронежѣ до смерти, продолжая согрѣвать своею любовью все, что прикасалось къ нему.

Отношеніе преосв. Антонія ко ввѣреннымъ ему людямъ лучше всего объяснятъ слѣдующія его слова къ одному благочинному: «Псалмопѣвецъ говоритъ: тебѣ оставленъ нищій; сиру ты буди помощникъ.—Кто это ты?—Я, архіерей, и ты, благочинный. Когда увидишь бѣднаго или безпомощнаго сироту, донеси мнѣ о нихъ. Нѣкоторые бѣдные не смѣютъ спросить, другіе не могутъ этого исполнить. Обязанность твоя указать мнѣ на нихъ. Безъ тебя я не могу подать помощь убогимъ, а безъ меня ты не можешь утереть ихъ слезъ». Не только по письменному, но и по словесному заявленію благочинныхъ, преосвященный выдавалъ помощь.

Онъ былъ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ Воронежскаго попечительнаго о бѣдныхъ комитета, склонялъ къ пожертвованіямъ и нерѣдко вносилъ отъ неизвѣстныхъ благотворителей по триста и пятисотъ руб.

Въ 1835 г. въ архіерейскомъ домѣ открытъ Воронежскій тюремный комитетъ. Кромѣ взноса деньгами, преосвященный въ большіе праздники посылалъ въ тюремный замокъ бѣлаго хлѣба, рыбы и другой провизіи. Въ 1840 г.

поднялись цѣны на хлѣбъ; для покрытія недостатка архипастырь внесъ отъ лица святителя Митрофана полторы тысячи. Онъ также уговорилъ начальника губерніи, чтобъ у арестантовъ было освѣщеніе не коноплянымъ масломъ, отъ котораго копоть и мало свѣта, а сальными свѣчами, такъ какъ владыка снабжалъ арестантовъ книгами для чтенія.

И въ казармы для солдатъ, и въ тюрьмы преосвященный Антоній пожертвовалъ святыя иконы и ежегодно давалъ деньги на масло для того, чтобъ въ праздники свѣтили лампады. Въ тюрьму были имъ даны евангеліе, псалтыри, молитвенники, полная годовая Четьи-Минея святителя Димитрія Ростовскаго и творенія святителя Тихона. По его распоряженію, утромъ и вечеромъ одинъ изъ заключенныхъ читалъ положенныя Церковью молитвы, а прочіе молились; также читались акаѳисты Спасителю и Божіей Матери. Днемъ одинъ изъ грамотныхъ читалъ вслухъ евангеліе, апостолъ и житія святыхъ.

Въ 1840 г. была засуха, длившаяся нѣсколько недѣль. Попечительный о паствѣ своей преосвященный Антоній за обѣдней 21 іюня молился о дождѣ. Послѣ обѣдни стали собираться тучи; владыка въ своемъ саду разсматривалъ трещины, образовавшіяся въ пересохшей землѣ. Въ 4 часа пролился обильный дождь.

При томъ высокомъ почитаніи, которымъ былъ окруженъ преосвященный Антоній, къ нему стекалось множество посѣтителей, и онъ никому не затворялъ дверей своего дома. Кто-то спросилъ его, какъ пріобрѣлъ онъ всеобщую любовь. И онъ отвѣчалъ—«любовію».

Посѣтителей онъ принималъ послѣ обѣденъ и вечеромъ. Къ нему шли и ѣхали, какъ къ родному; онъ вникалъ въ жизнь людей, сочувствовалъ и помогалъ молитвою, совѣтомъ, деньгами. Ему былъ данъ великій даръ назидательнаго обращенія. Многіе, ради его благочестія со стра-

хомъ приступавшіе къ нему, ощущали необыкновенную радость, увидѣвъ его, и ощущали эту радость и по выходѣ. Многіе плакали, слушая его. Онъ любилъ угощать трапезой, говоря: «нельзя не принять пріѣзжихъ, они гости святителя Митрофана, а я его служка!»

На прощаніе преосвященный непремѣнно дарилъ гостей иконами, книгами и большими бѣлыми хлѣбами. Часто онъ давалъ иконы согласно съ тайнымъ сердечнымъ желаніемъ лица, и иногда такія, которыхъ посѣтители раньше долго искали и не могли найти.

Въ бесѣдахъ съ посѣтителями преосвященный Антоній поучалъ ревности церковной, строгому храненію постовъ, молитвѣ, милосердію. О состраданіи разъ сказалъ: «скорбь о ближнихъ иногда полезнѣе для души собственной скорби». Однажды, замѣтивъ въ церкви небрежно крестившагося, онъ потомъ училъ его, какъ надо креститься. Убѣждалъ чаще приступать ко святому причастію; богатымъ и знатнымъ, погруженнымъ въ суету, ублажать простыхъ богомольцевъ, нищихъ духомъ, увѣщевалъ ихъ помогать бѣднымъ, строить храмы.

Училъ преосвященный Антоній тайной молитвѣ такъ что если кто прервeтъ ее своимъ приходомъ, чтобъ не подать виду, что молился, и по уходѣ снова начать молитву. Заповѣдалъ постоянно творить молитву Іисусову, а при наступленіи каждаго часа произносить привѣтственную пѣснь «Богородице, Дѣво, радуйся!» Совѣтовалъ поминать молитвою и милостынею усопшихъ, говоря, что праведной душѣ отъ молитвы Церкви бываетъ большая радость, а грѣшной облегченіе. Прославлялъ кротость и смиреніе, указывая, что смиренный уподобляется Сыну Божію. Изъ святыхъ отецъ самъ особенно часто читалъ творенія Іоанна Златоуста и другимъ на нихъ указывалъ. Родителямъ совѣтовалъ, чтобъ они учили дѣтей славянскому языку. И хвалилъ старый Воронежскій обычай, чтобъ отцы давали въ приданое дочерямъ Евангеліе и полный годъ Четьи-Минеи. Однажды, когда пришли къ преосвященному директоръ, инспекторъ

и учителя гимназіи, онъ сказалъ имъ: «Вы мои помощники; я одинъ ничего сдѣлать не могу. Я подобенъ стоящему на колокольнѣ. Зову. Но кто меня слышитъ? Насаждайте въ дѣтяхъ страхъ Божій. Запечатлѣвайте въ сердцахъ ихъ святую вѣру, любовь къ Церкви и Ея уставамъ, любовь къ Царю и отечеству. Вотъ наше христіанское богатство!»

Преосвященный Антоній производилъ обаятельное впечатлѣніе.

При подвижнической жизни, онъ былъ исполненъ смиренія, и говорилъ про себя: «Много лѣтъ я прожилъ, а нѣтъ добрыхъ дѣлъ». Если преосвященный слышалъ, что кто-нибудь злословитъ его, онъ говорилъ: «Онъ еще не всѣ мои знаетъ слабости и недостатки, я еще хуже, нежели какъ онъ о мнѣ думаетъ». А когда такой поноситель приходилъ къ нему, онъ принималъ его съ любовью. Самъ-же никому не говорилъ обиднаго слова.

Любовь преосвященнаго Антонія выражалась въ томъ, что онъ всякому сочувствовалъ и старался для всякаго сдѣлать что-нибудь доброе.

Когда преосвященный въ праздникъ возвращался изъ собора въ келлію, вокругъ него за благословеніемъ тѣснилось множество народа, иные слишкомъ сильно жали его руку или схватывали ее, наступали на ноги, но онъ не обращалъ на это вниманія. Благостность его души особенно выражалась въ его заботѣ порадовать всякаго подаркомъ. Когда въ 1844—45 гг. чрезъ Воронежъ на Кавказъ шли войска, у мощей святителя Митрофана, по распоряженію владыки, служились молебны, и всякій солдатъ получалъ образъ на финифти. Нѣкоторые офицеры показывали потомъ съ благодарностью преосвященному Антонію эти образки, которые въ бою спасли ихъ отъ пуль, и которые хранили на себѣ слѣды этихъ пуль; преосвященный совѣтовалъ этимъ лицамъ всегда носить тѣ образки.

Неистощимо, удивительно, неудержимо было милосердіе преосвященнаго Антонія. Онъ говорилъ: «Прежде имѣніе

церковное было имѣніе бѣдныхъ; теперь-же епископское можетъ быть таковымъ». Чѣмъ чаще кто указывалъ ему на бѣдныхъ, тѣмъ выше цѣнилъ того владыка. Украшеніемъ его дома, сокровищемъ, за которымъ онъ бѣгалъ, были бѣдные. Ежедневно утромъ, но еще большее число бѣдныхъ въ полдень, одѣлялось деньгами чрезъ келейника; кто не могъ дойти до дома архіерейскаго, посылалъ доложить о себѣ, и помощь присылалась на домъ. Кто входилъ въ пріемную съ личными объясненіями, тѣхъ владыка разспрашивалъ о нуждѣ ихъ и оказывалъ болѣе значительную помощь. Часто онъ клалъ деньги подъ просфоры. Многіе получали какъ-бы мѣсячную пенсію, многимъ поверхъ денегъ отпускалось продовольствіе—мука, пшено, масло, а въ праздникъ и рыба; вдовамъ съ сиротами строились иногда дома; вообще-же къ бѣднымъ посылалъ владыка при нуждѣ печниковъ со своими кирпичами для кладки печей, плотниковъ съ лѣсомъ для крышъ и заборовъ.

Въ 1834 г. въ Ямской слободѣ выгорѣло сто домовъ; записавъ отъ святителя и чудотворца Митрофана тысячу рублей, преосвященный Антоній, среди созваннаго имъ собранія, въ одинъ день собралъ 15 тысячъ. Вскорѣ были уже отстроены, освящены и заняты погорѣльцами вновь выстроенные и подаренные имъ благообразные дома.

Проѣзжіе, по какой-нибудь случайности оставшіеся безъ денегъ, шли къ архипастырю за займомъ; составители духовныхъ книгъ и живописцы для изданія духовныхъ картинъ получали отъ преосвященнаго средства. Вновь изданныя духовныя книги присылались ему авторами, и онъ, для раздачи, покупалъ ихъ въ значительномъ количествѣ. Видя въ молодыхъ людяхъ духовное настроеніе, преосвященный Антоній любилъ дарить Евангеліе въ серебряномъ окладѣ. Также раздавалъ для чтенія, особенно указывая на ночное время, псалтирь. Дѣлалъ преосвященный щедрыя пожертвованія на храмы своей и чужихъ епархій — и, выѣзжая, бралъ съ собою деньги для раздачи.

Никогда и никому не сказалъ онъ: «это до меня не

относится, это не мое дѣло». Его правиломъ было—лучше передать, чѣмъ недодать.

Молитва была для преосвященнаго Антонія то-же, что дыханіе. И, находясь въ обществѣ, архипастырь, только что прерывалъ рѣчь—начиналъ про себя молитву Іисусову, перебирая четки.

Преосвященный Антоній любилъ служить, и служеніе его было торжественно. Порядокъ богослуженія у него былъ весьма стройный, хоръ замѣчательный, голоса діаконовъ рѣдкіе. Какой-то трепетъ проникалъ присутствующихъ при ожиданіи входа владыки во храмъ. Благоговѣніе и святость выражались на лицѣ его. Онъ шелъ не спѣшно, мѣрно и величественно, въ каждомъ движеніи было видно ревностное воодушевленіе. При облаченіи онъ держалъ персты въ благословляющемъ сложеніи. Особая бодрость духа и окрыленіе архипастыря сообщалось и молящимся; сослужащіе чувствовали священный страхъ. Возгласы преосвященный дѣлалъ громко и благозвучно. Если въ богослуженіи случалось замѣшательство—онъ тихо, иногда однимъ взоромъ, приводилъ все въ порядокъ. По окончаніи обѣдни благословлялъ народъ, произнося безпрестанно: «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа». Ежедневно и непремѣнно преосвященный слушалъ литургію, вечерню и всенощную.

Одинъ человѣкъ, пораженный въ дѣтствѣ служеніемъ преосвященнаго Антонія, такъ вспоминаетъ о немъ: «Изъ алтаря показался величественный старецъ съ сѣдою длинною бородой, съ блѣднымъ лицомъ, полузакрытыми очами, весь въ золотѣ, въ сіяніи, съ крестомъ и двумя горящими свѣчами въ рукахъ. Остановившись шагахъ въ пяти отъ меня, онъ устремилъ къ небу свои очи, полныя слезъ, и какимъ-то необъяснимымъ и, мнѣ показалось, неземнымъ голосомъ произнесъ: «Призри съ небесе, Боже, и виждь, и посѣти!» Я такъ и застылъ на мѣстѣ—стою ни живъ, ни мертвъ. Вдругъ гдѣ-то недалеко отъ меня, какъ будто сверху, съ неба, раздалось тихое, нѣжное, мягкое и, опять мнѣ показалось, неземное пѣніе «Святый Боже!» Мгновенно

Архіепископъ Антоній Воронежскій.

въ моемъ дѣтскомъ воображеніи представились ангелы небесные, о которыхъ я такъ часто и много читалъ въ Четьи-Минеѣ. Я зарыдалъ громко, неудержимо, такъ что меня должны были вывести изъ церкви. Я твердилъ одно: «живой, святой, и ангелы живые!»

Пѣніе преосв. Антоній любилъ тихое, стройное, умилительное, церковнаго характера, безъ прикрасъ. Въ покояхъ своихъ любилъ много иконъ, озаренныхъ лампадами.

Отдыху преосвященный Антоній удѣлялъ мало времени, большую часть ночи проводя въ молитвѣ, и говорилъ, что молитва ночная, какъ солнце, освѣщаетъ дневныя дѣла. Въ 7 часовъ совершалась литургія, и потомъ владыка, занимался чтеніемъ какого нибудь Отца Церкви и дѣлалъ выписки. Потомъ начинались занятія дѣлами, за симъ раздача милостыни, обѣдъ, снова чтеніе, краткій отдыхъ, письменныя занятія. вечерня, всенощная, пріемъ посѣтителей и молитва. Преосвященный Антоній любилъ природу, деревья и цвѣты.

Доступъ ко владыкѣ былъ всегда удобенъ; онъ принималъ въ рясѣ, клобукѣ, съ панагіею на груди и четками въ рукахъ. Разговоровъ маловажныхъ, обыденныхъ онъ не велъ, а говорилъ о великихъ вопросахъ вѣры и спасенія. Словъ шуточныхъ онъ не употреблялъ, считая ихъ празднословіемъ, и, несмотря на его кротость, никто предъ нимъ не осмѣливался вступать съ другимъ въ споры, порицать или смѣяться надъ кѣмъ. Никогда не видали преосвященнаго Антонія смѣющимся; большею частью тихая радость сіяла на его лицѣ...

Праздники, послѣ принятія гостей, преосвященный торжествовалъ уединеніемъ и усиленными молитвами. Въ Великомъ Посту первую и послѣднюю недѣлю отличалъ сухоядѣніемъ, и весь постъ часто служилъ, пріобщая по субботамъ и воскресеньямъ народъ. Онъ говаривалъ, что на великіе праздники Господь награждаетъ своихъ усердныхъ рабовъ, посылая имъ радости.

Въ постоянное напоминаніе своей паствѣ о святителѣ

Митрофанѣ, преосвященный Антоній приказалъ отпечатать и раздавалъ богомольцамъ слѣдующій отрывокъ изъ завѣщанія святителя.

«Употреби трудъ, храни мѣрность, богатъ будеши.

«Воздержно пій, мало яждь, здравъ будеши.

«Твори благо, бѣгай злаго, спасенъ будеши.

«И сицевымъ образомъ въ правду всякому въ души и тѣлеси спасеніе отъ Господа Бога готово, временное и вѣчное имство благополучное и продолженіе лѣтъ во здравіи».

Предчувствуя время отшествія своего, преосвященный Антоній умножилъ молитвы свои ко Пресвятой Владычицѣ, къ Которой съ дѣтства имѣлъ особое усердіе. Въ своей Крестовой церкви, а потомъ и во всѣхъ городскихъ церквахъ, велѣлъ онъ пѣть послѣ обѣдни кондакъ: «О, Всепѣтая Мати». «Уже не долго мнѣ жить, говорилъ онъ; къ кому-же мнѣ теперь обратиться, по Господѣ Бозѣ моемъ Іисусѣ Христѣ, какъ не къ Пречистой Его Матери, Царицѣ Небесной, отъ юности благодѣтельницѣ, покровительницѣ моей?» Въ началѣ 1846 г. преосвященный чувствовалъ себя крайне слабымъ, но не покидалъ дѣлъ. Въ Задонскомъ монастырѣ сталъ грозить разрушеніемъ сводъ надъ мѣстомъ погребенія, чтимаго преосвященнымъ, святителя Тихона, куда стекалось для служенія панихидъ много народа. Для необходимыхъ распоряженій въ маѣ преосвященный отправился въ Задонскъ.

Гробъ святителя нужно было перенести въ другое мѣсто. Увѣренный въ нетлѣніи мощей, преосвященный Антоній поручилъ освидѣтельствовать ихъ негласно, въ поздній часъ, а самъ на время работы раскопокъ сталъ въ келліи на молитву. Въ 11 часовъ вечера назначенное для того лицо постучалось къ нему, и онъ встрѣтилъ вопросомъ: «Что, обрѣли святыя мощи?» — «Обрѣли, владыко».

Преосвященный Антоній, несмотря на крайнюю неудовлетворительность пути къ могилѣ, пробрался въ нее и, припавъ къ персямъ святителя, со слезами благодарилъ Бога,

что ему, по желанію сердца, дано передъ смертью видѣть мощи святителя Тихона.

Тогда-же мощи были положены въ новый гробъ, запечатаны, перенесены въ другой храмъ, а о случившемся дано знать Св. Синоду.

13-го августа преосвященный Антоній еще вернулся въ Задонскъ и совершилъ, какъ и прежде, память по святителѣ. На праздникъ Рождества Богородицы (8-го сентября) въ послѣдній разъ служилъ литургію и пріобщалъ богомольцевъ.

Съ 12-го декабря архипастырь заболѣлъ и не принималъ съ тѣхъ поръ уже болѣе пищи; отъ лѣкарствъ отказался. Тѣмъ не менѣе, онъ занимался дѣлами, диктовалъ поздравительныя къ Рождеству письма. 17-го утромъ духовникъ совершилъ въ комнатѣ преосвященнаго водосвятіе, а 18-го въ мантіи и омофорѣ онъ пріобщился отъ духовника. 19-го послалъ отслужить въ храмъ Іоанна Богослова молебенъ съ акаѳистомъ Скорбящей Божіей Матери, самъ молился у себя предъ Ея иконою, и плачущему племяннику сказалъ: «Я еще не умру—мнѣ Божія Матерь сказала, что нужно дѣла кончить». И въ тотъ день онъ сдалъ викарію всѣ дѣла. Всю ночь провелъ въ молитвѣ. 20-го утромъ назначилъ быть въ шесть часовъ пополудни соборованію, послалъ на почту денежныя письма бѣднымъ и роздалъ милостыню пришедшимъ къ нему. Викарію своему онъ сказалъ: «Никакого не чувствую страха; желаю разрѣшиться и быть со Христомъ». Сдѣлавъ нѣкоторыя распоряженія, владыка сталъ молиться. Въ шесть часовъ началось торжественное соборованіе, длившееся часъ; архипастырь сидѣлъ въ креслахъ со свѣчею и самъ прочелъ послѣднюю молитву—«Простите мя, отцы и братья».

Благословивъ всѣхъ, онъ перешелъ съ креселъ на ложе; осѣнивъ обѣими руками, разрѣшилъ находившихся подъ запрещеніемъ и отпустилъ всѣхъ.

Чрезъ четверть часа преосвященный сильно постучалъ въ двери, призывая своихъ чадъ. Онъ въ послѣдній разъ

возложилъ крестообразно руки на головы присутствующихъ, духовникъ сталъ читать отходную, въ руки архипастыря вложили горящую свѣчу; съ окончаніемъ отходной архіепископъ Воронежскій и Задонскій Антоній предалъ духъ Богу — 20 декабря 1846 г., въ пятницу, въ четверть девятаго вечера, на 74-мъ году жизни.

По облаченіи, тѣло вынесено въ креслахъ въ Митрофанову гостиную, при чемъ лѣвая рука почившаго висѣла опущенною, а правая, никѣмъ не поддерживаемая, держала у груди крестъ... Около полуночи началась первая панихида.

27-го декабря тѣло архіепископа Антонія погребено въ Благовѣщенскомъ соборѣ, возлѣ столѣтней усыпальницы святителя Митрофана. Всѣ эти дни было громадное стеченіе народа, столько терявшаго въ усопшемъ.

Исполнилось болѣе полустолѣтія со дня кончины архіепископа Антонія, но имя его сохраняется среди именъ тѣхъ, которыми за послѣднее столѣтіе святился и спасался русскій народъ.

Въ чемъ-же состоитъ значеніе преосвященнаго Антонія Воронежскаго?

Онъ представляетъ собою удивительно полный, отрадный, идеальный образъ епархіальнаго архіерея.

Чистый, ревностный съ младенчества, его жизненный путь былъ озаренъ тою ясностью, простотою и твердостью, какія даетъ человѣку нераздѣльное служеніе Богу.

Ничего не требуя для себя, съ неослабѣвающей силой ища блага ближнихъ, онъ своею жизнью еще громче слова проповѣдывалъ паствѣ царствіе Божіе, пришедшее въ силѣ, и былъ среди міра вѣрующаго, но слабаго, крѣпкимъ воплощеніемъ Христовыхъ заповѣдей.

Онъ называлъ себя „служкой святителя Митрофана", говорилъ *) о себѣ: „я сельскій житель, изъ села Божіей

*) Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ на вопросъ ея, бывалъ-ли онъ въ столицахъ.

Матери“, но какой величавый, обаятельный, трогательный встаетъ образъ при его смиренномъ имени!

Удивительна жизнь, каждое дыханіе которой славило Бога, удивительна вѣра и любовь, сдѣлавшая изъ жизни такое широкое поприще добродѣтелей, удивительно негаснущее воодушевленіе, неистощимое милосердіе!

Откуда бралъ архіепископъ Антоній средства для неудержимаго потока своихъ милостынь?

Тутъ можно отвѣтить только словами другого великаго покровителя страждущихъ, святаго Іоанна Милостиваго, патріарха Александрійскаго, — къ казначеямъ патріархіи, устрашеннымъ размѣрами его жертвъ: „Вѣрую Богу— если со всего міра сойдутся нищіе, мы прокормимъ ихъ!...“

Мелетій, архіепископъ Харьковскій и Ахтырскій.

Архіепископъ Мелетій назывался въ міру Михаилъ Ивановичъ Леонтовичъ и былъ сыномъ Полтавскаго дворянина изъ казаковъ. Онъ родился въ Полтавѣ 6 ноября 1784 г. Когда мальчику было 4 года, отецъ его на охотѣ нечаянно выстрѣлилъ въ себя изъ своего ружья и умеръ.

Сначала мальчикъ учился дома, потомъ въ Полтавскомъ училищѣ, затѣмъ въ Екатеринославской бурсѣ и семинаріи. Кромѣ смерти мужа, мать его перенесла и другое несчастіе: сосѣдъ-помѣщикъ завелъ съ нею тяжбу и оттягалъ у нея имѣніе, оставивъ ее съ сыномъ и дочерью почти нищими.

Какъ много терпѣлъ мальчикъ по своей бѣдности при тогдашнемъ неустройствѣ учебныхъ заведеній, видно изъ его воспоминаній, какъ онъ ходилъ въ пестревомъ халатѣ, въ родѣ больничныхъ, безъ шапки лѣто и зиму. Уже будучи архіепископомъ, онъ сказалъ, когда ему доложили, что воспитанники обижаются пищею: «Теперь еще обижаться; теперь, говорятъ — худо; а какъ мы, бывало, у дьячковъ учились, да по цѣлымъ ночамъ ходили подъ хатами, и въ хатахъ псалмы пѣли, и этимъ себя и учителя кормили?»

Во время ученія юноша выдавался и способностями, и прилежаніемъ, и поведеніемъ. Въ немъ уже тогда была любовь къ сравнительному чтенію Священнаго Писанія, свидѣтельствующая о его сосредоточенности и его духовныхъ стремленіяхъ.

Послѣ семинаріи Михаилъ Ивановичъ былъ вытребованъ въ Петербургскую Духовную Академію, которую и окончилъ очень успѣшно на исходѣ 29-го года, отъ роду. На лѣто онъ поѣхалъ къ матери въ с. Старые Сенжары Полтавскаго уѣзда, порадовать ее и набраться силъ и послѣ занятій и послѣ неподходящаго къ его слабому здоровью петербургскаго климата. Мать предполагала женить сына, искала ему невѣсту. Но, вернувшись въ столицу, онъ написалъ ей, что нашелъ себѣ невѣсту,—Святую Церковь Христову. Она была въ отчаяніи. Ее тяготила мысль видѣть сына монахомъ. Но онъ не сразу рѣшился на этотъ шагъ, а постепенно подготовлялъ себя къ постриженію.

Въ Петербургской Академіи онъ былъ оставленъ баккалавромъ (преподавателемъ) греческаго языка; чрезъ три года онъ былъ переведенъ инспекторомъ въ Кіевскую Духовную Академію. 11 февраля 1820 г., онъ постриженъ въ монашество съ именемъ Мелетія. Постриженіе совершалъ митрополитъ Кіевскій Евгеній (Болховитиновъ), извѣстный своею ученостью и подвижническою жизнію. Въ 1821 г. о. Мелетій былъ назначенъ ректоромъ Могилевской семинаріи, гдѣ онъ прослужилъ два года. Онъ значительно оживилъ дѣло преподаванія. Прекрасно излагая свой предметъ, онъ сумѣлъ заставить учениковъ заинтересоваться имъ. Прежнее грубое, часто безчеловѣчное обращеніе, какому подвергались учащіеся въ бурсахъ, при о. Мелетіи смѣнилось заботливымъ, твердымъ, но ласковымъ отношеніемъ. Строго преслѣдуя все дурное, онъ часто присутствовалъ при играхъ воспитанниковъ, при ихъ прогулкахъ, въ день своихъ имянинъ угощалъ ихъ, значительно улучшилъ ихъ столъ, и заслужилъ общую любовь. Изъ Могилева онъ былъ переведенъ на ту же должность во Псковъ, гдѣ пробылъ

всего лишь нѣсколько мѣсяцевъ, такъ какъ въ январѣ 1824 г. былъ назначенъ ректоромъ Кіевской духовной академіи, а въ концѣ 1826 г. — епископомъ Чигиринскимъ, викаріемъ Кіевской митрополіи. Тогда же онъ назначенъ и настоятелемъ Златоверхаго Михайловскаго монастыря, гдѣ почиваютъ мощи св. великомученицы Варвары.

Какъ была счастлива мать преосв. Мелетія, когда сынъ просилъ ее переѣхать жить къ нему! Какъ отрадно было ей, знавшей въ жизни мало радостей, присутствовать при торжественныхъ архіерейскихъ служеніяхъ сына, участь котораго она недавно такъ горько оплакивала.

Уже въ Кіевѣ сказывался тотъ строгій строй жизни, который составляетъ отличительную черту преосв. Мелетія. Онъ соблюдалъ удивительную умѣренность во всемъ. Кромѣ постовъ, весь годъ въ середу, пятницу, будь то даже Господніе и Богородичные праздники, къ обѣду готовилось грибное. Всю страстную недѣлю онъ проводилъ почти безъ пищи, чему окружающіе изумлялись. Но онъ старался скрывать свои подвиги. Однажды онъ обѣдалъ по случаю одного приходскаго праздника у старосты въ день, когда онъ обыкновенно ѣлъ грибное, и ему начали подавать именно грибное. Тогда онъ потребовалъ рыбы.

Онъ мало проповѣдывалъ, такъ какъ голосъ у него былъ тихій и грудь слабая; зато онъ много говорилъ поучительнаго, когда его посѣщали на дому, причемъ обыкновенно, провожая посѣтителя, произносилъ на прощаніе: „Спасайся“, или „спасайтеся!“

Онъ былъ усердный молитвенникъ. Неопустительно выслушивая каждую службу, онъ положилъ еще себѣ опредѣленные часы для келейной молитвы, съ жившей при немъ матерью. Молитва Іисусова никогда не сходила съ его устъ. Во время богослуженія, особенно во время Божественной литургіи, его благоговѣніе доходило до высшаго напряженія, проявляясь въ слезахъ. Его чрезвычайно огорчало малѣйшее неблагочиніе, запинка въ богослуженіи. Часто пѣвчіе начинали пѣть ранѣе, чѣмъ онъ оканчивалъ свой воз-

Мелетій, архіепископъ Харьковскій и Ахтырскій.

гласъ, такъ какъ голосъ его срывался часто и затихалъ раньше конца возгласа. Послѣ обѣдни онъ говорилъ пѣвчимъ: „Вы, должно быть, надо мною смѣетесь, не дожидаясь окончанія моего возгласа. Вѣдь вы знаете, что у меня грудь больна, голосъ слабъ. Старайтесь вслушиваться лучше“.

Внѣшній видъ его въ это время былъ таковъ. Ростъ малый; самъ тонкій, сухощавый, слабосильный, голосъ тихій, лицо, обросшее черными, начинавшими ужѐ сѣдѣть волосами.

На 44-мъ году жизни, лѣтомъ 1828 г. преосв. Мелетій оставилъ Кіевъ, въ которомъ провелъ десять лѣтъ, для самостоятельной Пермской каѳедры.

Съ благодарностью за тѣ чистыя религіозныя впечатлѣнія, которыя подарила ему „Мать градовъ русскихъ“ разставался онъ съ Кіевомъ и съ дороги прислалъ намѣстнику Михайловскаго монастыря слѣдующее замѣчательное письмо:

„Прости, возлюбленная во Христѣ братія и православный народъ Богоспасаемаго града Кіева! Высокое твое благочестіе врѣзалось въ мое сердце. Буди благословенно пламенное и искреннее твое усердіе къ Церкви святой и ко мнѣ, грѣшному архипастырю. Дни и годы, проведенные среди тебя, я отношу къ числу счастливѣйшихъ годовъ моей жизни. Обрадованный мирнымъ величіемъ твоего православія, молю Всемогущаго Бога, да вѣра твоя и твое благоденствіе продлятся въ потомствѣ твоемъ до конца міра и за гробомъ да отверзутся тебѣ врата въ Царствіе небесное“.

Въ Кіевѣ преосв. Мелетій долженъ былъ проститься навсегда со своею матерью. По старости и дряхлости она не могла слѣдовать за сыномъ въ столь далекій и холодный край. Чрезъ нѣсколько лѣтъ эта истинно набожная и добродѣтельная женщина скончалась въ Елисаветградѣ, гдѣ ея дочь была замужемъ за священникомъ.

Въ три года, проведенные преосв. Мелетіемъ въ Перми, онъ осмотрѣлъ почти всю епархію, посѣтилъ и такія мѣста,

гдѣ его предшественники никогда не бывали. Всюду онъ служилъ обѣдни, вникалъ во все, наставлялъ или каралъ недостойныхъ, поощрялъ трудящихся. Въ Перми каждый праздникъ и всѣ воскресные дни служилъ самъ. Въ будни же, отслушавъ у себя въ церкви раннюю обѣдню, занимался дѣлами службы, не терпя ни малѣйшаго въ нихъ замедленія. Онъ воздвигъ въ два года громадный корпусъ для семинаріи, проявивъ при этомъ самую хозяйственную бережливость; долго стоявшую въ недостроенномъ видѣ соборную колокольню быстро довершилъ.

Объѣзжая епархію, онъ велъ журналъ, испещренный множествомъ его замѣтокъ. По епархіи быстро разошелся слухъ объ архипастырѣ-подвижникѣ, и его всюду встрѣчали съ величайшею радостью, почитая за святого. Часто, при въѣздѣ его въ селеніе, всѣ падали на колѣни и крестились на него, осѣнявшаго ихъ благословеніемъ. Съ величайшимъ усердіемъ принося въ храмахъ обширной епархіи безкровную жертву, онъ съ великимъ дерзновеніемъ воздѣвалъ къ небу чистыя руки за своихъ пасомыхъ.

Съ тою же твердостью и заботливостью, какъ раньше, относился онъ къ учащемуся духовному юношеству. Къ духовенству онъ былъ требователенъ; строго экзаменовалъ лицъ, искавшихъ мѣстъ въ знаніи ими устава, въ діаконы не посвящалъ до достиженія 25-ти лѣтняго возраста. Въ храмахъ требовалъ строжайшей тишины.

Но при всей своей несомнѣнной строгости онъ былъ отечески попечителенъ. Онъ все свое жалованье раздавалъ бѣднымъ духовнаго званія, такъ что самъ постоянно нуждался въ деньгахъ. Оскорбленія даже со стороны подчиненныхъ благодушно терпѣлъ.

Заботясь о своихъ и семинарскихъ пѣвчихъ до того, что въ праздники приказывалъ своему повару готовить имъ кушанья и сладкое, до которыхъ самъ не касался, цѣликомъ отсылая все имъ: онъ строго спрашивалъ съ нихъ знанія уроковъ.

Личная жизнь его была здѣсь такъ же строга. Въ на-

родѣ говорили о чрезвычайномъ его постничествѣ, о ночныхъ его молитвахъ. Въ разговорахъ онъ высказывалъ свѣтлыя вдохновенныя мысли. Послѣ службы онъ любилъ, не торопясь, благословлять народъ. Самъ онъ служилъ безъ излишней протяжности, но и безъ скорости. Всякій мѣсяцъ онъ исповѣдвыался съ глубокимъ смиреніемъ и слезами.

Лѣтомъ 1831 г. онъ переведенъ былъ съ саномъ архіепископа въ Иркутскъ.

Въ теченіе 4-хъ лѣтняго своего пребыванія въ этой громадной епархіи съ безконечными разстояніями и рѣдкими храмами, онъ по слабости не ѣздилъ по епархіи. Воспитаніе духовнаго юношества, искорененіе взяточничества, миссіонерское дѣло составляли предметъ его главныхъ заботъ.

По собственному прошенію въ виду трудности переносить суровый климатъ, преосв. Мелетій изъ Иркутска переведенъ былъ въ Харьковъ.

Здѣсь въ дѣлахъ управленія и подвиговъ благочестія и прошли послѣдніе года его жизни.

Вотъ, какъ проходилъ его день. По окончаніи ранней литургіи онъ пилъ чай — не болѣе одной чашки съ двумя тонкими сухарями. Потомъ начиналъ заниматься епархіальными дѣлами. Въ четвертомъ часу обѣдалъ — легкія щи, уха или жидкая кашица, никогда болѣе трехъ перемѣнъ. Изъ поданнаго блюда онъ не бралъ никогда больше одной суповой ложки, и то употреблялъ разные пріемы, чтобъ незамѣтно и изъ этого количества побольше оставить несъѣденнымъ. Такъ, въ дни поста онъ опускалъ въ хлёбово хлѣбъ, который вытягивалъ жидкость, и, этотъ хлѣбъ вынувъ, откладывалъ въ сторону, не съѣдая. Молился онъ, всегда одѣвшись въ черную рясу, съ 9-ти часовъ вечера непрерывно до 4-го часа утра, посвящая молитвѣ всю ночь. Только 4-ый часъ проводилъ онъ въ отдыхѣ, а потомъ подымался къ утренѣ и обѣднѣ.

Однажды, во время обозрѣнія имъ епархіи, священникъ села Преображенскаго Зміевскаго уѣзда замѣтилъ слѣдующее. Когда преосв. Мелетій удалился на покой, свя-

щенникъ, не могшій долго заснуть, чрезъ щель увидалъ архипастыря при свѣтѣ лампады молящагося на колѣняхъ съ воздѣтыми руками. Такъ молился онъ всю ночь и лишь предъ разсвѣтомъ прилегъ на полъ, положивъ въ изголовье свой подрясникъ и предварительно смявши немного постель, для него приготовленную. Съ зарею святитель снова сталъ молиться. Его замѣчали молящимся и въ дорогѣ въ то время, когда ѣхалъ въ экипажѣ.

Благочестіе, ревность къ богослуженію, справедливость, смиреніе, постъ и молитва, милосердіе, заступничество за несчастныхъ — вотъ качества, за которыя любили преосв. Мелетія въ Харьковѣ.

Какъ кающійся грѣшникъ, часто преклонялъ онъ колѣни предъ своимъ духовникомъ, которому повѣрялъ всѣ свои задушевныя мысли и желанія, радости и скорби.

До преосв. Мелетія архіерейское богослуженіе въ Харьковѣ совершалось очень рѣдко. Появленіе преосв. Мелетія, утѣшавшаго народъ частымъ служеніемъ, было тѣмъ большею радостью. Новую жизнь вдохновлялъ онъ словомъ, дѣломъ и примѣромъ тамъ, гдѣ появлялся. Его всѣ чтили, хоть онъ этого не искалъ; всѣ боялись, чуя его правду. Злые духи, видя въ немъ особые дары благодати Божіей, трепетали его, чему были при служеніяхъ его всенародные примѣры.

Онъ такъ боялся какого то ни было вида взятки, что, когда одинъ благочинный, у котораго были сады, земли, поля и рыбныя ловли, принесъ ему въ подарокъ рыбу, онъ ему сказалъ: „Напрасно ты, отецъ, заботился объ этомъ. Вѣдь я архіерей и по милости Божіей противу тебя гораздо богаче. Зачѣмъ же мнѣ брать твою рыбу, когда для меня каждый день достаточно есть ея и на городскомъ рынкѣ. Ты бы лучше кормилъ ею своихъ бѣдныхъ собратьевъ, дьячковъ и пономарей, да прихожанъ не богатыхъ. Какъ виновный, бери своими руками рыбу и неси ее, куда знаешь“.

Дѣла преосвященный рѣшалъ очень осмотрительно.

Бумаги подписывалъ перекрестясь и по тщательномъ обдумываніи.

Разъ, послѣ того какъ ему случилось служить три дня подрядъ, его спросили, не усталъ ли онъ. Онъ отвѣчалъ: „Нѣтъ, въ служеніи я только отдыхаю. Мнѣ гораздо труднѣе разбирать дѣла письменныя, чтобъ не сдѣлать чего нибудь противъ правды и закона. А служить Божьи службы я бы радъ хоть и всякій день“.

Однажды во время объѣзда епархіи преосвященный предсказалъ возстановленіе знаменитой Святогорской обители.

Много разсказовъ ходитъ въ Харьковѣ о безкорыстіи, милосердіи, прозорливости и дарѣ исцѣленій, дѣйствовавшихъ въ этомъ святителѣ; какъ онъ устраивалъ трапезу для нищей братіи, какъ посѣщалъ тюрьмы, какъ усердно молился за тѣхъ, кто просилъ его молитвъ и заступался за обиженныхъ.

Незадолго до кончины его Харьковская консисторія послала въ Св. Сvнодъ доносъ о крайней медленности въ епархіальныхъ дѣлахъ, и изъ Сvнода пришелъ на этотъ счетъ запросъ. Позвавъ къ себѣ зачинщика доноса, архимандрита Іоанна, архіепископъ кротко сталъ говорить ему о неосновательности обвиненія и затѣмъ, снявъ съ себя часть одежды, показалъ ему раны, покрывавшія все его тѣло: во многихъ мѣстахъ были видны однѣ бѣлыя кости.

Этотъ архимандритъ кончилъ жизнь въ большихъ бѣдствіяхъ.

Перемогаясь съ величайшимъ напряженіемъ воли, такъ что большинство не могло вообразить себѣ, какъ страшно боленъ архіепископъ, преосв. Мелетій достигъ послѣднихъ дней жизни.

Молился онъ теперь, сидя въ постели, обложенный подушками и имѣя предъ собою разогнутую книгу. Такъ проводилъ онъ цѣлыя ночи. Онъ задолго зналъ день своей смерти. За три дня до этого событія, келейникъ архіепископа, очень къ нему привязанный, имѣлъ видѣніе о близкой и блаженной его кончинѣ.

Когда онъ пришелъ къ преосвященному, тотъ лежалъ съ поднятыми къ небу глазами; его лицо сіяло неземною радостью, въ комнатѣ было какое-то блистаніе. Подозвавъ къ себѣ келейника, архіепископъ сказалъ ему тихо, что чрезъ три дня будетъ конецъ.

Въ послѣдніе дни жизни онъ ничего не вкушалъ, сдѣлалъ нѣсколько предсказаній, напутствовался св. Таинствами.

Въ ночь съ 28 на 29 февраля 1840 г., вскорѣ послѣ боя полуночи, онъ пригласилъ къ себѣ священника со св. Дарами, взялъ Св. чашу въ руки и, съ глубокимъ чувствомъ прочтя молитвы предъ причастіемъ, пріобщился, и затѣмъ прочелъ „Нынѣ отпущаеши раба Твоего“, — Трисвятое и Отче нашъ... Уже послѣднія дыханія вырывались изъ его груди, а онъ читалъ: „Заступникъ души моя буди, Боже, яко посредѣ хожду сѣтей многихъ... Избави мя отъ нихъ и спаси мя, Блаже, яко Человѣколюбецъ... Все упованіе Мое на Тя возлагаю, Мати Божія, сохрани мя подъ покровомъ Твоимъ!“ Оградивъ себя крестнымъ знаменіемъ, онъ сказалъ: „Прости меня“, — и тогда предалъ духъ свой Богу.

По смерти его найдено мелкою серебряною монетою восемь рублей ассигнаціями, такъ что хоронить было не на что: харьковскіе граждане сдѣлали складчину.

На третій день по кончинѣ онъ во снѣ явился своему духовнику и сказалъ, чтобъ вложили въ руки забытыя четки. Когда духовникъ исполнялъ это приказаніе, рука свободно далась, какъ у живого. А когда духовникъ нашелъ нужнымъ поправить на почившемъ омофоръ, онъ при всѣхъ посадилъ мертвеца и тотъ сидѣлъ, какъ живой, пока духовникъ оправлялъ спустившійся на бокъ омофоръ.

Тѣло архіепископа Мелетія, пребывающее нетлѣннымъ, погребено въ усыпальницѣ подъ сводами нижней церкви Харьковскаго Покровскаго монастыря. Тамъ устроенъ теперь небольшой придѣлъ во имя Трехъ Святителей, и нерѣдко лица, почитающія память святителя, испрашивая его загробнаго ходатайства, не разъ проявленнаго имъ въ не-

обыкновенныхъ явленіяхъ, служатъ по почивающемъ подвижникѣ заупокойныя литургіи и панихиды.

Іосифъ, архіепископъ Воронежскій и Задонскій.

Памятный еще многимъ богомольцамъ, бывавшимъ въ Воронежѣ, архіепископъ Іосифъ былъ сынъ причетника с. Кобыльскаго, Зарайскаго уѣзда, Рязанской губерніи, родился въ 1801 г., обучался въ Зарайскомъ духовномъ училищѣ и Рязанской семинаріи. Здѣсь онъ занимался съ братомъ ректора, архимандрита Иліодора (впослѣдствіи архіепископъ курскій), жилъ у ректора на квартирѣ, имѣлъ возможность читать много духовныхъ книгъ изъ его богатой библіотеки видѣлъ въ молодомъ ректорѣ примѣръ подвижнической жизни. Его мечтой тогда было по окончаніи курса поступить священникомъ поближе къ своей родинѣ, чтобъ помогать бѣднымъ престарѣлымъ родителямъ.

Но, когда онъ оканчивалъ старшіе классы, пришло требованіе изъ московской духовной академіи о присылкѣ двухъ студентовъ, и однимъ изъ нихъ былъ назначенъ будущій Іосифъ.

Въ это время ученіе давалось ему легче, чѣмъ раньше, когда чувствовался недостатокъ прочной домашней подготовки.

Велико было значеніе той филаретовской школы, въ какую попалъ рязанскій семинаристъ, и которая образовывала людей добрыхъ, со всесторонне развитымъ умомъ, закаленною волею, непоколебимыхъ въ правдѣ.

Чрезъ нѣсколько дней по окончаніи курса произошло постриженіе юноши въ монашество съ именемъ Іосифа.

Передъ тѣмъ митрополитъ Филаретъ имѣлъ случай долго говорить съ нимъ и оцѣнилъ его.

Черезъ три года по окончаніи курса онъ уже назначается ректоромъ московской семинаріи, гдѣ становится особенно любимъ воспитанниками, такъ какъ всѣхъ самъ

одинаково любилъ и окружалъ заботами. Еще чрезъ 11 лѣтъ онъ былъ рукоположенъ въ епископа и сталъ викаріемъ московской епархіи.

Послѣ семилѣтней здѣсь дѣятельности онъ назначенъ на самостоятельную каѳедру въ Уфу.

Въ составъ этой громадной епархіи входили тогда нынѣшнія епархіи: Уфимская, Оренбургская и Самарская, много было инородцевъ-идолопоклонниковъ, много старообрядцевъ.

Іосифъ, Архіепископъ Воронежскій.

Главная сила успѣха преосвященнаго Іосифа была въ любви.

Не прошло года, какъ онъ устроилъ 20 единовѣрческихъ церквей для возсоединенныхъ его личными бесѣдами старообрядцевъ.

Ѣздилъ онъ и къ идолопоклонникамъ, всюду всячески стараясь развить проповѣдываніе слова Божія.

Чрезъ четыре года такой дѣятельности онъ назначенъ архіепископомъ воронежскимъ и задонскимъ — въ епархію, гдѣ дѣла, за долгою болѣзнью его предшественника, были крайне запущены и требовали для приведенія въ порядокъ человѣка съ сильною волею.

Ему пришлось здѣсь бывать строгимъ. Но никого не губилъ онъ, не отрѣшалъ отъ мѣстъ, и заботился объ имущественномъ положеніи семей лицъ, наказанныхъ имъ временною высылкою въ монастыри. Не только онъ сохранялъ за ними право пользоваться доходами, но часто помогалъ изъ своихъ средствъ.

Особыя старанія прилагалъ преосв. Іосифъ къ благоустройству духовно-учебныхъ заведеній, особенно семинаріи.

Воспитанники же духовнаго училища, помѣщающагося во дворѣ Митрофанова монастыря, были какъ бы его дѣти. Онъ смотрѣлъ на ихъ игры на училищномъ дворѣ, прогуливался съ ними на монастырскомъ дворѣ и среди богомольцевъ, внѣ стѣнъ монастыря. Бѣднѣйшихъ учениковъ онъ узнавалъ не только по платью, но и по робости ихъ, и одѣлялъ ихъ часто деньгами, говоря: „Возьми на булку, купи и подѣлись съ товарищами". Онъ признавалъ, что мальчикамъ полезно гулять среди богомольцевъ и что, подъ говоръ деревенскихъ, они лишній разъ вспомнятъ о родномъ домѣ.

Онъ же основалъ и епархіальное училище.

Черезъ десять лѣтъ по назначеніи на воронежскую каѳедру съ преосв. Іосифомъ случилось несчастіе, давшее новое направленіе его жизни.

Слабость зрѣнія была семейнымъ недостаткомъ въ родной семьѣ его. При плохомъ зрѣніи, по служебнымъ обязанностямъ постоянно вынужденный много читать, онъ въ конецъ испортилъ свое зрѣніе.

Однажды, служа въ одной приходской церкви, онъ началъ читать евангеліе, вдругъ прервалъ чтеніе и потребовалъ свѣчу — одну, другую, нѣсколько, но едва-едва, съ подсказываніемъ служащихъ, могъ дочесть евангеліе. Съ этого дня зрѣніе не возвращалось.

Удивительную при этомъ онъ оказалъ выдержку характера и заботливость къ людямъ. Въ этотъ потрясающій для него часъ онъ не отказался зайти къ чаю въ домъ церковнаго старосты, и уже оттуда пріѣхалъ домой.

По предложенію митрополита Филарета, онъ поѣхалъ лѣчиться въ Москву, но безуспѣшно, и въ 1864 г. онъ пересталъ видѣть даже дневной свѣтъ.

Тогда онъ уволился на покой и провелъ 27 лѣтъ въ нижнемъ этажѣ архіерейскаго дома въ Митрофаніевомъ монастырѣ.

Это было время сплошныхъ подвиговъ.

Жизнь велъ онъ размѣренную, не допуская отступленій.

Ложась въ часъ, онъ вставалъ въ пять и пѣлъ священныя пѣсни—пасхальнаго канона, великаго канона «Помощникъ и Покровитель», величанія и тропари святымъ.

Одѣвался, умывался и приводилъ въ порядокъ постель онъ всегда самъ.

Съ пяти до семи часовъ онъ все время молился и затѣмъ шелъ въ крестовую церковь къ обѣднѣ. Затѣмъ медленно возвращался изъ церкви, задерживаемый лицами, которыя желали принять его благословеніе.

Возвратившись въ келлію и напившись чаю, онъ занимался размышленіями о Богѣ и духовнымъ пѣніемъ. Затѣмъ ему читали вслухъ, прерывая чтеніе, когда къ нему приходили лица за совѣтами.

Въ часъ дня онъ обѣдалъ. Ѣлъ онъ, какъ малый ребенокъ, а иногда во время поста совсѣмъ не прикасался къ пищѣ. Первую и страстную недѣли великаго поста онъ проводилъ совершенно безъ пищи, довольствуясь чашкой чая и кускомъ просфоры.

Затѣмъ слѣдовалъ отдыхъ, во время котораго слышались вздохи молитвъ. Потомъ вечерня, вечерній чай и снова три часа чтенія. Въ одиннадцать преосвященный становился на молитву и молился вслухъ до часу. Наканунѣ причащенія св. Тайнъ онъ всю ночь простаивалъ на молитвѣ, отдыхая лишь часъ предъ литургіей. Суставы рукъ его были покрыты мозолями, такъ какъ онъ упирался на нихъ, поднимаясь съ пола.

При этой жизни не прекращалось общеніе преосвященнаго съ внѣшнимъ міромъ. Онъ почти ежедневно принималъ посѣтителей, давалъ имъ полезные совѣты, заговаривая о службѣ, хозяйствѣ и другихъ занятіяхъ. Затѣмъ бесѣда принимала характеръ духовный.

Тѣ, кто были въ горѣ или въ житейскихъ затрудненіяхъ, находили у него утѣшеніе. Многіе нравственно возраждались послѣ этихъ бесѣдъ.

Нѣкоторые случаи подтверждаютъ то, что въ немъ былъ даръ прозорливости.

Одна скопинская жительница пріѣзжала въ Воронежъ къ мощамъ святителя Митрофана и, приложившись къ нимъ, пошла за благословеніемъ къ архіепископу Іосифу. Благословляя ее, онъ прежде всего спросилъ: «А была ли ты въ Козловѣ у своей сестры?» (Оказалось, что эта женщина была въ ссорѣ съ сестрой). Получивъ отвѣтъ, что она не заѣхала къ сестрѣ, архіепископъ увѣщевалъ ее примириться.

Помѣщица Б—ва всегда спрашивала благословенія преосвященнаго на отъѣздъ. У нея въ Петербургѣ заболѣла дочь, бывшая въ Смольномъ институтѣ, и она спѣшила туда ѣхать. Передъ отъѣздомъ она зашла къ преосвященному Іосифу.

— Ты куда ѣдешь? — сказалъ онъ. —Ты сама больна, не слѣдуетъ ѣхать.

Какъ ни колебалась она, передавая многимъ свое удивленіе этимъ словамъ, — она рѣшилась ѣхать, отправилась въ Петербургъ и оттуда возвратилась ужъ въ гробу.

Архіепископъ часто давалъ посѣтителямъ брошюры и книжки духовнаго содержанія. Замѣчали, что многимъ онъ давалъ книжки, прямо соотвѣтствующія духовному состоянію этихъ лицъ.

У одного купца пришли въ разстройство торговыя дѣла. Въ тяжеломъ раздумьѣ онъ пошелъ къ мощамъ св. Митрофана, а затѣмъ въ крестовой церкви встрѣтилъ преосвященнаго Іосифа и подошелъ къ нему подъ благословеніе.

— Благословляется рабъ Божій Іоаннъ! — произнесъ архіепископъ, раньше никогда не знавшій этого человѣка. Съ ободреннымъ духомъ тотъ вышелъ изъ церкви, и дѣла его стали скоро замѣтно поправляться.

Выходя въ послѣдній разъ изъ Митрофанова собора, онъ сказалъ послушнику: «Послѣдній разъ мы съ тобою здѣсь, Алеша!»

Старецъ отошелъ къ Богу на 92 году жизни, 19 февраля 1892 года. Скончался онъ мирно и тихо, сидя на диванѣ.

Когда гробъ перенесенъ былъ въ церковь, множество народа сходилось проститься съ нимъ и много съ усердіемъ зажженныхъ свѣчей пылало вокругъ этого гроба.

Епископъ Өеофанъ.

Скончавшемуся такъ недавно епископу Өеофану принадлежитъ выдающееся значеніе въ исторіи нравственнаго развитія русскаго общества.

Та жажда совершеннаго единенія съ Богомъ, которая привела его въ затворъ, не лишила міра и его людей его помощи. И изъ своего дальняго затвора онъ былъ великимъ общественнымъ дѣятелемъ, поддерживая, руководя тысячами людей въ ихъ духовной жизни.

Путемъ совершеннаго самоотреченія, строгаго ежедневнаго подвижничества пріобрѣтя великій духовный опытъ, преосвященный Өеофанъ щедро дѣлился со всѣми, кто имѣлъ въ томъ нужду, сокровищами этого своего духовнаго опыта. Никому изъ обращавшихся къ нему письменно онъ не отказывалъ въ совѣтѣ. Но несоразмѣримо шире дѣйствовалъ онъ своими книгами. Громадная опытность, великая сила любви, жаждущая спасенія всѣхъ ближнихъ, глубокая житейская мудрость при самомъ цѣльномъ стремленіи въ высоту: все это запечатлѣло произведенія епископа Өеофана, придавая имъ безконечную цѣну и смыслъ. О томъ, какъ жить по христіански, какъ среди омута искушеній, бѣдствій, груза своихъ грѣховныхъ привычекъ, слабостей—не впадать въ отчаяніе, какъ пожелать себѣ спасенія начать дѣло нравственнаго совершенствованія, какъ отвоевывать на этомъ пути шагъ за шагомъ, впередъ и впередъ, и все глубже и глубже входить въ спасительную ограду Церкви: вотъ о чемъ говорятъ книги преосвященнаго Өеофана.

Въ этомъ отношеніи онъ подобенъ великому труженику на нивѣ духовнаго возрожденія русскаго народа, святителю Тихону Задонскому, писавшему такъ много, такъ хорошо и проникновенно о спасеніи человѣческой души среди опасностей грѣшнаго міра.

Преосв. Ѳеофанъ, кажется, все рѣшительно объялъ. Ни одна подробность, такъ сказать, духовной жизни не ускользнула отъ его вниманія. Все онъ такъ понятно объяснилъ, освѣтилъ такимъ яснымъ свѣтомъ душу человѣческую во всѣхъ ея изгибахъ, показалъ ее во всѣхъ, самыхъ неуловимыхъ движеніяхъ.

Трудолюбіе и выдержка его въ работѣ были поразительны, и число его сочиненій громадно.

Строгій, точный, выдержанный умъ епископа придаетъ особое значеніе его книгамъ. Онъ ведетъ за собою человѣка послѣдовательно, выше и выше, со ступени на ступень, и въ своихъ требованіяхъ согласуется съ нравственнымъ положеніемъ въ ту минуту человѣка; никогда не взваливаетъ онъ на плечи такого духовнаго груза, котораго человѣкъ еще не можетъ снести. Какъ воспитатель, руководитель въ дѣлѣ духовнаго обновленія—Ѳеофанъ незамѣнимъ.

Едва-ли кто можетъ сравниться съ Ѳеофаномъ въ качествѣ проповѣдника христіанскаго среди крещенаго во Христа, но ежечасно Христу измѣняющаго общества.

А за всею этою, выраженною въ книжкахъ, духовною мудростью стоитъ чистый, озаренный какимъ-то особенно искреннимъ, немерцающимъ свѣтомъ, образъ великаго подвижника. Да, всякое слово Ѳеофана производитъ тѣмъ сильнѣйшее впечатлѣніе, что оно запечатлѣно его жизнью. Когда онъ повторяетъ: «Не тяготѣйте къ землѣ. Все тлѣнно—только одно счастье загробное вѣчно, неизмѣняемо, вѣрно. И это счастье зависитъ отъ того, какъ проживемъ мы эту нашу жизнь!» тогда живымъ примѣромъ этого правильнаго взгляда на міръ и на судьбу души стоитъ его самоотреченіе, его затворъ, его нежеланіе взять отъ жизни что-нибудь, кромѣ стремленій къ Богу.

Значеніе Ѳеофана громадно и съ теченіемъ времени будетъ все расти.

Епископъ Ѳеофанъ назывался въ мірѣ Георгій Васильевичъ Говоровъ и родился 10 января 1815 года въ селѣ Чернавскѣ, Елецкаго уѣзда, Орловской губерніи, гдѣ его отецъ былъ священникомъ.

Такимъ образомъ, съ первыхъ впечатлѣній младенческихъ лѣтъ онъ сжился съ Церковью. По опыту говоритъ онъ въ одной изъ своихъ книгъ: «Самое дѣйствительное средство къ воспитанію вкуса есть церковность, въ которой неисходно должны быть содержимы воспитываемыя дѣти. Сочувствіе ко всему священному, сладость пребыванія среди него, не могутъ ничѣмъ лучше напечатлѣться на сердцѣ. Церковь, духовное пѣніе, иконы—первые изящнѣйшіе предметы по содержанію и силѣ».

Говоровъ учился сперва въ духовномъ училищѣ гор. Ливенъ, потомъ въ Орловской семинаріи. Какъ ни тяжелы были суровыя, подчасъ жестокія условія тогдашней духовной школы, она давала питомцамъ крѣпкій умственный закалъ. Затѣмъ съ 1837—1841 гг. онъ продолжалъ образованіе въ кіевской духовной академіи.

О его характерѣ въ то время можно догадываться по данному имъ впослѣдствіи одному человѣку совѣту: «Будьте со всѣми привѣтливы, благодушны и веселы. Только отъ смѣха, смѣхотворства и всякаго пусторѣчія воздерживайтесь! И безъ этого можно быть привѣтливымъ, веселымъ и пріятнымъ».

Можно съ увѣренностью сказать, что молодой студентъ часто ходилъ въ пещеры Кіево-Печерской лавры, и среди этихъ воспоминаній могла образоваться въ немъ рѣшимость удалиться отъ міра.

Еще до окончанія курса онъ былъ постриженъ въ монашество.

Послѣ постриженія, о. Ѳеофанъ, вмѣстѣ съ другими новопостриженными иноками, отправился въ лавру, къ извѣстному отцу Парѳенію.

Старецъ сказалъ имъ:

— Вотъ вы, ученые монахи, набравши себѣ правилъ, помните, что одно нужнѣе всего: молиться и молиться непрестанно умомъ въ сердцѣ Богу: вотъ чего добивайтесь. И я съ молодыхъ дней этого искалъ и просилъ, чтобъ никто не мѣшалъ мнѣ пребывать непрестанно съ Богомъ.

Конечно, уже съ тѣхъ поръ о. Ѳеофанъ, когда смотрѣлъ на міръ — все видѣнное имъ переводилъ для себя въ духовномъ смыслѣ. Самъ онъ совѣтовалъ это впослѣдствіи другимъ:

— Видите пятна на бѣломъ платьѣ и чувствуете, какъ непріятно и жалко это встрѣтить. Представьте себѣ, какъ непріятно и жалко должно быть Господу, ангеламъ и святымъ видѣть пятна грѣховныя на нашей душѣ.

— Слышите вы, что малыя дѣти, оставшись одни, поднимаютъ бѣготню, шумъ и гамъ — и вообразите себѣ, какой поднимается шумъ и гамъ въ душѣ вашей, когда удаляется отъ нея вниманіе къ Богу со страхомъ Божіимъ.

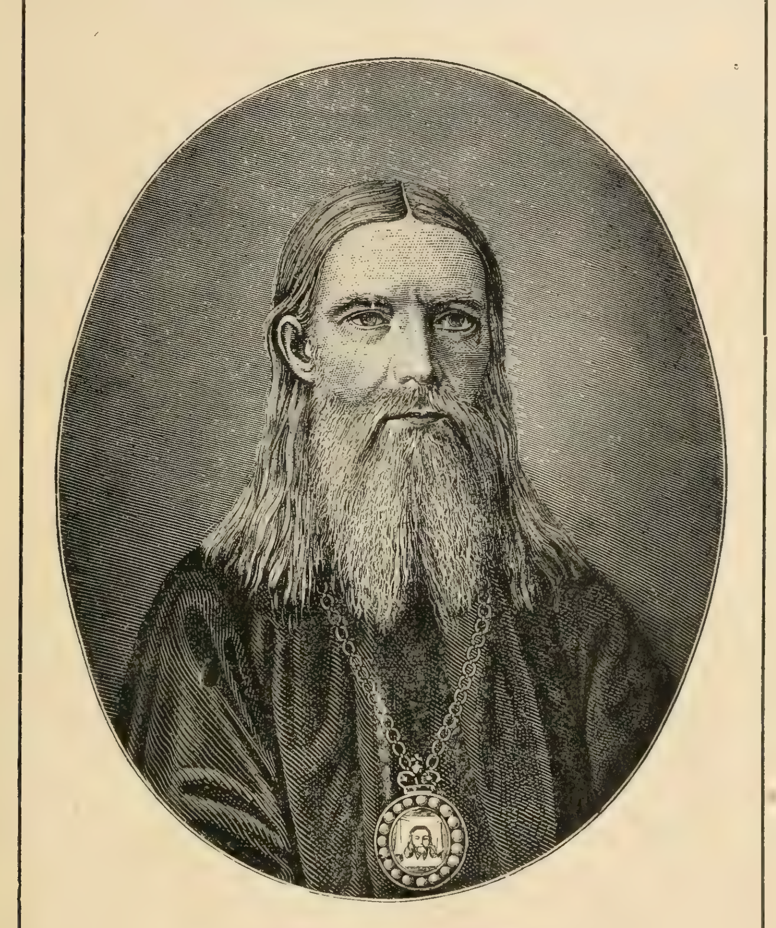
Окончивъ курсъ магистромъ, іеромонахъ Ѳеофанъ былъ назначенъ исправляющимъ должность ректора кіево-софійскихъ духовныхъ училищъ, затѣмъ онъ былъ ректоромъ новгородской духовной семинаріи, служилъ въ петербургской духовной академіи профессоромъ и помощникомъ инспектора.

Это чисто ученое дѣло его не удовлетворяло, и онъ подалъ прошеніе уволить его отъ академической службы.

Его назначили членомъ русской миссіи въ Іерусалимѣ. Пребываніе въ Святой Землѣ, несомнѣнно, должно было оставить въ его душѣ глубокіе слѣды.

Возведенный въ санъ архимандрита, онъ былъ назначенъ ректоромъ олонецкой духовной семинаріи, но вскорѣ былъ переведенъ настоятелемъ посольской церкви въ Константинополѣ.

Затѣмъ онъ былъ вызванъ въ Петербургъ для ректорства въ духовной академіи, и ему одновременно поручено было наблюдать за преподаваніемъ закона Божія во всѣхъ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ столицы.



Епископъ Өеофанъ.

9-го мая 1859 года онъ былъ поставленъ епископомъ въ Тамбовъ.

Здѣсь онъ устроилъ епархіальное женское училище. Во время пребыванія на тамбовской каѳедрѣ епископъ Ѳеофанъ полюбилъ уединенную Вышенскую пустынь. Лѣтомъ 1863 г. онъ переведенъ во Владиміръ, гдѣ прослужилъ три года.

И здѣсь онъ открылъ женское епархіальное училище.

Онъ часто служилъ, много ѣздилъ по епархіи, постоянно проповѣдывалъ, возобновлялъ храмы, и всѣмъ сердцемъ жилъ со своими пасомыми, дѣля съ ними радость и горе.

Осенью 1860 г. въ Тамбовѣ были страшные пожары, и въ рѣчахъ, дышащихъ любовью, епископъ утѣшалъ народъ. Рѣчи эти, по силѣ, сердечности и одушевленію, напоминаютъ слова въ подобныхъ случаяхъ Златоуста.

Вотъ одно изъ словъ еп. Ѳеофана, произнесенныхъ въ это время:

«Что мнѣ сказать вамъ и о чемъ начать говорить съ вами? Горестно положеніе наше; велика скорбь! Отяготѣла на насъ рука Господня! Мало ли времени томитъ насъ засуха? Но не прошла еще эта бѣда, какъ напала другая — пожаръ. Еще и думать мы не начинали о томъ, какъ оправиться отъ сего пожара, какъ напалъ другой. Еще не кончился этотъ, какъ повсюду прошла злая вѣсть о непрерывности пожаровъ, и изгнала насъ изъ домовъ нашихъ. Нашъ городъ нынѣ почти Іовъ, котораго тѣснили одно бѣдствіе за другимъ, пока, лишивъ всего и покрывъ ранами, не выбросили вонъ изъ города. И вотъ, какъ тотъ сидѣлъ на гноищѣ,—такъ нынѣ у насъ всѣ почти вынеслись изъ домовъ и живутъ на пустыряхъ, прибрежьяхъ и изсохшихъ потокахъ, какъ пчелы, выгнанныя изъ ульевъ удушающимъ дымомъ. Вотъ до чего дошли мы! Кажется бы,—довольно испытанія. Но и еще рука Господня высока. Все, что можетъ зависѣть отъ предусмотрительности человѣческой, сдѣлано, и,—благодареніе Господу!—опасность уже не такъ грозна, какъ была въ началѣ. Но все же покой не возвра-

щается къ намъ, чувство безопасности не приходитъ и благонадежіе не осѣняетъ духа нашего. Что же бы еще надлежало сдѣлать, чтобы Господь возвратилъ намъ покой нашъ? — Предложу вамъ одно сравненіе, и вы сами догадаетесь, что намъ надо сдѣлать, чтобы Господь принялъ тяготѣющую надъ нами руку Свою. Когда учитель, поднявъ руку, начинаетъ грозить, всѣ ученики, знающіе за собою что-либо не должное, тотчасъ исправляютъ свои вольности. Не установится порядокъ,—не опуститъ учитель грозящей руки своей. Но что жизнь наша, какъ не училище благочестія, и кто учитель въ немъ, какъ не всепопечительный Господь?»

На слѣдующій день, въ праздникъ Успенія, епископъ говорилъ такъ:

«Вчерашній, хотя небольшой, пожаръ подновилъ страхъ нашъ, и мы снова мятемся ожиданіемъ внезапной бѣды,— ни къ кому и ни къ чему не имѣемъ довѣрія, и въ каждомъ незнакомомъ лицѣ продолжаемъ встрѣчать недоброжелателя себѣ. Оттого у насъ и праздникъ не въ праздникъ,—такъ что исполнилась надъ нами пророческая угроза: «превращу праздники ваши въ жалость, и всѣ пѣсни ваши въ плачъ».

«Что-жъ?—И давайте плакать! Мы и собирались нынѣ на мѣсто плача. Се поле, орошенное слезами! — Такъ пріидите, восплачемся предъ Господомъ!

«Не оскорбится симъ Матерь Божія!.. Она Сама, думаю, не безъ скорби взираетъ нынѣ на сіе мѣсто, которое въ прежніе годы кипѣло многолюдствомъ въ этотъ день, а нынѣ такъ пусто:—и это не по отхожденію усердія, а все изъ тѣхъ же опасеній и страха.

«Пріидите-же, восплачемся!

«Но, братья, будемъ, плача, плакать и, скорбя, скорбѣть, — только все по христіански, а не какъ язычники, упованія не имѣющіе... Исповѣдуемъ правду Божію въ наказаніи насъ, — и Онъ пошлетъ милость въ срѣтеніе ей. Ибо не судъ только, но и милость у Него».

И въ другія мѣста губерніи, пораженныя тѣмъ же бѣдствіемъ, Ѳеофанъ спѣшилъ съ тѣмъ же утѣшеніемъ, которое подкрѣпляло ту внѣшнюю помощь, какую онъ оказывалъ пострадавшимъ, особенно изъ духовныхъ.

Въ 1861 г. епископъ Ѳеофанъ присутствовалъ при открытіи мощей святителя Тихона Задонскаго. Это событіе на него, имѣвшаго столько общаго со святителемъ Тихономъ, должно было произвести сильнѣйшее впечатлѣніе. Онъ такъ любилъ съ дѣтства, съ такимъ восторгомъ всегда думалъ о святителѣ Тихонѣ, что, когда пришло прославленіе этого великаго народнаго учителя и печальника, — радость еп. Ѳеофана была невыразима.

Въ 1866 г., согласно поданному имъ прошенію, епископъ Ѳеофанъ былъ уволенъ отъ управленія Владимірскою епархіею и опредѣленъ настоятелемъ въ Вышенскую пустынь, но вскорѣ, по новому его прошенію, онъ освобожденъ и отъ управленія пустынью, причемъ за нимъ оставлены пенсія (1,000 р.), помѣщеніе до кончины въ занимаемомъ имъ флигелѣ, съ правомъ служенія, по его желанію...

Какія причины побудили епископа Ѳеофана, полнаго силъ, оставить епархію и удалиться въ уединеніе?

Разнообразны характеры и дарованія людей. Есть люди, которыхъ влечетъ внѣшняя дѣятельность, которымъ нужно жить на народѣ, которые только и дышать свободно въ часы борьбы за дорогіе имъ идеалы.

Есть люди иного склада. Ихъ дѣятельность мало видна при жизни; съ виду кажется, что они не даютъ новое направленіе людской жизни, новые ей толчки, какъ дѣятели перваго рода. Вглубь, а не въ ширь уходятъ ихъ силы. Но цѣнны и долги вѣчные духовные плоды ихъ духовной дѣятельности и, быть можетъ, въ концѣ концовъ оказываютъ болѣе могущественное воздѣйствіе на людскую жизнь.

Эти люди—писатели, ученые, художники, святые.

Грубое прикосновеніе жизни, несоотвѣтствіе запросовъ ихъ души съ окружающею ихъ дѣйствительностью обособляетъ ихъ отъ толпы, замыкаетъ ихъ въ ихъ внутреннемъ

прекрасномъ мірѣ, и изъ этого міра они творятъ на отраду и утѣшеніе мятущемуся человѣчеству безсмертныя, вѣчныя созданія; писатели и художники—дивныя произведенія искусства; ученые—отысканную ими научную истину; святые—непреходящія, озаренныя нездѣшнею красотой дѣла высочайшаго, безусловнаго добра, воплощеніе въ себѣ евангельской правды.

Къ такимъ людямъ принадлежалъ и епископъ Ѳеофанъ.

Ему трудно было среди міра и тѣхъ требованій, которымъ надо уступать вслѣдствіе людской испорченности.

Беззавѣтная сердечная доброта, голубиная кротость, довѣрчивость къ людямъ и снисходительность,—все это въ немъ говорило, что не ему жить среди непримиримыхъ раздоровъ суетной мірской жизни.

Какъ начальнику, ему было тяжело, въ особенности при значительности епископской власти.

Его довѣріемъ могли злоупотреблять; онъ не могъ никому дѣлать нужныхъ выговоровъ. Когда это было необходимо, онъ поручалъ исполнить это своему ключарю.

Онъ, кромѣ того, чувствовалъ, что онъ можетъ сказать книгами много такого, чтó крайне нужно сказать, и чтó еще почти никѣмъ не сказано. Его звала мысль отдать всѣ силы духовному писательству. Это было внѣшнее побужденіе.

А лично для себя — онъ желалъ всѣ помыслы отдать одному Богу, Котораго онъ такъ беззавѣтно любилъ. Ему хотѣлось, чтобъ ничто не нарушало дорогого ему и совершеннаго общенія съ Богомъ. И онъ ушелъ отъ міра, чтобъ быть наединѣ съ Богомъ.

Онъ самъ говорилъ впослѣдствіи:

— Есть, напримѣръ, посвящающіе себя наукѣ, искусству—отчего? Такой талантъ!—Почему-же не благоволить къ тѣмъ, которые посвящаютъ себя Богу? Ибо и это даръ Божій, и настроеніе духа таково.

Примѣръ у епископа Ѳеофана былъ постоянно предъ глазами: это—святитель Тихонъ, къ которому его съ дѣтства

такъ влекло, и который тоже, оставивъ одну епархію, сталъ духовнымъ кормильцемъ всего русскаго народа.

Конечно, удаляясь съ каѳедры, епископъ Ѳеофанъ больше всего думалъ о спасеніи своей души путемъ совершеннаго посвященія каждой мысли и дыханія Богу. Но надъ нимъ сбылось слово Христово.

Въ затворѣ, невидимый людямъ, онъ сталъ общественнымъ дѣятелемъ громадной величины. Онъ искалъ царствія Божія, а само приложилось ему великое его значеніе для міра.

24 іюля 1866 г., въ воскресенье, произошло прощаніе епископа съ паствою.

Послѣ литургіи, имъ отслуженной, епископъ сказалъ послѣднее слово среди мертвой тишины, въ которой слышались только иногда тихія рыданія. Онъ говорилъ:

«Не попеняйте на меня, Господа ради, что оставляю васъ. Отхожу не ради того, чтобы вынужденъ былъ васъ оставить. Ваша доброта не допустила-бы меня перемѣнить васъ на другую паству. Но, какъ ведомый, ведусь на свободное отъ заботъ пребываніе, ища и чая лучшаго,—какъ это сродно естеству нашему. Какъ это могло образоваться, не берусь объяснять. Одно скажу, что кромѣ внѣшняго теченія событій, опредѣляющихъ наши дѣла, есть внутреннія измѣненія расположеній, доводящія до извѣстныхъ рѣшимостей; есть, кромѣ внѣшней необходимости, необходимость внутренняя, которой внемлетъ совѣсть и которой не сильно противорѣчитъ сердце. Находясь въ томъ положеніи, объ одномъ прошу любовь вашу,—оставя осужденія сдѣланнаго уже мною шага, усугубьте молитву вашу, да не отщетитъ Господь чаянія моего и даруетъ мнѣ, хоть не безъ трудовъ, обрѣсти искомое мною. И я буду молиться о васъ,—буду молиться, чтобъ Господь всегда ниспосылалъ вамъ всякое благо,—улучшалъ благосостояніе и отвращалъ всякую бѣду, паче-же чтобъ устроялъ ваше спасеніе. Спасайтесь, и спасетесь о Господѣ! Лучшаго пожелать вамъ не умѣю. Все будетъ, когда спасены будете».

И началась на 28 лѣтъ эта уединенная, полная непрерывныхъ трудовъ жизнь.

Первыя шесть лѣтъ епископъ ходилъ ко всѣмъ службамъ, и къ ранней обѣднѣ. Въ церкви онъ стоялъ не, двигаясь, не прислоняясь, съ закрытыми глазами, чтобъ не разсѣиваться. Бывало, что когда ему подносили антидоръ, онъ нѣсколько минутъ этого не замѣчалъ.

Въ праздники онъ обыкновенно служилъ.

Но съ 1872 года онъ прекратилъ всѣ сношенія съ людьми, кромѣ настоятеля и своего духовника.

И въ монастырскую церковь больше не ходилъ, а устроилъ собственными руками у себя въ комнатахъ малую церковь во имя Богоявленія Господня.

Въ первыя десять лѣтъ онъ служилъ литургіи въ этой церкви каждый воскресный и праздничный день, а въ послѣднія 11 лѣтъ—ежедневно. Онъ служилъ совсѣмъ одинъ, иногда молча, а иногда и пѣлъ.

Онъ казался уже не человѣкомъ, а ангеломъ съ младенческою кротостью и незлобіемъ.

Когда по дѣлу приходили къ нему, онъ, сказавъ нужное, уже болѣе не говорилъ и погружался въ молитву.

Тѣло свое онъ питалъ лишь настолько, чтобъ не дать ему разрушиться; весь онъ былъ полонъ какой-то духовности, безплотности.

Все, что получалъ онъ, онъ разсылалъ по почтѣ бѣднымъ, себѣ оставлялъ только на покупку нужныхъ книгъ.

Съ изданій своихъ, быстро расходившихся, онъ не получалъ ничего, стараясь только, чтобъ они были подешевле.

Онъ въ рѣдкія минуты, свободныя отъ молитвы, чтенія или писанія, занимался ручнымъ трудомъ. Онъ прекрасно писалъ образа, зналъ хорошо рѣзьбу по дереву и слесарное ремесло.

Ежедневно епископъ Ѳеофанъ получалъ отъ двадцати до сорока писемъ, и всегда отвѣчалъ на нихъ.

То были жгучіе духовные запросы, разсказы о внутреннихъ неутолимыхъ страданіяхъ, мучительныя недоумѣнія.

Съ чрезвычайною чуткостью вникалъ онъ въ положеніе писавшаго, и горячо, подробно и ясно отвѣчалъ на эту исповѣдь наболѣвшей души.

Его письма, появившіяся послѣ его кончины въ печати, поражаютъ свѣжестью, отзывчивостью чувства, глубиной и смѣлостью мысли, простотой, теплою заботою, задушевностью.

Не будемъ говорить ничего о внутреннемъ мірѣ затворника. Мысль можетъ стремиться проникнуть въ этотъ міръ, но словами не скажешь ничего.

Такъ жилъ онъ, руководя изъ затвора шедшими къ нему издалека отъ міра вѣрующими, жаждавшими спасенія людьми.

И какъ просто выражается сущность этого руководства въ такихъ его словахъ:

«Дѣлайте, что́ попадется подъ руки, въ вашемъ кругу и въ вашей обстановкѣ,—и вѣрьте, что это есть и будетъ ваше настоящее дѣло, больше котораго отъ васъ и не требуется. Большое заблужденіе въ томъ, когда думаютъ, будто для неба, или для того, чтобъ сдѣлать и свой вкладъ въ нѣдра человѣчества, надо предпринимать большія и громкія дѣла. Совсѣмъ нѣтъ. Надо только дѣлать по заповѣдямъ Господнимъ. Что-же именно? Ничего особеннаго, какъ только то, что всякому представляется по обстоятельствамъ его жизни, чего требуютъ частные случаи, съ каждымъ изъ насъ встрѣчающіеся. Это вотъ какъ! Участь каждаго устраиваетъ Богъ, и все теченіе жизни каждаго—тоже дѣло Его всеблагого Промышленія, слѣдовательно, и каждый моментъ и каждая встрѣча. Возьмемъ примѣръ: къ вамъ приходитъ бѣдный; это Богъ его привелъ. Что вамъ сдѣлать надо?—Помочь. Богъ, приведшій къ вамъ бѣднаго, конечно, съ желаніемъ, чтобъ вы поступили въ отношеніи къ сему бѣдному, какъ Ему угодно, смотритъ на васъ, какъ вы въ самомъ дѣлѣ поступите. Ему угодно, чтобъ вы помогли. Поможете? Угодное Богу сдѣлаете, — и сдѣлаете такъ къ послѣдней цѣли—наслѣдію неба. Обобщите этотъ случай —

выйдетъ: во всякомъ случаѣ и при всякой встрѣчѣ надо дѣлать то, что хочетъ Богъ, чтобъ мы сдѣлали. А чего Онъ хочетъ, это мы точно знаемъ изъ предписанныхъ Имъ заповѣдей».

Нѣсколько словъ о книгахъ преосв. Ѳеофана.

Уже было указано, что онъ говорилъ понятно о такихъ вещахъ, о которыхъ до него говорили очень мало, и онъ говорилъ о нихъ опытно, въ системѣ, какъ человѣкъ, прошедшій чрезъ тѣ ступени духовнаго развитія, которыми онъ хотѣлъ провести другихъ.

«Пишу вамъ о своихъ книгахъ,—говоритъ онъ кому-то незадолго до своей смерти, — потому что не знаю, гдѣ-бы еще полнѣе было изложено все, касающееся жизни христіанской. Другіе писатели и лучше-бы написали, но ихъ занимали другіе предметы».

Вотъ нѣкоторыя изъ сочиненій епископа Ѳеофана:

По нравственному богословію:

1) Письма о духовной жизни.

2) Письма о христіанской жизни.

3) Письма къ разнымъ лицамъ о разныхъ предметахъ вѣры и жизни.

4) Что есть духовная жизнь и какъ на нее настроиться.

5) Путь ко спасенію (очеркъ аскетики).

6) О покаяніи, причащеніи и исправленіи жизни.

7) О молитвѣ и трезвеніи.

По толкованію Священнаго Писанія:

1) Толкованія почти на всѣ посланія апостола Павла.

2) Толкованія псалмовъ 33-го и 118-го.

Переводные труды:

1) Добротолюбіе въ пяти томахъ.

2) Древніе иноческіе уставы.

3) Невидимая брань.

4) Слова преподобнаго Симеона новаго Богослова.

Невидимо проходила жизнь, наединѣ спустилась и смерть къ преосв. Ѳеофану.

Въ послѣдніе годы стало у него ослабѣвать зрѣніе, но онъ не отказывался отъ постоянной работы.

Все въ томъ-же строгомъ чинѣ было распредѣлено его время.

Съ вечера келейникъ готовилъ все для совершенія литургіи. Послѣ литургіи преосвященный стукомъ въ стѣну требовалъ чаю.

Въ часъ онъ обѣдалъ — въ скоромные дни однимъ яйцомъ и стаканомъ молока. Въ четыре часа былъ чай, и тѣмъ пища ограничивалась. Съ перваго января 1891 г. были въ распредѣленіи дня нѣкоторыя неточности. 6 января, въ половинѣ пятаго дня, келейникъ, видя слабость за эти дни епископа (онъ, однако, послѣ полудня еще писалъ) — заглянулъ въ его комнату. Онъ лежалъ на кровати. Лѣвая рука его покоилась на груди, правая была сложена какъ для архіерейскаго благословенія.

Три дня стояло тѣло въ маленькой келейной церкви, и три дня въ соборѣ — и тлѣнія не было. Когда его облачали въ епископскія ризы, лицо почившаго озарилось радостной улыбкой.

Онъ погребенъ въ холодномъ Казанскомъ соборѣ.

Келіи епископа Ѳеофана поддерживаютъ въ томъ видѣ, какъ онѣ были при его кончинѣ.

Вышенская пустынь лежитъ въ 25 верстахъ отъ уѣзднаго города Шацка. Ея святыня — чудотворная Казанская икона Богоматери.

Въ келіяхъ преосв. Ѳеофана все чрезвычайно просто, даже бѣдно.

Стѣны безъ обоевъ, мебель ветхая: шкафъ, оцѣненный въ рубль, комодъ въ два рубля, старый столъ, старый аналой, складная желѣзная кровать, диваны березоваго дерева съ жестяными сидѣніями. Вотъ ящикъ съ инструментами, токарными, столярными, переплетными; фотографическій аппаратъ, станокъ для пиленія, верстакъ. Вотъ сѣрый ситцевый подрясникъ, деревянная панагія, деревянный крестъ для груди, телескопъ, микроскопъ, анатомическій атласъ и

географическіе. А потомъ книги, книги и книги безъ счета, безъ конца, на русскомъ, славянскомъ, греческомъ, французскомъ, нѣмецкомъ, англійскомъ языкахъ. Вспоминаются его слова: «Хорошо уяснить себѣ строеніе растеній, животныхъ, особенно человѣка, и законы жизни, въ нихъ проявляющіеся — великая во всемъ премудрость Божія!» — Бездна образовъ, изображеніе пр. Серафима Саровскаго. Многія иконы писаны рукою затворника. Въ алтарѣ у жертвенника на стѣнѣ виситъ мѣшочекъ, весь полный записокъ съ просьбою помянуть имена.

Возстановитель Реконской пустыни схимонахъ Амфилохій.

I.

Происхожденіе дивнаго по жизни своей старца Амфилохія, возстановителя Реконской пустыни, въ точности неизвѣстно.

Есть разсказы о томъ, что онъ былъ сынъ финляндца, служившаго при Рижской лютеранской церкви, и воспитанъ былъ въ лютеранствѣ. Но, придя въ возрастъ, познал ъ истину православія и присоединился черезъ св. Мѵропомазаніе къ православію. Притомъ указываютъ на нерусскій акцентъ въ рѣчи о. Амфилохія. Однако, такое утвержденіе нельзя признавать неоспоримымъ. Люди, входившіе съ о. Амфилохіемъ въ близкое духовное общеніе, склонны думать, что онъ былъ дворянинъ и образованъ; выговоръ-же его объясняется отсутствіемъ зубовъ.

Есть основанія предполагать, что о. Амфилохій, родившійся около 1740 г., т. е. къ началу царствованія императрицы Елисаветы Петровны, долго состоялъ въ военной службѣ. Затѣмъ смиряя себя, былъ онъ въ деревняхъ у крестьянъ работникомъ, пастухомъ, а затѣмъ убогимъ странникомъ ходилъ по святымъ мѣстамъ, былъ въ Іерусалимѣ и во время одного изъ странствованій, на озерѣ Ильменѣ,

отморозилъ въ ступнѣ правую ногу, болѣвшую у него до смерти.

Вѣроятно, во время отечественной войны, когда, по множеству убитыхъ, легко это было сдѣлать, досталъ онъ себѣ паспортъ на имя мѣщанина Андрея Иванова Шапошникова.

Уже древнимъ старцемъ 70—80 лѣтъ, будучи на богомольѣ въ знаменитомъ чудотворною иконою Богоматери Тихвинскомъ, Новгородской губерніи, монастырѣ,—о. Амфилохій получилъ совѣтъ отъ юродиваго Бориса поселиться въ Рекони.

По преданію, Реконская пустынь, въ 45 в. отъ Тихвина, основана въ весьма отдаленное время на томъ мѣстѣ, гдѣ въ XIII вѣкѣ звѣроловы обрѣли въ глуши лѣса на камнѣ, у берега рѣки, чудотворную икону Живоначальныя Троицы. Царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ пустынь была жалована землею (до 2,000 дес.), но въ 1762 г. была приписана къ Тихвинскому монастырю; вскорѣ затѣмъ вовсе упразднена, а уцѣлѣвшій отъ пустыни единственный тѣсный деревянный храмъ приписанъ къ Озерскому церковному погосту. Никакихъ другихъ построекъ, даже развалинъ, при храмѣ не было. Въ сторожкѣ жилъ пономарь Захаровъ, присматривавшій за церковью; вокругъ на далекое разстояніе не было жилья, и повсюду сплошной почти дремучій лѣсъ и болота. Богослуженіе въ храмѣ совершалось очень рѣдко причтами сосѣднихъ селъ, или Тихвинскими монахами.

Выпросивъ позволеніе поселиться у сторожа, старецъ былъ у него въ родѣ работника, а, кромѣ того ходилъ въ глушь для молитвы. Полиція, заподозрѣвъ его въ неблагонадежности, дѣлала ему притѣсненія, требуя, чтобъ онъ открылъ свое дѣйствительное происхожденіе; когда, наконецъ, и хозяева стали гнать его, онъ думалъ навсегда уйти изъ этого мѣста, но сосѣдніе заозерскіе крестьяне упросили его остаться и неподалеку отъ церкви, въ лѣсу, на возвышенномъ мѣстѣ, помогли ему устроить землянку.

Уже въ то время крестьяне почитали старца за покровителя и отца своего, безъ слова его не начинали ни сѣять, ни жать, и замѣчали, что не удаются имъ тѣ дѣла, которыя дѣлаютъ они противъ благословенія о. Амфилохія.

По смерти сторожа Троицкой церкви, новгородскій архіерей, по отзыву священника и мѣстныхъ жителей о достойномъ поведеніи о. Амфилохія, — поручилъ ему наблюденіе за храмомъ, и старецъ продолжалъ снова отшельническую жизнь, часто углубляясь въ лѣсъ, принадлежавшій нѣкогда упраздненной пустыни, гдѣ подрядчики, рубившіе дрова, — встрѣчали его. Бывая на богомольѣ въ Тихвинѣ, старецъ въ 1822 г. получилъ постриженіе съ именемъ Адріана, а въ 1832 г. — облеченъ въ схиму, и названъ Амфилохіемъ. Монашество его было тайное. Одѣвался онъ всегда въ мірское рубище, а схимникомъ показывался весьма рѣдко, только дома и по особымъ причинамъ.

Радѣя о храмѣ, о. Амфилохій собиралъ пожертвованія, исправлялъ ветхости, увеличилъ число колоколовъ. Но участіе старца къ этому мѣсту должно было выразиться въ размѣрахъ поразительныхъ. Ему, бѣдному незнаемому страннику, обязана пустынь полнымъ возстановленіемъ своимъ.

Какъ самое дѣло, длившееся нѣсколько десятковъ лѣтъ, такъ особенно участіе въ немъ о. Амфилохія, замѣчательны.

Земли, принадлежавшія упраздненной Реконской пустыни, какъ незаселенныя крестьянами, должны были, по отобраніи монастырскихъ земель въ казну, при Екатеринѣ II, оставаться въ духовномъ вѣдомствѣ. Между тѣмъ, въ 1820 г., значительнѣйшая часть этой земли отмежевана частному лицу, а затѣмъ наслѣдниками его продана купцу.

Когда пономарь Захаровъ обратился въ Тихвинское духовное правленіе, объ отпускѣ лѣса на поправку церкви и на колокольню, это прошеніе послужило началомъ дѣла возстановленія пустыни. Черезъ семь лѣтъ, по подачѣ прошенія, Тихвинскій уѣздный судъ опредѣлилъ храму отвесть количество земли, установленное для сельскихъ приходскихъ

церквей; было отмѣрено 45 десятинъ, и больше уже ни церкви, ни возстановленной затѣмъ при ней пустыни ничего не отводилось.

Въ это время, по собственному свидѣтельству старца, о. Амфилохію трижды являлся преп. Александръ Свирскій, повелѣвая ему ходатайствовать о возвращеніи всей отчужденной земли и возстановленіи обители, и обѣщая свою помощь. О. Амфилохій рѣшился, несмотря на несомнѣнную, по-мирски, невозможность этого дѣла—начать его, и стоять за него до конца.

На рѣшеніе уѣзднаго суда о. Амфилохій послалъ всеподданнѣйшую жалобу императору Александру I; ему было отказано, а за подачу жалобы онъ отсидѣлъ 6 мѣсяцевъ въ тюрьмѣ. Тѣмъ не менѣе, онъ неотступно продолжалъ хлопотать, и въ продолженіе 15 лѣтъ не получая удовлетворенія, въ 1837 г. принесъ снова всеподданнѣйшую жалобу императору Николаю I. За это, равно какъ за отказъ объявить свое имя и званіе, онъ былъ заключенъ въ Тихвинскій тюремный замокъ, судимъ уѣзднымъ судомъ и приговоренъ къ наказанію 5 ударами плетей и ссылкѣ въ Сибирь. Но въ ту минуту, когда дѣло казалось невозвратно потеряннымъ, единственнымъ ходатаемъ за погибшее дѣло явилась помощь Божія.

Въ Петербургѣ прошелъ слухъ о праведной жизни и безпримѣрной стойкости старца; въ дѣлѣ приняла участіе извѣстная православною ревностью своею, вліятельная Т. Б. Потемкина; и по докладу Государю оберъ-прокурора Протасова о безкорыстныхъ движеніяхъ старца въ дѣлѣ о Реконской землѣ, велѣно было старца освободить и оставить въ Рекони.

Въ это же время отысканы подтвердительные документы, и о. Амфилохій, начавъ дѣло вновь и получивъ отказъ отъ Новгородской гражданской палаты, принесъ жалобу въ Правительствующій Сенатъ; въ жалобѣ, между прочимъ, значилось:

«Живя многія десятилѣтія въ пустыни и тщательно

вопія о правосудіи, вотъ уже пятое десятилѣтіе веду тяжбу, и, за всѣми препятствіями, наконецъ, дохожу до высшаго судилища. Умоляю оное оказать справедливую защиту не мнѣ, столѣтнему старцу, стоящему уже на краю гроба и не имущему въ сей тяжбѣ для себя никакой корысти, а желаю я собственно возстановить древне учрежденную святыню, милостью царя. Впрочемъ, во всемъ да будетъ святая воля Божія».

По разногласію сенаторовъ, дѣло было передано въ общее собраніе департаментовъ, а оттуда въ Государственный Совѣтъ. Наконецъ, состоялось Высочайшее именное повелѣніе: такъ какъ владѣніе не можетъ быть возстановлено безъ нарушенія правъ частныхъ лицъ, то вознаградить Духовное Вѣдомство суммою, заплаченною настоящимъ владѣльцемъ земли, съ добавленіемъ процентовъ за непользованіе (всего 42.000 руб. слишкомъ); пустынь же велѣно возстановить съ наименованіемъ ея заштатнымъ общежительнымъ монастыремъ.

Изъ полученной суммы 25.000 руб. зачислены въ неприкосновенный капиталъ, а остальные 17.000 р. израсходованы на возстановленіе пустыни.

II.

При окончаніи дѣла, о. Амфилохія спрашивали, не укажетъ ли онъ кого въ настоятели, но онъ, по смиренію, отказался. Тогда настоятелемъ былъ назначенъ изъ Валаама о. Даніилъ, имѣвшій въ Петербургѣ, гдѣ завѣдывалъ онъ Валаамской часовней, знакомства, полезныя при обновленіи обители. Когда о. Даніилъ съ нѣсколькими монахами прибылъ въ Реконь, о. Амфилохій не вышелъ къ нему на встрѣчу, а принялъ его, сидя въ своей землянкѣ. У о. Даніила явилась мысль, что старецъ недоволенъ его назначеніемъ, и это послужило причиною нерасположенія о. Даніила къ старцу. О. Амфилохій выговаривалъ иногда пріѣхавшимъ монахамъ за ихъ недостатки, это не нравилось

имъ. Монахи же, видя, что о. Амфилохій живетъ своеобразно, были на него немирны. Отъ неудовольствій ихъ о. Амфилохій ушелъ за 3 версты отъ монастыря, и поселился въ землянкѣ (теперь тамъ стоитъ скитъ); стеченіе народа къ старцу становилось все значительнѣе, и онъ, получая приношенія, одною рукою передавалъ бѣднымъ то, что другою принималъ отъ имущихъ.

Настоятель же требовалъ, чтобъ онъ все получаемое отдавалъ въ монастырь. Старцу стали дѣлать разныя притѣсненія, отняли у него послушника, и выгоняли тѣхъ усердствующихъ богомольцевъ, которые желали служить ему. Наконецъ, благочинный Новгородскихъ монастырей потребовалъ, чтобъ о. Амфилохій переселился въ пустынь; митрополиту Исидору были посланы о старцѣ и его самочиніи крайне неблагопріятные отзывы.

Въ это время о. Амфилохій призвалъ къ себѣ чрезъ богомольцевъ-мужиковъ священника, подвизавшагося въ то время въ одной изъ сосѣднихъ областей, въ селѣ, и очень чтимаго народомъ. Ему поручилъ старецъ идти къ митрополиту, объяснить его положеніе и хлопотать о дозволеніи устроить на мѣстѣ землянки церковь, для образованія при ней скита. Хотя священникъ не былъ еще близко извѣстенъ митрополиту, но, по настоянію старца, взялся за это дѣло. Послѣ многихъ препятствій, онъ былъ допущенъ къ митрополиту.

— Какого мнѣнія ты объ о. Амфилохіи? — спросилъ митрополитъ.

— Святой старецъ.

— А чѣмъ?

— Онъ подвижникъ, живетъ въ землянкѣ.

— Развѣ не знаешь ты, что и находившіеся въ прелести подвергали себя истязаніямъ?

— Онъ прозорливъ.

— А не есть ли и это прелесть?

— Позвольте, владыко, вамъ сказать: еслибъ онъ былъ точно въ прелести, то съ радостью согласился бы жить въ

Старецъ Амфилохій Реконскій.

монастырѣ, гдѣ его будутъ прославлять и кадить ему; а онъ ведетъ тяжкую жизнь въ землянкѣ, и много за то терпитъ.

— Къ нему, мнѣ донесено, водку носятъ ведрами.

— Позвольте, владыко, вамъ сказать: это вы слышали или отъ благочиннаго, или отъ настоятеля?

— Да, отъ нихъ.

— Тысячи народа къ нему ходятъ, и никто ничего подобнаго не видалъ. Пошлите, владыко, на самое мѣсто вѣрныхъ людей. Тогда вы узнаете всю правду.

Когда три лица, имѣвшія тайное порученіе отъ митрополита разслѣдовать отзывы объ о. Амфилохіи, пріѣхали въ пустынь, старецъ ждалъ ихъ. Встрѣтя ихъ, онъ позвалъ ихъ: «Пойдемте, пойдемте ко мнѣ!» — и прямо объявилъ: «Скажите митрополиту, чтобъ онъ разрѣшилъ постройку скита. Ну, да онъ разрѣшитъ; скажетъ: «Надо его послушать, а то Богъ накажетъ за старика».

Когда посланные вернулись къ митрополиту и объявили ему просьбу старца, онъ сказалъ: «Ну дѣлать нечего, надо его послушать, а то Богъ накажетъ за старика».

— Владыко, этими словами онъ предсказалъ ваше разрѣшеніе.

Не получая еще формальнаго разрѣшенія, о. Амфилохій началъ строить церковь, и митрополитъ поспѣшилъ оформить дѣло.

Съ тѣхъ поръ митрополитъ Исидоръ относился къ о. Амфилохію съ неизмѣннымъ уваженіемъ; такое же уваженіе выказывалъ ему и митрополитъ московскій Филаретъ, который прислалъ ему въ благословеніе икону.

III.

Житіе о. Амфилохія было крайне тяжкое и напоминаетъ по величію подвиговъ житія древле-прославленныхъ преподобныхъ пустынно-жителей.

Чувствуя необходимость въ полномъ уединеніи, о. Ам-

филохій скрывался въ болотахъ, гдѣ девять разъ мѣнялъ мѣста, но всякій разъ его отыскивали. Случилось, что къ нему пробивались въ эти убѣжища по жердямъ, положеннымъ на топкой почвѣ, иногда идя по поясъ въ водѣ.

Кромѣ недоброжелательства монаховъ, его преслѣдовали люди; — воры уносили его убогое имущество, вооруженные разбойники требовали отъ него денегъ, данныхъ ему на богоугодное дѣло, разъ сожженъ былъ и его шалашъ. Разныя лица изъ злобнаго любопытства производили о немъ оскорбительныя слѣдствія. Иные глумились надъ нимъ, въ глаза называли его пустыннымъ медвѣдемъ и осыпали всякою бранью. Въ первое время отшельничества о. Амфилохія сильно страшили звѣри — медвѣди, волки, барсуки, змѣи, но потомъ онъ привыкъ къ звѣрямъ, а они ему повиновались. Онъ терпѣлъ попеременно холодъ и зной, не мѣняя никогда своей рубищной одежды. Грудь его была открыта и, говоря, онъ ударялъ себя въ грудь кулакомъ.

Смиряя тѣло свое, старецъ надѣвалъ на голову желѣзный обручъ, или въ горечи сознанія грѣховности своей привѣшивалъ къ шеѣ большой камень, носилъ желѣзныя вериги или проволочную рубашку, а въ руки часто бралъ желѣзный посохъ.

Когда на Реконскія болота спускалась снѣжная зима и заносы отрѣзывали старца отъ всего живого, онъ оставался въ теченіе нѣскольскихъ недѣль одинъ, безъ насущнаго хлѣба. И въ обычное время неимовѣрно было воздержаніе его. Онъ питался гнилыми корками хлѣба или овсянымъ толокномъ, смѣшаннымъ съ золою или пескомъ, древесной корой, мхомъ и кореньями.

Отдыха и сна о. Амфилохій почти не зналъ. Днемъ перебирался онъ по болоту, по ночамъ молился, всегда подъ открытымъ небомъ. Когда, по дѣлу возстановленія Рекони, онъ сидѣлъ въ тюрьмѣ, то совершенно не спалъ, и ночью подымалъ всѣхъ узниковъ на молитву. Сперва они сердились на него, а потомъ, когда его освободили, не хотѣли отпустить его.

По милосердію своему, старецъ отдавалъ нуждающемуся послѣднюю корку, а самъ голодалъ; насѣкомыхъ, жалившихъ его, онъ не убивалъ, а осторожно снявъ съ себя, пускалъ, говоря: «И имъ хочется пожить на свѣтѣ».

Не терпя отреченнаго житія старца, врагъ спасенія страшно искушалъ его. Онъ внушалъ ему безнадежность спасенія по множеству грѣховъ, тщетность стараній его о возстановленіи монастыря; старцу являлись призраки въ видѣ чувственно - соблазнительныхъ картинъ, труповъ, гадовъ, змій. Иногда, принимая человѣческій образъ, духи окружали старца и истязали его. Въ зимнія ночи, въ трескучіе морозы отворялась дверь землянки и старецъ видѣлъ какъ бы многочисленное воинство, протянутое по болоту версты на двѣ, и тѣмъ начинались грозныя видѣнія. Но молитвой одолѣвалъ старецъ всѣ искушенія.

IV.

Еще во время до возстановленія Рекони старецъ пользовался уваженіемъ понимавшихъ его лицъ. Когда же благополучное окончаніе дѣла доказало величіе старца, множество народа стало ходить къ нему за наставленіемъ. Но онъ не измѣнился. Все то же рубище покрывало его, такъ же ложе его состояло изъ камня и досокъ, а имущество попрежнему изъ иконъ и нѣсколькихъ книгъ.

Бесѣдуя, старецъ вдругъ, не глядя, открывалъ одну изъ этихъ книгъ и указывалъ на отрывокъ, въ которомъ было заключено то, что выражало положеніе собесѣдника.

Множество случаевъ подтверждаютъ прозорливость старца. Онъ исцѣлялъ также больныхъ и люди, пользовавшіеся его совѣтами, видѣли надъ собой благословеніе Божіе.

Въ послѣдній годъ своей жизни старецъ часто говорилъ о приближеніи смерти.

Какъ птицы предъ далекимъ полетомъ дѣлаютъ нѣсколько широкихъ круговъ, такъ и о. Амфилохій удалился

еще дальше отъ обновленной имъ Рекони на возвышенное мѣсто, называемое „Березня“. Тамъ земля покрыта гладкой травой, при подошвѣ пригорка журчитъ ручей. Здѣсь поставили двѣ келійки: одну старцу, а одну монастырскимъ послушникамъ. Старцу было тутъ гораздо болѣе покоя. Уста его постоянно шептали молитву, а иногда слышались восторженныя восклицанія, изъ глазъ струились слезы.

Въ половинѣ іюля 1865 г. старецъ окончательно ослабѣлъ и слегъ. Онъ исповѣдался и пріобщился, соборовался и затѣмъ въ теченіе 40 дней приступалъ ежедневно къ исповѣди и св. причастію. Въ теченіе послѣднихъ трехъ дней онъ не принималъ рѣшительно никакой пищи, а только ему давали каплями богоявленскую воду.

Начальство монастыря и въ эти послѣдніе дни старца не отнеслось къ нему внимательнѣе, чѣмъ прежде. Но незлобивый старецъ говорилъ тому священнику, который когда-то хлопоталъ за него у митрополита: „Смотри, не говори ты митрополиту, что меня обижаютъ. Я этого не хочу».

Тщетно посылалъ старецъ за настоятелемъ, желая, вѣроятно, передать ему послѣднія свои мысли, настоятель не шелъ.

Тогда чрезъ посланнаго старецъ просилъ, во-первыхъ, не дѣлать ему гроба, а схоронить въ осиновой чуркѣ, и потомъ хоть на 40 дней зарыть тамъ, гдѣ онъ умретъ. Этимъ хотѣлъ исполнить старецъ имѣющій свое основаніе народный обычай. Настоятель отвѣчалъ: „Его дѣло умереть, а мы безъ него знаемъ, какъ его похоронить“.

9 августа старецъ поднялся, вычиталъ правило и потомъ, стоялъ на колѣняхъ, обѣдницу и акаѳистъ. Кончивъ, онъ легъ въ постель, сложилъ руки и испустилъ духъ. Ему шелъ 125 годъ.

Митрополиту Исидору дано было знать телеграммой о кончинѣ старца, а вмѣстѣ съ тѣмъ, ложно передавая просьбу старца, настоятель спрашивалъ, какъ поступить,

въ виду требованія старца не хоронить его 40 дней. Велѣно было дѣйствовать обычнымъ порядкомъ.

V.

Надъ могилою о. Амфилохія воздвигнута церковь. У надгробія лежатъ вериги его. Два исцѣленія, совершившіяся вскорѣ по кончинѣ его, положили начало подробнымъ записямъ, ведущимся въ обители о многократныхъ такихъ явленіяхъ.

Съ виду о. Амфилохій былъ совершенно согбенный старецъ, крѣпкаго сложенія. Лицо у него было широкое, съ выдающимися скулами, очень живое, и весь онъ былъ чрезвычайно живой.

Всякаго встрѣчалъ онъ и провожалъ съ сердечнымъ назиданіемъ. Въ тонѣ голоса его было много привѣтливости и доброты. Говорилъ онъ съ великимъ воодушевленіемъ и силою вѣры, и рѣдко чья бесѣда отличалась такимъ обиліемъ мыслей. Расчеты человѣкоугодія, земного пристрастія не были извѣстны смѣлой и свободной его душѣ.

Старица Евпраксія, игуменья Староладожскаго Успенскаго монастыря.

Въ ста шестидесяти верстахъ отъ Петербурга, и въ тринадцати отъ уѣзднаго города Новой Ладоги, на берегу рѣки Волхова, расположенъ Староладожскій Успенскій женскій монастырь.

Объ исторіи этого монастыря сохранилось мало данныхъ; время основанія его неизвѣстно, достовѣрно только, что онъ уже существовалъ въ XV и XVI вѣкахъ, былъ разрушенъ шведскими войсками Понтуса Делагарди въ 1611 г., но вскорѣ возсозданъ старицею Акилиною. Эта монахиня собрала нѣкоторыхъ изъ разсѣявшихся сестеръ и била че-

ломъ царю Михаилу Ѳеодоровичу о возобновленіи обители и о возвратѣ ей ея прежнихъ вотчинъ и угодій. Челобитье старицы было уважено въ полной мѣрѣ, и уже въ 1617 г. освящена каменная Успенская церковь.

Имѣя достаточное количество жертвованной благодѣтелями и жалованной царями земли, также покосы и рыбныя ловли, монастырь могъ бы существовать безбѣдно. Но владѣніе этими землями постоянно нарушалось сосѣдними помѣщиками, и для обузданія ихъ понадобились даже царскіе указы.

Въ 1718 г. въ монастырь была привезена царица Евдокія Ѳеодоровна Лопухина, подъ именемъ инокини Елены. Были употреблены всѣ мѣры, чтобъ разобщить царицу съ внѣшнимъ міромъ: запрещено подъ страхомъ смертной казни говорить съ нею, вокругъ монастыря поставленъ двойной полисадъ, прихожане монастыря были отчислены къ другому приходу, съ запрещеніемъ посѣщать монастырскую церковь, и, наконецъ, пріостановленъ пріемъ бѣлицъ.

Послѣ шестилѣтняго заключенія, при воцареніи императрицы Екатерины I, Евдокія Ѳеодоровна была переведена въ Шлиссельбургъ.

Сохранились воспоминанія, что императоръ Петръ I выказывалъ жалость къ заключенной супругѣ: онъ посѣщалъ ея келію, угощалъ ее изъ своего дорожнаго погребца и заботился о ея жизненныхъ удобствахъ.

Вернувшись при внукѣ своемъ, Петрѣ II, на свободу, Евдокія Ѳеодоровна ничѣмъ не оказала расположенія къ Староладожскому монастырю.

Мѣры, принятыя на время заключенія царицы, были отмѣнены въ 1728 г.

Въ настоящее время монастырь, имѣя болѣе двухсотъ сестеръ, содержитъ пріютъ для дѣвочекъ, имѣетъ больничный корпусъ, общую трапезу и нѣсколько церквей; за оградой есть гостиница.

Такова несложная лѣтопись этого малоизвѣстнаго монастыря. Эта лѣтопись такъ скудна, судьба этой обители

такъ мало интересна, что она не выдѣлялась бы ничѣмъ среди другихъ полезныхъ, но не историческихъ рядовыхъ женскихъ монастырей. И однако мимо этого монастыря нельзя пройти безгласно; онъ пріобрѣтаетъ немаловажное значеніе для лица, чуткаго къ духовному русскому быту: здѣсь совершился жизненный подвигъ праведной игуменіи Евпраксіи, которая почти въ наши дни воскрешала завѣты лѣтъ древнихъ.

Дѣвица Евдокія происходила изъ купеческаго званія, рано осиротѣла и, имѣя склонность къ иноческой жизни, тайно ушла отъ родныхъ и провела десять лѣтъ въ двухъ женскихъ монастыряхъ города Арзамаса.

Привыкшей къ довольству и удобствамъ, Евдокіи было не легко привыкать къ суровой монашеской обстановкѣ. Она не могла сначала выносить общей пищи сестеръ и питалась однимъ чернымъ хлѣбомъ. Со слезами молилась она о ниспосланіи ей помощи, и была утѣшена дивнымъ видѣніемъ. Во время тяжкой болѣзни, когда всѣ считали Евдокію умирающею, въ то время какъ въ церкви совершалась всенощная, больная заслышала издали пѣніе тропаря Успенія, и при послѣднихъ словахъ «избавляеши отъ смерти души наша», она ясно увидала, какъ два свѣтлые мужа поставили передъ нею икону Успенія. Это было такъ живо, что ей казалось, будто сестры обители хотѣли утѣшить ее принесеніемъ иконы. Съ умиленіемъ помолилась она горячею молитвою—и тогда изображенная на иконѣ Божія Матерь точно оживилась, и, сойдя съ иконы, осѣнила рукою Евдокію со словами: «Встань и укрѣпляйся, ты еще должна послужить Мнѣ много».

Вернувшись изъ церкви, монахини нашли Евдокію совершенно здоровою.

Когда пребываніе Евдокіи въ Арзамасѣ стало извѣстно ея дядѣ, онъ выписалъ ее къ себѣ, но не могъ удержать ее: она опять ушла отъ него, и, въ сопровожденіи довѣреннаго стараго слуги, отправилась въ Старую Ладогу.

Придя туда, она отправила его обратно, извѣщая дядю о поступленіи въ монастырь.

Принятая благосклонно игуменіею, Евдокія вся отдалась молитвенному созерцанію; единственною пищею ея былъ черный хлѣбъ и квасъ, которые разъ въ недѣлю приносила ей одна ладожская женщина. Послушаніе Евдокіи состояло въ чтеніи псалтири надъ покойниками. Такъ она старалась исполнить то, что было бы тяжело другимъ монахинямъ.

Въ декабрѣ 1777 года Евдокія приняла постриженіе съ именемъ Евпраксіи, а въ 1779 г., Староладожская игуменія, переведенная въ другой монастырь, представила ее митрополиту, какъ свою желательную преемницу. Высокая жизнь Евпраксіи была уже настолько извѣстна, что ходатайство игуменьи было исполнено, и на сорокъ пятомъ году жизни Евпраксія была сдѣлана игуменьей.

Теперь ей предстояло много заботъ по веденію и благоустройству монастыря.

Древній уставъ въ обители подходилъ всего ближе къ отшельническому, скитскому роду жизни; сестры помѣщались большею частью по двѣ въ келліи, и игуменья требовала, чтобъ молодыя всегда жили подъ руководствомъ опытныхъ старицъ. Съ особою разборчивостью принимала она новыхъ, особенно молодыхъ монахинь, заботясь о томъ, чтобъ среди нихъ не оказалось привлеченныхъ въ монастырь случайными обстоятельствами, а не сознательнымъ и глубокимъ призваніемъ. Всѣми силами старалась она искоренить распри, ссоры, пересуды, пререканія и праздныя встрѣчи, и успѣла въ томъ: нравственный уровень монастыря повысился.

Предметомъ особо теплыхъ заботъ игуменьи было благолѣпіе церковное. Она старалась, чтобы не только въ праздничные дни, но и въ будни церковь была ярко освѣщена и сіяла порядкомъ и чистотою. На большіе праздники въ монастырь приглашалось для соборнаго служенія окрестное духовенство. Часто случалось, что въ тотъ день, какъ

церковныя средства совершенно оскудѣвали и церковь было уже нечѣмъ освѣтить, неожиданно приносилъ помощь какой-нибудь незнакомый человѣкъ или она приходила изъ Петербурга, гдѣ имя Евпраксіи становилось извѣстнымъ.

По глубокой вѣрѣ своей, игуменія съ дерзновеніемъ предпринимала для благолѣпія церковнаго дѣла, которыя казались невыполнимыми,—и довершала ихъ. Скопивъ немного денегъ, начала она строить каменную колокольню, но дѣло стало изъ-за недостатка средствъ. Глубоко скорбя о томъ, Евпраксія провела всю ночь въ горячей молитвѣ. На утро, когда она погрузилась въ дремоту, ей было видѣніе великомученицы Варвары, которая утѣшала ее. Въ тотъ же часъ пріѣхала въ монастырь помѣщица Желтухина, передала игуменьѣ пакетъ съ деньгами, какъ разъ въ необходимомъ количествѣ, и разсказала, что великомученица Варвара во снѣ дала ей повелѣніе вручить эту сумму игуменіи.

Когда колокольня была готова, Евпраксія отправилась въ Петербургъ, чтобы лично привезти вылитый тамъ новый колоколъ. Она ѣхала за подводой, въ легкой повозкѣ. Зима была въ тотъ годъ лютая, со свирѣпыми мятелями. На полъ-дорогѣ, во вьюгу, ночью, ямщики сбились съ пути, подвода застряла въ глыбахъ снѣга, и лошади стали. Невдалекѣ были огни въ окнахъ и лаяли собаки. Но Евпраксія не хотѣла покинуть колоколъ въ полѣ и идти въ деревню, какъ предлагали ямщики. Она отпустила ихъ съ лошадьми, а сама осталась одна среди вьюги, въ чистомъ полѣ, въ своей повозкѣ. Часто высовывалась она наружу, чтобъ всмотрѣться въ колоколъ. Среди ночи она почувствовала вдругъ вмѣсто лютаго холода, дышавшаго повсюду, теплоту. Чудный свѣтъ окружалъ ея повозку, и въ этомъ свѣтѣ стояли, охраняя Евпраксію, преподобные Александръ Свирскій, Сергій и Германъ Валаамскіе...

Милостыню, получаемую монастыремъ, игуменія дѣлила сестрамъ, имѣя съ ними одинаковую долю. Часто Волховскіе рыбаки заходили къ ней за благословеніемъ предъ ловлею и потомъ приносили ей часть улова, а иногда за-

кидывали для нея особую тоню, и тогда попадалось громадное количество рыбы. Свидѣтельницей того была, между прочимъ, именитая помѣщица, посѣтившая обитель послѣ разсказовъ, которые слышала объ Евпраксіи въ Москвѣ.

Постоянно заботилась игуменія о больныхъ, слабыхъ сестрахъ, а по умершимъ творила поминовеніе и оставшееся послѣ нихъ имущество раздавала нуждающимся. Сама она не участвовала никогда въ поминкахъ, не заботилась объ изысканной трапезѣ для почетныхъ гостей, а съ помощью помѣщика Путилова, садъ котораго подходитъ къ монастырскимъ стѣнамъ, подавала хорошее, но простое угощеніе въ своей келліи, на подносѣ.

Чрезвычайный подвигъ предприняла Евпраксія съ первыхъ лѣтъ своего настоятельства, для уединенной молитвы. Она много скорбѣла, что управленіе монастыремъ лишило ее прежняго безмолвія, и, послѣ одушевленной молитвы, таинственный голосъ указалъ ей возможность уединяться. Въ четырехъ верстахъ отъ монастыря, въ глубинѣ густого Абрамовскаго лѣса, былъ высокій пригорокъ—Абрамовщина. Туда и рѣшила укрываться Евпраксія отъ молвы. Она стала ходить на Абрамовщину, послѣ ранней обѣдни, трижды въ недѣлю, по постнымъ днямъ, и возвращалась поздно вечеромъ. Подъ высокой сосной срубила Евпраксія малую бревенчатую часовню, а у подошвы пригорка выкопала колодезь и водрузила надъ нимъ большой деревянный крестъ.

На площадкѣ пригорка подвижница совершала свое молитвенное правило. Оно состояло изъ чтенія Евангелія, Апостола и акаѳистовъ. Съ собою Евпраксія приносила священныя книги, свѣчи съ огнивомъ, старинную шпагу и части св. мощей. Четырехверстный путь, чрезъ мхи и болота, былъ тяжелъ, особенно въ осеннюю пору, или зимой, во вьюгу, по глубокимъ сугробамъ. Евпраксія ходила туда въ мужской тяжелой обуви, а зимой на лыжахъ. Только отъ сильнаго вихря она укрывалась въ часовенку, или когда нужно было читать со свѣчею. Безъ пищи, усталая отъ ходьбы, погружалась она въ молитву; ея тѣло было покрыто

кровавыми рубцами, и исколото жалами оводовъ и комаровъ. Но среди этихъ вольныхъ страданій, на безстрашную подвижницу сходило благодатное настроеніе, радостныя очистительныя слезы, умиленіе сердца и духовныя откровенія. Позднимъ вечеромъ, тихо напѣвая стихъ «День скончавается, конецъ приближается», возвращалась она въ монастырь, въ свою нетопленную келлію, которую запирала съ утра.

Этотъ подвигъ Евпраксіи часто былъ сопряженъ съ великими опасностями, отъ которыхъ она избавлялась Божіимъ заступленіемъ.

Однимъ глухимъ осеннимъ вечеромъ, молясь въ часовенкѣ, Евпраксія изъ-за перегородки увидала высокаго человѣка въ оборванной солдатской шинели, съ ножомъ въ рукѣ. Она не прервала своего правила, а, когда кончила его и обернулась, солдатъ стоялъ на колѣняхъ и молился. Онъ называлъ ее угодницею Божіей, молилъ о помилованіи и разсказалъ, что ушелъ изъ полка и скитался безъ пищи по лѣсу; восходящій къ небу свѣтовой столбъ привелъ его къ часовнѣ, гдѣ онъ думалъ найти кладъ. Непонятный ужасъ лишилъ его силъ убить инокиню, и наконецъ, онъ понялъ, что она осѣнена благодатью. Евпраксія просила его прождать ночь, вернулась въ монастырь и на слѣдующее утро принесла ему большую просфору и мѣдный рубль денегъ, наставила его и предсказала, что съ этимъ запасомъ онъ благополучно дойдетъ до Петербурга, и, если съ повинною головой придетъ къ начальнику, будетъ прощенъ, заслужитъ свою вину и будетъ повышенъ затѣмъ въ чинѣ. Впослѣдствіи солдатъ написалъ ей теплое письмо, гдѣ разсказывалъ, что съ напутствіемъ игуменьи, дошелъ онъ сытый до Петербурга, прощенъ былъ снисходительнымъ начальникомъ, очистилъ себя службой, и за отличіе произведенъ впослѣдствіи въ фельдфебеля.

Однажды, тоже осеннимъ вечеромъ, когда игуменья съ приближенною къ ней монахинею Елпидифорой должна была возвращаться изъ пустыни въ монастырь, разразилась

страшная гроза. Темнота ночи, озаряемая блескомъ молніи, раскаты грома, завываніе вѣтра, гулъ колеблемыхъ вихремъ сосенъ—все наводило на монахиню ужасъ; выходъ изъ часовни казался ей бездной, и она умоляла игуменью остаться въ часовнѣ на ночь. Но Евпраксія была непреклонна, и, освѣщая себѣ путь тусклымъ фонаремъ, пошла въ бурю. У колодца фонарь задуло вѣтромъ. Но тогда засіялъ тонкій свѣтъ, который шелъ предъ ними до воротъ монастыря, какъ полоса дневного свѣта. Игуменья строго приказала монахинѣ хранить это событіе въ тайнѣ.

Евпраксія не боялась хищныхъ звѣрей, ютившихся въ густой чащѣ Абрамовскаго лѣса; эти звѣри ласкались къ ней.

Дворовый человѣкъ сосѣдняго помѣщика, идя вечеромъ съ охоты, увидалъ Евпраксію, окруженную волками, которые бѣжали за ней, какъ собаки. Онъ подумалъ, что это не спроста и что она колдунья. Тогда звѣри бросились на охотника и ему пришлось бы плохо, еслибъ старица не стала скликать ихъ къ себѣ, какъ стаю галокъ — и тотъ убѣжалъ, а на утро предъ всѣми въ монастырѣ благодарилъ ее. Очевидцы разсказывали, что были свидѣтелями того, какъ Евпраксія шла однажды на Абрамовщину на лыжахъ, надъ землей, не дотрогиваясь до снѣга.

Буря сорвала крестъ съ церкви Успенія, и Евпраксія, по особому внушенію, перенесла его на Абрамовщину и повѣсила на большомъ суку сосны, надъ часовнею. Съ тѣхъ поръ, по маленькой лѣсенкѣ игуменья подымалась ко кресту и зажигала передъ нимъ свѣчу. Предъ этимъ крестомъ она получила внезапное и чудесное исцѣленіе руки, переломленной предъ самымъ выходомъ изъ монастыря въ Абрамовщину, чему свидѣтельницами были монахини, видѣвшія утромъ руку вспухшею и висящею книзу и совершенно здоровою вечеромъ.

Нѣсколько разъ, въ церкви, чудныя видѣнія посѣщали Евпраксію, и она стояла въ восторженномъ восхищеніи, словно унесенная отъ земли, и лицо ея свѣтилось.

Годы шли; Евпраксія достигла уже глубокой старости и, по неотступнымъ просьбамъ, была уволена на покой. Она перешла въ тѣсную келлію, выходила только въ церковь и къ своей преемницѣ, передъ которою заступалась за сестеръ, становясь передъ ней на колѣни. Ей было тяжело, что въ храмѣ новая игуменія забѣлила стѣны, покрытыя иконописью, и что храмы лишены прежнихъ огней. Но голосъ ея не имѣлъ болѣе значенія.

Приблизилась кончина Евпраксіи. Древняя старица Акилина, которую часто видали въ ночное время въ мантіи съ жезломъ обходящею монастырь, явилась къ ней. Поздно вечеромъ постучалась къ ней въ оконницу и произнесла: „Готовься къ исходу — ты скоро соединишься со мной". Когда Евпраксія посмотрѣла въ окно, древняя старица уже удалялась отъ ея келліи. Евпраксія вышла за ней, но она исчезла предъ ея глазами.

Старица простилась съ монахинями, просила игуменью положить ее въ схимѣ, тайно ею принятой, и погребсти ее у ногъ любимой ею старицы Акилины. Принявъ святое причастіе и проводивъ св. Дары до дверей, она заперла сѣни, разостлала на полу рогожку, легла на ней съ распятіемъ и свѣчею въ рукѣ, закрыла глаза — и опочила.

Это было 23 сентября 1828 г. Она прожила 91 годъ.

Ея тѣло готовили къ погребенію три ближайшія монахини; онѣ обливались слезами и не опомнились, какъ Евпраксія очутилась въ ихъ рукахъ въ сидячемъ положеніи. Она сидѣла съ поникшей головой и съ опущенными на колѣни руками, сіяя чистотою изможденнаго подвигами старческаго образа.

Ее погребли на пятый день по кончинѣ; тѣло ея издавало благоуханіе. Игуменья не исполнила ея просьбы о мѣстѣ погребенія и о схимѣ. Вѣрная Елпидифора тайно подложила схиму въ гробъ. О своемъ посвященіи въ схиму Евпраксія кратко выразилась однажды этой монахинѣ: „Богъ послалъ мнѣ ангела своего посвятить въ схиму".

Послѣ нея въ запечатанномъ ларчикѣ нашли вериги

и пакетъ въ 250 руб., съ подписью. „На погребеніе и поминовеніе убогой Евпраксіи“. Это былъ скопленный ею во всю жизнь доходъ отъ чтенія псалтири. На могилѣ Евпраксіи, за окномъ главнаго алтаря Успенской церкви лежитъ плита съ надписью, изсѣченною ея рукою задолго до кончины.

Большая часть свѣдѣній о жизни этой подвижницы сохранилась, благодаря монахинѣ Елпидифорѣ, которая пользовалась довѣріемъ старицы и сопровождала ее иногда на Абрамовщину.

Въ книгѣ „Третьеклассный Староладожскій Успенскій монастырь“ (изд. 1871 г.), по которой составлена настоящая статья, описано нѣсколько явленій и чудесъ старицы Евпраксіи. Такъ, деревенская разслабленная дѣвочка видѣла во снѣ благообразную старицу, худую и небольшого роста, въ шапочкѣ, мантіи и съ жезломъ въ рукахъ. Она повелѣла ей свести себя на Абрамовщину, обмыться водою изъ колодца и отлужить молебенъ кресту и панихиду по игуменіи Евпраксіи, обѣщая тогда полное исцѣленіе. Исполнивъ повелѣніе, дѣвочка совершенно выздоровѣла.

Самоотверженная жизнь, нравственная крѣпость и великая сила религіознаго одушевленія ставятъ игуменью Евпраксію Староладожскую въ число замѣчательныхъ русскихъ женщинъ.

Отецъ Назарій, игуменъ Валаамскій.

Отецъ Назарій, въ міру Николай Кондратьевичъ, сынъ причетника села Аносова, Тамбовской губ., и жены его Мавры, родился въ 1735 г.; на семнадцатомъ году ушелъ въ Саровскую пустынь, въ 1760 г. постриженъ и въ 1776 г. посвященъ въ іеромонахи. О. Назарій строжайшимъ образомъ соблюдалъ уставъ. Чтеніе священное было пищею его души. Его мысль была настолько проникнута божественнымъ, что для дѣлъ мірскихъ онъ не зналъ и словъ, какъ говорить о нихъ. Когда же говорилъ онъ о Богѣ, то слу-

шатели забывали время. Всѣ свои бесѣды онъ основывалъ всегда на изреченіи Св. Писанія. Слово его было прямо, право и рѣзко; съ виду онъ былъ строгъ и какъ бы неприступенъ, но сила его словъ привлекала къ нему сердца. Одежда его близка была къ рубищу. Слава о его подвижнической жизни достигла и до Петербурга.

Митрополитъ Гавріилъ, задумавъ возстановить древнюю обитель Валаамскую, искалъ способнаго и духовнаго инока въ настоятели, и выборъ его остановился на о. Назаріи. Изъ епархіи и пустыни, желая удержать подвижника, отвѣтили, что онъ человѣкъ малоумный и неопытный въ духовной жизни. Митрополитъ, понимая смиреніе Назарія, отвѣтилъ: «У меня много своихъ умниковъ, пришлите мнѣ вашего глупца». Въ 1782 году о. Назарій опредѣленъ строителемъ Валаама.

Обитель, расположенная на островѣ Валаамѣ, среди Ладожскаго озера, представляющая особое удобство для иноческой жизни, давшая такихъ великихъ отцовъ, какъ преп. Александръ Свирскій, Кириллъ Бѣлозерскій, Германъ, Савватій, находилась въ полномъ упадкѣ. Она состояла за штатомъ, средствъ къ содержанію не было, зданія рушились, немногочисленное братство состояло изъ престарѣлыхъ людей. Некому было служить, некому стоять на клиросѣ.

При о. Назаріи возникъ внутренній четыреугольникъ обители, состоящій изъ каменныхъ собора, двухъ церквей, ризницы, трапезы и келлій. Монастырь включенъ въ число штатныхъ монастырей, и штатъ опредѣленъ въ 30 человѣкъ; строитель возведенъ въ санъ игумена; императоромъ Павломъ пожалованы монастырю Кюменскія рыбныя ловли, главный источникъ его содержанія. По волѣ митрополита Гавріила, о. Назарій ввелъ въ Валаамѣ общежительный уставъ Саровской пустыни и установилъ три рода жизни: общежительный, схимническій и пустынный. Слава о Валаамѣ стала расходиться по православному міру; даже приходившіе въ него аѳонскіе иноки смотрѣли на него съ уди-

Игуменъ Назарій Валаамскій.

вленіемъ, говоря, что по внутреннему устройству онъ выше аѳонскихъ монастырей.

Всюду подавалъ о. Назарій всѣмъ примѣръ своею жизнію. Строгій исполнитель устава, во всѣхъ трудахъ общежитія, во всѣхъ работахъ монастырскихъ подвизался онъ впереди всѣхъ. Особенно любилъ онъ безмолвіе и удалялся на цѣлыя недѣли въ уединенную пустыню.

Кромѣ возстановленія древняго Валаама, о. Назарій оказалъ великую услугу дѣлу православной проповѣди въ русскихъ сѣверо-американскихъ владѣніяхъ. По благословенію Св. Сvнода, онъ избралъ изъ братіи Валаама десять человѣкъ миссіонеровъ. Изъ нихъ особенно памятны: архимандритъ Іоасафъ, начальникъ миссіи, возведенный въ санъ архіерея и утонувшій, іеромонахъ Ювеналій, принявшій, мученическую кончину, и монахъ Германъ.

Сохранились разсказы о слѣдующихъ двухъ случаяхъ изъ жизни о. Назарія.

Въ царствованіе Екатерины II у Петербурга произошло морское сраженіе со шведами. Весь городъ былъ въ страхѣ, митрополитъ молился, заключившись въ келлію. Въ это время о. Назарій настоятельно потребовалъ свиданія съ митрополитомъ и увѣрилъ его въ побѣдѣ и безопасности. Въ подтвержденіе своихъ словъ показалъ на сторонѣ моря души убитыхъ воиновъ, восходящихъ на свѣтлыхъ облакахъ къ небу. Тогда митрополитъ ободрилъ императрицу.

При императорѣ Александрѣ I сановникъ К. подвергся царской немилости; его жена умоляла о. Назарія молиться за мужа. Тотъ обѣщалъ попросить царскихъ приближенныхъ.

— Всѣхъ ужъ просила, — отвѣчала жена опальнаго.

— Да не тѣхъ, кого надо, — отвѣтилъ о. Назарій и, взявъ у К. много мелкихъ денегъ, отправился раздавать ихъ бѣднымъ. Только къ вечеру онъ роздалъ все, и вернулся въ обезпокоенную семью со словами: «Ну, слава Богу, обѣщали всѣ приближенные царскіе просить за васъ». Вслѣдъ затѣмъ пришло извѣстіе, что дѣло кончилось благо-

получно. Тогда, отвѣчая на вопросъ, объяснилъ о. Назарій, кто тѣ приближенные, которыхъ онъ просилъ и какого Царя.

Когда былъ предпринятъ переводъ съ греческаго великой подвижнической книги «Добротолюбіе», митрополитъ Гавріилъ предписалъ ученымъ переводчикамъ совѣтоваться во всемъ съ духовными старцами и прежде всего указалъ на о. Назарія. «Они изъ опыта лучше васъ понимаютъ духовныя истины»,— сказалъ митрополитъ.

Въ 1801 году о. Назарій испросилъ себѣ увольненіе на покой. Сперва онъ уединился на Валаамѣ въ своей отшельнической келліи, куда удалялся и раньше, занимаясь молитвою и рукодѣліемъ. Но обстоятельства принудили его покинуть Валаамъ.

Выбирая мѣсто для пустынножительства, о. Назарій отправился въ область черноморскихъ казаковъ. По дорогѣ, въ Воронежской губерніи, о. Назарій присталъ однажды у одного священника. Когда пришло время для служенія воскресной всенощной, священникъ объявилъ старцу, что онъ никогда не служитъ, такъ какъ храмъ бываетъ пустъ, и не для кого служить.

— Храмъ не можетъ быть пустъ,—отвѣчалъ старецъ,—въ немъ находится ангелъ, блюститель престола Господня. И потомъ, если не пойдутъ прихожане, то пойдутъ ангелы, хранители душъ ихъ; ибо при всякомъ славословіи Божіемъ ангелы первые бываютъ и сослужители и сославословители, и они бы наполнили вашу церковь. Если бы вы молились о паствѣ вашей, Господь повелѣлъ бы ангеламъ возбуждать ихъ души къ молитвѣ. Какой же отвѣтъ, въ день страшнаго суда, дадите вы о погибели ея, когда не употребляете никакихъ мѣръ для ея спасенія!

Священникъ просилъ старца наставлять его, и о. Назарій посовѣтовалъ немедленно отслужить всенощную, которую они вмѣстѣ и отправили по чину. Въ церковь пришли старики, созвали еще кой-кого изъ своихъ, такъ что всего собралось до 30 человѣкъ. При выходѣ изъ церкви старецъ пояснилъ необходимость ходить въ церковь. Къ

обѣднѣ народу собралось нѣсколько больше. Послѣ обѣда сталъ собираться на погостъ народъ, для веселья. «Пойдемъ и мы, сказалъ о. Назарій священнику, возьмите Четью-Минею». Придя на погостъ, они сѣли, и священникъ сталъ читать житіе дневного святого, въ промежуткахъ о. Назарій говорилъ отъ себя наставленія. Сперва подошли старики, потомъ кое-кто и помоложе. Ежедневно священникъ сталъ служить обѣдню, и число прихожанъ умножалось, о. Назарій не пропускалъ случая бесѣдовать, пока не отправился въ дальнѣйшій путь.

Не найдя себѣ удобнаго мѣста въ землѣ черноморскихъ казаковъ, о. Назарій поѣхалъ назадъ чрезъ то же село, и какъ разъ прибылъ туда въ воскресный день, къ благовѣсту. Народу было у церкви множество, и народъ съ восторгомъ встрѣтилъ старца, котораго успѣлъ полюбить. Послѣ обѣдни священникъ, указывая о. Назарію на то, что не только храмъ, но и паперти полны молящимися, сказалъ предстоящимъ, что это — плодъ молитвъ о. Назарія. До конца жизни о. Назарій поддерживалъ переписку съ этимъ священникомъ.

Вернувшись въ Саровъ, гдѣ полагалъ начало монашеству, о. Назарій устроилъ себѣ пустынную келлію въ лѣсу, при рѣчкѣ Саровкѣ. Когда хватало силъ, онъ въ ночное время ходилъ по лѣсу, совершая на память молитвословіе 12 псалмовъ, и къ разсвѣту возвращался въ келлію. Не разъ встрѣчался онъ съ медвѣдями, которые не трогали его, и онъ ихъ не боялся.

Многіе отшельники повѣряли ему свои помыслы. Въ Тамбовскомъ и Нижегородскомъ краю образовалось подъ его руководствомъ много женскихъ общежитій. Имѣя даръ прозорливости, о. Назарій видѣлъ обнаженными человѣческія мысли и грѣхи. Дѣлатель умной молитвы, такъ писалъ о ней старецъ: «Помолимся духомъ, помолимся и умомъ. Взойдите-ка въ слова апостола Павла: «Хощу рещи лучше пять словъ умомъ, нежели тысячу языкомъ». Изобразить не могу, сколь мы счастливы, что сіи пять словъ удостои-

лися говорить. Что за радость! Господи Іисусе Христе, помилуй мя грѣшнаго. Вообразите-ка: Господи, кого я называю? Создателя, Творца всего, Кого вся небесныя силы трепещутъ. Умъ и сердце собрать во едино, глаза закрыть, мысленныя очи возвести къ Господу. О сладчайшій и дражайшій Господи, Іисусе Христе Сыне Божій!»

Послѣ пятилѣтняго пребыванія въ Саровѣ, о. Назарій скончался, 74 лѣтъ — 23 февраля 1809 г. и погребенъ у алтаря теплой церкви.

Послѣ отца Назарія осталось «Старческое наставленіе» — содержащее совѣты монашествующимъ. Вотъ нѣкоторые отрывки изъ него.

Наставленіе о молитвѣ, особенно въ церкви. — Разсмотри, любезный брате, нижеслѣдующее предписаніе, служащее ко спасенію нашея души, а именно: 1) въ полунощи непремѣнно возстани, прежде утренняго славословія, стани передъ Богомъ и чистосердечную пролей къ нему молитву нѣсколько времени, такъ, какъ сказано о семъ ниже.

Приспѣвшу же времени утренняго славословія, съ усердіемъ, возстани и поспѣши, какъ можно, къ началу богослуженія церковнаго; а притекши въ церковь, на соборную молитву, стани на удобномъ мѣстѣ, собери всѣ силы мыслей твоего разума, дабы не мечтали и не летали по всѣмъ странамъ, качествамъ злымъ и предметамъ, возбуждающимъ наши страсти.

Старайся какъ можно углубить крѣпко въ сердце твое чтеніе и пѣніе церковное, и оное напечатлѣть на скрижаляхъ его.

Внимай безъ лѣности, не ослабѣвай тѣломъ, не прислоняйся къ стѣнѣ или къ столбу церковному; но нозѣ соедини равно одну съ другою, и руки приложи къ персямъ; главою поникни къ земли, а умъ устреми въ небесныя селенія.

Берегись, какъ можно, чтобъ отнюдь не смѣть не только о чемъ нибудь разговаривать, но ниже бы на кого, или на что очима воззрѣть. Внимай чтенію и пѣнію цер-

ковному, старайся, какъ можно, не допустить празднословити уму своему.

Если не можеши понимати, слушая пѣніе и чтеніе церковное, то съ благоговѣніемъ тайно твори молитву имени Іисусову, слѣдующимъ образомъ: «Господи Іисусе Христе Сыне Божій, помилуй мя грѣшнаго». Старайся углубить сію молитву въ душу и сердце твое; твори оную умомъ и мыслію, не попускай оной ни на малое время удалиться отъ устъ твоихъ; соединяй оную какъ можно съ дыханіемъ твоимъ и сколько силъ твоихъ есть, старайся при семъ нудить себя къ сокрушенію сердечному, да не безъ слезъ каешися о грѣсѣхъ твоихъ. Если же нѣтъ слезъ, то должны быть, по крайней мѣрѣ, сокрушеніе и стенаніе сердечныя. Наблюдай, дабы церковныя службы не проходили безъ сего.

Наставленіе для времени послѣ церковнаго богослуженія. По окончаніи церковнаго славословія, исходя въ келлію свою изъ церкви, берегись, какъ можно, дабы отнюдь ни съ кѣмъ не стати и ничего не глаголати. Паче же всего хранися вреднаго празднословія и смѣха; но гряди спѣшно въ келлію свою, не испущая изъ устъ ума своего и мыслей молитву Іисусову.

Пришедши въ келлію, затвори дверь, и, аще можеши, то стани, и съ усердіемъ, вниманіемъ и благодареніемъ, помолись немного о себѣ, о родителяхъ, благотворителяхъ и о всемъ мірѣ; положи нѣсколько земныхъ или поясныхъ поклоновъ съ молитвою.

Посемъ возьми книгу и мало почитай.

Аще же изнеможеши оть утружденія, либо отъ болѣзни, или отъ старости лѣтъ своихъ, то можешь по симъ причинамъ и отмѣнить сіи труды; а вмѣсто сего нѣсколько молиться, сидя или лежа съ четками.

При выполненіи всего показаннаго обуздай, какъ можно, умъ и мысли твои молитвою; берегись, дабы и мысли твои не парили къ предметамъ неполезнымъ и вреднымъ душѣ.

Тако подобаетъ творити и оберегать себя непремѣнно

послѣ всякаго церковнаго правила. Отдохнувши же мало и содѣлавши по наставленію, какъ сказано, если имѣешь врученное тебѣ какое дѣло или общее послушаніе для тѣлесныхъ трудовъ, то принимайся за оное такъ, какъ за опредѣленное тебѣ отъ самого Христа, а не какъ отъ человѣка. Посему возставай спѣшно, съ любовью пребывай въ служеніи, безъ роптанія трудися, изможделая свою плоть.

Если жъ нѣтъ порученнаго тебѣ дѣла служенія, то дѣлай свое, какое имѣешь рукодѣліе, или чтеніемъ книжнымъ насыщай и назидай душу твою или инымъ чѣмъ, не препятствующимъ нашему спасенію.

Внимай сему крѣпко, чтобъ отнюдь не быть въ своей келліи праздному. Ибо праздность первая всему злу учительница, и аще она вкоренится въ кого, тому много трудовъ предлежитъ для истребленія оной.

О пребываніи въ келліи и о исхожденіи.—Береги себя прилежно и въ семъ: не исходи безвременно изъ келліи твоей, кромѣ необходимой нужды, чтобъ послушать, любви ради ближняго, или чтобъ немощному послужить, или если отъ настоятеля или отъ ближняго по любви куда пошлешися, или къ отцу духовному, по Бозѣ наставляющему тя, пойдеши.

Наблюдай же прилежно и сіе: если выйдеши изъ келліи твоей по объявленнымъ благословнымъ причинамъ, то, идучи, старайся, какъ можно, не глядѣть никуда по сторонамъ и не любопытствуй очами ни на что.

А если на пути нечаянно встрѣтится кто съ тобою, или увидишь вредное что, или нѣкихъ усмотришь между собою безвременно бесѣдующихъ; то берегись, да не сядеши или станеши съ ними; даже берегись, и помысла сего, не стать ли мнѣ съ ними, и услышать, что глаголютъ; но съ молчаніемъ поклонися имъ, и мимо ихъ иди за своимъ дѣломъ въ путь свой. И аще будутъ они къ тебѣ что говорити, или останавливати, то ты паки поклонися имъ, говоря: простите, иду за дѣломъ, и имѣю нужду поспѣшить исполненіемъ послушанія; и отбѣгай скорѣе на

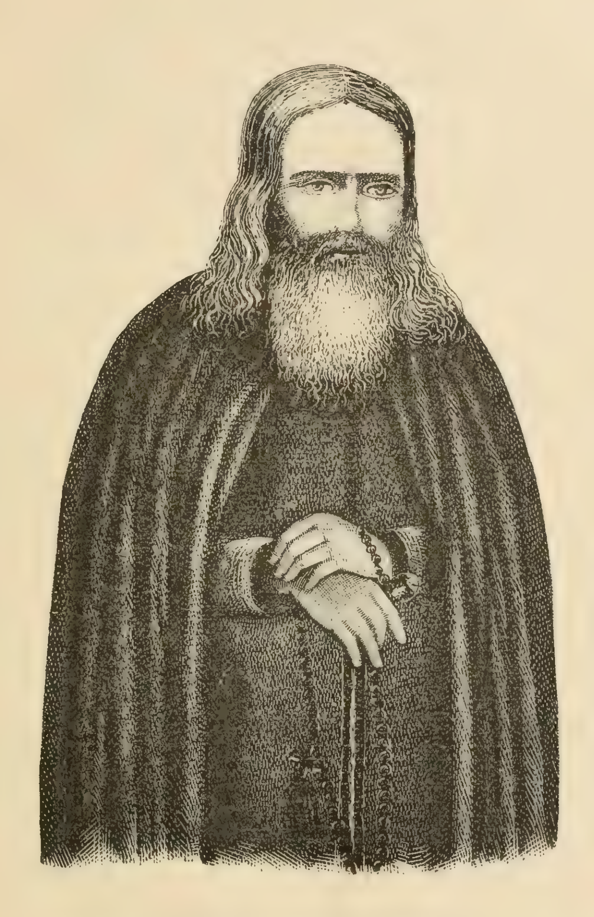
свое дѣло или къ пославшему тя. Помышляй сіи Давидовы слова: «Блаженъ мужъ иже не иде на совѣтъ нечестивыхъ и на пути грѣшныхъ не ста».

Пришедши къ тому, къ кому ты посланъ, также старайся, какъ можно, чтобы излишняго не говорить, или не сидѣти безъ нужды; но, исполнивъ порученное тебѣ, скорѣе въ келлію твою возвращайся съ покойнымъ духомъ.

О причащеніи Божественныхъ Тайнъ. — Какъ скоро увидишь іерейскую руку, простираемую со святымъ таинствомъ и ко устамъ твоимъ приносящую, то не думай, что ты отъ іерейской руки оный божественный даръ принимаешь, но воображай и вѣруй отъ всея души, что пріемлешь отъ руки самого Христа невидимо стоящаго и во уста тебѣ оный влагающаго. Воображай и вѣруй несомнѣнно, что ты точно яси самую Владычню плоть, теперь отъ живого и животворящаго состава тѣлеси Его отдѣленную, и аки теперь изъ самаго ребра Христова текущую кровь и воду піеши; что видиши на крестѣ висящаго Христа, и теперь изъ ранъ Его сосеши кровь и свѣтъ, и жизнь. Тако причащайся, тако вѣруй несомнѣнно; тако воображай безпрестанно въ умѣ своемъ.

Миссіонеръ, монахъ Германъ.

Монахъ Германъ, изъ Серпуховскихъ купцовъ, 16-ти лѣтъ отъ роду вступилъ въ Сергіеву пустынь (подъ Петербургомъ). Во время пребыванія въ ней получилъ онъ чудесное отъ пресвятой Богородицы исцѣленіе въ постигшемъ его недугѣ. 21—22 лѣтъ онъ перешелъ на Валаамъ. Всею душою онъ привязался къ этой обители и ея игумену Назарію. Удаленный отъ нихъ, онъ писалъ, что память о Валаамѣ «не изгладятъ изъ его сердца ни страшныя непроходимыя сибирскія мѣста, ни лѣса темные, ни быстрины великихъ рѣкъ не смоютъ, даже грозный океанъ не угаситъ чувствъ оныхъ».



убогій Германъ

Несомнѣнно, что о. Германъ весьма скоро достигъ высокой духовной степени, потому что мудрый игуменъ благословилъ ему жить въ пустынѣ, въ глухомъ лѣсу, въ полутора верстахъ отъ обители; мѣсто это и понынѣ называется Германово. По праздникамъ о. Германъ приходилъ въ монастырь и со слезами пѣвалъ на клиросѣ.

Въ 1794 г. Св. Сvнодъ отправилъ десять Валаамскихъ монаховъ, и въ числѣ ихъ о. Германа, проповѣдывать Евангеліе на новоприсоединенныхъ къ Россіи Алеутскихъ островахъ. Нѣсколько тысячъ были просвѣщены, заведена школа, выстроена церковь, но къ 1800 году остался изъ миссіи одинъ о. Германъ: іеромонахъ Ювеналій принялъ мученическую кончину; начальникъ миссіи, архимандритъ Іоасафъ, удостоенный уже епископскаго сана, утонулъ со свитою.

О. Германъ жилъ на небольшомъ и живописномъ островѣ Еловомъ (названномъ имъ «Новымъ Валаамомъ»), отдѣленномъ проливомъ версты въ двѣ отъ острова Кадьяка, гдѣ устроенъ былъ деревянный монастырь и церковь.

Выкопавъ себѣ пещеру въ землѣ, о. Германъ провелъ въ ней лѣто. Когда американская компанія выстроила для него келлію, онъ предназначилъ пещеру для своей могилы. У келліи былъ огородъ, а вблизи деревянная часовня и деревянный домикъ для училища и посѣтителей. На этомъ мѣстѣ о. Германъ подвизался болѣе 40 лѣтъ. Жизнь его была въ высшей степени сурова. Онъ таскалъ для топлива большія деревья, которыя могли-бы снести только четверо, воздѣлывалъ огородъ, принося для удобренія его въ громадномъ коробѣ морскую капусту; на зиму дѣлалъ запасы грибовъ и соли, добывая ее изъ морской воды. Все добытое онъ употреблялъ на пищу, одежду и книги для своихъ воспитанниковъ-сиротъ.

Воздержаніе о. Германа было удивительно; онъ въ гостяхъ чуть отвѣдывалъ за обѣдомъ какого нибудь блюда, а въ келліи довольствовался малою частью овощей или рыбы.

Одежда его, неизмѣнная зимою и лѣтомъ, въ бурю, дождь и мятель,—состояла изъ оленьей кухлянки (рубашки),

безъ бѣлья, которую онъ носилъ, не снимая, по 8 лѣтъ, сапогъ, подрясника и заплатанной рясы. Постель состояла изъ узкой скамьи съ изголовьемъ изъ кирпичей; одѣяла не было; деревянную доску, лежавшую на печкѣ, о. Германъ называлъ одѣяломъ своимъ и завѣщалъ покрыть ею себя въ могилѣ. Тѣло свое, изнуренное бдѣніемъ, сокрушалъ онъ 15-фунтовыми веригами. Послѣ смерти онѣ найдены были, или, какъ говорятъ другіе, сами выпали въ часовнѣ. «Трудную жизнь, говорятъ алеуты, велъ апа (дѣдушка), и никто не можетъ подражать его жизни». Кромѣ этихъ внѣшнихъ подвиговъ, всякую минуту жизни предстоялъ о. Германъ Творцу своему. Изъ келліи его слышалось совершаемое имъ монастырское богослуженіе, и, ведя жизнь какъ человѣкъ, разрѣшившійся отъ плоти, онъ сталъ какъ безплотный, и, на вопросъ, какъ онъ не соскучится, отвѣчалъ: «Я не одинъ! Тамъ есть Богъ, тамъ есть ангелы святые. И можно-ли съ ними соскучиться!»

Объ отношеніяхъ своихъ къ туземцамъ, къ которымъ Промыслъ Божій послалъ о. Германа, онъ писалъ такъ правителю колоній Яновскому: «Я нижайшій слуга здѣшнихъ народовъ и нянька, отъ лица ихъ предъ вами ставши, кровавыми слезами пишу вамъ мою просьбу: Будьте намъ отецъ и покровитель. Мы всеконечно краснорѣчія не знаемъ, но съ нѣмотою, младенческимъ языкомъ говоримъ: «отрите слезы беззащитныхъ сиротъ, прохладите жаромъ печали тающія сердца, дайте разумѣть, что значитъ отрада». Понимая, что народъ этотъ находится во младенческомъ состояніи, о. Германъ жалѣлъ его какъ малаго ребенка; онъ заступался за него предъ начальствомъ; никого не боясь, распаляемый ревностью Божественною, и не взирая на лица, обличалъ онъ нѣкоторыхъ начальствующихъ въ недостойномъ поведеніи и притѣсненіи алеутовъ. На него вооружались злобою, клеветами, писали въ Петербургъ, что необходимо выселить его, что онъ возмущаетъ противъ начальства; одинъ Богъ хранилъ его въ этихъ притѣсненіяхъ.

Алеуты часто приходили къ нему. Онъ помогалъ имъ,

разбиралъ ихъ непріятности, мирилъ; нѣжно любилъ онъ дѣтей, одѣлялъ ихъ сухариками, самъ пекъ имъ крендельки. Особенно ясно высказалось самоотверженіе о. Германа во время повальной язвы, занесенной въ Кадьякъ кораблемъ изъ Соединенныхъ Штатовъ. Не было ни лѣкарствъ, ни докторовъ; люди умирали въ три дня. Ужасное зрѣлище представляли большіе сараи, служившіе жилищами алеутовъ. До ста человѣкъ лежало въ повалку — живые рядомъ съ остывшими уже мертвецами; тамъ кончались, тутъ слышались раздирающіе стоны. По охладѣвшимъ грудямъ умершихъ матерей ползали голодныя дѣти, съ воплемъ искавшія себѣ пищи. Во все время этой грозной бѣды, длившейся мѣсяцъ, о. Германъ ходилъ утѣшителемъ среди этого земного ада, увѣщевая терпѣть, молиться и каяться.

Для просвѣщенія алеутовъ, о. Германъ устроилъ жилище для сиротъ и самъ училъ ихъ Закону Божію и церковному пѣнію. Въ воскресные и праздничные дни онъ собиралъ алеутовъ въ часовню. Часы и разныя молитвы читалъ ученикъ его, пѣніе совершалось, и очень хорошо, сиротками, а самъ старецъ читалъ Апостолъ и Евангеліе и устно поучалъ народъ. Увлекательныя бесѣды эти, чудною силою дѣйствовавшія на слушателей, собирали множество народа. Одна молодая женщина, Софья Власова, услыхавъ отъ о. Германа о воплощеніи Сына Божія и вѣчной жизни, умолила старца разрѣшить ей остаться на островѣ, и сдѣлалась надзирательницею дѣтей. Умирая, старецъ завѣщалъ ей остаться на Еловомъ, и похоронить ее по смерти въ своихъ ногахъ.

По смиренію, отказавшись отъ сана іеромонаха и архимандрита, который ему предлагали, не имѣя оффиціальнаго званія, о. Германъ былъ отцомъ бѣднаго, заброшеннаго племени, къ которому послалъ его Богъ.

Но не на однихъ только алеутовъ оказывалъ вліяніе о. Германъ. Его свѣтлый образъ неотразимо дѣйствовалъ на всѣхъ соприкасавшихся съ нимъ, — а большинство такихъ лицъ были моряки.

«Мнѣ было тридцать лѣтъ,—разсказываетъ одинъ изъ нихъ,—когда я встрѣтился съ о. Германомъ. Я воспитывался въ морскомъ корпусѣ, зналъ многія науки и много читалъ; но, къ сожалѣнію, науку изъ наукъ, т. е. Законъ Божій едва понималъ поверхностно, и то теоретически, не примѣняя къ жизни, и былъ только по названію христіанинъ, а въ душѣ и на дѣлѣ вольнодумецъ, деистъ. Я перечиталъ много сочиненій безбожныхъ Вольтера и другихъ философовъ XVIII вѣка, и не признавалъ божественности и святости нашей религіи. Отецъ Германъ тотчасъ замѣтилъ это и пожелалъ меня обратить. Къ великому моему удивленію, онъ говорилъ такъ сильно, умно, доказывалъ такъ убѣдительно, что мнѣ, кажется, никакая ученость и земная мудрость не могли-бы устоять противъ его словъ.

«Ежедневно бесѣдовали мы съ нимъ до полуночи, и даже за полночь, о любви Божіей, о вѣчности, спасеніи души, христіанской жизни. Сладкая рѣчь неумолкаемымъ потокомъ лилась изъ его устъ. Такими бесѣдами и молитвами святого старца Господь совершенно обратилъ меня на путь истины. Всѣмъ я обязанъ о. Герману; онъ мой истинный благодѣтель.

Своими бесѣдами о. Германъ обратилъ одного морского офицера-лютеранина въ православіе. Однажды старца пригласили на пришедшій по Высочайшему повелѣнію фрегатъ, гдѣ было 25 офицеровъ. Эту компанію образованныхъ людей одѣтый въ рубище монахъ привелъ въ такое положеніе, что они не знали, что ему отвѣчать. «Мы были,—разсказывалъ капитанъ,—безотвѣтны, дураки предъ нимъ!»

Старецъ предложилъ всѣмъ общій вопросъ: «Что вы, господа, больше всего любите, и чего бы каждый изъ васъ желалъ для своего счастья?» Послышались всякіе отвѣты.— «Не правда ли, сказалъ старецъ, всѣ ваши желанія можно свести къ одному: всякій желаетъ того, что считаетъ лучшимъ и наиболѣе достойнымъ любви?»—«Да, такъ».— «Что же, продолжалъ онъ—лучше, выше, превосходнѣе всего, достойнѣе всего любви, какъ не самъ Господь нашъ Іисусъ

Христосъ, Который насъ создалъ, украсилъ совершенствами, всему далъ жизнь, все содержитъ, питаетъ, все любитъ, и Самъ есть любовь и прекраснѣе всѣхъ человѣковъ? не должно ли поэтому превыше всего искать, любить и желать Бога?— «Ну да, это разумѣется», отвѣтили всѣ.—«А любите ли вы Бога?» спросилъ старецъ.—«Конечно, любимъ Бога. Какъ не любить Бога!»—«А я грѣшный болѣе сорока лѣтъ стараюсь, и не могу сказать, что совершенно люблю Бога. Если мы любимъ кого, всегда помнимъ его, стараемся угодить тому, день и ночь сердце наше имъ занято. Такъ ли вы, господа, любите Бога? Часто ли обращаетесь къ Нему, всегда ли молитесь и исполняете заповѣди Его?»—«Нужно признаться, батюшка, что нѣтъ». — «Для нашего блага и счастья, заключилъ старецъ, дадимъ себѣ обѣтъ, что отъ сего часа, сей минуты будемъ стараться любить Бога уже выше всего, и исполнить Его святую волю».

Иногда и за полночь засиживался о. Германъ за бесѣдою, но ночевать никогда не оставался и возвращался къ себѣ на островъ. Вообще, за бесѣдою о. Германа забывалось время, и нерѣдко слушающіе съ вечера засиживались до разсвѣта.

Святою жизнью своею о. Германъ стяжалъ себѣ сверхъестественныя дарованія. Любя животныхъ, онъ кормилъ изъ рукъ дикаго звѣрька, горностая и медвѣдей, остановилъ пожаръ и наводненіе, созерцалъ будущее.

О мѣстѣ подвиговъ своихъ о. Германъ говорилъ ученикамъ: «Хотя и много времени пройдетъ послѣ моей смерти, но меня не забудутъ, и мѣсто жительства моего не будетъ пусто: подобный мнѣ монахъ, убѣгающій славы человѣческой, придетъ и будетъ жить на Еловомъ, — и Еловый не будетъ безъ людей». — «Миленькій, спросилъ о. Германъ 12-ти лѣтняго креола Константина, какъ ты думаешь, часовня, которую теперь строятъ, останется ли втунѣ?» — «Не знаю, апа». — «Помни, дитя мое, что на этомъ мѣстѣ будетъ современемъ монастырь»... «Черезъ 30 лѣтъ по смерти моей, говорилъ о. Германъ, вспомнятъ меня».

«Когда умру я, приказывалъ о. Германъ, — схороните меня рядомъ съ о. Іосафомъ. Быка моего убейте, никого въ гавани не извѣщайте, схороните меня одного. Тѣло положите на доску, сложите на груди руки, закутайте меня въ мантію, и ея воскрыліями покройте мое лицо и клобукомъ голову. Лица моего никому не показывайте. Въ землѣ покройте меня бывшимъ моимъ одѣяломъ».

Когда приблизился часъ кончины его, онъ велѣлъ ученику своему зажечь свѣчи предъ иконами и читать Дѣянія св. Апостоловъ. Тихо преклонилъ онъ голову на грудь ученика, лицо его просіяло, и келлія исполнилась благоуханія. Блаженная кончина праведника послѣдовала 13 декабря 1837 г., на 81 году его жизни.

Въ тотъ вечеръ въ селеніи Катани (на Аѳогнакѣ) и въ разныхъ другихъ мѣстахъ былъ виденъ надъ Еловымъ островомъ свѣтлый столпъ, досягавшій до неба. Въ другомъ селеніи на Аѳогнакѣ видѣли человѣка, поднимавшагося съ Еловаго острова къ облакамъ. Потомъ жители узнали, что въ этотъ день отошелъ о. Германъ.

Несмотря на запретъ старца, въ гавань было дано знать о его смерти. Правитель колоній объявилъ, чтобъ его ждали, что онъ пріѣдетъ на похороны со священникомъ. Но вдругъ началась страшная буря, море волновалось цѣлый мѣсяцъ, и не было никакой возможности совершить короткій двухчасовой переѣздъ по проливу. Цѣлый этотъ мѣсяцъ тѣло о. Германа лежало въ домѣ его воспитанниковъ, съ неизмѣняющимся лицомъ и не издавая никакого запаха. Наконецъ, старца схоронили одни еловскіе жители. Тотчасъ море утихло и улеглось, какъ зеркало. Быкъ старца по смерти его затосковалъ и самъ убился лбомъ о дерево.

Въ 1865 г. настоятель Валаама сталъ собирать свѣдѣнія о жизни о. Германа и получилъ ихъ отъ двухъ; служившихъ въ томъ краѣ, русскихъ архіереевъ, отъ учениковъ старца и отъ престарѣлаго С. И. Яновскаго, бывшаго въ 1817—1821 г. главнымъ правителемъ всѣхъ россійско-

американскихъ колоній. 13 декабря 1867 г., въ присутствіи игумена и старцевъ, на Валаамѣ было читано жизнеописаніе о. Германа. Такъ исполнилось предсказаніе старца, что о немъ вспомнятъ 30 лѣтъ спустя по его смерти.

Въ 1842 г. апостолъ Сибири, архіепископъ Камчатскій и Алеутскій Иннокентій, впослѣдствіи митрополитъ московскій, плывя въ Кадьякъ, былъ застигнутъ бурею. Опасность была крайняя. Обратившись къ Еловому острову, архіеп. Иннокентій сказалъ въ умѣ своемъ: «Если ты, о. Германъ, угодилъ Господу, то пусть перемѣнится вѣтеръ». Не прошло и четверти часа, какъ вѣтеръ сталъ попутный, и судно благополучно пристало къ берегу. Преосв. Иннокентій, за избавленіе, самъ отслужилъ на могилѣ о. Германа панихиду.

Кратки и немногосложны извѣстія о жизни о. Германа, но въ какомъ немеркнущемъ сіяніи является это имя!

Съ отрочества отдаться Богу, безропотно и навсегда послушно покинуть родину, вести отреченную жизнь среди дикаго племени, заступаться, молиться, учить, примирять, жалѣть, страдать за него — и смиренно закатиться, чтобъ не въ возлюбленной, какъ любитъ русскій свою Россію, землѣ отдыхать хоть смертнымъ пепломъ, но остаться стражемъ у дальней холодной волны океанской: какой неумолчный благовѣстъ разносится отъ этой молчаливой жизни, какой это дивный примѣръ!

Архимандритъ Ѳеофанъ, настоятель Кириллово-Новоезерскаго монастыря.

Архимандритъ Ѳеофанъ былъ однимъ изъ учениковъ, хотя не непосредственнымъ, славной стаи великаго старца Паисія Величковскаго, черезъ котораго возобновилось древнее учрежденіе старчества, принесенное и въ Россію и процвѣтшее въ нѣсколькихъ русскихъ обителяхъ. Самъ получивъ иноческое воспитаніе на началахъ старчества, архим.

Ѳеофанъ въ этихъ началахъ воспиталъ и нѣсколько поколѣній обновленнаго имъ Новоезерскаго монастыря, а равно и другихъ обителей, находившихся подъ его руководствомъ. Кромѣ личныхъ трудовъ, арх. Ѳеофанъ навсегда будетъ памятенъ въ лѣтописяхъ русскаго иночества тѣми заслугами, которыя оказалъ онъ въ дѣлѣ духовнаго обновленія русскихъ обителей, когда состоялъ при знаменитомъ праведною жизнью своею и православною ревностью митрополитѣ новгородскомъ и петербургскомъ Гавріилѣ († 1801 г.). Онъ указалъ ему на такихъ лицъ, какъ о. Назарій, знаменитый возстановитель Валаама; благодаря ему былъ вызванъ изъ заточенія знаменитый о. Ѳеодоръ (Ушаковъ); указанныя имъ лица возстановили такія обители, какъ Тихвинскую, Симонову (московскую), Клопскую.

О. Ѳеофанъ, въ міру Ѳеодоръ Соколовъ, родился въ г. Троицкѣ 12 мая 1752 г., въ небогатой дворянской семьѣ. Хотя онъ получилъ только самое первоначальное образованіе, но онъ пополнилъ его горячею любовью къ чтенію, причемъ читалъ исключительно книги духовнаго содержанія. Это чтеніе, вмѣстѣ съ особымъ расположеніемъ къ чистой жизни, возбудило въ душѣ его желаніе монашества. Четырнадцати лѣтъ отъ роду онъ открылся въ этомъ сверстнику, сиротѣ, жившему въ ихъ домѣ. На этого мальчика настроеніе Ѳеодора подѣйствовало такъ сильно, что онъ удалился въ Саровъ, такъ какъ ничто не связывало его; но Ѳеодоръ, по требованію родителей, поступилъ на службу въ Москву, въ вотчинную коллегію. Его усердіе и способности обѣщали ему хорошую служебную дорогу, но одно событіе, которое глубоко потрясло его душу и неотразимо убѣдило его въ ничтожности земной жизни, окончательно удалило его сердце отъ міра. Онъ бросилъ службу и удалился въ монастырь. Это событіе — была московская чума 1771 года.

Саровская пустынь, гдѣ находился товарищъ Ѳеодора, управляемая праведнымъ, широко извѣстнымъ старцемъ Ефремомъ, съ ея строгими уставами, недостаточно еще

казалась ему суровою, онъ искалъ такого мѣста, гдѣ была бы «жестокая жизнь» и наставника въ высшей степени требовательнаго. Такова была Санаксарская пустынь и ея начальникъ, отецъ Ѳеодоръ (Ушаковъ).

Жизнь тамъ напоминала времена первыхъ иноческихъ общинъ. Несмотря на то, что о. Ѳеодоръ, по прежней службѣ своей въ Петербургѣ, въ гвардіи, имѣлъ большія и богатыя связи, онъ не измѣнялъ убогаго вида монастыря. Монастырь обнесенъ былъ деревяннымъ тыномъ, церковь была одна, деревянная, со стѣнами неотесанными и внутри, съ волоковыми окнами; служба отправлялась при лучинѣ. Братія ходила въ лаптяхъ и балахонахъ, а кафтанъ былъ одинъ на всѣхъ и надѣвался лишь при выходѣ изъ монастыря. Чтобъ очистить души отъ пристрастія къ земнымъ вещамъ, о. Ѳеодоръ нарочно давалъ братіи балахоны самые убогіе и не по росту. Всенощная длилась семь часовъ, ночью вокругъ тына ходили по очереди иноки. О. Ѳеодоръ слѣдилъ за малѣйшими движеніями чувствъ и мыслей своихъ учениковъ. Основными правилами ставилъ полное отреченіе своей воли и совершенно не допускалъ словъ: «я не желаю, не хочу».

Въ монастырѣ соблюдалось ничѣмъ ненарушимое, въ полномъ смыслѣ слова, общежительное житіе.

Въ такой-то школѣ воспитывался и Ѳеодоръ; здѣсь изучилъ онъ монашескую азбуку: терпѣніе, строгость къ себѣ, безусловное послушаніе. Вмѣстѣ съ другими онъ исполнялъ, послѣ долгой церковной службы, разныя послушанія, въ которыхъ и настоятель принималъ участіе: рубилъ дрова, топилъ печи, готовилъ на кухнѣ, пекъ хлѣбы, мелъ полы. Въ началѣ его службы въ Санаксарѣ ему изъ міра тщетно дѣлали еще предложенія вернуться: звали на службу, сватали богатыхъ невѣстъ. Одинъ годъ Ѳеодоръ прожилъ недалеко отъ пустыни въ полномъ уединеніи, что указываетъ уже на высокое состояніе, достигнутое имъ тогда, потому что о. Ѳеодоръ не легко благословлялъ на него своихъ учениковъ. Во время жизни въ Санаксарѣ

Ѳеодоръ познакомился со святителемъ Тихономъ Задонскимъ, который приглашалъ его даже остаться въ Задонскѣ.

Въ 1774 г. о. Ѳеодоръ Санаксарскій, по злобѣ людей на нелицепріятіе его и заступничество за обижаемыхъ крестьянъ, былъ сосланъ въ Соловецкій монастырь. Большая часть учениковъ его тогда разошлась по другимъ обителямъ. Въ числѣ ихъ и Ѳеодоръ Соколовъ перешелъ, послѣ трехлѣтней жизни въ Санаксарѣ, во Введенскую Островскую (близъ г. Покрова, Владимірской губ.) пустынь и здѣсь находился подъ руководствомъ настоятеля о. Клеопы, который былъ постриженникъ аѳонскій и долго упражнялся тамъ въ высшемъ молитвенномъ дѣланіи съ о. Паисіемъ Величковскимъ. Перейдя въ Россію и, послѣ нѣкотораго времени, назначенный во Введенскую пустынь, о. Клеопа ввелъ въ ней общежительный аѳонскій уставъ, чинную службу. Самъ онъ проводилъ жизнь въ постоянной молитвѣ и богомысліи, братіею же управлялъ любовью кроткою и прощающею; заботился не столько объ упражненіи ея въ суровыхъ постахъ и трудахъ, сколько о водвореніи смиренія, незлобія, миролюбія. И здѣсь, у такого наставника, дополнено было иноческое воспитаніе Ѳеодора и, уже привыкшій въ Санаксарѣ къ суровому долгу иноческому, здѣсь научился онъ высшимъ добродѣтелямъ: чистотѣ помысловъ, духу любви и смиренія. Между тѣмъ разсказы о. Клеопы возбудили въ молодомъ послушникѣ сильное желаніе видѣть Аѳонъ и наставиться у старца Паисія. Въ 1777 г. Ѳеодоръ отправился въ Молдавію вмѣстѣ съ молдавскими иноками, возвращавшимися въ свой монастырь. Онъ надѣялся побывать на Аѳонѣ, въ Палестинѣ и затѣмъ поселиться у старца Паисія, но когда онъ пришелъ въ Молдовлахію, въ Тисманскій монастырь, игуменъ Ѳеодосій удержалъ его и немедленно постригъ съ именемъ Ѳеофана. Тогда Ѳеодору было 25 лѣтъ.

Тисманская обитель, совершенно удаленная отъ міра, процвѣтала подъ управленіемъ игумена Ѳеодосія, старца замѣчательнаго. Этотъ старецъ былъ, вмѣстѣ съ Паисіемъ

Величковскимъ, ученикомъ схимонаха Василія, общаго старца молдовлахійскихъ иноковъ. Находясь въ ближайшемъ общеніи съ о. Паисіемъ, онъ получилъ отъ него его переводы отеческихъ писаній. Подъ руководствомъ этого старца, ведшаго своихъ учениковъ къ высокимъ степенямъ внутренней духовной жизни, и завершилось окончательно монашеское воспитаніе о. Өеофана.

Когда, послѣ Кучукъ-Кай-Нарджійскаго мира, вслѣдствіе турецкихъ притѣсненій, жизнь въ Тисманѣ стала невозможною, игуменъ съ братіею рѣшился вернуться въ Россію. Среди братіи монастыря находился Потемкинъ, родственникъ русскаго вельможи, князя Потемкина. Одиннадцати лѣтъ отъ роду онъ бѣжалъ изъ родного дома и, скрывая свое происхожденіе, жилъ въ монастырѣ, исполняя самыя грубыя работы. Онъ зналъ семь языковъ. Ему-то и предложилъ настоятель ѣхать въ Россію и просить о переведеніи Тисманскаго монастыря въ Россію. Но скрываясь еще, о. Анастасій (Потемкинъ) выбралъ себѣ въ спутники о. Өеофана, которому были поручены написанныя Анастасіемъ письма къ его родственникамъ, а самъ Анастасій, сопровождалъ о. Өеофана въ видѣ кучера. Наконецъ, на родинѣ Анастасія, въ родительскомъ домѣ, узнали давно оплакиваемаго сына, и ликованію среди родственнаго съѣзда, собравшагося по этому случаю, не было конца. Въ 1779 г. въ Петербургѣ, куда проѣхалъ изъ дому Анастасій, было опредѣлено: назначить для пребыванія игумена Өеодосія съ тисманскою братіею Молчанскую Софроніеву пустынь (Курской губерніи). Въ этой пустыни о. Өеофанъ прожилъ среди того же быта еще полтора года. А затѣмъ онъ былъ, не смотря на свое нежеланіе, вызванъ въ Александро-Невскую лавру, гдѣ нуждались въ хорошихъ монахахъ; онъ просился даже въ миссію въ Пекинъ, чтобы избѣгнуть этого назначенія, но просьбу его не уважили.

Въ 1782 г. о. Өеофанъ прибылъ въ Петербургъ и, предавшись волѣ Божіей, сталъ съ усердіемъ проходить возлагаемыя на него послушанія. Будучи ключникомъ, онъ

сберегъ половину тратившихся до него припасовъ. Его спокойная разсудительность, распорядительность и кротость обратили на него вниманіе митрополита Гавріила, который взялъ его въ келейники и приблизилъ его къ себѣ, такъ что всѣ десять лѣтъ службы своей о. Ѳеофанъ пользовался его неограниченнымъ довѣріемъ.

Митрополитъ Гавріилъ, человѣкъ большого ума и образованности, строгій подвижникъ, великій милостивецъ, былъ самоотверженно преданъ православію и смѣло говорилъ всѣмъ правду. Постоянно опасаясь за ревность къ Церкви опалы, онъ, отправляясь во дворецъ или въ сѵнодъ, всегда клалъ нѣсколько земныхъ поклоновъ предъ иконою и говорилъ: «Дай Богъ, чтобы сегодняшній день такъ прошелъ». Когда о. Ѳеофанъ предлагалъ ему улучшить скудную митрополичью трапезу, онъ говорилъ: «Надо привыкать; можетъ быть, со временемъ, и этого не будетъ». Такъ и случилось. За нѣсколько мѣсяцевъ до смерти митрополитъ былъ уволенъ императоромъ Павломъ безъ пенсіи. Митрополитъ Гавріилъ не вкушалъ пищи до 3 часовъ, въ тѣ дни когда служилъ; плакалъ, терзался, когда кого-нибудь считалъ обиженнымъ собою; у него было положено по 50 руб. въ день на милостыню, кромѣ того онъ раздавалъ 300 руб. въ мѣсяцъ въ тюрьмахъ. Этою милостынею завѣдывалъ о. Ѳеофанъ. Однажды митрополиту донесли, что келейникъ ежедневно устраиваетъ для кого-то обѣды. Оказалось, дѣйствительно, что о. Ѳеофанъ устраиваетъ трапезу для неимѣющихъ дневного пропитанія. Съ этой поры митрополитъ сталъ еще болѣе довѣрять своему келейнику.

Но не хозяйственныя порученія составляли главную часть службы о. Ѳеофана. Когда митрополитъ близко узналъ его, онъ сталъ во многихъ дѣлахъ спрашивать его совѣта, поручалъ ему секретныя дѣла, въ особенности же сдѣлалъ его помощникомъ своимъ въ трудахъ по устроенію и обновленію монастырей. большинство которыхъ, послѣ введенія штатовъ, находилось тогда въ самомъ печальномъ состоя-

ніи. Во-первыхъ, они были лишены средствъ къ существованію, такъ какъ обезпеченіе недвижимою собственностью, которая постепенно составилась у обителей изъ пожертвованій разныхъ лицъ на поминъ души и по усердію, было отобрано Екатериною Второю въ казну; во-вторыхъ, настоятелями назначались ученые монахи, большею частью изъ кіевской академіи, которые, проходя въ то же время должности учебно-воспитательныя, не имѣли времени заниматься монастырями, и, не получивъ сами иноческаго воспитанія, не могли имѣть вліянія на братію.

Ревнуя о возстановленіи падавшаго монашества, служа самъ примѣромъ иночества, издавъ въ поученіе иноковъ такой цѣнный памятникъ, какъ переводъ на русскій языкъ «Добротолюбія», митрополитъ искалъ духовныхъ старцевъ, которые могли бы посвятить себя самоотверженно дѣлу внѣшняго и внутренняго обновленія обителей. Зная многихъ замѣчательныхъ иноковъ, о. Ѳеофанъ указывалъ на нихъ митрополиту, и такимъ образомъ были вызваны — знаменитый Саровскій подвижникъ Назарій, обновившій Валаамъ. Игнатій — первый архимандритъ изъ неученыхъ, назначенный въ знаменитый Тихвинъ и возстановившій его и вслѣдъ затѣмъ блистательно возсоздавшій древнюю, славную Симонову (московскую) обитель, которая раньше была обращена въ казарму кавалерійскаго полка!.. Макарій — въ Пѣсношскій монастырь. Былъ приведенъ въ порядокъ Клопскій (Новгородскій монастырь). Наконецъ, митрополитъ назначилъ о. Ѳеофана строителемъ Моденскаго монастыря, гдѣ онъ привелъ въ порядокъ старыя и выстроилъ новыя зданія, завелъ чинное богослуженіе и порядокъ въ жизни братіи, такъ что, по слухамъ о настоятелѣ, стало приходить въ монастырь много новыхъ иноковъ.

Въ 1793 г. бѣлозерскіе жители донесли митрополиту о крайнемъ упадкѣ древней обители преп. Кирилла Новоезерскаго и просили назначить опытнаго настоятеля; митрополитъ выбралъ о. Ѳеофана.

До кончины митрополита его довѣріе принадлежало

о. Ѳеофану въ полной степени. Въ письмахъ своихъ онъ спрашивалъ у о. Ѳеофана совѣтовъ, и игуменъ часто уѣзжалъ въ Петербургъ.

Обитель, расположенная на небольшомъ островѣ, на озерѣ Новомъ, была въ крайнемъ запущеніи. Братіи было десять человѣкъ, постриженныхъ двое; богослуженіе отправлялъ наемный священникъ, изъ бѣлаго духовенства, скудость была полная, зданія падали.

За время тридцатишестилѣтняго управленія о. Ѳеофана обитель преобразилась. Обновивъ духъ иноческій, о. Ѳеофанъ собралъ многочисленную братію; заведя чинную службу, привлекъ богомольцевъ, возбудилъ усердіе къ обители и богатыя жертвы. Онъ обновилъ и величественно расширилъ соборъ, выстроилъ почти вновь двѣ церкви, воздвигъ колокольню, возвелъ двухъэтажныя зданія келлій и обвелъ островъ на протяженіи 250 саженъ каменною съ башнями оградою, выстроенною на сваяхъ, вбитыхъ въ воду, соединилъ монастырь съ ближайшимъ островомъ мостомъ въ 140 саженъ.

Значительны были труды его и по внутреннему устроенію обители. Онъ ввелъ въ ней общежитіе, строгій чинъ богослуженій, торжественное отправленіе службъ, столповое пѣніе, непрерывное чтеніе псалтири, постоянныя занятія для братіи.

Для удобства наблюденія за жизнью иноковъ, о. Ѳеофанъ установилъ жилья въ три келліи, чтобъ новоначальные находились подъ присмотромъ старшихъ. Больше всего старался онъ управлять посредствомъ убѣжденія, и поучалъ братію и наединѣ, и въ полномъ собраніи, послѣ трапезы. Онъ не любилъ обличать въ лицо, но, замѣтивъ недостатокъ инока, говорилъ о томъ въ видѣ общаго наставленія братіи. Его простыя, дышавшія убѣжденіемъ и кротостью поученія, производили неотразимое впечатлѣніе.

Но сильнѣе всего дѣйствовалъ его примѣръ. Онъ не пропускалъ ни одной службы, исполнялъ съ братіею всѣ послушанія, работалъ на поляхъ, ѣлъ въ трапезѣ, носилъ

самую бѣдную одежду и не имѣлъ имущества. При такомъ управленіи старца число иночествующихъ быстро возрасло до 80 человѣкъ. Но не на иноковъ только новоезерскихъ имѣлъ вліяніе о. Ѳеофанъ. Назначенный благочиннымъ нѣсколькихъ монастырей, онъ заботился объ ихъ духовномъ преуспѣяніи, особенно же плодотворны были его заботы о Горицкой женской обители, которая находилась подъ управленіемъ опытной и благочестивой игуменіи Маврикіи и въ которой онъ бывалъ нѣсколько разъ въ годъ. Пріѣзжая въ монастырь, онъ подолгу, послѣ службы, бесѣдовалъ съ инокинями. Нѣкоторыя изъ бесѣдъ ими записаны. Особенно настаивалъ онъ на снисканіи добродѣтели смиренія; о внѣшнихъ аскетическихъ подвигахъ, въ примѣненіи ихъ къ Горицкой обители, гдѣ были инокини разнаго званія, о. Ѳеофанъ держался мнѣнія, что они должны быть примѣняемы по мѣрѣ силъ и со вниманіемъ къ прежнимъ привычкамъ инокинь.

Кромѣ иноковъ, къ о. Ѳеофану обращалось много мірскихъ лицъ. Онъ принималъ всякаго; наставленія его имѣли то свойство, что какъ будто бы служили поученіемъ скорѣе самому о. Ѳеофану, чѣмъ его собесѣднику; и бесѣдою своею старецъ доводилъ его до того, что собесѣдникъ высказывалъ самъ нужную для себя истину, а о. Ѳеофанъ служилъ возбудителемъ въ немъ душевной теплоты. Если пріѣзжіе желали, о. Ѳеофанъ по глубокому смиренію своему, приходилъ по ихъ зову въ гостинницу; когда же посѣтитель уходилъ отъ него, онъ всякаго провожалъ до сѣней и на крыльцо. Многіе объясняли ему свое положеніе въ письмахъ, на которыя онъ отвѣчалъ съ заботливостью; особенно замѣчательны письма его къ мірскимъ лицамъ, которыя впослѣдствіи стали монахинями горицкими; въ нихъ о. Ѳеофанъ поддерживалъ первыя проявленія религіозной ревности, которая впослѣдствіи проявлялась въ пламенномъ чувствѣ воодушевленія. Лицъ, живущихъ въ міру, предостерегалъ отъ пристрастія къ мірскимъ обычаямъ, объясняя ихъ вредъ, и внушалъ вѣрность къ Церкви.

Слухъ о трудахъ о. Ѳеофана дошелъ и до Петербурга. Государь Александръ I пожаловалъ ему митру и наперсный крестъ и, по его ходатайству, увеличилъ штатъ Новоезерскаго монастыря.

Въ 1828 г. о. Ѳеофанъ сильно ослабѣлъ, въ праздникъ Рождества собралъ всѣ силы, пришелъ въ трапезу и сказалъ братіи наставленіе, прося молиться, чтобъ ему мирно отойти. Онъ написалъ завѣщаніе, въ которомъ просилъ сохранять введенный имъ уставъ, и распорядился нѣсколькими рясами и нѣсколькими книгами—единственное, что онъ имѣлъ, и затѣмъ просилъ уволить его на покой.

Назначенный, по его указанію, преемникомъ ему игуменъ во всемъ повиновался ему, но о. Ѳеофанъ велъ себя по отношенію къ нему, какъ къ начальнику. Онъ еще строже сталъ исполнять свои прямыя обязанности; посѣщая безъ пропуска службы церковныя, никогда не садился въ храмѣ.

Въ концѣ 1832 г. о. Ѳеофанъ посѣтилъ въ послѣдній разъ Горицкій монастырь, и бесѣда его отличалась тою ясностью и спокойствіемъ, которыя отличаютъ подвижниковъ при концѣ ихъ пути. Онъ вернулся домой больной, и 3 декабря 1832 г. на 81-мъ году жизни послѣ причастія и елеосвященія, тихо преставился, въ присутствіи лишь одного келейника своего, произнося имя Господа Іисуса Христа.

При погребеніи его было громадное стеченіе народа. Надъ его могилою въ соборной церкви лежитъ гранитная плита, и предъ осѣняющею мѣсто его успокоенія иконою Богоматери горитъ неугасимая лампада.

Игуменія Ѳеофанія (Готовцева), основательница С.-Петербургскаго Воскресенскаго женскаго монастыря.

I. Міръ и монастырь.

Честнѣйшая мать Ѳеофанія (въ міру Александра Сергѣевна Щулепникова, въ замужествѣ за генераломъ Готовцевымъ), родилась въ 1787 г., 15 февраля — Костром-

ской губ., Солигаличскаго уѣзда, въ сельцѣ Тресковѣ. Отецъ ея, Сергѣй Аѳанасьевичъ, происходившій изъ древняго боярскаго рода, и выборный отъ костромского дворянства въ комиссію Наказа, былъ кроткій человѣкъ, требовательный лишь въ исполненіи религіозныхъ обязанностей. Жена его Доминика Ивановна (дочь Вологодскаго воеводы Бѣлкина) была превосходная хозяйка, славилась красотою и даромъ слова. Ежедневно въ особомъ флигелѣ раздавала она нищимъ пищу, а въ праздники устраивала имъ обѣды во дворѣ. Семьи небогатыхъ дворянъ считали ее своею матерью.

Яснымъ лучемъ промелькнуло счастливое дѣтство дѣвочки среди приволья многочисленной и богатой семьи. У нея было четыре брата и семь сестеръ.

На одиннадцатомъ году ее отвезли въ Смольный институтъ, въ Петербургѣ, гдѣ оканчивала курсъ ея старшая сестра, Анна Сергѣевна. Но такъ какъ она не попала по баллотировкѣ, и, кромѣ того, заболѣла отъ тоски по дому, ее поспѣшили отправить назадъ. Ликованіе охватило всю усадьбу при крикѣ: «барышня пріѣхала»—и больной отецъ, бѣгомъ выбѣжавшій къ ней, обнимая свою любимицу, говорилъ: «Теперь не разстанусь съ тобою до моей смерти». Съ тѣхъ поръ отецъ и дочь стали неразлучны. Когда Анна Сергѣевна, по окончаніи курса, вернулась домой, она занялась образованіемъ младшей сестры.

Дѣвочка училась хорошо и была крайне дѣятельнаго нрава; больше всего она любила оказывать услуги другимъ; она близко знала всякое лицо изъ многочисленной дворни, и сама изучила на дѣлѣ всякое ремесло и рукодѣліе, и даже перепробовала, несмотря на запретъ матери, черныя работы.

Щулепниковъ прожилъ недолго. По его смерти дѣвочка четырнадцати лѣтъ поступила въ Екатерининскій институтъ въ Петербургѣ. Сперва она страшно тосковала и была разсѣянна, но потомъ нѣжная забота начальницы Брейткопфъ смягчила ея дѣтскую грудь, и она стала лучшею ученицею;

не любила только нѣмецкій языкъ: въ рисованіи-же и рукодѣльяхъ выказывала особые успѣхи. Въ 1805 г. Александра Сергѣевна была выпущена изъ института, съ золотымъ шифромъ Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны *). Съ перваго представленія, еще дѣвочкой, Императрица полюбила ее, и требовала ее къ себѣ при всякомъ посѣщеніи, лаская ее, какъ мать. Прощаясь съ нею, Государыня обѣщала ей навсегда свое благоволеніе, приказала при всякомъ удобномъ случаѣ являться къ ней, и при надобности прямо прибѣгать къ ея покровительству.

Недолго пожила Александра Сергѣевна у матери, которая вскорѣ по возращеніи ея домой скончалась; чрезъ полтора года умерла и родная замужняя сестра ея Екатерина Сергѣевна Шипова **), къ которой вмѣстѣ съ сестрой Анной Сергѣевной переѣхала Александра Сергѣевна по кончинѣ матери.

Тогда сестры поселились въ своей деревнѣ Костромского уѣзда.

Въ началѣ 1809 г. Александра Сергѣевна въ Петербургѣ обвѣнчана съ генераломъ Готовцевымъ, который, будучи въ отпуску въ деревнѣ, познакомился тамъ съ нею и сдѣлалъ тамъ-же предложеніе. На другой день свадьбы Готовцевъ получилъ приказъ идти съ полкомъ въ Швецію, на помощь фельдмаршалу Каменскому. Шесть недѣль только провелъ онъ съ молодою женой, много выѣзжая въ свѣтъ, что занимало ее, и окружая ее блескомъ, почестями и любовью. Съ отъѣзда мужа она погрузилась въ книги и военныя карты и, собирая самыя быстрыя и вѣрныя свѣдѣнія, слѣдила за всякимъ переходомъ генерала. Вскорѣ генералъ прислалъ къ женѣ фельдфебеля, съ приглашеніемъ пріѣхать къ нему въ виду скораго окончанія войны.

*) Этотъ шифръ въ 1829 г. она принесла въ даръ къ иконѣ Богоматери въ Горицкомъ монастырѣ.

**) Одна изъ дочерей г-жи Шиповой, родная племянница матери Ѳеофаніи, много чтившая свою тетку — была Марія Павловна Леонтьева, знаменитая начальница Смольнаго.

Великія препятствія приходилось преодолѣвать русскимъ войскамъ, идя безъ проводниковъ по дремучимъ лѣсамъ, скаламъ, льдамъ, болотамъ — во вьюгу и морозъ, безъ пищи — такъ что шведы не хотѣли вѣрить нѣкоторымъ переходамъ, считая ихъ невозможными. Всю жизнь потомъ мать Ѳеофанія съ восторгомъ любила разсказывать о подвигахъ русскихъ въ эту войну, о которыхъ ей разсказывали сподвижники ея мужа, и говорила, что недостойное равнодушіе современниковъ и потомства окружаетъ дѣятелей этой войны.

Въ дѣлѣ при Северѣ небольшая русская армія атаковала многочисленнѣйшихъ шведовъ. Генералъ Готовцевъ лично повелъ свой Азовскій Мушкетерскій полкъ въ штыки и опрокинулъ непріятеля, но сраженъ былъ шведскою пулею. До послѣднихъ силъ не покидалъ онъ поля сраженія, и, наконецъ, былъ вынесенъ солдатами на плащѣ, и въ тотъ-же день 8 августа 1809 г. умеръ.

Наканунѣ отъѣзда Александры Сергѣевны въ Швецію къ мужу, было получено донесеніе графа Каменскаго:

«Мы лишились храбраго генерала Готовцева».

Государь изъявилъ Августѣйшей Матери своей желаніе облегчить участь вдовы, а Императрица Мать послала къ ней г-жу Брейткопфъ, чтобъ съ осторожностью сообщить роковую вѣсть. Забота о той жизни, которую носила она въ себѣ, принудила Александру Сергѣевну подавить возможно скорѣе порывы неутѣшнаго горя. Мужа она просила похоронить тамъ, гдѣ онъ убитъ—и, по желанію ея, генералъ Готовцевъ, со смертью котораго окончилась война, похороненъ подъ Торнео — гдѣ теперь русская граница. По повелѣнію Государя, военный министръ препроводилъ къ вдовѣ Высочайшій рескриптъ, которому не успѣлъ порадоваться ея мужъ — за сраженіе при Кирко-Шкелефта.

8 ноября 1809 г. у г-жи Готовцевой родилась дочь. Крестила ее въ Зимнемъ Дворцѣ вдовствующая Императрица.

Въ своемъ и безъ того грустномъ положеніи Александрѣ Сергѣевнѣ пришлось вынести разныя клеветы. Тогда она явилась однажды на балъ съ младенцемъ на рукахъ. Ея спокойствіе, величіе и честные синіе глаза обезоружили всѣхъ, и на другой день весь городъ поѣхалъ къ ней для выраженія почтительныхъ чувствъ. Гдѣ ни появлялась молодая вдова, — ея красота и прелесть, исключительное положеніе и ореолъ несчастія — возбуждали къ ней общее вниманіе, и много было сдѣлано ей брачныхъ предложеній — всѣмъ она отказывала.

Однажды Александра Сергѣевна съ дочерью посѣтила въ Кирило-Новоезерскомъ монастырѣ извѣстнаго старца архимандрита Ѳеофана. Благословляя ребенка, онъ молвилъ: «Таковыхъ есть царство небесное». Дѣвочка послѣ того жила недолго, и скончалась послѣ кратковременной болѣзни.

Мать оцѣпенѣла отъ горя; опомнившись-же, она, протянувъ руки надъ трупомъ дочери, несмотря на уговоры священника, произнесла обѣтъ идти въ монастырь.

Нѣсколько лѣтъ прошло въ колебаніяхъ, трудно было отказаться отъ привычныхъ условій жизни. Приходилось выѣзжать въ свѣтъ; между прочимъ, Александра Сергѣевна ѣздила въ Ярославль, для свиданія съ расположенной къ ней издавна великой княгиней Екатериной Павловной, которая передала ей желаніе вдовствующей Императрицы поручить ей одинъ изъ петербургскихъ институтовъ. Это предложеніе Александра Сергѣевна отклонила. Въ трудныя минуты унынія Александра Сергѣевна находила утѣшеніе въ письмахъ о. Ѳеофана.

Въ 1817 г., въ началѣ ноября, она ночью спѣшила на быстрой тройкѣ превосходныхъ своихъ рысаковъ, на именины къ невѣсткѣ. Зная любовь барыни къ быстрой ѣздѣ, кучеръ гналъ, и на рѣкѣ, обгоняя обозъ, взялъ въ сторону; ледъ не выдержалъ, лошади съ повозкой провалились. Александра Сергѣевна, въ тяжелой шубѣ и съ муфтою— еле могла вытащить ужъ подъ водою одну руку и просу-

нуть надъ водою два пальца, что и спасло ее. Обозные извлекли ее изъ воды. Проведя всю ночь въ мерзломъ бѣльѣ, она, и пріѣхавъ домой, не приняла никакихъ мѣръ. Погибая въ рѣкѣ, она говорила: «если теперь Ты спасешь меня—я пойду непремѣнно въ монастырь». А, вступивъ на сушу, сказала себѣ: «если Тебѣ угодно, чтобъ я была въ монастырѣ, пусть это потопленіе обойдется безъ болѣзни». «Страшно вспомнить,—говорила потомъ мать Өеофанія,—мое тогдашнее малодушіе». Никакой болѣзни не послѣдовало. Тогда Александра Сергѣевна стала дѣлать тайныя приготовленія къ поступленію въ монастырь. Имѣніе свое она передала роднымъ съ тѣмъ, чтобъ ей выплачивалось извѣстное содержаніе; ближе присмотрѣвшись къ монашеству и вдумавшись въ основы его, она разсталась со своими прежними противъ него предубѣжденіями. Сестру свою Анну Сергѣевну, жившую съ нею неразлучно, младшая сестра уговаривала ѣхать съ собою, но та не могла сразу согласиться на такую перемѣну.

Въ Великомъ посту 1818 г., простившись со своею усадьбою и отправивъ въ Горицкій монастырь въ ящикахъ множество церковныхъ облаченій и утвари, Александра Сергѣевна выѣхала туда подъ предлогомъ говѣнія, а на Пасхѣ было получено домашними письмо, объявлявшее о вступленіи ея въ монахини. Съ барыней была одна только молоденькая горничная, которая по утру, въ день Благовѣщенія, убрала ее, какъ всегда, проводила до игуменіи, а чрезъ нѣкоторое время генеральша вернулась къ ней въ монашескомъ платьѣ. Горничная, увидѣвъ одѣяніе это и грубость холста, новины, выростковыхъ башмаковъ и уродливой шапки, зарыдала, оплакивая умершую барыню. Впослѣдствіи она сама постриглась и находилась при матери Өеофаніи до смерти.

Черезъ семь мѣсяцевъ, свыкшись уже съ монастыремъ, Александра Сергѣевна неожиданно пріѣхала въ деревню, со всѣми простилась, выбрала вещи, пригодныя для жертвы на обитель и назначила мастеровыхъ для постройки келліи.

Скоро ея келлія была готова, и она поселилась въ ней. Изъ преданности своей госпожѣ, 12 женщинъ посвятили себя Богу. Въ день рожденія отца своего, 16 сентября 1818 г., Александра Сергѣевна Готовцева пострижена въ рясофоръ, съ именемъ Ѳеофаніи, старцемъ Ѳеофаномъ, руководству котораго она себя поручила.

Начался путь прискорбный, тяжелый — путь смиренія, отреченія отъ воли, понужденія, — путь монашескаго воспитанія. Этотъ путь мать Ѳеофанія прошла вполнѣ и безъ всякихъ послабленій.

Игуменіей въ то время была замѣчательная старица Маврикія. Она, при великой твердости и опытности, имѣла особый даръ управленія; подвижническая жизнь и мудрость ея привлекали въ монастырь ея много монахинь, и, принявъ его съ 60 инокинями, она, послѣ 40-лѣтняго управленія, постригаясь въ схиму, передала его преемницѣ своей съ 600 сестеръ. На этотъ строго общежительный монастырь и указалъ духовной своей дочери о. Ѳеофанъ, который былъ постояннымъ его руководителемъ.

Пріучая ее къ смиренію, игуменія брала съ собою мать Ѳеофанію при разъѣздахъ, и она должна была, подъѣхавъ къ домамъ, исполнять служительскія обязанности—спрашивать, принимаютъ ли хозяева. Для наученія правильному церковно-славянскому чтенію и выговору, ее поручили старицѣ грубаго обращенія, строго выговаривавшей ей за каждую ошибку. Трудно было привыкать ей къ постоянной пищѣ отшельницъ—щамъ съ сѣрой капустою на зеленомъ постномъ маслѣ и гороху. Однажды, изнемогая отъ этой пищи, мать Ѳеофанія собралась послѣ ранней обѣдни пить чай, какъ вошла игуменія и сказала: «вы не такъ еще молоды и слабы, чтобъ давать себѣ такое послабленіе». Любимымъ послушаніемъ матери Ѳеофаніи было чтеніе въ церкви, которое исполняла она замѣчательно. «Словно каждому слова раздаетъ», говорили монахини. «Пойдемъ въ церковь; сегодня Готовцева будетъ читать» — говорили міряне. Она имѣла надзоръ за пѣніемъ и чтеніемъ и была сама, какъ

живое правило и уставъ. Подвиги ея были неустанны. Она не пропускала ни одной церковной службы; на правилѣ читала со слезами; чреду заупокойной псалтири отправляла ночью, замѣняя другихъ. Работала на пекарнѣ, копала огороды, носила въ ушатахъ воду изъ рѣки на трапезу. Кромѣ того, она завела въ монастырѣ и поддерживала рукодѣлья— ковровое, золотошвейное и живописное. И, провидя духовную высоту, которой можетъ достичь Ѳеофанія, игуменія продолжала смирять вольную чернорабочую послушницу. Прежнія названія «дворянки, превосходительной, француженки» были забыты, и въ монастырѣ звали Ѳеофанію «Монастырскій Златоустъ» — или — «наша Бѣлокаменная».

Однажды къ воротамъ монастыря подъѣхала карета, изъ нея вышла Анна Сергѣевна и спросила у привратницы, можетъ ли она видѣть г-жу Готовцеву. Въ это время мать Ѳеофанія съ другой послушницею подымалась въ гору съ ушатомъ воды. Привратница молча указала не нее рукою. Анна Сергѣевна, принимая ее за работницу, подошла къ ней. Въ эту минуту Ѳеофанія подняла глаза и бросилась въ объятія сестры. Анна Сергѣевна пріѣхала къ ней, чтобъ раздѣлить ея судьбу. Принявъ постриженіе съ именемъ Маврикіи и затѣмъ схиму, она явила въ себѣ удивительный примѣръ отверженія всего земного. Полная противоположность неутомимой, дѣятельной, любознательной, хозяйственной матери Ѳеофаніи, она тяготилась всѣми внѣшними заботами; деньги свои она поручала сестрѣ, и, раздавая скоро все бѣднымъ, просила «впередъ». Однажды, въ церкви къ ней прибѣжали сказать, что ея келлія горитъ. «Когда все кончится, сказала она, не смущаясь, придите мнѣ сказать». Пребывая въ молитвенномъ состояніи и занимаясь вышиваніемъ парамановъ и схимъ для монашествующихъ, она достигла глубокой старости. Кромѣ Анны Сергѣевны, еще три родственницы послѣдовали примѣру матери Ѳеофаніи.

Послѣ пятилѣтняго пребыванія въ монастырѣ Господь послалъ матери Ѳеофаніи великую отраду—спостницу, собе-

Игуменія Θеофанія.

сѣдницу и сомолитвенницу, съ которою она прожила душа въ душу до самой смерти.

Воспитанница графини Анны Орловой-Чесменской, Марія Крымова—съ раннихъ лѣтъ тосковала по Богѣ и отдавалась тайной молитвѣ. Посѣщенія съ графиней старцевъ-подвижниковъ еще сильнѣе вкоренили въ душѣ ея благое сѣмя. Красавица, прекрасно образованная, она страшно скучала при блестящихъ выѣздахъ и пріемахъ, куда являлась съ графинею; божественная ревность жгла ее, и ни насмѣшки, ни препятствія не могли поколебать ея сердца, издавна предавшагося Богу. Послѣ пятилѣтнихъ настояній, она въ 1824 г. вступила въ Горицкій монастырь, славившійся строгостью и духовными старицами. Она казалась тамъ ангеломъ, слетѣвшимъ съ неба. По брошенному жребію, она была отдана въ наученіе матери Ѳеофаніи, и ея духовная жажда нашла себѣ исходъ въ подвигахъ.

Имѣя прекрасное контральто, она была опредѣлена на клиросъ; кромѣ того, подавала кушанье на трапезѣ, и, съ матерью Ѳеофаніею, мѣсила квашню въ хлѣбной и носила щебень къ стройкѣ собора. Вскорѣ она была пострижена съ именемъ Варсонофіи. Ее постигла болѣзнь ногъ, не оставлявшая ея до смерти. Тогда ея послушаніе было замѣнено перепискою свято-отеческихъ книгъ. Душа ея была невинна, какъ у младенца, и не знала она зла въ людяхъ. Все, получаемое отъ графини Орловой, она отдавала обители; лакомствъ не ѣла, но собирала ихъ про запасъ въ шкафъ и одѣляла дѣтей, которыя были ея друзьями. Милостыни ея были велики и трогательны. Всю жизнь неотлучно находясь при матери Ѳеофаніи, она была ей вѣрнымъ другомъ и помощницею, какъ мать Ѳеофанія была ей твердою опорою.

Въ 1823 г. мать Ѳеофанія сопровождала игуменію въ Петербургъ. Здѣсь она представлялась членамъ царской семьи и въ послѣдній разъ видѣла императрицу Марію Ѳеодоровну, которая опять предлагала матери Ѳеофаніи занять мѣсто начальницы Екатерининскаго института, не снимая

монашескаго сана. Въ 1835 г. мать Ѳеофанія съ матерью Варсонофіей ѣздили въ Воронежъ и Задонскъ на богомолье; въ этихъ городахъ онѣ видѣли преосв. Антонія и затворника Георгія. Оба назвали мать Ѳеофанію игуменіею.

Назначенная ризничею, мать Ѳеофанія обогатила ризницу многими превосходными облаченіями, изготовленными трудами сестеръ, подъ ея присмотромъ.

Кромѣ того, обучившись сама у иконописца живописи масляными красками и вслѣдъ затѣмъ обучивъ ей своихъ келейницъ, мать Ѳеофанія расписала иконостасъ въ одномъ изъ монастырскихъ храмовъ, посылала также образа въ Петербургъ и на вырученныя деньги украшала ризницу.

Поступивъ въ монастырь, мать Ѳеофанія отказалась отъ состоянія, но желала сохранить пенсію за заслуги мужа, которую она расходовала на помощь монастырю и на милостыню. Въ 1836 г. она обратилась къ Государю Николаю Павловичу съ ходатайствомъ сохранить ей пенсію по постриженіи, на что и послѣдовало соизволеніе.

8 ноября 1837 г., въ день рожденія дочери своей, мать Ѳеофанія пострижена въ мантію.

Какъ старая вѣтвь со множествомъ вѣтокъ, которую нельзя безъ боли отнять отъ дерева—срослась мать Ѳеофанія съ Горицкимъ монастыремъ. Высокій примѣръ и постоянная ревность въ жизни воодушевляли сестеръ; ея поучительныя рѣчи, исполненныя глубокой вѣры, теплоты и твердости, вразумляли ихъ, а высокое обаяніе, вѣявшее отъ ея цѣльной прекрасной личности, составляло отраду и утѣшеніе монастыря, который гордился матерью Ѳеофаніею. Тутъ, въ благословенномъ уединеніи, она надѣялась окончить свои дни, а между тѣмъ Господь судилъ иначе.

Данными ей отъ Бога дарами должна была она послужить сложному, тяжкому и святому дѣлу. Для этого дѣла трудно было отыскать болѣе подходящую инокиню. Ея неутомимая дѣятельность, твердость воли, жизненная опытность, умѣніе обращаться съ людьми, до всего доходившая распорядительность, презрѣніе къ себѣ, аскетическое по-

ниманіе, нравственная выносливость и способность переносить самыя жестокія обстоятельства, наконецъ, ея доброжелательная природа и та глубокая любовь и довѣріе, которыя она вселяла во всѣхъ соприкасавшихся съ нею, — всѣ эти качества, помимо еще ея искренняго благочестія и духовной славы, окружавшей ея имя—указывали на нее какъ на превосходную настоятельницу. Еще въ первые годы ея пребыванія въ Горицкомъ монастырѣ арх. Ѳеофанъ видѣлъ во снѣ невыразимо прекрасное мѣсто, и на немъ много обителей, которыя ему называли по имени. «А эти кто, незнакомыя мнѣ»—спросилъ онъ. «Это Петербургскія», былъ отвѣтъ. Тогда не могли понять этого предзнаменованія.

Въ 1845 году Императоръ Николай Павловичъ повелѣлъ возстановить Петербургскую женскую обитель, основанную въ 1744 г. Императрицею Елисаветою Петровною и обращенною Екатериною II въ воспитательное общество благородныхъ дѣвицъ (носящее и понынѣ названіе Смольнаго Монастыря). Въ настоятельницы несуществующаго еще монастыря митрополитъ петербургскій Антоній представилъ мать Ѳеофанію, какъ хорошо извѣстную ему инокиню «отлично хорошихъ качествъ, ревностную въ богослуженіи, неутомимую въ трудахъ и послушаніяхъ, примѣрную въ житіи и кротости нрава».

Предварительно былъ посланъ въ Горицкій монастырь викарій, чтобъ лично видѣть мать Ѳеофанію здоровою и дѣйствующею, чтобъ отрѣзать ей путь ко всѣмъ отговоркамъ на слабость и нездоровье.

Вечеромъ въ день отъѣзда архіерея былъ полученъ указъ, которымъ строжайше предписывалось матери Ѳеофаніи немедленно прибыть въ Петербургъ.

Невозможно описать горя Ѳеофаніи и общаго смятенія, плача и рыданій, поднявшихся въ монастырѣ.

Въ эти послѣдніе дни открылись многія благодѣянія матерей Ѳеофаніи и Варсонофіи: какъ, подъ видомъ посылокъ изъ дому, посылали онѣ гостинцы новоначальнымъ,

скучавшимъ по дому. Припомнили, какъ по веснѣ келейницы увидѣли на чердакѣ, что въ бѣличьей шубкѣ матери Ѳеофаніи поселился рой пчелъ и изъ рукава устроили улей. Все припомнили, каждую вещь Ѳеофаніи оплакали.

Ѳеофанія еле могла собрать деньги на проѣздъ. Съ нею ѣхали Варсонофія и еще двѣ монахини. Никто не спалъ въ ночь передъ отъѣздомъ. Когда въ послѣдній разъ простясь земнымъ поклономъ съ сестрами, мать Ѳеофанія сѣла въ экипажъ и скрылась изъ глазъ, сестрамъ казалось, что солнце померкло. Схимница Маврикія отъ горя согнулась и состарилась; она не могла выйти на провожанье сестры, ради которой оставила міръ и съ которою разставалась на вѣки. Игуменію держали подъ руки; отъ потрясенія у нея изсякли слезы; она почернѣла отъ глубокой гнетущей скорби.

Такъ провожалъ сокровище свое Горицкій монастырь, принявшій около тридцати лѣтъ назадъ молодую, богатую и знатную женщину, уѣзжавшую теперь, по чужой волѣ, смиренною, убогою старицею. И въ тѣ годы, когда время было думать объ успокоеніи въ обители, ставшей ей родною — вышла она во всеоружіи свѣта въ холодный, безотвѣтный и гордый городъ. Въ такіе годы подняла она на плечи тяжелый крестъ, и несла его до конца, сгибаясь, но не падая никогда подъ невыносимымъ почти бременемъ — и доказала она, что можетъ совершить во славу Божію беззавѣтная вѣра и горячая ревность.

II. Настоятельство.

Пріѣхавъ въ Петербургъ, мать Ѳеофанія съ Горицкими сестрами остановилась въ пустой квартирѣ своего брата. Деньги всѣ вышли, и онѣ питались сухарями съ чаемъ.

Явившись къ митрополиту, мать Ѳеофанія слезно умоляла отпустить ее; митрополитъ же увѣщевалъ ее претерпѣть до конца, приказалъ выписать двадцать монахинь изъ Горицкаго монастыря и переселиться въ казенный домъ,

на Васильевскомъ островѣ, у церкви Благовѣщенья, при которой монастырь долженъ былъ устроиться. Не считая себя въ силахъ понести такое иго, мать Ѳеофанія написала о всѣхъ обстоятельствахъ старцамъ—подвижникамъ въ разныхъ концахъ Россіи,—но отовсюду получила одинъ и тотъ же отвѣтъ — принять назначеніе, какъ волю Божію.

Переѣхавъ въ большой четырехъ-этажный домъ, пришлось терпѣть нищету — въ домѣ не было рѣшительно ничего — ни мебели, ни припасовъ. Не на что было купить дровъ, для варки пищи; въ мелочной лавкѣ брали въ долгъ. Всѣ четыре монахини были слабаго здоровья, а прислуги не было. Одна добрая женщина вызвалась помочь трудами. Впослѣдствіи мать Ѳеофанія говорила: «Никогда не забуду, что въ богатомъ Петербургѣ первая монастырю оказала помощь и благодѣяніе бѣдная женщина».

Между тѣмъ, послѣ трехнедѣльнаго плаванія на лодкѣ, прибыли двадцать выписанныхъ изъ Горицы монахинь, и, увидя, на что онѣ пріѣхали, подняли такой плачъ, что мать Ѳеофанія не знала, какъ ихъ утѣшить. Наконецъ, пріѣхалъ митрополитъ взглянуть на учреждаемый монастырь, и, увидѣвъ положеніе сестеръ, умилился и прослезился. Онъ разспросилъ ихъ о всемъ нужномъ, и прислалъ для каждой кровать, комодъ, шкафъ, столикъ, стулъ, тюфякъ и бѣлое шерстяное одѣяло, что казалось сестрамъ роскошью; кромѣ того прислалъ возъ муки, рыбы, постнаго масла, меда и посуды; хотѣлъ прислать зеркала; мать Ѳеофанія сказала на это: «Владыка, зеркала намъ не нужны. Не пожалуете ли намъ вмѣсто нихъ корову? сестеръ нечѣмъ кормить, такъ хоть молочкомъ когда потѣшить». Съ тѣхъ поръ престарѣлый митрополитъ пріѣзжалъ часто и наставлялъ сестеръ, называя себя благочиннымъ монастыря.

28 октября было назначено поставленіе матери Ѳеофаніи во игуменіи. Служилъ митрополитъ, на клиросѣ пѣли шесть монахинь, изъ коихъ двѣ новыя, и пѣли умилительно, такъ что молящіеся пришли въ восторженное состояніе. Съ великимъ благоговѣніемъ, точно возносясь умомъ къ небу,

стояла матушка, съ трепетомъ ожидая принять власть — вести и отдать отчетъ Богу за ввѣренное стадо. Когда, по выходѣ съ Евангеліемъ, иподіаконы взяли ее подъ руки, у нея изъ глазъ, какъ крупныя жемчужины, полились слезы на грудь, и когда была прочитана молитва рукоположенія, ея лицо просвѣтилось.

Съ тѣхъ поръ и начинается существованіе Петербургскаго женскаго монастыря, который былъ матерью Ѳеофаніею поставленъ на строгихъ началахъ общежитія. Для матери Ѳеофаніи началась трудовая вдвойнѣ жизнь; сохраняя обязанности инокини, она должна была управлять, изыскивать средства къ жизни, сноситься со всѣми вѣдомствами, за всѣхъ отвѣчать и руководить внѣшнимъ и духовнымъ бытомъ сестеръ.

Штатъ сестеръ былъ опредѣленъ въ 70 человѣкъ, и на каждую отпускалось казною 20 руб. въ годъ ассигнаціями. Земель, какъ у загородныхъ монастырей, которые могутъ сѣять и собирать хлѣбъ, не было. Были нѣкоторые доходы отъ церковныхъ домовъ и продажи рукодѣлій; остальное надо было сбирать милостынею. Монахинямъ было тяжело, что прихожане церкви Благовѣщенія были раздражены тѣмъ, что приходится разстаться съ роднымъ храмомъ; нѣкоторые даже уносили къ себѣ домой пожертвованныя раньше иконы; въ первое время на монахинь иные показывали пальцами. Все это ихъ очень смущало.

Большое утѣшеніе послалъ Богъ монастырю въ лицѣ престарѣлаго священника Василія Дубягскаго, который, по личному выбору митрополита, изъ села былъ назначенъ духовникомъ сестеръ. Полный благоговѣнія, усердія и теплой вѣры, онъ былъ живымъ примѣромъ для сестеръ. Въ продолженіе девяти лѣтъ неопустительно и ежедневно совершалъ онъ всѣ службы; войдя въ алтарь въ четыре часа, къ заутренѣ, часто выходилъ онъ изъ него послѣ поздней обѣдни; онъ имѣлъ особую ревность о поминовеніи покойниковъ, и служивалъ панихиды и молебны одинъ; его незлобіе и смиреніе изумляли окружающихъ. Исповѣдь у него

оставляла неотразимое впечатлѣніе. Онъ скончался прекрасною смертью въ Великій четвергъ, за часъ до того исповѣдовавъ, лежа на смертномъ одрѣ, одну духовную дочь.

При пріемѣ новыхъ сестеръ мать Ѳеофанія соблюдала большую осторожность. Особнно огорчали ее тѣ, которыя приходили проситься съ рекомендательными письмами знатныхъ лицъ. Всѣмъ, вообще, она объясняла тяжесть монастырской жизни, трудность отсѣченія воли, и тѣмъ предохраняла отъ необдуманнаго шага тѣхъ, которыя идутъ въ монастырь не по влеченію, а чтобы скрыться отъ приключившейся неудачи, или найти бездѣятельность и покой, а потомъ, не вынося подвижнической жизни, выходятъ и клевещутъ на монастырь. Особенно опасалась она за дворянокъ, по опыту зная всѣ трудности, и говорила, что дворянство надо оставлять за воротами, и, хотя-бы средства были, — трудиться наравнѣ съ другими. Вступавшихъ сестеръ матушка помѣщала подъ начало опытнымъ.

Отъ всѣхъ мать Ѳеофанія требовала чинности, точнаго положенія крестнаго знамени, неспѣшнаго и благообразнаго отправленія службы, пѣнія и чтенія. Еженедѣльно въ воскресенье, за часъ до обѣдни, всѣ сестры собирались въ церковь, и игуменія, прочтя канонъ Св. Троицѣ и акаѳистъ Іусусу Христу, говорила сестрамъ наставленія о монашескомъ житіи. Заливаясь слезами, она кланялась имъ въ ноги, умоляя жить хорошо, наставляла и по одиночкѣ, въ своей келліи. Въ церковь мать Ѳеофанія приходила первая, уходя послѣ всѣхъ.

Обиходъ монастыря былъ налаженъ; стали уже появляться нѣкоторыя пожертвованія, какъ вдругъ разнесся слухъ, что монастырь переносятъ на другое мѣсто. Отъ огорченія мать Ѳеофанія заболѣла, но должна была ѣхать къ Московской заставѣ, осмотрѣть назначенное мѣсто. То былъ пустырь, состоявшій изъ песковъ и болота, небольшого овсянаго поля и рощицы; жилищъ не было; а мѣсто это служило притономъ мошенниковъ и праздношатающихся. Между тѣмъ, не назначая никакихъ средствъ, сюда велѣно было перенести монастырь.

Видъ С.-Петербургскаго Новодѣвичьяго женскаго монастыря.

Въ это тяжелое время совершенно невозможныхъ, по человѣчеству, обстоятельствъ, скончалась благотворительница монастыря, графиня Орлова-Чесменская, на щедрую помощь которой, при жизни ея, можно-бы было опереться— оставивъ монастырю лишь неприкосновенный небольшой капиталъ, 10,000 р. Въ то-же время, поручивъ обитель заступленію Царицы Небесной, скончался митрополитъ Антоній.

Игуменіи былъ посланъ Высочайше утвержденный планъ построекъ, который она обливала слезами. На ея вопросъ, на что строить, когда требуется, по меньшей мѣрѣ, милліонъ—ей отвѣчали, что это ужъ не ея дѣло, а дѣло архитектуры и комиссіи строить по плану.

Для начала поселили на отведенномъ мѣстѣ, въ маленькой часовнѣ — странницу и сборщицу Дарьюшку; однажды къ часовнѣ подъѣхалъ генералъ, и Дарьюшка въ простотѣ сердца разсказала ему, какъ убивается игуменія надъ неисполнимымъ приказомъ и какъ стѣсненъ весь монастырь. Генералъ этотъ, какъ оказалось, былъ оберъ-прокуроръ Сѵнода, графъ Протасовъ. По его представленію, государь повелѣлъ ежегодно отпускать по 25,000 р., пока не будутъ выстроены два корпуса для келлій и домашняя церковь, но все дальнѣйшее возлагалось на игуменію. Кромѣ того, игуменія обязывалась подпискою не посылать сборщицъ.

Строительная комиссія министерства путей сообщенія дѣйствовала недобросовѣстно и въ ущербъ монастырю. Много слезъ пролила игуменія, видя плохую стройку корпусовъ и непроизводительные чрезмѣрные расходы; наконецъ, когда комиссія ассигновала пять тысячъ на пустой мостикъ, игуменія обратилась лично къ государю, умоляя отстранить комиссію, поручивъ дѣло ей одной. Государь соизволилъ, сказавъ ей при этомъ: «Я самъ буду вашимъ инженеромъ». Встрѣтивъ потомъ мать Ѳеофанію на юбилеѣ Екатерининскаго института, — государь спросилъ ее: «Не сердитесь-ли вы на меня, что я перевожу вашъ монастырь на другое мѣсто?»

Еще прежде корпусовъ, матушка приступила къ возве-

денію деревяннаго храма. Для того она взяла въ долгъ лѣса у лѣсного промышленника Громова. Время уплаты пришло; денегъ не было. Видя глубокую скорбь и слезы игуменіи, мать Варсонофія взяла счеты и со стѣсненнымъ сердцемъ поѣхала просить у Громова отсрочки. Выслушавъ ее, Громовъ разорвалъ счеты.

3 ноября 1849 г. совершилась, въ присутствіи государя, закладка монастыря. Но до переселенія въ него монахинь было далеко. Надо было изъ болота и песку образовать сносное мѣсто. Прокопали осушительный каналъ, распланировали и разсадили садъ, который еще при жизни матери Ѳеофаніи давалъ и ягоды, и плоды, при чемъ эту дорогую работу матушка совершила безъ большихъ затратъ. Такимъ-же хозяйственнымъ способомъ былъ украшенъ и храмъ. Иконы, роспись стѣнъ и облаченія все было устроено сестрами. Выбравъ хорошаго художника, мать Ѳеофанія пригласила его давать уроки монахинямъ и просила его руководить ихъ работами. Сама она нѣсколько разъ объѣздила съ монастырскими художницами петербургскія церкви и выбирала для образцовъ лучшія иконы. Когда, впослѣдствіи, пришлось приступить къ украшенію собора, было уже 12 опытныхъ живописицъ. Золотошвейки изготовляли облаченія и пелены. 5 іюня 1854 г. игуменія и всѣ сестры переселились на новое мѣсто; вскорѣ монастырь былъ окруженъ каменной оградой, и выстроенъ за оградою домъ для духовенства. 27 іюня 1854 г. освящена церковь келейная во имя Аѳонской иконы Богоматери «Отрада и Утѣшеніе». Здѣсь стоитъ присланная съ Аѳона іеромонахомъ Серафимомъ Святогорцемъ икона. Въ этой-то церкви, проходя въ нее по внутреннему корридору изъ своей келліи, мать Ѳеофанія до конца жизни слушала всѣ службы. Въ томъ-же году заложена церковь Богоматери «Скорбящихъ Радости», вдовою А. Н. Карамзина, убитаго во время Крымской кампаніи.

Между тѣмъ, фундаментъ соборнаго храма, выведенный комиссіею и затѣмъ оставленный за болѣе нужными постройками, стоялъ закрытый. Народъ не вмѣщался въ

маленькой келейной церкви, и игуменію осуждали, зачѣмъ она не выстроитъ большого храма, и мать Ѳеофанія много о томъ плакала.

Одна женщина обѣщалась ежегодно давать по 500 р. на стройку; одинъ помѣщикъ объявилъ, что, если мать Ѳеофанія помолится объ улучшеніи его дѣлъ, — онъ придетъ на помощь—и, дѣйствительно, дѣла его поправились, и онъ, вмѣсто обѣщанныхъ двухъ, далъ десять тысячъ. Многія сестры приносили послѣднія лепты; бѣдный народъ приходилъ съ копѣечками и рублями. Наконецъ, по общимъ просьбамъ, въ крайней скудости, мать Ѳеофанія приступила къ великой и многоцѣнной постройкѣ. Богъ послалъ ей настоящаго благодѣтеля въ подрядчикѣ Кононовѣ, который обѣщалъ, что не будетъ требовать уплаты денегъ, а ждать, когда соберутся съ силами; все время, при самой добросовѣстной работѣ, уступалъ со счетовъ, и безъ того скромныхъ, и дѣлалъ пожертвованія.

Послѣ Святой 1856 г. фундаментъ раскрыли и принялись выводить стѣны. Когда, не дойдя еще и до куполовъ, пришлось остановиться за неимѣніемъ денегъ, въ это трудное время подошло неожиданное облегченіе. Одинъ огородникъ предложилъ снять въ аренду участки подъ обителью, вывезти изъ нихъ для полотна желѣзной дороги песокъ, и покрыть землею для овощей. Эти деньги и были употреблены на достройку собора.

Когда опять остановились надъ печами, какой-то неизвѣстный помѣщикъ проѣзжалъ мимо обители и зашелъ въ нее. Вызвавъ игуменію, онъ поклонился ей въ ноги, въ запечатанномъ конвертѣ подалъ сумму, какъ разъ нужную на печи, и сейчасъ-же уѣхалъ. При закладкѣ куполовъ тоже оказались усердствующіе. Когда кресты были подняты на купола, игуменія тутъ-же положила земной поклонъ, восклицая: «Слава Тебѣ, Господи, слава Тебѣ!»

Затѣмъ было приступлено къ внутренней отдѣлкѣ. Архитекторъ составлялъ планы, исправляя ихъ по указанію игуменіи, а монахини рисовали, передѣлывая то, на

что она указывала. Мать Ѳеофанія возила своихъ живописицъ въ академію, просила помощи у профессоровъ, и нѣкоторые давали и работу свою, и указанія. Также міряне доставляли изъ за границы кисти, краски и оригиналы. Въ два года всѣ пять иконостасовъ расписаны, и истрачено лишь 2 тысячи, вмѣсто предположенныхъ десяти. Позолотчикъ работалъ тоже со всякимъ снисхожденіемъ. Утварь, лампады и паникадила, хоругви—все было пожертвовано благотворителями. Постомъ 1861 г. все было готово; а игуменія отъ столь долгаго напряженія силъ и постоянныхъ скорбей, при построеніи собора—слегла, такъ что боялись, что ей не видать освященія собора. Но молитвами сестеръ она оправилась.

Выстроенный матерью Ѳеофаніею величественный пятиглавый и пятипрестольный соборъ принадлежитъ къ лучшимъ въ Россіи. Живопись его и всѣ украшенія чрезвычайно изящны; его внутреннее благолѣпіе и соразмѣрность полныхъ свѣта частей производитъ сильное впечатлѣніе. На построеніе только вчернѣ была составлена смѣта въ 360 тысячъ; между тѣмъ игуменія истратила всего, съ внутреннею отдѣлкою, 150 тысячъ. Смотря на соборный храмъ, часто говорила Ѳеофанія съ тихими слезами: «Велій еси, Господи, чудны дѣла Твоя!» По освященіи собора, мать Ѳеофанія выхлопотала награды архитектору и живописцу.

Проведеніемъ въ монастырь воды закончилось внѣшнее благоустройство обители.

Такъ, терпя скорбь изъ-за всякаго рубля и вымаливая его слезною молитвою, воздвигла Ѳеофанія монастырь, совершивъ послушаніе, которое вначалѣ казалось смѣшнымъ и страннымъ, по неисполнимости своей, когда привели ее, нищую, къ пустому мѣсту, съ приказомъ строить.

Послѣдніе годы жизни мать Ѳеофанія провела въ подвигахъ благочестія, работѣ надъ духовнымъ преуспѣяніемъ сестеръ и милостыняхъ.

У нея были заведены мастерскія, и изъ ея монастыря стали выходить первыя дешевыя и порядочно написанныя

иконы. Въ обращеніи съ сестрами, какъ настоятельница, она была очень строга. Къ роднымъ сестры отпускались только разъ въ годъ; принимать родственниковъ въ келліи запрещалось, кромѣ сыновей и отцовъ. Монахини вѣровали въ благодатную силу, поддерживавшую матушку, и одна сестра была ею исцѣлена. Молодыхъ игуменія приголубливала и возила въ городъ къ святынямъ.

Многимъ людямъ помогала она, помѣщала сиротъ въ институты и корпуса, посылала имъ гостинцы, призрѣла много стариковъ. Великое всегда имѣла мать Ѳеофанія попеченіе о поминовеніи усопшихъ. Въ подвигахъ благотворенія дѣйствовала она заодно съ матерью Варсонофіею, которая скучала, когда ей некому бывало помочь. Онѣ часто подавали, таясь другъ отъ друга. Въ монастырь принимала игуменья и грѣшныхъ женщинъ, и въ отвѣтъ на укоризны тому, отвѣчала, что первый вошелъ въ царствіе небесное разбойникъ и что монастырь есть мѣсто покаянія. Подозрительность и сомнѣніе въ добрыхъ намѣреніяхъ людей не были въ характерѣ старицы. Не видя иную сестру въ церкви, игуменія шла въ ея келлію и отправляла ее. Незадолго до смерти, въ виду наплыва монахинь, она выстроила новый корпусъ.

До смерти мать Ѳеофанія пользовалась особымъ уваженіемъ членовъ царствующаго дома.

Являясь въ міръ, мать Ѳеофанія не дѣлала ему ни малѣйшей уступки и несла за собою ту же строгую атмосферу духовности. Ее видѣли не иначе, какъ сосредоточенной, смиренной и бѣдно одѣтой, какъ была она и въ стѣнахъ монастыря.

Когда монастырь былъ окончательно устроенъ, мать Ѳеофанія совершила назначеніе свое на землѣ и жила недолго. Вмѣстѣ съ нею заболѣла и мать Варсонофія, которая умоляла Бога взять ее раньше игуменіи, чтобы та могла помолиться за нее. Передъ смертью она взглянула съ улыбкой на мать Ѳеофанію и тихо уснула.

Докторъ, вызванный къ игуменіи, объявилъ, что, если

она не будетъ плакать, то безнадежна; и на первой панихидѣ слезы полились изъ ея доселѣ воспаленныхъ и сухихъ глазъ. При послѣднемъ цѣлованіи Ѳеофанія произнесла: «Прости, моя родная. Благодарю тебя за любовь ко мнѣ. Твое желаніе исполнилось. Прости!» и затѣмъ, поклонясь въ ноги сестрамъ, благодарила ихъ за любовь къ усопшей. Послѣ отпѣванія, созвавъ сестеръ въ свою келлію, она подняла надъ колѣнопреклоненными монахинями икону „Отрада и Утѣшеніе“ и сказала: «Вручаю всѣхъ васъ и святую обитель Пресвятой Богородицѣ. Да оградитъ она васъ отъ всякаго зла! Молитесь Ей. Она ваша Заступница». Затѣмъ, указывая на скорое свое отшествіе, Ѳеофанія поучала сестеръ подчиненію и храненію обѣтовъ, благодарности благодѣтелямъ, надеждѣ на Бога.

Мать Ѳеофанія перешла жить въ келлію матери Варсонофіи; часто слезы струями катились по ея лицу, но ни жалобы, ни стона никто не слыхалъ отъ нея. Съ великимъ усердіемъ совершала она сорокоустъ, говоря, что не умретъ до истеченія его. Въ послѣдніе дни жизни игуменія, благодаря неизвѣстнымъ благотворителямъ, могла заключить условіе на позолоту всѣхъ пяти соборныхъ куполовъ, чего она давно жаждала.

Въ послѣдней болѣзни своей, продолжавшейся десять дней, терпѣливо вынося страданія, мать Ѳеофанія всѣхъ благословила, со всѣми простилась. Она предсказала день своей смерти. За три дня до конца, призвавъ сестеръ, она снова осѣнила ихъ иконою «Отрада и Утѣшеніе» и твердымъ голосомъ сказала: «Поручаю васъ милости и заступленію Царицы Небесной. Она да будетъ всегда вашею покровительницею! Сестры, молите Господа, чтобъ наша обитель стояла до скончанія вѣка твердо и нерушимо!» Нѣсколько выдающихся архипастырей посѣтили въ эти дни мать Ѳеофанію, а московскій митрополитъ Филаретъ прислалъ ей икону. За два дня до смерти она поручила келейницѣ четыре свѣчи, чтобъ поставить за нее, когда все кончится. Другимъ двумъ сестрамъ поручила выполнить данный ею

обѣтъ—съѣздить въ Кіевъ, который не могла совершить по болѣзни матери Варсонофіи. Послѣднею молитвою, слышанною ею, былъ акаѳистъ Пресвятой Богородицѣ. Она скончалась 16 мая 1866 года въ 3 часа по-полудни, въ Духовъ день, на восьмидесятомъ году.

При торжественномъ ея отпѣваніи было читано архіереемъ ея духовное завѣщаніе, въ которомъ, между прочимъ сказано:

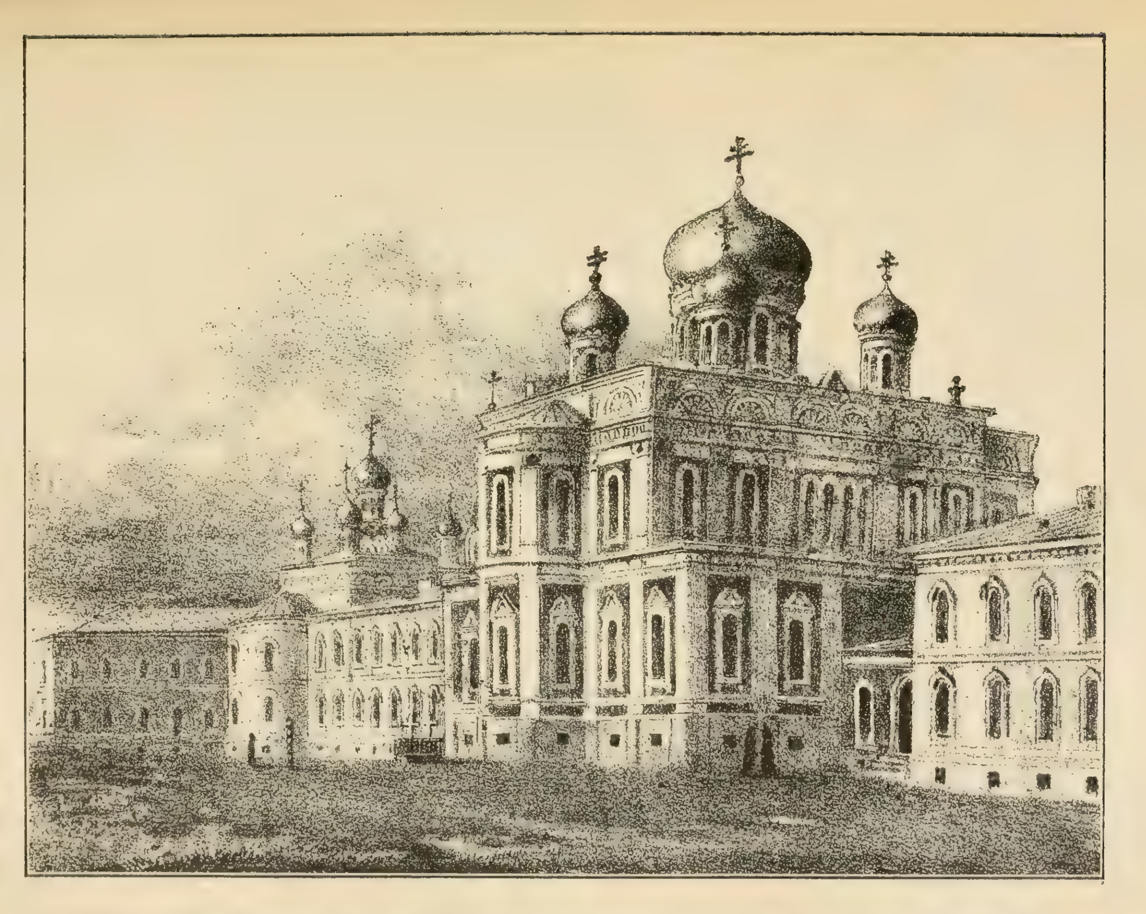
«Единъ Господь вѣдаетъ, какихъ трудовъ и попеченій стоило мнѣ, грѣшной, основать и поддерживать святую обитель въ желаемомъ благоустройствѣ ея, вначалѣ на Васильевскомъ островѣ, а впослѣдствіи на этомъ мѣстѣ. Но во всемъ, имѣя твердое упованіе мое на милость Царя Небеснаго и Царицу мою Пресвятую Богородицу, ощущала я, недостойная и немощная, великую и всесильную помощь и укрѣпленіе, въ особенности, что относилось къ пользѣ и благопоспѣшенію возлюбленныхъ сестеръ моихъ о Господѣ. Ихъ стремленіе къ благочестной жизни, усердные труды и безпрекословное святое послушаніе поддерживали и утѣшали меня во все время пребыванія моего съ ними. Да воздастъ имъ Господь Богъ Своимъ небеснымъ воздаяніемъ!

«Неисчислимыя ко мнѣ милости Августѣйшаго Дома, архипастырей нашихъ и всѣхъ благотворителей святой обители поселяли во мнѣ постоянныя чувства истиннаго къ нимъ благоговѣнія и истиннѣйшей благодарности. Съ такими чувствами оканчиваю послѣдніе дни мои, умоляя Вседѣтеля, да наградитъ ихъ всѣхъ, по велицѣй Своей милости.

Молчальница Вѣра Александровна.

Молчальница Вѣра Александровна большую часть подвижническаго времени своей жизни провела близъ Новгорода, въ лежащемъ въ шести верстахъ отъ Новгорода Сырковомъ дѣвичьемъ монастырѣ.

Тайна происхожденія ея осталась необнаруженною.



Соборъ Новодѣвичьяго монастыря и могилы: игуменіи Θеофаніи и монахини Варсонофіи.

Могла знать это только графиня Анна Алексѣевна Орлова-Чесменская, которая была извѣстна своимъ усердіемъ къ Церкви и которая приняла участіе въ Вѣрѣ Александровнѣ и опредѣлила ее въ Сырковъ монастырь.

Вѣра Александровна появилась въ 1834 году въ Тихвинѣ подъ видомъ странницы. Она пріютилась здѣсь у набожной тихвинской помѣщицы Харламовой и прожила у нея три года, ежедневно посѣщая церковь, а дома занимаясь молитвою и чтеніемъ священныхъ книгъ.

Затѣмъ цѣлый годъ прожила она въ Виницкомъ погостѣ и здѣсь ходила за дьячковской женой, находившейся 40 лѣтъ въ параличѣ.

Говѣя всякій постъ, она и тогда находилась уже на такой высокой духовной степени, что иногда эта высота ея подтверждалась необычайнымъ способомъ.

Тихвинскій помѣщикъ Ив. Н. М. однажды, въ то время, какъ Вѣра Александровна пріобщалась, подошелъ въ алтарѣ къ сѣверной двери и увидѣлъ причастницу, какъ бы окруженную особымъ свѣтомъ. Въ страхѣ вернулся онъ въ алтарь и потомъ спросилъ священника, кто пріобщался. Тотъ отвѣтилъ, что это извѣстная ему Вѣра Александровна.

— Не могу согласиться, — замѣтилъ помѣщикъ, — это было подобіе ангела, окруженнаго божественнымъ свѣтомъ.

Слухи о строгой жизни Вѣры Александровны и о томъ, какою видѣлъ ее этотъ человѣкъ, стали распространяться съ такою быстротой, что Вѣра Александровна пожелала удалиться изъ Тихвина.

Идя изъ Тихвина по направленію къ Валдаю, она на субботу остановилась на погостѣ Березовскій Рядокъ. Ей понравилось, какъ тамъ служили, какъ церковь была полна народомъ, какъ истово исполняются религіозные обряды. Поэтому она съ охотою согласилась на просьбу пріютившей ее крестьянской семьи Трофимовыхъ—пожить у нихъ, почитать имъ священныя книги и поучить ихъ по христіански вести себя.

Ей отвели маленькую избушку, тамъ она и поселилась,

не выходя никуда, кромѣ церкви. Никого она у себя не принимала. Только созывала у себя временами малыхъ дѣтей, учила ихъ правильно креститься, учила молитвамъ и грамотѣ, рисовала для нихъ картинки — изображенія Спасителя, Божіей Матери и святыхъ.

Такъ прожила она девять мѣсяцевъ.

Становой приставъ заподозрилъ Вѣру Александровну въ бродяжничествѣ, потребовалъ отъ нея паспортъ. Паспорта у нея не было. За это ее препроводили въ Валдайскій уѣздъ. Тамъ присудили ее къ заключенію въ тюрьму.

Снова начали допытываться, кто она такая. Наконецъ, она отвѣтила слѣдователю:

— Если судить по небесному, то я прахъ земли. А если судить по земному, то я выше тебя.

Это были послѣднія ея слова. Съ тѣхъ поръ до самой смерти, болѣе чѣмъ 25 лѣтъ, она уже ничего не произносила, принявъ на себя подвигъ молчальничества. Только два раза передъ смертью она сказала по нѣскольку словъ.

Изъ Валдая Вѣру Александровну перевели въ новгородскій острогъ. Здѣсь она содержалась почти полтора года. Затѣмъ ее заключили въ домъ умалишенныхъ, гдѣ она провела тоже полтора года. Въ обоихъ мѣстахъ она по прежнему отдавала себя подвигамъ молитвы, и, наконецъ, по ходатайству графини Орловой, была помѣщена въ Сырковъ дѣвичій монастырь.

Терпѣливо переносила она униженія и страданія тюрьмы, и такъ впослѣдствіи писала объ этой порѣ: „Мнѣ хорошо тамъ было, я блаженствовала тамъ. Благодарю Бога, что Онъ удостоилъ меня пожить съ заключенными и убогими".

Когда настоятельница монастыря пріѣхала въ заведеніе умалишенныхъ, и спросила Вѣру Александровну, желаетъ ли она жить въ монастырѣ, та пала на колѣни передъ иконою Спасителя, сдѣлала нѣсколько земныхъ поклоновъ и, сложивъ руки на груди крестомъ, поклонилась настоятельницѣ въ ноги, выражая тѣмъ свое согласіе. Очень можетъ быть,

что она давно мечтала пріютиться въ монастырѣ, но не смѣла проситься туда, не имѣя паспорта.

Вѣсть, привезенная игуменіей, была для нея очень радостна, но лицо ея осталось спокойно. На немъ не видали никогда ни слезъ, ни улыбки.

Та любовь къ Богу, которая всегда наполняла молчальницу, теперь пылала въ ней всепоглощающимъ огнемъ. Она написала на келейной записочкѣ слова Амвросія Медіоланскаго: «Ты ми еси, Боже, дражайшій, желательнѣйшій, люблю Тя паче неба и земли и всего, яже на нихъ».

Жизнь ея была сурова, жестока: изъ кельи молчальница выходила только въ церковь, къ себѣ принимала сначала только одну служившую ей сестру. Отъ посѣтителей она уходила изъ монастыря и пряталась въ ближайшіе кустарники.

Однажды въ годъ она выходила за стѣну монастыря на то мѣсто, откуда былъ виденъ Новгородъ съ его храмами, и острогъ, и домъ для умалишенныхъ, гдѣ она жила.

Здѣсь молилась она, задумчиво смотрѣла на городъ съ его святынями, на мѣсто, гдѣ страдала, и потомъ тихо шла въ келлію, опять на цѣлый годъ.

Пища ея была убога. Однажды въ день ей приносили изъ трапезы немного кушанья и хлѣба и подавали въ окно келліи. Но и изъ этого она удѣляла нищимъ, а, если нищіе не приходили, то вечеромъ она выносила это въ садикъ и кормила птицъ, которыя сейчасъ же слетались къ ней.

Небольшая просфора съ чашкою чаю или воды составляла, кажется, весь ея столъ. На Страстной недѣлѣ только разъ, въ четвергъ, она ѣла просфору.

Деньги, которыя ей присылали чтившіе ее люди, она сейчасъ же раздавала.

Одежда ея состояла изъ бѣлаго коленкороваго платья и такого же чепца; у нея для выхода въ церковь было только самое необходимое. Когда графиня Орлова прислала ей лисій салопъ, она написала: «Много благодарю, но лучше бы она прислала овчинный; этотъ мнѣ не годится».

Однажды келейница купила ей новый теплый платокъ. Она отдала его бѣдной странницѣ. Келейница купила другой. И этотъ постигла та же участь. Келейница стала тогда упрекать ее. Она тогда написала: «Матушка, не скорби! У меня все цѣло, а я его подальше спрятала, поцѣлѣе будетъ. А послѣ и тебѣ пригодится. Мнѣ довольно и того, что имѣю».

Она заботилась только о чужихъ нуждахъ, а не о своихъ. Въ келліи ея было лишь нѣсколько иконъ, и чтимый ею, всегда бывшій съ нею, большой образъ на холстѣ — Христосъ во узахъ,—шкафъ съ книгами, налойчикъ для чтенія, два простыхъ стула, самоварчикъ, убогая, жесткая кроват и стѣнные часы.

Спала она очень мало. Глухою ночью, сквозь занавѣски, видѣли ее молящеюся.

Когда она не читала или не стояла на молитвѣ, тогда она вязала четки или клеила изъ бумаги маленькія коробочки, на которыхъ помѣщала мѣста св. писанія, наполняла коробочки мелкими хлѣбными сухарями и раздавала, когда посѣтители просили что-нибудь на память.

Особенно любила она странниковъ, нищихъ, убогихъ и дѣтей.

Въ праздники и воскресенья она принимала посѣтителей.

Положивъ нѣсколько поклоновъ предъ иконою Спасителя, она низко кланялась гостю и сажала его. Когда ее просили помолиться, она вставала на молитву и молилась долго. При просьбѣ совѣтовъ, знаками объясняла, что нужно дѣлать. Если же посѣтитель былъ грамотный, она подавала книгу, сама раскрывая ее или предлагая открыть ее посѣтителю. И всегда въ книгѣ открывались мысли соотвѣтствовавшія обстоятельствамъ гостя.

И однако этимъ молчаливымъ свиданіемъ во многихъ укрѣплялась ихъ вѣра въ Бога, другіе утѣшались въ горѣ. Надъ нѣкоторыми вскорѣ сбывалось то, что показала знаками Вѣра Александровна.

Напримѣръ, одна мать привезла къ ней постоянно болѣвшаго пятилѣтняго сына. Послѣ долгой молитвы, она поцѣловала мальчика и указала рукой сперва на икону Спасителя, а потомъ на землю.

Черезъ мѣсяцъ, мальчика дѣйствительно, опустили въ землю.

Въ другой разъ, когда одна, служившая при Дворѣ, барыня привезла ей своего ребенка, Вѣра Александровна положила его къ иконѣ Спасителя и, поцѣловавъ въ голову и поклонившись ему, написала: «Блаженъ Саша». Чрезъ нѣсколько дней, младенецъ скончался.

Когда, по нетерпѣнію, кто-нибудь оскорблялъ ее, она благодушно сносила это. Однажды подошла къ окну ея ходившая за нею келейница и постучалась. Она положила руку на стекло, что значило, что она не можетъ ее принять. Обиженная этимъ, послушница закричала: «Ой ты, затворница, притворница!» Всѣ это слышали, но молчальница кротко приняла эти слова.

Но Богъ тутъ же наказалъ обидчицу. Не успѣла она сдѣлать пятидесяти шаговъ отъ этой келліи, какъ вывихнула себѣ ногу. Вѣра Александровна принесла тогда все для утѣшенія ея и помогала ей до самой своей смерти.

Въ церковь Вѣра Александровна приходила первой; до начала службы прикладывалась къ иконамъ, ставила предъ ними принесенныя съ собой свѣчи, потомъ становилась сзади, чтобы ее не видали, и молилась, стоя на колѣняхъ.

Послѣднія пятнадцать лѣтъ она пріобщалась всякую субботу. Исповѣдь свою она писала на бумагѣ и вручала ее для прочтенія духовнику.

Она узнала заранѣе время своей кончины и назначила мѣсто для погребенія. Исповѣдуясь въ послѣдній разъ въ церкви, она подала духовнику записку о своихъ грѣхахъ, потомъ, когда онъ прочелъ, обернула ее другой стороной. Тамъ было написано: «Батюшка, помолитесь Господу о поминовеніи души моей. Конецъ мой близокъ, и дни мои изочтены». Ей было отъ 55 до 60 лѣтъ.

Въ четвергъ Свѣтлой недѣли она въ послѣдній разъ вышла изъ келліи за ворота монастыря, къ той башнѣ, откуда виденъ Новгородъ. То вставала она и молилась, то садилась и задумчиво смотрѣла на городъ. Потомъ прошла она къ мѣсту, откуда виденъ монастырь преподобнаго Варламія Хутынскаго, и смотрѣла на него. Долго ходила и сидѣла она на этотъ разъ за монастыремъ, отдавшись глубокой, никѣмъ никогда не узнанной думѣ.

Вернувшись въ келлію, она слегла, чувствуя себя дурно. У нея, повидимому, открылось воспаленіе въ легкомъ, съ сильнымъ жаромъ. Безъ одного вздоха она выносила сильныя страданія.

Въ четвергъ Ѳоминой ее пріобщили. Когда келейница просила въ другой комнатѣ, чтобъ и завтра пріобщили больную, она вдругъ появилась на порогѣ своей келліи и знаками показала на землю. Священникъ понялъ, что уже завтра ея не станетъ.

Къ ночи она совсѣмъ ослабѣла и забылась. Въ 12 часовъ, при боѣ часовъ она пришла въ сознаніе и громкимъ, твердымъ голосомъ произнесла: «Господи, спаси мя грѣшную!» потомъ она опять забылась.

Въ два часа ночи она хотѣла произнести ту же молитву, но слова замерли на устахъ, и она произнесла лишь: «Господи!».

6 мая, незадолго до 5 часовъ вечера, улыбка, которой никогда у нея не видали, освѣтила ея лицо. Вздохи становились все рѣже. Когда пробило пять часовъ, умирающая нѣсколько разъ рѣдко вздохнула, закрыла глаза и печать вѣчнаго молчанія легла на тѣ уста, которыя своимъ великимъ молчаніемъ какъ бы ограждали жившую въ ней правду.

Множество народа изъ Новгорода и окрестностей служило по ней панихиды. Тѣло ея за пять дней не подверглось ни малѣйшему тлѣнію. Съ усопшей снятъ былъ портретъ.

Тѣло ея торжественно схоронено въ монастырѣ и одинъ почитатель ея воздвигъ надъ нею памятникъ.

Кто была Вѣра Александровна?

Вотъ вопросъ, безъ котораго трудно обойтись, представляя себѣ образъ этой праведной женщины.

Всѣ ея пріемы, внѣшность ея, какая-то изысканность при всемъ ея убожествѣ, чистота, которую она тщательно поддерживала вокругъ себя, все это говорило о ея высокомъ происхожденіи.

Однажды, когда она, больная горячкою, ушла изъ монастыря и келейница еле отыскала ее въ кустахъ, на просьбу келейницы вернуться, она вдругъ отвѣтила словами: „Матушка, мнѣ здѣсь хорошо!"

Потомъ, когда келейница стала умолять ее сказать, кто ея родители, она вымолвила наконецъ:

— Я прахъ земли, но родители мои были такъ богаты, что я горстью выносила золото для раздачи бѣднымъ; крещена я на Бѣлыхъ Берегахъ.

Схимонахъ Игнатій, возобновитель Задне-Никифоровской пустыни.

Схимонахъ Игнатій родился въ 1780 году въ селѣ Пересы, Новгородской губ., Старорусскаго уѣзда на рѣкѣ Ловати, въ набожной крестьянской семьѣ. Звали его въ міру Иванъ.

Съ 18-ти лѣтъ онъ почувствовалъ влеченіе отдать себя всего Богу. Чтобъ узнать священное писаніе и чрезъ него понять, чего Богъ требуетъ отъ человѣка, онъ обучился грамотѣ. Потомъ рѣшилъ онъ отстать отъ міра.

У себя въ саду онъ выстроилъ уединенную келлію и поселился въ ней. Тутъ онъ читалъ священное писаніе и книги св. отцовъ; время проходило еще въ молитвѣ, постѣ и рукодѣліи, чтобъ питать себя.

Послѣ двухъ лѣтъ такой жизни, Иванъ отправился на поклоненіе въ Кіево-Печерскую Лавру, оттуда ходилъ въ Соловки.

Старецъ о. Исаія, въ схимѣ Игнатій.

Вернувшись, онъ поселился опять въ своей келліи, весь уйдя въ духовное чтеніе.

Прослышавъ про опытность въ духовной жизни архимандрита Пѣсношскаго монастыря Макарія, Иванъ собрался поступить въ этотъ монастырь. Предварительно онъ обезпечилъ престарѣлую свою мать достаточнымъ пропитаніемъ.

Въ монастырѣ Иванъ просилъ архимандрита непосредственно руководить имъ, на что тотъ и согласился. Руководителю пришлось не возбуждать, а сдерживать ревность Ивана. Видя его способности и высокое настроеніе, архимандритъ хотѣлъ постричь его въ монахи и поручить ему послушаніе казначея.

Иванъ испугался, зная, сколько разсѣянія принесетъ ему эта должность, какъ она лишитъ его возможности самоуглубленія, нарушитъ миръ его внутренней, сосредоточенной жизни.

Онъ тайно ушелъ изъ Пѣсношскаго монастыря, выбралъ себѣ уединенное мѣсто въ дремучихъ лѣсахъ Порховскаго уѣзда, устроилъ себѣ хижину въ подошвѣ горы и поселился въ ней. Вскорѣ къ нему присоединился его братъ Ѳеодотъ. Трудную жизнь въ пустынѣ отшельники отягчали еще разными подвигами. О пищѣ заботиться имъ было нечего: ее доставлялъ имъ одинъ добрый крестьянинъ.

Такъ провели они четыре года. Здѣсь пріобрѣлъ Іоаннъ очень много: горячую любовь къ ближнему, чистую, углубленную молитву, смиреніе и утѣшительныя слезы, которыя въ минуту сосредоточенности лились у него изъ глазъ, доставляя ему высокую отраду.

Чрезъ четыре года этой жизни, во время отсутствія Ѳеодота, пришли къ Іоанну двое разбойниковъ съ ружьями, требуя денегъ. Они не повѣрили отвѣту Іоанна, что денегъ у него нѣтъ, и кормятся они милостыней, и одинъ изъ разбойниковъ сталъ прицѣливаться въ Іоанна.

Тогда онъ вдругъ, по какому-то внушенію, назвалъ по имени этого человѣка, и тотъ былъ такъ этимъ пораженъ,

что ружье упало у него изъ рукъ. Оба разбойника просили прощенія у Іоанна и поскорѣе ушли.

Такъ какъ существованіе отшельниковъ стало извѣстно, и появлялись посѣтители, нарушавшіе излюбленную ими тишину, Іоаннъ рѣшился бѣжать изъ этого мѣста: онъ отправился на Аѳонъ. Здѣсь въ 1818 г. онъ принялъ монашество съ именемъ Исаіи. На Аѳонѣ онъ заслужилъ такое уваженіе, что многіе обращались къ нему за духовными совѣтами.

Въ 1821 г., когда началась война между Турціей и Греціей, и на Аѳонѣ не могло быть прежняго спокойствія: русскіе иноки, и въ ихъ числѣ о. Исаія со своимъ братомъ вернулись въ Россію чрезъ Вѣну.

Въ Вѣнѣ о. Исаія имѣлъ объясненіе съ тремя учеными католиками.

Сначала они стали уничижать писанія Іоанна Лѣствичника и Ефрема Сирина за, будто-бы, просторѣчіе и грубость слога и сказали, что напишутъ лучше ихъ.

Послѣ долгихъ убѣжденій, о. Исаія закончилъ такъ: «Святые отцы не надѣялись на себя и свой разумъ, но всегда были въ смиренномудріи и самоуничиженіи, прося у Бога силъ для Богоугодной жизни. А всѣ прочіе немощные члены нашей Церкви приносятъ смиренное покаяніе Господу Богу, прося милосердія и помощи, а не хвалятся своимъ безплоднымъ высокоуміемъ».

На это католики промолчали.

На другой день они стали доказывать, что напрасно русскіе надѣются на войнѣ на помощь Божію. — «Вотъ и Наполеонъ, воевалъ, не призывалъ Бога и побѣждалъ».

— Кто не уповаетъ на промыслъ Божій — отвѣчалъ о. Исаія — тотъ живетъ въ самонадѣянности и самовосхваленіи, и о немъ давно сказано: «Рече безумецъ въ сердцѣ своемъ — нѣсть Богъ!»

Послѣ этого разговора русскимъ монахамъ было велѣно немедленно оставить Вѣну.

По прибытіи въ Россію, и пройдя чрезъ рядъ неожи-

данныхъ затрудненій, вслѣдствіе постриженія своего на Аѳонѣ, о. Исаія поселился въ Коневскомъ монастырѣ.

Поживъ тамъ годъ, онъ удалился въ уединенную келлію, находившуюся въ разстояніи двухъ верстъ отъ монастыря.

Только разъ въ недѣлю приходилъ онъ въ монастырь, именно въ субботу, чтобъ быть въ церкви при совершеніи воскресной службы.

Онъ имѣлъ отъ Бога особыя откровенія; такъ однажды, во время литургіи, онъ видѣлъ, что воздухъ какъ-бы сгущается, и въ полусумракѣ видны блестящія звѣзды, опускающіяся на головы нѣкоторымъ присутствующимъ. И тутъ-же послышался ему голосъ: «На кого эти звѣзды садятся: тѣ достойно пріобщаются Св. Христовыхъ Таинъ».

Вслѣдствіе недоброжелательства настоятеля, о. Исаія долженъ былъ покинуть Коневецъ, и избралъ себѣ пустынное мѣсто, удаленное отъ селеній, затерявшееся среди густыхъ лѣсовъ: Задне-Никифоровскую пустынь Олонецкой губерніи.

Пустынь эта находится въ ста верстахъ отъ Петрозаводска, въ 11 отъ почтовой дороги. Въ ней были тогда двѣ ветхія деревянныя церкви, деревянная часовня надъ мощами преп. Никифора и Геннадія Важеозерскихъ, двѣ небольшія келліи и кухня. Земли было мало и для обработки неудобная.

О. Исаія установилъ въ пустыни общежитіе, которое соблюдать строго требовалъ. Такъ какъ братіи было мало, и въ числѣ ея не было іеромонаха, то нѣкоторое время призывали сельскаго священника, пока братъ о. Исаіи Ѳеодотъ не былъ рукоположенъ во священника.

Богослуженіе было заведено истовое, неспѣшное. Вся братія должна была безъ исключенія ходить въ церковь. Монастырскія работы всѣ исполняла братія. О. Исаія, несмотря на свою старость, трудился вмѣстѣ съ прочими — рубилъ дрова, носилъ воду, хлопоталъ на поварнѣ, лѣтомъ работалъ въ огородѣ, косилъ сѣно. Все это возбуждало трудолюбіе братіи.

Но еще болѣе незамѣнимымъ, чѣмъ въ заботахъ о внѣшнемъ благоустройствѣ монастыря, былъ о. Исаія, какъ руководитель духовной жизни иноковъ. О силѣ его вліянія можно судить, напримѣръ, по тому, что двое монаховъ, магистровъ богословія, имѣвшихъ случай познакомиться съ о. Исаіей въ Коневцѣ, черезъ годъ просили митрополита отпустить ихъ въ Задне-Никифоровскую пустынь къ о. Исаіи.

Черезъ десять лѣтъ по поступленіи о. Исаіи, число братіи дошло до 15 человѣкъ.

Несмотря на упадокъ силъ, о. Исаія велъ ту же подвижническую жизнь. Его келлія была вродѣ землянки и неудобна для жилья. Но онъ не соглашался перейти въ лучшую келлію, и говорилъ, что если земная жизнь не вѣчная, то зачѣмъ заботиться объ ея удобствахъ?

Онъ продолжалъ выходить на монастырскія работы. Всегда, и на работахъ и въ келліи, онъ поучалъ учениковъ, и неотразимо дѣйствовали эти поученія отъ сердца полнаго любви и смиренія.

Эта добродѣтель особенно была высока въ немъ. Свои дѣла онъ называлъ ничтожествомъ, надежду спасенія возлагалъ на заслуги Искупителя, о страданіяхъ Котораго говорилъ всегда съ горячими слезами.

О гордости онъ отзывался такъ: «Я, да свинья, да третій сатана: свинья по безумству, сатана по гордости — вотъ товарищи гордыхъ».

Со всѣми обращался старецъ, какъ простой монахъ, не давая замѣчать своего преимущества, а между тѣмъ невольно привлекая къ себѣ сердца.

Это смиреніе доставляло ему духовные дары и видѣнія. Онъ открылъ однажды слѣдующее монаху, который спрашивалъ его, вѣрно-ли, что нѣкоторые благочестивые люди еще при жизни видятъ свои души.

— Однажды, когда я сидѣлъ въ своей келліи, умъ мой занятъ былъ богомысліемъ, а изъ глазъ текли слезы. Вдругъ я пришелъ въ какое-то изступленіе, душа моя увидѣла невещественный свѣтъ, и въ то же время увидѣла

самое себя какъ-бы составленною изъ свѣта, а тѣло мертвымъ, и она какъ-бы уже вышла изъ этого тѣла.

Въ 1846 г. оберъ-прокуроръ Синода, много наслышавшись объ о. Исаіи, вызвалъ его въ Петербургъ. Здѣсь многіе искали знакомства съ о. Исаіею и удивлялись его непритязательной мудрости.

Извѣстный путешественникъ по святымъ мѣстамъ, Норовъ, показывая ему свою библіотеку, сказалъ: «вотъ, старецъ, я занимаюсь переводомъ полезныхъ книгъ съ иностранныхъ языковъ на русскій языкъ».

— А читаете-ли вы—отвѣчалъ ему о. Исаія—«свою-то» книгу, которую болѣе другихъ нужно прочитывать?

Норовъ, подумавъ, замѣтилъ на это:

— Со сколькими духовными лицами мнѣ случалось бесѣдовать, а никто изъ нихъ мнѣ не сказалъ этого,—простой старецъ напомнилъ о дорогой и весьма важной вещи.

Въ другой разъ, находясь между разными вліятельными лицами, о Исаія спросилъ:

— Не знаю, отчего вы такъ усердно со мною бесѣдуете, тогда какъ я и говорить-то по вашему не умѣю.

Отвѣтомъ было слѣдующее:

— Къ намъ приходятъ ученыя и важныя лица, но мы видимъ, что большая часть изъ нихъ старается или намъ угодить, или себя выказать съ отмѣнной стороны; въ тебѣ-же ничего такого не замѣтно. Мы видимъ въ тебѣ одно смиренное и доброжелательное простосердечіе, а потому охотно бесѣдуемъ съ тобою и находимъ себѣ въ этомъ пользу.

Во время нахожденія о. Исаіи въ Петербургѣ, Задне-Никифоровская путынь была сдѣлана самостоятельною—раньше она была приписана къ Александро-Свирскому монастырю.

Все въ тѣхъ-же трудахъ прошли послѣдніе годы жизни старца, скончавшагося на 72-мъ году.

Въ 1849 г. онъ принялъ схиму съ именемъ Игнатія.

Онъ зналъ задолго о времени своей смерти.

Одному молодому крестьянину онъ часто говорилъ:

— Вотъ, Петръ, мы часто съ тобой говоримъ вмѣстѣ, да въ одно время и умремъ.

— Нѣтъ, батюшка, — отвѣчалъ ему тотъ, — мнѣ-то нужно-бы было пораньше васъ умереть, чтобъ вы могли еще здѣсь помолиться за меня.

Этотъ разговоръ слышали нѣкоторые изъ братіи.

Весной 1852 г. пришелъ въ пустынь изъ своей деревни отстоящей отъ нея на 250 верстъ, братъ этого Петра съ извѣстіемъ, что Петръ умеръ и на смертномъ одрѣ приказалъ ему немедленно извѣстить объ этомъ о. Исаію.

О. Исаія сказалъ тогда:

— Петръ умеръ, время пришло и мнѣ умереть.

Въ то же воскресенье онъ скончался.

Послѣдніе годы жизни о. Исаіи съ особенною силою были имъ посвящены приготовленію къ переходу въ вѣчность. Всякое воскресенье старецъ приступалъ къ причастію и при этомъ слезы текли по его щекамъ.

Великимъ постомъ 1852 г. онъ сказалъ:

— Близокъ мой конецъ. Но, по милости Божіей, я буду ходить на ногахъ до отхода моего изъ этой жизни.

Въ воскресенье, 20 апрѣля 1852 г., чрезъ три недѣли послѣ Пасхи, старецъ пріобщился и съ особенною задумчивостью вглядывался въ мѣстныя иконы.

Какъ онъ себя ни чувствовалъ слабымъ, но по просьбѣ братіи, ради праздника, онъ пошелъ на трапезу, но почти ничего не ѣлъ.

Когда въ два часа нѣкоторые изъ братіи пришли къ нему, онъ сказалъ:

— Затеплите предъ иконами лампадки. Я умираю. Слава Тебѣ, Господи!

Братія въ страхѣ заплакала.

Старецъ сидѣлъ молча, въ полномъ самоуглубленіи.

Пробило три часа (по восточному девять), время крестной смерти Спасителя, и одинъ братъ подумалъ, не въ этотъ-ли часъ отойдетъ къ Богу душа старца.

Проникая въ эту мысль, старецъ обернулся къ этому брату и посмотрѣлъ на него долгимъ любящимъ взоромъ.

Черезъ нѣсколько минутъ душа старца отлетѣла.

Архимандритъ Паисій (Величковскій), настоятель Молдавскихъ монастырей.

I. Молодость и иночество.

Схиархимандритъ Паисій (въ міру Петръ Ивановичъ Величковскій) родился въ 1722 г. въ Полтавѣ. Отецъ его, дѣдъ и прадѣдъ были преемственно протоіереями соборной Успенской церкви. Когда пришло время обученія грамотѣ— выучили его по букварю, часослову и псалтири; старшій-же братъ выучилъ Петра письму.

Едва обучившись грамотѣ, отрокъ сталъ горячо прилежать священному чтенію, и уже тогда мысль о монашествѣ стала посѣщать его. По природѣ кроткій, стыдливый, тихій—онъ любилъ затворяться въ своей комнатѣ, и даже домашніе рѣдко слышали его голосъ.

Когда Петру было 13 лѣтъ, его братъ, бывшій уже священникомъ, скончался, и мать повела Петра къ архіерею въ Полтаву. Она ходатайствовала предъ архіереемъ объ оставленіи за ея младшимъ сыномъ мѣста его брата. О томъ же просили и граждане. Архіерею понравился Петръ, онъ велѣлъ отдать его для школьнаго обученія въ Кіевъ и утвердилъ за нимъ мѣсто.

Только четыре года провелъ Петръ въ Кіевѣ. Желаніе идти въ монастырь сильно уже владѣло имъ. Съ нѣсколькими единомысленными товарищами онъ дѣлилъ мечты объ иноческой жизни, и всѣ они, вѣроятно, по тѣмъ аскетическимъ книгамъ, которыя изучалъ Петръ, рѣшили, что спасаться нужно въ монастырѣ бѣдномъ, удаленномъ отъ молвы, и въ начало иночеству положить послушаніе, трудъ, сми-

Архимандритъ Паисій (Величковскій).

реніе, неосужденіе. Ревность Петра достигла такой степени, что онъ разстался съ товарищами, не рѣшавшимися сразу на такой великій шагъ, и, пришедши въ Любечскій (у мѣстечка Любеча надъ Днѣпромъ) монастырь, просилъ игумена принять его въ число братіи.

Чрезъ три мѣсяца по вступленіи Петра въ монастырь, на мѣсто кроткаго и духовной жизни игумена назначенъ былъ другой, человѣкъ въ высшей степени безпокойнаго и жестокаго нрава. Большая часть братіи разбѣжалась. Однажды игуменъ далъ Петру приказаніе, котораго онъ не разслышалъ, и потому не могъ въ точности исполнить. Раздраженный игуменъ больно ударилъ его по щекѣ и вытолкалъ его съ побоями вонъ, такъ что онъ не устоялъ на ногахъ. Въ страхѣ отъ такого обращенія, Петръ ночью тайно бѣжалъ изъ монастыря, и поступилъ въ Николо-Медвѣдовскую обитель, гдѣ постриженъ въ рясофоръ, съ именемъ Платона. Когда начались гоненія на православныхъ отъ уніатовъ, и церковь монастырская была запечатана, Платонъ перешелъ въ Кіево-Печерскую лавру. Тамъ онъ узналъ о судьбѣ своей матери. Сначала, при извѣстіи о томъ, что сынъ ея скрылся изъ Кіева, она пришла въ отчаяніе и хотѣла уморить себя голодомъ, но по бывшему ей видѣнію, которое открыло ей, что есть на то воля Божія, успокоилась и сама рѣшилась поступить въ монастырь, что и исполнилось.

Пребывая въ лаврѣ, Платонъ горячо молилъ Бога указать ему нужный путь и устроить его въ обители со строгимъ уставомъ. Двое иноковъ собрались идти въ Валахію, и онъ отправился съ ними. Тамъ поселился онъ въ Тройстѣнскомъ скитѣ Николая Чудотворца и пользовался совѣтами старца высокой жизни, схимника Василія.

Въ этомъ скитѣ случилось съ Платономъ одно обстоятельство, прекрасно рисующее его юношескую ревность.— Какъ-то въ воскресную ночь ему случилось не разслышать била къ заутренѣ, и проспать. Когда онъ подошелъ къ церкви, уже было прочитано евангеліе, и шелъ канонъ. Угнетаемый

раскаяніемъ, онъ не смѣлъ войти, и, павъ подъ деревомъ на землю, горько плакалъ. Между тѣмъ, отошла утреня, отслужили обѣдню, братія сѣла за трапезу, и Платона стали въ недоумѣніи искать по монастырю. Найдя его подъ деревомъ плачущимъ, привели въ трапезу, гдѣ онъ разсказалъ о своемъ проступкѣ, и, какъ ни утѣшали его старцы, онъ былъ печаленъ и не могъ отъ горя ничего ѣсть. Игуменъ обратилъ вниманіе братіи на этотъ примѣръ печали и пламенной ревности по Богѣ, а Платонъ съ тѣхъ поръ не ложился, а отдыхалъ ночью, сидя. Въ этомъ скитѣ, по отшествіи старца Василія, Платонъ пользовался совѣтами старца Михаила, который научилъ его строгому исполненію обрядовъ и преданій церковныхъ и утвердилъ его въ ученіи Православной церкви.

Изъ скита святителя Николая, Платонъ перешелъ въ Кыркульскій скитъ, отличавшійся особою красотою мѣстоположенія.

Здѣсь Платонъ сталъ проходить образъ жизни отшельническій. Братія собиралась вмѣстѣ только по воскресеньямъ, остальное-же время проводила раздѣльно, въ келейныхъ молитвахъ и трудахъ. Занимаясь постоянной молитвою и изготовленіемъ ложекъ, Платонъ за наставленіями ходилъ къ старцу Онуфрію, жившему верстахъ въ пяти отъ скита, на вершинѣ горы. Онуфрій научилъ его постоянному вниманію къ себѣ и неослабной духовной борьбѣ.

Три года пробылъ въ Валахіи Платонъ, пройдя за это время путь старческаго окормленія (руководства). Изъ этихъ трехъ годовъ онъ вынесъ убѣжденіе въ полезности этого пути, въ той успѣшности, съ какой достигаются этимъ путемъ главныя добродѣтели инока, послушаніе и смиреніе.

Въ 1746 г. Платонъ простился со старцами, совѣты которыхъ воспитали его; старцы съ сожалѣніемъ отпускали его; его добродѣтели ихъ радовали; они называли его юнымъ старцемъ. Изъ Валахіи Платонъ отправился на Аѳонъ, котораго достигъ лишь съ большимъ трудомъ и послѣ долгихъ препятствій.

II. Старчество.

Прибывъ на Аѳонъ, о. Паисій поселился въ уединенной келліи. Тщетно искалъ онъ себѣ наставника — такого не находилось, и ему пришлось одному, 26 лѣтъ отъ роду, пройти великіе и опасные труды предоставленнаго себѣ безмолвника. Три съ половиною года несъ Платонъ это тяжелое бремя, и мѣра его духовныхъ подвиговъ, кровавая борьба съ мысленными искушеніями, со злобою враговъ спасенія, извѣстна только Богу. Внѣшніе его подвиги состояли въ великой нищетѣ: у него не было даже рубашки, а только подрясникъ и ряска; пищу его составляли, кромѣ только праздниковъ, сухарь и вода, и то черезъ день. Единственнымъ достояніемъ его была духовная книга. По прошествіи трехъ съ половиной лѣтъ пришлось посѣтить Аѳонъ молдавскому старцу Василію. Онъ побывалъ у ученика своего и, наставивъ его, постригъ Платона, на 28-мъ году, въ мантію, съ именемъ Паисія, и возвратился затѣмъ на родину.

Вскорѣ пришелъ на Аѳонъ юный монахъ Виссаріонъ. Онъ открылся Паисію въ томъ, что ищетъ и не можетъ найти себѣ наставника, которому бы онъ могъ вручить свою душу. Его горе было тоже горемъ Паисія, и Паисій подробно описалъ Виссаріону, какъ необходимо имѣть старца, чтобы воспитать въ себѣ покорность, смиреніе, и непреткновенно идти путемъ самоисправленія и отсѣченія грѣховъ; описалъ ему и трудность найти мудраго старца, и указалъ, что замѣну старца приходится искать въ писаніяхъ опытныхъ и великихъ иноковъ. Выслушавъ Паисія, Виссаріонъ умолялъ его стать его руководителемъ. Долго отказывался Паисій и, наконецъ, согласился, но съ тѣмъ, чтобы и самому отсѣкать предъ Виссаріономъ свою волю. Такъ, въ единодушіи прожили они четыре года.

Между тѣмъ, нѣсколько монаховъ святой Аѳонской горы, привлекаемые слухомъ о высокой жизни о. Паисія,

многократно молили его о принятіи ихъ въ сожительство. Нѣсколько лѣтъ отказывалъ имъ о. Паисій, и, наконецъ, рѣшился принять ихъ; всей братіи собралось 10 человѣкъ, и они съ о. Паисіемъ заняли келлію св. Константина, при которой была церковь. По неотступному убѣжденію братіи, о. Паисій принялъ санъ священства.

Число желающихъ жить подъ руководствомъ о. Паисія все увеличивалось, и тогда онъ испросилъ себѣ пустующую келлію пророка Иліи, зависящую отъ монастыря Пантократора. Тутъ устроилъ о. Паисій церковь, трапезу, пекарню, поварню, странно-пріимницу и шестнадцать келлій, съ расчетомъ не имѣть болѣе пятидесяти братій, и раздѣлилъ монашествующихъ по происхожденію ихъ — на русскихъ и молдаванъ. Но число братіи не могло не возрасти, потому что многіе жаждали жить въ его скиту. Всѣхъ привлекало благочинное, благоговѣйное отправленіе службъ, тихое и смиренное предстояніе во храмѣ братіи, общія рукодѣлія, отеческое попеченіе настоятеля и то обаяніе истиннаго монашества, которое вѣяло въ скитѣ о. Паисія. Новоприбывшая братія устраивала себѣ келліи внизу, у стѣны, и селилась тамъ. Старецъ днемъ трудился съ братіею, а по ночамъ работалъ надъ переводомъ отеческихъ о монашествѣ книгъ.

Духовная слава о. Паисія распространилась по Аѳону, и многіе старцы-подвижники избрали его своимъ духовникомъ; начальствующіе монастыря Пантократора приглашали его на служеніе въ праздники, и исполнялись благоговѣнія всѣ присутствующіе, видя умиленное служеніе о. Паисія, такъ какъ во всю жизнь не могъ онъ совершать литургію безъ слезъ, и отъ плача едва могъ произносить возгласы.

Но, среди дружелюбнаго къ себѣ отношенія, пришлось о. Паисію испытать и злобу. Одинъ старецъ, по зависти къ о. Паисію, много младшему его лѣтами, сталъ обвинять его въ еретичествѣ и охуждать то ученіе объ умной молитвѣ, которой о. Паисій обучалъ братію. Наконецъ, старецъ этотъ написалъ всѣ эти укоризны въ длинномъ по-

сланіи. Тогда духовные отцы посовѣтовали о. Паисію, раньше спокойно терпѣвшему хулы брата, опровергнуть обвиненіе въ еретичествѣ, что о. Паисій и сдѣлалъ, и примирилъ съ собою того брата.

Братіи все прибывало, и предстояла непремѣнная нужда въ пріисканіи обширнаго монастыря, и тогда о. Паисій рѣшился отправиться въ Валахію. На двухъ корабляхъ доплылъ онъ со спутниками до Царьграда, а оттуда сухимъ путемъ достигъ Яссъ. Митрополитъ далъ ему монастырь Сошествія Св. Духа, называемый Драгомирна, съ его вотчинами, а господарь утвердилъ за нимъ граматою свободу отъ пошлинъ. Поселясь въ этомъ монастырѣ, о. Паисій принялъ постриженіе въ схиму, сохраняя то же имя.

На новомъ мѣстѣ о. Паисій сталъ утверждать чинъ общаго житія, по уставу Василія Великаго и Ѳеодора Студита.

Въ церкви завелъ онъ пѣніе, ради разноязычія братіи,— на правомъ клиросѣ русское, а на лѣвомъ — молдавское. Слова *мое*, *твое*, были изгнаны изъ монастыря, все имущество, утварь и одежда считались монастырскими. Трапеза была всѣмъ общая, кромѣ больныхъ. Всѣ работы исполнялись братіею.

На общихъ послушаніяхъ, на которыя часто выходилъ и о. Паисій, соблюдалось молчаніе, и творилась нѣмая молитва. Особенное вниманіе было обращено на то, чтобъ братія не была праздна, въ чемъ начало всякаго зла. Въ келліяхъ они должны были читать священное писаніе и класть поклоны; вечеромъ было установлено ежедневное откровеніе помысловъ. Гнѣвавшихся не пускали и на порогъ церковный, и не позволяли читать молитву Господню, пока не смирятся. Для больныхъ была устроена больница, и довѣренный къ старцу монахъ, ею завѣдывавшій, могъ приходить и во всякое время брать безъ спросу въ его келліи, сколько потребуется денегъ для успокоенія больныхъ.

Въ зимнее время, съ начала Рождественскаго поста,

о. Паисій поучалъ своихъ учениковъ чтеніемъ переведенныхъ имъ святоотеческихъ твореній. Чтенія эти, продолжавшіяся до Лазаревой субботы, совершались ежедневно, кромѣ праздниковъ, по вечерамъ, въ трапезѣ, самимъ старцемъ. Вмѣстѣ съ чтеніемъ, о. Паисій произносилъ отъ себя исполненныя воодушевленія поученія. Говоря о добродѣтеляхъ монашескихъ — вѣчномъ плачѣ о грѣхахъ, тепломъ умиленіи, распаляющей жаждѣ правды, онъ предостерегалъ учениковъ отъ того, что могло извратить духъ монастыря: нерадѣнія, любостяжанія и заботы о внѣшнемъ, о поведеніи другихъ болѣе, нежели о своей душѣ. Особенно же боялся о. Паисій для своего монастыря страсти вещелюбія, склонности имѣть свою собственность, что́ совершенно противно всѣмъ началамъ общежитія.

По отношенію къ братіи о. Паисій былъ любвеобильнымъ отцемъ и мудрымъ наставникомъ. Всякому онъ умѣлъ предложить именно то поученіе и то утѣшеніе, въ которомъ кто нуждался, и со всякимъ обращался такъ, какъ того требовало устроеніе человѣка. Мягкость и твердость, просьба и настоянія, суровость — все было въ его рукахъ разнообразными и дѣйственными орудіями, смотря по человѣку. Часто случалось, что, вѣдая по откровенію Божію, зачѣмъ пришелъ къ нему братъ—старецъ первый заводилъ о томъ рѣчь. Съ простецами говорилъ старецъ просто; съ разумнѣйшими касался высочайшихъ истинъ. Не было въ немъ никогда скорби и гнѣва о погибели внѣшнихъ вещей, внѣшнихъ препятствіяхъ, скорбѣлъ же о преступленіи заповѣдей. Какъ незлобивое дитя былъ онъ, безмятежный и безстрастный старецъ. Келлія его была открыта для братіи весь день, до девятаго часа, и всякій шелъ къ нему безпрепятственно.

Въ такихъ условіяхъ процвѣтало въ Драгомирнѣ житіе монашеское; были тамъ иноки совершенной жизни, были заблуждавшіеся и снова каявшіеся; были лишь приступавшіе къ исправленію, но всѣ горѣли ревностью, и радовался о. Паисій, и ободрялъ ихъ, повторяя слова апостольскія:

«Чада, не унывайте, куплю дѣюще. Нынѣ время благопріятно. Нынѣ день спасенія».

Въ 1774 г. та часть Молдавіи, гдѣ находится монастырь Драгомирна, перешла къ Австріи, и о. Паисій испросилъ у господаря Григорія Гики и митрополита позволеніе занять монастырь Усѣкновенія Главы Іоанна Предтечи, называемый Сѣкулъ. Съ великою скорбью простившись съ мѣстами долговременныхъ подвиговъ, старецъ со всею братіею переселился на новое мѣсто. Сѣкулъ былъ расположенъ на тѣсномъ мѣстѣ, у подошвы высокой горы, у ручья; подъѣздъ къ нему былъ труденъ, особенно во время разлива ручья; но, по безмолвію своему, мѣсто это было удобно для монашеской жизни. Крайняя тѣснота принудила о. Паисія обратиться за помощью къ князю Мурузи, который, посовѣтовавшись съ главнѣйшими сановниками, настаивалъ на томъ, чтобы старецъ переселился съ тою частью братіи, которая не вмѣщалась въ Сѣкулѣ,—въ монастырь Нямецъ, въ двухчасовомъ отъ Сѣкула разстояніи, оставляя за собою и Сѣкулъ. Многихъ и долгихъ слезъ и сильныхъ нравственныхъ страданій,—такъ что братія боялась за жизнь старца, — стоило о. Паисію это приказаніе. Нямецъ, по матеріальной обезпеченности своей, пользовавшійся слишкомъ большой извѣстностью и посѣщаемый богомольцами, во множествѣ приходившими на поклоненіе чудотворной иконѣ Божіей Матери,—не представлялъ удобныхъ условій для строгой иноческой жизни. Съ великою скорбью водворился о. Паисій въ Нямцѣ.

На новомъ этомъ мѣстѣ, уже послѣднемъ житейскомъ пристанищѣ своемъ, о. Паисій, такъ же, какъ и прежде, продолжалъ поучать братію, которой было въ Нямцѣ до 400, и въ Сѣкулѣ до 100 человѣкъ, устроилъ больницу, о малѣйшихъ нуждахъ которой неотступно заботился, успокоивалъ странниковъ. Разъ въ годъ, на 10 дней къ празднику Усѣкновенія главы, отправлялся онъ въ Сѣкулъ, для пользы монастыря и братіи. Когда же въ Нямцѣ со всѣхъ сторонъ сходился на праздникъ народъ, онъ, въ хлопотахъ

о успокоеніи богомольцевъ, не зналъ отдыха. Назначивъ опытныхъ иноковъ для пріема богомольцевъ, онъ не закрывалъ дверей своей келліи, и множество народу приходило къ нему тогда.

Въ 1790 г. архіепископомъ Амвросіемъ, прибывшимъ съ арміей Потемкина въ Яссы, — о. Паисій былъ возведенъ въ архимандриты.

Послѣдніе годы жизни о. Паисія прошли въ тѣхъ же неустанныхъ трудахъ. Онъ не имѣлъ утѣшенія видѣть въ своемъ монастырѣ то высокое воодушевленіе и отрѣшенность отъ земныхъ заботъ, которыми украшались всѣ ученики его во время пребыванія въ Драгомирнѣ: достатокъ, молва и мятежъ оживленнаго мѣста наносили великій ущербъ духовному дѣлу.

Переводныхъ трудовъ своихъ старецъ не оставлялъ до смерти: покрытый ранами въ правомъ боку, лежа на одрѣ, онъ облагалъ себя книгами — библіями славянской и греческой, греческой и славянской грамматикой и тѣмъ сочиненіемъ, которое переводилъ, — ставилъ свѣчу — и писалъ всю ночь, забывая немощь тѣла и болѣзнь свою. Вообще онъ не спалъ болѣе 3 часовъ въ сутки.

Такъ совершалъ онъ до конца трудный свой путь.

Великой душевной красотѣ старца соотвѣтствовалъ и внѣшній обликъ его: его лицо было бѣло и свѣтло, какъ у ангела Божія; взоръ тихъ, слово смиренно, весь онъ полонъ былъ благочестія и дышалъ милостью. Умъ его всегда былъ соединенъ съ Богомъ, при бесѣдахъ о духовныхъ предметахъ его лицо цвѣло радостью, и изъ глазъ текли слезы. По благодати Божіей обрѣлъ онъ въ сердцѣ своемъ источникъ воды живой, и, напояясь самъ ею до сытости, поилъ ею и другихъ. Дѣйствовалъ въ его чистомъ просвѣтленномъ умѣ даръ предвѣдѣнія, чудеса же свои онъ приписывалъ Богоматери.

Старецъ Паисій тихо отошелъ къ Богу 15 ноября 1794 г., 72 лѣтъ отъ роду. Предъ смертью посмотрѣлъ онъ и исправилъ въ нужныхъ мѣстахъ свои переводы и пре-

подалъ чрезъ двухъ духовниковъ — славянскаго и молдавскаго — благословеніе монастырямъ. Никакихъ распоряженій и завѣщаній онъ не оставилъ. Старецъ Паисій похороненъ на правой сторонѣ соборной церкви Нямецкаго монастыря.

Память этого крѣпкаго подвижника благочестія, съ юныхъ лѣтъ подъявшаго иго Христово, кромѣ высокой жизни его, священна его великими книжными трудами.

Получивъ отъ Бога способность къ языкамъ и переложенію, и стяжавъ даръ духовнаго разумѣнія, онъ съ неослабѣвающею ревностью принесъ эти способности на пользу Церкви. Плодомъ его денноnощныхъ трудовъ явилась возможность пользоваться драгоцѣннѣйшими аскетическими твореніями, которыя безъ него лежали бы втунѣ, а теперь служатъ азбукою для монашествующихъ и руководствомъ для мірянъ, внимательныхъ къ дѣлу своего спасенія.

Заслуга изданія этихъ переводовъ принадлежитъ оптинскимъ старцамъ.

Схимонахъ Ѳеодоръ.

Жизнь схимонаха Ѳеодора представляетъ примѣръ неустаннаго стремленія къ нравственному совершенствованію среди постоянной борьбы и множества испытаній.

Онъ родился въ 1756 г. въ городѣ Карачевѣ Орловской губеніи. Его отецъ былъ изъ купеческаго званія, мать изъ духовнаго. Отца онъ лишился еще, когда былъ ребенкомъ.

Его мать не щадила ни того немногаго, что ей осталось послѣ мужа, ни своихъ трудовъ, чтобъ воспитать и обучить его.

Она помѣстила его въ домъ одного своего родственника, протоіерея, гдѣ его учили грамотѣ и пѣнію. Имѣя пріятный голосъ, онъ особенно привязался къ пѣнію и любилъ со сверстниками пѣть въ церкви. Умный и скромный, онъ съ чрезвычайнымъ вниманіемъ вдумывался въ ученіе Церкви,

вникалъ въ молитвы... Обычныя забавы его возраста не привлекали его. Онъ все болѣе стремился къ уединенію, старался больше молиться, искалъ духовнаго чтенія.

Придя въ возрастъ, Ѳеодоръ по желанію матери устроилъ въ Карачевѣ небольшую лавочку и началъ заниматься торговлей. Но она не удовлетворяла Ѳеодора. Онъ чувствовалъ, какъ претитъ его душевнымъ запросамъ это дѣло, которое такъ незамѣтно развиваетъ въ человѣкѣ корыстолюбіе, наводитъ на обманы и на обиды ближняго. Два года провелъ Ѳеодоръ въ этой борьбѣ.

Наконецъ, въ немъ созрѣло твердое рѣшеніе оставить міръ и мать и уйти въ какой нибудь монастырь. Ѳеодоръ зналъ, что открывать свое намѣреніе матери было невозможно. Бѣдная вдова никогда бы не могла примириться съ такою мыслію.

Въ одну ночь, помолясь, поручивъ и себя и мать промыслу Божію, онъ тайно ушелъ изъ дома и пробрался въ Площанскую пустынь, лежащую отъ Карачева въ 80 верстахъ, въ густомъ лѣсу, далеко отъ людского жилья. Пустынь эта тогда отличалась особенно стройнымъ чиномъ богослуженія, и это еще укрѣпило духовное настроеніе Ѳеодора.

Между тѣмъ мать его страшно тосковала отъ такой неожиданной разлуки съ сыномъ. Потерять его ей было еще тяжелѣе, чѣмъ схоронить мужа. Она неутомимо искала его и, наконецъ, узнала, гдѣ онъ находится. Она пришла въ пустынь и со слезами молила сына вернуться домой. Не смогъ сынъ устоять противъ слезъ матери. Онъ вернулся съ нею въ Карачевъ и началъ по прежнему заниматься торговлей.

Но тоска по дорогому и вынужденно оставленному образу жизни не давала ему покоя: онъ опять глухою ночью ушелъ изъ дому, на этотъ разъ въ пустынь Бѣлые Берега, лежащую тоже въ Орловской губерніи.

Эта пустынь, въ красивой, но дикой мѣстности, среди густого лѣса—была малочисленна по составу, и стояла ниже

Площанской по устройству и удобствамъ для начинающаго инока найти нравственную поддержку. Ѳеодоръ, убѣдившись въ этомъ, перешелъ опять въ Площанскую пустынь. Снова слухъ о томъ дошелъ до матери и она снова увела его домой.

Сколько могъ, Ѳеодоръ и въ міру старался думать болѣе о духовномъ.

Онъ принималъ у себя странниковъ, кормилъ голодныхъ. Нищій не отходилъ отъ его окна безъ милостыни. Онъ вникалъ въ положеніе вдовъ и сиротъ, навѣщалъ и служилъ больнымъ. Онъ былъ извѣстенъ за набожнаго и истинно добраго человѣка.

Но и такое настроеніе не спасло Ѳеодора отъ паденія. Его жизнь показала, какъ велика сила зла и соблазна, но вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ велика сила истиннаго покаянія, и до какой высоты можетъ достигнуть и согрѣшившій человѣкъ, если онъ всею душою стремится къ Богу.

Открылось въ Карачевѣ мѣсто прикащика въ богатомъ купеческомъ домѣ. На это мѣсто поступилъ Ѳеодоръ. Хозяинъ въ скоромъ времени умеръ, и остались въ домѣ вдова его съ четырьмя взрослыми и пригожими дочерьми. Все распоряженіе было предоставлено Ѳеодору. Пылкій, увлекающійся, постоянно соприкасаясь съ обольстительнымъ соблазномъ, Ѳеодоръ поддался сперва дурнымъ мыслямъ и пожеланіямъ, а затѣмъ послѣдовало паденіе. Онъ допустилъ себя до тѣлесной нечистоты.

Не долго оставался Ѳеодоръ безъ борьбы, не много наслажденій взялъ онъ отъ жизни. Онъ быстро опомнился. Въ невыразимомъ раскаяніи онъ проклиналъ свою слабость, вспоминалъ о томъ времени иночества, когда жизнь не была омрачена никакимъ порокомъ. Рѣшимость покончить разъ навсегда съ міромъ и его грѣхами была теперь безповоротна.

Онъ началъ молиться о прощеніи, усилилъ раздачу милостыни и всякія благотворенія. Но онъ ясно сознавалъ,

что только въ уединеніи, въ трудахъ иночества онъ можетъ залѣчить свою глубокую душевную рану.

Онъ надумалъ удалиться въ какую-нибудь обитель подалѣе отъ дому и прежнихъ воспоминаній. Скрывая свое намѣреніе, онъ прежде всего пошелъ на богомолье въ Кіевъ.

Прекрасное мѣстоположеніе Кіево-Печерской лавры, множество ея святынь и нетлѣнныхъ мощей, ея многовѣковая духовная слава, чинъ богослуженій, все это чрезвычайно привлекательно было для Ѳеодора. Ему очень хотѣлось остаться въ лаврѣ.

Но онъ боялся, что его здѣсь сумѣютъ найти, и онъ отправился въ Молдавію, въ знаменитый Нямецкій монастырь, гдѣ въ то время нѣсколько сотъ человѣкъ братіи жили строгою монашескою жизнію подъ руководствомъ великаго старца архимандрита Паисія.

О. Паисій былъ тогда уже очень изнуренъ и почти не выходилъ изъ своей келліи. Разсчитывать на принятіе въ монастырь было трудно, а Ѳеодоръ находился въ крайности. Тѣ малыя деньги (четыре съ полтиной), которыя онъ взялъ съ собой изъ Россіи, были истрачены. Лѣтнее его платье обносилось, и наступила зима. Въ этихъ затрудненіяхъ Ѳеодоръ просилъ, чтобъ его допустили до о. Паисія, чтобы, по крайней мѣрѣ, принять его благословеніе.

Видя его ветхое рубище и узнавъ, какъ онъ бѣдствуетъ, о. Паисій заплакалъ, сталъ утѣшать его и велѣлъ принять его въ число братіи. Онъ запретилъ также съ этого дня отказывать кому-нибудь въ пріемѣ безъ его вѣдома.

Для ближайшаго руководства Ѳеодора поручили старцу Софронію. Ѳеодоръ исповѣдалъ ему свои грѣхи, и для усиленія покаянія былъ на пять лѣтъ отлученъ отъ пріобщенія св. Таинъ.

По уставу онъ проходилъ всѣ степени послушаній: рубилъ и носилъ дрова, приготовлялъ инокамъ пищу, топилъ печи, мелъ келліи, ходилъ за пчелами. Его никогда не покидала глубокая сердечная молитва, и духъ его свѣтлѣлъ.

За строгость жизни и исполнительность Θеодора чрезъ два года сдѣлали помощникомъ въ просфорнѣ, а вскорѣ онъ сталъ пустынникомъ.

Въ совершенно пустынной мѣстности жилъ старецъ Онуфрій, родомъ изъ дворянъ Черниговской губерніи. Въ юности онъ юродствовалъ десять лѣтъ, потомъ постригся въ одномъ изъ Украинскихъ монастырей, а затѣмъ ушелъ въ Молдавію, къ о. Паисію. Послѣ нѣкотораго времени онъ сталъ пустынникомъ со своимъ другомъ, іеромонахомъ Николаемъ. Къ нимъ просился и Θеодоръ.

Въ Онуфріи особенно силенъ былъ духъ вѣры и мудрости, въ Николаѣ—страха Божія. Θеодоръ же отличался послушаніемъ и трудолюбіемъ. Такъ жили они, поддерживая другъ друга въ подвигахъ. Ежемѣсячно они пріобщались.

Незадолго до смерти о. Онуфрія, во время отсутствія Θеодора, на двухъ старцевъ напали разбойники, тщетно искавшіе у нихъ денегъ, и съ досады сильно ихъ изранили. Θеодоръ самоотверженно ходилъ за ними.

Вскорѣ по смерти Онуфрія, Θеодоръ возвратился въ монастырь. Здѣсь онъ переписывалъ книги св. Отцовъ, переведенныя о. Паисіемъ съ греческаго на церковно-славянскій языкъ, пѣлъ и читалъ на клиросѣ.

Не долго пришлось ему оставаться въ Молдавіи. Онъ схоронилъ и Николая, и о. Паисія.

Такъ какъ въ то время вышелъ манифестъ императора Александра I, разрѣшавшій вернуться въ Россію всѣмъ, самовольно изъ нея удалившимся (а къ числу этихъ лицъ принадлежалъ и о. Θеодоръ)—онъ рѣшилъ идти на родину. Оставляя Нямецкій монастырь, Θеодоръ былъ постриженъ въ схиму.

Вернувшись въ Орловскую епархію, о. Θеодоръ, по совѣту архіерея, устроился въ Чолнскомъ монастырѣ. Здѣсь онъ завѣдывалъ порядкомъ богослуженія, и, что особенно важно—давалъ братіи совѣты, какъ то дѣлалось у о. Паисія, то-есть завелъ духъ старчества.

Между тѣмъ молва о возвращеніи Ѳеодора дошла до его родныхъ мѣстъ, его стали оттуда посѣщать. Онъ рѣшился переселиться въ Бѣлобережскую пустынь, гдѣ находился тогда о. Леонидъ, съ которымъ онъ встрѣтился еще въ Чолнскомъ монастырѣ.

Въ двухъ верстахъ отъ монастыря, въ глуши лѣса, устроили о. Ѳеодору уединенную келлію, и здѣсь онъ поселился съ подвижникомъ іером. Клеопою и о. Леонидомъ.

Слава о мудрости о. Ѳеодора, между тѣмъ, все увеличивалась, къ нему шло много народа, и, избѣгая славы, онъ перешелъ на сѣверъ Россіи, въ Новоезерскій монастырь, гдѣ былъ тогда архимандритъ Ѳеофанъ.

На дорогу съ собой онъ взялъ всего 30 копѣекъ, и, когда нашелъ при себѣ тайно вложенные кѣмъ-то изъ братіи пять рублей, тотчасъ отдалъ ихъ бѣдной женщинѣ.

Митрополитъ новгородскій назначилъ о. Ѳеодору жить въ Палеостровской пустыни, на Онежскомъ озерѣ.

Здѣсь старецъ перенесъ тяжкое гоненіе изъ-за клеветы. У него не было ни одежды, ни обуви. Онъ не могъ ни выходить, ни принимать никого изъ иноковъ, ни разговаривать со странниками. Передъ смертью тотъ, кто былъ причиною этого гоненія, раскаялся и просилъ со слезами, валяясь въ ногахъ, прощенія у о. Ѳеодора.

Утомленный завистью, гоненіемъ, о. Ѳеодоръ удалился въ скитъ Валаамскаго монастыря, къ переселившимся туда своимъ единомышленникамъ Клеопѣ и Леониду.

Шесть лѣтъ провелъ онъ здѣсь. Но новое гоненіе заставило его искать убѣжища въ другомъ монастырѣ, Александро-Свирскомъ.

«Слава Богу, слава Богу,—повторялъ онъ,—и я вижу, наконецъ, берегъ житейскаго моря, по которому доселѣ какъ утлая ладья носилась душа моя».

Онъ почилъ въ вечеръ Свѣтлаго пятка, 1822 г.

Онъ былъ особорованъ и пріобщенъ.

Предъ смертью лицо его просіяло. Его озарила радост-

Схимонахъ Θеодоръ.

ная улыбка. Ученики, съ плачемъ стоявшіе вокругъ него, теперь пораженные, перестали плакать и въ благоговѣйномъ трепетѣ смотрѣли на свѣтлую кончину.

Архимандритъ Моисей, настоятель Оптиной пустыни.

«Монастырь согради и братію собра».
Всякое дѣло само себя оправдаетъ (Изреченіе о. Моисея).

Высокая дивнымъ смиреніемъ своимъ, поучительная стройностью, постояннымъ горѣніемъ духа и ежедневнымъ самопонужденіемъ къ исполненію заповѣдей—жизнь настоятеля и обновителя Оптиной пустыни архимандрита Моисея—замѣчательно важна не только, какъ примѣръ личнаго подвижничества, но и во многихъ другихъ отношеніяхъ.

Имя этого образцоваго настоятеля навсегда будетъ запечатлѣно на страницахъ исторіи монашества: съ этимъ именемъ связано возстановленіе старчества, и, слѣдовательно, истиннаго монашескаго житія въ Оптиной пустыни, явившейся свѣтлою звѣздою великорусскаго иночества. Въ роды родовъ, вмѣстѣ съ незабвенными именами оптинскихъ старцевъ Льва, Макарія, Амвросія—съ благословеніемъ будетъ поминаться смиренное, чистое предъ Богомъ имя отца Моисея. Онъ останется навсегда высокимъ «образомъ» монастырскаго настоятеля. О. Моисей представляетъ удивительное сочетаніе аскетической уединенности келейной жизни съ доступностью, твердости съ кротостью, хозяйственности съ крайнею нестяжательностью, самостоятельности съ полною покорностью началу старчества, живой дѣятельности съ неистощимымъ терпѣніемъ многихъ и тяжкихъ скорбей. Какимъ мягкимъ роднымъ свѣтомъ озаренъ трогательный ликъ суроваго къ себѣ и снисходительнаго къ другимъ инока, неудержимаго нищелюбца, спѣшившаго передать земныя сокровища чрезъ руки страждущихъ—Богу, и вмѣстѣ съ тѣмъ, упрочившаго и украсившаго знаменитую обитель,

страдальца, понесшаго тяготы, труды и оскорбленія за Оптину пустынь.

I. Семья и первые годы иночества.

Отецъ архимандритъ Моисей, въ міру Тимоѳей Ивановичъ Путиловъ, былъ старшій сынъ серпуховскаго гражданина Ивана Григорьевича и жены его Анны Ивановны, и родился 15 января 1782 г. въ городѣ Борисоглѣбскѣ, Ярославской губерніи, гдѣ жилъ Путиловъ. Всѣхъ дѣтей у отца его было десятеро; изъ нихъ четверо умерли въ младенчествѣ.

Иванъ Григорьевичъ, служившій по питейнымъ сборамъ, жилъ благочестиво, держался неопустительно уставовъ св. Церкви, прилежалъ службѣ Божіей и чтенію священному, и былъ человѣкъ обходительный. У жены его, женщины безграмотной, но умной, было въ роднѣ нѣсколько монашествующихъ строгой жизни.

Въ страхѣ Божіемъ воспитывали Путиловы своихъ дѣтей. Обучались дѣти дома у отца, а въ школу не ходили, отецъ боялся для нихъ дурного товарищества. Въ праздники водилъ ихъ отецъ въ церковь, и, вернувшись домой, разспрашивалъ о службѣ. Въ церкви Путиловъ, имѣя хорошій голосъ, пѣвалъ на клиросѣ; любилъ заниматься церковнымъ пѣніемъ и дома съ дѣтьми. Чаще всего посѣщали Путилова духовныя лица, и потому дѣти его съ дѣтства слышали много назидательнаго.

Дочь Путилова стремилась въ монастырь, но, по желанію отца, вышла замужъ—и вскорѣ скончалась; ея мужъ удалился тогда въ Саровскую пустынь.

По девятнадцатому году, Тимоѳей, вмѣстѣ съ 14-ти лѣтнимъ братомъ Іоною, были опредѣлены отцомъ на службу въ Москву къ откупщику Карпыщеву. Москва, съ ея множествомъ святынь и храмовъ, соотвѣтствовала духовнымъ стремленіямъ Тимоѳея, развившимся въ немъ еще въ отцовскомъ домѣ; здѣсь же легче было доставать духовныя книги. Съ книгою Тимоѳей не разставался, и въ лавкѣ отлагалъ

ее лишь при приходѣ покупателя и потомъ снова брался за нее. Молодые люди имѣли знакомство съ истинно-духовными людьми. Чрезъ монахиню Досиѳею *) они познакомились со старцами Новоспасскаго монастыря Александромъ и Филаретомъ, которые находились въ духовномъ общеніи со знаменитымъ молдавскимъ архимандритомъ Паисіемъ Величковскимъ.

Въ такомъ расположеніи, въ братьяхъ окончательно созрѣло желаніе монашеской жизни, особенно, когда въ Саровъ удалился ихъ зять. Въ 1804 году (когда Тимоѳею было 22 года) онъ приписался съ отцемъ своимъ къ московскому купеческому обществу и, взявъ на три года паспортъ, отправился съ братомъ Іоною въ Саровъ. Зная, что отецъ не далъ бы на то своего согласія, они написали ему, что отъ хозяевъ отошли за невозможностью жить у нихъ, и что есть у нихъ на примѣтѣ другой Хозяинъ, которому они дали слово—поступить въ услуженіе. Уже изъ Сарова написали они откровенно отцу о своемъ намѣреніи; но Иванъ Григорьевичъ разгнѣвался и приказалъ дѣтямъ немедленно вернуться домой; но они не показывались ему два съ половиною года. За это время Путиловъ разболѣлся, и, когда Тимоѳей пріѣхалъ къ нему мириться, хотя не сразу, — но рѣшился отпустить сына; черезъ годъ, послѣ долгихъ уговоровъ, отпустилъ и Іону. Послѣ того Иванъ Григорьевичъ жилъ не долго.

Въ городѣ Мологѣ, Ярославской губ., на городскомъ кладбищѣ, у алтаря церкви Всѣхъ Святыхъ стоитъ простой мраморный памятникъ съ обозначеніемъ имени Ивана Григорьевича Путилова. На обратной сторонѣ написано, что памятникъ воздвигли: «Путилова дѣти: Моисей, игуменъ Оптиной пустыни; Исаія, игуменъ Саровской пустыни; Антоній, игуменъ Малоярославецкаго Николаевскаго монастыря».

Саровъ, гдѣ полагалъ начало Тимоѳей, находился въ

*) Монахиня Досиѳея была, повидимому, извѣстная княжна Тараканова.

то время въ полномъ процвѣтаніи. Уже 37 лѣтъ жилъ тамъ великій старецъ Серафимъ, тамъ же прибывали схимонахъ, носившій подвигъ юродства, Маркъ, и на покоѣ — возстановитель Валаама, игуменъ Назарій.

Строитель Саровскій, Исаія, былъ тоже извѣстенъ строгостью жизни. Тимоѳей имѣлъ тяжелое послушаніе въ хлѣбнѣ, а потомъ ходилъ за больнымъ строителемъ, о. Исаіею; во время трехлѣтняго пребыванія въ Саровѣ, Тимоѳей много воспользовался наставленіемъ Саровскихъ старцевъ.

Неизвѣстно почему, простившись съ отцемъ, Тимоѳей не вернулся болѣе въ Саровъ, какъ его братъ, который, оставшись тамъ, былъ впослѣдствіи Саровскимъ игуменомъ. Тимоѳей поступилъ послушникомъ въ Свѣнскій Успенскій монастырь Орловской епархіи. Вѣроятно, его привлекала близость Рославльскихъ и Брянскихъ лѣсовъ, гдѣ въ то время спасалось много пустынножителей. Къ числу этихъ отшельниковъ, въ 1811 г., присоединился и Тимоѳей Ивановичъ.

II. Рославльскіе лѣса и начало Оптинскаго скита.

Въ Рославльскихъ лѣсахъ Тимоѳей Ивановичъ провелъ десять лѣтъ. Онъ вручилъ себя руководству іеросхимонаха Аѳанасія. Этотъ мудрый старецъ пребывалъ постоянно въ духовномъ трезвеніи и имѣлъ даръ умной молитвы. Безпопечительность его о всемъ житейскомъ была безгранична. Этимъ старцемъ и постриженъ Тимоѳей Ивановичъ въ монашество, съ именемъ Моисея. Это имя было дано ему по общей мысли пустынниковъ, въ знакъ гостепріимства, которое съ любовью оказывалъ о. Моисей странникамъ, доходившимъ до пустынниковъ. Преподобный Моисей Муринъ любилъ успокаивать странниковъ.

Пустынники, съ которыми поселился въ лѣсу о. Моисей, числомъ 8, жили въ трехъ келліяхъ. Мѣсто уединенія ихъ находилось въ дачахъ помѣщика Броневскаго, въ сорока верстахъ отъ Рославля, въ пяти отъ сельца Якимовскаго, въ семи отъ села Луговъ и въ 30 отъ сельца Межова, на берегу лѣсной рѣчки Богдачевки.

Всю церковную службу пустынники правили каждодневно у себя въ келліи, начиная съ 12 часовъ ночи; въ воскресные и праздничные дни случалось имъ отправлять службу вмѣстѣ; въ Рождество, Пасху, и великіе праздники приходилъ изъ села Луговъ священникъ, съ запасными Дарами.

Въ свободное отъ молитвы время пустынники занимались рукодѣліемъ; такъ, о. Моисей переписывалъ полууставомъ священныя книги. Огородъ, который обработывали пустынники, родилъ только рѣпу. Лѣтомъ сбирали грибы, ягоды для благодѣтелей, присылавшихъ печеный хлѣбъ, крупу и иногда бутылку масла. При недостаткѣ соблюдали сухояденіе. Цѣлую зиму кругомъ выли волки; и медвѣди обижали пустынниковъ, расхищая иногда огородъ; они подходили близко, но не трогали монаховъ — только по лѣсу слышался шумъ ломаемыхъ ими вѣтвей. Однажды отшельники чуть не были перебиты разбойниками; полиція иногда придиралась къ нимъ. Но всего страшнѣе были бури, ломавшія столѣтнія деревья. Однажды громадное дерево упало около келліи съ ужаснѣйшимъ трескомъ, и о. Моисей думалъ, что все кончено; но дерево задѣло келлію лишь вѣтвями.

Въ 1812 г., при нашествіи французовъ, отшельники покинули пустыню, и о. Моисей удалился въ Свѣнскъ и Бѣлые Берега, а потомъ вернулся опять въ пустыню.

Въ 1816 г. къ отцу Моисею пріѣхалъ его младшій братъ Александръ, чтобы раздѣлить съ нимъ его жизнь. Черезъ четыре года Александръ келейно постриженъ іеросхимонахомъ Аѳанасіемъ, съ именемъ Антонія, и порученъ руководству брата своего о. Моисея, къ которому всю жизнь сохранялъ великое послушаніе.

Съ братомъ своимъ, въ 1816 г., о. Моисей былъ въ Кіевѣ, гдѣ радушно принятъ митрополитомъ Серапіономъ и намѣстникомъ лавры Антоніемъ (впослѣдствіи арх. Воронежскій). По дорогѣ въ разныхъ обителяхъ о. Моисей посѣтилъ старцевъ: о. Василія Кишкина, о. Макарія (будущаго Оптинскаго) и о. Филарета Глинскаго.

Во время пустынной жизни окрѣпъ и созрѣлъ духовно о. Моисей. Онъ пріобрѣлъ сосредоточенность и молчаніе, вниманіе и даръ молитвы и уничиженія себя; всѣ эти качества высказались въ немъ въ многопопечительномъ званіи настоятеля. Слѣдами той постоянной и неуклонной борьбы, какую велъ съ собою въ тиши уединенія о. Моисей, осталось нѣсколько разрозненныхъ листковъ изъ числа тѣхъ, на которыхъ о. Моисей записывалъ иногда свои думы. Вотъ отрывки изъ нихъ:

«Нб. 15. 1819 г.—По принесеніи молитвы исповѣданія грѣховъ слагался [1]) въ сердцѣ на все слѣдующее время блюстися опасно, чтобы не ужинать отнюдь, ибо безчисленно страдалъ отъ того и искусомъ наставленъ, что нѣтъ лучшаго средства къ благоустроенію души, какъ вкушать пищу по однажды въ сутки. Господи, не остави мене, вонми въ помощь мою, отселѣ воздержатися отъ вечерняго употребленія пищи и въ обѣденномъ трапезованіи не пресыщатися и принять искусъ употребленія одного рода пищи».

«1819 г. Дек. 14 (послѣ причастія). Занимаясь правиломъ, пришло мнѣ на мысль: исправя, съ Божіею помощью, трудъ поста обученіемъ себя въ одномъ родѣ простой пищи, начать храненіе устъ, въ разумѣ грѣховъ своихъ и недостоинства еже глаголати, за нечистоту и неисправленность сердца и ума моего: чтобы вовсе не говорить устно ничего ни съ кѣмъ, а по крайней нуждѣ изъясняться черезъ брата, краткими словами на письмѣ полууставомъ. Боже, помоги мнѣ сіе начати и начатое совершити, опредѣляя лучше умереть, нежели начатое нарушить и несовершити».

«Дек. 15.—Во время трапезы блеснуло въ умѣ разумѣніе относительно до сожительствующихъ со мною братій, чтобъ ихъ погрѣшности, видимыя мною и исповѣдуемыя ими, принимать на себя и каяться какъ за собственныя свои, дабы не судить ихъ строго и гнѣвомъ отнюдь не

[1]) Рѣшилъ.

воспламеняться. Ошибки, проступки и грѣхи братьевъ да будутъ мои».

Эти уцѣлѣвшія на общее вразумленіе и поученіе записки, являются драгоцѣнными чертами изъ жизни о. Моисея. Какую рисуютъ онѣ исполненную строгой, духовной красоты картину непрестанной кровавой борьбы во исполненіе закона евангельскаго!

Въ Рославльскихъ же лѣсахъ о. Моисей постояннымъ прилежаніемъ къ чтенію пріобрѣлъ глубокое знаніе ученія св. Церкви и святоотеческихъ твореній. Здѣсь же началось и дѣло руководства имъ другихъ лицъ. Онъ сносился, по послушанію, съ помѣщиками, заботившимися объ отшельникахъ; и эти помѣщики обращались къ нему за совѣтами.

Когда о. Моисей возросъ до мѣры учительнаго и крѣпкаго въ духовной жизни мужа—Господу угодно было призвать его на высшее служеніе и вручить ему трудное и многоплодное дѣло.

Въ 1820 г. отецъ Моисей, проѣздомъ изъ Москвы, гдѣ ему было необходимо побывать, посѣтилъ Оптину пустынь, и былъ представленъ ея игуменомъ Калужскому преосвященному Филарету. Этотъ знаменитый подвижникъ (скончавшійся въ санѣ митрополита Кіевскаго и въ схимѣ) и мудрый архипастырь всею душею отъ юности любилъ монашество. Дикій сосновый боръ, окружающій Оптину пустынь, навелъ его на мысль, устроить при Оптиной скитъ. Онъ слыхалъ о рославльскихъ пустынникахъ, и именно имъ желалъ поручить устройство скита. Знакомство съ о. Моисеемъ утвердило его въ этомъ намѣреніи. Послѣ переписки и приглашенія, о. Моисей съ братомъ Антоніемъ и еще двумя монахами 6 іюня 1821 г. прибыли въ Оптину и помѣстились на монастырской пасѣкѣ.

Въ 170 саж. отъ обители, гдѣ стояла, среди вѣковыхъ сосенъ и порослей орѣшника и липы, уединенная келлія, избрано мѣсто, составленъ планъ и приступлено къ работамъ.

Съ великимъ трудомъ новоприбывшіе пустынники

должны были очистить избранное мѣсто отъ сосновыхъ, вѣковыхъ деревьевъ — вырубить и выкорчевать ихъ. Въ этомъ помогали имъ немногіе нанятые работники. Изъ срубленнаго лѣса выстроили небольшую келлію, обвели свое мѣсто заборомъ и поставили церковь во имя Св. Іоанна Предтечи; вслѣдъ затѣмъ число келлій стало увеличиваться.

Въ декабрѣ о. Моисей поѣхалъ за сборомъ въ Москву и вернулся въ повозкѣ, столь нагруженный, что самому ему еле можно было сидѣть.

Въ началѣ 1822 г. храмъ былъ освященъ, и преосв. Филаретъ немедленно затѣмъ прибылъ въ Оптину. О. Моисей просилъ у него разрѣшеніе принять схиму. «Не у пріде часъ» — былъ отвѣтъ. По отъѣздѣ владыки, о. Моисей послалъ ему о томъ же письменное прошеніе. Но преосвященный отвѣтилъ предложеніемъ священства, отъ котораго пустынникъ рѣшительно отказался. Видя, какіе дары кроются въ о. Моисеѣ, мудрый архипастырь не уступалъ; споръ длился шесть недѣль. Наконецъ, еп. Филаретъ сказалъ: «Если ты не согласишься, буду судиться съ тобою на страшномъ судѣ Господнемъ». Только тогда умолкъ о. Моисей и 22 декабря 1822 г. рукоположенъ въ іеромонахи и опредѣленъ духовникомъ Оптиной.

Между тѣмъ, о. Моисей продолжалъ устраивать скитъ, сажалъ и сѣялъ тѣ деревья, которыя теперь такою красотой осѣняютъ мѣсто Оптинскаго скита. Богъ посылалъ и пособія; но значительные расходы на постройки и долги потребовали въ 1825 г. поѣздки о. Моисея за подаяніемъ въ Москву, гдѣ онъ получилъ извѣстіе объ избраніи его въ настоятели.

III. Труды настоятельства.

43 лѣтъ отъ роду принялъ о. Моисей въ свое завѣдываніе Оптину пустынь и 37 лѣтъ пекся о ней. За это время, трудами настоятеля, Оптина совершенно преобразилась. Число братства увеличилось во много разъ, были сдѣланы, несмотря на то, большіе хозяйственные запасы,

почти удвоена монастырская земля, разведены фруктовые сады, заведенъ рогатый скотъ, устроена обширная монастырская библіотека, расширенъ соборъ, воздвигнуты двѣ церкви, выстроены трапеза, гостиницы, конный и скотный дворы, семь корпусовъ келлій, два завода, мельница и знаменитая бѣлая Оптинская ограда; служба стала совершаться благолѣпно, но, что всего важнѣе, возвысился нравственный строй обители.

Всѣ эти громадныя постройки были производимы безъ денегъ, на вѣру — и столько же для обители, сколько на помощь бѣднымъ, для заработковъ.

Оптинскій архимандритъ Моисей.

«Есть ли у васъ, батюшка, деньги? — спрашивали приближенные при началѣ стройки.—Есть, есть—и покажетъ 15, 20 рублей.—Да вѣдь это не деньги — дѣло тысячное». А о. Моисей улыбнется и скажетъ: «А про Бога забылъ: у меня нѣтъ, такъ у Него есть». И вѣра эта не была посрамлена. Очень часто бывало, что рабочіе просили уплаты, когда у настоятеля было всего нѣсколько мѣдныхъ монетъ; онъ просилъ обождать, и чрезъ день-два по почтѣ приходили деньги. Когда же и этого не было, онъ занималъ и при первомъ случаѣ возвращалъ все сполна.

Каменныя гостиницы, для которыхъ иногда срывали гору и возили землю въ озера, и обширная ограда строились въ голодный годъ, когда пудъ муки продавали по 5 руб. асс. Хлѣба и у братіи было мало; монастырь былъ набитъ голоднымъ людомъ изъ окрестностей, и въ это

самое время о. Моисей велъ постройки и кормилъ народъ. Народная бѣда прошла глубоко къ его сердцу. Однажды, когда его стали уговаривать оставить стройку въ такихъ тяжкихъ обстоятельствахъ, отъ глубокаго волненія отверзлись его всегда молчаливыя уста, и, обливаясь слезами онъ отвѣтилъ: «Эхъ братъ, на что же мы образъ-то ангельскій носимъ? Для чего-же Христосъ Спаситель нашъ душу Свою за насъ положилъ? Зачѣмъ же Онъ слова любви проповѣдалъ намъ? Для того ли, чтобъ мы великое Его слово о любви къ ближнимъ повторяли только устами? Что же народу-то съ голоду что-ли умирать? Вѣдь онъ во имя Христово проситъ... Будемъ же дѣлать, дондеже Господь не закрылъ еще для насъ щедрую руку Свою. Онъ не для того посылаетъ намъ Свои дары, чтобъ мы ихъ прятали подъ спудъ, а чтобъ возвращали въ такую тяжелую годину тому же народу, отъ котораго мы ихъ получаемъ».

Вообще нищелюбіе о. Моисея, не знало предѣловъ. Онъ покупалъ иногда за высшую, чѣмъ просили, цѣну вовсе ненужныя вещи только, для того, чтобъ помочь нуждающемуся продавцу, покупалъ гнилые припасы, самъ и употребляя ихъ въ пищу, держалъ на жалованьи сиротъ, однихъ для отпугиванія воронъ, другихъ для ловли кротовъ.

При отцѣ Моисеѣ образовался значительный пріѣздъ богомольцевъ въ Оптину. Всѣ они встрѣчали самый заботливый пріемъ. Архимандритъ самъ обходилъ гостиницы, былъ радушенъ и у себя въ келліи. Онъ имѣлъ способность говорить со всякимъ согласно его пониманію и развитію.

Когда кто просилъ чего-нибудь изъ обители «на благословеніе», о. Моисей отдавалъ лучшее и иногда послѣднее.

Въ гостиницѣ не было установлено (какъ ведется и понынѣ) платы, но всякому предлагалось класть въ кружку по усердію. Одинъ богатый купецъ спросилъ настоятеля, не боится ли онъ, что всѣ не будутъ платить, а жить даромъ?

— Не заплатятъ 99 — Богъ пошлетъ сотаго, который за всѣхъ заплатитъ,—сказалъ о. Моисей.

Купецъ послѣ того сталъ благодѣтелемъ Оптиной.

Значительнымъ пожертвованіямъ о. Моисей не дивился. Одно семейство, много дававшее Оптиной, пришло жаловаться за что-то на гостиника и упомянуло о своихъ благодѣяніяхъ.

— Мы думали, — отвѣчалъ о. Моисей, — что вы благотворили ради Бога и отъ Него ждете награды, а мы, убогіе и неисправные, чѣмъ воздадимъ?

Но не сухостью сердечною отвѣчалъ о. Моисей на благотвореніе искреннее, а горячими молитвами.

При пріемѣ въ пустынь о. Моисей не требовалъ денежнаго вклада; онъ любилъ принимать и хилыхъ, больныхъ, слѣпыхъ, которые ничѣмъ не могли воздать обители.

Въ отношеніи братіи о. Моисей держалъ себя необыкновенно мудро. По природѣ горячій, онъ совершенно передѣлалъ себя и пріобрѣлъ замѣчательную кротость. Если же находилъ на него гнѣвъ, онъ торопился уйти, смирялъ себя молитвою и возвращался успокоенный. Не любя выказывать власть, онъ однако не упускалъ ее изъ своихъ рукъ и держалъ крѣпко монастырь.

При чрезвычайной дѣятельности о. Моисея, въ немъ не было никакой суетливости; все, казалось, шло само по себѣ, невидимо руководимое одною волею. Мелочными подробностями при назначеніи послушаній о. Моисей не стѣснялъ; къ неудачамъ другихъ относился съ совершеннымъ спокойствіемъ и покрывалъ ихъ любовью.

Все замѣчая, о. Моисей часто отлагалъ вразумленіе на долгое время и потомъ напоминалъ о проступкѣ; такое вразумленіе дѣйствовало сильно. Прежде чѣмъ наставлять монаха, о. Моисей молился за него и всегда вглядывался, спокоенъ ли тотъ, съ кѣмъ онъ долженъ говорить.

Помня твердо слово Златоуста: «О исправленіи того только должно сомнѣваться, кто въ адѣ находится съ бѣсами», о. Моисей имѣлъ необоримое довѣріе къ совѣсти

человѣческой. Одного печника, много разъ обманывавшаго о. Моисея и много разъ имъ прощеннаго, экономъ хотѣлъ прогнать. Печникъ обѣщалъ исправиться; у него не было и рубашки на тѣлѣ, а только кафтанъ, и о. Моисей жалѣлъ его.

— Когда-же онъ исправится, батюшка, уговаривалъ экономъ, — онъ извѣстный негодяй!

— Какъ, — отвѣтилъ о. Моисей, — человѣкъ хочетъ исправиться, а ты говоришь, что онъ негодяй! Самъ ты негодяй, ступай!

Крутыхъ, строгихъ мѣръ о. Моисей не употреблялъ и говорилъ, что нужно подождать, пока Господь коснется сердца человѣка. Вообще же о. Моисей приноравливался къ характеру и духовной степени каждаго.

Получивъ въ жизни великую пользу отъ чтенія духовныхъ книгъ, о. Моисей любилъ пріобрѣтать ихъ. Изъ Калуги онъ много привозилъ ихъ, выписывалъ духовные журналы. Прочтя книги, онъ отдавалъ ихъ въ монастырскую библіотеку.

При о. Моисеѣ Оптина пустынь, подъ непосредственнымъ руководствомъ старца о. Макарія, издала 16 духовно-аскетическихъ книгъ древнихъ подвижниковъ. Эти книги о. Моисей цѣлыми тюками разсылалъ безплатно въ разныя стороны.

Всюду иша пользы духовной, онъ говорилъ: «Наше дѣло сѣять; Богъ дастъ, когда-нибудь будутъ и плоды».

Посылая за сборомъ на обитель, о. Моисей заповѣдывалъ монахамъ, входя въ домъ, читать «Отче нашъ» для смягченія сердецъ; при переправахъ черезъ рѣки совѣтывалъ призывать на помощь св. Николая Чудотворца.

Такъ, вникая во всѣ многоразличныя отрасли монастырской жизни, совершалъ о. Моисей свое служеніе; но главная его заслуга состоитъ въ поддержаніи въ Оптиной старчества.

Съ любовію принявъ въ Оптину старцевъ Леонида и Макарія, онъ и самъ преклонилъ предъ ними свою волю,

никого безъ ихъ совѣта не опредѣлялъ и не постригалъ, совѣтовался съ ними во многомъ. Обладая самъ въ высокой степени даромъ разсужденія, о. Моисей, зная, что руководитель въ духовной жизни долженъ быть одинъ, на всю жизнь воздержался отъ руководства братіи словомъ, касаясь ея лишь по внѣшнимъ дѣламъ послушанія. Мало того, онъ ото всѣхъ и постороннихъ скрывалъ свои старческія дарованія. И многіе, слыша его общеназидательный разговоръ, не знали, какой высокой духовности передъ ними мужъ. Только однажды, въ присутствіи о. Макарія, пришлось о. Моисею сдѣлать наставленіе. Исполненная силы рѣчь такъ и лилась изъ его устъ, и всѣ изумлялись не столько рѣчамъ его, сколько постоянному его молчанію при такихъ дарованіяхъ. Такимъ образомъ, столь много потрудившись для духовнаго преуспѣянія Оптиной, о. Моисей сумѣлъ казаться большинству простымъ и добрымъ инокомъ, способнымъ заботиться лишь о внѣшнихъ нуждахъ обители, и утаилъ то высокое духовное разумѣніе, какое стяжалъ подвижническою своею жизнью.

Въ довершеніе перечня подвиговъ, понесенныхъ о. Моисеемъ за время настоятельства, слѣдуетъ сказать, что онъ вынесъ одно ничѣмъ не заслуженное, тяжкое, соединенное съ великими скорбями и многолѣтнее гоненіе, и терпѣлъ его съ неистощимымъ смиреніемъ. Столь-же тягостно для отца Моисея было гоненіе на столь дорогое ему старчество, гоненіе, прекратившееся, повидимому, заступничествомъ митрополита кіевскаго Филарета.

IV. Келейная жизнь о. Моисея. Кончина.

Келейная жизнь о. Моисея была постояннымъ понужденіемъ себя.

Спалъ онъ мало, не раздѣваясь и вставая едва-ли не въ полночь. Къ утрени ходилъ неопустительно, говоря, что за литургіею приносится за насъ безкровная жертва, а въ утреню мы сами приносимъ въ жертву свой покой, — также къ обѣднѣ и вечернѣ.

У службы стоялъ прямо, не облокачиваясь, и погружался иногда въ такую молитву, что не замѣчалъ ничего вокругъ. Также иногда, ходя, былъ такъ углубленъ въ себя, что не видѣлъ и не слышалъ подходившихъ къ нему, и слезы, орошавшія его лицо, выказывали его настроеніе. Молитва, которую постоянно творилъ онъ, поддерживала его—ею онъ, горячій нравомъ, стяжалъ кротость.

Всякую свободную минуту о. Моисей посвящалъ чтенію, и, когда его отрывали отъ книги, замѣчалъ, гдѣ остановился, чтобъ, исполнивъ дѣло, вернуться вновь къ чтенію. Въ трапезу о. Моисей ходилъ постоянно, и бралъ пищи понемногу. Дома-же ѣлъ самое простое, и часто, для смиренія себя, испорченное.

Непрестаннымъ наблюденіемъ за собою, о. Моисей пріобрѣлъ кротость и молчаніе, и въ минуту тревоги углублялся во внутреннюю молитву.

Однажды въ Оптиной случился весьма убыточный пожаръ въ гостиницѣ. О. Моисей, зная, что всѣ мѣры приняты, смотрѣлъ спокойно на огонь, который былъ потушенъ, когда противъ него стали съ Казанскою иконою. Всегда молчаливый, особенно скрытенъ былъ о. Моисей, если кто пытался разспрашивать о его жизни и внутреннемъ его дѣланіи. Тутъ ничего нельзя было отъ него узнать. Когда кто говорилъ о. Моисею о его заслугахъ, онъ недовѣрчиво улыбался. Однажды посѣтилъ Оптину одинъ архіерей—и, осмотрѣвъ скитъ, спросилъ о. Моисея, кто это устроилъ. О. Моисей уклончиво отвѣтилъ, что это устроилось постепенно на здѣшнемъ мѣстѣ.

— Я и самъ вижу, что на здѣшнемъ, но кто именно построилъ?

— Настоятель съ братіею.

— Говорятъ, что вы все это устроили.

— Я тоже при этомъ находился...

Послѣ такихъ отвѣтовъ гость уже болѣе не допытывался.

Говорилъ о. Моисей медленно, взвѣшивая каждое

слово, и, слушая другихъ творилъ молитву Іисусову, перебирая четки.

Одѣвался о. Моисей въ простую, но чистую, по званію, одежду. Подвиги поста и благотворенія прикрывалъ иногда шутливымъ словомъ. Одинъ торговецъ упросилъ о. Моисея купить боченокъ сельдей, которыя, по его словамъ, были прежде вкусныя и сорта хорошаго, да отъ жары испортились. Келейникъ нашелъ, что селедки вовсе не годятся и что ихъ дѣвать некуда.

— А ему-то, подумай, куда ихъ дѣвать, у насъ всѣ разойдутся, и велѣлъ подавать себѣ къ ужину по одной селедкѣ, съ хрѣномъ — и всѣ ихъ съѣлъ. Также иногда дѣлалъ вразумленіе въ видѣ шутки.

О. Моисей желалъ какъ-то купить для монастыря яблокъ сорта «добрый крестьянинъ». Одинъ мужикъ привезъ ему много антоновки, и, когда архимандритъ спросилъ про сортъ, отвѣчалъ.

— Добрый крестьянинъ, батюшка, добрый крестьянинъ!

— Добрый-то, добрый, да не Антономъ-ли его звали?— сказалъ о. Моисей.

Великую нестяжательность, поражавшую въ о. Моисеѣ, развилъ онъ въ себѣ смолоду. «Когда я былъ въ Саровѣ— промолвился онъ однажды — присматривался я къ тому, какъ кто живетъ и что имѣетъ, и сказалъ себѣ: умру съ голоду, но никогда въ жизни ничего не буду имѣть. Вотъ, и хожу всю жизнь съ сумою». Какъ говорилъ келейникъ о. Моисея, онъ былъ «большой гонитель на деньги», а богатъ былъ, какъ самъ выражался, только нищетою.

Когда, по кончинѣ о. Моисея, открыли ящикъ, гдѣ онъ держалъ деньги, нашли одинъ гривенникъ, застрявшій между дномъ и стѣнкою.

— Вѣрно батюшка не замѣтилъ его—сказалъ его братъ, о. Антоній,—а то онъ-бы непремѣнно и его истратилъ.

Въ 1856 году игуменъ Исаія пріѣхалъ въ Оптину повидаться съ братьями Моисеемъ, — котораго не видалъ

38 лѣтъ, и Антоніемъ. (О. Антоній изъ Оптиной былъ взятъ въ настоятели Малоярославецкаго монастыря, и потомъ водворился въ Оптиной на покоѣ). Въ день коронаціи три брата служили литургію и молебенъ, представляя великій и трогательный примѣръ.

Въ 1860 г. о. Моисей былъ утѣшенъ Высочайшимъ дарованіемъ пустыни 108 дес. лѣса, весьма ей нужнаго. Хотя на обители былъ еще долгъ въ 17 тыс. р., о. Моисей успокаивалъ себя тѣмъ, что принялъ ее съ большимъ долгомъ, а теперь много запасовъ, и тѣмъ, что Господь силенъ пополнить эту нужду, что вскорѣ по кончинѣ о. Моисея и случилось.

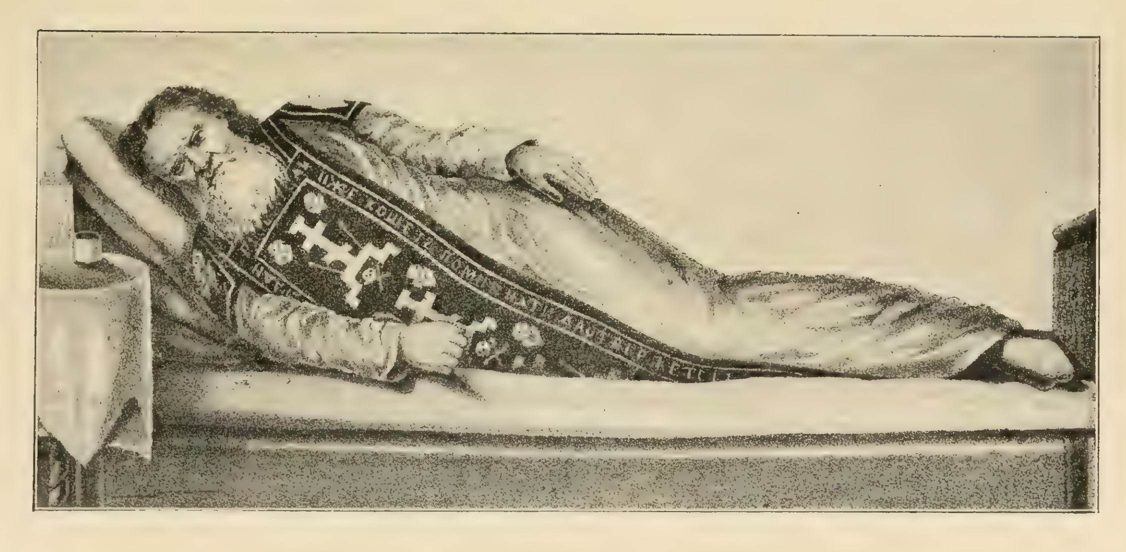
Ряды сверстниковъ о. Моисея рѣдѣли и рѣдѣли. Въ 1860 году преставился о. Макарій, на 6 лѣтъ его младшій; о. Моисею шелъ восьмой десятокъ къ концу.

И въ этомъ преклонномъ возрастѣ, подавая примѣръ понужденія, о. Моисей отказался отъ чая по утрамъ, и сталъ еще больше заботиться о строжайшемъ исполненіи устава. Въ то же время, дойдя до глубины смиренія, онъ говорилъ: «теперь дозналъ я, что, дѣйствительно, я хуже всѣхъ».

15 мая 1868 г., на 81 году, о. Моисей заболѣлъ карбункуломъ на спинѣ, и уже больной ѣздилъ въ Калугу. Здѣсь тяжкую скорбь причинилъ ему доносъ на него нѣкоторыми изъ братій. 26-го о. Моисей пришелъ въ устроенную имъ оптинскую библіотеку, и молча, какъ бы прощаясь, осмотрѣлъ ее. Вскорѣ къ первой болѣзни присоединилась водяная. О. Моисея пріобщали всякій день; онъ много страдалъ, но иногда, перемогаясь, подымался, чтобъ заняться монастырскими дѣлами. Лежа, онъ говорилъ вслухъ о пользѣ старчества, благословляя приходившихъ прощаться съ нимъ иноковъ; и въ болѣзни понуждалъ себя и уклонялся отъ услугъ.

6 іюня о. Моисей, сохраняя свое имя, постригся въ схиму, при чемъ видъ его былъ чрезвычайно благолѣпенъ.

Между тѣмъ, при слухѣ объ опасномъ недугѣ о. Мои-



Архимандритъ Моисей на смертномъ одрѣ.

сея, со всѣхъ сторонъ стали пріѣзжать, чтобъ проститься съ нимъ, и больной одѣлялъ всѣхъ образками; ихъ роздано было до 4,000. 14-го о. Моисей приказалъ вынести изъ комнаты всѣ вещи и помѣстить предъ собою икону Св. Тихона Задонскаго, стоявшую предъ нимъ до кончины, послѣдовавшей въ день тезоименитства этого святителя. 15-го по движенію руки умиравшаго старца было замѣчено, что онъ благословляетъ отсутствующихъ. Въ это самое время, какъ узнали изъ полученнаго впослѣдствіи письма, одно преданное старцу лицо въ Петербургѣ въ тонкомъ снѣ видѣло, какъ о. Моисей благословляетъ по-очередно членовъ его семейства.

16-го іюня, въ 10 часовъ утра, при чтеніи словъ евангелія отъ Матѳея: «пріити имать Сынъ Человѣческій... и тогда воздастъ комуждо по дѣламъ его» — о. Моисей тихо отошелъ.

О. Моисей погребенъ въ Казанскомъ храмѣ Оптиной пустыни. Съ нимъ рядомъ лежитъ его братъ, игуменъ Антоній. Надъ ихъ общей могилой устроено богатое мраморное надгробіе, иждивеніемъ г-жи Небольсиной, которой о. Моисей далъ первый совѣтъ о принятіи православія, и стараніемъ оптинскаго постриженника (нынѣ архіепископа Варшавскаго) Ювеналія Половцова, которому принадлежитъ прекрасный трудъ жизнеописанія о. Моисея, послужившій руководствомъ при составленіи настоящаго очерка.

Оптинскій старецъ Леонидъ.

1. Молодость и монашество.

Отецъ Леонидъ, въ міру Левъ Даниловичъ Наголкинъ, родился 1768 года въ г. Карачевѣ, Орловской губ., отъ простыхъ гражданъ; въ молодости, по должности приказчика, объѣздилъ почти всю Россію, пріобрѣтя тѣмъ большое знаніе людей и житейскую опытность. 29 лѣтъ отъ роду онъ поступилъ въ Оптину пустынь, чрезъ два года

перешелъ въ Бѣлые Берега (Орл. губ.), гдѣ и постриженъ въ иночество настоятелемъ, старцемъ строгой жизни, бывшемъ на Аѳонѣ, Василіемъ Кишкинымъ; вскорѣ за постриженіемъ рукоположенъ въ іеромонахи. Въ монастырѣ о. Леонидъ обращалъ на себя вниманіе ревностью и постоянными трудами. Однажды клиросные, недовольные настоятелемъ, пригрозили ему, что не будутъ пѣть всенощную. Настоятель велѣлъ пѣть о. Леониду, съ другимъ монахомъ. О. Леонидъ только что вернулся съ луговъ, гдѣ возилъ сѣно—и, пыльный, усталый, собирался ужинать; по слову настоятеля, онъ все бросилъ, и, какъ былъ, пошелъ исполнять его волю.

Удалившись на время въ Чолнскій монастырь, о. Леонидъ вошелъ въ близкое духовное общеніе со схимонахомъ Ѳеодоромъ, ученикомъ старца Паисія Величковскаго, архимандрита Молдо-Влахійскихъ монастырей, возстановителя старческаго руководства иноковъ.

Въ 1804 г. о. Леонидъ былъ опредѣленъ настоятелемъ Бѣло-Бережской пустыни. Когда братія избрала его, онъ на квасоварнѣ, въ фартукѣ, былъ занятъ изготовленіемъ для братіи кваса, и прямо оттуда повезли его къ архіерею.

Въ 1805 г. о. Ѳеодоръ переселился въ Бѣлые Берега, и подъ его руководствомъ много преуспѣлъ о. Леонидъ. Въ это же время былъ о. Леонидъ въ общеніи съ инспекторомъ Орловской духовной семинаріи, игуменомъ Филаретомъ (впослѣдствіи митрополитъ Кіевскій).

Въ 1808 г. о. Леонидъ сложилъ съ себя званіе настоятеля — и чрезъ три года, ища уединенія и безмолвія, послѣдовалъ за о. Ѳеодоромъ въ скитъ Валаамскаго монастыря.

Около шести лѣтъ прожили здѣсь подвижники, и своею мудростью и смиреніемъ привлекли къ себѣ многихъ братій, которые стали обращаться къ нимъ за духовнымъ руководствомъ. Одинъ изъ валаамскихъ подвижниковъ, недоумѣвая, какъ, среди постоянныхъ бесѣдъ, старцы сохраняютъ несмущенность и сосредоточенность, спросилъ ихъ о томъ.—«Экій ты, братецъ, чудакъ, отвѣчалъ старецъ, да я

изъ любви къ ближнему два дня пробесѣдую съ нимъ на пользу душевную, и пребуду несмущеннымъ».

За иноками стали искать совѣтовъ старцы и міряне.

Настоятель Валаамскій, видя себя какъ бы оставленнымъ своими учениками и умаленнымъ въ своей чести, пожаловался митрополиту Петербургскому на пришельцевъ, возмутившихъ миръ обители и введшихъ новшества. Но произведенное слѣдствіе и заступничество архимандритовъ Филарета (впослѣдствіи митрополитъ Московскій) и Иннокентія (еп. Пензенскаго) показали истинную суть дѣла. Тѣмъ не менѣе, въ 1817 г., о. Леонидъ и о. Ѳеодоръ рѣшили покинуть Валаамъ и водворились въ Александро-Свирскомъ монастырѣ. Здѣсь въ 1822 г. послѣдовала блаженная кончина о. Ѳеодора. Послѣ кончины наставника своего, о. Леонидъ задумалъ искать уединеннаго мѣста, чтобы поселиться тамъ со своими учениками. Когда это стало извѣстно, ему было сдѣлано нѣсколько предложеній, и онъ остановился на новоустроенномъ о. Моисеемъ скитѣ при Оптиной пустынѣ, въ которой положилъ начало монашеству. «Того желала,—какъ говорилъ старецъ,—монахолюбивая душа нашего прежняго любителя и благодѣтеля преосв. Филарета» (Калужскаго, впослѣдствіи Кіевскаго).

Въ продолженіе пяти лѣтъ Свирская обитель не отпускала о. Леонида, и, наконецъ, получивъ увольненіе изъ нея и проведя полъ-года въ Площанской пустыни, въ единеніи съ о. Макаріемъ (Ивановымъ), которому было суждено раздѣлить труды о. Леонида по насажденію старчества, о. Леонидъ въ апрѣлѣ 1829 г. прибылъ съ 6 учениками въ Оптину. На пасѣкѣ близъ скита ему отвели келлію, и размѣстили его учениковъ. Съ прибытіемъ о. Леонида возникло въ Оптиной старчество.

Скрытно отъ людей осталось духовное воспитаніе о. Леонида. О его внутренней жизни мало сохранилось извѣстій. Можно сказать только, что высочайшая ревность никогда не покидала его, снѣдая его душу, и что онъ прошелъ полный путь послушанія своему старцу. Въ послѣд-

ній годъ жизни о. Ѳеодора, о. Леонидъ преуспѣлъ болѣе, чѣмъ во все предшествовавшее время, и изъ Свирскаго монастыря вышелъ во всеоружіи духовной силы. Можно предположить также, что о. Леонидъ былъ дѣлателемъ умной молитвы *). Одному ученику онъ сказалъ такъ: «Кого посѣтитъ Богъ тяжкимъ испытаніемъ, скорбью, *лишеніемъ возлюбленнаго изъ ближнихъ*, тотъ и невольно помолится всѣмъ сердцемъ и всѣмъ помышленіемъ своимъ, всѣмъ умомъ своимъ. Слѣдственно, источникъ молитвы у всякаго есть; но отверзается онъ или постояннымъ углубленіемъ въ себя, по ученію отцовъ, или мгновенно Божіимъ сверломъ».

2. Оптина и старчество.

Въ чемъ состоитъ старчество и значеніе его?

Дѣло спасенія души есть многотрудное дѣло. Непрестанная борьба съ собою, т. е. борьба духа съ зараженною первороднымъ грѣхомъ природою, и постоянное самонаблюденіе, необходимое для успѣшности этой борьбы, еще недостаточны. Нужно еще многое знаніе—знаніе человѣческой природы и ея отношенія ко внѣшнему міру, и той доли духовной пользы и вреда, какую можно извлечь изъ соприкосновенія съ этимъ міромъ, знаніе путей, которыми снискивается благодатная помощь. Нужно непрестанное руководительство, для поддержанія души въ ея дѣлѣ, для соблюденія, такъ сказать, равновѣсія ея, чтобы работа совершенствованія шла, не останавливаясь и послѣдовательно, а не обращалась въ духовные прыжки въ перемежку съ привычными паденіями, какъ-то часто бываетъ съ людьми, неимѣющими руководителя. Нужно лицо, узнавшее данную

*) Умная молитва есть великій плодъ постояннаго упражненія въ дѣланіи Іисусовой молитвы. Отъ напряженнаго, неотступнаго упражненія въ этой молитвѣ, при держаніи сердца вдали всякаго разсѣянія, она вселяется въ сердце и течетъ въ немъ сама, хотя и не творимая устами, при бодрственномъ и сонномъ состояніи человѣка, и даже во время внѣшнихъ дѣлъ его. Такъ исполняется слово евангелія «Непрестанно молитеся». Одного подвижника (о. Иліодора Глинскаго) незадолго до смерти спросили, дѣйствуетъ ли въ немъ молитва.—«Течетъ непрестанно»—отвѣчалъ онъ, проводя рукою отъ головы къ сердцу.

душу, ея расположенія, способности и грѣхи,—лицо, которое, умудренное духовною опытностью и разумѣніемъ, вело бы эту душу, ободряя ее въ дни лѣности и унынія, обуздывая въ дни неумѣренныхъ восторговъ, смиряя въ гордости, предусматривая опасности, врачуя покаяніемъ во грѣхѣ.

Спокоенъ и вѣренъ путь человѣка, подчинившаго себя такому руководству, потому что тѣмъ исполняетъ онъ двѣ великія добродѣтели—послушанія и смиренія. То откровеніе помысловъ, которое является непремѣннымъ условіемъ отношеній къ старцу, есть могущественное орудіе совершенствованія, страшное для враговъ нашего спасенія. Помыслъ не открытый тревожитъ и смущаетъ душу; исповѣданный — отпадаетъ и не вредитъ ей.

Вотъ какъ говоритъ о такомъ руководствѣ преп. Іоаннъ Лѣствичникъ: «Якоже корабль, имѣющій искуснаго кормчаго, благополучно, Божіимъ содѣйствіемъ, входитъ въ пристанище; тако и душа, имущая добраго пастыря, удобно на небо восходитъ, хотя бы прежде и много зла содѣлала. Какъ идущій по неизвѣстному пути безъ путеводителя удобно на ономъ заблуждаетъ хотя бы былъ и весьма разуменъ, такъ и путь монашества самовластно проходящій, удобно погибаетъ, хотя бы и всю міра сего премудрость зналъ».

«Молитвами и слезами, говоритъ одинъ учитель благочестія, умоли Бога показать тебѣ человѣка, который бы могъ хорошо упасти тебя».

«Невозможно впасть въ бѣсовскую прелесть тому, кто живетъ не по своему хотѣнію и разумѣнію, а по наставленію старцевъ. Не можетъ лукавый врагъ посмѣяться надъ неопытностью того, кто не привыкъ, по причинѣ ложнаго стыда, скрывать всѣ возникающія въ сердцѣ его помышленія».

Таково значеніе старца, великое для міряиъ, еще болѣе обширное въ жизни иноковъ. Значеніе это духовное; внѣшней власти управленія старецъ не имѣетъ, хотя ничего не

должно дѣлаться въ монастырѣ важнаго безъ его благословенія. Объ этомъ высокомъ положеніи старца, какъ общаго наставника и вдохновителя монастырской жизни, сохранились слѣдующія слова въ предсмертномъ завѣщаніи великаго учителя иноковъ, преп. Ѳеодора Студійскаго:

«Во-первыхъ, оставляю вамъ наставникомъ господина и отца моего и отца вашего, преподобнѣйшаго затворника, и отца, и свѣтило, и учителя. Ибо онъ *о Господѣ выше и меня и васъ, и онъ наша глава, хотя и подчинилъ себя, живя безмолвно* въ христоподражательномъ смиреніи; его наставленіями и молитвами, вѣрою, спасетесь, если только окажете ему должную благопокорливость и послушаніе».— Далѣе преп. Ѳеодоръ Студитъ говоритъ о выборѣ настоятеля.

Вотъ этотъ духъ старчества и принесъ въ Оптину о. Леонидъ, и крѣпко его въ ней утвердилъ.

Это было вновь обрѣтенное и внесенное въ Россію сокровище, такъ какъ, извѣстное встарь въ Египетскихъ и Палестинскихъ киновіяхъ, на Аѳонѣ и въ Россіи, въ послѣдніе вѣка старчество было вовсе забыто, но открыто въ аскетическихъ твореніяхъ старцемъ Паисіемъ Величковскимъ, который, переведя на славянскій языкъ ученіе объ отношеніи къ старцамъ, ввелъ его въ молдавскихъ монастыряхъ, откуда принесено оно ученикомъ о. Паисія, Ѳеодоромъ, въ Россію и передано о. Леониду.

Со времени водворенія о. Леонида въ Оптиной, измѣнился въ ней строй иноческой жизни. Вся братія стекалась въ келлію старца съ душевными откровеніями своими, и чудную картину представлялъ старецъ, въ бѣлой одеждѣ, въ короткой мантіи, окруженный стоявшими на колѣняхъ учениками. Особое воодушевленіе стало видно въ инокахъ, и, замѣчая благотворное вліяніе на нихъ старца, міряне вслѣдъ за ними пошли къ о. Леониду, съ недоумѣніями и скорбями своими. Расти стала слава обители, и подвижники благочестія стали посылать въ Оптину людей, искавшихъ надежнаго пути спасенія.

Въ 1834 году прибылъ въ Оптину іеромонахъ Макарій Ивановъ, и, пребывая послушнымъ о. Леониду, сталъ въ то же время сотрудникомъ его. Дѣлили они труды свои, покорствовали и смирялись другъ предъ другомъ, вмѣстѣ подписывались на письмахъ, а въ послѣднія пять лѣтъ жизни о. Леонида были какъ бы одинъ духъ въ двухъ тѣлахъ, передавая другъ другу обстоятельства духовныхъ чадъ своихъ и вмѣстѣ иногда выслушивая откровенія ихъ. Такъ что, когда не стало о. Леонида, осталась живою другая половина его — о. Макарій.

Вліяніе старчества, черезъ Оптину, распространилось еще на двѣ обители Калужской епархіи и на нѣсколько женскихъ монастырей.

Какъ труженику на такой святой нивѣ, тяжкое гоненіе пришлось претерпѣть о. Леониду за старчество. Нѣкоторые непонятливые монахи смущались невиданнымъ новшествомъ, считали его за ересь, смѣшивали откровеніе помысловъ съ таинствомъ исповѣди. На о. Леонида былъ посланъ къ архіерею доносъ. Опасаясь непріятностей, архіерей приказалъ перевести о. Леонида съ пасѣки скитской въ монастырь, и воспретить къ нему входъ мірянъ. Смиренно подчинился старецъ этому распоряженію—и, какъ онъ дѣлалъ и послѣ, въ неоднократныхъ принудительныхъ перемѣщеніяхъ, взялъ на руки келейную свою икону Богоматери, Владимірскую, запѣлъ «Достойно есть яко воистину»,— и пошелъ въ новую келлію, и, пока ученики переносили келейныя вещи, онъ уже сидѣлъ на новомъ мѣстѣ, спокойно занимаясь рукодѣліемъ своимъ—плетеніемъ поясковъ.

Между тѣмъ, настоятель о. Моисей былъ поставленъ въ очень трудное положеніе между повелѣніемъ начальства и сочувствіемъ тѣмъ многимъ скорбящимъ, которые были лишены духовнаго утѣшенія. Нѣкоторые столь настоятельно просили свиданія со старцемъ, что отказать имъ не было возможности; но, разъ принявъ одного, — случалось, съ разрѣшенія самого архіерея, — о. Леонидъ считалъ себя не въ правѣ отказывать другимъ.

Старецъ Леонидъ Оптинскій.

Но доносы не прекращались. Вмѣстѣ съ подтвержденіемъ запрещенія принимать посѣтителей, о. Леониду велѣно было архіереемъ снять схиму, такъ какъ онъ былъ постриженъ въ нее келейно, безъ консисторскаго указа.

Однажды о. Моисей, идя по монастырю, увидалъ огромную толпу народа предъ келліею старца и замѣтилъ ему о запрещеніи архіерея. Вмѣсто отвѣта о. Леонидъ приказалъ келейникамъ принести недвижимаго калѣку, лежавшаго у его дверей. «Посмотрите на него — онъ живой въ аду, — сказалъ старецъ,—но ему можно помочь. Господь привелъ его ко мнѣ для искренняго раскаянія, чтобъ я его обличилъ и наставилъ. — Что вы скажете? Могу я его не принять?»

Игуменъ содрогнулся, смотря на несчастнаго, но молвилъ: «Преосвященный грозилъ послать васъ подъ началъ».

— Ну такъ чтожъ? Хоть въ Сибирь меня пошлите, хоть костеръ разведите, хоть на огонь поставьте — я буду все тотъ же Леонидъ. Я къ себѣ никого не зову, а кто приходитъ ко мнѣ, тѣхъ гнать отъ себя не могу. Особенно въ простонародіи многіе погибаютъ отъ неразумія и нуждаются въ духовной помощи. Какъ могу презрѣть ихъ вопіющія душевныя нужды?

Гоненіе на о. Леонида улеглось, когда Оптину, въ 1837 г., проѣздомъ въ Кіевъ, въ сопровожденіи Калужскаго архіерея, посѣтилъ Филаретъ, митр. Кіевскій, давно знавшій о. Леонида. Между прочимъ, архипастырь сказалъ ему при архіереѣ: «Почему-жъ ты не въ схимѣ?» Старецъ молчалъ. — «Ты схимникъ, и долженъ носить схиму».

Съ этого дня, до кончины, старецъ началъ снова носить схимническій великій параманъ.

Много душевной тяготы принялъ за время гоненія о. Леонидъ, но остался твердъ.

Проживавшій въ Оптиной помѣщикъ Желябужскій, при переводѣ старца въ монастырь, выстроилъ для него келлію. Но и это жилище изгнанника не было послѣднимъ. Въ 1839 г. было воздвигнуто гоненіе на Бѣлевскихъ (женскаго

монастыря) учениц о. Леонида, отразившееся и на немъ. Старца велѣно было перевести въ другую келлію, подальше отъ воротъ, и запрещенъ пріемъ посѣтителей; данъ ему приказъ, не взирая на болѣзнь ежедневно ходить въ церковь. Народъ ждалъ этихъ выходовъ, падалъ на землю, цѣловалъ края одежды его, выражалъ жалость къ нему. Малое разстояніе до храма о. Леонидъ, обуреваемый народомъ, шелъ не менѣе получаса. Въ церкви, близъ старца, собиралась толпа.

Разнеслись слухи, что о. Леонида сошлютъ въ Соловки или въ больницу Боровскаго монастыря, подъ надзоръ. Ученики, въ ужасѣ разлуки со старцемъ своимъ, рѣшили написать Сергіевскому настоятелю о. Игнатію Брянчанинову, чтобъ онъ сыскалъ старцу защиту у членовъ Сѵнода. Долго отказывался старецъ, но, наконецъ, по неотступнымъ просьбамъ, подписался, не читая, подъ письмомъ, составленнымъ о. Макаріемъ. Митрополитъ Филаретъ московскій, бывшій въ то время въ Петербургѣ, по просьбѣ о. Игнатія написалъ калужскому архіерею, и слухи о заточеніи замолкли. Письмами же обоихъ Филаретовъ къ тульскому преосвященному были оправданы и вновь приняты изгнанныя Бѣлевскія ученицы старца. Впослѣдствіи эти изгнанницы были игуменьями.

Такъ перенесъ старецъ гоненія, не прерывая сношеній съ народомъ и монашествующими, по близости съ Оптинскимъ скитомъ.

Въ монастырѣ о. Леонидъ, какъ и въ скиту, никому не отказывалъ; особенно же прилежалъ простому народу, какъ имѣющему особую нужду въ помощи. Нѣкоторые, придя къ нему, только стонами могли выразить свою скорбь, а онъ такъ понималъ свою обязанность.

— Это бы ваше дѣло,—отвѣчалъ старецъ одному священнику, попрекнувшему его въ томъ, что засталъ его толкующимъ съ бабами,—а скажите, какъ вы ихъ исповѣдуете? Два, три слова спросите—вотъ и вся исповѣдь. Но вы бы вошли въ ихъ положеніе, разобрали бы, что у нихъ

15*

на душѣ, подали бы имъ полезный совѣтъ, утѣшили бы ихъ въ горѣ. Дѣлаете ли вы это? Конечно, вамъ некогда долго съ ними заниматься. Ну, а если мы не будемъ ихъ принимать, куда-жъ онѣ, бѣдныя, пойдутъ со своимъ горемъ?

Потому и говорилъ о немъ народъ: «Онъ для насъ бѣдныхъ, неразумныхъ пуще отца родного. Мы безъ него, почитай, сироты круглыя».

3. Келейная жизнь. Кончина.

Совѣты о. Леонида имѣли огромный вѣсъ потому, что онъ соблюлъ самъ въ своей жизни то, чему училъ другихъ. Все же, что говорилъ, говорилъ не отъ себя, а подкрѣплялъ изреченіями св. Писанія или св. отцовъ.

Больше всего заботился о. Леонидъ о томъ, чтобъ приходящіе къ нему сознали грѣхи свои и страсти и положили исправиться. Уча соблюденію церковныхъ постовъ, старецъ не одобрялъ чрезмѣрныхъ самочинныхъ тѣлесныхъ подвиговъ, и со многихъ снималъ вериги. Чтобъ врачевать другихъ, о. Леонидъ прежде всего долженъ былъ уврачевать себя, и въ годы старчества онъ дѣйствительно являлъ въ себѣ великую мирность духа—никто не видалъ его нетерпѣливымъ, ропщущимъ, раздраженнымъ, унылымъ. Что и какъ говорить посѣтителямъ, о. Леонидъ о томъ не заботился и дѣйствовалъ по внушенію Божію.

Чтобъ не смущать духовною высотою своею приходящихъ къ нему, о. Леонидъ прикрывался шутливымъ обращеніемъ. Самая его рѣчь, состоя изъ словъ Писанія и выразительнаго мѣткаго народнаго нарѣчія, была особенная. Старецъ былъ неизмѣнно и безусловно прямодушенъ, представляя полную противоположность тѣмъ, о комъ сказано: «Умякнуша словеса ихъ паче елея, и та суть стрѣлы».

«Свой своего всегда найдетъ»,—говорилъ онъ,—т. е. всякій пойметъ нужное ему наставленіе, какъ бы оно ни было выражено. Не любилъ старецъ «ученаго штиля политику и душевнаго *) человѣчества художественное сообра-

*) Выраженіе „душевный“ противоположно выраженію „духовный“.

щеніе». «Ребята, за что купилъ, за то и продавай!» — наставлялъ онъ учениковъ.

Простота о. Леонида доходила иногда до полуюродства, и нѣкоторые не могли понять такихъ дѣйствій старцева смиренія, и осуждали его, какъ осуждали за тучность, происходившую отъ болѣзни. Но прозорливый старецъ исправлялъ такихъ людей, открывая имъ ихъ помыслы и напоминая имъ грѣхи, которые должны бы больше ихъ касаться, чѣмъ тучность о. Леонида.

Внѣшнихъ изъявленій привязанности о. Леонидъ не любилъ, называя ихъ «химерою». «Я былъ при о. Ѳеодорѣ безъ фанатизма, — говорилъ онъ, — мысленно же готовъ былъ кланяться ему въ ноги».

Внутренній миръ, успокоеніе сердечное и радость ощущались въ присутствіи старца; помыслы исчезали, горе утихало при видѣ его.

Жизнь о. Леонида была правильная. Спалъ онъ не болѣе трехъ часовъ въ сутки, если братія не отнимала у него и ночныхъ часовъ. Въ два часа ночи начиналось утреннее правило. Время положенныхъ молитвъ было единственнымъ свободнымъ временемъ старца. Послѣ вечерней трапезы ученики его собирались послушать у старца вечернихъ молитвъ, — двѣ главы Апостола и одну Евангелія. Пришедшіе съ лѣтнихъ работъ садились на полу.

Пріобщался старецъ черезъ двѣ недѣли въ скитской церкви; пищу принималъ дважды въ сутки; за трапезой велъ оживленную бесѣду. Рукодѣлія старецъ не покидалъ никогда. Принимая посѣтителей, плелъ пояски, которые и раздавалъ имъ на память, а въ скиту рубилъ послѣ обѣда дрова. Одѣвался старецъ крайне просто. Заботясь объ ученикахъ своихъ, жившихъ въ Тихоновой пустыни (верстъ 50 отъ Оптиной), старецъ ѣздилъ иногда туда недѣль на шесть.

Болѣя о ближнихъ, старецъ не отказывался отъ помощи имъ и въ тѣлесныхъ болѣзняхъ. Много раздавалъ онъ «горькой воды» (особый составъ), которая по кончинѣ его не имѣла уже той цѣлебной силы; помазывалъ елеемъ

отъ неугасимой лампады, теплившейся передъ келейной его иконою Владимірской Божіей Матери, посылая часто къ святителю Митрофану, и иногда больные возвращались къ старцу, получивъ исцѣленіе на пути.

Наружность о. Леонида была весьма замѣчательная. Прямой, какъ юноша, съ мѣрной, легкой и мужественной, несмотря на болѣзненную полноту его, походкой, хорошаго роста, онъ былъ чрезвычайно силенъ и поднималъ до 12 пудовъ. Его небольшіе сѣроватые глаза пронизывали человѣка. Лицо осѣнялось густыми волосами, которые подъ старость стали какъ-бы гривою, волнистою, желто-сѣдою. Вообще онъ имѣлъ поразительное сходство со львомъ. Сохранившіяся изображенія старца не достаточно точно передаютъ то спокойствіе и неустрашимость, которыя сіяли на лицѣ о. Леонида.

Всѣ человѣческія бѣды, которыхъ зрителемъ былъ о. Леонидъ, извлекали у него глубокіе вздохи, слезы и потрясали всю внутренность его. Тогда за облегченіемъ обращалъ онъ взоръ на ликъ Владычицы. Оставаясь же одинъ, до того углублялся въ молитву, что не слышалъ ничего, происходившаго вокругъ.

Въ 1841 году старецъ ясно сталъ говорить о концѣ своемъ. Въ началѣ сентября онъ сильно занемогъ, но 7-го и 13-го, поддерживаемый подъ руки, еще пѣлъ величаніе. 15-го онъ былъ особорованъ и прощался съ братіею, давая кому книгу, кому образъ. Съ 28-го онъ никакой пищи, кромѣ малыхъ частей воды, не принималъ и почти ежедневно пріобщался.

Съ 6 октября страданія усилились, и старецъ взывалъ: «О Вседержителю, о Искупителю, о Премилосердный Господи! Ты видишь мою болѣзнь; уже не могу болѣе терпѣть; пріими духъ мой въ мірѣ». Взывалъ и къ Пречистой Дѣвѣ, а приходящимъ говорилъ: «Помолитесь, чтобъ Господь сократилъ мои страданія!»

Въ 10 час. утра субботы, 11-го октября, о. Леонидъ началъ креститься, говоря: «Слава Богу!» потомъ сказалъ:

«Нынѣ со мною будетъ милость Божія!» Тогда, несмотря на тяжкія тѣлесныя страданія, онъ исполнился великой радости, и лицо его становилось все свѣтлѣе. Заблаговѣстили къ вечернѣ и старецъ благословилъ читать ее, но не дослушалъ.

— Батюшка,—сказалъ ему одинъ послушникъ,—прочее вы, вѣрно, будете править тамъ, въ Соборѣ св. отецъ?

Наступало празднованіе памяти св. Отцовъ седьмого вселенскаго собора, и наканунѣ этого дня отходилъ старецъ, какъ бы въ обличеніе тѣхъ, кто упрекалъ его въ еретичествѣ.

Въ 7 ч. 30 м., въ послѣдній разъ взглянувъ на икону Пресвятой Владычицы, о. Леонидъ закрылъ глаза и тихо испустилъ духъ. Ему было 72 года.

Тѣло его въ гробу не издавало никакого запаха, и согрѣло одежду и нижнюю доску гроба. Руки были какъ у живого, и особенной бѣлизны. Въ болѣзни же руки и ноги были холодныя. Многимъ говорилъ старецъ: «Если получу милость Божію, тѣло мое согрѣется и будетъ теплое».

Старецъ Леонидъ (въ схимѣ Левъ) покоится у восточной стѣны соборнаго Оптинскаго храма. Близъ него погребены преемники его, старцы Макарій и Амвросій.

Іеросхимонахъ Макарій, старецъ Оптиной пустыни.

I. Въ міру и пустыни.

Іеросхимонахъ Макарій, въ міру Михаилъ Макаровичъ Ивановъ, происходилъ изъ дворянъ Дмитровскаго уѣзда Орловской губ. и родился подъ Калугою, въ сельцѣ родителей, Желѣзняки (у Лаврентьева монастыря), 1788 года, 20 ноября. Прадѣдъ его былъ инокъ-подвижникъ, дѣдъ и бабка — благочестивые люди, таковы же были и родители его. Мирно прошло время дѣтства Михаила въ родномъ его сельцѣ, которое отличалось особою красотою расположенія; нѣсколько разъ въ день доносился до его дѣтскаго

слуха монастырскій благовѣстъ. Изъ дѣтскихъ воспоминаній своихъ о. Макарій разсказывалъ впослѣдствіи, какъ однажды, стоя съ родителями у обѣдни и увидѣвъ въ алтарѣ настоятеля, котораго онъ очень любилъ, онъ стремительно побѣжалъ къ нему, прямо черезъ царскія двери. Изъ четырехъ сыновей своихъ больше всего любила мать старшаго, Михаила, и говаривала: «Чувствуетъ мое сердце, что изъ этого ребенка выйдетъ что нибудь необыкновенное!» Мальчикъ былъ тихій, молчаливый и не отходилъ отъ матери. На девятомъ году Михаилъ потерялъ мать, и отецъ перевезъ семью сперва въ орловское имѣніе свое, а потомъ въ г. Карачевъ. Тутъ отдалъ онъ мальчиковъ въ городское приходское училище.

Окончивъ курсъ и поживъ съ годъ въ деревнѣ у тетки, гдѣ не переставалъ учиться, четырнадцатилѣтній Михаилъ поступилъ бухгалтеромъ въ Льговское уѣздное казначейство: его родной и двоюродный братья были у него помощниками. Трудную должность свою онъ исправлялъ такъ хорошо, что чрезъ три года былъ вызванъ въ казенную палату, въ Курскъ, и здѣсь тоже служилъ съ отличіемъ. Свободное время онъ посвящалъ игрѣ на скрипкѣ и чтенію.

Схоронивъ на восемнадцатомъ году отца, Михаилъ, выплативъ братьямъ наслѣдство деньгами, принялъ имѣніе отца и поселился въ деревнѣ, выйдя въ отставку съ чиномъ губернскаго секретаря.

Хозяйство у Михаила Николаевича, по крайней снисходительности его, пошло плохо, и самъ онъ очень скоро убѣдился въ неспособности своей къ этому дѣлу, но любилъ деревню, гдѣ могъ свободно заниматься музыкою и чтеніемъ. Родственники хотѣли женить его, но когда, предположенный ими бракъ разстроился, онъ сказалъ: «Слава Богу, я сдѣлалъ послушаніе братьямъ, но теперь меня никто ужъ не уговоритъ».

По нѣкоторымъ даннымъ можно заключить, что желаніе отдать свою жизнь Богу уже созрѣло въ немъ. Наку-

Старецъ Макарій Оптинскій.

пивъ на Коренной ярмаркѣ много книгъ, большею частію духовныхъ, онъ углубился въ нихъ, а для смиренія плоти до усталости работалъ за верстакомъ. Осенью 1810 г. онъ поѣхалъ на богомолье въ Богородицкую Площанскую пустынь, и оттуда написалъ домой, что остается въ пустыни, отъ имѣнія отказывается, обязывая только братьевъ, выдать тысячу руб. асс. на постройку каменнаго храма тамъ, гдѣ погребенъ былъ ихъ родитель.

Вѣроятно, въ пустынь привело юношу тайное влеченіе, и, увидѣвъ ее, возгорѣлся въ немъ божественный огонь.

По воспоминаніямъ родственниковъ, Михаилъ Николаевичъ съ дѣтства былъ набоженъ, нравственно чистъ, и кротокъ. Отъ дѣтскихъ игръ уклонялся, а любилъ чтеніе, клейку домиковъ или вырѣзываніе фигуръ. Съ дѣтства былъ онъ слабъ — худощавъ и страдалъ безсонницею. Многіе, по скромности его, называли его монахомъ.

Удаленная отъ всякаго жилья, окруженная со всѣхъ сторонъ лѣсами, Площанская пустынь вполнѣ располагаетъ къ иноческой жизни. Въ десятыхъ годахъ прошлаго столѣтія въ ней были иноки строгой жизни... Но преимущественное вниманіе было обращено на внѣшнее поведеніе, а не на внутреннее дѣланіе, и не было установлено правила откровенія помысловъ старцамъ, благодаря которому процвѣтаютъ Аѳонскіе скиты и нѣкоторыя русскія обители. Богатая угодіями, пустынь страдала недостаткомъ во всемъ, что покупается на деньги. Братія ходила въ многошвенныхъ рубищахъ и лаптяхъ, и исполняла всѣ черныя и полевыя работы. Съ полною ревностью принялся Михаилъ за эти труды, и, кромѣ того, изучилъ церковный порядокъ и уставъ и монашеское благочиніе.

Вскорѣ по вступленіи въ пустынь, молодой послушникъ постригся въ рясофоръ, съ именемъ Мельхиседека, и сталъ заниматься письмоводствомъ. Въ 1815 г. постриженъ въ мантію съ именемъ Макарія, рукоположенъ въ іеродіакона, и назначенъ ризничимъ.

Въ скоромъ времени въ Площанскую обитель пере-

шелъ схимонахъ Аѳанасій (Захаровъ), ученикъ старца Паисія, и съ нимъ о. Макарій вошелъ въ близкое общеніе. поселился у него въ келліи и служилъ ему до кончины.

Этотъ старецъ, бывшій въ міру гусарскимъ ротмистромъ и 30-ти лѣтъ вступившій въ обитель, подъ руководствомъ о. Паисія—достигъ высокой степени духовной жизни, и о. Макарій много попользовался его наставленіями. Подражая своему старцу, о Макарій дѣлалъ выписки изъ отеческихъ и церковныхъ учительныхъ книгъ. У о. Аѳанасія были писанія великихъ иноковъ, необходимыя для монашескаго воспитанія (впослѣдствіи они изданы Оптиною пустынью)—и ученикъ его съ жаждою читалъ и переписывалъ эти писанія. Въ 1817 г. о. Макарій рукположенъ въ іеромонахи.

Вскорѣ затѣмъ настоятелемъ въ Площанскую пустынь былъ назначенъ ученикъ старца Василія (Кишкина)—одного изъ ближайшихъ учениковъ о. Паисія—іеромонахъ Серафимъ. Онъ установилъ Кіевское пѣніе и учредилъ повсюду благоустройство. При немъ о. Макарій продолжалъ трудиться по письмоводству и по церковному благочинію.

Въ эти годы о. Макарій совершилъ пѣшкомъ, въ убогой одеждѣ, второе уже свое богомолье въ Кіевъ, гдѣ привѣтливо принятъ намѣстникомъ лавры Антоніемъ. Въ 1824 г. ѣздилъ въ Ростовъ и Оптину. Въ 1825 году онъ схоронилъ старца Аѳанасія. Въ 1827 г. о. Макарій опредѣленъ духовникомъ Сѣвскаго Троицкаго дѣвичьяго монастыря. Съ этого времени начинается новая дѣятельность его—наставническая, прекратившаяся только съ его смертью; тутъ же начало и обширной его духовной переписки.

Въ слѣдующемъ году въ Площанскую пустынь прибылъ съ учениками своими о. Леонидъ, и, проведя въ ней полгода, переселился въ Оптину. Прибытіе о. Леонида прекратило то духовное сиротство, въ которомъ чувствовалъ себя о. Макарій. Въ его проницательномъ умѣ, при чтеніи свято-отеческихъ книгъ, а въ особенности при назначеніи духовникомъ,—возникло множество вопросовъ,

которыхъ не могъ объяснить, конечно, никто изъ окружавшихъ его, и онъ молился, чтобы Богъ послалъ ему наставника съ даромъ духовнаго разсужденія. Именно этотъ даръ и былъ въ отцѣ Леонидѣ, какъ плодъ понесенныхъ имъ великихъ искушеній и борьбы.

Съ тѣхъ поръ установилась духовная связь этихъ старцевъ. О. Леонидъ считалъ о. Макарія сотоварищемъ по монашеству и разумѣнію, но, уступая просьбамъ и смиренію его, рѣшился съ нимъ обращаться какъ съ ученикомъ. По отъѣздѣ о. Леонида въ Оптину, о. Макарій вступилъ съ нимъ въ переписку.

Нѣсколько лѣтъ исправлявъ должность благочиннаго, о. Макарій въ 1831 году былъ взятъ архіереемъ въ качествѣ казначея и эконома въ Петербургъ, гдѣ и пробылъ ровно годъ.

Пребываніе среди шума городского, внѣшнія заботы и лишеніе пустыни сильно тяготили о. Макарія. По возвращеніи своемъ, онъ подалъ прошеніе о переводѣ въ скитъ при Оптиной пустыни, о чемъ заранѣе сговорился съ о. Моисеемъ и о. Леонидомъ Оптинскими.

Послѣ долгихъ ожиданій, все устроилось, и 5 февраля 1834 года о. Макарій, которому было тогда 46 лѣтъ, поселился въ Оптинскомъ скиту, начальникомъ коего былъ о. Антоній (братъ о. Моисея). Къ Площанской обители о. Макарій до конца дней сохранялъ любовь и благодарную память.

II. Оптина и дѣятельность старца.

Въ первые два года своего пребыванія въ скиту о. Макарій, находясь при о. Леонидѣ, помогалъ ему въ обширной его перепискѣ; въ 1836 году опредѣленъ духовникомъ обители, а съ 1 декабря 1839 года назначенъ скито-начальникомъ.

Иго послушанія своему старцу о. Макарій понесъ до конца; зная высокое духовное устроеніе своего ученика, о. Леонидъ испытывалъ терпѣніе о. Макарія, дабы, по

слову св. Іоанна Лѣствичника, доставить подвижнику вѣнецъ. Такъ, однажды о. Макарій, уже будучи духовникомъ, не спросясь старца, согласился на просьбу о. Моисея—принять отъ мантіи нѣкоторыхъ новопостриженныхъ. Возвратясь въ скитъ, о. Макарій сказалъ о. Леониду, окруженному въ то время народомъ,—зачѣмъ звалъ его настоятель. Тогда, притворясь гнѣвающимся, о. Леонидъ, возвыся, голосъ, сталъ укорять о. Макарія, который, поникнувъ головою, повторялъ только: «виноватъ! простите Бога ради, батюшка»,—и, когда старецъ умолкъ, поклонился въ ноги. Всѣ присутствовавшіе смотрѣли на эту картину одни съ недоумѣніемъ, другіе съ благоговѣйнымъ удивленіемъ. Когда о. Леонидъ былъ перемѣщенъ изъ скита въ монастырь, о. Макарій продолжалъ посѣщать его ежедневно — то приходилъ за разрѣшеніемъ возникавшихъ въ немъ, по должности духовника, недоумѣній, то приносилъ приготовленныя, по приказанію старца, письма. Когда скончался о. Леонидъ, о. Макарій оплакивалъ его не менѣе чѣмъ перваго старца своего Аѳанасія. Этотъ насадилъ, а о. Леонидъ укрѣпилъ въ немъ сѣмена духовнаго вѣдѣнія.

Въ должности скитоначальника, о. Макарій много потрудился и надъ внѣшнимъ и надъ духовнымъ благоустройствомъ скита. Скитъ не только содержалъ себя, но излишекъ послѣ расходовъ отдавался настоятелю, на монастырь; въ 1858 г. скитъ былъ обезпеченъ въ своемъ существованіи и на будущее время, вкладомъ г. Полугарскаго. Во время управленія о. Макаріемъ скитомъ, въ скитѣ сдѣлано много новыхъ построекъ, обновлены старыя, устроена библіотека въ особомъ помѣщеніи и украшена церковь. Церковь скитская, составлявшая особую заботу старца, совершенно при немъ преобразилась. Доселѣ она сохраняетъ какую-то печать великой любви, усердія и благоговѣнія старца, которую онъ на нее наложилъ. Ризница скитская обогатилась новыми облаченіями, изъ которыхъ многія были работы монахинь, духовныхъ дочерей старца. Избыткомъ облаченій скитъ дѣлился съ монастыремъ и съ бѣдными церквами Востока и нашего Западнаго края. Продолжая

дѣло о. Антонія, о. Макарій способствовалъ разведенію цвѣтовъ въ скиту, и окаймляющія нынѣ скитскія дорожки шпалеры разнообразныхъ цвѣтовъ—обязаны своимъ появленіемъ старцу. Плодовыя деревья скита и пчельникъ скитскій приведены въ цвѣтущее состояніе. Имѣя особую привязанность къ лѣсу,—старецъ заботился о сохраненіи его, какъ живой ограды и лучшаго украшенія обителей.

Когда сильная буря произвела опустошенія, особенно въ участкѣ, отдѣляющемъ скитъ отъ монастыря,—старецъ засѣялъ новыя хвойныя деревья, которыя прекрасно взошли, и теперь этотъ участокъ имѣетъ видъ дѣвственнаго бора. Въ 1857 г., при участіи московскаго митрополита Филарета, уважавшаго о. Макарія, утверждены штаты для скита, чѣмъ скитъ избавленъ отъ нареканій монастырской братіи въ занятіи монастырскихъ вакансій.

Прекрасный знатокъ церковной службы, старецъ ввелъ въ нее порядокъ и точность, завелъ канонарха и пѣніе «на подобны» — перенятые и монастыремъ; въ церкви старецъ замѣчалъ и исправлялъ малѣйшія упущенія. Иногда самъ онъ пѣвалъ въ церкви, и особенно поразителенъ былъ его видъ во время пѣнія на страстной седьмицѣ. «Чертогъ твой вижду, Спасе мой, украшенный». Слезы катились по блѣднымъ ланитамъ его, и, казалось, что дѣйствительно, взору его открыты таинственные чертоги.

По должности старца, которому иноки открываютъ помыслы, — его вниманіе и двери его келліи были постоянно открыты для учениковъ. Предварясь Іисусовой молитвою, можно было войти во всякое время и часъ. Онъ даже безпокоился, не видя у себя долго тѣхъ, кто постоянно обращался къ нему. Подавая всюду примѣръ, присутствуя въ церкви и на трапезѣ, старецъ искусно распредѣлялъ по характеру и способности всякаго послушанія и назначалъ келейныя занятія. Каждому указывалъ на соотвѣтствующее его духовной мѣрѣ чтеніе, а во избѣжаніе мельчайшей праздности, внушалъ заниматься подѣліемъ. Онъ завелъ и поддерживалъ въ скиту рукодѣліе токарное, пере-

плетное, футлярное и ложечное, изъ коихъ три первыхъ зналъ самъ. Матеріалъ шелъ отъ старца, а за сработанныя вещи давалось имъ «утѣшеніе»—чай, сахаръ, четки, книги. Вещи же раздавались посѣтителямъ обители.

Трудно изобразить вліяніе старца на монаховъ и умѣніе его руководить каждымъ, по складу его; пониманіе, въ чемъ нуждается именно въ данную минуту душа. Одного не любилъ онъ — желавшихъ все дѣлать по своей волѣ и лукаво вопрошавшихъ его. Иногда старецъ предостерегалъ такихъ самочинныхъ объ ожидавшей ихъ бѣдѣ, которая и приходила. «Врагъ—училъ старецъ словами св. Отцовъ,— не только не любитъ откровенія помысловъ, но и самого голоса не терпитъ, какимъ оно произносится. Вотъ отчего и старается отвлекать отъ него».

Старецъ принялъ для постриженія въ Оптину всего 60 человѣкъ.

По смерти о. Леонида, на попеченіи о. Макарія естественно осталась вся духовная паства мірянъ почившаго старца, и эта паства все расширялась. Въ послѣдніе годы жизни, удрученный усталостью, старецъ не разъ выражалъ скорбь о томъ, что не долженъ и не можетъ уклоняться отъ обуревавшаго его народнаго множества. И онъ несъ съ вѣрою возложенный на него крестъ.

Служеніе о. Макарія совершалось посредствомъ устныхъ бесѣдъ и разговоровъ съ пріѣзжавшими для свиданія съ нимъ въ Оптину и переписки съ лицами, издали къ нему обращавшимися. На все это нужно было урывать время и безъ того заполненное иноческими и начальническими обязанностями.

Мужчинъ старецъ принималъ у себя въ келліи во всякое время, отъ ранняго утра до закрытія вратъ; женщинъ — за вратами, или во внѣшней келліи, у воротъ. Кромѣ того, послѣ трапезы, отдохнувъ съ полчаса на узкой кровати, онъ отправлялся въ монастырскую гостиницу. По скитской дорожкѣ и повсюду на пути ждало много народу, сошедшагося сюда къ старцу со своими грѣхами, горестями, не-

доумѣніями, скорбями. Сѣдой старецъ, средняго роста, лѣтомъ въ мухояровой поношенной ряскѣ и башмакахъ, зимой въ старой драдедамовой шубкѣ, шелъ съ костылемъ и четками. Некрасивое и неправильное по внѣшности лицо его, съ выраженіемъ самоуглубленія, сіяло неземною красотою, умягчая сердца.

Не только души врачевалъ старецъ. Помазуя елеемъ изъ лампады, горѣвшей въ его келліи передъ чтимою имъ Владимірскою иконою, старецъ приносилъ великую пользу больнымъ тѣломъ, и случаи такихъ исцѣленій немалочисленны. Особенно часты были исцѣленія бѣсноватыхъ.

Слѣдующій случай заслуживаетъ большого вниманія. Одинъ образованный человѣкъ подвергся припадкамъ бѣснованія, проявлявшимся при приближеніи къ священнымъ предметамъ; долго родные, не хотѣвшіе признать сущность болѣзни, лечили его за границей, у докторовъ и на водахъ; пользы не было. Одинъ вѣрующій товарищъ привезъ его въ Оптину, и изъ гостиницы послалъ потихоньку просить старца. Больной, не слыхавшій о немъ никогда, сталъ безпокоиться и заговорилъ: «Макарій идетъ, Макарій идетъ!» — и, едва вошелъ старецъ, бросился на него съ неистовымъ крикомъ и заушилъ его. Великій подвижникъ, познавъ козни врага, употребилъ сильнѣйшее орудіе — смиреніе, и быстро подставилъ ему другую ланиту. Опаленный смиреніемъ, бѣсъ вышелъ изъ страждущаго, который въ оцѣпенѣніи лежалъ долго у ногъ старца, а потомъ, не помня о своемъ поступкѣ всталъ исцѣленнымъ.

Слово старца было со властію. Оно заставляло повиноваться невѣрующаго, обнадеживало безнадежныхъ, и власть его была въ великомъ опытѣ и примѣрѣ, и въ кротости. Съ вѣрою приходившіе къ нему получали не только духовную пользу, но и устроеніе своихъ земныхъ дѣлъ. Споровъ онъ не любилъ, зная, что пользы въ нихъ нѣтъ: съ лицами, приходившими изъ любопытства или съ желаніемъ поучить его, былъ смиренен и молчаливъ. Когда же предъ нимъ были дѣйствительно скорби, душевныя и болѣзни,

какое одушевленіе и сочувствіе наполняло его! Онъ забывалъ и слабость силъ, и необходимость отдыха, и пищу, и нерѣдко выходилъ послѣ бесѣдъ, едва переводя дыханіе, изнеможенный совершенно. Послѣ такого утомленія обнаружилась и его послѣдняя болѣзнь.

Въ отношеніяхъ къ старцу требовалась простота сердца; поэтому люди изъ народа всего скорѣе получали отъ него пользу.

Кромѣ скита Оптиной пустыни, подъ духовнымъ руководствомъ старца находились женскіе монастыри: Сѣвскій, Бѣлевскій, Казанскій, Серпуховскій, Калужскій, Елецкій, Брянскій, Смоленскій, Вяземскій и нѣкоторые другіе. Изъ монастырей Калужской епархіи о. Макарій посѣщалъ мужскіе монастыри: Малоярославецкій, Мещовскій и Тихонову пустынь.

Переписка у старца была обширная. На вопросы, требующіе духовнаго разсужденія, онъ отвѣчалъ самъ. Ученики же помогали ему въ письмахъ практическаго содержанія, малосложныхъ и краткихъ, не составлявшихъ тайны. Письма не сходили съ его стола. Отрываясь отъ нихъ для бесѣдъ или скитскихъ правилъ, онъ, освободившись, сейчасъ же брался за нихъ снова. Только два раза въ недѣлю, въ день отхода почты, по утрамъ, старецъ прекращалъ пріемъ посѣтителей, и занимался исключительно письмами. Помощниками въ перепискѣ старца были: іеромонахъ Амвросій (впослѣдствіи оптинскій старецъ), монахъ Іустинъ (Половцовъ, нынѣ архіепископъ Варшавскій) и Леонидъ (Кавелинъ, почившій намѣстникъ Троице-Сергіевой лавры). Лучшимъ памятникомъ по себѣ старецъ оставилъ свои письма, изданныя по кончинѣ его въ нѣсколькихъ томахъ и представляющія сокровищницу духовныхъ совѣтовъ.

III. Келейная жизнь, кончина.

Добродѣтелью, проникавшею все существо о. Макарія, было смиреніе, которое есть матерь всѣхъ дарованій. Хотя и окончивъ свое образованіе въ приходскомъ училищѣ,

14-ти лѣтъ: исполненіемъ заповѣдей, вдумчивымъ чтеніемъ священнаго Писанія и Отцовъ Церкви, о. Макарій достигъ высокаго духовнаго пониманія, и не только зналъ въ совершенствѣ церковное ученіе, но даже сбылось слово св. Исаака Сирина: «смиренномудрымъ открываются таинства».

Въ великой мѣрѣ дѣйствовалъ въ о. Макаріи даръ разсужденія. Вотъ какъ представляетъ этотъ верховный даръ св. Антоній Великій: «Онъ учитъ человѣка оставлять обоюдное безмѣріе, шествовать путемъ царскимъ (среднимъ) и не попускаетъ, чтобъ онъ былъ окрадаемъ, съ одной стороны, безмѣрнымъ воздержаніемъ, а съ другой—былъ низвлеченъ къ нерадѣнію и разслабленію. Онъ, испытуя всѣ помышленія и дѣла человѣка, раздѣляетъ и отлучаетъ всякое лукавое и неугодное Богу дѣло и удаляетъ отъ него прелесть. Безъ разсужденія ни одна добродѣтель не можетъ составиться или пребыть до конца твердою, ибо разсужденіе есть хранительница всѣхъ добродѣтелей».

«Отъ послушанія,—говоритъ св. Іоаннъ Лѣствичникъ,—смиреніе, отъ смиренія—разсудительность, отъ разсудительности—проницательность, а отъ послѣдней—прозорливость».

Руководствуясь этимъ даромъ, старецъ всякому и преподавалъ нужное по обстоятельствамъ и свойствамъ человѣка наставленіе.

Смиреніе старца выражалось во всякомъ движеніи, словѣ и видѣ его. Это же глубокое смиреніе давало ему и мирность духа. «Слава Богу,—говорилъ онъ, узнавая, что кто-нибудь злословитъ его,—онъ одинъ только и уразумѣлъ обо мнѣ правильно; вы прельщаетесь, считая меня нѣчто быти. А его о мнѣ слова—духовныя щетки, стирающія мою душевную нечистоту».

Пламенная любовь старца выражалась дѣломъ; онъ не отвращался никого, требующаго душевной или внѣшней помощи. Долготерпѣніе и кротость вмѣстѣ съ дѣтскою простотою и незлобіемъ растворяли его любовь.

Портретъ былъ снятъ со старца лишь за годъ до его кончины. Лицо у него было некрасиво по внѣшности, но

бѣло и свѣтло, озаряемое внутреннимъ свѣтомъ духа, взоръ тихъ, слово смиренно. Святыхъ Тайнъ пріобщался онъ ежемѣсячно съ великимъ умиленіемъ.

Лѣтомъ носилъ онъ бѣлый холщевый подрясникъ, на головѣ черная вязаная шапочка, для молитвы — краткая мантія. Выходя изъ дому, надѣвалъ черную мухояровую ряску; зимою еще легкую, крытую старымъ темнозеленымъ драдедамомъ шубку.

Нравъ старца былъ чрезвычайно живой и подвижный. Излишней медленности, вялости, долгихъ сборовъ не любилъ. Послушанія надо было исполнять скоро. Память была у о. Макарія изумительная. Послѣ одной исповѣди онъ навсегда запоминалъ главныя обстоятельства жизни человѣка. Страдая косноязычіемъ и недостаткомъ дыханія, старецъ не служилъ въ церкви.

Относительно внѣшнихъ подвиговъ о. Макарій держался средняго пути, не вдаваясь въ крайности, и вкушалъ на трапезѣ всего, но весьма понемногу. На вечернюю трапезу рѣдко удавалось ему поспѣть, и онъ вкушалъ дома, изъ горшечковъ. Подобно своему старцу, о. Аѳанасію, о. Макарій жалѣлъ животныхъ. Зимою онъ ежедневно сыпалъ на особую за окномъ полочку конопли для птицъ, и на полочку слеталось много синичекъ, коноплянокъ и маленькихъ сѣрыхъ дятловъ. Замѣтивъ, что сойки обираютъ малыхъ птицъ, поѣдая разомъ всю дневную порцію, старецъ сначала, отрываясь отъ письма, отгонялъ соекъ стукомъ въ окно, а потомъ сталъ сыпать зерна въ банку, въ которую могли влетать только мелкія птицы.

Старецъ занималъ небольшой деревянный домикъ, слѣва отъ скитскихъ вратъ. Первая комната, стѣны которой были украшены изображеніями архіереевъ и подвижниковъ благочестія, была пріемная; вторая, выходившая окномъ на главную скитскую дорожку,—его келлія. У окна стоялъ простой столъ, обремененный письмами, книгами; у стола—кресло; по стѣнамъ—много иконъ и крестовъ и, между прочимъ, особо чтимая старцемъ Владимірская икона

съ неугасимою лампадой. Подъ иконами — угольникъ для чтенія правилъ и аналоецъ съ евангеліемъ и служебными книгами. У западной стѣны — узкая кровать.

Старецъ вставалъ ежедневно по звону къ утрени въ два часа, а въ случаѣ нездоровья — не позже трехъ и будилъ келейниковъ; затѣмъ совершалось длинное утреннее правило, и старецъ оставался одинъ. Въ седьмомъ часу, послѣ новаго правила — старецъ выпивалъ чашку-двѣ чаю и принимался за письмо или книгу. Съ этого же времени начинали къ нему приходить. Дверь скрипѣла на ржавыхъ петляхъ, предупреждая, вмѣсто доклада, о приходящихъ; все чаще и чаще входятъ чрезъ ворота скита. Въ 11 часовъ звонъ къ трапезѣ, къ которой старецъ всегда ходилъ. Послѣ трапезы часъ — полчаса единственнаго во весь день свободнаго времени, а затѣмъ опять посѣтители. Часа въ два старецъ идетъ въ гостиницу, гдѣ ждетъ его множество народа, и всѣхъ онъ выслушивалъ съ удивительною кротостью и терпѣніемъ.

Измученный, чуть переводя дыханіе, съ языкомъ, усталымъ до того, что не могъ уже болѣе внятно произнести ни одного слова, — старецъ возвращался домой и вмѣсто отдыха слушалъ краткое правило. Потомъ принималъ скитскую братію, послѣ ужина слушалъ вечернее правило, и, когда огни во всемъ скитѣ давно погасли, въ окнѣ келліи старца еще былъ виденъ свѣтъ.

Молитва старца была непрестанна. Въ бесѣдѣ, на правилѣ, за письменнымъ столомъ, на пути и даже во время сна изъ устъ его слышались восклицанія: «Боже Милостивый... Мати Божія... Іисусе мой!» Страдая безсонницею, просыпаясь или вовсе оставаясь безъ сна, старецъ славословилъ тогда имя Божіе. По временамъ онъ приходилъ, при размышленіи о Божествѣ и Промыслѣ Его, въ духовный восторгъ и запѣвалъ одну изъ любимыхъ церковныхъ пѣсней своихъ. Иногда удивлялся премудрости Творца, переходя отъ цвѣтка къ цвѣтку грядъ, окаймлявшихъ скитскія дорожки. Готовясь къ причастію, старецъ усугублялъ постъ.

Съ начала пятидесятыхъ годовъ здоровье старца, всегда слабое, особенно пошатнулось; тщетно преданныя лица убѣждали его съѣздить въ Москву, ко врачамъ. Наконецъ, московскій митрополитъ Филаретъ написалъ ему письмо, оканчивавшееся такъ: «Если бы я звалъ васъ къ себѣ, вы могли бы отказать, не думавши. Но какъ я зову васъ къ московскимъ чудотворцамъ и къ преподобному Сергію, то, надѣюсь, вы подумаете о семъ не безъ вниманія. Господь да устроитъ Ему угодное. Прошу молитвъ вашихъ». Послѣ этого письма старецъ не рѣшился далѣе отказываться, и поѣздка въ Москву принесла пользу его здоровью.

Въ 1853 г. старецъ, чтобы избавиться отъ хозяйственныхъ хлопотъ, сложилъ съ себя званіе скитоначальника. Въ 1853 г. о. Макарій награжденъ наперснымъ крестомъ, въ 1857 г.—другимъ, въ память Крымской кампаніи.

Онъ съ живѣйшимъ участіемъ слѣдилъ за нею. Когда пришла вѣсть объ оставленіи Севастополя, старецъ зарыдалъ и, упавъ на колѣни, долго молился безъ словъ предъ иконою Богоматери. Вообще, старецъ чутко относился къ общественнымъ вопросамъ и понималъ ихъ, постоянно соприкасаясь съ людьми всѣхъ положеній; очень онъ сочувствовалъ вопросамъ объ улучшеніи народнаго быта, грамотности, воспитанія.

За два года до кончины старецъ келейно постригся въ схиму. Мысль о томъ подала ему кончина митрополита кіевскаго Филарета (въ схимѣ Θеодосія).

Послѣдняя болѣзнь старца началась 26-го августа, въ день празднованія чтимой имъ Владимірской иконы.

30-го онъ былъ особорованъ, и потомъ дѣлалъ распоряженія на случай своей кончины, благословлялъ приходящихъ и одѣлялъ ихъ крестиками, четками, книгами. На слѣдующій день преподавалъ спрашивающимъ краткія, но выразительныя наставленія, и всѣ чувствовали, что это послѣднія наставленія. Въ пустынь со всѣхъ сторонъ прибывали лица, пользовавшіяся совѣтами старца, и въ церквахъ непрерывно служились о немъ молебны. Монахи еще допу-

скались къ старцу. Отъ московскаго митрополита была привезена финифтяная икона и обѣщаніе молиться о немъ. За два дня до смерти старецъ приказалъ вынести себя изъ тѣсной своей келліи и положить въ болѣе обширную пріемную, на полу. Изъ окна, со-внѣ, посѣтители могли видѣть умирающаго старца. Наканунѣ кончины страданія старца ожесточились. Вечеромъ онъ, сидя, выслушалъ отходную. Во время чтенія каноновъ и акаѳистовъ Христу и Божіей Матери страданія утихали. Со слезами взирая на образъ Спасителя въ терновомъ вѣнцѣ и на Владимірскую икону, онъ взывалъ: «Слава Тебѣ, Царю мой и Боже мой, Мати Божія, помози мнѣ!» — и, простирая руки, молилъ о скорѣйшемъ разрѣшеніи. Ночь прошла крайне безпокойно. Старецъ задыхался. Взглядами, благословеніями, пожатіемъ руки выражалъ онъ благодарность ходившей за нимъ братіи.

7-го сентября, въ предпразднество Рождества Богородицы, въ среду, 1860 г., въ 7 час. утра — чрезъ часъ по пріобщеніи, по окончаніи чтенія канона на разлученіе души съ тѣломъ, — о. Макарій, окруженный учениками, тихо предалъ духъ въ руки Божіи.

Тѣло о. Макарія не издавало смертнаго запаха; перенесеніе его изъ скита въ монастырь, среди народнаго множества, — не имѣло вида похоронъ, а чего-то свѣтлаго и торжественнаго.

О. Макарій погребенъ возлѣ отца Леонида.

IV. Изданіе свято-отеческихъ книгъ.

Имя отца Макарія тѣсно связано съ великимъ дѣломъ изданія свято-отеческихъ аскетическихъ твореній, драгоцѣнныхъ и для иноковъ и для мірянъ.

Промыслъ Божій соединилъ въ Оптиной пустыни лицъ, которыя воспитались на переводахъ твореній этихъ, сдѣланныхъ старцемъ Паисіемъ Величковскимъ. О. Моисей, о. Леонидъ и о. Макарій оптинскіе — всѣ трое были наставлены въ духовной жизни ближними учениками о. Паисія и всѣ наслѣдовали отъ старцевъ своихъ великую любовь

къ переводнымъ трудамъ о. Паисія. Путемъ переписки этихъ переводовъ, они распространяли ихъ посреди мірянъ и монаховъ. Господу было угодно скоро извлечь изъ-подъ спуда это духовное сокровище, для общей пользы.

По просьбѣ И. В. Кирѣевскаго, редактора «Москвитянина», о. Макарій помѣстилъ въ этомъ журналѣ статью о жизни и заслугахъ предъ православнымъ иночествомъ о. Паисія. Затѣмъ какъ-то о. Макарій коснулся, въ разговорѣ съ Кирѣевскимъ, вопроса о недостаткѣ духовныхъ книгъ, руководствующихъ къ дѣятельной христіанской жизни.

Кирѣевскій сталъ убѣждать старца—издать переводы о. Паисія, и взялся просить на это дѣло благословенія митрополита московскаго Филарета. Митрополитъ обѣщалъ свое покровительство, которое, дѣйствительно, и оказывалъ этому дѣлу.

Богъ,—какъ говорилъ о. Макарій,—посылалъ на благое дѣло чрезъ добрыхъ людей, и потихоньку было издано большое число книгъ.

Занятія о. Макарія состояли въ приготовленіи къ печатанію славянскихъ переводовъ (снабженіи примѣчаніями малопонятныхъ мѣстъ) и переводѣ нѣкоторыхъ на русскій языкъ. Дѣятельность въ этомъ отношеніи о. Макарія была изумительна. Онъ жертвовалъ для этого дѣла своимъ краткимъ отдыхомъ, и, не отказываясь отъ обычныхъ старцевыхъ трудовъ своихъ—руководилъ непрестанно учениками изъ скитской братіи, помогавшими ему. Это были о. Амвросій, о. Ювеналій, о. Леонидъ, о которыхъ уже было говорено. Всякое слово взвѣшивалось, обсуждалось, и безъ благословенія старца ни одно не вписывалось въ рукопись, приготовляемую для типографіи.

Самыя драгоцѣнныя книги—св. Исаака Сирина и аввы Доровея. Помня, что изданіе было произведено на пожертвованія, и въ изъявленіе благодарности пособникамъ этого дѣла—оптинскіе старцы не могли ничѣмъ лучше воздать имъ, какъ широкимъ распространеніемъ душеполезныхъ этихъ писаній.

Въ этой цѣли, отъ Оптиной пустыни изданія были разосланы въ даръ: во всѣ библіотеки, какъ академическія, такъ и семинарскія, почти всѣмъ архіереямъ, ректорамъ, инспекторамъ семинарій и академій, высланы во всѣ общежительные русскіе монастыри на Аѳонскую гору.

Вотъ заглавіе изданій, вышедшихъ съ 1846 до 1860 г.:

1) Житіе и писанія Молдавскаго старца Паисія Величковскаго.

2) Четыре огласительныя слова къ монахинѣ.

3) Преподобнаго отца нашего Нила Сорскаго, преданіе ученикамъ своимъ о жительствѣ скитскомъ.

4) Восторгнутые классы въ пищу души.

5) Преподобныхъ отцовъ Варсонофія Великаго и Іоанна руководство къ духовной жизни, въ отвѣтъ на вопрошаніе учениковъ.

6) Преподобнаго отца нашего Симеона Новаго Богослова, игумена, слова весьма полезныя (12 словъ).

7) Оглашеніе преподобнаго Ѳеодора Студита.

8) Пр. отца нашего Максима Исповѣдника, толкованіе на молитву «Отче нашъ» и его же слово постническое по вопросу и отвѣту.

9) Св. отца нашего Исаака Сирина, епископа Ниневійскаго, слова духовно-подвижническія.

10) Книга преп. отцевъ Варсонофія и Іоанна, руководство къ духовной жизни (въ рус. переводѣ).

11) Преп. отца нашего аввы Ѳалассія, главы о любви, воздержаніи и духовной жизни.

12) Преп. отца нашего аввы Дороѳея, душеполезныя поученія и посланія.

13) Житіе преп. отца нашего Симеона Новаго Богослова.

14) Преподобнаго и богоноснаго отца нашего Марка подвижника, нравственно-подвижническія слова.

15) Преп. отца нашего Орсисія аввы Тавенисіотскаго, ученіе объ устроеніи монашескаго жительства.

16) Преп. отца нашего аввы Исаія, отшельника египетскаго, духовно-нравственныя слова.

Архимандритъ Исаакій, настоятель Оптиной пустыни.

Архимандритъ Исаакій происходилъ изъ потомственныхъ почетныхъ гражданъ, изъ богатаго купеческаго, жившаго въ Курскѣ, дома Антимоновыхъ и родился приблизительно въ 1809 году.

Антимоновы торговали скотомъ и держали на откупу черноморскія рыбныя ловли.

Несмотря на свои средства, они жили попросту, по старинному. Старый дѣдъ Ивана Ивановича, Василій Васильевичъ, былъ настоящимъ патріархомъ въ своемъ роду. Ревностный до церкви, строгой жизни, онъ въ праздники ходилъ въ храмъ со всей своей семьей.

Всѣ шли чинно, по старшинству, и съ благоговѣніемъ стояли въ церкви. Особенно же усерденъ былъ молодой Иванъ.

Дѣдъ больше всѣхъ любилъ внука Ивана и часто въ будни бралъ его въ церковь, такъ какъ ежедневно ходилъ къ утренѣ и обѣднѣ.

Въ 1809 г. отецъ Ивана былъ въ Кіевѣ и посѣтилъ тутъ извѣстнаго о. Парѳенія. Говорятъ, что о. Парѳеній при входѣ его привѣтствовалъ словами: «Блаженно чрево, родившее монаха».

Семья Антимоновыхъ пользовалась большимъ уваженіемъ въ городѣ за строгую жизнь, соблюденіе церковныхъ уставовъ, безукоризненную честность и милосердіе. У нихъ для раздачи милостыни былъ назначенъ особый день въ недѣлѣ.

Воспитаніе Ивана Ивановича было суровое. Отецъ держалъ дѣтей такъ, что они безъ позволенія не смѣли предъ нимъ садиться. Несмотря на это, они его любили.

Иванъ пріучалъ себя ко всякимъ лишеніямъ, довольствовался самою грубою пищею, во всемъ себя стѣснялъ.

Онъ съ юности отличался особою скромностью и степенностью, любилъ уединеніе, избѣгалъ игръ. Несмотря,

однако, на свою молчаливость, онъ не былъ угрюмъ, и его природное оживленіе прорывалось въ остроумныхъ шуткахъ.

Близко стоялъ онъ къ простому, работавшему у нихъ народу и, разговаривая съ ними, внушалъ имъ память о Богѣ. Онъ старался искоренить ихъ дурныя стороны, напримѣръ, отучалъ отъ божбы и сквернословія.

Несмотря на доброту, онъ былъ, какъ хозяинъ, очень твердъ.

Торговлю онъ велъ очень удачно и былъ незамѣнимъ для отца. Вслѣдствіе честности своей, никогда ничего, кромѣ благодарности, онъ не слыхалъ отъ покупателей за отпущенный имъ товаръ.

Эти занятія торговлей не нарушали его религіознаго настроенія. Съ юности онъ принималъ на себя тяжелые подвиги, которые умѣлъ скрывать. Такъ, даже въ скоромные дни, сидя за столомъ со всѣми, умѣлъ не ѣсть мяса. На молитвѣ, какъ разсказываютъ, клалъ по тысячѣ поклоновъ.

Очень онъ любилъ церковное пѣніе, пѣвалъ на клиросѣ и устроилъ даже хоръ, который по праздникамъ спѣвался у него на дому.

Уже тогда нѣсколько случаевъ убѣдили его въ непосредственномъ воздѣйствіи Промысла Божія на судьбу человѣка: онъ нѣсколько разъ былъ спасенъ отъ опасностей, грозившихъ его жизни.

Неизвѣстно, какъ сложилось въ немъ желаніе идти въ монастырь. Много препятствій было къ исполненію этого желанія. Онъ очень нуженъ былъ дома. Между тѣмъ, одно обстоятельство укрѣпило его въ его намѣреніи. Отецъ его хотѣлъ, чтобъ онъ женился. Но всякій разъ сватовство разстраивалось. Наконецъ, уступая отцу, онъ съѣздилъ посмотрѣть послѣднюю невѣсту. Она ему не понравилась, и онъ рѣшилъ окончательно идти въ монастырь.

Незадолго до того его старшій братъ Михаилъ поступилъ въ Оптину. Посѣщая брата, Иванъ познакомился съ оптинскимъ старцемъ Львомъ. Въ первый разъ увидѣвъ

его, старецъ, которому раньше доложили, что пришелъ Иванъ Ивановичъ Антимоновъ, позвалъ его: «Ванюшка!»

Тотъ сперва не понялъ и не двинулся съ мѣста. Ужъ келейникъ объяснилъ, что старецъ зоветъ именно его. «Губернскій франтикъ», какъ потомъ разсказывалъ о. Исаакій, нисколько этимъ не обидѣлся, хоть ему было за тридцать лѣтъ. Эта простота даже обрадовала его. Этимъ именемъ звалъ его обыкновенно покойный дѣдъ.

Въ это свиданіе старецъ предсказалъ ему, что и онъ будетъ монахомъ.

Семь лѣтъ таилъ Иванъ Ивановичъ свое желаніе, рѣшался совсѣмъ и колебался вновь. Наконецъ, въ 1847 г., когда отецъ послалъ его по дѣламъ въ Украйну, онъ, исполнивъ порученіе, отправился прямо въ Оптину. Чѣмъ ближе подъѣзжалъ онъ къ ней, тѣмъ сильнѣе становилась борьба, которая стала невыносимой на послѣдней станціи. И, чтобъ не вернуться назадъ, не соскочить съ повозки, онъ чуть-ли не привязалъ себя къ ней веревками.

Отецъ его, получивъ отъ него письмо съ вѣстью о его безповоротномъ рѣшеніи,—долго не могъ прійти въ себя, плакалъ и, наконецъ, воскликнулъ: «Онъ, варваръ, убилъ меня!»

Впослѣдствіи о. Исаакій пріѣзжалъ домой, вполнѣ примирился съ отцомъ, и тотъ умеръ на его рукахъ.

При поступленіи Ивана Ивановича въ Оптину. братъ его вышелъ уже изъ Оптиной. Впослѣдствіи онъ былъ намѣстникомъ Кіево-Печерской лавры. Старца Льва не было на свѣтѣ.

Онъ поселился въ скиту. Старецъ Макарій обратилъ на него особенное вниманіе. Простота характера его казалась старцу особенно цѣнною. Онъ по прозорливости видѣлъ въ немъ будущаго настоятеля, о чемъ и высказывался близкимъ лицамъ. И ради того онъ испытывалъ его, чтобы пріучить къ смиренію и терпѣнію.

Иванъ Ивановичъ несъ послушанія на пасѣкѣ, на хлѣбопекарнѣ и на поварнѣ. Онъ выходилъ также на общія ра-

боты, гдѣ приводилъ въ дѣйствіе свою тѣлесную силу: онъ могъ подымать до 15 пудовъ.

Келейнымъ трудомъ для него было переплетаніе книгъ.

Къ храму онъ питалъ особое влеченіе, неопустительно ходилъ на всѣ службы, являлся первымъ, оставлялъ церковь послѣднимъ. Всегда старался о сохраненіи между братіею мира и соблюдалъ, какъ и въ міру, молчаніе.

Онъ хранилъ строгій постъ, не имѣлъ у себя ничего съѣдобнаго и довольствовался лишь тѣмъ, что подавали на трапезѣ.

Одѣвался бѣдно и, когда родные прислали ему мѣховую шубу, вовсе не сталъ носить ее. Въ келліи у него было убого, — деревянная кровать съ ватнымъ одѣяломъ, даже не было шкафа для одежды, а ряса висѣла на гвоздикѣ.

Денегъ онъ у себя не держалъ, а все относилъ старцу. И цѣнныхъ иконъ у него не было.

Когда его одѣли въ рясофоръ, потомъ постригли — онъ увеличилъ еще суровость къ себѣ и свою сосредоточенность.

Тутъ онъ оставилъ и тѣ шутки, которыя раньше говорилъ.

Постриженный въ 1854 г. (5 октября), онъ въ 1858 году посвященъ въ іеромонахи, хотя умолялъ не возвышать его.

Все съ большею настойчивостью шелъ о. Исаакій къ своей цѣли—нравственнаго обновленія. И оптинскіе старцы— о. Макарій и склонявшійся къ своему концу настоятель о. Моисей—оба желали видѣть его преемникомъ о. Моисея, что и совершилось.

Съ величайшею скорбью, сознавая себя недостойнымъ, неспособнымъ, принялъ о. Исаакій въ 1862 году бремя настоятельства.

Не надѣялся онъ на свои силы. Больше вѣровалъ въ наставленія о. Амвросія, на котораго перенесъ послѣ смерти о. Макарія (1860 г.) все то довѣріе, которое имѣлъ къ почившему старцу.

Какъ-то сказалъ о. Исаакій Калужскому архіерею:

— Я лучше бы согласился пойти въ хлѣбню, чѣмъ быть настоятелемъ.

— Ну чтожъ, — отвѣтилъ архіерей, — пеки хлѣбы.

— А кто же настоятелемъ-то будетъ?

— А ты же и настоятелемъ будешь.

На это о. Исаакій не нашелся, что отвѣтить.

О. Амвросій съ первыхъ шаговъ умѣрялъ ревность о. Исаакія, который считалъ, что всѣ способны переносить тѣ же лишенія, въ которыхъ проходила его собственная жизнь.

Извѣстно, что о. Моисей не оставилъ Оптиной денегъ.

О. Исаакій началъ съ помощью благотворителей расплачиваться съ долгами, но мысль о невозможности содержать братію до того тяготила его, что онъ нерѣдко плакалъ.

Пришло какъ-то извѣстіе, что значительный долгъ уплаченъ и оставленъ еще по завѣщанію капиталъ въ 15 тысячъ. Тогда онъ въ радости воскликнулъ:

«Господи, я неблагодарный, не имѣю на Тебя надежды, сталъ было сѣтовать. А вотъ, Ты уже послалъ и помощь».

Съ тѣхъ поръ о. Исаакій пересталъ страшиться безденежья.

Доходы монастырскіе все возрастали вслѣдствіе большого пріѣзда къ о. Амвросію, и о. Исаакій, самъ не одобрявшій раньше строительной склонности почившаго своего предшественника о. Моисея вынужденъ былъ возводить новыя зданія. Перестроены внутри и украшены церкви, выстроены гостиницы, множество хозяйственныхъ службъ, расширены плодовые сады, повѣшенъ прекрасный колоколъ въ 750 пудовъ, куплены 700 десятинъ лѣса, и обитель обезпечена топливомъ, разработаны изъ-подъ болотъ луга для пастьбы скота, устроенъ восковой заводъ.

Во внутреннемъ управленіи о. Исаакій считалъ необходимымъ для инока постоянное откровеніе помысловъ старцу, сохранялъ между братіей миръ. Наставленія его были не-

многорѣчивы и просты, но, исходя отъ любящаго сердца, дѣйствовали сильно.

Для того, чтобъ чаще видать братію, о. Исаакій въ началѣ каждаго мѣсяца раздавалъ чай и сахаръ и при этомъ дѣлалъ замѣчанія, кого въ чемъ замѣтилъ, напримѣръ: «Нынѣ, братъ, ты въ церковь не ходишь, тебѣ чаю не дамъ!»

За посѣщеніемъ церкви онъ зорко слѣдилъ и въ будни становился обыкновенно у дверей, чтобъ видѣть братію.

Затѣмъ онъ очень слѣдилъ за исполненіемъ послушаній и говорилъ: «Богъ накажетъ лѣнивыхъ!»

Онъ не любилъ, чтобъ монахи напрашивались сами на послушаніе, считая это за самоувѣренность. Особенно претили ему упрямство и дерзость. Но всегда онъ помнилъ, что отвѣтитъ Богу за всякую душу, и удалялъ изъ монастыря лишь въ крайнихъ случаяхъ.

Давъ иноку послушаніе, онъ не требовалъ точнаго отчета, полагаясь во всемъ на его монашескую совѣсть.

Твердость настоятеля не препятствовала его смиренію.

Одинъ монахъ хотѣлъ ударить его и замахнулся. Онъ спокойно сказалъ: «начинай». Тотъ въ смущеніи вышелъ.

Другой безпокойный послушникъ изъ образованныхъ явился къ нему съ цѣлымъ коробомъ дерзостей и, наконецъ, закончилъ:

— Вотъ ты игу́менъ, а не у́менъ.

— А ты, отвѣчалъ ему, усмѣхнувшись, о. Исаакій, — ты вотъ и у́менъ, да не игу́менъ.

Если же о. Исаакію по недоразумѣнію случалось сдѣлать замѣчаніе безъ вины, онъ тогда просилъ прощенія у обиженнаго.

Онъ не любилъ отпускать монаховъ погостить къ роднымъ, находя, что всегда возвращаются оттуда худшими, нравственно ослабѣвшими. Не допускалъ также, чтобъ монахи, особенно молодые, безъ нужды ходили по гостиницамъ, собирались бы или гуляли по вечерамъ съ іеромонахами.

И совнѣ онъ требовалъ полнаго благочинія, которое такъ поражаетъ пріѣзжающаго въ Оптину, гдѣ всѣ иноки такъ смиренны, подходятъ при встрѣчѣ подъ благословеніе, радушно кланяются при встрѣчѣ другъ съ другомъ.

Ни къ кому о. Исаакій не выказывалъ особой привязанности: всѣ одинаково были ему равны и дороги.

Угощеніемъ братіи никогда не занимался, а, когда просили его купить въ рѣдкіе дни вина для престарѣлыхъ и слабыхъ, онъ хваталъ себя за голову и говорилъ: «Охъ. ужъ это мнѣ вино, вино!»

Съ самой величайшей простотой онъ обращался съ братіею. Когда онъ не говорилъ съ ними о дѣлахъ, какъ начальникъ, онъ считалъ ихъ за равныхъ, сажалъ рядомъ съ собой, иногда шутилъ. Въ словахъ и вопросахъ его была видна нѣжная забота. Многіе уже при видѣ его успокаивались, придя къ нему разстроенными.

— Какія у насъ скорби,—говорилъ онъ.—У насъ не скорби, а скорбишки. Вотъ въ міру такъ скорби: жена, дѣти, о всемъ забота. А у насъ что? Полно Бога гнѣвить; надо только благодарить Его, живемъ на всемъ готовомъ.

Въ монастырь принималъ онъ не иначе, какъ по благословенію старца, и сразу налагалъ послушанія потруднѣе, чтобъ видѣть, велика-ли рѣшимость человѣка. Давалъ совѣты, указывалъ на необходимыя въ духовной жизни книги.

Къ мірянамъ старецъ относился съ неизмѣннымъ сочувствіемъ. Онъ радушно принималъ тѣхъ пріѣзжихъ въ Оптину, которые заходили къ нему, и бесѣдовалъ много о духовныхъ предметахъ. Но самъ никого къ себѣ не звалъ.

Бесѣда о. Исаакія была при внѣшнемъ его спокойствіи одушевленная. За всякимъ его словомъ слышалась такая безграничная вѣра, такой духовный опытъ, и глубочайшее чувство.

Онъ любилъ съ образованными людьми говорить о великой пользѣ духовнаго чтенія. Часто въ глазахъ его блистали слезы.

Послѣ такихъ бесѣдъ ясно становилось, какое горячее грѣющее сердце въ этомъ человѣкѣ, съ виду столь суровомъ, потому что внѣшность его внушала нѣкоторую робость: простая его суровая одежда, сосредоточенный видъ, опущенные книзу глаза.

Вставалъ о. Исаакій въ полночь и молился у себя до утрени. Непремѣнно шелъ къ утренѣ и ранней обѣднѣ, а вечеромъ къ вечернѣ. На проскомидіи поминалъ своихъ родныхъ и благодѣтелей пустыни. Послѣ обѣдни принималъ посѣтителей или ходилъ по работамъ.

Когда онъ служилъ, было слышно глубокое волненіе въ важнѣйшія минуты, и иногда его голосъ отъ слезъ прерывался. Онъ не выносилъ никакой небрежности или спѣшки въ службѣ.

Занималъ онъ лично для себя двѣ маленькія комнатки. Въ спальнѣ — кровать и конторка для занятій. На ней часы съ надписью: «Не теряй времени».

Одѣвался онъ очень просто, иногда самъ чинилъ свои носки.

Всегда онъ ходилъ на трапезу. Посты соблюдалъ очень строго, въ распредѣленіи времени придерживался точнаго порядка. Онъ сохранялъ и настоятелемъ любовь къ уединенію и склонность къ молчанію. Однажды на обѣдѣ въ Шамординѣ*) архіерей пригласилъ его принять участіе въ бесѣдѣ. А онъ отвѣтилъ, что его участіе то, что онъ слушаетъ: вѣдь надо же кому нибудь исполнить и эту обязанность.

Еженедѣльно въ субботу ходилъ онъ къ отцу Амвросію и ждалъ—иногда не мало—въ пріемной своей очереди, наравнѣ съ другими.

Послѣ же смерти его ходилъ къ преемнику о. Амвросія, старцу о. Іосифу.

Смиреніе его все возвышалось съ годами.

*) Женскій монастырь въ Калужской губерніи, основанный оптинскимъ старцемъ Амвросіемъ.

— Это не вдругъ приходитъ,—сказалъ онъ однажды,—а со временемъ. Это то-же, что пролить кровь.

Какъ-то, во время похоронъ одного монаха, о. Исаакій, желая бросить земли въ могилу, чтобъ подняться на холмъ у могилы, взялся за руку одного брата; тотъ отдернулъ ее, такъ что о. Исаакій чуть было не упалъ.

Ничего не сказавъ, онъ сталъ въ сторонѣ ждать своей очереди.

— Мы никогда не видали,—говорили монахи,—чтобъ онъ взыскивалъ за подобные поступки. По дѣламъ онъ нашъ начальникъ, а держитъ себя, какъ братъ.

Оптинскій Архимандритъ Исаакій.

Доброту его доказываетъ то, что, бывъ богатымъ человѣкомъ, онъ ничего по себѣ не оставилъ. Онъ снабжалъ бѣдныхъ жителей Козельска строевымъ лѣсомъ, позволилъ имъ сбирать для топлива сучки въ монастырскихъ дачахъ. Но милостыню свою онъ таилъ.

Однажды, когда его окружили на глазахъ одной посѣтительницы нищіе, онъ замѣтилъ ей:

— Удивляюсь, зачѣмъ они ко мнѣ пришли, никогда ничего имъ не подаю.

А эти нищіе пошли за нимъ и, какъ всегда, получили.

Когда митрополитъ Иннокентій настоятельно вызывалъ о. Исаакія въ намѣстники Троице-Сергіевой Лавры, онъ употребилъ величайшія усилія, просилъ заступничества вліятельныхъ лицъ, чтобъ избѣжать этого высокаго назначенія.

Простая, безхитростная, пылкая вѣра о. Исаакія бывала подтверждаема не совсѣмъ обыкновенными событіями.

Однажды поѣхалъ онъ на монастырскую мельницу подъ городомъ Болховомъ.

На возвратномъ пути лошади понеслись и стали бить. Кучеръ соскочилъ съ облучка и смотрѣлъ съ ужасомъ, какъ сани уносятся, подпрыгивая по дорогѣ. О. Исаакій не могъ двинуться въ закрытомъ возкѣ, и, видя опасность, призвалъ на помощь святителя Николая Чудотворца.

Лошади тогда мгновенно остановились. О. Исаакій вышелъ изъ возка, чтобъ погладить лошадей, и увидалъ, что они находятся на краю крутого, очень глубокаго оврага. Еще нѣсколько аршинъ, и онъ бы погибъ.

— Батюшка, — закричалъ кучеръ, — вы цѣлы?

— Какъ видишь.

— А я думалъ: и косточекъ вашихъ не соберешь.

Чѣмъ ближе подходила смерть, тѣмъ больше сокрушался надъ собою о. Исаакій:

— Ахъ, какъ умирать-то! — говорилъ онъ.

Переѣздъ отца Амвросія въ Шамординъ, и кончина его очень повліяла на него.

Въ іюнѣ 1894 г. о. Исаакій заболѣлъ дизентеріей. Братія, чуя конецъ его, ходила съ нимъ прощаться. Онъ благословлялъ ихъ иконою.

За двѣ недѣли до смерти онъ началъ ежедневно пріобщаться.

— Страшно умирать, — говорилъ онъ. — Какъ явиться предъ лицомъ Божіимъ и на страшный судъ Его. А сего не миновать!

Его вынесли наружу, положили подъ большимъ деревомъ. И тутъ и монахи, и народъ прощались съ нимъ, выжидая, когда онъ открывалъ глаза.

— Батюшка, какъ жить послѣ васъ, — спрашивали его нѣкоторые монахи.

— Живите по совѣсти и просите помощи у Царицы Небесной, и все будетъ хорошо, — отвѣчалъ онъ.

Онъ почилъ въ 8 ч. вечера, 22 августа 1894 г., 85 лѣтъ отъ роду.

Тѣло его погребено внутри оптинскаго Казанскаго собора.

Великій старецъ Серафимъ Саровскій.

I.

Широко по Руси славится имя отца Серафима Саровскаго. Его чтутъ больше всѣхъ подвижниковъ послѣдняго времени, наравнѣ съ уже прославленными святыми.

По времени своей жизни отецъ Серафимъ принадлежитъ намъ: еще наши отцы хаживали къ нему наставляться; доселѣ должны еще быть живы люди, слышавшіе его голосъ, говорившіе съ нимъ. А по своимъ великимъ подвигамъ онъ принадлежитъ давно прошедшимъ временамъ. Мѣра его трудовъ переноситъ насъ въ древнезавѣтныя времена, какъ та мѣра благодати, которую онъ стяжалъ своею жизнью.

Хотя отецъ Серафимъ бѣгалъ постоянно отъ людской молвы, его ученики въ подробныхъ описаніяхъ сохранили память о важнѣйшихъ событіяхъ его жизни — и она, на наше счастье, становится намъ извѣстною.

Въ жизни этого великаго старца удивительно то, какъ онъ умѣлъ совмѣстить въ себѣ одномъ исполненіе самыхъ трудныхъ подвиговъ монашества: съ дѣтства отдавшись Христу, онъ прошелъ путь общежительнаго инока, далѣе пустынника, столпника, молчальника и затворника. Потомъ онъ былъ старцемъ, т. е. не отказывался отъ руководительства и попеченія о всѣхъ, кто приходилъ къ нему, и въ этомъ высочайшемъ подвигѣ кончилъ свое трудовое и праведное существованіе.

19 іюля 1759 года въ древнемъ городѣ Курскѣ, на Сергіевской улицѣ, близъ храма преподобнаго Сергія, у зажиточнаго купца Исидора Мошнина и жены его Агаѳіи родился сынъ, котораго они назвали во святомъ крещеніи Прохоромъ. Это былъ второй ихъ сынъ.

Мошнинъ занимался каменными подрядами по стройкѣ домовъ и храмовъ и исполнялъ ихъ очень добросовѣстно. Онъ, по рожденіи сына Прохора, прожилъ только года три. Незадолго до смерти онъ взялся строить новый храмъ во имя преп. Сергія, по плану извѣстнаго архитектора Растрелли и, умирая, передалъ это дѣло женѣ.

Мать Прохора была къ церкви еще усерднѣе, чѣмъ ея мужъ, слывшій въ народѣ за очень богобоязненнаго человѣка. Она творила много милостыни. Агаѳія сама продолжала и довершила стройку храма.

Въ семилѣтнемъ возрастѣ, когда мать Прохора осматривала стройку, мальчикъ съ нею взобрался наверхъ недоконченной колокольни и упалъ на землю; мать въ неописанномъ ужасѣ сбѣжала внизъ, зная, что найдетъ его разбитымъ до смерти. Но Прохоръ былъ цѣлъ и невредимъ, и мать не могла не видѣть въ томъ особаго попеченія Божія объ ея сынѣ.

Черезъ три года, когда Прохора съ большимъ успѣхомъ стали уже учить грамотѣ, онъ заболѣлъ и былъ при смерти. Въ самый отчаянный часъ болѣзни, въ сонномъ видѣніи, отроку явилась Божія Матерь и обѣщала посѣтить его и исцѣлить отъ болѣзни. Вскорѣ затѣмъ въ городѣ шли крестнымъ ходомъ съ Коренною иконою Божіей Матери по той улицѣ, гдѣ стоялъ домъ Мошниныхъ. Полилъ дождь. Для сокращенія пути ходъ свернулъ черезъ дворъ Мошниныхъ. Мать Прохора поспѣшила вынести сына къ иконѣ,— и съ этого дня онъ сталъ быстро поправляться.

Учился онъ хорошо и полюбилъ чтеніе священныхъ книгъ. Его старались также пріучить къ торговлѣ разнымъ деревенскимъ товаромъ, которую велъ его братъ. Эти занятія не позволяли ему бывать у обѣдни и вечерни, и потому онъ подымался пораньше, чтобъ отстоять заутреню. Въ праздничные дни онъ занимался духовно-назидательнымъ чтеніемъ и любилъ читать вслухъ сверстникамъ, но болѣе предпочиталъ уединеніе.

За это время онъ сблизился съ однимъ юродивымъ,

въ то время чтимымъ въ Курскѣ и имѣвшимъ на Прохора большое вліяніе.

На семнадцатомъ году рѣшеніе оставить міръ окончательно созрѣло въ Прохорѣ.

Прощаніе съ матерью сына, покидающаго родину для Бога, было трогательно. Она благословила его мѣднымъ крестомъ. Это материнское благословеніе Прохоръ свято хранилъ всю жизнь и всегда носилъ открыто на груди.

Въ то время недалеко отъ Кіево-Печерской лавры, въ Китаевской пустыни, жилъ затворникъ Досиѳей, прозорливый старецъ. Ему Прохоръ открылъ свою душу. Старецъ Досиѳей указалъ ему на Саровскую пустынь.

20 ноября 1778 г., въ канунъ праздника Введенія, Прохоръ прибылъ въ Саровскую пустынь, гдѣ ему Богъ судилъ возрасти и сдѣлаться образцомъ и славою русскихъ иноковъ.

Саровская пустынь основана лишь въ 1700 году и, благодаря непрерывному ряду прекрасныхъ настоятелей, къ концу прошлаго вѣка стала на высокую степень духовной жизни. Затеряна она и понынѣ въ глубинѣ лѣсовъ, вдали отъ шумныхъ путей, отъ неправды мірской. Строителемъ въ Саровѣ въ то время былъ старецъ Пахомій, родомъ изъ курскихъ купцовъ, знавшій родителей Прохора. Онъ ласково принялъ пришельца и, опредѣливъ въ послушники, отдалъ въ наученіе казначею, іеромонаху Іосифу. У этого старца Прохоръ долженъ былъ исполнять келейную службу. За образцовое поведеніе послушникъ Прохоръ былъ переведенъ въ хлѣбню, потомъ въ просфорню, столярню и сдѣланъ потомъ будильщикомъ, послѣ же и пономаремъ.

Несомнѣнно, что уже въ тѣ годы молодой послушникъ началъ борьбу съ мысленными врагами, которые не оставляютъ въ покоѣ строгихъ къ себѣ иноковъ, и съ духомъ печали, скуки, унынія, дѣйствія котораго онъ ясно описалъ въ годы своего старчества. Онъ боролся и постояннымъ наблюденіемъ надъ собою, и трудовымъ распредѣленіемъ своего времени.

Къ службамъ церковнымъ онъ приходилъ какъ можно ранѣе и неподвижно выстаивалъ непремѣнно всякое богослуженіе до самаго конца. Въ свободное время онъ не ходилъ по келліямъ, а уединялся у себя, предаваясь чтенію и тѣлесному труду. Читая духовныя книги, Прохоръ старался въ мысляхъ все сказанное въ нихъ примѣнять къ человѣку и разнымъ его отношеніямъ—отсюда умѣніе его впослѣдствіи освѣтить всякое жизненное положеніе яснымъ рѣшеніемъ, согласнымъ со словомъ Божіимъ.

Въ часы, свободные отъ духовныхъ занятій, Прохоръ работалъ—вырѣзывалъ кресты изъ кипариснаго дерева для благословенія богомольцамъ. Во время работы онъ всегда, не переставая, творилъ про себя Іисусову молитву: «Господи, Іисусе Христе Сыне Божій, помилуй мя грѣшнаго!»

Точное исполненіе монашескихъ послушаній, усердная церковная молитва, духовное чтеніе и трудъ не могли утолить въ Прохорѣ ту жажду строгой пустыни и тяжелаго подвига, которая наполняла его душу.

Вокругъ Сарова, въ глубинѣ монастырскаго лѣса, недалеко другъ отъ друга, жили пустынники, удалившіеся на полное уединеніе изъ монастырской ограды. По благословенію своего старца Іосифа, и молодой Прохоръ сталъ въ свободные часы уходить въ лѣсъ для одинокой молитвы. Въ чащѣ лѣса онъ устроилъ себѣ шалашъ и тамъ погружался въ созерцательную молитву.

Тутъ, въ пустыни — вдали отъ всѣхъ людей, онъ съ умиленіемъ погружался въ свой молитвенный подвигъ, среди природы, раскрывавшей ему величіе Творца, подъ небомъ, сіявшимъ звѣздами, изъ которыхъ каждая говорила ему о невыразимой небесной славѣ. Въ это-же время онъ усилилъ постъ: въ среду и пятницу не вкушалъ вовсе пищи, а въ другіе дни недѣли принималъ ее по одному разу.

Необыкновенное уваженіе, которое вселилъ къ себѣ среди саровскихъ старцевъ молодой Прохоръ, выразилось ясно во время его тяжкаго недуга.

Въ 1780 году онъ жестоко заболѣлъ. Тѣло распухло,

болѣзнь не поддавалась никакимъ средствамъ; врача не было; повидимому, это была водянка. Безропотно въ продолженіе трехъ лѣтъ послушникъ выносилъ сильныя страданія, плакалъ, молился. Его старецъ Іосифъ, строитель Пахомій, старецъ Исаія ходили за нимъ, находясь при немъ почти неотлучно.

Болѣзнь приняла самый опасный оборотъ, строитель совѣтовалъ пригласить врача или открыть кровь. Прохоръ отказался.

Старецъ Іосифъ особо отслужилъ о здравіи Прохора всенощную и литургію; братія была въ сборѣ. Прохора исповѣдывали и пріобщили.

Тогда, въ несказанномъ свѣтѣ, ему явилась Пресвятая Дѣва Марія съ апостолами Іоанномъ Богословомъ и Петромъ. Указывая Богослову на больного послушника, Она сказала: *этотъ нашего рода*, и возложила правую руку на его голову. Матерія, наполнявшая тѣло больного, начала выходить черезъ отверстіе, образовавшееся въ правомъ боку, и вскорѣ онъ выздоровѣлъ. Признаки этой раны навсегда остались на тѣлѣ.

Необыкновенное выздоровленіе всѣ приписали общей молитвѣ и причастію. Явленіе-же стало извѣстно только много лѣтъ спустя, когда, приближаясь къ смерти, подвижникъ разсказалъ о немъ одному довѣренному лицу.

Эта болѣзнь еще болѣе закалила духъ Прохора, и подготовила его къ принятію великаго монашескаго образа.

Вскорѣ въ Саровѣ приступили къ новымъ постройкамъ. На мѣсто кельи, гдѣ болѣлъ Прохоръ, поставили больницу съ богадѣльнею и при больницѣ церковь въ два этажа— нижній престолъ во имя преп. Зосимы и Савватія Соловецкихъ, въ верхнемъ — Преображенія Господня.

Прохора послали за сборомъ денегъ на церковь. Обходя Русь, онъ зашелъ и въ Курскъ. Мать его уже умерла, и онъ долго молился на ея могилѣ; но родной его братъ хозяйствовалъ съ успѣхомъ, и много пожертвовалъ на церковь.

Въ то время внѣшній обликъ послушника Прохора былъ таковъ. Ему было болѣе 25 лѣтъ; росту высокаго (2 арш. 8 вершк.); несмотря на строгій постъ, лицо было бѣлое и полное, носъ правильный и острый; свѣтло-голубые, выразительные и проницательные глаза, густыя брови; густые свѣтлорусые волосы на головѣ; окладистая борода соединялась съ густыми усами; онъ былъ крѣпко сложенъ и очень силенъ; онъ обладалъ увлекательною рѣчью, необыкновенною памятью и свѣтлымъ, отчетливымъ соображеніемъ.

13-го августа 1786 года онъ былъ постриженъ въ монашество и ему дано было, безъ его вѣдома, подходящее къ нему имя, избранное монастырскимъ начальствомъ: Серафимъ, что значитъ пламенный.

Въ декабрѣ 1787 года онъ посвященъ въ іеродіакона. Съ того дня въ теченіе шести лѣтъ онъ почти безпрерывно находился въ служеніи. Ночи на воскресенья и праздники проводилъ всѣ въ молитвахъ, стоя. Богъ подавалъ ему силы,—онъ не нуждался почти въ отдыхѣ, забывалъ о пищѣ и съ сожалѣніемъ уходилъ изъ церкви.

По временамъ онъ видалъ при церковныхъ служеніяхъ ангеловъ, сослужащихъ и воспѣвающихъ съ братіею.

Особенно-же знаменательнаго видѣнія удостоился онъ во время литургіи въ Великій четвергъ, когда, послѣ малаго выхода, онъ увидѣлъ Господа Бога нашего Іисуса Христа во образѣ Сына Человѣческаго во славѣ, сіяющаго, свѣтлѣе солнца, и окруженнаго небесными силами. Отъ западныхъ церковныхъ вратъ Онъ шелъ по воздуху, остановился противъ амвона и, воздвигши Свои руки, благословилъ служащихъ и молящихся.

Отъ видѣнія о. Серафимъ мгновенно измѣнился видомъ—и не могъ сойти съ мѣста, вымолвить слова. Іеродіаконы подъ руки ввели его въ алтарь, гдѣ онъ стоялъ неподвижно около двухъ часовъ.

По служенію своему о. Серафимъ не могъ удалиться совершенно въ пустыню, но по вечерамъ онъ уходилъ какъ въ то время, когда былъ послушникомъ — въ пустынную

Видъ Саровской пустыни.

келью, и тамъ ночь проводилъ въ молитвѣ, а къ утру возвращался въ Саровъ.

2-го сентября 1793 года въ Тамбовѣ о. Серафимъ былъ рукоположенъ во іеромонаха, и съ этого дня, пока жилъ въ самой пустыни, сталъ ежедневно пріобщаться св. Таинъ.

II.

О. Серафимъ былъ достаточно подготовленъ къ многотрудному и великому дѣланію пустынножительства: всецѣлому посвященію всѣхъ мыслей Богу.

«Мы бѣгаемъ,—говорилъ о. Серафимъ—не людей, которые одного съ нами естества и носятъ одно и то-же имя Христово, но пороковъ, ими творимыхъ. Удаляемся мы изъ общества братства не изъ ненависти къ нему, а болѣе для того, что мы приняли и носимъ на себѣ чинъ ангельскій, которому невмѣстительно быть тамъ, гдѣ словомъ и дѣломъ прогнѣвляется Господь Богъ».

Чтобы душѣ о. Серафима развиться на просторѣ, ей нужны были особыя условія, полное удаленіе отъ людей, и бытъ, свободный отъ всякихъ узъ общежитія: пустыня.

Отъ постояннаго стоянія въ церкви и на домашней молитвѣ, у него ноги опухли, открылись раны; онъ не могъ служить, былъ освобожденъ отъ исполненія послушаній и просился въ пустыню. Онъ удалился въ свою пустынную келью, 20-го ноября 1794 года, ровно шестнадцать лѣтъ послѣ прихода своего въ Саровъ, 35 лѣтъ отъ роду, т. е. «на преполовеніи» своей жизни.

Его келья находилась въ густомъ сосновомъ бору, на берегу рѣки Саровки, на возвышенномъ холмѣ, въ 5—6 верстахъ отъ обители. Выстроенная изъ дерева, она состояла изъ комнаты съ печкой, сѣней и крылечка. Вокругъ—гряды огорода и заборъ. Потомъ онъ завелъ у себя и пчельникъ, приносившій очень хорошій медъ.

Одежда о. Серафима была самая убогая. На головѣ онъ носилъ поношенную камилавку, на плечахъ балахонъ

изъ бѣлаго полотна, на рукахъ кожаныя рукавицы, на ногахъ кожаныя бахилы (родъ чулокъ) и лапти. На бѣломъ балахонѣ висѣлъ мѣдный крестъ, который при прощаніи надѣла на него мать, а за плечами, въ сумкѣ, онъ неразлучно носилъ Евангеліе, чтобъ всегда читать его и въ напоминаніе о ношеніи ига Христова. Лѣтомъ и зимой одежда у него была та-же. Его время проходило въ тѣлесныхъ трудахъ, чтеніи книгъ и молитвахъ.

Въ холодную пору онъ собиралъ дрова для отопленія своей келліи, а лѣтомъ воздѣлывалъ гряды на своемъ огородѣ. Для удобренія его, онъ въ жары ходилъ на болотистыя мѣста и приносилъ оттуда мху. Насѣкомыя нестерпимо кусали его, высасывая кровь, а онъ радовался, потому что, какъ говорилъ онъ впослѣдствіи, «страсти истребляются страданіемъ и скорбію — или произвольною, или посылаемою Промысломъ».

Работая, онъ приходилъ въ свѣтлое, радостное настроеніе, которое изливалъ пѣніемъ священныхъ пѣсенъ. И посреди этой трудовой молитвы онъ погружался иногда въ столь глубокое созерцаніе духовныхъ тайнъ, что орудія падали на землю, руки опускались, во взглядѣ его, устремленномъ въ себя, выражалось что-то чудесное, и, если кто проходилъ мимо, съ благоговѣніемъ смотрѣлъ на него и не смѣлъ нарушить его созерцаній.

Во время молитвы онъ достигалъ высшей радости, доступной человѣку.

Пища о. Серафима состояла изъ сухого и черстваго хлѣба, который онъ бралъ съ собою изъ монастыря по воскресеньямъ на цѣлую недѣлю. Есть сказаніе, что изъ этого количества онъ удѣлялъ еще звѣрямъ и птицамъ, которые любили собираться къ нему. Но потомъ онъ отказался и отъ хлѣба насущнаго, довольствуясь овощами огорода; и исполнились надъ нимъ слова ап. Павла — онъ питалъ себя, добывая себѣ самъ пропитаніе. Всю первую недѣлю Великаго поста онъ ничего не вкушалъ. Наконецъ, онъ дошелъ до того, что въ продолженіе почти трехъ лѣтъ

питался травою сниткою, которую варилъ въ горшечкѣ, а на зиму засушивалъ ее себѣ на запасъ.

Наканунѣ праздниковъ и воскресныхъ дней о. Серафимъ приходилъ въ обитель, выстаивалъ вечернія службы и пріобщался за раннею литургіею въ дорогой ему церкви преп. Зосимы и Савватія; до вечерни въ келліи принималъ нуждавшихся въ его совѣтѣ изъ монастырской братіи, а затѣмъ, взявъ хлѣба, удалялся въ пустынь. Только всю первую недѣлю Великаго поста онъ оставался въ обители.

Молва стала распространяться о пустынномъ старцѣ, и многіе приходили къ нему въ его пустынную келью.

Но въ эти годы о. Серафимъ всячески избѣгалъ посѣтителей. Особенно-же онъ сторонился нѣкоторыхъ, видя въ нихъ одно любопытство. Дѣйствительно-же нуждающимся духовно изъ иноковъ не отказывалъ. Иногда сосѣдніе пустынники, Александръ и Маркъ, находили о. Серафима до того погруженнымъ въ богомысліе, что онъ не замѣчалъ ихъ присутствія; прождавъ съ часъ, они уходили. Если-же старецъ встрѣчалъ кого въ лѣсу, то смиренно кланялся и отходилъ, ибо какъ онъ говаривалъ впослѣдствіи: «отъ молчанія никто никогда не раскаивался».

На людей, видѣвшихъ старца въ первый разъ, эти неожиданныя встрѣчи производили неизгладимыя на всю жизнь впечатлѣнія; уже одинъ внѣшній образъ его поучалъ, говоря о чемъ-то возвышеннѣйшемъ и духовномъ... Существуетъ большая картина: о. Серафимъ въ полуклобукѣ, полумантіи, съ сумкою на плечѣ, съ четками въ рукахъ, опираясь на сучковатую палку и пригнувшись къ землѣ, какъ ходилъ онъ послѣ ранъ, совершаетъ свой переходъ по лѣсу.— Трудно оторваться отъ этого чуднаго лика саровскаго пустынножителя. Какія-же чувства испытывали тѣ, кто видѣли его живымъ, ощущая дѣйствовавшую въ немъ благодать?

О. Серафимъ, достигнувъ высоты мирнаго духа, и дикимъ звѣрямъ внушалъ благоговѣніе. Нѣсколько разъ посѣщавшіе его въ дальней пустыни видѣли близъ него громаднаго медвѣдя, котораго онъ кормилъ. По его слову,

медвѣдь уходилъ въ лѣсъ — и потомъ приходилъ снова и старецъ кормилъ его, и давалъ иногда кормить его посѣтителямъ. Лицо у старца было тогда свѣтлое, какъ у ангела, и радостное. Но онъ запрещалъ говорить о томъ до его смерти.

Видя такую великую жизнь подвижника, исконный врагъ нашего спасенія яростно вооружился противъ него, насылая на него тяжкія искушенія.

Иногда ему видимо представлялось, что келлія рушится на четыре стороны, и что къ нему рвутся страшные звѣри съ дикимъ ревомъ.

Всѣ эти внѣшнія видѣнія и искушенія подвижникъ побѣждалъ силою крестнаго знаменія. Дважды былъ избранъ о. Серафимъ въ игумены и архимандриты монастырей, но отказался. Видя такое смиреніе, врагъ ополчился на него новою бѣдою и воздвигъ въ его душѣ со страшною силой соблазна мысленную брань — самую ужасную изъ бѣдъ... Трудно было о. Серафиму. Призвавъ на помощь Господа Іисуса Христа и Пречистую его Матерь,—онъ рѣшился для побѣды надъ кознями на новый подвигъ.

Въ лѣсу, на полпути отъ келліи въ Саровъ, лежалъ гранитный камень громадной величины. На немъ рѣшился о. Серафимъ начать жизнь столпника. Всю ночь теперь онъ сталъ проводить на этомъ камнѣ, въ молитвѣ, стоя во весь ростъ, или на колѣняхъ, съ воздѣтыми руками, взывая, какъ мытарь: «Боже милостивъ буди мнѣ грѣшному!» — Въ келліи о. Серафимъ на весь день становился на другой камень, сходя съ него только для принятія пищи и рѣдкаго отдыха. Такъ прожилъ онъ тысячу сутокъ — и мысленная брань утихла отъ великаго труда плоти и непрестанной молитвы.

Но болѣзнь въ ногахъ открылась опять, и уже не оставляла старца до конца его дней.

Достигнувъ цѣли, онъ окончилъ этотъ подвигъ, совершенный въ такой тайнѣ, что никто о немъ не зналъ,— и только предъ смертью онъ, въ назиданіе, разсказалъ о

томъ ближайшей братіи. Когда его спросили, какъ онъ могъ это перетерпѣть, была-ли ему Божья помощь, онъ отвѣчалъ:

«Да иначе силъ человѣческихъ не хватило-бы. Внутренно подкрѣплялся и утѣшался я этимъ небеснымъ даромъ, нисходящимъ отъ Отца свѣтовъ. Когда въ сердцѣ есть умиленіе, то и Богъ бываетъ съ нами».

Камни о. Серафима существуютъ. Но отъ большого остался только одинъ осколокъ. Многіе откалывали себѣ отъ нихъ куски. Въ семьяхъ встрѣчаются эти куски, иногда съ изображеніемъ молящагося о. Серафима. Богомольцы пробили въ пустынь Серафимову вмѣсто тропинки просторную дорогу, по которой ѣздятъ экипажи.

А старца ждало новое испытаніе, изгонявшее его изъ пустыни.

12-го сентября 1804 года, когда онъ рубилъ въ лѣсу дрова, къ нему пришли три неизвѣстные крестьянина, и нагло стали требовать денегъ. Онъ отвѣтилъ: «я ни отъ кого ничего не беру». Первый бросившійся на него упалъ, и они всѣ испугались, а о. Серафимъ, хотя былъ очень силенъ и былъ при топорѣ, вспомнилъ слова Спасителя: «вси пріимшіи ножъ, ножемъ погибнутъ». Онъ опустилъ топоръ, сложилъ на груди крестомъ руки и сказалъ: «дѣлайте, что вамъ надобно». Они ударили его обухомъ топора въ голову—изъ рта и ушей хлынула кровь, старецъ упалъ замертво. Разбойники повлекли его къ келліи, продолжая топтать его ногами, связали веревками — и, думая, что онъ убитъ, кинули его, и бросились въ келлію для грабежа. Но нашли только икону и нѣсколько картофелинъ; на злодѣевъ напалъ страхъ, и они убѣжали.

О. Серафимъ, придя въ чувство, кой-какъ развязалъ себя, поблагодарилъ Бога за безвинное страданіе, помолился о прощеніи грабителей и къ утру приплелся въ обитель, въ самомъ ужасномъ видѣ, истерзанный, окровавленный, съ запекшейся кровью. Врачи нашли, что голова проломлена, ребра перебиты, грудь оттоптана и по тѣлу смер-

тельныя раны, и удивлялись, какъ онъ еще живъ. Когда они совѣщались по латыни, что дѣлать, о. Серафимъ уснулъ и имѣлъ видѣніе.

Пресвятая Владычица, во славѣ, съ апостолами Іоанномъ Богословомъ и Петромъ явилась къ его одру и произнесла въ ту сторону, гдѣ были врачи: «что вы трудитесь?» а старцу: «сей отъ рода нашего!» слова уже слышанныя старцемъ.

Проснувшись, о. Серафимъ отклонилъ лѣченіе, и, въ тотъ-же день почувствовавъ возвращеніе силъ, всталъ съ постели. Но пять мѣсяцевъ онъ провелъ, оправляясь, въ обители, а тамъ снова возвратился въ пустыню.

Когда грабители были уличены, о. Серафимъ объявилъ и саровскому настоятелю, и ихъ помѣщику, что, если крестьянъ накажутъ, то онъ навсегда уйдетъ изъ Сарова въ дальнія мѣста. По мольбѣ старца, злодѣевъ простили; но въ скоромъ времени пожаръ сжегъ ихъ дома; они раскаялись и приходили къ о. Серафиму.

Съ той поры онъ остался навсегда совсѣмъ согбеннымъ (еще прежде онъ былъ однажды придавленъ деревомъ, при рубкѣ лѣса), и ходилъ, опираясь на топорикъ, мотыгу или палку.

Умножая свои труды, о. Серафимъ послѣ 1806 года, приступилъ къ подвигу молчальника, основываясь на словахъ св. Амвросія медіоланскаго: — «молчаніемъ я видѣлъ многихъ спасающихся, многоглаголаніемъ-же ни единаго»— и еще другого учителя: «молчаніе есть таинство будущаго вѣка; словеса-же — орудіе суть міра сего».

Онъ не выходилъ теперь, если кто посѣщалъ его въ пустынѣ; встрѣчаясь съ кѣмъ въ лѣсу, онъ падалъ ницъ, пока не уходили. Онъ пересталъ ходить въ обитель; однажды въ недѣлю ему приносили оттуда пищу. Услышавъ стукъ, онъ на колѣняхъ, какъ Божій даръ, принималъ въ сѣняхъ пищу съ земли, куда ставилъ ее приносившій монахъ, не смотря на него, и клалъ возлѣ кусочекъ капусты или хлѣба—чтобы показать, въ чемъ онъ нуждается на слѣдующій разъ.

Сущность-же подвига состояла въ отреченіи отъ всѣхъ житейскихъ помысловъ.

Около трехъ лѣтъ провелъ о. Серафимъ въ такомъ молчаніи, и отъ него перешелъ къ новому высшему подвигу, называемому затворомъ.

Ему было тогда пятьдесятъ лѣтъ.

Все, что имѣлъ тогда у себя въ келліи о. Серафимъ,— была икона съ горящей лампадой и обрубокъ пня взамѣнъ стула. Для себя онъ не употреблялъ и огня. Въ келліи лежала охапка дровъ для печи, никогда не топившейся. Для умерщвленія плоти онъ носилъ подъ рубашкою, на плечахъ, поддерживаемый веревками, большой пятивершковый желѣзный крестъ; веригъ и власяницы онъ не носилъ никогда и говорилъ: «кто насъ оскорбитъ словомъ или дѣломъ, и если мы переносимъ обиды по-евангельски— вотъ и вериги наши, вотъ и власяница!»

Питьемъ его была одна вода; пищей — толокно и бѣла рубленая капуста; это ему приносили ежедневно; иногда уносили непочатымъ.

Часто онъ на колѣняхъ цѣлыми часами безмолвно стоялъ предъ иконой, созерцая въ сердцѣ Господа.

Въ теченіе недѣли онъ прочитывалъ весь Новый Завѣтъ. Сквозь дверь было слышно, какъ онъ вслухъ толковалъ себѣ Писаніе; многіе приходили и внимали ему.

Въ праздники къ нему приносили св. Дары, и онъ пріобщался.

Чтобы яснѣе помнить о смерти, онъ упросилъ сдѣлать себѣ гробъ, и поставилъ его въ своихъ сѣняхъ, и завѣщалъ, чтобы его схоронили въ этомъ гробѣ.

Случайно открылось, что по ночамъ онъ трудился, перенося полѣнца къ своей келліи, читая чуть слышно молитву Іисусову.

III.

Прошло пять лѣтъ затвора, и о. Серафимъ внѣшне ослабилъ его: онъ открылъ дверь келліи; всякій могъ войти

Старецъ Серафимъ совершаетъ на камнѣ свой молитвенный подвигъ.

къ нему; онъ-же продолжалъ свои духовныя занятія—и на вопросы не отвѣчалъ.

Еще черезъ пять лѣтъ онъ уже началъ вступать въ бесѣду, и прежде всего съ иноками.

Онъ училъ ихъ точному выполненію иноческихъ правилъ, ревности къ церковному служенію.

Въ дѣлѣ спасенія души великую силу придавалъ о. Серафимъ причастію.

Приступать ко св. причастію и монахамъ, и мірянамъ о. Серафимъ совѣтовалъ во всѣ двунадесятые праздники— и никакъ не опускать безъ говѣнія четырехъ постовъ.

Вотъ, что говорилъ онъ о высокой милости евхаристіи: «если-бы мы и весь океанъ наполнили слезами, то и тогда-бы не могли удовлетворить Господа за то, что онъ изливаетъ на насъ жизнь и питаетъ насъ пречистою Своею кровію и тѣломъ, которыя насъ омываютъ, очищаютъ, оживотворяютъ и воскрешаютъ. Но приступай безъ сомнѣнія и не смущайся, а вѣруй только».

Открывъ дверь инокамъ, старецъ не отказывалъ уже болѣе и мірянамъ. Его слово дѣйствовало съ большою властью, потому что всѣ приходившіе къ нему знали, что самъ онъ исполнялъ то, что проповѣдывалъ. А, какъ говорилъ о. Серафимъ, «учить другихъ такъ-же легко, какъ съ нашего собора бросать на землю камешки, а проходить дѣломъ то, чему учишь, все равно, какъ-бы самому носить камешки на верхъ собора».

Теперь двери его келліи были открыты отъ ранней обѣдни до 8 ч. утра. Онъ принималъ въ бѣломъ балахонѣ и мантіи; а въ дни, когда пріобщался, еще въ епитрахили и поручахъ. Людей искреннихъ встрѣчалъ съ особенною радостью. Побесѣдовавъ, онъ заставлялъ наклонить голову, и, возложивъ епитрахиль, произносилъ съ посѣтителемъ молитву: «Согрѣшилъ я, Господи, согрѣшилъ душою и тѣломъ, словомъ, дѣломъ, умомъ и помышленіемъ и всѣми моими чувствами... волею или неволею, вѣдѣніемъ или невѣдѣніемъ». И затѣмъ читалъ разрѣшительную молитву.

Въ эту минуту испытывалось необыкновенное облегченіе совѣсти. Потомъ онъ помазывалъ крестообразно лобъ масломъ отъ иконы — и давалъ пить богоявленской воды и частицу антидора, по утрамъ; потомъ, цѣлуя пришедшаго въ уста, говорилъ во всякое время—Христосъ Воскресе, и давалъ прикладываться къ образу Божіей Матери или кресту, висѣвшему у него на груди.

Особенно онъ совѣтовалъ и настаивалъ на томъ, чтобъ люди постоянно имѣли въ сердцѣ молитву Іисусову. «Въ этомъ да будетъ все твое вниманіе и обученіе». Этой молитвѣ онъ придавалъ великое значеніе и считалъ непремѣнно обязательною для каждаго христіанина.

Насчетъ ежедневныхъ молитвъ, онъ оставилъ слѣдующее правило, исполнимое рѣшительно для всѣхъ.

Вставши отъ сна, читать «Отче нашъ» трижды, «Богородице Дѣво, радуйся» — трижды, и «Вѣрую во единаго Бога»—одинъ разъ. Затѣмъ, до обѣда читать, по возможности всегда, и на пути, и на трудѣ, Іисусову молитву, а при людяхъ повторять мысленно «Господи помилуй». Передъ обѣдомъ повторять утреннее правило.

Послѣ обѣда до вечера вмѣсто Іисусовой молитвы читать «Пресвятая Богородице, спаси мя грѣшнаго». Передъ сномъ — опять утреннее правило.

Кто-же не имѣетъ времени, пусть совершаетъ эти правила хоть на ходьбѣ, на постели, помня: «всякій призывающій имя Господне, спасется».

А имѣющіе время — пусть читаютъ еще зачала изъ Евангелія, акаѳисты, псалмы. Малое-же это правило—высокаго достоинства: первая молитва, образецъ молитвъ, дана Господомъ; вторая — принесена архангеломъ съ неба; въ третьей — всѣ догматы вѣры.

Знатнымъ посѣтителямъ о. Серафимъ говорилъ много объ ихъ обязанностяхъ къ отечеству и вѣрѣ, умолялъ ихъ служить вѣрно Церкви Христовой и блюсти Ея ученіе.

Простолюдины кромѣ душевныхъ скорбей шли къ нему со своими несложными нуждами, и онъ не отказывалъ.

Однажды прибѣжалъ въ обитель крестьянинъ, растрепанный, въ отчаяніи и, отыскавъ о. Серафима, упалъ въ ноги и закричалъ: «батюшка, у меня украли лошадь. Безъ нея семью нечѣмъ кормить. А, говорятъ, ты угадываешь!»

О. Серафимъ, ласково взявъ его за голову, сказалъ: «огради себя молчаніемъ и иди въ «такое-то» село. Подходя къ нему, свороти съ дороги вправо и пройди задами четыре дома. Войди въ калиточку, отвяжи лошадь отъ колоды и выведи молча».

Лошадь нашлась.

Особенно доступенъ сталъ о. Серафимъ съ 1825 года, когда онъ окончилъ свое затворничество.

Верстахъ въ двухъ отъ монастыря издавна существовалъ родникъ, и близъ него на столбикѣ была икона св. Евангелиста Іоанна Богослова, почему и родникъ называли Богословскимъ. О. Серафимъ всегда очень любилъ это мѣсто: въ четверти версты стояла келлія одного умершаго подвижника.

На это мѣсто и началъ ходить старецъ, строеніе надъ родникомъ возобновили; вокругъ устроили гряды; старецъ работалъ, унизывая дно родника каменьями, которые самъ собиралъ, и воздѣлывая овощи. На берегу горы, у родника, поставили срубъ, подъ который онъ укрывался во время жары. Онъ постоянно проводилъ тутъ всѣ будничные дни, съ 2 или 4 ч. утра, лишь на ночь возвращаясь въ монастырь, въ холщевомъ бѣломъ балахонѣ, камилавкѣ, съ топоромъ въ рукѣ, съ сумою, набитою каменьями или пескомъ, на которыхъ лежало евангеліе—и на вопросы о сумѣ, по св. Ефрему Сирину, отвѣчалъ: «я томлю, томящаго мя». Это мѣсто—«ближняя пустынька», а колодезь, чудесно открывшійся явленіемъ Богоматери старцу—«колодезь о. Серафима».

По пути, и въ обители, и въ пустынькѣ—всюду ждало его множество народа. Его возвращеніе въ келлію въ дни причастія представляло необыкновенное зрѣлище. Онъ шелъ

въ мантіи, епитрахили и поручахъ; народъ, окружавшій его, старался хоть взглянуть на него; но онъ не благословлялъ никого, и шелъ, весь погруженный въ себя.

Также дивно было видѣть уже прославленнаго чудесами, прозорливостью, даромъ благодати старца, согбеннаго, въ убогой бѣлой одеждѣ, рубящимъ дрова или копающимъ гряды, подпираясь топоромъ, съ сумою съ камнями на плечахъ. А иногда онъ покрывался выдѣланною кожею, и вспоминались слова ап. Павла: «проидоша въ милотехъ и въ козіихъ кожахъ, въ пустынехъ скитающеся, скорбяще, озлоблени, — ихъ-же міръ не бысть достоинъ» (Евр. 11, 37).

Теперь открылось людямъ великое сокровище: бесѣда о. Серафима. Она дышала проникающею, тихою, живительною властью. Его рѣчи были смиренны, грѣли сердца, снимали завѣсу съ глазъ, озаряли умъ духовнымъ разумѣніемъ, приводили къ раскаянію, родили желаніе исправиться, стать лучшимъ—возбуждали надежду, что это исправленіе возможно, и, охватывая разумъ и волю, осѣнили душу человѣка тишиной. Его видъ, его бесѣда были какъ ясный лучъ солнца, просвѣтляющій всякую темноту.

Какъ всю свою жизнь, такъ и слова свои, о. Серафимъ основалъ на словѣ Божіемъ и разъяснялъ все спрашивавшимъ у него рѣшенія самыхъ трудныхъ обстоятельствъ жизни — на основаніи мѣстъ изъ Писанія и примѣровъ святыхъ.

Особенно выдѣлялись въ немъ любовь и смиренномудріе. Всякаго приходившаго, богача, барина и нищаго, и грѣшника, изболѣвшаго грѣхами, онъ цѣловалъ, кланялся до земли и, благословляя, цѣловалъ руки. Никогда онъ не говорилъ строгими укорами,—никогда не обличалъ жестокими словами; а если замѣчалъ дурное—то тихо и кротко; болѣе просилъ и совѣтовалъ, чѣмъ обличалъ. Иногда не понимали люди въ ту минуту, когда онъ говорилъ, что его слова относятся именно къ нимъ; но впослѣдствіи, при нуждѣ, всегда вспоминалась старцева рѣчь.

Множество народа шло теперь въ Саровъ, къ о. Серафиму. Ежедневно въ его кельѣ, въ многолюднѣйшее время, бывало тысячъ до двухъ. Со всякимъ было у него время побесѣдовать на пользу, причемъ въ краткихъ словахъ онъ говорилъ много, разомъ давая наставленіе, которое бы охватило всю жизнь человѣка, и, при нуждѣ, открывая самыя затаенныя мысли и чувства. Его любовь съ такою силою грѣла всякаго приходившаго, что отъ ея воздѣйствія неудержимо плакали люди съ самымъ твердымъ и окаменѣлымъ сердцемъ.

О. Серафимъ придавалъ очень большую важность православному сложенію креста, а лицъ, знаменовавшихся двухперстнымъ знаменіемъ, старался отклонить отъ этого обычая.

Вотъ, какъ онъ говорилъ объ упадкѣ благочестія и о силѣ православной вѣры: «Мы, на землѣ живущіе, много заблудили отъ пути спасительнаго; прогнѣвляемъ Господа и нехраненіемъ св. постовъ; нынѣ христіане разрѣшаютъ на мясо и во св. четыредесятницу, и во всякій постъ среды и пятницы не сохраняютъ, а Церковь имѣетъ правило: нехранящіе св. постовъ и всего лѣта среды и пятницы много грѣшатъ... Не до конца прогнѣвается Господь, паки помилуетъ. У насъ вѣра православная, Церковь, не имѣющая никакого порока. Сихъ ради добродѣтелей Россія всегда будетъ славна и врагамъ страшна, и непреоборима, имущая вѣру и благочестіе въ щитъ и во броню правды: сихъ врата адова не одолѣютъ».

Дѣтямъ о. Серафимъ внушалъ уважать родителей, даже преданныхъ унизительнымъ порокамъ, и не позволялъ дѣтямъ говорить объ этихъ порокахъ родителей, закрывая имъ тогда ротъ рукой.

О. Серафимъ имѣлъ въ сильнѣйшей степени даръ прозорливости. Въ настоящемъ короткомъ описаніи будетъ вовсе опущено множество случаевъ, занесенныхъ въ подробныя житія о. Серафима; но необходимо указать на мнѣніе старца объ этой прозорливости.

Послѣ одного обнаруженія прозорливости, на удивленіе одного изъ своихъ дѣтей,—старецъ объяснилъ: «Онъ шелъ ко мнѣ, какъ и другіе, какъ и ты; шелъ, яко къ рабу Божію; я, грѣшный Серафимъ, такъ и думалъ, что я грѣшный рабъ Божій—что мнѣ повелѣваетъ Господь, какъ рабу своему, то я передаю требующему полезное. Первое помышленіе, являющееся въ душѣ моей, я считаю указаніемъ Божіимъ и говорю, не зная, что у моего собесѣдника на душѣ, а только вѣруя, что такъ мнѣ указываетъ воля Божія. Своей воли не имѣю; а что Богу угодно, то и передаю».

Получая письма, о. Серафимъ часто, не распечатывая ихъ, зналъ ихъ содержаніе и давалъ отвѣты: «вотъ, что скажи отъ убогаго Серафима».—Послѣ кончины его нашли много такихъ нераспечатанныхъ писемъ, на которыя были даны отвѣты.

Одному мірянину В. о. Серафимъ говаривалъ часто, что на Россію возстанутъ три державы и много изнурятъ ее. Но за православіе Господь помилуетъ и сохранитъ ее. Это онъ говорилъ о крымской кампаніи, какъ показали событія.

Еще не было ни откровеній, ни явленій у гроба святителя Митрофана Воронежскаго, а о. Серафимъ письменно поздравилъ архіепископа Антонія воронежскаго съ открытіемъ св. мощей.

Духомъ о. Серафимъ зналъ и былъ въ единеніи со многими подвижниками, которыхъ никогда не видалъ и которые жили отъ него за тысячи верстъ.

Когда въ затворникѣ задонскаго Богородицкаго монастыря Георгіи возникъ помыслъ, -- не перемѣнить-ли ему своего мѣста на болѣе уединенное, и никто, кромѣ него, не зналъ этого тайнаго смущенія, пришелъ къ нему какой-то старикъ отъ о. Серафима и сказалъ: «о. Серафимъ приказалъ тебѣ сказать: стыдно-де, столько лѣтъ сидѣвши въ затворѣ, побѣждаться такими вражескими помыслами, чтобъ оставить свое мѣсто. Никуда не ходи: Пресвятая Богородица велитъ тебѣ здѣсь оставаться». Старикъ сказалъ и вышелъ.

Онъ равно видѣлъ прошедшее и будущее, въ нѣсколькихъ словахъ очерчивалъ предстоящую жизнь человѣка и говорилъ вещи и давалъ совѣты, казавшіеся странными, доколѣ они не оказывались полными духа прозрѣнія. Подробныя житія его сохраняютъ множество удивительныхъ проявленій этого дара.

О. Серафимъ имѣлъ также даръ исцѣленій. У него былъ обычай мазать больныхъ масломъ отъ лампады, горѣвшей предъ его келейною иконою Богоматери—«Умиленія», которую онъ называлъ «Всѣхъ радостей Радость»—и, когда ему былъ предложенъ вопросъ, зачѣмъ онъ это дѣлаетъ—онъ отвѣчалъ посланному: «мы читаемъ въ Писаніи, что апостолы мазали масломъ, и многіе больные отъ сего исцѣлялись. Кому же слѣдовать намъ, какъ не апостоламъ?»—и помазанные имъ получали исцѣленіе.

А о колодцѣ «Серафимовомъ» старецъ сказалъ: «я молился, чтобы вода сія въ колодцѣ была цѣлительною отъ болѣзней». Эта вода получила тогда особыя свойства. Она не портится, хотя-бы много лѣтъ стояла въ незакупоренныхъ сосудахъ; во всякое время года, и въ холода, ею омываются больные и здоровые, и получаютъ пользу. Одинъ саровскій монахъ остановилъ двороваго человѣка, гнавшагося за старцемъ и спросилъ: «что ты гонишься за нимъ?» — «Какъ же не гнаться мнѣ за нимъ,—отвѣчалъ поспѣшно тотъ, — я былъ слѣпъ, а о. Серафимъ сдѣлалъ меня зрячимъ», — и онъ побѣжалъ далѣе за старцемъ.

М. В. Сипягина была больна, чувствовала въ себѣ ужасную тоску и отъ болѣзни не могла въ постные дни ѣсть пищи, положенной уставомъ. Старецъ приказалъ ей напиться воды у его источника. Тогда безъ всякаго принужденія изъ нея гортанью вышло много желчи, и она стала здорова.

Многимъ, даже въ ранахъ, о. Серафимъ приказывалъ окатиться водой изъ его источника. Всѣ получали отъ этого исцѣленіе — и въ различныхъ болѣзняхъ.

Въ началѣ двадцатыхъ годовъ, г. Манторовъ заболѣлъ

Старецъ Серафимъ.

недугомъ, котораго врачи не могли опредѣлить и котораго не могли облегчить. Страданія вынудили его выйти изъ военной службы, и поселиться въ имѣніи Нучѣ, въ 40 в. отъ Сарова. Объ о. Серафимѣ уже шла молва: слухъ дошелъ до больного, и онъ былъ принесенъ на рукахъ, своими людьми, къ старцу. Старецъ его трижды спросилъ: «вѣруешь-ли ты несомнѣнно въ Бога?» Больной трижды отвѣчалъ: «несомнѣнно вѣрую». Старецъ помазалъ больныя мѣста масломъ изъ лампады; всѣ струпья, покрывавшіе тѣло, мгновенно отпали. Мантаровъ, исцѣленный, *вышелъ* здоровымъ изъ келліи.—Онъ всю свою послѣдующую жизнь прожилъ подъ рукою старца, и много сдѣлалъ для Дивѣевской его общины.

У генерала Ладыженскаго сильно болѣла лѣвая рука отъ раны, полученной въ турецкую кампанію. По просьбѣ сестеръ своихъ, ему пришлось быть у о. Серафима.

Вернувшись, онъ разсказалъ, что съ нимъ совершилось чудо. «Пока я передавалъ о. Серафиму порученія— онъ взялъ меня за больную мою руку и такъ крѣпко сжалъ, что я только отъ стыда не вскрикнулъ, но теперь не ощущаю въ рукѣ рѣшительно никакой боли».

О. Серафимъ за нѣсколько лѣтъ говорилъ о приближавшейся холерѣ и, когда она наступила, открыто предвозвѣстивъ, что ея не будетъ ни въ Саровѣ, ни въ Дивѣевѣ, исцѣлялъ тѣхъ, кто обращался къ нему. Такъ, одинъ крестьянинъ, заболѣвъ, приползъ къ старцу, который приложилъ его къ своему образу, напоилъ св. водою, далъ просфоры и велѣлъ обойти кругомъ обители и помолиться въ соборѣ. Крестьянинъ былъ исцѣленъ.

Ничѣмъ нельзя лучше описать любви и заботы старца о. Серафима къ своимъ дѣтямъ, какъ слѣдующимъ. Въ келліи у него горѣло много лампадъ и теплились цѣлыя кучи восковыхъ свѣчъ, большихъ и малыхъ, на разныхъ круглыхъ подносахъ. И, на *мысль* одного посѣтителя, къ чему это у него такъ много лампадъ, старецъ отвѣчалъ:

— Какъ вамъ извѣстно, у меня много особъ, усердствующихъ ко мнѣ и благотворящихъ мельничнымъ сиротамъ моимъ (т. е. сестрамъ Дивѣева). Онѣ приносятъ мнѣ елей и свѣчи и просятъ помолиться о нихъ. Вотъ, когда я читаю правило свое, то и поминаю ихъ сначала единожды. А, какъ я не смогу повторять ихъ на каждомъ мѣстѣ правила, то и ставлю эти свѣчи за нихъ въ жертву Богу — за каждаго по свѣчѣ; за иныхъ — за нѣсколько человѣкъ одну большую — и, гдѣ слѣдуетъ, не называя именъ, говорю: «Господи, помяни всѣхъ тѣхъ людей, рабовъ Твоихъ за ихъ-же души возжегъ Тебѣ азъ, убогій, сіи свѣщи и кандила».

IV.

Наступили послѣдніе годы жизни старца. Онъ говорилъ: «скоро я не буду жить здѣсь; близокъ конецъ мой!»

Съ прежнею любовью и заботою продолжалъ старецъ служить приходившимъ къ нему. Вотъ, одно изъ описаній посѣщенія о. Серафима.

«Мы нашли старца въ ближней пустынѣ, на работѣ: онъ разбивалъ грядку мотыкою. Когда мы поклонились ему до земли, онъ благословилъ насъ и, положивши на мою голову руки, прочиталъ тропарь Успенію: «Въ рождествѣ дѣвство сохранила еси». Потомъ онъ сѣлъ на грядку и приказалъ намъ также сѣсть; но мы невольно встали предъ нимъ на колѣни и слушали его бесѣду о будущей жизни, о жизни святыхъ, о заступленіи, предстательствѣ и попеченіи о насъ грѣшныхъ Владычицы Богородицы, и о томъ, что необходимо намъ въ здѣшней жизни, для вѣчности. Эта бесѣда продолжалась не болѣе часа; но такого часа я не сравню со всею прошедшею моею жизнію. Во все продолженіе бесѣды я чувствовалъ въ сердцѣ неизъяснимую, небесную сладость, Богъ вѣсть какимъ образомъ туда переливавшуюся, которой нельзя сравнить ни съ чѣмъ на землѣ. До тѣхъ поръ для меня въ духовномъ мірѣ все было совершенно безразлично. О. Серафимъ впервые далъ

мнѣ теперь почувствовать всемогущаго Господа Бога и Его неисчерпаемое милосердіе и всесовершенство».

Мимо Сарова проѣзжаетъ за ремонтомъ кавалерійскій молодой офицеръ. Онъ сомнѣвается въ ученіи Церкви объ иконахъ, и боится обличенія прозорливаго старца — и минуетъ пустынь. Но чрезъ полгода, отправляясь въ походъ, онъ, по просьбѣ своего отца, заѣзжаетъ въ Саровъ. Старецъ въ толпѣ народа дѣлаетъ ему знакъ подойти, и ведетъ въ келью. На просьбу молиться, чтобъ онъ уцѣлѣлъ въ битвѣ, старецъ благословляетъ его мѣднымъ крестомъ и исповѣдуетъ, говоря ему вслухъ его грѣхи, и потомъ наставляетъ его: «Не надобно покоряться страху, который наводитъ на юношей діаволъ, а нужно тогда особенно бодрствовать духомъ и помнить, что мы, хоть и грѣшные, но всѣ находимся подъ благодатію нашего Искупителя, безъ воли Котораго не спадетъ ни одинъ волосъ съ головы нашей. Искушенія діавола подобны паутинѣ; дунуть на нее—и она истребляется; стоитъ оградить себя крестнымъ знаменіемъ, и козни вражескія исчезаютъ совершенно». Потомъ старецъ разъясняетъ всѣ заблужденія слушателя на счетъ св. иконъ, благословляетъ солдатъ командуемой имъ части и предсказываетъ, что они всѣ уцѣлѣютъ въ походѣ. Уходя, офицеръ кладетъ около старца три рубля на свѣчи, и вдругъ въ душѣ помыслъ, на что старцу нужны деньги. Онъ возвращается съ раскаяніемъ къ о. Серафиму, а старецъ, прежде чѣмъ тотъ вымолвилъ слово, говоритъ: «во время войны съ галлами надлежало одному военачальнику лишиться правой руки; но эта рука дала какому-то пустыннику три монеты на св. храмъ, и молитвами св. Церкви Господь спасъ ее. Ты это пойми хорошенько и впредь не раскаивайся въ добрыхъ дѣлахъ. Деньги твои пойдутъ на устроеніе Дивѣевской общины, за твое здоровье». Подавая ему выпить святой воды, старецъ говоритъ: «да изженется благодатію Божіею духъ лукавый, нашедшій на раба Божія Іоанна». Потомъ старецъ даетъ ему на дорогу просфору, св. воды и сухариковъ.

Въ другой разъ приходитъ къ старцу генералъ и разсказываетъ, что, окруженный со всѣхъ сторонъ турецкими полками, оставшись безъ надежды съ однимъ своимъ полкомъ, онъ твердилъ: «Господи, помилуй молитвами старца Серафима», ѣлъ его сухарики и пилъ св. воду — и спасся. А старецъ объясняетъ ему, что молитва вѣры—непобѣдимая побѣда.

Вотъ, о. Серафимъ соединяетъ снова неблагополучную жизнь разошедшихся супруговъ и разлученныхъ ради того дѣтей. Вотъ мать, потерявшая изъ виду сына, припадаетъ къ ногамъ старца, и онъ говоритъ: «подожди въ Саровѣ!» Черезъ три дня, входя въ келью о. Серафима, она находитъ въ ней своего сына, котораго о. Серафимъ подводитъ къ ней за руку и поздравляетъ.

Приближаясь къ концу, о. Серафимъ не смягчалъ своего жестокаго житія. Пищу онъ вкушалъ однажды въ день, вечеромъ. Отъ дождя и жара надѣвалъ полумантію изъ цѣльной кожи, съ отверстіемъ для головы и рукъ. Поверхъ одежды опоясывался бѣлымъ чистымъ полотенцемъ и надѣвалъ свой мѣдный материнскій крестъ. Одинъ богатый человѣкъ спросилъ его: «зачѣмъ ты носишь такое рубище?» Старецъ отвѣчалъ: «святой Іоасафъ-царевичъ данную ему пустынникомъ мантію счелъ выше и дороже царской багряницы».

Спалъ онъ не ложась, а сидя на полу, прислонившись къ стѣнѣ и протянувъ ноги; иногда-же прислонялъ голову на камень или деревянный отрубокъ; часто-же укладывался на кирпичахъ и на полѣньяхъ; а въ самое послѣднее время нельзя было безъ ужаса смотрѣть на его сонъ: онъ становился на колѣни и спалъ лицомъ къ полу, поддерживая руками голову.

Небо стало для него, дѣйствительно, роднымъ и, когда тотъ офицеръ, о которомъ было разсказано, спросилъ старца, не передать-ли отъ него чего курскимъ родственникамъ, старецъ, указавъ на лики Христа и Богоматери, съ улыбкою сказалъ: «вотъ мои родные, а для живыхъ родныхъ я уже живой мертвецъ».

Вотъ событіе, засвидѣтельствованное княгинею Е. С. Ш.

Она привезла къ старцу своего племянника Я.; больного внесли въ келлію на постели. Старецъ сказалъ ему: «ты радость моя, молись, и я за тебя буду молиться, только смотри—лежи, какъ лежишь, и въ другую сторону не оборачивайся». Но больной не выдержалъ и увидѣлъ молящагося о. Серафима *стоящимъ на воздухѣ*, и отъ ужаса вскрикнулъ.

Окончивъ молитву, старецъ запретилъ разсказывать видѣнное — до его смерти. Я. изъ келліи вышелъ уже самъ.

Въ то время о. Серафима чтила уже вся Россія, а современные ему подвижники смотрѣли на него какъ на «градъ, верху горы стоящій» — и широко шла о немъ благочестивая молва.

На видъ о. Серафимъ былъ свѣтелъ и радостенъ, хотя тяжкія страданія ногъ, которыя мучительно болѣли отъ непрестанныхъ бдѣній и изъ которыхъ текла матерія — не оставляли его до конца.

Образованные люди, близко его знавшіе, говорятъ, что онъ былъ геніальный человѣкъ. У него былъ ясный, мѣткій, широкій, основательный умъ; счастливая память и живое, творческое воображеніе. Это былъ духъ въ тонкомъ, прекрасномъ, необыкновенно миловидномъ тѣлѣ. Лицо у старца было бѣлое, глаза проницательные, свѣтлоголубые, дѣтскій румянецъ на щекахъ подъ сѣдыми волосами головы.

25-го марта 1831 г. въ праздникъ Благовѣщенія старецъ былъ обрадованъ дивнымъ посѣщеніемъ. Свидѣтельницею того посѣщенія была одна старица Дивѣева, которой о. Серафимъ приказалъ придти къ себѣ и сказалъ: «намъ будетъ видѣніе Божіей Матери», молился надъ нею и успокоилъ: «ничего не убойся!»

Сдѣлался шумъ, какъ шумитъ лѣсъ отъ большого вѣтра. Когда онъ утихъ, послышалось пѣніе, подобное церковному. Дверь въ келлію сама собою отворилась, сдѣлалось свѣтло — бѣлѣе дня, и благоуханіе наполнило келлію.

О. Серафимъ стоялъ на колѣняхъ, воздѣвъ руки къ небу и произнесъ: «вотъ Преславная, Пречистая Владычица наша Пресвятая Богородица грядетъ къ намъ!..» Впереди шли два ангела съ золотистыми волосами, держа по вѣтви, усаженной только что расцвѣтшими цвѣтами. Они стали впереди. За ними шли: св. Іоаннъ Предтеча, и св. Іоаннъ Богословъ, въ бѣлой, блистающей отъ чистоты одеждѣ. За ними шла Богоматерь и двѣнадцать дѣвъ. Царица Небесная имѣла на себѣ мантію, какъ пишется на образѣ Скорбящей Божіей Матери, несказанной красоты, застегнутую камнемъ, выложеннымъ крестами; поручи Ея на рукахъ, и епитрахиль, наложенная сверхъ платья и мантіи, были тоже убраны крестами. Она казалась выше всѣхъ дѣвъ; на головѣ Ея сіяла въ крестахъ корона—и глазъ не выносилъ свѣта, озарявшаго ликъ Богоматери. Дѣвы шли за Нею попарно, въ вѣнцахъ, и были разнаго вида, но всѣ великой красоты. Келлія сдѣлалась просторнѣе, и ея верхъ исполнился огней, какъ-бы горящихъ свѣчъ. Было яснѣе полудня, сіяніе больше дневного луча, свѣтлѣе и бѣлѣе солнца.

Когда инокиня пришла въ себя, о. Серафимъ стоялъ уже не на колѣняхъ, а на ногахъ предъ Пресвятою Богородицею, и Она говорила съ нимъ. Дѣвы сказали инокинѣ свои имена и страданія за Христа.

Изъ бесѣды Пречистой Владычицы съ о. Серафимомъ, инокиня слышала: «Не оставь дѣвъ моихъ! (дивѣевскихъ)». О. Серафимъ отвѣчалъ: «о Владычице! Я собираю ихъ, но самъ собою не могу ихъ управить». Царица Небесная отвѣчала: «Я тебѣ во всемъ помогу. Кто обидитъ ихъ, тотъ пораженъ будетъ отъ Меня; кто послужитъ имъ ради Господа, тотъ помяновенъ будетъ предъ Богомъ». Потомъ Она сказала инокинѣ: «эти дѣвы Мои возлюбили единаго Господа; иныя оставили земное царство и богатство, и за то видишь, какой славы сподобились. Какъ было прежде, такъ и нынѣ. Только прежнія мученицы страдали явно, а нынѣшнія тайно, сердечными скорбями, и мзда будетъ та-

кая-же». Благословляя о. Серафима, Пресвятая Богородица сказала: «скоро будешь съ нами!» Св. Предтеча и Богословъ благословили его, а дѣвы цѣловались съ нимъ рука въ руку. — Въ одно мгновеніе все стало невидимо.

Это было двѣнадцатое явленіе старцу Серафиму отъ Господа Бога.

V.

Старцу было 72 года. Тѣлесное изнеможеніе все усиливалось; старецъ рѣже могъ ходить въ пустынную келлію, и многіе подолгу проживали въ монастырской гостиницѣ, чтобы видѣть его и насладиться благоуханіемъ его послѣднихъ бесѣдъ.

Говоря о пустынькѣ съ одною дивѣевскою старицею, о. Серафимъ пришелъ отъ представленія чаемаго блаженства въ восторгъ; онъ всталъ на ноги и съ воздѣтыми руками смотрѣлъ въ небо и говорилъ: «Какая радость, какой восторгъ объемлютъ душу праведника, когда ее срѣтаютъ ангелы и представляютъ предъ лице Божіе!»

Одному подвижнику онъ сказалъ: «сѣй, о. Тимонъ, сѣй, всюду сѣй данную тебѣ пшеницу. Сѣй на благой землѣ, сѣй и на пескѣ, сѣй на камени, сѣй при пути, сѣй и въ терніи: все гдѣнибудь да прозябнетъ и возрастетъ и плодъ принесетъ, хотя и не скоро».

О. Серафимъ уже приготовлялся окончательно къ смерти. Нерѣдко онъ, сидя въ сѣняхъ, у своего гроба, размышлялъ о загробной жизни, и земной путь его казался ему столь несовершеннымъ, что онъ горько плакалъ.

Старецъ нѣкоторымъ лицамъ разослалъ письма, призывая къ себѣ, а другимъ поручилъ послѣ смерти своей передать полезные для нихъ совѣты.

Въ самый день Рождества о. Серафимъ долго бесѣдовалъ съ однимъ міряниномъ. Это была, можетъ быть, послѣдняя длинная его бесѣда.

«Добро дѣлай, — говорилъ онъ — путь Господень все равно! Врагъ вездѣ съ тобой будетъ. Кто пріобщается,

вездѣ спасенъ будетъ; а кто не пріобщается — не мню. — Вотъ что дѣлай: укоряютъ — не укоряй; гонятъ — терпи; хулятъ — хвали; осуждай самъ себя, такъ Богъ не осудитъ; покоряй волю свою волѣ Господней; никогда не льсти; познавай въ себѣ добро и зло: блаженъ человѣкъ, который знаетъ это. Люби ближняго: ближній плоть твоя. Если по плоти поживешь, то душу и плоть погубишь; а если по Божьему, то обоихъ спасешь. За уступки міру многіе погибли: аще кто не творитъ добра, тотъ и согрѣшаетъ. Надобно любить всѣхъ и больше всѣхъ — Бога...»

Старецъ Серафимъ.

«Подчиненныхъ храни милостями, облегченіемъ отъ трудовъ, а не ранами. Напой, накорми, будь справедливъ, Господь терпитъ; Богъ знаетъ, можетъ быть, и еще протерпитъ долго. Ты такъ дѣлай: аще Богъ прощаетъ, и ты прощай».

«Что приняла и облобызала св. Церковь, все для сердца христіанина должно быть любезно. Не забывай праздничныхъ дней; будь воздержанъ, ходи въ церковь, развѣ немощи когда; молись за всѣхъ; много этимъ добра сдѣлаешь; давай свѣчи, вино и елей въ церковь: милостыня много тебѣ блага сдѣлаетъ. По постамъ скоромнаго не ѣшь: хлѣбъ и вода никому не вредны. Какъ же люди по 100 лѣтъ жили? Не о хлѣбѣ единомъ живъ человѣкъ. Что Церковь положила на семи вселенскихъ соборахъ, исполняй. Горе тому, кто слово одно прибавитъ къ сему или убавитъ. Что врачи говорятъ про праведныхъ, которые исцѣляли отъ гніющихъ ранъ

однимъ прикосновеніемъ? Господь призываетъ насъ, да мы сами не хотимъ. — Смиреніе пріобрѣтай молчаніемъ. Богъ сказалъ пророку Исаіи: на кого воззрю, токмо на кроткаго и молчаливаго и трепещущаго словесъ Моихъ».

Все время этой бесѣды о. Серафимъ былъ очень радостенъ. Онъ говорилъ чрезвычайно поспѣшно; посѣтитель едва успѣвалъ прочитывать вопросы, какъ тотчасъ получалъ на нихъ отвѣты. Старецъ стоялъ, опершись на свой дубовый гробъ, и держалъ въ рукахъ зажженную восковую свѣчу.

Въ этотъ-же день старецъ пріобщался, долго бесѣдовалъ съ игуменомъ и просилъ его о многихъ инокахъ, особенно изъ младшихъ.

Сбоку алтаря Успенскаго собора онъ отмѣрилъ себѣ могилу.

Какъ-то въ концѣ 1832 года одинъ монахъ спросилъ старца: «почему мы не имѣемъ строгой жизни древнихъ подвижниковъ?»

— Потому,—отвѣчалъ старецъ,—что не имѣемъ рѣшимости; а благодать и помощь Божія къ вѣрнымъ и всѣмъ сердцемъ ищущимъ Господа нынѣ та-же, какая была и прежде—и мы могли-бы жить, какъ древніе отцы: ибо, по слову Божію, Іисусъ Христосъ «вчера и днесь, той-же и во вѣки!»

Эти слова — печать жизни о. Серафима.

Наступилъ новый 1833-й годъ, пришедшійся на воскресенье.

О. Серафимъ выстоялъ раннюю обѣдню въ дорогомъ ему больничномъ храмѣ, во имя преп. Зосимы и Савватія, обошелъ всѣ иконы, прикладываясь къ каждой и ставя свѣчи. чего прежде не дѣлалъ,— и пріобщился.

Въ келліи у него пылали негасимыя имъ свѣчи, потому что на всѣ предостереженія онъ говорилъ всегда: «пока я живъ—пожара не будетъ, а смерть моя откроется пожаромъ».

Послѣ службы, старецъ простился со всѣми моливши-

мися монахами, благословилъ, поцѣловалъ и говорилъ: «спасайтесь, не унывайте, бодрствуйте, днесь намъ вѣнцы готовятся!» Онъ приложился еще ко кресту, къ иконѣ Богоматери, поклонился въ алтарѣ св. престолу и вышелъ сѣверными дверями, какъ-бы въ знаменіе того, что человѣкъ входитъ въ жизнь рожденіемъ, а уходитъ смертью. Въ немъ замѣтили крайнее изнеможеніе.

Сосѣдъ его по келліи замѣтилъ, что три раза въ этотъ день онъ выходилъ на мѣсто, указанное для погребенія, и смотрѣлъ долго въ землю, а вечеромъ пѣлъ въ келліи пасхальныя пѣсни и побѣдныя молитвы.

Второго января въ шестомъ часу утра изъ келліи о. Серафима показался дымъ. Изнутри было заперто, и на стукъ не отпирали. Дверь должны были сорвать съ петель. Въ сѣняхъ тлѣлъ холстъ отъ оставленной свѣчи. Въ келліи все было тихо.

О. Серафимъ въ своемъ бѣломъ балахончикѣ стоялъ предъ иконою Пречистой Дѣвы Умиленія, названной имъ «Всѣхъ радостей Радость», на обычномъ мѣстѣ, предъ малымъ аналоемъ, на колѣняхъ, съ открытою головою, съ мѣднымъ распятіемъ на груди. Его руки лежали крестообразно на книгѣ молитвъ, а на руки была опущена голова. — Сперва думали, что онъ уснулъ.

— Батюшка, вы не видите, что у васъ книжка горитъ! — сказали ему, но онъ не отвѣчалъ.

Глаза были закрыты; лицо оживлено выраженіемъ молитвы и духовной мысли, тѣло было еще тепло.

Въ эту ночь подвизавшійся въ Глинской пустыни Курской губерніи старецъ Филаретъ, выходя отъ утрени, указалъ братіи на необыкновенный свѣтъ, видимый на небѣ и произнесъ: «вотъ, какъ отходятъ души праведныхъ. Нынѣ въ Саровѣ душа о. Серафима возносится на небо».

Надъ его гробомъ не было произнесено ни одной рѣчи; только звучало слово Божіе и раздавались церковныя пѣсни, сильнѣе всякихъ рѣчей—пѣсни, которыя онъ такъ любилъ въ свою молчаливую и великую жизнь.

Его опустили въ землю у собора Пресвятой Дѣвы, во имя преславнаго Ея Успенія, въ дубовомъ гробѣ, и, по его завѣщанію, положили ему на грудь финифтяное изображеніе преп. Сергія, присланное ему съ мощей, изъ лавры. Онъ родился въ приходѣ преподобнаго Сергія, подражалъ ему въ подвигахъ и легъ въ могилу съ его иконою.

Множество народа сошлось и съѣхалось на отпѣваніе старца о. Серафима. Но, опустивъ въ землю тѣло подвижника, столь славно озареннаго при жизни сіяніемъ святыни, Русская земля не схоронила своего любимаго старца.—Онъ остался живымъ для нея.

Вещи о. Серафима—его мѣдный материнскій крестъ и большой желѣзный, который онъ носилъ на тѣлѣ, его топорикъ, камни, икона Всѣхъ Радостей Радость, евангеліе и нѣсколько сухариковъ хранятся въ Саровѣ и Дивѣевѣ, гдѣ прославилось его имя.

Вотъ какъ говорилъ, вскорѣ послѣ кончины о. Серафима, архіепископъ воронежскій Антоній, извѣстный подвижническою своею жизнью: «Мы какъ копѣечныя свѣчи, а онъ какъ пудовая свѣча, всегда горитъ предъ Господомъ, какъ прошедшею своею жизнію на землѣ, такъ и настоящимъ дерзновеніемъ предъ Святою Троицею».

VI.

Много уже записано явленій о. Серафима, послѣ блаженной его кончины. Вотъ немногія изъ нихъ.

Нижегородскій помѣщикъ Д. А. А. подъ старость вовсе лишился зрѣнія; а его единственная радость состояла въ чтеніи священныхъ книгъ. Двоюродная сестра его прислала ему воды изъ источника о. Серафима. Онъ приказалъ подать себѣ чистое полотенце, намочилъ его этою водою и съ молитвою: «Господи Іисусе Христе Сыне Божій, молитвами угодника Твоего Серафима исцѣли меня» — три раза прикладывалъ къ глазамъ. Послѣ перваго раза онъ видѣлъ какъ въ туманѣ, послѣ второго сталъ различать предметы

и послѣ третьяго могъ читать: онъ прозрѣлъ. Исцѣленный съѣздилъ въ Саровъ и сталъ ежегодно удѣлять часть своихъ доходовъ на Дивѣевъ, гдѣ, по его смерти, его имя записали на вѣчное поминовеніе.

Русскій подвижникъ Аѳона, іеромонахъ Серафимъ, извѣстный подъ именемъ Святогорца, въ своихъ келейныхъ запискахъ передаетъ слѣдующее: «Въ 1849 году я заболѣлъ. Болѣзнь моя была убійственна: я не думалъ, что останусь живымъ. Никакія средства не могли возставить меня. Я отчаялся. Только въ первый вечеръ 1850 года вдругъ кто-то тихо говоритъ мнѣ: «завтра день кончины о. Серафима, саровскаго старца; отслужи по немъ заупокойную литургію и панихиду, и онъ тебя исцѣлитъ». Это меня сильно утѣшило. Я хотя лично не зналъ о. Серафима, но въ 1838 году, бывши въ Саровѣ, возымѣлъ къ нему вѣру и любовь. Вотъ я попросилъ отслужить по немъ литургію и панихиду, и тотчасъ болѣзнь моя миновала, и понынѣ я благодатію Божіею здоровъ».

Въ іюлѣ 1856 года единственный сынъ костромского вице-губернатора Борз—ко, 8 лѣтъ, занемогъ спазмами въ желудкѣ; болѣзнь осложнилась, появились припадки, съ тоской, разрѣшавшіеся пѣной; врачи помогали мало, и родители боялись за жизнь сына. Въ это время С. Д. Давыдова, бывшая рясофорной въ женскомъ монастырѣ (впослѣдствіи костромская игуменья мать Марія) подарила матери ребенка книгу объ о. Серафимѣ. Родители читали ее вмѣстѣ.

Въ одну ночь ребенокъ видѣлъ во снѣ Спасителя въ красной одеждѣ, въ сонмѣ ангеловъ; Онъ говорилъ: «ты будешь здоровъ, если исполнишь то, что прикажетъ тебѣ старецъ, который придетъ къ тебѣ». Потомъ явился старецъ, назвалъ себя Серафимомъ и сказалъ: «если хочешь быть здоровымъ, возьми воды изъ источника, находящагося въ Саровскомъ лѣсу и называемаго Серафимовымъ и три дня утромъ и вечеромъ омывай голову, грудь, руки и ноги, и пей ее». Ребенокъ разсказалъ сонъ нянѣ, а няня роди-

телямъ, которымъ сынъ повторилъ все это и самъ. На утро онъ открылъ, что послѣ перваго сна ему являлась еще съ ангелами Пресвятая Дѣва, и съ любовью приказывала исполнить слова старца. Въ этотъ самый день вернулась изъ путешествія г-жа Давыдова, и родители просили помочь имъ достать воды изъ источника о. Серафима. Она прислала сейчасъ-же бутылку этой воды; когда поступили по наставленію старца, дитя совершенно выздоровѣло.

Одинъ монахъ саровскій, подвижнической жизни, былъ вовлеченъ духомъ злобы въ страшное уныніе и отчаяніе. Въ эту минуту онъ вскрикнулъ: «батюшка Серафимъ, помоги мнѣ!»

Тутъ-же, въ своей келіи, онъ увидѣлъ тогда близъ иконъ угодника Божія, который, благословляя его, совсѣмъ, какъ живой, сказалъ: «радость моя, я всегда съ тобою. Мужайся, не унывай, но воюй противъ врага — діавола».

28-го мая 1844 года одинъ пензенскій и другой саранскій купцы съ семьями, княгиня и княжна Еникѣева съ племянницею ясно видѣли о. Серафима у его источника; сперва въ самомъ источникѣ, въ полуростъ, а потомъ въ одномъ мѣстѣ — сидящимъ на обрубкѣ, а въ другомъ — идущимъ спѣшно къ монастырю.

Все это было разсказано ученику старца, о. Іоасафу, и на другой день они всѣ вмѣстѣ отправились туда. Когда о. Іоасафъ замедлилъ по дорогѣ, къ нему подбѣжали съ извѣстіемъ, что о. Серафимъ уже виденъ. Въ водѣ было ясное его изображеніе, какъ пишется онъ на портретахъ. въ епитрахили, а въ рукахъ книга и образъ.

Племянница княжны, 10-ти лѣтній ребенокъ, бросила въ воду, въ изображеніе, камешекъ. Вода заколебалась и изображеніе сдѣлалось точно живое.

Начальница Влахерской пустыни, Е. А. Татаринова, засвидѣтельствовала, что одному неизвѣстному больному въ

Сибири явился святитель Митрофанъ и сказалъ: «что не просишь помощи у Бога чрезъ саровскаго старца о. Серафима? Онъ не прославленъ еще на землѣ, но имѣетъ великое дерзновеніе у Господа. У тебя есть частица камня, на которомъ онъ молился; погрузи его въ воду и пей». Такъ больной исцѣлился.

Одна богомолка шла Муромскими лѣсами. Въ глухомъ мѣстѣ услыхала она страшные крики и стоны. При ней было изображеніе о. Серафима, она вынула его и перекрестила имъ себя и то мѣсто, откуда шли крики. Все затихло. Она пошла дальше. На дорогѣ стояла повозка, и при ней лежали двое изувѣченныхъ людей. Они разсказали, что разбойники хотѣли ихъ убить, но вдругъ разбѣжались. Чрезъ нѣсколько времени подъѣхалъ исправникъ и подобралъ ихъ троихъ, а женщину заподозрилъ, какъ соучастницу разбоя.

Разбойники долго еще ходили на свободѣ и были пойманы за другимъ дѣломъ. Каясь, разсказали они и о разбоѣ въ Муромскомъ лѣсу. Когда они готовились нанести своимъ жертвамъ послѣдній ударъ, вдругъ изъ лѣсу на нихъ выбѣжалъ сѣдой, согбенный, въ измятой камилавкѣ монахъ, съ грозящимъ пальцемъ, въ бѣломъ балахонѣ, съ крикомъ: «вотъ я васъ?» А за нимъ бѣжала съ кольями толпа народа.

Имъ показали изображеніе о. Серафима, отобранное у странницы, и они признали его.

Шацкой купчихѣ Петаковской, знавшей старца при жизни, во снѣ о. Серафимъ сказалъ: «въ ночь воры подломили лавку твоего сына; но я взялъ метелку, и сталъ мести около лавки и они ушли».

Поутру всѣ запоры были найдены вырванными.

Въ 1864 году у г-жи Сабанѣевой въ Петербургѣ заболѣлъ сынъ Дмитрій, а онъ какъ разъ долженъ былъ

Старецъ Серафимъ.

Стоявшая въ келліи отца Серафима икона Богоматери „Умиленіе“ (всѣхъ Радостей Радость), предъ которой скончался старецъ Серафимъ.

(Находится теперь въ большомъ соборѣ Серафимо-Дивѣева женскаго монастыря).

держать экзаменъ и перейти въ горный институтъ. Мать была въ горѣ и молилась о. Серафиму.

Ночью видѣла она во снѣ старца, и онъ сказалъ ей: «сынъ твой выздоровѣетъ и испытаніе въ наукахъ выдержитъ». Въ лазаретѣ мать уже не нашла сына: онъ былъ на экзаменѣ.

Вернувшись съ успѣхомъ и радостный, онъ разсказалъ ей, что и онъ видѣлъ во снѣ любимаго и чтимаго имъ о. Серафима, который сказалъ ему: «выздоровѣешь и испытаніе выдержишь».

Монахиня Понетаевскаго монастыря, Аѳанасія, въ тяжкой болѣзни просила съ вѣрою о помощи о. Серафима. Онъ явился ей въ тонкомъ снѣ, въ бѣломъ балахончикѣ и камилавкѣ, сѣлъ у кровати больной и участливо спросилъ: «что ты все плачешь?» — Батюшка, я думаю, что не спасусь! — «Не думай сего, моя радость: всѣ тѣ спасутся, которые призываютъ имя мое!»

По свидѣтельству послушницы Гоглачевой, «одна знаменитая госпожа» пріѣхала въ Саровъ и, увидя изображеніе о. Серафима, залилась слезами и разсказала о себѣ слѣдующее.

У нея въ горлѣ былъ нарывъ; голосъ пропалъ, вода проходила только каплями. Однажды ночью она сидѣла въ постели, обложенная подушками; служившіе ей уснули. Въ комнатѣ свѣтила лампа и лампада у иконъ. Вдругъ неожиданно вошелъ старецъ съ открытой головой, въ бѣломъ балахончикѣ, съ мѣднымъ крестомъ на груди. Онъ благословилъ больную и сказалъ ей: «простая и добросердечная!» — и вышелъ. Въ ту-же минуту больная громко воскликнула: «старецъ Божій, скажи еще что нибудь!» Этотъ голосъ разбудилъ ея прислугу, и та спрашивала ее, съ кѣмъ она говорила.

По выздоровленіи ей принесли изображеніе о. Сера-

фима, и въ немъ она узнала своего исцѣлитедя, а въ Саровѣ—ее поразило, что и одѣяніе его было то-же, въ какомъ старецъ являлся ей.

Въ 1865 году въ домѣ г-жи Бар..., предъ Рождествомъ, раздавали, по обычаю, пособія нуждающимся.

Вошелъ отдѣльно старичекъ, сѣдой, согбенный, и, помолясь, говоритъ: «миръ дому сему и благословеніе». Раздатчица спросила его: «ты за подаяніемъ?»

— Нѣтъ, не за тѣмъ.

— Что-жъ тебѣ? Бери, если надо.

— Нѣтъ, мнѣ ничего не надо, а только видѣть вашу хозяйку и сказать ей два слова.

— Хозяйки нѣтъ дома. Что передать — скажи намъ.

— Нѣтъ, мнѣ надо самому.

Одна изъ прислуги шепнула другой: «что ему тутъ— пусть идетъ—можетъ, бродяга какой».

Старичекъ сказалъ: «когда будетъ хозяйка, я зайду, я скоро зайду», и вышелъ.

Раздатчица видѣла плохую обувь старичка и раскаялась, на нее напало какое-то смущеніе. Она выбѣжала на крыльцо, но и тамъ, и дальше никого не было; онъ точно исчезъ. Отъ хозяйки это скрыли, а подозрительной слугѣ во снѣ кто-то сказалъ: «ты напрасно говорила: у васъ былъ не бродяга, а великій старецъ Божій».

На слѣдующее утро г-жѣ Бар... по почтѣ пришла посылка. Это оказалось изображеніе чтимаго въ домѣ старца о. Серафима — кормящимъ медвѣдя.

Велико было изумленіе всѣхъ, когда тѣ, кто говорили со старичкомъ бѣднымъ, узнали его въ изображеніи о. Серафима.

VII.

Саровская *) пустынь расположена верстахъ въ ста по грунтовой дорогѣ отъ станціи Сасово Рязанско-Казанской

*) Множество интересныхъ свѣдѣній о жизни великаго старца о. Серафима и объ явленіяхъ его по кончинѣ, а также исторію Серафимо-Дивѣевскаго мона-

линіи. При половодьѣ можно ѣхать также отъ Рязани на пароходѣ по Окѣ, до пристани Ваташка, откуда на лошадяхъ верстъ 60—70.

Расположенъ Саровъ чрезвычайно живописно, на высокомъ обрывѣ, и издали виденъ куполами своего обширнаго Успенскаго собора, похожаго совнѣ на Великую церковь Кіево-Печерской лавры. У подножія горы, на которой расположена обитель, сливаются рѣчки Сатисъ и Саровка. Кругомъ дремучій боръ, и на дальнее пространство вокругъ нѣтъ жилья.

У алтарной стѣны Успенскаго собора, въ стекляной часовнѣ стоятъ памятники надъ могилами великаго старца Серафима и подвижника Марка-молчальника. Изъ-подъ памятника богомольцы берутъ песокъ.

Чрезъ дорогу лежитъ келлія старца. Раньше она была одною изъ комнатъ каменнаго корпуса, гдѣ жило много иноковъ. Но въ 1897 г. была заложена тутъ церковь, внутри которой будетъ заключена эта келлія, а прочія части зданія будутъ уничтожены.

Въ келліи служатъ панихиды, доканчиваемыя обыкновенно на могилѣ старца.

Въ двадцати минутахъ ходьбы отъ монастыря—ближняя пустынька и цѣлебный колодезь отца Серафима. Далѣе въ лѣсу—мѣста, гдѣ онъ совершалъ на камнѣ свое тысяченочное моленіе, и гдѣ была дальняя пустынька.

Въ двѣнадцати верстахъ отъ Сарова, уже въ Нижегородской епархіи, находится любимое дѣтище о. Серафима. Серафимо-Дивѣевъ женскій монастырь, имѣющій около тысячи сестеръ. У него, какъ-то многократно предсказывалъ о. Серафимъ, великая будущность.

Начало ему положила великая подвижница, Агафія Симеоновна Мельгунова (въ иночествѣ Александра). Очень

стыря, который представляется воистину земнымъ небомъ, читатель найдетъ въ превосходномъ трудѣ Архимандрита Серафима (Чичагова) (нынѣ епископа) «Лѣтопись Серафимо-Дивѣевскаго монастыря». Адресъ этой обители: «Нижегородской губ., почт. ст. Вертьяново, Серафимо-Дивѣевъ монастырь».

богатая владимірская помѣщица-вдова, она, по повелѣнію Богоматери, поселилась въ селѣ Дивѣевѣ, гдѣ прожила 20 лѣтъ въ великихъ трудахъ. Забывая свое знатное происхожденіе, она у мѣстнаго священника исправляла всякую домашнюю и черную работу. Когда у бѣдныхъ крестьянъ хлѣбъ долго оставался на корню, она тихонько ходила въ поле, ожинала и вязала снопы, присматривала за дѣтьми, творила тайкомъ милостыню, ходила за больными. Бѣднымъ невѣстамъ давала приданое, наставляла крестьянъ.

Вся исторія Дивѣева есть великое чудо старца Серафима.

Дивѣевскій соборъ, въ которомъ одинъ изъ предѣловъ не освященъ и ожидаетъ прославленія отца Серафима — невыразимо прекрасенъ. Ему нѣтъ подобнаго. Описать его нельзя, его нужно видѣть. Вся живопись произведена трудами инокинь-сестеръ.

Въ Дивѣевѣ хранятся перенесенныя сюда «хибарки» ближней и дальней пустынекъ, и тамъ раздаютъ, въ память старца и на благословеніе, сухарики. Много вещей старца хранятся въ алтарѣ Преображенской церкви, который сдѣланъ изъ одной изъ его хибарокъ.

Что-то неземное запечатлѣлъ Дивѣевъ, и время, проведенное тамъ, вспоминается какъ дни на земномъ небѣ.

Счастливъ, кто теперь, прежде чѣмъ имя о. Серафима промчалось трубнымъ гласомъ по всей Россіи: посѣтитъ мѣста его подвиговъ, послужитъ его любимому, въ скудости живущему дѣтищу Дивѣеву.

Между прочими трудами, сестры дивѣевскія много занимаются иконописью.

Господь далъ монахинѣ, завѣдующей обширной живописной мастерской обители, матери Серафимѣ, даръ духовнаго выраженія ликовъ. Она заканчиваетъ своею кистью всѣ выходящія изъ мастерской работы, и на всѣхъ нихъ лежитъ отпечатокъ высокой духовности.

Почитаніе о. Серафима распространяется все шире и шире.

Его изображенія вѣшаютъ съ иконами, зажигаютъ предъ ними лампады, даютъ ихъ въ благословеніе.

Часто въ Саровъ приходятъ письма, съ просьбой, по незнанію, отслужить молебенъ о. Серафиму.

Года два назадъ о. Іоаннъ Сергіевъ (Кронштадтскій) въ проповѣди, сказанной въ Рыбинскомъ соборѣ, прямо возвѣстилъ, что время открытія мощей о. Серафима приближается.

Увѣруемъ же въ него, еще не прославленнаго. Онъ такъ умѣетъ откликаться любящимъ его!

Открытіе мощей преподобнаго Серафима состоялось 19-го іюля 1903 года.

Саровской пустыни схимонахъ Маркъ.

Схимонахъ Маркъ подвизался одновременно съ великимъ старцемъ о. Серафимомъ.

Схимонахъ Маркъ родился, какъ и о. Серафимъ — въ городѣ Курскѣ, тоже въ купеческой семьѣ, имя которой неизвѣстно. Во св. крещеніи названъ онъ Михаиломъ.

Съ дѣтства онъ чувствовалъ призваніе къ духовной жизни, къ уединенію и подвигамъ пустынножительства. Ему было одно духовное видѣніе, и это видѣніе побудило его окончательно оставить міръ и служить Богу, готовясь къ страшному Суду Христову. Въ чемъ состояло это видѣніе — осталось сокрытымъ. Но на молодую душу Михаила это видѣніе, бывшее въ состояніи среднемъ между сномъ и бодрствованіемъ, подѣйствовало такъ, что до конца его жизни день страшнаго суда постоянно стоялъ, какъ бы живымъ въ его памяти.

На 24-мъ году отъ рожденія онъ пришелъ въ Саровскую пустынь, которую онъ выбралъ по ея удаленности отъ міра, и въ 1778 г. постриженъ строителемъ Пахоміемъ въ иночество съ именемъ Меѳодія. Въ 1811 году онъ постриженъ былъ въ схиму съ именемъ Марка.

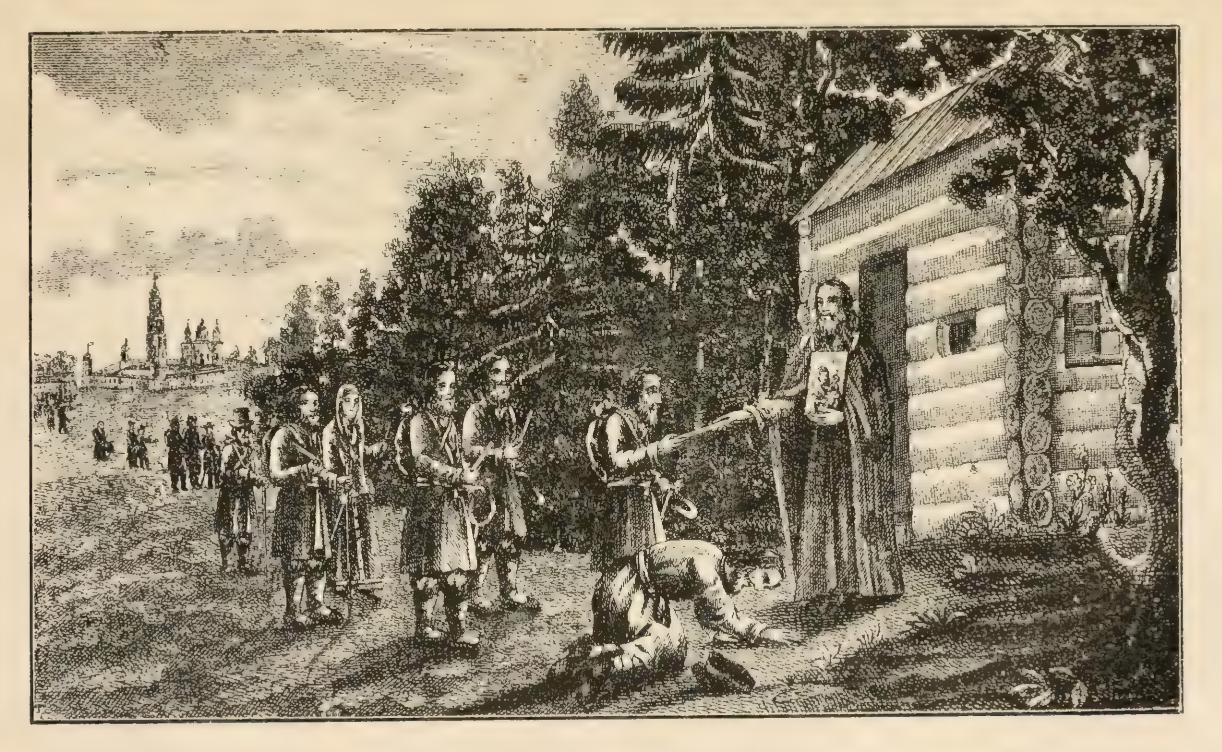
Еще въ первые годы иноческой жизни въ немъ сталъ проявляться даръ юродства.

Юродство есть одинъ изъ самыхъ тяжкихъ путей спасенія, есть всецѣлое распинаніе себя во имя Христа. Юродивый подвергаетъ себя постояннымъ поруганіямъ, презрѣнію и ударамъ, голоду, жаждѣ, зною, всѣмъ лишеніямъ безпріютной жизни. Принимая на себя личину малоумнаго, страннаго человѣка, истинный юродивый полонъ высокой мудрости, въ поступкахъ съ виду низкихъ сохраняетъ духъ возвышенный; непрестанно осмѣиваемый міромъ, полонъ величайшей любви къ человѣчеству, а въ безстрашныхъ обличеніяхъ своихъ имѣетъ въ виду назиданіе и спасеніе ближнихъ.

Такой путь избралъ себѣ и Маркъ.

Его одежда, многошвенная и часто ветхая, необыкновенная молчаливость, иногда употребленіе не во время пищи предъ братіею и посторонними, отрывочность и непонятность рѣчи — казались странными окружающимъ. Осужденія ихъ онъ принималъ благодушно; задумалъ удалиться изъ обители, и безъ ропота ушелъ въ дремучій лѣсъ, окружающій Саровъ. Такъ исполнялъ онъ мудрое слово преп. Ефрема Сирина: «Кто хочетъ быть монахомъ и не переноситъ оскорбленія, уничиженія и ущерба, тому монахомъ не бывать».

Въ лѣсу о. Маркъ не имѣлъ постояннаго пристанища. То онъ ютился въ подземельныхъ пещерахъ, оставленныхъ звѣрями, то въ шалашахъ, которые самъ устраивалъ изъ хвороста. Иногда же постелью служила ему голая земля, а крышею — небо. Такъ жилъ онъ довольно долгое время. Наконецъ, братія, видя чрезвычайное терпѣніе его въ этой отреченной жизни, поняла, что его юродство есть дѣло великой благодати Божіей и стала питать къ нему большое уваженіе. Особенно возрасло это уваженіе съ тѣхъ поръ, какъ за о. Маркомъ стали замѣчать нѣкоторую прозорливость. Часто его отрывочныя слова, съ виду ничего не значившія, касались внутренняго содержанія говорившихъ съ нимъ лицъ. Другія же его слова, казавшіяся ни съ чѣмъ несообразными, оправдывались впослѣдствіи точными событіями. Но и, освободясь отъ насмѣшекъ братіи, о. Маркъ не остался въ монастырѣ. Хотя



Богомольцы у келліи о. Марка.

Схимонахъ молчальникъ Маркъ.

ему тамъ отвели келлію, онъ, увлекаемый жаждою пустынной и безмолвной жизни, удалился, по благословенію строителя Пахомія, на совершенное безмолвіе въ лѣсъ, принадлежавшій пустыни.

Придя въ лѣсъ съ тѣмъ, чтобъ всегда остаться тамъ, онъ сперва, какъ и прежде, не имѣлъ постояннаго жилища, и укрывался то въ пещерахъ, то въ шалашахъ, то въ маленькихъ келлійкахъ, которыя едва защищали отъ холода и которыя онъ самъ себѣ устраивалъ въ лѣсу въ разныхъ мѣстахъ. Впослѣдствіи для него была устроена деревянная теплая келлія въ одной верстѣ отъ обители. Здѣсь онъ принималъ приходившую къ нему братію и постороннихъ посѣтителей, искавшихъ его наставленій.

Но теплая келлія была единственнымъ послабленіемъ, какое позволилъ себѣ подвижникъ. Сюда укрывался онъ только, чтобъ согрѣться и принять пищу, а все почти время проводилъ или на открытомъ воздухѣ, или въ прежнихъ убѣжищахъ своихъ.

Лѣтомъ и зимою одеждою ему служили многошвенныя ветхія рубища, во исполненіе словъ преп. Исаака Сирина: «Возлюби убожескія ризы въ одѣяніи твоемъ, дабы уничижить возникающія въ тебѣ помышленія. Ибо, любящій блескъ не можетъ стяжать смиреннаго помышленія, потому что сердце внутри принимаетъ образъ, подобный внѣшнимъ образамъ». Онъ носилъ на тѣлѣ тяжелыя вериги; никогда не разбиралъ кушанья, вкусно ли оно или не вкусно, свѣжо или гнило. Не дозволяя никому служить себѣ, онъ до глубокой старости самъ ходилъ за пищей въ обитель, самъ ходилъ и за водой, хотя многіе желали бы служить ему.

Въ такихъ подвигахъ провелъ онъ послѣднія двадцать лѣтъ своей жизни. Нестяжательность его была такъ велика, что у него не было ничего, кромѣ ветхаго рубища, веригъ, рогожины, тыквеннаго кувшина для воды и пищи и немногихъ инструментовъ для ручной работы. Кромѣ восковыхъ свѣчъ, онъ ни отъ кого ничего не принималъ.

Онъ говорилъ: «У меня нужное все есть, а лишнее никогда не полезно».

Кто-то спросилъ его: «Батюшка, какъ ты не имѣешь въ келліи своей даже самаго нужнаго?» Онъ отвѣчалъ на это: «Я тридцать лѣтъ такъ веду себя, слѣдуя словамъ Христа: «Иже не отречется всего своего имѣнія, не можетъ быти Мой ученикъ». Не въ чемъ иномъ богатство монаха, какъ говоритъ о томъ преп. Ефремъ Сиринъ, какъ въ утѣшеніи, сотворшемся отъ плача».

Нѣкоторые просили его принять отъ нихъ денегъ для раздачи нуждающимся. Онъ отвѣчалъ: «Это не мое призваніе, а дѣло мірянъ. Отшельники должны быть свободны отъ мысли о внѣшнихъ вещахъ и хранить свой умъ въ молитвѣ».

Молчаніе его простиралось до того, что изъ братіи онъ бесѣдовалъ не болѣе какъ съ пятью человѣками, съ прочими же не говорилъ.

Если кто посѣщалъ его, онъ выходилъ тогда изъ келліи, имѣя на груди образъ Богоматери съ Предвѣчнымъ Младенцемъ, который и давалъ цѣловать посѣтителямъ.

Совѣтовъ, наставленій никому не давалъ. Онъ слѣдовалъ тутъ словамъ Исаака Сирина: «Пусть лучше признаютъ тебя невѣждою по малому твоему свѣдѣнію въ томъ, какъ вести споры, нежели мудрымъ по безстыдству. Учащихъ противному обличай силою добродѣтелей твоихъ, а не убѣдительностью словъ. Кротостію и тихостію устъ своихъ заграждай уста и заставляй молчать безстыдство непокоряющихся истинѣ. Невоздержныхъ обличай благородствомъ твоего житія».

Любимою его молитвою была молитва преп. Іоанникія Великаго: «Упованіе мое—Отецъ, прибѣжище мое—Сынъ, покровъ мой—Духъ Святый; Троице Святая, слава Тебѣ!» Эту молитву творилъ онъ постоянно, ощущая отъ нея великую радость.

Въ ночное время онъ большею частію ходилъ по лѣсу и говорилъ, что ощущаетъ сердечную сладость, когда вся

природа безмолвствуетъ, а наша молитва такъ легко возносится къ Богу. Въ это время онъ любилъ, ходя, пѣть стихъ: «Воскресеніе Христово видѣвше».

Рукодѣліе о. Марка состояло въ изготовленіи сѣрныхъ спичекъ, которыя онъ пучками раздавалъ посѣтителямъ. Лѣтомъ онъ занимался воздѣлываніемъ грядокъ, на которыхъ сажалъ картофель и другія овощи. Этимъ онъ и питался въ пустынѣ.

Имѣя великое усердіе къ храму, онъ, не взирая на суровое время и отдаленность келліи, въ воскресные и праздничные дни,—зимою, по глубокимъ нерасчищеннымъ снѣгамъ, приходилъ къ службамъ.

Правило, то есть послѣдованіе молитвъ, которыя совершалъ старецъ, было многосложно.

Изъ того, что говорилъ онъ нѣсколькимъ инокамъ о томъ, какъ жить, памятно слѣдующее:

«Ходи въ церковь, имѣй послушаніе къ настоятелю и братіи. Сидя за трапезой, внимай себѣ и чтенію. Каждаго брата предваряй поклономъ; много не говори, а болѣе молчи. Ходи какъ мертвый, закрывъ глаза, уши и уста. Въ келліи имѣй подѣліе, и молись почасту, а «умную» молитву твори на всякомъ мѣстѣ навсегда. Ни съ кѣмъ не спорь, но всякому уступай, и себя считай хуже всѣхъ. Всякому только и говори: благослови и прости».

Больше же всего о. Маркъ училъ смиренію, терпѣнію, самоукоренію, вниманію. «Мы должны смиряться предъ другимъ, говорилъ онъ, и считать себя худшими его, какіе-бы недостатки ни видѣли въ его жизни. Мы должны навсегда мысль свою утверждать въ томъ, чтобъ представлять себя худшими всѣхъ».

Однажды одинъ инокъ, принеся ему пищу, увидѣлъ его сидящимъ въ глубокой задумчивости, съ лицомъ, обращеннымъ на востокъ. Долго не смѣлъ онъ прервать размышленія старца. Наконецъ, спросилъ: «Что ты, отче, такъ задумался?» — Старецъ отвѣчалъ ему: «Я размышляю объ изгнаніи Адама изъ рая, когда онъ плакалъ и вопіялъ ко Господу: «Милостиве, помилуй мя, падшаго!»

Господь послалъ вѣрному рабу Своему благодатные дары: прозорливости и исцѣленія недуговъ.

Какъ-то лѣтомъ пришли къ старцу два странника, попросить его молитвъ и принять благословеніе. Старецъ встрѣтилъ ихъ и далъ имъ приложиться ко кресту; потомъ онъ оторвалъ отъ полы своей ветхой рясы лоскутъ и далъ одному изъ нихъ, говоря, чтобъ тотъ обмахнулъ имъ голову и разогналъ комаровъ. Тотъ сдѣлалъ это и, выйдя изъ келліи старца, разсказалъ своему спутнику, что, когда шелъ къ о. Марку, его тяготили хульные и злые помыслы. Но, только онъ обмахнулъ голову лоскутомъ, эти помыслы разсѣялись какъ комары, и онъ почувствовалъ какую-то легкость и спокойствіе на сердцѣ.

Отъ долгаго стоянія и труднаго хожденія ноги старца чрезвычайно распухли: онъ не могъ ходить. Братія совѣтовала ему позвать врача, но старецъ отказался отъ человѣческой помощи, возлагая всю надежду на Бога. Онъ взялъ въ храмѣ изъ лампады, горящей предъ иконою Богоматери «Живоносный Источникъ», елея, помазалъ имъ ноги и вскорѣ получилъ облегченіе.

Одинъ изъ братіи, жившій отшельникомъ въ лѣсу и думая, что постъ есть удобнѣйшій путь спасенія, — безъ благословенія духовнаго отца назначилъ себѣ строжайшій постъ. Начавъ это дѣло безъ разсужденія, онъ ослабъ такъ, что дѣло могло кончиться плохо. Отъ долговременнаго поста силы его истощились, и онъ еле могъ держаться на ногахъ. Маркъ узналъ объ этомъ и пошелъ навѣстить неблагоразумнаго постника. Онъ съ собою принесъ кусокъ хлѣба и, поднявъ правою рукою свой посохъ, а лѣвою подавая хлѣбъ, говорилъ ему: «Ѣшь!» Братъ, устрашенный угрозою, съѣлъ принесенный хлѣбъ и получилъ прежнія силы. А. о. Маркъ этимъ показалъ, что постъ спасителенъ только тогда, когда бываетъ съ разсужденіемъ.

Въ 17 верстахъ отъ Сарова, въ селѣ Круглые Паны, былъ помѣщикъ, женатый на лютеранкѣ. О. Маркъ зналъ еще предковъ его и любилъ семейство за благочестіе. Онъ

часто къ нимъ хаживалъ, и для него въ ихъ саду была выстроена уединенная келлія. Онъ часто убѣждалъ лютеранку принять православную вѣру. Его уговоры произвели на нее сильное впечатлѣніе, и она соглашалась присоединиться къ православной Церкви, еслибъ Богъ показалъ ей какое-нибудь знаменіе въ удостовѣреніе того, что Греко-Россійская Церковь есть Церковь истинная. На это о. Маркъ сказалъ ей: «Я помолюсь объ этомъ съ твоимъ супругомъ, и надѣюсь, что Господь для спасенія души твоей даруетъ знаменіе». Вскорѣ она увидѣла такой сонъ. Она находилась на берегу быстрой и широкой рѣки. На той сторонѣ, гдѣ она стояла, не росло ничего, была лишь одна сухая земля. У берега стояла лодка безъ людей; по другую сторону рѣки разстилался садъ, и оттуда неслось благоуханіе. Надъ садомъ въ воздухѣ былъ виденъ ангелъ, державшій въ рукахъ святую Чашу. Въ саду ходилъ и о. Маркъ. Въ восхищеніи отъ красотъ сада, она всѣмъ сердцемъ захотѣла перенестись на ту сторону рѣки въ прекрасный садъ и начала просить о. Марка, чтобъ онъ помогъ ей переѣхать въ лодкѣ. О. Маркъ сказалъ ей: «Если ты присоединишься къ православной восточной Греко-Россійской Церкви, то можешь безопасно перейти эту быструю рѣку и безъ лодки». И, указывая правою рукою на ангела, сказалъ: «Вотъ, тогда этотъ ангелъ и причаститъ тебя св. Тайнъ». Когда она согласилась на это предложеніе, старецъ велѣлъ ей оградить себя крестнымъ знаменіемъ, и она пошла съ берега по рѣкѣ. Но, дойдя до половины рѣки, испугалась ея быстроты и со страха проснулась. Она сейчасъ же разсказала этотъ сонъ своему супругу, и, такъ какъ они оба сочли его за указаніе Божіе: она рѣшилась перейти въ православіе.

Незадолго до кончины о. Маркъ былъ утѣшенъ таинственнымъ видѣніемъ небесныхъ радостей, уготованныхъ праведнымъ. Это видѣніе утѣшило его отъ тѣхъ искушеній, которыя наводилъ на него врагъ спасенія, внушавшій ему, что «нѣсть спасенія ему въ Бозѣ его».

Въ концѣ октября 1817 года о. Маркъ сдѣлался боленъ въ своей пустынѣ и весь ослабъ такъ, что ходить самъ собою не могъ; его перевели въ отведенную ему въ монастырѣ келлію. Здѣсь онъ простился со всею братіею, прося ихъ молитвъ. Чувствуя кончину, онъ позвалъ духовника, исповѣдывался и пріобщился св. Тайнъ, Тѣла и Крови Христовой, и, по совершеніи надъ нимъ таинства Елеосвященія, тихо почилъ между раннею и позднею литургіею. Это было въ воскресенье, 4 ноября 1817 года.

И по кончинѣ своей праведный старецъ не переставалъ давать спасительные совѣты и благодатную помощь своимъ вѣрнымъ ученикамъ, являясь имъ съ такою помощью въ видѣніяхъ.

Благоговѣніе Саровской братіи къ памяти подвижника Марка было такъ велико, что на мѣстахъ, ознаменованныхъ особыми проявленіями его подвиговъ и дарованій, были воздвигнуты деревянные кресты. Одинъ былъ воздвигнутъ на горѣ въ лѣсу, другой въ лѣсу на берегу рѣчки Саровки, неподалеку отъ келліи старца. Чтившіе его иноки приходили сюда на поклоненіе утромъ, въ полдень и вечеромъ и пѣли церковныя пѣсни.

Одинъ инокъ, искушаемый чрезъ врага тяжкими помыслами, которые лишали его душевнаго покоя, неопустительно приходилъ сюда каждое утро и каждый вечеръ и со слезами въ молитвѣ говорилъ: «Суди, Господи, обидящія мя, побори борющія мя: пріими оружіе и щитъ и возстани въ помощь мою!» Однажды, когда онъ произнесъ эту молитву, его сердце вдругъ озарилъ божественный свѣтъ, разогналъ тягостные помыслы и розлилъ въ душѣ невыразимую радость.

И нельзя ли думать, что тотъ, кто такъ уничижалъ себя на землѣ: теперь сіяетъ незаходимою славою и кто избралъ такой тяжкій путь на землѣ, теперь на небѣ утѣшенъ вѣчнымъ покоемъ избранниковъ Божіихъ?

Пелагія Ивановна, юродивая Дивѣевская.

Какъ чрезвычайна и удивительна была жизнь великаго старца Серафима, такъ же необычайна жизнь и его послушницы, Христа ради юродивой Серафимо-Дивѣевскаго монастыря, Пелагіи Ивановны.

Эта избранница, мощная духомъ, сильная тѣломъ, отреклась отъ удобствъ всѣхъ и радостей міра, отъ требованій житейскихъ, отъ родства, наконецъ, отъ образа и подобія человѣческаго. Она перенесла насмѣшки, брань и истязанія съ кротостью и духовною радостью. Она безстрашно обличала сильныхъ міра въ ихъ неправыхъ дѣлахъ, какъ громъ съ неба, какъ сверкающая молнія; и ласково какъ солнце грѣла смиренныхъ и несчастныхъ. Она знала сокровенныя тайны людей, предсказывала будущее, исцѣляла больныхъ и, ни разу не ослабѣвъ на своемъ тяжкомъ пути, до конца пронесла свой крестъ.

Пелагія Ивановна родилась въ октябрѣ 1809 года въ городѣ Арзамасѣ Нижегородской губерніи въ семьѣ зажиточнаго купца Ивана Ивановича Сурина, имѣвшаго свой кожевенный заводъ. Суринъ былъ человѣкъ умный, тихій, набожный. Умеръ онъ рано и мать Пелагіи, оставшись съ дочерью и двумя сыновьями, вышла замужъ второй разъ. Дѣти отъ перваго брака не полюбили вотчима, Королёва, человѣка строгаго, суроваго. Жизнь дѣвочки была не радостна.

Къ тому же еще въ дѣтствѣ съ нею случилось что-то странное. Она точно заболѣла и, пролежавъ цѣлыя сутки въ постели, встала не похожею на самую себя. Изъ исключительно умнаго ребенка она превратилась въ какую-то дурочку, причемъ глупость эта была напускная. Несмотря на то, что слѣдовало оставить Пелагію одинокою, не принуждая ее къ браку, мать ея смотрѣла на вещи иначе.

Пелагія выросла высокою, стройною, крѣпкою и красивою, и мать надѣялась, что при ея красотѣ сыщутся женихи, не смотря на ея странности. Минуло ей 16 лѣтъ — и мать поспѣшила ее пристроить.

Дивѣевская юродивая Пелагія Ивановна.

Пришелъ смотрѣть невѣсту Арзамасскій мѣщанинъ Сергѣй Васильевичъ Серебрениковъ, молодой человѣкъ, не имѣвшій собственнаго дѣла и служившій прикащикомъ у купца. По обычаю сѣли за чай и вывели невѣсту, наряженную въ дорогое платье.

Пелагія Ивановна, чтобъ разстроить свадьбу, стала дурить — поливать чаемъ цвѣты на своемъ платьѣ... Когда мать, смущенная этимъ, начала дѣлать ей знаки, она отвѣчала: «Что вы, маменька: или вамъ больно жалко цвѣточковъ-то. Вѣдь не райскіе это цвѣты».

Не смотря на отговоры родныхъ, Сергѣю Васильевичу невѣста чрезвычайно приглянулась. Онъ утверждалъ, что она не глупая, а только не ученая; и, на что ни рѣшалась Пелагія Ивановна, чтобъ разстроить этотъ бракъ, ничего не помогало — едва минуло ей 17 лѣтъ, ее выдали за Серебреникова — 23 мая 1826 г.

Уже замужемъ, Пелагія Ивановна поѣхала съ мужемъ въ Саровъ. Старецъ Серафимъ бесѣдовалъ съ нею наединѣ чрезвычайно долго—говорятъ, до шести часовъ, далъ ей четки. Содержаніе бесѣды этой осталось никому неизвѣстнымъ.

Вскорѣ по возвращеніи домой, отъ одной Арзамасской купчихи Парасковьи Ивановны, тоже подвизавшейся подвигомъ юродства, она научилась Іисусовой молитвѣ, которая стала на всю жизнь ея занятіемъ. Въ ночное время Пелагія Ивановна цѣлыя ночи, стоя на колѣняхъ лицомъ къ востоку, молилась въ холодной стекляной галлереѣ, пристроенной къ дому. Вмѣстѣ съ тѣмъ она приступила и къ юродству. Бывало, надѣнетъ на себя самое дорогое платье, шаль, а голову обернетъ грязной тряпкой и пойдетъ въ церковь, на гулянье, гдѣ побольше народу. Чѣмъ больше надъ нею смѣялись, тѣмъ болѣе она радовалась, потому что въ ея душѣ была горячая жажда принять отъ жизни одно страданіе.

Въ 1827 и 1828 гг. у нея родилось два сына, но оба вскорѣ умерли.

Поведеніе жены крайне не нравилось мужу, который

сталъ ее бить такъ, что она начала чахнуть. Когда у нея родилась дочь Пелагія, она принесла ее въ подолѣ платья къ матери и сказала: «Ты отдавала; ты и няньчись теперь; я уже больше домой не приду». Она стала бѣгать по городу отъ церкви до церкви. Все уносила съ собой, что попадало подъ руку, и раздавала это, а также и деньги, которыя ей изъ милости совали—бѣднымъ, или ставила въ церкви свѣчи. Мужъ ловилъ ее и жестоко билъ полѣньями, палкою, морилъ ее взаперти холодомъ и голодомъ, а она дѣлала свое и твердила: «оставьте, меня Серафимъ испортилъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ она всячески уклонялась отъ міра. Выведенный изъ терпѣнія, мужъ рѣшился на крайнюю мѣру—просилъ городничаго безъ пощады наказать его жену въ полиціи. Наказаніе было такъ жестоко, что присутствовавшая при немъ мать ея, съ согласія которой наказаніе производилось, оцѣпенѣла отъ ужаса. Тѣло ея висѣло клочьями, кровь съ нея лилась на полъ, а она не издала ни стона. Послѣ наказанія городничій видѣлъ страшный грозный для него сонъ и запретилъ кому бы то ни было обижать Пелагію.

Полагая, что она порченная, мужъ поѣхалъ съ ней въ Троице-Сергіеву лавру. Всю дорогу она была тиха и ласкова. Мужъ въ радости, торопясь по важному дѣлу, отпустилъ ее домой одну и далъ ей денегъ. Вернувшись, онъ узналъ, что всѣ деньги она раздала, ведетъ себя по-прежнему и изъ дому все старается раздать.

Онъ заказалъ тогда желѣзную цѣпь съ желѣзнымъ кольцомъ, своими руками заковалъ жену и, приковавъ ее къ стѣнѣ, могъ издѣваться надъ нею, какъ хотѣлъ. Иногда ей удавалось разорвать цѣпь и тогда, гремя цѣпью, она полураздѣтая бѣгала по улицамъ города, къ общему ужасу. Потомъ мужъ ее ловилъ, снова заковывалъ на худшія мученія. «Сергушка во мнѣ все ума искалъ, говорила она впослѣдствіи, да мои ребра ломалъ; ума-то не сыскалъ, а ребра-то всѣ поломалъ». Однажды, сорвавшись съ цѣпи, она въ зимнюю стужу пріютилась на паперти Напольной церкви въ гробѣ, приготовленномъ по случаю эпидеміи

для умершаго солдата. Здѣсь, коченѣя отъ холода, она ждала смерти. Когда мимо пошелъ сторожъ, она бросилась къ нему, прося помощи. А онъ, принявъ ее за призракъ, въ ужасѣ забилъ въ набатъ и поднялъ на ноги весь городъ. Послѣ этого мужъ отрекся отъ нея и притащилъ ее къ матери.

Здѣсь она тоже много терпѣла отъ отчима, который билъ ее своими руками, и отъ его шестерыхъ отъ перваго брака дѣтей. Какъ-то мать ея послала ее съ другими богомолками на поклоненіе святынямъ въ Воронежъ и Задонскъ. Въ Воронежѣ зашли онѣ къ архіепископу Антонію. Благословивъ всѣхъ, онъ сказалъ Пелагіи: «А ты, раба Божія, останься», — и пробесѣдовалъ съ нею наединѣ три часа. Спутницы ея роптали въ это время на такое его вниманіе къ «дурочкѣ». Выйдя, наконецъ, съ Пелагіей, архипастырь сказалъ: «Ну ужъ, ничего не могу говорить тебѣ болѣе. Если Серафимъ началъ твой путь, то онъ же и докончитъ», а затѣмъ, по прозорливости своей, добавилъ ея спутницамъ: «Не земного богатства ищу я, а душевнаго».

Второй разъ побывала съ дочерью мать въ Саровѣ, разсказала о. Серафиму, что дочь отъ рукъ отбилась, что на цѣпь ее пришлось посадить.

— Какъ можно, воскликнулъ старецъ. Пусть она по волѣ ходитъ. А то страшно будете за нее Богомъ наказаны.

Тогда родные не стали уже держать ее на цѣпи. Получивъ свободу, она почти всѣ ночи проводила на погостѣ Напольной Арзамасской церкви. Ее видали здѣсь молящуюся по цѣлымъ ночамъ Богу подъ открытымъ небомъ съ поднятыми вверхъ руками, со вздохами и слезами. Днемъ же она юродствовала, бѣгала по улицамъ, кричала, прикрытая лохмотьями, безъ куска хлѣба, голодная и холодная. Такъ прошли четыре года.

Великаго старца Серафима уже не было въ живыхъ.

Наконецъ, одна монахиня изъ Дивѣевской общины предложила взять Пелагію въ Дивѣевъ, на что она съ радостью согласилась. Эта монахиня высокой жизни и доб-

рая увезла ее съ собою. Ей было 28 лѣтъ. Въ Дивѣевѣ Пелагія Ивановна провела послѣднія 47 лѣтъ своей жизни.

Въ монастырѣ она продолжала подвергаться побоямъ, которые вызывала своими поступками въ приставленныхъ къ ней суровыхъ женщинахъ. Она бѣгала по монастырю, бросая камни, била стекла въ келліяхъ, колотилась головой и руками о стѣны. Большую часть дня она проводила на монастырскомъ дворѣ, сидя или въ ямѣ, ею выкопанной и наполненной навозомъ, или въ сторожкѣ въ углу, занимаясь непрерывно Іисусовой молитвой. Лѣтомъ и зимой она ходила босикомъ, становилась нарочно ногами на гвозди, прокалывала ихъ насквозь и истязала себя вообще всѣми средствами. Питалась она хлѣбомъ и водою, которыхъ иногда не бывало. Случалось, вечеромъ голодная она пойдетъ нарочно просить хлѣба по келліямъ сестеръ, которыя ее не жаловали, и вмѣсто хлѣба получала толчки и пинки. Она была, если одна, въ постоянной вознѣ. Возьметъ платокъ, салфетку, тарелку, наложитъ большими камнями и перетаскиваетъ съ мѣста на мѣсто.

Конечно, въ этихъ дѣйствіяхъ ея заключался какой-нибудь смыслъ, какая-нибудь цѣль.

Какъ-то стала она бѣгать въ кабакъ... Тутъ-то нельзя было обобраться пересудовъ. А, между тѣмъ, ея милосердная и прозорливая душа шла къ великой цѣли. Она сохранила двухъ людей. Цѣловальникъ замышлялъ покончить со своей женой. Однажды, ночью, завелъ онъ ее въ винный погребъ, и занесъ было надъ нею руку, какъ притаившаяся за бочками Пелагія Ивановна схватила его за руку и закричала: «Что̀ ты дѣлаешь? Опомнись, безумный!»—и тѣмъ спасла обоихъ. Больше ужъ она въ кабакъ не ходила.

Лѣтъ семь о родныхъ ея не было ни слуху, ни духу. Наконецъ, какъ-то собралась посмотрѣть на дочь ея мать со своей падчерицей. Прозорливая Пелагія Ивановна была весь этотъ день скорбная и объяснила, что мать не хочетъ показаться ей на глаза, а думаетъ увидать ее изъ окошка одной келліи. Видимо, какъ крѣпокъ ни былъ ея

духъ, ее глубоко огорчало отчужденіе отъ нея ея родныхъ. Она предложила ходившей за ней доброй монахинѣ Аннѣ Герасимовнѣ пойти къ нимъ: «Онѣ боятся, чтобы я съ ними не поѣхала. Такъ вотъ что: какъ запрягутъ лошадей-то, я въ ихъ повозку взойду, да и сяду. Онѣ и подумаютъ, что я съ ними хочу». Она грустно, точно сквозь слезы улыбнулась, и у монахини сердце перевернулось отъ жалости.

Поздоровавшись съ родными, Пелагія Ивановна вдругъ побѣжала, прыгнула въ запряженную повозку и ударила по лошадямъ. Чрезъ нѣсколько времени она вернулась и сказала разсерженной матери и сестрѣ: «На-те, Богъ съ вами; не бойтесь; до гроба я къ вамъ не поѣду».

Разъ пріѣхалъ ея родной братъ, велѣлъ сшить ей кожаные коты,—и кожу привезъ, чтобъ она босою не бѣгала, сшили ей, а она ихъ забросила.

Пелагія Ивановна всегда заранѣе знала про пріѣздъ родныхъ. Разъ говоритъ она Аннѣ Герасимовнѣ.

— Нынѣ Арзамасскіе пріѣдутъ, я буду у церкви, тогда придешь за мною, и ушла.

Подходитъ въ этотъ день къ этой монахинѣ хорошо одѣтый молодой, бравый мужчина и спрашиваетъ:

— Королёва здѣсь?

Это было имя отчима Пелагіи.

— Здѣсь, а что вамъ, что нужно?

— Кажется, будто сродникомъ считался, говоритъ онъ.

Монахиня повела его къ церкви. Увидавъ Пелагію Ивановну, мужчина говоритъ:

— Полно дурить-то, будетъ: поѣдемъ-ка въ Арзамасъ.

Это былъ ея мужъ. Сопровождавшій его прикащикъ сталъ ему доказывать, что она безумная, дура, а онъ говорилъ, что она притворяется.

Поклонившись мужу, Пелагія Ивановна сказала: «Не ходила я въ Арзамасъ, да и не пойду, хоть всю кожу сдери съ меня».

Мужъ молча ей поклонился и пошелъ.

Это было ихъ послѣднее свиданіе.

Чрезъ нѣсколько лѣтъ, лѣтомъ 1848 г., Пелагія Ивановна стала вдругъ стонать и плакать.

«Умираетъ онъ, кричала она, да умираетъ-то какъ: безъ причастія!»

Чрезъ нѣсколько времени пріѣхалъ прикащикъ почившаго. Оказалось, что все, что тѣлодвиженіями показывала Пелагія Ивановна, то и случилось съ Сергѣемъ Васильевичемъ: его схватило и, корчась, онъ бѣгалъ по комнатѣ, стоная и приговаривая: «Охъ, Пелагія Ивановна, матушка, прости ты меня, Христа ради. Не зналъ я, что ты терпишь Господа ради. А какъ я тебя билъ-то. Помоги мнѣ! Помолись за меня!»

Затѣмъ въ теченіе почти 40 лѣтъ Пелагія Ивановна не упоминала о мужѣ. А какъ-то 25 сентября 1883 года сидитъ она печальная, подпершись рукой.

— Что это ты, матушка? спросила ее Анна Герасимовна.

«Охъ, Сергушка, Сергушка, отвѣчала она съ тяжелымъ вздохомъ; по тебѣ и просфорки-то никто не подастъ!»

Вѣроятно, это былъ день именинъ покойнаго и, конечно, Пелагія Ивановна постоянно молилась за него.

Изъ дому Пелагіи Ивановнѣ не прислали ничего изъ ея имущества, когда она переѣхала въ Дивѣевъ. Какъ-то въ одно изъ посѣщеній ея матери она сказала вскользь:

— Вѣдь Палага безумная. Куда хотятъ, туда и мытарятъ серебро-то ея.

Тогда мать привезла ей двѣ серебряныя ложки.

— А что жъ мой жемчугъ не привезла? спросила она.

— Я его внучкѣ Надѣ отдала.

— Напрасно. Я и сама нашла бы куда помѣстить.

Изъ этихъ двухъ ложекъ блаженная одну сунула келейницѣ игуменьи, кратко поясняя ей: «отдай матушкѣ», а вскорѣ сказала Аннѣ Герасимовнѣ: «Мы съ тобой люди-то кой-какіе; къ чему намъ это?—отошли матушкѣ», и подала ей другую ложку.

Она вообще находила несправедливымъ, что братья и мать не отдали ея имущества въ монастырь.

Когда Пелагія Ивановна кончила возиться съ камнями, которые она собирала, чтобъ бросать въ ямы, — она полюбила цвѣты, — всегда ея руки были полны цвѣтовъ. Ихъ ей наносили цѣлые пуки, такъ что былъ ими покрытъ весь полъ келліи. И съ этихъ поръ она меньше бѣгала, больше сидѣла дома. Ея любимое мѣсто въ келліи, гдѣ она прожила все время, было на проходномъ мѣстѣ, между трехъ дверей у печки на войлокѣ. Здѣсь она повѣсила изображеніе старца и первоначальницы обители, матушки Агафьи Симеоновны Мельгуновой, и все время вела съ ними бесѣду, подавая имъ цвѣты.

Сна она себѣ почти не давала — иногда днемъ подремлетъ, а ночью выходила и въ какомъ-нибудь мѣстѣ обители, не обращая вниманія ни на дождь, ни на стужу, стояла лицомъ къ востоку, вѣроятно, молясь.

Больна она никогда не была. Только разъ, за три года до смерти, на ночной молитвѣ она была застигнута бураномъ. И, заблудившись, въ безсиліи упала на гряды монастырскаго огорода, ея сарафанъ примерзъ къ землѣ, а отдѣлить его и подняться у нея не хватило силъ. Ее нашли и еле отходили. Эта 72-хъ лѣтняя женщина пробыла тогда въ одной рубашкѣ и сарафанѣ на буранѣ 9 часовъ. Съ тѣхъ поръ она уже не выходила изъ келліи.

У Пелагіи Ивановны было то, что называется на языкѣ подвижниковъ — даромъ слезъ... Ее заставали иногда въ полѣ плачущею такъ, словно рѣки текли изъ ея глазъ, и, когда Анна Герасимовна спрашивала, не побили ли ее, она отвѣчала: «Нѣтъ; это я такъ; надо мнѣ такъ плакать. Вотъ я и плачу».

Въ послѣдніе годы жизни, слыша, сколько беззаконій творится на Руси, она, уже не скрываясь, страшно плакала.

— Что это, значитъ, матушка? спрашивала мать Анна.

— Эхъ, еслибъ ты знала это! Весь бы свѣтъ теперь заставила плакать.

Она была очень покорная и послушная при всей несообразности своего поведенія. Когда она бѣгала, всегда о томъ предваряла. Когда мать Анна просила ее помочь ей въ шитьѣ, она подвязывала фартучекъ, надѣвала наперстокъ и прилежно шила. Пряла также нитки.

Терпѣніе у нея было замѣчательное. Если ей нарочно наступали на ноги, давя ихъ, она только морщилась. На всю ругань, побои, она только улыбалась или скажетъ: «Я вѣдь вовсе безъ ума, дура». Она любила поношенія и не выносила похвалъ.

Юродивая Пелагія Ивановна на смертномъ одрѣ.

Она одѣвалась въ то, что ей давали изъ милостыни; но приносимаго не брала: все получала мать Анна, и уже надѣвала на нее. Нѣкоторыя только вещи Пелагія Ивановна клала «въ свою житницу» — себѣ за пазуху. Для того, чтобъ удручать себя, носила она тамъ бездну вещей, какъ бы большой мѣшокъ, привязанный къ шеѣ.

Деньгами она никогда ничего не брала. Разъ пришла къ ней бѣдная барышня и послѣ бесѣды дала ей рубль мѣдью.

— Оставь, сказала ей Пелагія Ивановна: у тебя у самой это послѣднее.

Такъ и оказалось — это былъ послѣдній ея рубль.

Всѣ ей были равны: ругатели ея и благодѣтели—она одинакова была со всѣми, говоря лишь то, что́ надо было каждому для его пользы.

Кого она бранила, кому улыбалась, отъ кого отворачивалась, съ кѣмъ плакала.

Народъ не переводился у нея съ ранняго утра до поздней ночи. Всѣ шли къ ней со своими недоумѣніями, за совѣтомъ.

Примѣровъ прозорливости ея не перечесть. Она также исцѣляла, причемъ крѣпко била по больному мѣсту.

Вотъ, одинъ изъ примѣровъ прозорливости этой дивной старицы.

Художникъ Петровъ, послѣ бурной жизни побывавъ на Аѳонѣ и въ Іерусалимѣ, не зналъ, жениться ли ему или идти въ монастырь. Въ 1874 году онъ пріѣхалъ въ Дивѣево и въ первое свиданіе съ Пелагіей Ивановной спросилъ ее, какъ ему быть въ его колебаніи. Она ничего не отвѣтила на его трехкратный вопросъ, и онъ вышелъ отъ нея очень недовольный. Цѣлый мѣсяцъ прожилъ онъ потомъ въ Дивѣевѣ, занимался живописью въ соборѣ; и не былъ у нея. Наконецъ, по̀ уговорамъ игуменіи, онъ съ неохотою пошелъ къ ней.

Пелагія Ивановна встала предъ нимъ во весь ростъ. То была женщина высокаго роста и красиваго сложенія съ необыкновенно живыми, блестящими глазами. Постоявъ, она начала бѣгать, хохотать и ударила посѣтителя по плечу. «Ну что?»—сказала она. Отъ этого удара ея прекратилась у него боль въ рукѣ, давно болѣвшей отъ паралича. Посѣтитель стоялъ предъ старицей въ сторонѣ. Затѣмъ она разсказала ему всю его жизнь съ подробностями, о которыхъ онъ зналъ одинъ на свѣтѣ, разсказала, что́ писано въ полученномъ имъ изъ Петербурга письмѣ. Волосы стали у него на головѣ дыбомъ. Онъ невольно упалъ на колѣни. Съ тѣхъ поръ ни шагу не дѣлалъ онъ безъ ея совѣта. «Она, говоритъ онъ, вытащила меня со дна ада».

Въ 1881 г., больной въ дифтеритѣ, онъ лежалъ въ

Петербургѣ. На шестой день болѣзни, взглянувъ на ея портретъ, онъ сказалъ: «что же ты меня не навѣстишь? ты была больна — я нарочно къ тебѣ ѣздилъ». Онъ увидѣлъ во снѣ стоящую рядомъ съ собой Пелагію Ивановну. Она сказала: «Вотъ, я пришла навѣстить тебя. Не бойся, не умрешь». И онъ выздоровѣлъ.

Однажды Пелагіи Ивановнѣ налили чаю, а она, схвативъ чашку, выбѣжала на улицу и вылила чашку по направленію къ одной деревнѣ. На слѣдующій день пришла изъ этой деревни женщина и разсказала, что у нихъ наканунѣ былъ пожаръ, и, когда сталъ загораться ея амбаръ съ хлѣбомъ, она, упавъ на колѣни, закричала: «Матушка Пелагія Ивановна, спаси!»—вѣтеръ тотчасъ подулъ въ другую сторону. Это случилось въ ту самую минуту, когда Пелагія Ивановна выплеснула чашку.

Въ жизнеописаніи великой подвижницы *), по которому составленъ этотъ очеркъ, приведено много удивительныхъ случаевъ ея прозорливости.

Старица Пелагія имѣла дивныя посѣщенія. Къ ней приходилъ изъ лучшаго міра великій старецъ Серафимъ, подолгу бесѣдуя съ ней — бывали и другія посѣщенія.

Незадолго до кончины Пелагія Ивановна сказала какъ-то: «Кто меня помнитъ, того и я помню. И, если буду имѣть дерзновеніе, за всѣхъ буду молиться».

Она тихо скончалась въ часъ съ четвертью по полуночи 30 января 1884 года, 75 лѣтъ.

Ее убрали въ бѣлую рубашку, сарафанъ, голову повязали шелковымъ платкомъ—какъ никогда не наряжалась она при жизни. Въ правую руку положили букетъ цвѣтовъ, такъ какъ она при жизни такъ любила ихъ; на лѣвую надѣли тѣ самыя шелковыя четки, которыя далъ ей старецъ Серафимъ, благословляя на тяжкій подвигъ юродства Христа ради.

---

*) Сказаніе о Христа ради юродивой подвижницѣ Серафимо-Дивѣевскаго монастыря Пелагіи Ивановнѣ Серебренниковой. (Собрано отъ лицъ близкихъ къ ней. Тверь. 1891 г.).

Восемь дней стояла она сперва въ маленькой душной келліи, гдѣ не переводился народъ, горѣли свѣчи и служились непрерывно панихиды при нестерпимой жарѣ, потомъ въ тепломъ Тихвинскомъ храмѣ. Съ каждымъ днемъ народу все прибывало, такъ что пришлось разрѣшить доступъ къ гробу и ночью. Отъ жары въ церкви текла вода струями по стѣнамъ, и въ холодныхъ папертяхъ было тепло, какъ въ топленныхъ келліяхъ. А раба Божія не предавалась тлѣнію, лежала какъ живая, сіяя духовною красотою. Вся она была осыпана цвѣтами, которые разбирались народомъ и замѣнялись другими.

Предъ закрытіемъ гроба многіе брали ея руки, которыя были гибки, мягки и теплы, какъ у живой.

Противъ алтаря Дивѣевскаго Троицкаго собора возвышается чугунный памятникъ. На немъ четыре надписи:

1) Пелагія Ивановна Серебренникова, урожденная Сурина, по благословенію старца Божія іеромонаха Серафима за святое послушаніе оставила все счастье земной жизни, мужа и дѣтей, принявъ на себя подвигъ юродствія и приняла гоненія, заушенія, біенія и цѣпи Христа Господа ради. Родилась въ 1809 году, прожила въ монастырѣ 47 лѣтъ, и 30 января 1884 года отошла ко Господу 75 лѣтъ отъ роду.

2) Блажени есте, егда поносятъ вамъ, и ижденутъ и рекутъ всякъ золъ глаголъ на вы лжуще Мене ради. Радуйтеся и веселитеся, яко мзда ваша многа на небесѣхъ. Все здѣсь претерпѣвшая и все превозмогшая силою любви твоей къ Богу, любви Его ради потерпи нашу немощь духовную, и крестомъ подвига твоего заступи насъ.

3) Свято-Троицкаго Серафимо-Дивѣева монастыря Серафимовъ Серафимъ, блаженная Пелагія *). Пелагія, взявъ крестъ свой ради Бога, на землѣ жила вся въ Богѣ и на небѣ живетъ вѣчно съ Богомъ.

4) Блажени изгнани правды ради, яко тѣхъ есть царство небесное. На тернистомъ пути подвига твоего не оста-

*) У нея было прозвище: лица, знавшія, какъ чтилъ ее самъ старецъ Серафимъ, звали ее «Серафимовъ Серафимъ».

вляла ты никого, къ тебѣ прибѣгающаго; не забуди и тамъ, въ блаженствѣ вѣчной Божіей славы, обитель, тобою излюбленную».

Неприкосновенною сохраняется въ обители келлія Пелагіи Ивановны: ея иконы Спасителя съ евангеліемъ, раскрытымъ на словахъ: «Пріидите благословенніи Отца моего!»— благословеніе отца; Владимірская икона Богоматери, благословеніе матери.

Вотъ мѣсто на полу у печки, и войлокъ, гдѣ проводила она ночи въ молитвѣ за міръ; вотъ кроватъ, тюфякъ и подушки, на которыхъ она покоилась лишь трое послѣднихъ сутокъ своей жизни, ея убогая одежа, одѣяло, желѣзный поясъ, который восемь лѣтъ носила на себѣ въ міру, такъ что онъ вросъ въ ея истерзанное побоями тѣло, и она съ кровью сняла его, придя въ монастырь. Вотъ желѣзная цѣпь, на которой мужъ и родная мать приковывали ее къ стѣнѣ...

Старецъ Иларіонъ Троекуровскій.

Едва-ли многимъ извѣстно имя старца Иларіона Троекуровскаго. Между тѣмъ, его необыкновенная жизнь повторяетъ вновь нашему вѣку повѣсти дивныя, повѣсти «древнихъ лѣтъ». На утѣшеніе русскому сердцу, не оскудѣло на Руси святое сѣмя, — родъ людей, жившихъ для Бога: отшельниковъ, молитвенниковъ, подвижниковъ, старцевъ. Они дышатъ тѣмъ-же духомъ, что завѣтные Антоній и Θеодосій, что Сергій Радонежскій со множествомъ иныхъ Новгородскихъ, Соловецкихъ, Валаамскихъ, Ярославскихъ, Костромскихъ, Вологодскихъ, которыхъ сіяніе пробило непроглядную чащу сѣверныхъ лѣсовъ и свѣтило русскому человѣку. Они шли разными тропами, но въ одномъ направленіи; начинали съ самоотреченія и жестокихъ подвиговъ, и, очистивъ свою душу, служили беззавѣтно всѣмъ, кто шелъ къ нимъ. Ихъ любовь и ихъ служба не прекращались по смерти; въ душѣ народа они оставались живыми:

ихъ звали, они отвѣчали. Часто, отходя тѣломъ отъ людей,— они оставляли имъ своихъ учениковъ.

I. Дѣтство.

Въ 1774 году въ зажиточной семьѣ государственныхъ крестьянъ Рязанской губерніи Раненбургскаго уѣзда, села Зенкина (иначе Раковыхъ Рясъ) родился сынъ; назвали его Иларіонъ. Мальчикъ росъ въ семьѣ, среди своихъ братьевъ, какъ-то особнякомъ. Робкій и молчаливый, онъ чуждался не только своихъ сверстниковъ, но даже и своихъ родныхъ. Дѣтскихъ забавъ вообще удалялся; когда кто-нибудь его обижалъ, то онъ молился Богу за своего обидчика.

Съ самаго ранняго возраста онъ полюбилъ церковь,— и вотъ какое съ нимъ, семилѣтнимъ, было происшествіе, оставившее слѣдъ на всю его жизнь. Какъ-то разъ очень рано заблаговѣстили въ селѣ къ утренѣ. Отъ звука колокола мальчикъ сонный упалъ съ лавки на полъ и, опомнившись, почувствовалъ сильный испугъ; но, когда онъ пришелъ въ себя и узналъ церковный благовѣстъ, то быстро вскочилъ и побѣжалъ въ церковь. Во время службы онъ испыталъ невыразимое желаніе угождать Богу.

То настроеніе, которое рано сказалось въ мальчикѣ, поддерживалъ въ немъ его старый дѣдъ съ материнской стороны; жилъ онъ въ своей отдѣльной избѣ, былъ простой неграмотный крестьянинъ, но велъ жизнь чрезвычайно строгую и былъ мудръ. Иларіонъ очень былъ привязанъ къ дѣду. Любимымъ его дѣломъ было ходить съ дѣдушкой въ церковь, а изъ церкви дѣдъ часто бралъ внука къ себѣ въ домъ до слѣдующей службы. Какъ ни былъ дѣдъ богобоязненъ, онъ опасался, что слишкомъ усиленная ревность можетъ повлечь за собой охлажденіе, и старался развлекать внука, понуждая его къ невиннымъ дѣтскимъ забавамъ. Но эта излишняя заботливость дѣда о своемъ внукѣ какъ-то не имѣла полнаго успѣха. Бывало, какъ разсказываютъ домашніе Иларіона, въ зимнее время дѣдушка даетъ ему хорошенькія салазки, и не то что отпу-

ститъ, а просто прогонитъ его съ ними на гору кататься. Благонравный мальчикъ волей-неволей послушается дѣда, пойдетъ съ салазками на гору, но другіе ребятишки подбѣгутъ, возьмутъ отъ него салазки и катаются на нихъ, сколько кому угодно. Иларіонъ не только никогда не сопротивлялся, но даже, чуть подмѣтитъ въ комъ желаніе покататься на его салазкахъ, самъ тотчасъ-же съ готовностью отдаетъ ихъ. Когда-же надо было возвращаться домой, онъ спокойно бралъ свои салазки и уходилъ съ горы, не успѣвъ ни разу на нихъ прокатиться.

Страннымъ считали Иларіона въ родномъ селѣ: очень онъ отличался отъ другихъ. Особенно-же огорчались родители. Они видѣли, что онъ какъ-то не подходитъ къ ихъ быту: не будетъ хорошимъ работникомъ и умѣлымъ хозяиномъ. Та разсѣянность, какую Иларіонъ проявлялъ относительно внѣшней жизни, навлекала на него насмѣшки и укоры и, чтобы избавить отъ нихъ мальчика, дѣдъ взялъ его къ себѣ. Время, проведенное у дѣда, было началомъ подвижнической жизни Иларіона, который могъ теперь всецѣло отдаться молитвеннымъ подвигамъ. Удивительно, какое поразительное пренебреженіе выказывалъ Иларіонъ къ плоти. Онъ изнурялъ ее строгимъ постомъ, который, въ виду юныхъ лѣтъ Иларіона, былъ поистинѣ изумительнымъ, такъ какъ будущій подвижникъ довольствовался двумя калачами въ недѣлю, не болѣе. При такой пищѣ, безъ всякихъ притомъ другихъ кушаній, мальчикъ могъ только что не умереть съ голоду, да и то подкрѣпляемый благодатію Божіей. Часто дѣдъ и внукъ ходили на поклоненіе къ святымъ мѣстамъ, въ Кіевъ, къ Троицѣ. Цѣль этихъ далекихъ странствованій, въ отношеніи къ юному Иларіону, состояла въ томъ, чтобы воспитывать въ немъ духъ молитвенный. Нетлѣнныя мощи угодниковъ Божіихъ, почивающія въ продолженіе многихъ вѣковъ, съ залогомъ жизни вѣчной, наконецъ, самый видъ св. кіевскихъ пещеръ—этихъ живыхъ свидѣтелей великихъ молитвенныхъ подвиговъ, все это сильно воспламеняло въ душѣ Иларіона огонь любви божественной.

II. Юность.

На четырнадцатомъ году Иларіонъ потерялъ дѣда. Но основаніе было заложено крѣпкое,—а въ тѣхъ обителяхъ, куда дѣдъ водилъ внука, у него остались опытные руководители.

По переселеніи къ отцу, опять начались трудности, и, наконецъ, родители неотступно стали требовать отъ сына, чтобы онъ женился. Такое требованіе шло наперекоръ всѣмъ желаніямъ и мечтамъ его; но онъ рѣшился отчасти покориться, только выговорилъ себѣ при этомъ, что, по совершеніи брака, тотчасъ-же отправится въ Кіевъ, на богомолье. По совершеніи брака въ храмѣ, новобрачный, улучивъ удобное время, тайно отъ родителей и отъ жены, скрылся изъ дому и, пользуясь выговореннымъ условіемъ, ушелъ въ Кіевъ. Вернувшись домой, Иларіонъ притворился больнымъ, сказавъ, что по пути изъ Кіева съ нимъ сдѣлался параличъ, и что правая рука у него отнялась. Его кажущаяся болѣзненность оставляла ему достаточно времени для молитвы, но, сколько могъ, онъ старался участвовать въ домашнихъ работахъ. Такъ, онъ выпрашивалъ у матери молоть рожь на ручныхъ жерновахъ, — и, если оставался одинъ, дѣлалъ эту работу обѣими руками. Конечно, родные и жена, для которой онъ отъ самаго вѣнца такъ и остался чужимъ, очень досаждали ему. Но Господь, посылавшій сильному духомъ Иларіону трудныя испытанія, облегчалъ ихъ и духовными утѣшеніями. Неподалеку отъ Зенкина, того-же Раненбургскаго уѣзда, въ с. Головинщинѣ, жилъ въ то время добрый и благочестивый священникъ о. Трофимъ. У этого добраго священника, всею душой любившаго Иларіона, во всякое время могъ онъ находить радушный пріемъ. Среди этихъ посѣщеній, продолжавшихся два года, о. Трофимъ училъ Иларіона грамотѣ.

Но такое положеніе не могло продолжаться долго. Видя, что семейныя узы опутываютъ его по рукамъ и по

ногамъ, и дойдя до той степени, когда жажда служить Богу охватываетъ всего человѣка и уноситъ далеко отъ всѣхъ связей и отношеній жизни, — Иларіонъ рѣшился разомъ покончить мірскіе разсчеты. Онъ ушелъ на двадцатомъ году жизни навсегда изъ дому и сталъ странствовать.

Послѣ странствованій Иларіонъ рѣшилъ избрать для жизни опредѣленное мѣсто, — и поступилъ въ одинъ изъ монастырей Рязанской епархіи. Но жена его, имѣвшая на него, по человѣческимъ законамъ, свои права, подала на него просьбу въ консисторію. Иларіонъ вышелъ изъ монастыря и удалился въ дремучій Зенкинскій лѣсъ, недалеко отъ родного села.

Но первая неудача не отклонила его отъ мысли о монашествѣ, — онъ снова опредѣлился въ Петропавловскую Раненбургскую пустынь, и былъ постриженъ въ рясофоръ съ именемъ Иларія.

Строгимъ соблюденіемъ устава онъ выдѣлялся среди прочей братіи, а вниманіе настоятеля къ безупречному иноку возбудило къ нему общую зависть. Онъ ѣздилъ за сборомъ подаяній, его оклеветали и обвинили въ утайкѣ денегъ. Монахи не давали ему прохода укорами и насмѣшками; чтобъ избѣжать ихъ, онъ пересталъ ходить на трапезу. Настоятель-же требовалъ этого. Иларіонъ повиновался, но не принималъ пищи за общимъ столомъ; его обвинили въ упорствѣ и запретили какъ пускать на трапезу, такъ и давать ему хлѣбъ. Въ продолженіе года Иларіонъ ѣлъ только въ день по просфорѣ, которую тайно носилъ ему понамарь, жалѣвшій его. О. Иларіону не суждено было долго оставаться въ Петропавловской пустыни, такъ какъ послѣ нѣсколькихъ посѣщеній его жены, которая требовала его къ себѣ, настоятель рѣшился удалить отца Иларіона изъ пустыни, что и было исполнено.

III. Подвижничество.

Послѣ изгнанія изъ Петропавловской пустыни, для отца Иларіона начались годы неимовѣрныхъ подвиговъ.

Онъ поселился въ четырехъ верстахъ отъ села Головинщины, въ Воловомъ оврагѣ. Тутъ онъ самъ выкопалъ нѣсколько пещеръ, одна изъ которыхъ, главная, молельная, соединялась переходами съ остальными. Громадный камень служилъ ему столомъ. Здѣсь онъ жилъ и совершалъ молитвенныя правила: вечерню, всенощную и утреню; для литургіи ходилъ иногда въ село Головинщину. А въ знойное лѣтнее время, на открытой полянѣ, подъ лучами солнца, клалъ въ день по три тысячи земныхъ поклоновъ.

Въ продолженіе шести лѣтъ, лѣтомъ и зимою, исключительною пищею служила ему рѣдька, которую онъ посадилъ въ устроенномъ имъ самимъ огородѣ и ѣлъ безъ хлѣба. Воды вблизи не было, и въ лѣтнее время, дожидаясь дождя, онъ дней по десяти страдалъ иногда жаждою. Разъ онъ, во время великаго поста, за обѣдней упалъ въ обморокъ—онъ не ѣлъ ничего 18 дней. Тутъ обнаружились на тѣлѣ тяжелыя вериги и сорочка, сдѣланная изъ мѣдной проволоки — и отъ нея тѣло было въ ранахъ.

Постель его была устроена изъ самыхъ жесткихъ сучьевъ дуба, и на ней видны были слѣды крови. Онъ не носилъ ни зимой, ни лѣтомъ обуви. Единственная его одежда — длинная рубашка изъ холста и халатъ изъ бѣлой тонкой матеріи.

И тутъ, среди этихъ безмѣрныхъ подвиговъ, на него обрушилась грозная борьба вражьей силы. Нечистые духи принимали видъ хищныхъ звѣрей и гадовъ, иногда страшнаго змѣя, висѣвшаго надъ входомъ пещеры съ зіяющею пастію.

Однажды темнымъ вечеромъ посѣтилъ Иларіона священникъ села Головинщины, о. Трофимъ, а Иларіонъ отправился на село, за огнемъ, предупредивъ гостя, чтобъ онъ никого не впускалъ безъ молитвы Іисусовой. Хозяинъ ушелъ; священнику было жутко.

Вдругъ за дверью раздался торопливый стукъ. Съ радостію сталъ священникъ отворять, думая, что вернулся хозяинъ, но вспомнилъ слова Иларіона и сказалъ:

— Сотвори молитву.

— Отворяй.

— Не пущу безъ молитвы.

За дверью поднялся неистовый шумъ. Священникъ осѣнилъ съ молитвою дверь крестомъ; тогда раздался страшный хохотъ и хлопанье въ ладоши, и затѣмъ все стихло. Иларіонъ засталъ священника въ ужасѣ.

Между тѣмъ молва о подвижникѣ, какъ ни скрывался онъ, стала расходиться. Къ нему пошелъ народъ, бѣдные и богатые, ища сочувствія въ горѣ, совѣта въ несчастіи и молитвы.

Онъ принималъ всѣхъ, бралъ то, что̀ давали богатые— и отдавалъ бѣднымъ, и даже самъ просилъ у богатыхъ съ цѣлью помочь этими деньгами неимущимъ. Но многолюдство тяготило его. Чтобъ никто не мѣшалъ его молитвеннымъ размышленіямъ, онъ оставлялъ временами пещеры, и иногда, чтобы скрыться, взлѣзалъ въ гущѣ лѣса на деревья, причемъ проводилъ дня два или три безъ сна и безъ пищи. Однажды зимой во время такого отсутствія его землянка застыла отъ морозу; онъ протопилъ ее и чуть не умеръ отъ сильнаго угара. Но падая безъ чувствъ, онъ головой ударился объ дверь и отворилъ ее, и свѣжій воздухъ привелъ его въ чувство.

А молва все росла... Къ нему присоединились трое людей, которые хотѣли раздѣлить съ нимъ его подвиги. Но у нихъ не было воды, и безуспѣшно они рыли землю. Послѣ долгой молитвы о водѣ, Иларіонъ заснулъ и, проснувшись, увидалъ около себя прекрасный кустъ цвѣтовъ, котораго раньше тутъ не было. Онъ сталъ копать, и открылся чистый ключъ. Колодезь этотъ обладаетъ и понынѣ водой цѣлебной для вѣрующихъ.

Для того, чтобы точно распредѣлять время для совершенія молитвенныхъ правилъ, у Иларіона былъ пѣтухъ, по крику котораго онъ узнавалъ часы.

Предаваясь уединенной молитвѣ, пустынникъ не лишалъ себя и присутствія при св. литургіи, въ храмѣ села

Головинщины. Однажды онъ позднимъ вечеромъ возвращался изъ села. Была страшная вьюга. Онъ сбился съ дороги. Босой, въ своемъ тонкомъ холщевомъ халатѣ, борясь съ вѣтромъ, онъ обезсилѣлъ и упалъ въ снѣгъ безъ чувствъ, но Господь не попустилъ его гибели. Вслѣдъ за нимъ ѣхалъ крестьянинъ и наткнулся на него. Онъ узналъ отшельника по одеждѣ, положилъ тѣло на сани и привезъ въ село. Въ селѣ болѣе часа пролежалъ замерзшій на дровняхъ, потому что боялись принять мертвое тѣло въ домъ. Наконецъ, внесли его, безъ признаковъ жизни, и только черезъ часъ привели въ чувство. Онъ слабымъ голосомъ просилъ священника отслужить молебенъ Божіей Матери Цѣлительницѣ, и когда по окончаніи священникъ поднесъ къ его губамъ крестъ, онъ благоговѣйно приложился къ нему и затѣмъ, поклонившись священнику, ушелъ изъ дома, несмотря на бушующую вьюгу.

А на слѣдующее утро его видѣли совершенно здоровымъ въ церкви.

Наконецъ, на весну онъ задумалъ устроить себѣ столпъ изъ кирпича, съ дупломъ, и провести остатокъ жизни въ безпримѣрномъ затворѣ — на колѣняхъ, согнутымъ.

Но Богъ судилъ иначе.

IV. Странничество.

Отцу Иларіону Богъ не далъ осуществить мысль о спасеніи на столпѣ. Ему были назначены тяжелыя испытанія.

Постоянный приливъ посѣтителей обратилъ на отшельника вниманіе полиціи, и ему приходилось часто покидать свое уединеніе. Онъ уходилъ тогда въ Елецъ, или въ Кіевъ, или въ Задонскъ.

Въ Ельцѣ подвижнику пришлось испытать много искушеній. Одинъ протоіерей обвинялъ его въ томъ, что онъ благословляетъ народъ священническимъ знаменіемъ; между тѣмъ о. Иларіонъ если крестилъ нѣкоторыхъ, —то крестомъ міранъ, а при этомъ иногда ему цѣловали руку. Однажды.

во время чтенія двѣнадцати евангелій, какіе-то люди, не изъ простыхъ, такъ громко говорили, что Иларіонъ имъ это замѣтилъ. На него пожаловались, и городничій засадилъ его въ тюрьму, и выпустилъ только въ среду, на Свѣтлой недѣлѣ, и то только потому, что самъ сильно заболѣлъ и боялся держать долѣе подвижника.

Однажды, на пути изъ Кіева, о. Иларіонъ въ Коренной пустыни, подъ Курскомъ, отчаянно занемогъ; по предложенію настоятеля, хорошо его знавшаго, онъ былъ тайно постриженъ въ монашество, оставивъ себѣ прежнее свое имя. Однако, онъ выздоровѣлъ и вернулся въ свои пещеры. Опять къ пещерамъ пошелъ народъ за наставленіемъ, молитвою и исцѣленіемъ недуговъ, а отшельника все не покидали разныя скорби.

Управляющій того помѣщика, на землѣ котораго находились пещеры о. Иларіона, не взлюбилъ подвижника. Ему казалось, что крестьяне ходятъ въ пещеры жаловаться на трудность своей крѣпостной жизни, и онъ рѣшилъ избить отшельника и выселить его. Но вышло иначе. Цѣлый день онъ со своими работниками проплуталъ по знакомымъ полямъ и не могъ добраться до пещеръ. Вернувшись къ ночи домой, онъ видѣлъ страшный сонъ, который потомъ исполнился надъ нимъ и его семьей.

Вскорѣ послѣ исторіи съ управляющимъ на о. Иларіона была возведена возмутительная клевета, что будто бы онъ проводитъ въ своихъ пещерахъ безпорядочную и безнравственную жизнь. Вслѣдствіе этого доноса, подвижникъ былъ отосланъ въ Петропавловскую пустынь, что подъ Раненбургомъ, для отбыванія въ ней шестимѣсячной эпитиміи. Когда же положенное время истекло, то возвратиться въ пещеры было уже нельзя: онѣ не существовали, а здоровье о. Иларіона было уже значительно расшатано.

Отецъ Иларіонъ продолжалъ зиму и лѣто ходить въ холщевомъ халатѣ и безъ обуви, но для подкрѣпленія сталъ употреблять чай съ бѣлымъ хлѣбомъ. Отъ шести лѣтъ жизни въ сырыхъ пещерахъ начались страданія рев-

матизмомъ въ головѣ и въ тѣлѣ. Онъ поселился теперь въ селѣ Каликинѣ, но пробылъ тамъ только два мѣсяца. Отсюда онъ не надолго перешелъ въ церковную караулку села Головинщины. Въ это время случилось, что засуха угрожала полнымъ неурожаемъ сосѣднему помѣщику с. Карповки, кн. Долгорукову. Онъ письменно просилъ молитвъ о. Иларіона. Въ тотъ-же день обильный дождь прошелъ надъ его посѣвами. Благодарный князь предложилъ о. Иларіону перейти къ нему въ усадьбу, гдѣ его приняли необыкновенно радушно. Сама княгиня обивала сукномъ полъ поставленной для него келліи.

Когда въ 1812 году окрестные помѣщики, узнавъ о занятіи Москвы, хотѣли уѣзжать изъ своихъ имѣній, старецъ убѣждалъ ихъ остаться на мѣстѣ, молиться и сказалъ: «Пусть онъ взялъ Москву, на деревнѣ остановится».

Слова старца сбылись. Вскорѣ наше побѣдоносное оружіе смирило надменнаго и незваннаго гостя древней русской столицы.

Къ 1817 году относится знакомство о. Иларіона съ юродивымъ Іоанномъ, который сдѣлался потомъ затворникомъ Сезеновскимъ. Іоаннъ былъ привезенъ одною благочестивою женщиною къ помѣщику с. Сезенова, кн. Несвицкому, который былъ предувѣдомленъ во снѣ о его приходѣ. О. Иларіонъ заботился объ Іоаннѣ, но также подвергалъ его и испытаніямъ, которыя тотъ смиренно переносилъ. Такъ, въ келліи, которую срубилъ для затворника князь Несвицкій, Іоаннъ поставилъ иконы въ видѣ иконостаса, и отдѣлилъ его рѣшеткой отъ остальной части келліи. О. Иларіонъ послалъ своего келейника съ приказомъ разобрать рѣшетку, и Іоаннъ спокойно смотрѣлъ, какъ келейникъ исполнялъ это порученіе.

Въ другой разъ тотъ-же келейникъ былъ посланъ о. Иларіономъ къ Іоанну съ такимъ предупрежденіемъ: «Скоро будетъ тебѣ искушеніе. Во время молитвы въ келліи твоей пронесется вихрь. Лампады предъ св. иконами закачаются и погаснутъ, но ты стой твердо и вѣруй, что Господь не

пошлетъ тебѣ искушенія выше силъ. Затѣмъ лампадки у тебя зажгутся сами собой. Но ты ихъ такъ не оставляй, а погаси, потомъ достань огня изъ печки и съ молитвою опять зажги ихъ». — Все такъ и случилось. О. Иларіонъ предохранилъ затворника и отъ страха и отъ обольщенія.

Между тѣмъ, хотя здоровье все слабѣло, о. Иларіонъ не оставлялъ своей трудной жизни. Попрежнему и зиму, и лѣто онъ ходилъ въ холодномъ халатѣ и безъ обуви. Когда въ сильные морозы онъ босой приходилъ въ церковь и становился неподвиженъ на чугунномъ полу, то около его ногъ была замѣтна оттепель.

Когда князь Долгоруковъ умеръ, то дворня опустѣвшей усадьбы старалась выжить о. Иларіона. Молодому князю, жившему постоянно въ Москвѣ, они доносили, что на подвижника одной покупной провизіи въ годъ выходитъ на 800 р. Князь пріѣзжалъ нарочно изслѣдовать эту клевету и, убѣдившись въ ея несправедливости, приказалъ всячески беречь о. Иларіона. Но дворня послѣ отъѣзда князя стала обращаться съ подвижникомъ еще хуже.

Зимою келліи не топили по нѣскольку дней, или натапливали очень жарко и рано закрывали трубу; не давали пищи; однажды отъ небрежности случился пожаръ, и о. Иларіонъ долженъ былъ заливать его одинъ безъ посторонней помощи. Наконецъ, въ 1819 г. онъ просилъ почитавшую его семью Сухановыхъ помочь ему переѣхать и перешелъ въ село Колычево, но и тутъ долженъ былъ перемѣнять нѣсколько разъ свое мѣстопребываніе.

Въ послѣднее время пребыванія въ Колычевѣ старецъ часто живалъ у помѣщика Менщикова, который для него устроилъ въ глубокомъ оврагѣ келлію и обилъ ее внутри чернымъ сукномъ. Тутъ отецъ Иларіонъ, все слабѣвшій, написалъ и свое духовное завѣщаніе: «Во имя Отца и Сына, и Святаго Духа. Аминь. Боже жизни, у Котораго мертвыхъ нѣтъ! Всѣ бо нисходящіе во гробъ къ Тебѣ текутъ и у Тебя собираются въ невидимомъ мірѣ, — (Тебѣ живи суть, гдѣ тянутъ вѣки), куда входъ намъ неизбѣженъ.

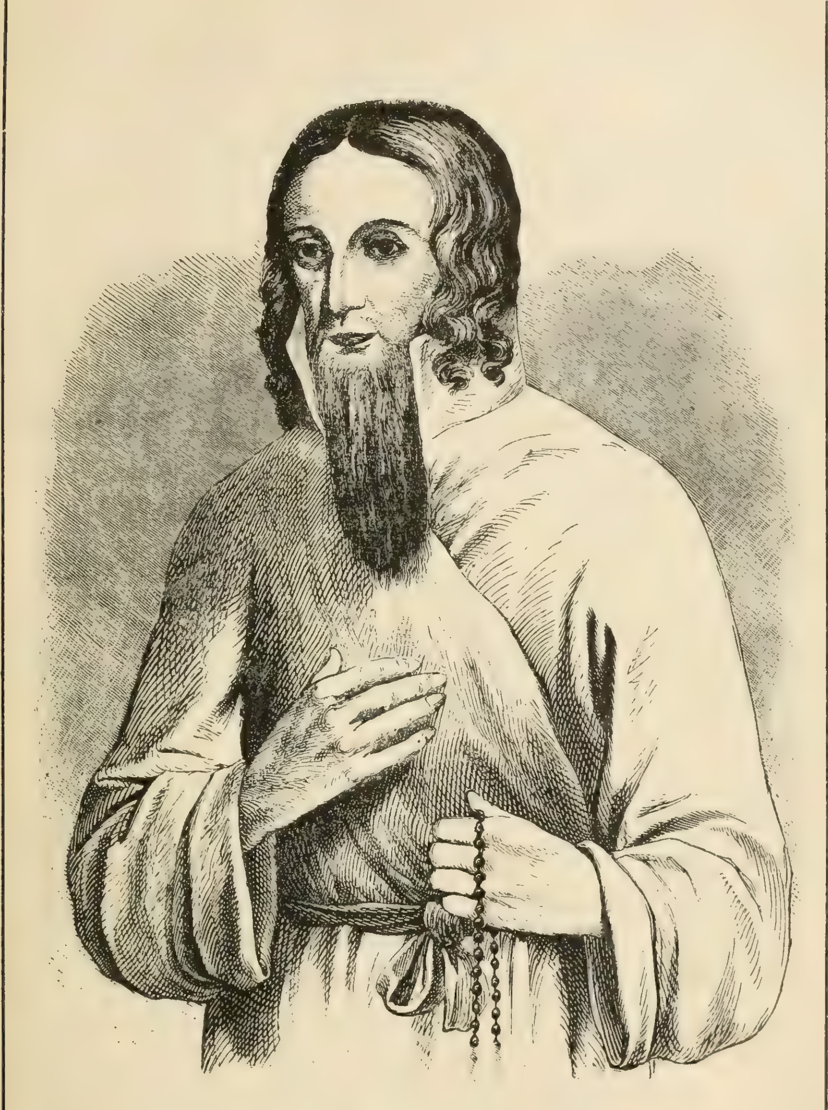
исходъ невозможенъ. Боже праведный! У Тебя мѣрило нашихъ дѣлъ. Ужасаюся и трепещу, готовяся съ часу на часъ къ исходу отъ сей маловременной жизни предстать на вѣчное пребываніе. И возвращаюсь въ землю, отъ нея же взятъ былъ.

«Разсудилъ я всѣ свои тлѣнныя вещи представить тлѣннымъ-же людямъ. Молю и прошу, по кончинѣ дней моихъ, раздать все мое бѣднѣйшее имѣніе самобѣднѣйшимъ, да нестяжаніе мое видимо будетъ тамъ, предъ лицемъ Господа Бога моего. Я виновенъ противъ всѣхъ, прошу меня простить. А я отъ всей души моей прощаю всѣхъ. Убогій архи-грѣшникъ Иларіонъ-отшельникъ».

Въ Лебедянскомъ уѣздѣ жилъ въ своемъ помѣстьѣ Троекуровѣ именитый и богатый человѣкъ Иванъ Ивановичъ Раевскій. Это былъ замѣчательный человѣкъ. Онъ посвятилъ всю свою жизнь на служеніе ближнимъ и церкви; отыскивалъ бѣдныхъ и помогалъ имъ, жертвовалъ много на бѣдные деревенскіе храмы.

Троекуровскій помѣщикъ Раевскій, горячо привязавшійся къ о. Иларіону, неотступно просилъ его поселиться въ Троекуровѣ. О. Иларіонъ отправился на богомолье въ Кіевъ, прося у Бога вразумленія. На возвратномъ пути въ дремучемъ лѣсу былъ ему голосъ: «Будетъ тебѣ ходить! Спасайся на одномъ мѣстѣ». Въ благоговѣйномъ трепетѣ блаженный упалъ на землю, прославляя милосердіе Господа, открывающаго волю Свою со смиреніемъ молящимся Ему;— о. Иларіонъ тутъ-же далъ обѣтъ остаться до смерти на мѣстѣ, на которое благоволилъ указать ему Господь.

Въ началѣ ноября, 1824 года, раннимъ утромъ о. Иларіонъ переѣхалъ изъ Колычева въ Троекурово въ выстроенную для него келлію, состоявшую изъ трехъ комнатъ, украшенныхъ св. иконами и снабженныхъ всѣмъ необходимымъ. Иванъ Ивановичъ Раевскій самъ отправился въ Колычево за о. Иларіономъ, который только что за нѣсколько часовъ до его пріѣзда возвратился изъ Кіева, и лично доставилъ старца на его новое мѣстожительство.



Троекуровскій затворникъ Иларіонъ.

V. Троекурово.

Когда отецъ Иларіонъ переѣхалъ въ Троекурово, ему было пятьдесятъ лѣтъ. Здѣсь онъ провелъ послѣднія 29 лѣтъ своей жизни.

Поселясь въ Троекуровѣ, о. Иларіонъ, во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній съ полиціей, приписался къ мѣщанскому обществу г. Лебедяни, а одинъ купецъ взялся ежегодно вносить за него всѣ повинности.

Комнатка, въ которой помѣщался о. Иларіонъ, была меблирована небольшимъ угольникомъ и кроваткой съ тюфякомъ и двумя маленькими подушками, покрытыми бѣлою простынею. Холодъ, которымъ прежде смирялъ подвижникъ свою плоть, теперь сталъ совершенно невыносимымъ для него. Въ келліи его были постоянно вставлены двойныя рамы и жарко натоплено. Часто, не взирая на жару, и даже иногда въ лѣтнее время онъ бывалъ въ валенкахъ. Однако и тогда онъ все тѣснилъ себя. Выйдя однажды въ чудный весенній день въ садикъ, на солнце, онъ быстро вернулся и сказалъ келейнику: «Хорошо, очень хорошо — пожалуй, и еще захочешь».

Наружный видъ отца Иларіона, который съ перваго раза поражалъ своею духовною красотою, былъ таковъ. Ростъ его средній, впалая грудь, правильныя и тонкія черты лица, темноголубые глаза и носъ съ горбинкою. Изнуренное постомъ лицо было очень худое и прозрачное, чрезвычайной бѣлизны; губы его часто озарялись свѣтлою улыбкой. Волосы были серебристые, длинные, и продолговатая борода.

Вотъ, что говоритъ одно воспоминаніе о старцѣ: «Видъ его былъ какъ Ангела Божія. Нельзя было даже подумать, чтобы Господь на землѣ давалъ такую красоту своимъ рабамъ. Ему было уже почти восемьдесятъ лѣтъ, а казался онъ какъ въ первой юности и рѣдкой красоты. Глядя на него, невольно приходило на мысль: Дивенъ Богъ во святыхъ Своихъ». За шесть лѣтъ до смерти о. Иларіонъ ослѣпъ, но предъ кончиной чудесно прозрѣлъ.

Въ Троекуровѣ старецъ сумѣлъ соблюсти трудную мѣру: онъ остался затворникомъ, хоть народъ имѣлъ къ нему доступъ, и самъ онъ выходилъ въ церковь.

По его просьбѣ, въ храмѣ стали ежедневно совершаться богослуженія. Все нужное для литургіи онъ доставлялъ отъ себя. Келейныя-же его правила состояли въ слѣдующемъ.

Утреннее его правило продолжалось съ часу по полуночи до полудня и прерывалось раннею обѣднею,—это было непрестанное полусуточное моленіе. Вечернее-же правило шло съ третьяго до девятаго часа. Въ этомъ часу онъ запирался въ своей комнатѣ, и ночное его бдѣніе неизвѣстно, только онъ говорилъ своему келейнику: «монаху должно спать весьма мало — никакъ не болѣе четырехъ часовъ въ сутки, и то послѣ усиленныхъ тѣлесныхъ трудовъ».

Литургію онъ стоялъ всегда въ алтарѣ, пріобщался каждый двунадесятый праздникъ.

Въ свободное время о. Иларіонъ читалъ духовныя книги, а иногда принималъ посѣтителей. По окончаніи утренняго правила, дважды въ недѣлю—воскресенье и четвергъ—бывала трапеза. Въ мясоѣдъ готовили рыбу и лапшу, и онъ бралъ по самой малой части блюдъ; такъ, горячаго онъ кушалъ не болѣе трехъ ложекъ. Въ остальные дни трапезы не бывало: онъ съѣдалъ кусокъ антидора и выпивалъ чашку кофе. Въ Великій-же постъ, для чистоты голоса, такъ какъ правила совершалъ громко, старецъ употреблялъ вмѣсто пищи по стакану коноплянаго сока. Въ болѣзняхъ онъ пользовался домашними средствами (рѣдечный сокъ и огуречный разсолъ), и указывалъ на нихъ другимъ.

Число посѣтителей о. Иларіона въ Троекуровѣ было чрезвычайно значительно. При входѣ каждаго изъ нихъ, онъ клалъ предъ иконами три земныхъ поклона и осѣнялъ входящаго крестнымъ знаменіемъ. Весьма рѣдкимъ изъ посѣтителей предлагалъ маленькій диванчикъ, а самъ садился въ кресло, но чаще всего принималъ стоя. Доселѣ

вспоминаются слова старца, которыми онъ привѣтствовалъ входившихъ въ его тихую келлію: «Положимъ три поклона, помолимся Царицѣ Небесной». Говорилъ онъ просто, кратко и часто притчами, иногда на устахъ его показывалась улыбка. Лично старецъ принималъ немногихъ, а передавалъ совѣты и наставленія чрезъ своихъ келейниковъ. Во время же правила никого не принималъ, кромѣ чрезвычайныхъ обстоятельствъ. Иногда онъ отказывалъ въ пріемѣ достойнымъ людямъ, и вслѣдъ за тѣмъ принималъ потеряннаго человѣка. Это старецъ объяснялъ такъ: «первые идутъ добрымъ путемъ, имъ не нуженъ руководитель, а этимъ несчастнымъ нужна скорая духовная помощь». Онъ зналъ иногда, кто, откуда и зачѣмъ пріѣхалъ, и, видя людей въ первый разъ, называлъ ихъ по имени. Иногда посѣщенія сопровождались самыми трогательными обстоятельствами. Легко становилось около отца Иларіона: къ нему шли подъ гнетомъ тяжкаго бремени, а летѣли отъ него, какъ птицы на крыльяхъ.

Внѣшняя дѣятельность отца Иларіона выражалась въ благотворительности, исцѣленіяхъ, добрыхъ поученіяхъ и совѣтахъ приходившимъ къ нему.

Хотя самъ онъ былъ какъ нищій и странникъ, но его почитатели несли ему много денегъ, которыя онъ раздавалъ. Одинъ помѣщикъ принесъ ему 5,000 рублей; другой, чувствуя близкую смерть, просилъ принять отъ него, для раздачи по усмотрѣнію старца, 100,000 рублей, но старецъ посовѣтовалъ отдать ихъ затворнику Іоанну Сезеновскому на храмъ.

Особенно любилъ о. Иларіонъ жертвовать на украшеніе и постройку храмовъ, церковные колокола, ризы, и многихъ побуждалъ къ такимъ же пожертвованіямъ. Всѣ же оставшіяся у него деньги онъ раздавалъ бѣднымъ. Кромѣ лицъ, которыя получали постоянное пособіе, отъ него выдавалась трапеза странникамъ, а бѣдные получали хлѣбъ и на дорогу.

Въ тюрьмы въ великіе праздники старецъ посылалъ

по пяти рублей деньгами, сыру, бѣлаго хлѣба и яицъ, а на масляницу пудъ рыбы; послушникъ старца, бывая въ Лебедяни, долженъ былъ покупать острожнымъ бѣлаго хлѣба на одинъ рубль.

Зашелъ однажды къ о. Иларіону бѣдный семинаристъ. Не имѣя денегъ, старецъ далъ ему новое полукафтанье своего келейника, и, когда тотъ спросилъ объ одеждѣ, старецъ съ улыбкою сказалъ ему: «семинаристъ, должно быть, унесъ» и прибавилъ: «Бѣги по большой дорогѣ, догони вора, отними свое платье, а, на случай сопротивленія его, возьми съ собой рубль и отдай ему взамѣнъ». Когда келейникъ нагналъ семинариста, его убогій и кроткій видъ такъ смутили его, что онъ далъ ему рубль и оставилъ ему свое полукафтанье.

Такую-же теплую заботу проявлялъ старецъ и къ людямъ, не знавшимъ нужды, но обращавшимся къ нему за молитвами. Особенно любилъ онъ одну семью К. изъ высшаго петербургскаго общества. Молясь за нихъ, онъ налагалъ на себя постъ и всѣмъ окружающимъ приказывалъ поминать ихъ. Онъ предсказалъ, что всѣ пять сыновей этой семьи будутъ возведены въ жизни до высокихъ почестей, что и сбылось.

Отецъ Иларіонъ былъ нѣжнымъ отцомъ для своихъ окружающихъ. Вскорѣ по переселеніи въ Троекурово, умеръ вѣрный его келейникъ Никита; его схоронилъ старецъ у церкви, поставилъ надъ нимъ памятникъ, и въ теченіе сорока дней усилилъ свои молитвы. Всякій разъ, до конца жизни, какъ старецъ приступалъ ко св. причастію, — онъ отправлялъ заупокойную литію на этой могилѣ.

Данковская помѣщица Е. Л. Шишкова, имѣвшая большую вѣру къ о. Иларіону и часто посѣщавшая его, просила однажды письмомъ угодника Божія помолиться Господу о ниспосланіи дождя на посѣянную у ней свекловицу, которая пропадала по случаю засухи. Старецъ послалъ своего келейника Спиридона въ Данковскій монастырь съ просьбой къ настоятелю отслужить молебенъ предъ иконою

Успенія Божіей Матери и панихиду по схимонахѣ Романѣ, тамъ похороненномъ. Во время панихиды ясное небо вдругъ покрылось тучами и полилъ такой дождь, что служившіе и молившіеся, какъ говорится, промокли до костей, и возвратились съ могилы со слезами умиленія и благодарности Господу за великую милость Его, явленную по молитвамъ старца.

Потомъ онъ-же сталъ совѣтовать г-жѣ Шишковой купить имѣніе Новинское Ефремовскаго уѣзда, которое владѣлецъ и не думалъ продавать, очень дорожа имъ. А вышло такъ, что вскорѣ владѣлецъ самъ предложилъ г. Шишкову купить имѣніе съ самою выгодною разсрочкою, что онъ и сдѣлалъ. По молитвамъ старца, земныя блага продолжали изливаться на эту семью, а Новинское оказалось лучшимъ изъ ихъ имѣній.

Однажды пришелъ къ старцу бѣдный помѣщикъ Лѣтошневъ, содержавшій свою семью доходомъ съ огорода и пчельника, которые изъ-за засухи пропадали, и сказалъ, что онъ боится умереть съ голоду. «Не скорби, Иванъ Ѳеодоровичъ, — отвѣчалъ старецъ, — а молись Богу! Я помолюсь. Вотъ тебѣ благословенный хлѣбецъ, ты съ нимъ обойди огородъ. Иди съ Богомъ, Онъ утѣшитъ. Только вѣруй!»

Онъ побѣжалъ домой, а его догоняла отъ Троекурова дождевая туча; и едва онъ обошелъ огородъ, полилъ обильный дождь. Въ этотъ годъ онъ получилъ двойной доходъ.

VI. Духовные дары. Кончина.

Много сохранилось разсказовъ о тѣхъ исцѣленіяхъ, которыя совершались по молитвамъ отца Иларіона. И, наоборотъ, поносившіе старца бывали часто жестоко наказаны за презрѣніе къ праведнику.

Одинъ петербургскій богачъ, проѣзжая чрезъ Троекурово, полюбопытствовалъ посмотрѣть на о. Иларіона. Было 9 часовъ утра, старецъ совершалъ свое обычное правило и отказалъ посѣтителю. Оскорбленный тѣмъ, что келейникъ предложилъ ждать до окончанія молитвъ, то-есть до по-

лудня, — богачъ сильно разсердился на старца и ушелъ въ гнѣвѣ. Какъ только онъ ушелъ, старецъ позвалъ келейника и сказалъ ему: «Дастъ Богъ, воротится; догони его и дай эту просфору». Келейникъ засталъ богача у церковной ограды, державшагося за нее руками, и спросилъ, что онъ тутъ дѣлаетъ. «Доведи меня до лошадей, — сказалъ тотъ, — у меня что-то въ глазахъ стало темно». Келейникъ довелъ его до коляски, и въ минуту, какъ онъ подалъ ослѣпшему просфору отъ имени о. Иларіона, тотъ прозрѣлъ. Онъ возблагодарилъ Бога, раскаялся въ своемъ осужденіи и заѣхалъ къ старцу, къ которому всю жизнь остался привязанъ, и впослѣдствіи вручилъ ему очень значительное пожертвованіе.

Сила совѣтовъ отца Иларіона особенно ясно выказалась надъ А. М. Гренковымъ. Въ 1839 г. онъ, будучи преподавателемъ Липецкаго духовнаго училища, почувствовавъ жажду уйти изъ міра, отправился за благословеніемъ къ о. Иларіону. Тотъ сказалъ ему: «Иди прямо въ Оптину». А. М. Гренковъ получилъ монашеское воспитаніе подъ непосредственнымъ руководствомъ опытныхъ старцевъ Льва и Макарія и сталъ самъ знаменитымъ старцемъ Оптиной пустыни, извѣстнымъ впослѣдствіи подъ именемъ о. Амвросія. Въ келліи его всегда висѣло изображеніе о. Иларіона.

Очень, очень часто совѣты о. Иларіона во время предохраняли людей отъ угрожавшихъ имъ бѣдъ. Иногда онъ присылалъ къ кому-нибудь совѣтъ поскорѣе исповѣдываться и причаститься св. Таинъ, а потомъ оказывалось, что эти люди были на порогѣ смерти и, безъ его предупрежденія, умерли-бы безъ покаянія.

За неплатежъ процентовъ имѣніе г-жи Г. должно было идти въ продажу. Несмотря на безпутицу, она поѣхала въ Троекуровъ просить помощи и совѣта въ своемъ горѣ у о. Иларіона. Старецъ, въ это время говѣвшій, противъ своего обыкновенія принялъ ее и сказалъ: «Все хорошо будетъ. Живи, Богъ дастъ, деньги скоро будутъ — заплатишь». Вернувшись домой, она узнала, что имѣніе назначено къ описи. Послѣ

словъ старца, этотъ конецъ поразилъ ее до того, что она усумнилась въ его словахъ. Но тутъ-же ей доложили, что крестьяне принесли ей нужную для взноса сумму, которую собрали между собой. Вскорѣ отъ старца пришло письмо, помѣченное днемъ ея пріѣзда домой, содержаніе котораго было слѣдующее: «Что за маловѣріе! Имѣйте болѣе упованія на Бога и вѣруйте, что и волосъ съ головы вашей не спадетъ безъ воли Отца вашего Небеснаго».

Въ другой разъ, встрѣчая г-жу А., старецъ сказалъ ей: «Вамъ бы еще помедлить дома, а то у васъ теперь небывалые дорогіе гости». Оказалось, что къ ней пріѣзжалъ родной братъ, котораго она не видала 10 лѣтъ.

Прозорливость старца отца Иларіона засвидѣтельствована несомнѣнными явленіями. И, если люди, обращаясь къ нему за совѣтами, шли наперекоръ имъ, тяжелыми послѣдствіями приходилось убѣждаться имъ въ мудрости его словъ.

Одному Ефремовскому помѣщику, Макаренкову, собиравшемуся ѣхать изъ Троекурова домой зимними сумерками,—старецъ совѣтовалъ переждать до утра, но тотъ не послушался; простился и поѣхалъ.

Но не успѣли лошади тронуться, какъ прибѣжалъ отъ старца келейникъ и, подавая въ сани булки и икры, сказалъ: «Батюшка прислалъ вамъ это — годится сегодня на ужинъ».

Макаренковъ съ улыбкой принялъ булки и поѣхалъ. Но, какъ только стемнѣло, поднялась вьюга, путники сбились съ дороги и застряли въ сугробахъ. Лошади стали, положеніе было тяжкое. Только тутъ почувствовалъ помѣщикъ, какъ правъ былъ старецъ, и началъ призывать его въ горячей молитвѣ, которая и была вскорѣ услышана. Вдали показался огонекъ. Путники поѣхали на него и добрались до убогихъ выселокъ. Они еле согрѣлись въ курной избѣ, но были спасены отъ смерти, и Макаренковъ съѣлъ весь ужинъ, припасенный старцемъ.

Г-жа Голдобина купила мускатныхъ орѣховъ и понесла ихъ старцу, отобравъ себѣ два самыхъ крупныхъ. «Положи

орѣхи и послушай-ка меня, — сказалъ отецъ Иларіонъ. — Одинъ старецъ послалъ учениковъ ловить рыбу. Они отобрали себѣ крупную рыбу, а мелочь принесли старцу. А старецъ замѣтилъ имъ: «Дѣти-то тутъ, а мать съ отцомъ гдѣ же?»

Отецъ Иларіонъ въ молодости сильно хотѣлъ идти на поклоненіе въ Іерусалимъ, но это ему не удалось и тревожило его. Онъ, уже въ старости, рѣшилъ послать туда своего келейника Капитона и на дорогу далъ ему три рубля, сказавъ: «Сходи за меня — я не могъ сходить». Капитонъ отвѣтилъ, что съ этими деньгами и до Кіева не дойдешь. «Не бойся,—возразилъ отецъ Иларіонъ—еще мнѣ 25 рублей обратно принесешь». Келейникъ отправился, былъ въ Іерусалимѣ и привезъ старцу 25 рублей.

Въ Кіевѣ, до котораго онъ дошелъ счастливо, встрѣтился ему добрый и состоятельный человѣкъ, искавшій попутчика до Іерусалима. Онъ довезъ его на свой счетъ туда и обратно и, разставаясь, подарилъ за сопутствіе 25 рублей.

Приблизились послѣдніе годы жизни старца. Года за три до кончины онъ уже не могъ ходить въ церковь, еще рѣже говорилъ съ посѣтителями. Но чрезъ келейника отвѣчать никому не отказывался.

Отъ суроваго поста его желудокъ сдѣлался почти неспособнымъ къ принятію пищи,—такъ что трапеза готовилась ему по одному разу въ мѣсяцъ. За шесть недѣль до кончины онъ такъ ослабѣлъ, что не могъ вставать съ диванчика и ничего не ѣлъ, даже просфоры; онъ единственно глоталъ воду изъ колодца, вырытаго имъ когда-то въ Головинщинскомъ Воловомъ оврагѣ. По молитвамъ старца о томъ, чтобъ смерть была предсказана ему видимымъ знакомъ, за 6 недѣль до смерти почернѣлъ у него на лѣвой ногѣ большой палецъ. Чувствуя близость конца, о. Иларіонъ торопилъ окончаніе церкви въ селѣ Губинѣ, о которой особенно радѣлъ, и много думалъ, и молился о будущемъ открытіи и устроеніи Троекуровской общины.

Онъ утѣшалъ сиротѣющихъ сестеръ будущей обители,

говоря: «будетъ на этомъ мѣстѣ обитель, какъ лавра цвѣтущая—молитвенный духъ мой пребудетъ вѣчно въ этомъ благословенномъ мѣстѣ. Во время скорби, болѣзни, или какихъ недоумѣній—отслужите молебенъ предъ Владимірской иконой Царицы Небесной съ акаѳистомъ. Я и самъ предъ ея иконою молился; потомъ и меня грѣшнаго помяните, отправивши панихиду».

Старецъ все слабѣлъ, говорилъ уже знаками и видался только съ духовникомъ. За три дня до кончины онъ пожелалъ воды изъ Тюшевскаго колодца (въ 40 вер. отъ Троекурова), гдѣ находится чудотворная икона Богоматери «Живоносный Источникъ». Г-жа Шиловская поспѣшила послать нарочнаго за водой. Онъ проглотилъ три ложки и ничего болѣе не вкушалъ.

Пятаго ноября 1853 года, въ полночь, на 90-мъ году, тихо почилъ отецъ Иларіонъ. Тѣло его стояло пять дней. Число народа, собравшагося на похороны, было свыше 10,000 человѣкъ. Весь народъ свидѣтельствовалъ, что все время келлія почившаго и храмъ были наполнены неземнымъ благоуханіемъ, разливавшимся отъ гроба старца.

Его схоронили 10 ноября въ простомъ деревянномъ гробѣ, который онъ самъ себѣ заранѣе сколотилъ, въ пещерѣ имъ выкопанной. Надъ пещерой поставили деревянную часовню.

VII. Троекуровскій Иларіоновскій монастырь. Заключеніе.

Свѣтлымъ памятникомъ по себѣ оставилъ старецъ женскую Иларіоновскую Троекуровскую общину, которая получила отъ него начало, имъ выросла и укрѣпилась.

Когда старецъ перешелъ въ Троекуровъ, подъ его крыломъ, чтобъ пользоваться его руководствомъ, въ трехъ убогихъ келлійкахъ, похожихъ на скирды, поселилось нѣсколько женщинъ. Мало-по-малу число ихъ умножилось до двѣнадцати. Главное занятіе ихъ состояло въ печеніи просфоръ, и въ услуженіи посѣтителямъ старца. Онѣ находились подъ его постояннымъ надзоромъ. Кромѣ среды и

пятницы, онъ приказывалъ имъ почитать постомъ и понедѣльникъ, какъ день Архангельскій.

Научая искоренять въ себѣ любопытство, онъ однажды серебряное паникадило, которое, по его просьбѣ, выписала на свои деньги одна послушница,—по полученіи, не распечатавъ и не показавъ ей, отправилъ по назначенію. Уча презрѣнію къ вещамъ, онъ прислалъ къ одной сестрѣ, которая радовалась, что надолго наготовила себѣ запасовъ, просить того, чѣмъ она себя обезпечила. Ради послушанія старцу, совершались необыкновенныя дѣла. Пошлетъ, бывало, батюшка зимою сестру ночевать въ нетопленную избу. «Иди, скажетъ, съ Богомъ—тебѣ и тамъ будетъ тепло». И точно: холодъ не ощущался тогда во всю ночь.

Старецъ требовалъ отъ сестеръ любви къ уединенію и къ самоуглубленію. Одна сестра, противъ его правила, пошла надолго вечеромъ въ келлію къ сосѣдкѣ. Вернувшись, она увидѣла, что на ея двери виситъ второй запертый замокъ—повѣшенный келейникомъ старца. Она должна была идти къ отцу Иларіону. Онъ простилъ ее, но навязалъ на ея ключъ длинную веревку, и сказалъ, что теперь ужъ этотъ ключъ не будетъ болѣе бѣгать.

Видя, какъ преуспѣваютъ сестры подъ руководствомъ старца, преосвященный Тамбовскій Арсеній, впослѣдствіи митрополитъ Кіевскій, посѣщая отца Иларіона, открылъ ему свою мысль объ учрежденіи въ Троекуровѣ женской общины. Эта мысль уже давно жила въ старцѣ—который предсказывалъ устроеніе общины еще съ первыхъ дней своего пребыванія въ Троекуровѣ. Мысль же архіерея еще болѣе укрѣпила его намѣреніе.

Основаніе общины было необходимо для обезпеченія сестеръ, какъ отъ внѣшнихъ нуждъ, такъ и отъ гоненія полиціи, которая преслѣдовала черныя платья и четки сестеръ. Не было сомнѣнія, что твердо установленный внѣшній строй иноческой жизни еще болѣе укрѣпитъ духовное настроеніе сестеръ.

Нужно было начинать дѣло, и, прежде всего, обезпечить

общину землею. И вотъ, несмотря на крайнюю скудость денежныхъ средствъ, о. Иларіонъ, не смущаясь, приступилъ къ дѣлу.

Близъ Троекурова жила семья Голдобиныхъ, тепло любимая старцемъ. Онъ такъ заботился о нихъ, что упросилъ Раевскаго съ выгодою для нихъ купить ихъ имѣніе, чтобъ они могли уплатить долги и пріобрѣсти деревню Савинки, близъ Троекурова. Одну изъ сестеръ этой семьи, Александру Николаевну, старецъ избралъ себѣ въ помощницы.

Онъ прежде всего отправилъ ее въ Лебедянь, къ проѣзжавшему архіерею, за разрѣшеніемъ установить общину. Архіерей разрѣшилъ, если найдутся средства.

Старецъ указалъ Голдобиной на сосѣднее имѣніе г-жи Клушиной, въ 362 десятины, и приказалъ сторговать его. Она отвѣтила:

— Гдѣ же у насъ деньги, вѣдь надъ нами смѣяться станутъ!

— Пусть смѣются, кротко отвѣчалъ старецъ. Намъ Богъ поможетъ. Только вѣруй.

Имѣніе сторговали за 30.000 р. Не имѣя вовсе денегъ, о. Иларіонъ приказалъ составить условіе покупки, выставить сроки уплаты и даже означить большую неустойку, въ случаѣ неисполненія обязательства.

Деньги стали приходить — по почтѣ получались тысячи. Голдобину старецъ посылалъ въ Тамбовъ, Москву, Петербургъ, чтобы торопить производство дѣла. Но, наконецъ, пришелъ страшный день, когда оставалось еще уплатить 10.000 р., а денегъ не предвидѣлось. Совершенно упавшей духомъ помощницѣ своей, старецъ сказалъ: «Что вы унываете, у меня есть такая добрая барыня, которая дастъ десять тысячъ рублей».

Пророчество сбылось.

Довѣренное къ старцу лицо было у г-жи Громовой, въ Петербургѣ. Она раздавала много денегъ, частнымъ лицамъ не болѣе сотни разомъ. Деньги лежали у нея въ шкатулкѣ, по достоинству. Не зная близко старца, она опустила руку

на пачку сторублевыхъ, и подала бумажку на общину отца Иларіона. Вечеромъ ей захотѣлось убрать десяти-тысячный билетъ, подаренный ей по утру мужемъ, по случаю дня ея рожденія.

Она стала искать его въ ящикѣ и не нашла, и тутъ только вспомнила, что онъ лежалъ у нея сверху сторублевыхъ бумажекъ, и что она передала его невольно для отца Иларіона.

Когда Голдобина благодарила Громову за щедрый даръ, она разсказала ей, какъ мало считаетъ себя достойною благодарности, и какое видитъ въ этомъ дѣлѣ благоволеніе Божіе къ старцу.

Земля была укрѣплена за о. Иларіономъ, а предъ смертью онъ ее передалъ Голдобиной, съ обязательствомъ устроить женскую общину. Душеприкащикомъ старца былъ человѣкъ, близкій къ нему Ѳ. З. Ключаревъ, впослѣдствіи инокъ Оптиной пустыни, бывшій тамъ близкимъ и о. Амвросію. Ѳ. З. Ключаревъ и Голдобина участвовали въ этомъ дѣлѣ своими пожертвованіями.

Передъ смертью старецъ завѣщалъ надъ святыми вратами будущей обители выстроить церковь во имя пророка Иліи.

Хоть Голдобина была слаба, хоть требовался на то значительный капиталъ, хоть и та даже земля, гдѣ стояла келлія старца, была чужая—онъ убѣждалъ Голдобину, что храмъ она выстроитъ. Также Ѳ. З. Ключарева старецъ умолялъ не оставить будущей общины. Въ послѣдніе дни онъ утѣшалъ сестеръ, что владѣльцы земли отведутъ нужный участокъ, что Матерь Божія не оставитъ этого мѣста, а его духъ пребудетъ въ обители навсегда.

Послѣ кончины старца, сестры ходили въ часовню надъ его могилою, читать псалтирь, вспоминать его наставленія и молиться. Но полиція, по чьему-то доносу, запечатала часовню. Въ это время одинъ человѣкъ, сомнѣвавшійся въ святости отца Иларіона, — видѣлъ его во снѣ — что онъ, покрытый бѣлымъ полотенцемъ *) ласково говоритъ: «Что

*) Полиція однажды послала къ старцу чиновника, чтобъ запретить ему но-

ты смущаешься, что меня святымъ зовутъ? Какой я святой, когда и часовня моя запечатана и послушницъ моихъ грозятъ разогнать». Когда до этого человѣка дошло извѣстіе о поступкахъ полиціи въ Троекуровѣ, онъ воскликнулъ: «Воистину святой человѣкъ былъ о. Иларіонъ!»

Черезъ годъ преслѣдованіямъ былъ положенъ конецъ. Община была утверждена духовною властью въ 1857 г. Законными актами за нею укрѣплено 362 десятины пріобрѣтенной земли, а наслѣдникъ И. И. Раевскаго выдѣлилъ для зданій монастыря свыше 3 десятинъ своей земли.

Въ 1868 г. въ день назначенія въ Троекуровскую общину новой настоятельницы, матери Анѳисы, ей было во снѣ такое видѣніе. Будто въ Сезеново ожидали митрополита Московскаго Филарета,—и она вышла навстрѣчу. Но въ свѣтлой мантіи со струями и подъ золотою митрою она узнала дорогія черты святого лика старца Иларіона. Она замерла отъ трепета и радости. «Что ты стоишь»,—сказалъ онъ ей голосомъ никогда ею не слыханнымъ, даже отъ него, тихости и кротости.—Она упала ему въ ноги, а онъ осѣнилъ ее крестнымъ знаменіемъ, и она припала губами къ его благословлявшей рукѣ—и это ей казалось дѣйствительностью.

Въ настоящее время Троекуровъ — благоустроенный общежительный монастырь, съ тремя храмами, окруженный оградою съ воротами и двумя башнями. Надвратная церковь св. пророка Иліи давно существуетъ. На четырехугольной площади монастыря разбросаны небольшія келліи инокинь, предъ которыми разбиты садики.

На мѣстѣ деревянной часовни, покрывавшей пещеру съ могилою старца, стоитъ двухпрестольная церковь—во имя Владимірской иконы и преп. Иларіона Великаго. Въ правой же сторонѣ храма находится пещера. Въ нее ведутъ пять ступеней. На гробницѣ лежитъ чеканная доска, на которой изображенъ ликъ старца. Надъ гробницею же находится живописное изображеніе отца Иларіона во весь ростъ.

сить длинные волосы. Предвидя это, старецъ, предъ пріѣздомъ чиновника остригъ волосы и покрылъ голову полотенцемъ, и такъ ходилъ до конца.

Около пещеры цѣлы яблони, посаженныя старцемъ, а въ его келліи все осталось неприкосновеннымъ.

Вотъ тѣсное мѣсто, гдѣ возвысился до неба великій духъ: стѣны, хранящія столько тайнъ человѣческой святыни! Тутъ тихо, торжественно и безмолвно.—Но старецъ живетъ!

Нѣсколько лѣтъ назадъ у Шамординской общины, устроенной отцомъ Амвросіемъ, вспыхнула деревянная постройка въ сухую погоду, при вѣтрѣ. Огонь шелъ на созрѣвшую и сухую ниву, и грозилъ большими бѣдами. Съ благословенія старца близко извѣстный ему г. Н. Н. С., жившій въ то время въ Шамординской гостиницѣ, бросился къ себѣ за изображеніемъ о. Иларіона, такъ какъ имѣлъ большую вѣру въ этого подвижника, и съ этимъ изображеніемъ пошелъ противъ огня. Тотчасъ же огонь повернулъ назадъ, и затушилъ самъ себя.

«Я живу для тѣхъ, кто вѣруетъ» — произнесъ отецъ Иларіонъ въ одномъ своемъ загробномъ явленіи.

Онъ являлся еще и при жизни. Одинъ умиравшій мальчикъ, Николя, которому батюшка, крестя его, при послѣднемъ свиданіи, сказалъ: «Прощай, въ послѣдній разъ я тебя здѣсь вижу!»—шепталъ, умирая, своей матери: «На что вы меня лѣчите! Батюшка не велитъ мнѣ лѣчиться. Развѣ вы его не видите? Онъ около меня стоитъ въ бѣломъ халатикѣ съ голубымъ поясомъ».

А теперь онъ еще ближе для тѣхъ, «кто вѣруетъ».

Есть великое таинство вѣры въ томъ, что въ ея области нѣтъ ничего тлѣннаго, а все зрѣетъ изъ силы въ силу, пока не откроется могущество ничѣмъ не нарушимой благодати въ Царствѣ безконечнаго и неотъемлемаго блаженства.

Іоаннъ, затворникъ Сезеновскій.

Затворникъ Іоаннъ родился 24 іюня 1791 г. въ селѣ Горкахъ, при рѣкѣ Потудани, Коротоякскаго уѣзда, Воронежской губерніи. Его отецъ былъ крѣпостнымъ бѣднаго

мелкопомѣстнаго помѣщика Кузьмина, и Иванъ былъ сверстникомъ господскаго сына Василія, съ которымъ они вмѣстѣ росли и вмѣстѣ работали, насколько могли, въ полѣ.

Особая тихость и незлобіе отличали мальчика съ дѣтства. Часто въ грустныхъ глазахъ его были слезы, было что-то жалостное въ его младенческомъ лепетѣ.

Съ десяти лѣтъ онъ сталъ искать уединенія. Игръ и забавъ онъ не любилъ, и даже иногда прятался отъ нихъ.

Не чуждался Іоаннъ изъ своихъ сверстниковъ только молодого барина своего Василія Ѳеодоровича. Они вполнѣ подходили другъ къ другу своими наклонностями... Но нѣкоторое время, когда Василія Кузьмина отецъ отдалъ обучаться грамотѣ, Ивану пришлось остаться одному. Онъ ходилъ нѣсколько разъ съ отцомъ на богомолье въ Кіевъ, а на 15-мъ году началъ юродствовать.

Когда молодой Кузьминъ вернулся домой, онъ часто работалъ на полѣ съ Иваномъ. Во время этихъ работъ они молились. Какъ чистое пѣніе жаворонка, разносились въ полѣ ихъ серебристые голоса, и крестьяне, остановясь работать, заслушивались ихъ. Часто также выходили они по ночамъ изъ дому и пѣли подъ открытымъ небомъ.

Въ знакъ своей дружбы и единомыслія, они задумали надѣть на себя желѣзные пояса, заперли ихъ замками, и ключи бросили въ рѣку Потуданъ. Но, когда отъ нихъ пошелъ дурной запахъ, такъ какъ желѣзо врѣзывалось въ тѣло, образуя раны: тайна ихъ обнаружилась и обручи съ нихъ сняли. Пришлось тогда желѣзо перепиливать подпилкомъ.

Обычный ходъ жизни не могъ удовлетворить Ивана. Ему чего-то не доставало. Онъ ходилъ въ Острогожскъ, въ Кіевъ, Воронежъ, Задонскъ и другія мѣста, гдѣ пользовался совѣтами выдающихся по высокой духовности лицъ. Они были нужны ему, чтобы терпѣливо и твердо сносить и насмѣшки, и осужденія, и наказанія за то настроеніе, которое все сильнѣе и сильнѣе становилось въ его жизни.

Чтобъ удержать Ивана дома, помѣщикъ отдалъ его къ

столяру. Но онъ постоянно только портилъ матеріалъ, какъ будто ничего не понималъ. Столяръ отказался отъ него. Тогда господинъ сдѣлалъ его пастухомъ. Но и тутъ, углубленный въ молитву и размышленія, онъ не замѣчалъ, какъ его скотъ заходилъ въ засѣянныя поля. Помѣщикъ его наказывалъ, а другіе пастухи били его иногда до того, что онъ терялъ сознаніе.

Безропотно сносилъ онъ все—и побои, и когда его въ морозъ запирали въ холодный чуланъ. Никто не видалъ его слезъ, не слыхалъ стона, и никто его не жалѣлъ. Приходскій священникъ, къ которому, особенно въ болѣе трудные дни, Иванъ ходилъ по ночамъ, — одинъ принималъ въ немъ участіе. А другъ его дѣтства, молодой баринъ, находился тогда въ военной службѣ.

Сезеновскій затворникъ Іоаннъ.

Подкрѣпляемый священникомъ, который бесѣдовалъ съ нимъ иногда цѣлыя ночи напролетъ, Иванъ не оставлялъ избраннаго пути.

Онъ молился цѣлыми часами сряду, плача и вздыхая, и часто, обращаясь къ иконѣ святителя Димитрія, онъ употреблялъ, какъ бы юродствуя, ласкательныя выраженія. Однажды во время такой ночной его молитвы, священникъ, бывшій въ сосѣдней комнатѣ, увидѣлъ отъ образа ослѣпительный свѣтъ, падавшій на лицо Ивана.

Однажды Иванъ со своимъ старшимъ братомъ Ларіономъ пошли на праздникъ въ сосѣднюю деревню и, возвращаясь, зашли ночевать на свой пчельникъ. Въ эту самую

ночь Иванъ тайно ушелъ и сперва побылъ у двухъ подвижниковъ, потомъ вступилъ въ Кіево-Печерскую лавру, гдѣ три года провелъ послушникомъ при трапезной, прекрасно исполняя не только обязанность распорядителя трапезной, но и просьбы и услуги разнымъ инокамъ.

Между тѣмъ богомольцы съ родины Ивана принесли съ собою домой вѣсть о томъ, гдѣ онъ находится, и послѣ разной переписки, Кіевская полиція потребовала у Ивана письменный видъ, котораго у него не было, и Иванъ вынужденъ былъ отправиться на родину.

Придя туда, онъ принялъ окончательно видъ юродиваго, вошелъ безъ доклада въ контору барина, помолился на иконы, но не поклонился барину и на вопросы отвѣчалъ странными тѣлодвиженіями.

Тогда помѣщикъ, не понимая настроенія Ивана, сковалъ его и заперъ подъ карауломъ въ амбаръ, приказывая не давать ему ни пищи, ни питія. Можетъ быть, баринъ относился къ Ивану съ особымъ раздраженіемъ потому, что родная сестра Ивана, Марья, тоже вся проникнутая стремленіемъ къ Богу,—ушла неизвѣстно куда, такъ что о ней и слухъ пропалъ.

Сожалѣя о заключенномъ, братъ его Ларіонъ потихоньку принесъ ему пищи и хотѣлъ подать ему въ окно. Но Иванъ не принялъ ее, говоря, что нужно съ терпѣніемъ переносить всѣ испытанія.

Пришелъ посѣтить его также священникъ, взявъ съ собой икону св. Димитрія Ростовскаго, предъ которой обыкновенно молился Иванъ. Это было ночью, но караульные спали, а собаки, обыкновенно очень злыя, стали ласкаться къ священнику. Поговоривъ съ Иваномъ, священникъ, никѣмъ не замѣченный, вернулся домой.

Кузьминъ отправился за нѣсколько дней въ г. Острогожскъ, и въ это самое время пріѣхалъ изъ своего полка молодой баринъ. Узнавъ о заключеніи своего друга, онъ хотѣлъ сбить съ двери замокъ, но Иванъ уговорилъ его прокопать крышу, и такимъ образомъ вылѣзъ изъ амбара.

Когда принесли инструменты, чтобъ снять съ него желѣзо, оно само упало къ его ногамъ.

Чтобъ уйти ночью, Иванъ, раздѣвшись, спрятался въ камышъ, но былъ замѣченъ и приведенъ къ возвратившемуся назадъ господину. Молодой баринъ еле уговорилъ отца, чтобъ онъ его не наказывалъ. Но, чтобъ помѣшать его побѣгамъ, Кузьминъ приказалъ остричь ему половину головы.

Но Иванъ все-таки ушелъ въ Острогожскъ къ юродивому Ивану Васильевичу. И лишь письмо этого юродиваго къ помѣщику о томъ, что Иванъ—Христовъ рабъ, а не его рабъ и увѣренія о томъ же священника заставили помѣщика оставить Ивана въ покоѣ.

Въ продолженіе шести лѣтъ Иванъ странствовалъ, посѣтивъ Кіевъ, Почаевъ, Воронежъ, Задонскъ, Саровъ.

Нѣкоторое время онъ жилъ въ Задонскѣ, куда привезъ его купецъ Плетневъ, раздавшій все свое имѣніе нищимъ и посвятившій себя на служеніе Богу. Иванъ ходилъ лѣтомъ и зимою босыми ногами, въ ветхомъ рубищѣ, едва прикрывавшемъ его изнуренное тѣло.

Онъ былъ образцомъ воздержанія и смиренія, и поражалъ послушаніемъ и услужливостью. Когда Воронежскій архіерей, будучи въ Задонскѣ, пожелалъ видѣть Іоанна, о духовной жизни котораго онъ слышалъ, тотъ пришелъ къ нему, прыгая и кривляясь. Но архіерей понялъ намѣреніе Ивана отклонить отъ себя славу.

Въ такомъ юродствѣ Иванъ провелъ десять лѣтъ.

Въ Раненбургскомъ уѣздѣ, въ селѣ Головинщинѣ, въ особой келліи у церкви, жила крестьянка Дарія Кутукова. Она занималась печеніемъ просфоръ для окрестныхъ церквей и для жившаго тогда въ селѣ Колычевѣ, Данковскаго уѣзда, старца Иларіона. Она также прислуживала ему.

Будучи для богомолья и говѣнья въ Задонскѣ, она увидѣла Ивана, и задумала взять его къ себѣ и служить ему. Иванъ не противился ей.

По дорогѣ они заѣхали въ село Сезеново, къ владѣльцу его, князю Несвицкому.

Подъ этотъ день (19 декабря 1817 г.) князь видѣлъ во снѣ, что изъ образа Божіей Матери вышелъ младенецъ и сказалъ ему: «Возьми меня къ себѣ на руки и дай мѣсто для молитвы — я Іоаннъ многострадальный».

Когда къ князю вошла Дарія съ Іоанномъ, князь смутился: именно его лицо онъ видѣлъ во снѣ... Простившись съ Несвицкими, путники поѣхали дальше къ о. Иларіону, которому Дарія предложила взять къ себѣ Іоанна для услугъ.

— Не Іоаннъ мнѣ, а я Іоанну долженъ служить: онъ старѣе меня,— отвѣчалъ о. Иларіонъ.

Между тѣмъ князь Несвицкій пріѣхалъ къ о. Иларіону съ разсказомъ о своемъ снѣ и о встрѣчѣ съ Іоанномъ. О. Иларіонъ посовѣтовалъ князю взять къ себѣ Іоанна.

Въ господскомъ домѣ было тѣсно и шумно, и Іоаннъ упросилъ, чтобъ ему отдали баню, изъ которой выбрали всю обстановку. Здѣсь Іоаннъ наглухо забилъ единственное окно, чтобъ къ нему не проникалъ дневной свѣтъ. Одна лампада боролась съ темнотою.

Послѣ трехъ лѣтъ, проведенныхъ въ этомъ зданіи, Іоанну устроили особую келлію.

У князя былъ лѣсъ въ спорѣ съ крестьянами. Въ первый разъ, проѣзжая этимъ лѣсомъ къ о. Иларіону, Іоаннъ сказалъ: «Ахъ, лѣсъ шумитъ, топоры блестятъ, кровь льется, много слезъ будетъ!». И вотъ, чрезъ нѣсколько лѣтъ отъ того дня, крестьяне напали въ этомъ лѣсу на князя и прорубили ему въ нѣсколькихъ мѣстахъ черепъ.

Несмотря на отчаянное положеніе князя, Іоаннъ говорилъ: «князь не умретъ, а, Богъ дастъ, выздоровѣетъ и живъ будетъ»...

Послѣ выздоровленія своего, князь подарилъ Іоанну лѣса на келлію, и она была построена близъ Казанской церкви.

Въ этой келліи Іоаннъ жилъ еще уединеннѣе, не показывая никому и своего лица.

По смерти князя, его наслѣдница, сестра, сперва сочувствовавшая затворнику, потомъ отняла у него келлію. Ее раздражало то, что онъ настоятельно совѣтовалъ ей не обременять крестьянъ чрезмѣрными поборами. Но приверженный къ Іоанну крестьянинъ Бирюковъ поставилъ ему другую келлію.

Ночь и большую часть дня Іоаннъ не выходилъ, кромѣ какъ въ церковь, за водой для себя и для поливки деревьевъ на рѣчку Скворню, также въ лѣсъ за деревьями для посадки. Въ келліи онъ занимался рукодѣліемъ, молитвою, чтеніемъ, иногда писалъ. Въ девятомъ часу онъ пѣлъ херувимскую такъ сладко, что нельзя было слушать его безъ волненія. Пищею ему были — пшеничный хлѣбъ, картофель, кашица изъ манныхъ крупъ, яичница изъ одного яйца, капуста,—все съ приправою деревяннаго масла. Иногда по два, по три дня онъ ничего не ѣлъ. Пріобщать его ходилъ изъ недалекаго города Лебедяни его духовникъ, и самъ онъ ходилъ иногда къ нему ночью для исповѣди. Пріобщался онъ сперва чрезъ всякія шесть, а потомъ чрезъ всякія три недѣли, и чаще.

Подаяніе принималъ онъ не всегда. Деньги сейчасъ же отсылалъ въ церковь. Изъ вещей, оставивъ себѣ крайне нужныя, отсылалъ остальныя бѣднымъ или самъ выносилъ ночью въ лѣсъ или на дорогу—гдѣ и находили часто обернутыя въ салфетку или полотенце блюда съ плодами, медомъ и разнымъ съѣстнымъ, или на кустарникахъ холсты, платье и обувь.

Келейникъ его роптал на него, когда онъ отказывался отъ вещей. Однажды принесли манныхъ крупъ, Іоаннъ не хотѣлъ ихъ брать, но уступилъ келейнику и просилъ его на слѣдующій день сварить изъ нихъ кашицу. Когда келейникъ взялся за чашку, онъ увидѣлъ въ ней бѣлыхъ червей вмѣсто крупы. Іоаннъ сказалъ ему тогда: «Знай, что не все приносится отъ усердія, а потому и не все такъ хорошо, какъ кажется съ виду».

Очень часто келейникъ имѣлъ случай убѣдиться, что Іоанну извѣстенъ каждый его поступокъ.

Іоаннъ не показывалъ никому своего лица. Только изрѣдка случалось увидать его келейнику и немногимъ избраннымъ. Они говорили, что лицо его было смуглое, волосы черные, длинные, рѣдкіе, бороды почти не было, роста высокаго съ сутуловатостью, глаза немного прищуренные. На всемъ лицѣ печать мирнаго и святого настроенія души.

На тѣлѣ его были раны, которыя онъ не лѣчилъ, а закладывалъ щепочками. Рану, бывшую на ногѣ отъ топора, закрывалъ травой «медвѣжье ухо», накладывая сверху лубокъ и бинтуя полотенцемъ. Кромѣ того, онъ носилъ на своемъ слабомъ тѣлѣ вериги въ 18 фунтовъ, желѣзные башмаки, обтянутые сукномъ и чугунныя четки.

Далеко сталъ расходиться слухъ о строгой жизни затворника, и къ дверямъ его келліи стали собираться толпы народа,—Іоаннъ не отказывалъ никому въ бесѣдѣ. Онъ говорилъ съ посѣтителями чрезъ запертую дверь, рѣчью привѣтливою и убѣдительною, хотя она и была прикрыта притчами. Особенно убѣждалъ онъ надѣяться во всемъ на Бога, стараться исполнять заповѣди, имѣть незлобіе и воздерживаться отъ мщенія.

Мѣстный діаконъ постоянно поносилъ затворника предъ его келейникомъ, спрашивая: «Ну, что твой кормленый боровъ?» Сколько могъ, келейникъ защищалъ его и съ огорченіемъ пересказывалъ все затворнику.

— Еслибъ у насъ не было враговъ,—успокаивалъ его затворникъ:—какъ бы могли мы войти въ царствіе небесное? Мы должны быть благодарны имъ, какъ своимъ благотворителямъ. Они своимъ поношеніемъ даруютъ намъ вѣнцы.

Когда діаконъ этотъ тяжко заболѣлъ и былъ при смерти, Іоаннъ исцѣлилъ его, и тогда тотъ понялъ свое заблужденіе.

Вообще затворникъ врачевалъ—масломъ изъ лампады, просфорами, кореньями, сухимъ листомъ, чаемъ.

Когда же кто хвалилъ затворника, онъ говорилъ келейнику:

— Василій, я окаянный грѣшникъ и грѣшнѣе всего міра. Помилуй меня, Господи, очисти меня крестомъ Твоимъ и не дай земной славы, затворяющей врата небесныя!

Часто затворникъ приходившимъ къ нему въ первый разъ людямъ—однимъ намекалъ на то, что съ ними можетъ случиться въ будущемъ, другимъ указывалъ, что съ ними было.

Было бы долго разсказывать о многихъ случаяхъ проявленія старцемъ дара прозорливости, помѣщенныхъ въ жизнеописаніи затворника.

Между прочимъ, когда крестьянинъ Бирюковъ привезъ ему новую келлію, Іоаннъ, подойдя къ гумну дьячка, сказалъ ему: «Положи три поклона!» — и затѣмъ въ этомъ мѣстѣ забилъ колъ.

— Знаешь ли, что будетъ здѣсь?—спросилъ Іоаннъ:— тутъ выстроится колокольня, и здѣшній колоколъ будетъ слышенъ по всей Россіи.

— Едва ли, батюшка,—отвѣтилъ тотъ:—здѣсь не слыхать и московскихъ колоколовъ, а они извѣстны всюду по величинѣ и по звону.

И много вообще говорилъ затворникъ о будущемъ монастырѣ.

Дѣйствительно, мѣстность, указанная затворникомъ, занята теперь монастыремъ, имя котораго далеко извѣстно, разошлось, какъ сильный ударъ колокола. Въ монастырѣ частицы мощей угодниковъ Божіихъ, иконы изъ Кіева, Аѳона — въ исполненіе словъ затворника: «Здѣсь будетъ Кіевъ, Аѳонъ».

Мало-по-малу Іоаннъ собиралъ вокругъ себя вдовъ и дѣвъ, которыя должны были стать первымъ зерномъ монастыря. Онѣ устраивали себѣ неподалеку келліи и жили въ благочестіи.

Онъ пріучалъ ихъ къ послушанію, и, чтобъ укрѣпить вѣру ихъ въ силу послушанія, давалъ имъ иногда порученія, съ виду неисполнимыя, которыя, однако, становились возможны.

Такъ, одной изъ нихъ онъ велѣлъ принести себѣ живую сороку—и, когда та, выйдя на дорогу, стала звать сорокъ, одна изъ нихъ сама далась ей въ руки. Другой приказалъ принести живого зайца, и та въ лѣсу наткнулась на спящаго зайца и безъ затрудненій принесла его затворнику.

Полиція находила, что отъ Іоанна, какъ человѣка ей неизвѣстнаго, слѣдуетъ потребовать свѣдѣнія, кто онъ такой и рѣшила произвести у него обыскъ.

Когда исправникъ, послѣ долгаго стучанія у запертой двери келліи, вошелъ, наконецъ, къ Іоанну: въ келліи горѣла лампада, а на столѣ лежали восковыя свѣчи. Зажегши ихъ, исправникъ освѣтилъ келлію, и затворникъ закрылъ глаза рукою отъ сильнаго свѣта. Осмотрѣвъ келлію, исправникъ спросилъ Іоанна, кто онъ.

— Ты знаешь Іисуса Христа? — спросилъ затворникъ.

— Знаю.

— И Божію Матерь знаешь? Ну, такъ я Ихъ слуга.

На всѣ дальнѣйшіе разспросы Іоаннъ другого ничего не сказалъ, и исправникъ уѣхалъ, обязавъ Несвицкихъ подпискою не допускать его никуда, пока не будутъ представлены доказательства, кто онъ такой.

Однако исправникъ возвращался домой съ тяжелымъ чувствомъ за свое грубое отношеніе къ затворнику. Ему казалось, что онъ будетъ наказанъ Богомъ. И, дѣйствительно, вслѣдъ за тѣмъ въ самое короткое время онъ потерялъ двухъ дѣтей.

Когда, по совѣту Острогожскаго затворника Іоанна Васильевича, совѣтами котораго Сезеновскій затворникъ пользовался съ юности, онъ рѣшилъ открыть неизвѣстное дотолѣ въ Сезеновѣ свое происхожденіе, двое лицъ, уважавшихъ его, выкупили его за тысячу рублей отъ Кузьмина и приписали къ Лебедянскому городскому обществу.

Въ 1833 г. для Іоанна выстроили двухъэтажную келлію въ видѣ столба. Незадолго до смерти онъ приказалъ сдѣлать тамъ въ подпольѣ каменный склепъ, говоря: «гдѣ мой домъ, тамъ мой гробъ».

8 сентября 1838 г. въ День Рождества Богородицы затворникъ заложилъ въ Сезеновѣ новый семипрестольный каменный храмъ.

Предпріятіе казалось безумнымъ, но возведеніе этого храма и возникновеніе около него обители было рядомъ чудесныхъ явленій.

Подрядчикъ не хотѣлъ приступать къ работамъ безъ задатка, а Іоаннъ говорилъ ему, что сейчасъ у него денегъ нѣтъ, но въ томъ, что онѣ будутъ ему заплачены, онъ представлялъ поручителями Пресвятую Богородицу и святителя Николая.

Мало это успокаивало подрядчика. Кромѣ того, не было матеріаловъ.

— Подожди до завтра, — сказалъ съ твердостью Іоаннъ: — Богъ дастъ, все будетъ.

На слѣдующій день множество подводъ привезли отъ неизвѣстныхъ жертвователей камень, кирпичъ, известь, лѣсъ и другіе нужные матеріалы, а одинъ неизвѣстный помѣщикъ, посѣтивъ затворника, далъ ему 500 руб. ассигнаціями. Въ 1842 г. поднялась величественная церковь.

Но Іоаннъ не дождался ея. 14 декабря 1839 г. онъ почилъ послѣ своей мученической жизни, на 49-мъ году, послѣ 22-хъ-лѣтняго затвора.

Онъ скончался наединѣ.

Когда выломали двери, онъ оказался мертвымъ предъ иконою Божіей Матери, у аналоя.

Тѣло было немного наклонено на правый бокъ, правая рука, стоя на локтѣ, поддерживала голову, а лѣвая лежала на ладони правой. Лицо было обращено къ иконѣ.

Во время приготовленія тѣла въ гробъ, на лицѣ былъ румянецъ: онъ имѣлъ видъ спящаго. Когда пріѣхала полиція, и потребовала вскрытія тѣла, то руки сложенныя у почившаго на груди, вытянулись, и изъ раны, заткнутой щепочкой, потекла кровь. Духовенство еле уговорило полицію не производить вскрытія.

Такъ какъ для погребенія затворника въ приготовлен-

номъ имъ склепѣ потребовалось разрѣшеніе тамбовскаго епископа, то тѣло стояло въ келліи 27 дней. Съ утра до поздней ночи въ ней толпился сходившійся отовсюду народъ, и, несмотря на спертый воздухъ, тѣло не только не предалось тлѣнію, но отъ него исходило благоуханіе.

Наконецъ, 12-го января, состоялось погребеніе. Гробъ продвинули въ нарочно сдѣланную пробоину, такъ какъ въ дверь онъ не проходилъ.

Во время заупокойной литургіи на лицѣ почившаго выступилъ потъ, и больные вытирали его своими платками и, прикладывая эти платки къ больнымъ мѣстамъ, исцѣлялись. Всѣ стремились коснуться ко гробу и многіе больные и одержимые возвратились домой здоровыми.

Затворникъ Іоаннъ почиваетъ въ воздвигнутомъ на мѣстѣ его келліи храмѣ. Тамъ же схоронены сезеновскія подвижницы: начальница Сезеновской общины, старица Дарія (Кутукова), и игуменья Сезеновскаго женскаго монастыря Серафима, устроившія по завѣту старца эту обитель.

Монастырь этотъ (свыше 400 сестеръ) принадлежитъ къ числу многолюдныхъ и благоустроенныхъ.

Толпы богомольцевъ молятся у могилы затворника о загробномъ за нихъ ходатайствѣ его.

Георгій, затворникъ Задонскій.

I.

Въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія въ Вологдѣ жила молодая дворянская чета Машуриныхъ. Они были люди богобоязненные, тихіе, милосердные и были совершенно счастливы; родилась у нихъ дочь.

Однажды глухою ночью, когда все вокругъ спало, молодой женщинѣ, тоже успокоившейся до того сномъ, было видѣніе. Ея комната озарилась свѣтомъ, дверь отворилась, и свѣтъ еще усилился, предсталъ ея духовный отецъ, почившій за три года до того, въ рукахъ у него была икона,

украшенная тремя вѣнцами. Съ этой иконой тихо приблизился Божій посланникъ къ постели, благословилъ свою духовную дочь, стоявшую въ радостномъ трепетѣ, и сказалъ ей: «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Богъ дастъ тебѣ сына Георгія. Се тебѣ и образъ святаго Великомученика и Побѣдоносца Георгія».

Она приложилась со священнымъ волненіемъ къ образу и приняла его на свои руки. Тѣмъ видѣніе кончилось. Въ великой радости пробудилась послѣ видѣнія отъ сна молодая женщина и съ нетерпѣніемъ стала ожидать возвращенія мужа, которому она разсказала это событіе. Узнали о немъ вскорѣ и ближайшіе родные, и чрезъ нихъ многіе другіе.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Молодая жена поздно вечеромъ какъ-то поджидала мужа, размышляя въ тишинѣ о непостижимыхъ судьбахъ Божіихъ. Почему-то тяжелое предчувствіе наполняло ея сердце: въ немъ было уныніе, страхъ и ужасъ, и она не могла понять причину такого состоянія. Вдругъ кто-то ударилъ сильно въ стѣну и раздался крикъ: «возьмите убитаго!..» Въ комнату вскорѣ внесли Машурина, бывшаго при послѣднемъ издыханіи. На Пятницкомъ мосту злодѣи, сторожившіе другую жертву, убили его по ошибкѣ. Въ немъ оставалось еще немного жизни; онъ былъ въ памяти. Успѣли позвать священника, особоровали отходящаго и пріобщили. Взоромъ простившись со всѣми, неповинно убитый тихо скончался.

Ужасно было состояніе молодой вдовы; самой печали она не смѣла предаться, чтобъ не повредить той жизни, которую носила въ себѣ и о которой получила такое предсказаніе...

Наконецъ, родился у нея сынъ, нареченный Георгіемъ, пришедшій въ міръ среди такой великой скорби.

Черезъ годъ по смерти мужа родные предложили вдовѣ выйти замужъ за хорошаго человѣка, ими выбраннаго, но она отвѣчала имъ: «Промыслъ Божій святъ, Ему угодно было взять отъ меня мужа и дать мнѣ сына. Любовь къ

супругу моему не пресѣклась во мнѣ со смертію его. Соблюсти вѣрность ему и воспитать дѣтей — вотъ о чемъ я помышляю».

Вдова, у которой съ міромъ не оставалось ничего общаго, покинула городъ, выстроила себѣ домъ въ уединенномъ мѣстѣ, у Татарскихъ горъ, близъ храма святителя Николая, въ недальнемъ разстояніи отъ кладбища, гдѣ лежалъ ея мужъ, и въ этомъ домѣ поселилась со своими дѣтьми. Часто ходила она на могилу, служа панихиды, и дѣтей брала съ собою. Эти посѣщенія исполняли ее такой скорбью, что часто изнемогала она отъ плача, и нищіе на рукахъ относили ее домой. Эти горькія слезы проливала она до тѣхъ поръ, пока не получила отъ мужа извѣщеніе. Онъ явился къ ней во снѣ и сказалъ: «Не плачь обо мнѣ—мнѣ тамъ очень хорошо: вотъ какая у насъ тамъ пища». При этомъ онъ подалъ женѣ изъ своихъ рукъ что-то сладкое, и неизъяснимое ощущеніе блаженства сошло на нее. Съ тѣхъ поръ слезы ея стали радостны.

Дѣти продолжали плакать на могилѣ отца.

— О чемъ вы плачете, — сказала вдова старшей дочери, — когда посланы мнѣ отъ Бога на утѣшеніе!

— Ахъ, маменька, — отвѣчала та, — какъ не плакать намъ, что мы остались здѣсь. Папенька въ раю, ему хорошо тамъ. Когда же мы пойдемъ къ нему?

— Молитесь Богу, учила мать, чтобъ была надъ нами Его святая воля. Онъ возьметъ насъ, когда Ему будетъ угодно. Любите Его, творите Его заповѣди, и Онъ не оставитъ милостью. Не плачьте же, а благодарите Бога.

Сама творя милостыню, она пріучала къ тому и дѣтей. Давъ имъ нѣсколько денегъ и объяснивъ имъ, что деньги эти — ихъ собственныя, она старалась расположить дѣтей такъ, чтобы они раздавали эти деньги ради Христа. Она говорила дѣтямъ, что все, что́ есть у человѣка, принадлежитъ не ему, а ввѣрено отъ Бога, во всемъ взыщется отвѣтъ.

Сестра Георгія жила недолго,—скоро онъ остался одинъ у своей матери, предметомъ ея неусыпныхъ заботъ. Георгій

всегда сопровождалъ мать свою въ церковь, и, по возвращеніи, она спрашивала его, какое чтеніе изъ апостола и евангелія было въ церкви, при чемъ объясняла непонятое имъ; если онъ былъ не внимателенъ въ церкви, она ставила его на поклоны и не позволяла обѣдать съ собой.

Съ наступленіемъ отрочества, мать пригласила къ сыну наставниковъ,—но продолжала сама руководить имъ. Онъ учился хорошо, въ поведеніи былъ тихъ и послушенъ и любилъ уединеніе. Игръ съ сверстниками избѣгалъ, читалъ священныя книги, а въ праздничные дни, вернувшись изъ церкви, старался прежде чѣмъ идти къ столу, найти время для размышленія.

Такъ прошли годы воспитанія Георгія. Наступила юность: ему исполнилось 18 лѣтъ. Мать не рѣшилась держать его долѣе при себѣ, когда его звалъ долгъ дворянской службы. Съ великою грустью, хотя и съ надеждой, что заложенными въ душѣ началами сынъ ея достаточно укрѣпленъ противъ соблазновъ міра, она отпустила его въ военную службу. Прощаясь съ сыномъ, мать чувствовала, что болѣе съ нимъ не увидится, и потому разлука казалась еще тяжелѣе. Заклиная Георгія остаться вѣрнымъ ученію Христову, мать сказала ему: «Исполнивъ назначеніе мое здѣсь на землѣ, я скоро отойду къ родителю твоему. Утѣшаюсь несомнѣнною надеждою, что, по благости Божіей, ты по конецъ жизни пребудешь твердъ въ вѣрѣ и ученіи Христа Спасителя. Помни, что это единственный путь, которымъ мы можемъ соединиться въ вѣчности».

II.

Георгій поступилъ въ Лубенскій гусарскій полкъ юнкеромъ: вскорѣ затѣмъ онъ получилъ извѣстіе о кончинѣ матери, и остался совершенно одинокимъ. По производствѣ въ корнеты, онъ былъ переведенъ въ Казанскій драгунскій полкъ. Находясь на службѣ, Георгій не измѣнилъ привычекъ своей юности, и твердо удалялся отъ такихъ развлеченій, которыхъ не могъ одобрить... Несмотря на такую самостоя-

тельность среди товарищей, онъ былъ ими цѣнимъ, какъ впослѣдствіи разсказывалъ его начальникъ, генералъ Кологривовъ.

Въ свободное время Георгій старался уединиться, читалъ священное Писаніе, углубляясь въ размышленія. Ночью онъ любилъ ходить за городъ, на кладбище, и тамъ думалъ о суетности быстро преходящей человѣческой жизни. Тогда находило на него молитвенное настроеніе, которому онъ отдавался. Онъ отыскивалъ благочестивыхъ людей, и въ бесѣдахъ искалъ поученія. Такъ прошли десять лѣтъ его службы.

Пламенная любовь къ Богу, начавшаяся съ дѣтства, охватывала Георгія все сильнѣе и сильнѣе; мирскія обязанности, вынужденныя отношенія съ людьми сильно тяготили его; новая жизнь, проникнутая однимъ духомъ и одною мыслію о Богѣ, звала его къ себѣ, и въ 1818 г. Георгій, съ чиномъ поручика, оставилъ службу.

7-го сентября 1818 г., наканунѣ праздника Рождества Пресвятой Богородицы, Георгій прибылъ въ Задонскую обитель и вступилъ въ нее послушникомъ. Ему было 29 лѣтъ.

Съ великою ревностью исполнялъ онъ обѣты послушанія, находясь въ постоянной молитвѣ, трудахъ и постѣ. Особенно старался онъ соблюдать безмолвіе; въ храмѣ онъ не только не говорилъ, но и не отвѣчалъ на вопросы, такъ что нѣкоторые въ посмѣшище называли его нѣмымъ.

Однажды настоятель монастыря, стоя за обѣдней въ алтарѣ, упомянулъ о Георгіи одному полковнику, которому захотѣлось видѣть его, и, по просьбѣ гостя, настоятель послалъ за Георгіемъ, отправлявшимъ въ то время послушаніе у свѣчного ящика; затѣмъ объяснилъ ему, что полковникъ хочетъ съ нимъ познакомиться.

Но послушникъ упалъ въ ноги своему начальнику и со слезами сказалъ: «Прости меня, отче. Я пришелъ сюда плакать о грѣхахъ моихъ. Въ святилищѣ Божіемъ одержи-

мый страхомъ, я не осмѣливаюсь говорить праздное на вредъ душѣ моей».

Одинъ старый монахъ, который не зналъ еще Георгія, встрѣтивъ его, спросилъ, можетъ ли онъ нарубить ему дровъ. Георгій немедленно взявъ топоръ, сказалъ только: «Благословите!» — и принялся за работу. Но непривычное дѣло не спорилось. Монахъ слышалъ долго звукъ топора, а, выйдя на крыльцо, увидалъ, что дровъ почти еще нѣтъ. Посмотрѣвъ еще на Георгія, монахъ догадался и сказалъ: «Ты, видно, изъ дворянъ, что не умѣешь владѣть топоромъ; уморился понапрасну. Оставь». Георгій поклонился въ поясъ и пошелъ къ себѣ.

Съ первымъ ударомъ колокола являясь въ церковь и съ горящимъ сердцемъ стоя во время службы, Георгій скорбѣлъ, когда нѣкоторые изъ присутствующихъ своею разсѣянностью мѣшали ему углубиться. Со слезами просилъ онъ у Бога, когда возвращался въ келлію, исправить нерадивыхъ. Эти обстоятельства навели его на мысль перейти въ другое мѣсто. Не рѣшаясь открыться никому въ монастырѣ, Георгій пошелъ къ отцу Іоанну, Елецкому священнику, котораго многіе уважали. Скрывая свои добродѣтели, о. Іоаннъ носилъ подвиги юродства—служилъ часто молебны въ ночное время и со звономъ, жилъ въ чуланѣ, ночевалъ въ притворѣ. Отецъ Іоаннъ, раньше не видавшій Георгія, выбѣжалъ къ нему на крыльцо и сказалъ: «А я, братъ, сейчасъ только отслужилъ молебенъ со звономъ Пресвятой Богородицѣ. Она не велитъ монахамъ давать наставленія, особенно смущеннымъ и хотящимъ оставить свой монастырь. Ступай, братъ, ступай! У васъ есть схимникъ Агапитъ. Онъ тебѣ скажетъ, что дѣлать». Тутъ онъ запѣлъ «Святымъ Духомъ всяка душа живится» — и спрятался въ свой чуланъ.

По совѣту схимника, Георгій остался въ Задонскѣ. Вскорѣ онъ заболѣлъ; недугъ длился полгода. Придя послѣ болѣзни въ церковь, онъ опять былъ повергнутъ въ великую скорбь неблагоговѣйнымъ поведеніемъ стоящихъ въ храмѣ.

III.

Приблизительно чрезъ годъ по вступленіи въ монастырь, Георгій затворился въ тѣсной самой худшей келліи. Она была каменная, закрыта со всѣхъ сторонъ, и въ лѣтнее время въ ней былъ очень тяжелый воздухъ. Отъ сырости въ ней завелось множество насѣкомыхъ. Зимой же она промерзала. Терпя въ этомъ жильѣ тѣсноту, холодъ и удушливость, испытывая недоброжелательство приставленныхъ къ нему келейныхъ, которыхъ обязанность состояла лишь въ подачѣ ему пищи, что они исполняли нерадиво,— Георгій началъ жестокую жизнь.

Вотъ дневное правило его: *Ночью*—Полунощница, Помянникъ, поклоны съ молитвами Іисусовыми, поклоны Богородицѣ и Ангелу Хранителю. Канонъ всѣмъ Святымъ. Чтеніе трехъ каѳизмъ. Чтеніе житія дневныхъ Святыхъ, съ выписками. *Утреннія* молитвы, утреня, часы, послѣдованіе изобразительныхъ псалмовъ, Акаѳистъ Іисусу Христу, Апостолъ и Евангеліе по главѣ. Книги — Благовѣстникъ, Камень вѣры, Толкованіе Дѣяній Ап. по 10 листовъ. Акаѳ. Богородицѣ, Канонъ Предтечѣ и Вм. Георгію. Чтеніе — Духовнаго Сокровища изъ твореній Тихона Задонскаго. Канонъ покаянный І. Хр. Кан. молебный Божіей Матери, канонъ безплотнымъ, чтеніе твореній Василія Великаго и Григорія Богослова. *Вечерня*, 12 псалмовъ, молитвы на сонъ грядущій, поклоны.

Ложился Георгій очень рѣдко, нѣсколько сутокъ проводилъ безъ сна, а изнемогши, отдыхалъ недолго, сидя на стулѣ до утренняго благовѣста; одежду онъ носилъ до обветшанія ея, пищу принималъ не ежедневно, и только вечеромъ. Мѣра была — на два дня пятикопѣечная булка и двѣ кружки воды съ уксусомъ. Иконы были единственнымъ украшеніемъ келліи.

Умножая свои труды, Георгій выкопалъ подъ поломъ глубокую пещеру, и въ ней уединялся на день, такъ какъ тогда мимо келліи ходили, и нарушали тишину. Въ келлію

Георгія никто не входилъ. На записочкѣ, которую онъ клалъ въ небольшомъ окошкѣ, онъ означалъ, что ему требуется. Послѣ пятилѣтняго пребыванія въ этой келліи по убѣжденію настоятеля, онъ перешелъ въ деревянную, болѣе просторную. Въ это время Георгій походилъ лишь на тѣнь живого человѣка. Покинутую имъ келлію Георгій всегда вспоминалъ съ сожалѣніемъ.

Въ новой келліи половину помѣщенія онъ отдѣлилъ для келейниковъ; теперь онъ иногда отпиралъ двери лицамъ, искавшимъ духовнаго назиданія.

Затворникъ Георгій.

И послѣ пятилѣтнихъ усиленныхъ трудовъ, невидимая тяжелая брань не оставляла подвижника въ покоѣ. Когда находило на него состояніе сухости душевной, онъ старался оживить душу горячими слезами. При нападкѣ лѣности, презирая страданіе плоти, онъ обливался холодной водою, или ночью, обнажившись, бросался въ снѣгъ; возлагалъ на себя вериги, и нѣкоторыя слова его заставляютъ предполагать, что онъ въ извѣстныхъ случаяхъ надѣвалъ поясъ изъ проволоки съ острыми шпильками.

Кромѣ внутренней борьбы, много терпѣлъ подвижникъ отъ великихъ осужденій, которымъ подвергали его многіе, не понимавшіе его, отъ зависти и наговоровъ. Но о такихъ людяхъ онъ говорилъ: «Они мнѣ благодѣтели; милостивымъ сотворятъ мнѣ Владыку Господа моего и отверзутъ мнѣ

врата вѣчнаго блаженства по гласу евангельскому: Блажены есте, егда поносятъ вамъ... Боже, помилуй ихъ!»

Скромный во всемъ, особенно строго держалъ себя Георгій при другихъ. Тогда онъ не позволялъ себѣ даже облокотиться.

Келлію свою Георгій содержалъ въ величайшемъ порядкѣ. У дверей корридора стоялъ гробъ безъ крышки, далѣе шли небольшія сѣни, въ которыхъ слѣдовало произнести краткую молитву. Откликъ Георгія «Аминь»—означалъ позволеніе войти. Въ одномъ углу келліи стояла крышка гроба, на стѣнѣ образъ св. Троицы съ неугасимой лампадою; по стѣнамъ скамьи, раздѣленныя столиками; на полу рогожка вмѣсто кровати; въ каморкѣ — книги.

Большимъ праздникомъ для затворника было, когда приносили къ нему, для совершенія молебна, чудотворную икону Владимірскую. Въ келліи было много иконъ и нѣкоторые осуждали это какъ роскошь. Свою убогую обстановку и самъ Георгій считалъ роскошью и говорилъ: «Какъ я засорилъ свою келлію, какъ сталъ жить роскошно. Осмотрись, Георгій, такъ ли тебѣ надо поступать!»

Когда кто входилъ, Георгій, вмѣстѣ съ вошедшимъ, клалъ три земные поклона, прикладывался съ посѣтителемъ ко кресту и евангелію, лежавшему на столѣ, и затѣмъ, послѣ взаимнаго поклона въ ноги, давалъ братское лобзаніе. Затѣмъ начиналась бесѣда.

Многіе передавали Георгію деньги, чтобъ онъ надѣлялъ ими отъ себя бѣдныхъ, но онъ принималъ не отъ всѣхъ. Нѣкоторыя же вещи приказывалъ сожигать, провидя, вѣроятно, нечистоту побужденій принесшихъ. Точно также, когда при концѣ жизни, онъ употреблялъ нѣсколько улучшенную пищу, и нѣкоторые посылали ему отъ своего усердія—онъ иногда приказывалъ выбросить кое-что, какъ нечистое. Больше всего радовали его простые сухари, принесенные простолюдинами, и онъ говорилъ: «Какъ вкусны, какъ они услаждены усердіемъ!»

Наружность завторника была такова: привлекательное лицо, истощенное постомъ и молитвой; глаза, отъ слезъ

тусклые, но проницательные, высокій ростъ, красивый станъ, благородная осанка и пріемы человѣка хорошаго общества.

Много случаевъ подтверждаютъ, что Георгій имѣлъ даръ прозорливости. Когда нѣкоторые изъ братіи, нуждаясь въ совѣтѣ, не смѣли обратиться къ нему, онъ иногда посылалъ неожиданно просить ихъ къ себѣ. Отъ тѣхъ же, которые по любопытству искали его, Георгій, не видавъ еще ихъ, уклонялся.

Своими рѣчами онъ часто отвѣчалъ на внутренніе, еще не высказанные запросы приходящаго.

Многіе писали затворнику письма, и онъ нѣкоторыя сжигалъ, не распечатывая, зная, что такія письма съ лукавствомъ и лестью; другія же истинно радовали его.

Когда стучались къ нему посѣтители, онъ зналъ, съ какимъ духомъ кто приходитъ. Часто называлъ своимъ келейнымъ знакомыхъ лицъ, говоря: «Какъ замедлили они прибытіемъ къ гробу преосвященнаго Тихона». Такое замѣчаніе было всегда вѣрнымъ извѣстіемъ объ ихъ скоромъ пріѣздѣ. Иногда, провидя, что кто-либо изъ знакомыхъ его страждетъ, затворникъ посылалъ утѣшительныя письма. Предупреждалъ также онъ нѣкоторыхъ о близкой смерти, увѣщевая принести покаяніе.

Вотъ переданный самимъ затворникомъ случай духовнаго единенія съ нимъ великаго Саровскаго старца Серафима. Около двухъ лѣтъ боролся Георгій съ помысломъ— перейти въ другой монастырь, такъ какъ письма и посѣтители развлекали его.

Однажды келейный докладываетъ, что странникъ изъ Сарова принесъ отъ о. Серафима Георгію поклонъ и благословеніе и имѣетъ сказать нѣсколько словъ наединѣ. Странникъ вошелъ и сказалъ: «Отецъ Серафимъ приказалъ тебѣ сказать: стыдно, столько лѣтъ сидѣвши въ затворѣ, побѣждаться такими вражескими помыслами, чтобы оставить свое мѣсто. Никуда не ходи. Пресвятая Богородица велитъ тебѣ здѣсь оставаться». Странникъ тотчасъ же вы-

шелъ, оставивъ Георгія въ изумленіи, такъ какъ онъ никогда не видалъ и не писалъ отцу Серафиму. Опомнившись, онъ велѣлъ вернуть странника, но его нигдѣ не могли отыскать.

Нарушеніе затвора ради пользы приходившихъ тяготило Георгія. Пробывъ наединѣ въ келліи нѣсколько дней подрядъ, онъ выходилъ съ лицомъ сіявшимъ радостью и говорилъ келейнымъ: «Въ какомъ я находился утѣшеніи; желалъ бы всѣ дни посвятить уединенію, но жаль оставить васъ!»

Георгій всю жизнь называлъ себя именемъ, еще до рожденія таинственно указаннымъ его матери. Между тѣмъ онъ былъ тайно постриженъ въ монашество—когда, неизвѣстно — съ именемъ *Стратоника*.

Время кончины было открыто Георгію въ сновидѣніи. Онъ видѣлъ палаты неизъяснимой красоты, и два мужа указали ему, что эти палаты, кровля которыхъ не была еще довершена, приготовлены для него. Къ этому времени относятся два письма еще къ преосвященному Антонію Воронежскому и г-жѣ Колычевой, глубоко чтившей затворника:

I.

«Десять разъ солнце кругъ свой совершило со времени вступленія Вашего на Воронежскую епархію, и десять лѣтъ минуло, какъ вчерашній день, какъ минутный сонъ. Дѣлъ же и словъ свидѣтель—одинъ Богъ. Вашему Высокопреосвященству уже обычно прилагать труды къ трудамъ и сносить при помощи Божіей, покудова угодно всеисполняющему Провидѣнію, въ Немъ же и вѣчный покой.

Послѣ всѣхъ приносимыхъ и оконченныхъ поздравленій съ праздниками Рождества Христова, Новаго года и святого Богоявленія Господня, послѣднее уже поздравленіе Вашему Высокопреосвященству приноситъ послѣдній и непотребный рабъ, прося святыхъ молитвъ и благословенія, повергающійся въ любовь Владыки, достойный осужденія и вѣчной муки, грѣшный Георгій».

Генваря 8 дня, 1836 г.

II.

«...Вы можете посѣтить только гробъ мой. Онъ дождется вашего сердца; хотя и далеко увлечены вы въ море, но есть надежда, что сокрушенный корабль вашъ достигнетъ мирнаго пристанища. Когда вы будете надъ моей могилой, то вспомните мою къ вамъ искренность, что я уснулъ въ чаяніи воскресенія мертвыхъ и жизни будущаго вѣка. Ваше о мнѣ воспоминаніе не останется тщетно предъ Господомъ».

Георгій заболѣлъ къ концу января. Болѣзнь выразилась въ сильномъ пораженіи груди и въ опухоли ногъ. Съ великимъ терпѣніемъ онъ переносилъ тяжелыя страданія, не давалъ себѣ послабленій, и только при изнеможеніи подпирался локтемъ. Потомъ началась глухота, но 23 апрѣля, въ день именинъ затворника, въ ту минуту какъ іеромонахъ благословилъ трапезу, устроенную затворникомъ въ послѣдній разъ для нищихъ (въ количествѣ тысячи), его слухъ разрѣшился, и онъ весь почувствовалъ себя хорошо. Въ тотъ же день посѣтилъ его Казанскій архіепископъ Филаретъ (впослѣдствіи митрополитъ Кіевскій), которому онъ разсказалъ о случившемся.

Черезъ три дня Георгій опять занемогъ. Онъ исповѣдывался, пріобщился и особоровался, и пребывалъ въ молитвѣ.

Келейнику, видѣвшему окончательное изнеможеніе подвижника, хотѣлось просить его позволенія, чтобъ списали съ него портретъ, но онъ не осмѣливался. По прозорливости своей вѣдая мысли его, Георгій открылъ, что въ домѣ Колычевыхъ есть его портретъ, о чемъ другимъ никому неизвѣстно, и что онъ, по смерти, разрѣшаетъ дѣлать снимки.

Кромѣ того, просилъ Георгій иконы его раздать лицамъ, заботившимся о немъ, и просилъ, чтобъ поминали они его милостынею.

Совершенно ослабѣвая, онъ былъ бодръ духомъ, для отдыха прислонялся на короткое время грудью къ столу; сидя противъ иконъ, онъ совершалъ свое псалтирное пра-

вило. 24 мая онъ былъ особенно слабъ, но исполнилъ свое ночное правило.

Послѣ ранней обѣдни онъ былъ найденъ бездыханнымъ, передъ образомъ всѣхъ Святыхъ и страшнаго Суда, припадшимъ къ землѣ. Лицо было какъ живое; пальцы правой руки, сложенные крестнымъ знаменіемъ, прикасались къ челу.

Это было въ понедѣльникъ, 25 мая 1836 г., въ 7-мъ часу пополудни, на 47 году отъ рожденія Георгія, послѣ 17-ти лѣтняго его затвора.

Матрона Наумовна (города Задонска).

Жизнь Матроны Наумовны Поповой показываетъ, что можетъ сдѣлать сила любви.

Несчастная дѣвушка, которую нещадно била тяжкая доля: она не была побѣждена этими испытаніями, а сама одолѣла ихъ. Такое сочувствіе къ людямъ одушевляло ея отзывчивую самоотверженную природу, что за страданіями другихъ она забывала совсѣмъ о недочетахъ своего быта. И вѣруя въ Бога, она взялась за то дѣло страннопріимства, къ которому лежало ея сердце, и не только при жизни привела свою цѣль въ исполненіе, но поставила дѣло такъ, что это дѣло не умерло съ нею.

Правдивъ и отраденъ образъ этой крестьянки.

Матрона Наумовна родилась въ 1769 г., въ семьѣ заштатнаго дьячка при храмѣ св. Козьмы и Даміана, въ слободѣ Ламской, города Ельца. Ея отецъ съ трудомъ кормилъ жену и четырехъ дѣтей. Со смертью же его семья дошла до крайней нищеты.

Часто они сидѣли безъ пищи. Отчаянное положеніе заставило мать отдать одного сына въ пріемыши къ мужику. Другой сынъ былъ отъ рожденія неподвижно больной. Непосильное горе и нужда надорвали силы больной. Она занемогла грудью и тихо угасла.

Старшая дочь ея была въ то время замужемъ за елецкимъ мѣщаниномъ, а Матронѣ было семь лѣтъ, и на ру-

кахъ ея былъ больной 12-лѣтній братъ. Надо было кормить его, и сестренка стала содержать брата, выпрашивая именемъ Христовымъ и работая. Когда, напримѣръ, она видѣла, что крестьянки моютъ на рѣкѣ бѣлье, она бѣжала помогать имъ. Нѣкоторыя приглашали ее за то къ себѣ въ домъ, кормили и давали еще про запасъ хлѣба. Этимъ хлѣбомъ она и кормила брата.

Такъ провела сиротка три года, по истеченіи которыхъ братъ ея умеръ.

Схоронивъ брата, она продолжала все такъ же трудиться. Когда матерямъ не на кого было оставить малыхъ дѣтей — звали Матрону, и она сидѣла днемъ или ночами надъ колыбелью.

Сосѣдъ по избѣ, бездѣтный крестьянинъ, сжалился надъ положеніемъ дѣвочки и взялъ ее къ себѣ въ домъ вмѣсто дочери. Но вскорѣ у него родились дѣти. Матронѣ было запрещено называть его и его жену отцомъ и матерью, и она осталась только работницею въ немаломъ хозяйствѣ. Все лежало на ней—и присматривать за дѣтьми, ходить за скотомъ и птицами, топить печь, стирать бѣлье. Всюду она поспѣвала одна. А лѣтомъ прибавлялись еще полевыя работы.

Но, когда выдавалось и свободное время, она не сидѣла безъ дѣла. Она садилась прясть для себя волну или ткала холстъ.

Дѣтскія игры ей были недоступны и потому́, что времени на нихъ не было, и выйти было не въ чемъ: лапти да старое платье и по праздникамъ. «Все, бывало, въ трудахъ. И за хлопотами такъ намаешься, что сидя и уснешь», разсказывала она потомъ.

Въ такой тѣснотѣ, въ такихъ безотрадныхъ обстоятельствахъ выросла Матрона.

Подрастая, часто задумывалась она о будущемъ. Ей становилось жутко, и она молила предъ иконою Богоматерь, руководить ею въ ея жизни.

Такъ какъ Матрона была очень красива, а ея вну-

треннія качества еще возвышали ея красоту, и такъ какъ ону была извѣстна своимъ трудолюбіемъ, то къ ней сваталось много молодыхъ людей изъ Ельца.

Но бракъ былъ ей не по сердцу.

Въ этомъ намѣреніи сохранить свою душу чистою отъ земной любви поддерживала Матрону старица Меланія, жившая въ затворѣ въ Знаменскомъ дѣвичьемъ монастырѣ.

Однажды Матрона провела цѣлую ночь въ бесѣдѣ съ Меланіею. Затворница говорила ей о безпредѣльной любви Божіей къ падшему роду людскому, и о томъ, какъ достичь спасенія. Матрона плакала, и жизнь въ міру, съ ея разочарованіями, потеряла для нея всякую притягательную силу. Она открыла затворницѣ, что хотѣла бы поступить въ монастырь, но та посовѣтовала ей вмѣсто того идти въ Задонскъ.

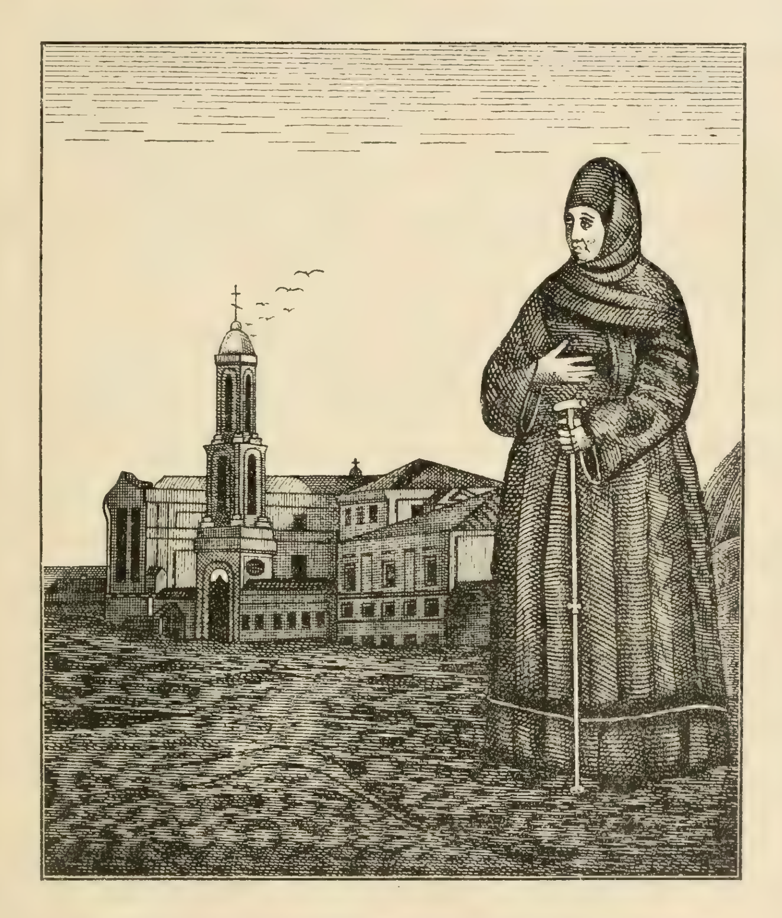
Помолившись въ Задонскѣ, и возвращаясь домой, она, отойдя отъ города три версты, оглянулась на монастырь и горько заплакала, не умѣя понять, отчего видъ города такъ ее взволновалъ.

Дома она стала работать по прежнему... На 26-мъ году возраста она сильно занемогла истеріей, исхудала, и съ ней стали случаться внезапные обмороки. Въ такомъ состояніи, не желая быть въ тягость своимъ благодѣтелямъ, Матрона просила ее совсѣмъ отпустить.

Тѣ не удерживали ее, и даже ничѣмъ не поблагодарили за то, что она пятнадцать лѣтъ работала на нихъ, какъ раба купленная. Въ одномъ платьѣ вышла отъ нихъ Матрона и поселилась у своей сестры, тоже бѣдной женщины. Болѣзненные припадки повторялись чаще, иногда она еле одѣтая бѣгала по улицамъ. Три года пробыла она въ этомъ положеніи, пока, наконецъ, сестра ея, набожная женщина, не свезла ее въ Задонскъ на могилу св. Тихона. Здѣсь она получила исцѣленіе.

Вернувшись въ Елецъ, она опять просила у Меланіи совѣта, поступить ли ей въ монастырь. Но та сказала:

— Ступай-ка лучше въ Задонскъ. Тамъ будешь принимать странниковъ, питать сиротъ!



Питательница странниковъ и сиротъ Матрона Наумовна (г. Задонска).

— Какъ же это такъ,— думала Матрона,—когда мнѣ самой тамъ негдѣ пріютиться.

На эту тайную мысль ей Меланія возразила:

— Не сомнѣвайся, но вѣруй. Правда, тебя теперь никто не знаетъ тамъ. Но придетъ время, тебя узнаютъ и въ Москвѣ и за Москвою. Ты заживешь въ каменныхъ палатахъ. Не сомнѣвайся, но молись и вѣруй!

Матрона тихо плакала при этихъ словахъ затворницы.

Желаніе сходить въ Задонскъ стало овладѣвать ею; къ этому склоняла ее и пережитая ею болѣзнь, отъ которой она тамъ исцѣлилась, и совѣтъ Меланіи, и сонъ, въ которомъ она видѣла, что святитель Тихонъ съ другимъ старцемъ зовутъ ее въ Задонскъ.

Наконецъ, она собралась туда. Когда она входила теперь въ Задонскъ безвѣстною странницею, ей было на видъ лѣтъ 30. Изнуренность, блѣдность лица, и ветхое рубище говорили и о болѣзненности и о нищетѣ ея.

Но она не стала просить милостыни, а постоянно молилась въ пещерѣ, гдѣ былъ похороненъ святитель Тихонъ, чтобъ онъ сжалился надъ нею и позаботился о ней.

Не было у нея убѣжища, и ей часто приходилось оставаться подъ открытымъ небомъ не только въ дневную непогоду, но и въ ненастныя ночи. Припадки ея, хоть въ гораздо болѣе легкомъ видѣ, повторялись еще съ нею, ее подбирали на улицѣ въ обморокѣ, и солдаты отвозили ее въ тюрьму.

Двое іеромонаховъ, узнавъ о положеніи Матроны, уговорили одну задонскую жительницу пріютить ее у себя. И только что у нея оказался болѣе или менѣе вѣрный кусокъ хлѣба, она стала помогать другимъ.

Возвращаясь изъ монастыря, она приводила съ собою нѣсколькихъ странниковъ, и кормила ихъ тою пищею, которую ей давали съ трапезы тѣ іеромонахи, сама же довольствовалась остатками.

Кромѣ того, она брала къ себѣ больныхъ и кормила ихъ. Это тихое доброе дѣло встрѣтило нѣкоторое сочув-

ствіе: ей стали подавать на ея страннопріимство, и все больше и больше призрѣвала она народу, такъ что бѣдные богомольцы называли ее «матушка кормительница».

Тогда та женщина, у которой Матрона Наумовна жила, стала ей завидовать и притѣснять ее. Она иногда просто на просто не впускала ее въ домъ, и тогда приходилось укладывать гостей на дворѣ, подъ открытымъ небомъ. Матрона не обижалась за себя, но горевала, что ей некуда принять странниковъ.

Тогда монастырскіе старцы рѣшились помочь ей: за 12 рублей ассигнаціями они ей купили небольшую хибарку противъ монастырской стѣны. Только 6 человѣкъ могло въ ней помѣститься, и, какъ только одни выходили, другіе входили. Иногда ей самой на ночь не оставалось мѣста въ хижинѣ, и она просиживала всю ночь на порогѣ.

Ей пришлось испытать непріятности отъ городничаго, который велѣлъ забрать ее въ острогъ, и ее били тамъ палками.

Когда помогавшіе ей старцы-іеромонахи умерли, она отправилась на богомолье въ Соловки и въ Кіевъ, но затѣмъ снова вернулась къ своему дѣлу. Вскорѣ оно расширилось.

Одинъ зажиточный задонскій купецъ потерялъ любимаго сына и рѣшилъ въ память его дѣлать добрыя дѣла. Онъ предоставилъ Матронѣ Наумовнѣ нижній этажъ своего дома, а ея келлію перенесъ къ себѣ во дворъ, чтобъ она могла тамъ уединяться для молитвы.

Нѣсколько дѣвицъ желали помогать Матронѣ Наумовнѣ въ ея дѣлѣ и присоединились къ ней, и дѣло призрѣнія странниковъ и убогихъ продолжалось на этихъ основаніяхъ 19 лѣтъ.

Потомъ Богъ помогъ обзавестись ей и своимъ домомъ.

Однажды видѣла она во снѣ святителя Тихона, который благословилъ ее, подалъ ей пшеничный хлѣбъ и сказалъ: «Пора тебѣ, Матрона, самой быть хозяйкой!» При этомъ онъ указалъ къ сѣверной сторонѣ монастыря и при-

бавилъ: «Вотъ и мѣсто, гдѣ ты должна устроить домъ для принятія странниковъ и бѣдныхъ». Это повторялось три ночи подрядъ.

Она пошла на мѣсто, указанное во снѣ, и со слезами думала, какъ ей приступиться къ этому дѣлу. Тутъ какой-то человѣкъ подходитъ къ ней и говоритъ, что онъ каменщикъ и предлагаетъ начать стройку, а деньги получить съ нея позже.—Кромѣ того, въ то же время она неожиданно получила отъ одного лица 200 рублей ассигнаціями.

Множество нужныхъ предметовъ отпускали Матронѣ Наумовнѣ даромъ или въ долгъ. Какъ-то скорбѣла Матрона Наумовна о томъ, что, возведя четыре стѣны, не на что крыть крышу. Тогда пришла къ ней какая-то казачка, и, уходя, оставила на ея кровати завернутую палочку вершка въ три, которую во время разговора держала въ рукахъ. Женщины этой не могли разыскать, и на третій день, развернувъ палочку, Матрона Наумовна увидала, что это былъ столбикъ изъ золотыхъ монетъ. На это она и покрыла крышу.

Когда въ Воронежѣ открывались (въ августѣ 1832 г.) мощи святителя Митрофана, притокъ богомольцевъ въ Задонскъ сталъ особенно великъ,—и тогда страннопріимство Матроны Наумовны было чрезвычайно цѣннымъ.

Къ ней шли безъ робости, она строго приказывала послушницамъ не оставлять никого безъ пріема.

— У Бога всего много,—говорила она.—Онъ питаетъ насъ Своимъ милосердіемъ. Будьте же и вы милостивы, и съ благорасположеніемъ.

Особенное самоотверженіе выказала она надъ холерными больными. Всячески облегчая ихъ страданія при жизни, она приглашала іеромонаха къ умирающимъ, покупала гробы и по церковному обряду хоронила странниковъ или безродныхъ; затѣмъ заказывала о нихъ сорокоусты по церквамъ, и жившія при ней дѣвицы читали по покойникамъ псалтирь.

Были люди, которые нарочно приходили къ ней передъ смертью, зная, что за нихъ будутъ молиться, когда они умрутъ.

Кромѣ страннопріимства, сколько другихъ добрыхъ дѣлъ сдѣлала Матрона Наумовна! Она воспитывала и пристроивала подкидышей, заботилась о сиротахъ.

Такъ составитель жизнеописанія ея, Задонскій іеромонахъ Геронтій разсказываетъ, что онъ видѣлъ надъ собою особое попеченіе старицы, когда мальчикомъ еще, по совѣту Матроны Наумовны, былъ помѣщенъ въ монастырь своею матерью, вскорѣ затѣмъ умершею. Онъ вспоминаетъ разговоръ его матери со старицею, когда онъ стоялъ у ея кровати, а она издали крестила его. Она ласкала сироту, давала ему бѣлье и другія нужныя вещи, и благодаря ей, онъ не чувствовалъ гнетущей нужды и одиночества сиротства.

Вѣра ея въ Божію помощь была часто подтверждаема не совсѣмъ обыкновеннымъ способомъ.

Какъ-то оказалось, что за нею былъ долгъ по забору муки: около полутора тысячъ. Въ ужасѣ она зарыдала и упала на колѣни, призывая на помощь Богоматерь и святителя Тихона. Утомясь отъ молитвы, она задремала на полу.

Тутъ, въ тонкомъ забытьи, она увидѣла предъ собою трехъ святителей. Они сказали ей: «Такъ какъ ты дѣлала свой заборъ для прокормленія Христа ради нищихъ и пришельцевъ, то мы не оставимъ тебя!»

По иконамъ она признала святителей Митрофана Воронежскаго, Димитрія Ростовскаго и Тихона Задонскаго.— Чрезъ нѣсколько времени къ ней вошелъ въ комнату казачій офицеръ и, быстро сказавъ ей: «Вы принимаете странниковъ. Помолитесь за меня!»—сунулъ ей что-то подъ скатерть и вышелъ. Это оказалась пачка денегъ въ 1,500 руб.

Она и своими трудами старалась помогать другимъ. Сидя у себя въ келліи на постели, она готовила корпію для больныхъ, или кроила и шила рубашки. Кромѣ того она раздавала полотенца, платки, шерстяные чулки, рукавицы, обувь, всякую одежду.

Молитва ея никогда не прекращалась.

Несмотря на то, что въ послѣднее время окружало

всеобщее уваженіе, — она оставалась какъ бы все тою же смиренной дѣвочкой, которая содержала больного брата мытьемъ бѣлья въ рѣчкѣ.

Многіе изъ пріѣзжавшихъ въ Задонскъ стремились увидать Матрону Наумовну и поговорить съ нею.

Одинъ богатый молодой человѣкъ удивлялся, какъ его мать образованная женщина, всегда посѣщаетъ старицу, бывая въ Задонскѣ. Изъ любопытства онъ пошелъ къ ней и остался подъ такимъ впечатлѣніемъ ея бесѣды, что продолжалъ знакомство съ нею и благотворилъ ея дѣлу.

Въ 1836 г. въ праздникъ Сошествія святого Духа Матрона Наумовна въ послѣдній разъ была въ церкви... По окончаніи службы и простонародье, дворяне, пріѣзжіе окружили ее, больную, слабую, въ дальнемъ углу церкви. Сочувственныя слова, благодарные взгляды вызывали слезы на ея изнуренномъ лицѣ. Послушницы на рукахъ вынесли ее изъ церкви. Но на дому еще можно было видѣть ее и получить отъ нея совѣтъ.

Ежегодно 9 ноября праздновался день ея рожденія, и къ ней приносили чудотворную Владимірскую икону Богоматери. Народъ собирался во множествѣ.

Сидя, молилась тогда старица предъ иконою. Въ глазахъ ея стояли слезы, но лицо бывало радостно. Когда странники, проходя мимо окна, кланялись ей, она ихъ не видала, вся погруженная въ молитву, обливаясь слезами.

1 апрѣля, въ день св. Маріи Египетской, 1844 г. она приняла тайное постриженіе съ именемъ Маріи.

Снисходительная къ другимъ, она была строга къ себѣ, держа себя въ тѣхъ же лишеніяхъ, въ какихъ началась ея жизнь.

Духовность ея и опытность развили въ ней прозорливость. Часто ея осторожное слово впослѣдствіи неожиданно сбывалось.

До чего она была благодарна, какъ въ ней развито было то чувство, которое можно назвать *памятью сердца*, видно изъ слѣдующаго случая.

Одна изъ жительницъ Задонска должна была покинуть на нѣсколько лѣтъ Задонскъ. Жизнь ея въ чужихъ мѣстахъ, съ братомъ, который терпѣлъ большое горе, была очень тяжела. Извѣстія эти очень печалили старицу, и она сама и сестры, жившія при ней, молились о помощи страдавшей женщинѣ. Схоронивъ брата, она вернулась въ Задонскъ и, узнавъ, какъ много думала о ней во время ея отсутствія Матрона Наумовна, она горячо ее благодарила.

— А ты думала,—отвѣчала она,—что я забыла твоего брата... Нѣтъ, я помню его—и не за то лишь, что онъ помогалъ моему пріюту... Многіе давали мнѣ больше золота, чѣмъ онъ, но не такъ радушно, какъ онъ. Я помню его веселый взглядъ тогда, слезы умиленія въ глазахъ, всѣ его сочувственныя слова помню — и не забуду.

— Молитесь за него, — сказала та.

— Да, я и мои всѣ молятся и теперь о немъ. Ты же не скорби, что въ жизни онъ много пострадалъ. Вѣдь всякій человѣкъ грѣшенъ. Нужно очищеніе, чтобъ сошла съ души скверна беззаконій!.. Господь во время посѣтилъ его.

Плача при разсказѣ о всемъ, что та за это время пережила, Матрона Наумовна говорила ей въ утѣшеніе: — Видишь ли, какъ Господь любитъ тебя! Вѣдь горе въ жизни—это—гостинцы, посылаемые намъ изъ рая.

Незадолго до смерти, чуя конецъ свой, Матрона Наумовна отдала свой домъ въ пользу Задонскаго монастыря.

Кромѣ того, у нея былъ на сѣверной сторонѣ города домъ и участокъ земли. Она предназначала его для своихъ сотрудницъ и для продолженія начатаго ею дѣла. Завѣщаніемъ она поручала своему духовнику устроить тамъ общину съ небольшою церковью въ честь иконы Богоматери, называемой Скорбящей.

Осенью 1851 г. старица совсѣмъ ослабѣла, и затворилась отъ посѣтителей.

Выбравъ начальницу, вмѣсто себя, она со слезами умоляла сестеръ повиноваться ей.

Затѣмъ она стала готовиться къ смерти. Тутъ ее по-

сѣтилъ архіерей и настоятель монастыря и нѣкоторые почитатели.

Хотя она еще сидѣла на постели, но дыханіе было тяжело, глаза мутны, посинѣвшія губы шопотомъ произносили молитвы.

Взглянувъ на иконы, она съ любовью протянула стывшую уже руку къ пришедшимъ къ ней, — послѣдній знакъ согрѣвавшаго ея душу сочувствія къ людямъ.

Она скончалась 17 августа 1851 г., послѣ 80-ти лѣтней полной трудовъ и испытаній жизни.

Тѣло ея было схоронено въ общей усыпальницѣ прочихъ подвижниковъ Задонскихъ, а въ 1869 г. перенесено безъ огласки въ устроенную по ея завѣщанію Тихоновскую общину сестеръ милосердія и предано землѣ въ Скорбященской церкви.

Какъ безконечно мало дала жизнь этой женщинѣ, какъ она била и ломала ее!.. Сколько ужаснаго—казалось бы,—невыносимаго было въ этой жизни... Раннее сиротство, съ 7 лѣтъ лицомъ къ лицу съ нищетой, да вдобавокъ съ больнымъ безпомощнымъ братомъ на рукахъ, потомъ горькое одиночество, униженія, непомѣрная работа...

Но не осилило ее это горе. И въ своей недолѣ она нашла еще возможность думать о другихъ, и столькихъ людей поставила на ноги!

Какое пониманіе Христа и Его заповѣди о любви, какая великая сила!

Нельзя безъ глубокаго волненія вспоминать объ этой самоотверженной женской жизни, если вдуматься въ нее и понять всю ея высоту и правду.

Задонскій юродивый Антоній Алексѣевичъ.

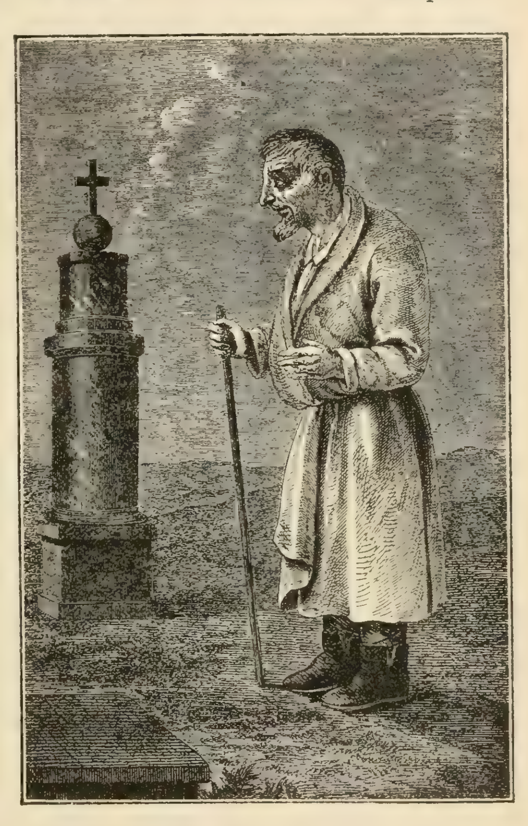
Уже не одинъ разъ въ этой книгѣ упоминалось о лицахъ, избравшихъ для спасенія души тяжкій путь юродства Христа ради.

Люди міра не понимаютъ этого пути, и подвижники

истиннаго «Христа ради юродства» встрѣчаютъ съ ихъ стороны одни глумленія и осужденія. Постараемся же поглубже вдуматься въ сущность подвига юродства.

Подвигъ этотъ основанъ на двухъ, такъ сказать, началахъ: безконечной скорби по утраченномъ раѣ и горячемъ желаніи смирить себя.

Человѣкъ созданъ для вѣчнаго блаженства. Одаренный величайшими дарами, сотворенный «по образу и подобію» Божію, онъ назначенъ былъ къ величайшему удѣлу и поселенъ въ раю, гдѣ жизнь его шла въ невыразимыхъ духовныхъ радостяхъ. И грѣхопаденіе лишило его той благословенной жизни, врата рая закрылись для него, онъ осужденъ на муки земного существованія, и въ утѣшеніе дано ему обѣтованіе о приходѣ Спасителя міра.



Антоній Алексѣевичъ.

Послѣ нѣсколькихъ тысячелѣтій ожиданія пришелъ Искупитель, Своею смертью попралъ смерть, внесенную въ міръ грѣхопаденіемъ перваго человѣка и открылъ ему райскія двери.

И, казалось бы, что теперь весь родъ человѣческій съ особою силою долженъ стремиться къ этой маячащей вдали цѣли: пріобрѣтенію путемъ свѣтлой жизни и благодати Царствія Божія, и въ этомъ стремленіи своемъ забывать о внѣшнихъ, временныхъ, скорогибнущихъ благахъ. Но

именно о небѣ, а не о землѣ чаще всего забываютъ люди, и стремятся къ земнымъ цѣлямъ, точно вѣчно будутъ жить здѣсь, точно на землѣ все не приходитъ къ одному неизбѣжному концу: смерти.

Они ради пріобрѣтенія богатства готовы на всякое нечистое дѣло; они ненавидятъ другъ друга, видя во всякомъ врага и помѣху для достиженія своихъ низменныхъ цѣлей, а жаждою безумныхъ удовольствій уподобляются людямъ, которые стали бы плясать дикія пляски на краю бездоннаго обрыва.

Въ противоположность имъ, юродивые полны одной памятью о раѣ, для котораго были созданы, но котораго лишены, и ничто не можетъ ихъ утѣшить. Все земное не имѣетъ для нихъ никакого обаянія, и все земное они распинаютъ въ себѣ.

Люди безумно жаждутъ денегъ, денегъ и денегъ. А эти презираютъ ихъ. Одна богатѣйшая женщина, извѣстная ревностью къ людямъ Божіимъ, ставъ на колѣни предъ однимъ подвижникомъ сказала ему: «Чѣмъ мнѣ утѣшить тебя? Не пожалѣю для тебя и милліона!»—Вотъ, чѣмъ нашла, отвѣчалъ старецъ: на что мнѣ этотъ навозъ.

Люди любятъ пышность; сколько изъ нихъ стараются затмить пышностью одинъ другого! А эти полны жаждою убожества во всемъ. Свои, оскверненныя грѣхами, тѣла люди прикрываютъ роскошными одеждами, а изможженое трудами и подвигами поста тѣло этихъ еле прикрываетъ нищенское рубище.

Люди ищутъ, чтобъ ихъ величали другіе люди, жадно гонятся за земной славою, а эти жаждутъ насмѣшекъ, всякихъ униженій.

Нося въ душѣ безусловную правду, они бываютъ глубоко оскорблены тѣми лживыми внѣшними выраженіями несуществующей въ большинствѣ случаевъ пріязни, которыми люди прикрываютъ взаимную ненависть. У нихъ же наоборотъ. Сердце ихъ полно сочувствія къ людямъ, а внѣшнее обращеніе грубо.

И такъ проходятъ они черезъ жизнь, беря отъ нея только тягости и не желая заглушать великость тоски своей по утраченномъ раѣ тѣми ничтожными по сравненію съ вѣчностью побрякушками, которыми люди тѣшатъ себя.

Другая основа подвига юродства — смиреніе.

Мы погибли чрезъ гордость, зараженные отъ искусителя желаніемъ «стать, какъ боги».

И вотъ, это чувство съ безконечною силою юродивые распинаютъ въ себѣ.

Отрекаясь отъ богатства, всякихъ достоинствъ земныхъ, отъ семьи, родства и знакомства, они становятся бездомными скитальцами и вольной волею ищутъ, чтобъ ихъ уничижали и гнали. Вѣчно живымъ въ душѣ ихъ стоитъ крестъ, и на немъ распятый Богочеловѣкъ, и память о заушеніяхъ, оплеваніяхъ, бичеваніи, которое переносилъ Онъ, даетъ имъ жажду ради Него ежечасно терпѣть на землѣ гоненія.

Итакъ непонятые, гонимые, одинокіе въ распаляющей ихъ ревности по Богѣ проходятъ они земной путь—путь изгнанія, стараясь грѣть страдающихъ, обличать несправедливости сильныхъ земли.

Труденъ путь этотъ, и немного истинныхъ «Христа ради юродивыхъ» насчитываетъ Православная Церковь. Но всѣ они были одарены величайшими дарами благодати.

Великій Царьградскій Андрей Христа ради юродивый былъ свидѣтелемъ того явленія Богоматери, въ память котораго установленъ праздникъ Покрова. Московскій Василій Блаженный, безстрашный обличитель Грознаго, еще при жизни являлся, будучи въ Москвѣ, на Каспійскомъ морѣ, спасая отъ гибели во время бури Персидскихъ купцовъ, узнавшихъ его позже, когда они пришли въ Москву. Находясь въ царскихъ палатахъ, заливалъ пожаръ въ Новгородѣ *).

*) Однажды царю вздумалось пригласить Василія Блаженнаго на свои имянины. Подносили заздравную чашу. Юродивый три раза принималъ ее и выливалъ за окошко. Іоаннъ прогнѣвался, думая, что этимъ юродивый выражаетъ презрѣніе къ царю. «Не кипятись, Иванушка, сказалъ тогда св. Василій: надобно было за-

Къ лицамъ спасавшимся путемъ искренняго юродства принадлежитъ и схороненный въ Задонскѣ Антоній Алексѣевичъ.

Онъ родился въ бѣдномъ селеніи Задонскаго уѣзда, Клиновомъ, въ семьѣ крѣпостныхъ — Алексѣя и Екатерины Монкиныхъ.

Когда ему было семь лѣтъ, онъ во время сильной бури, разразившейся надъ Клиновымъ, пропалъ изъ родительскаго дома и найденъ былъ чрезъ три недѣли въ полѣ у ручья, гдѣ онъ питался это время росшимъ на берегу горохомъ. Когда его стали разспрашивать, зачѣмъ онъ скрылся — онъ или молчалъ, или отвѣчалъ совсѣмъ неподходящее. Тѣмъ началась его жизнь юродиваго, продолжавшаяся свыше ста лѣтъ.

Когда онъ пришелъ въ возрастъ, отчимъ заставлялъ его обработывать землю, и за неумѣніе жестоко билъ его, а, когда мать Антонія умерла, то и вовсе выгналъ пасынка изъ дому, такъ что тотъ остался безъ крова. Его взялъ къ себѣ его племянникъ. Антоній часто ходилъ въ сосѣднія села и деревни, иногда для молитвы на цѣлый мѣсяцъ уединялся въ лѣсу, иногда ходилъ въ Задонскій монастырь.

Однажды ночью, идя по лѣсу, онъ былъ окруженъ стаею волковъ, и, вынувъ изъ-за пазухи бывшій тамъ хлѣбъ, сталъ спокойно кормить ихъ. Но одинъ волкъ бросился на него и искусалъ ему икру лѣвой ноги. Добредя до дому, онъ спросилъ тряпку, насыпалъ на нее земли, привязалъ этотъ самодѣльный пластырь къ ранѣ, и рану затянуло; только на всю жизнь остался шрамъ.

Недоступная для людей духовная жизнь Антонія Алексѣевича, его невидные людямъ подвиги дали ему великіе дары.

Антоній Алексѣевичъ, какимъ знали его въ послѣднія его десятилѣтія задонскіе богомольцы, былъ сгорбленный древній старикъ съ выразительными чертами лица. Одѣ-

---

ливать пожаръ въ Новгородѣ, и онъ залитъ». Тогда посланъ былъ нарочный въ Новгородъ, и оказалось, что блаженный сказалъ правду.

вался онъ въ русскій кафтанъ изъ толстаго бѣлаго сукна, подпоясывался краснымъ кушакомъ, носилъ на ногахъ суконныя онучи и кожаные коты. Не раздѣваясь и не разуваясь ни днемъ, ни ночью, онъ ходилъ всегда съ набитыми у пазухи различными предметами; и давалъ встрѣчнымъ, вынимая изъ-за пазухи,—кому камень, кому огурецъ, кому хлѣбъ. Вполнѣ равнодушный къ деньгамъ, онъ едва ли и цѣну имъ зналъ. Разъ отправившись покупать рукавицы, онъ отдалъ за нихъ 28 рублей и, показывая ихъ, радостно говорилъ: «за серебряныя-то».

Занятый стремленіемъ къ внутренней, душевной чистотѣ, Антоній Алексѣевичъ не обращалъ вниманія на внѣшность. Какъ-то онъ попросилъ одного дьячка подвезти его. Дьячекъ замѣтилъ у него на чекменѣ грязное пятно и мысленно осудилъ его нечистоплотность. Въ ту же минуту блаженный нагнулся къ уху дьячка и тихо сказалъ ему: «Пускай будетъ чекмень замаранъ, лишь бы не душа!»

Лѣтомъ Антонія Алексѣевича постоянно можно было встрѣтить на монастырскомъ дворѣ. Его всегда окружала тутъ толпа богомольцевъ, которые желали получить отъ него что нибудь на благословеніе или слышать отъ него какое нибудь слово.

Вотъ два примѣра обращенія его съ народомъ.

Шли на богомолье въ Задонскъ двѣ женщины. Одна изъ нихъ считала себя великою грѣшницею, такъ какъ въ ея жизни было одно большое грѣховное дѣло, преступная любовь. Другая же почитала себя за честную, хорошую, примѣрную женщину. Она жила въ согласіи съ мужемъ; былъ у нея большой порокъ—суевѣріе, но это заблужденіе нисколько не безпокоило ее и не умаляло ея высокаго о самой себѣ мнѣнія.

Приближаясь къ Задонску, онѣ разговорились такъ.

— Вотъ, сказала та, которая почитала себя грѣшницею, идемъ мы ко святому мѣсту—а какъ мнѣ недостойной туда показаться? Вѣдь я въ какомъ тяжкомъ грѣхѣ! Молитва моя будетъ ли принята Богомъ?

— А за мною—такъ на совѣсти ничего нѣтъ, сказала другая. Благодарю Бога, мнѣ нечѣмъ себя особенно попрекнуть. Живу по закону, какъ слѣдуетъ, совѣсть моя спокойна.

Въ такихъ чувствахъ подошли онѣ къ Задонску и вошли въ городъ. Имъ на встрѣчу идетъ Антоній Алексѣевичъ.

— Здравстуйте, говоритъ онъ имъ: пойдите сюда. Я вотъ вамъ задамъ работу. Ты, грѣшница, найди мнѣ большой камень — такой, какой поднять силъ хватитъ, и принеси его ко мнѣ... А ты, праведница, тоже принеси мнѣ каменьевъ — сколько снесешь, только все мелкими набери.

Женщины исполнили приказаніе старца. Принесши камни, одна сложила свой большой, другая высыпала изъ мѣшка свои мелкіе къ его ногамъ.

— Хорошо, сказалъ старецъ. Теперь сдѣлайте вотъ что! Вернитесь на тѣ мѣста, гдѣ вы взяли камни, и положите ихъ такъ, чтобъ всякій пришелся на томъ самомъ мѣстечкѣ, на какомъ прежде лежалъ.

Женщина, принесшая тяжелый большой камень, легко нашла то мѣсто, съ котораго взяла его, и сложила его какъ разъ въ гнѣздо, которое онъ образовалъ своимъ лежаніемъ... Но совсѣмъ не то пришлось дѣлать другой. Такъ какъ камни ея были мелкіе, и она набирала ихъ изъ многихъ лежавшихъ по бокамъ дороги кучекъ, то, конечно, она перезабыла всѣ тѣ мѣста, гдѣ они лежали, и тщетно ходила, присматриваясь, нѣтъ ли какихъ слѣдовъ, по которымъ бы она могла узнать, откуда взяла ихъ... Ничего не сдѣлавъ, она съ тѣмъ же полнымъ мѣшкомъ вернулась къ старцу, между тѣмъ какъ другая женщина уже давно стояла спокойно предъ нимъ.

— Всѣ мѣста растеряла, ни одного не могла положить на свое мѣсто, сказала смущенная женщина юродивому.

— Ну, послушай меня теперь, сказалъ старецъ. Вы шли сюда и говорили о своей жизни. Та осуждала себя и каялась, а ты хвалила себя и превозносилась. А обѣ вы

одинаково грѣшили, обѣ набрали равный грузъ грѣховъ. Бываетъ даже, что человѣкъ, сдѣлавшій одинъ большой грѣхъ, не такъ обремененъ нечистотою грѣховною, какъ тотъ, который не совершалъ тяжкихъ паденій, но постоянно грѣшитъ мелкими проступками. Вотъ большой и тяжелый камень эта женщина подняла, принесла ко мнѣ и, запомнивъ, откуда его взяла, могла положить его на мѣсто: такъ бываетъ и съ большимъ грѣхомъ. Такой грѣхъ сильно тяготитъ душу совѣстливаго человѣка и не даетъ душѣ покоя. Человѣкъ окаяваетъ себя, постоянно скорбитъ о томъ, что не съумѣлъ побороть искушенія, сознаніе грѣховности глубоко смиряетъ его, и онъ можетъ тогда сказать съ царемъ Давидомъ: *Беззаконіе мое азъ знаю, и грѣхъ мой предо мною есть выну...* И, быть можетъ, когда грѣхъ давно разрѣшенъ милосердымъ Богомъ, человѣкъ продолжаетъ оплакивать его и нести укоры людей.

Не то бываетъ съ мелкими грѣхами: человѣкъ постоянно грѣшитъ, но часто и не хочетъ понять, какъ дурно онъ поступаетъ, а между тѣмъ эти неважные по его мнѣнію, поступки образуютъ грѣховную привычку. Постоянно поблажая ей, все меньше и меньше люди склонны видѣть свою ошибку, и живутъ среди мелкихъ, но нераскаянныхъ и закоренѣлыхъ грѣховъ, не сознавая своего недостоинства, увѣренные въ своей правотѣ и осуждая другихъ, хотя и тяжко согрѣшившихъ, но кающихся грѣшниковъ. Такъ и вы, обратился старецъ къ женщинамъ. Она совершила въ своей жизни большой грѣхъ, и, идя сюда, каялась, какъ кается всю свою жизнь. Какъ тяжелый камень, виситъ онъ у нея на шеѣ: она помнитъ, когда приняла на себя эту ношу и съ ужасомъ вспоминаетъ и проклинаетъ мѣсто грѣха. Видя такое смиренное покаяніе, Господь помилуетъ ее и проститъ ей этотъ грѣхъ... А ты, обратился онъ къ женщинѣ, считавшей себя чистою, не имѣла въ жизни такихъ паденій... Но ты не лучше ея,—она, разъ поддавшись грѣху, теперь строго оберегаетъ себя, а ты, точно не боясь согрѣшить, живешь въ небреженіи... А сколько

у тебя мелкихъ грѣховъ — и не счесть!.. Принимая на себя тотъ судъ, который принадлежитъ одному Богу, ты судишь и рядишь людей: тотъ не гожъ, другой еще хуже, третій не ладенъ... Какъ то дѣлаютъ язычники, ты предаешься глупымъ гаданіямъ... Упадетъ у тебя со стола ножъ, ты кричишь: гости ѣдутъ!—Вѣрно, что такъ! Ѣдутъ на твой крикъ гости! Да какіе? Враги, дьяволъ къ тебѣ ѣдетъ!— Не такъ, родная, надо жить... Натворишь ты за день грѣховъ, которыхъ по гордости и за грѣхи не считаешь, и до ночи ихъ забудешь. Не перечесть всѣхъ твоихъ грѣховъ, и, заставь тебя теперь припоминать, объяснять, чѣмъ грѣшна, такъ ихъ у тебя такъ много, что и сама не упомнишь, какъ и когда грѣшила. И тянутъ они тебя къ низу не менѣе грузно, какъ тяжесть одного смертнаго грѣха. Всѣ мы грѣшны, всѣ окаянны. Всѣ погибнемъ, если не помилуетъ насъ неизреченное милосердіе Божіе.

Конечно, такое наставленіе произвело благотворное дѣйствіе на обѣихъ женщинъ: смягчило горечь раскаянія одной и смирило другую.

Шла къ святителю Тихону на богомолье одна женщина, гонимая свекровью. Не взлюбила ее свекровь, и гнала и унижала, и томила работой, и постоянно укоряла, такъ что ей житья не было. Нрава была она кроткаго, тихаго, никому не перечила, молча все сносила, только иногда украдкой плакала...

Идутъ себѣ богомольцы медленнымъ шагомъ, гуськомъ и сзади всѣхъ понуро бредетъ молодая женщина, которой жизнь такъ тяжела... Идетъ она, и видитъ вдругъ: лежатъ на землѣ четки. Она ихъ подняла... Стали путники подходить къ городу, выходитъ имъ навстрѣчу Антоній Алексѣевичъ, и говоритъ этой женщинѣ: «Тебѣ, смиренная раба Божія, святитель Тихонъ четки послалъ. Вѣдь это изъ его раки четки, съ его нетлѣнныхъ ручекъ».

И сама женщина, и ея спутницы были поражены словами старца и въ смущеніи направились къ монастырю.

Когда съ трепетомъ подошли они къ ракѣ святителя,

гробовой іеромонахъ спросилъ: «откуда у тебя эти четки?» Женщина разсказала, какъ нашла ихъ на дорогѣ и что ей говорилъ Антоній Алексѣевичъ.

Для провѣрки этого разсказа иноки подняли пелену съ мощей и, дѣйствительно, тѣхъ четокъ, которыя лежали раньше на рукахъ и были совершенно такія же, какъ тѣ, которыя женщина нашла на дорогѣ—этихъ четокъ на мощахъ не было. Тогда поняли, что святитель чуднымъ образомъ послалъ утѣшеніе женщинѣ, которая ни отъ кого въ жизни не видала добра, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, вразумилъ тѣхъ, кто особенно ее преслѣдовалъ.

Утѣшенная женщина отдала четки къ мощамъ, и послѣ горячей молитвы святителю, успокоенная и облегченная душой вернулась домой.

Вообще же обыкновенно Антоній Алексѣевичъ говорилъ коротко, и слово его прямо опредѣляло обстоятельство того лица, къ которому относилось.

Часто находился онъ какъ бы въ неземномъ настроеніи духа, былъ необыкновенно кротокъ, послушенъ и обходителенъ.

— Сударикъ мой, съ теплою ласкою говорилъ онъ обыкновенно людямъ, приходившимъ къ нему съ горемъ: я ничего:—такъ Богъ далъ; знать, такъ мать тебѣ обрекала! И отъ этихъ простыхъ словъ становилось легко и отрадно на сердцѣ. То было дѣйствіе посланнаго ему *дара утѣшенія.*

Но были времена, когда его видали безпокойнымъ, несговорчивымъ, даже грознымъ. Видно было, что онъ велъ тогда борьбу съ духами злобы. И тогда ночи проводилъ онъ безъ сна, цѣлыя недѣли безъ пищи и питья. Онъ съ длинною палкой въ рукахъ ходилъ или бѣгалъ по монастырю, точно выгоняя кого то, съ крикомъ: «экъ ихъ нашло сколько!»

Въ такое время сверкающій какъ молнія взоръ его проникалъ въ душу, и онъ безпощадно обличалъ людей, не разбирая ни званія, ни положенія.

Духъ прозорливости былъ очень силенъ въ старцѣ.

Въ одинъ изъ дней ноября 1825 года, при прекрасной погодѣ, Антоній Алексѣевичъ въ самомъ тревожномъ состояніи духа бѣгалъ по монастырю и пѣлъ: «Вѣчная память», а къ полудню посреди монастырскаго двора сталъ слезно молиться, произнося: «Со святыми упокой, Христе, душу раба Твоего!» Когда послѣ трапезы у него спросили, о комъ онъ молится, онъ отвѣтилъ: «Какъ же не пѣть, братцы, вѣчную память. Вѣдь въ Таганкѣ (т. е. Таганрогѣ) къ морю-то упалъ большой столпъ». Чрезъ нѣкоторое время пришло извѣстіе, что въ Таганрогѣ скончался Императоръ Александръ I въ то самое число 19 ноября, когда такъ тревоженъ былъ и пѣлъ «вѣчную память» Антоній Алексѣевичъ.

За нѣсколько лѣтъ до открытія мощей святителя Тихона, говоря съ однимъ монахомъ, Антоній Алексѣевичъ, измѣнившись вдругъ въ лицѣ, громко воскликнулъ: «Сколько народу-то идетъ! Видимо-не видимо! Одинъ только Господь это знаетъ и моя душенька!» На вопросъ монаха, куда этотъ народъ идетъ, отвѣчалъ: «Къ Оськѣ въ яму!» Ямою онъ называлъ пещеру, гдѣ лежалъ святитель Тихонъ до прославленія, а Оською — іеромонаха Иринея, около 50-ти лѣтъ служившаго при гробѣ святителя.

Одинъ чиновникъ вѣдомства Министерства Государственныхъ Имуществъ былъ оклеветанъ и лишенъ должности. Ѣздилъ онъ оправдаться въ Петербургъ, но безплодно. Съ горя онъ запилъ. Однажды мимо его дома проходитъ Антоній Алексѣевичъ и говоритъ: «Полно тебѣ блажничать! берись-ка за дѣло! Богъ о тебѣ не забылъ!» На другой день чиновникъ получилъ бумагу, утверждавшую его въ его прежней должности.

Знаменитый Воронежскій архіепископъ Антоній очень уважалъ соименника своего, который предсказалъ ему его кончину.

Однажды въ Воронежѣ на бойкой улицѣ встрѣчаетъ блаженный 15-ти лѣтняго мальчика съ книгами въ рукахъ. Онъ останавливаетъ его, вынимаетъ изъ-за пазухи засаленный листъ бумаги, исписанный весь цифрами, и говоритъ:

«Выростешь, голубчикъ—приходи въ Задонскъ жить». Уже блаженный (въ 1851 г.) умеръ, какъ этотъ человѣкъ, въ 1874 году былъ назначенъ въ Задонскъ городскимъ казначеемъ. Чрезъ 5 лѣтъ зайдя въ усыпальницу, гдѣ погребенъ блаженный, онъ прочелъ его имя на надгробіи, и какъ живою вспомнилась ему дальняя встрѣча его юности, о которой онъ и разсказывалъ со слезами.

Пріѣхалъ въ Задонскъ, еще до прославленія святителя Тихона, одинъ мірянинъ. Когда онъ выходилъ изъ пещеры святителя, къ нему подошелъ неизвѣстный тогда посѣтителю Антоній Алексѣевичъ и строго сказалъ ему: «Давно, давно тебѣ пора прійти сюда. Я все тебя ждалъ!»

На вопросъ, кто онъ, Антонъ Алексѣевичъ сказалъ: «Незачѣмъ тебѣ этого знать. Но я зналъ тебя, когда ты жилъ еще на сѣверѣ въ большомъ каменномъ домѣ. Ты тогда далъ обѣщаніе прійти сюда. Съ тѣхъ поръ я все ждалъ тебя!»

Поразило посѣтителя это слово. Дѣйствительно, когда онъ учился въ Петербургѣ въ кадетскомъ корпусѣ, онъ, чувствуя тщету міра, далъ себѣ слово быть монахомъ. Но впослѣдствіи многія обстоятельства задержали исполненіе его намѣренія. Подъ вліяніемъ словъ Антонія Алексѣевича онъ немедленно просилъ настоятеля принять его въ число братіи. Впослѣдствіи онъ самъ сталъ истиннымъ подвижникомъ. Его имя — о. Наѳанаилъ.

Дѣйствовалъ въ старцѣ также и даръ исцѣленій. Одинъ монахъ ужасно страдалъ отъ нарывовъ на спинѣ и думалъ даже оставить свое послушаніе. Чувствуя его мысль, Антоній Алексѣевичъ сказалъ ему: «Куда ты думаешь отъ меня бѣжать, Николашка!»— и затѣмъ сталъ молиться, приговаривая: «Помилуй, Господи, Николашку! Послѣ трехъ молитвъ этихъ нарывы прорвались, и боль исчезла.

Другому молодому послушнику боль въ груди мѣшала пѣть на клиросѣ. Старецъ велѣлъ потереть грудь снѣгомъ и продолжать пѣть на клиросѣ. Грудная боль прекратилась навсегда.

Замѣчательно, что, когда блаженный хотѣлъ видѣть свое родное село Клиновое, онъ начиналъ заочно призывать своего правнука Ивана. На другой же день къ вечеру являлся въ монастырь правнукъ и объяснялъ: «Вчера напала на меня такая тоска по дѣдушкѣ, что радъ бы хоть пѣшкомъ идти къ нему».

Уже описано, какъ одѣвался Антоній Алексѣевичъ. Лицо же у него было длинное, худое, сморщенное, острый носъ, узенькая, клиномъ, бородка; на головѣ короткіе взъерошенные волосы.

За годъ до кончины блаженный пришелъ въ Задонскъ въ домъ, купленный незадолго до того помѣщицею А. В. Демидовой, и сказалъ ей: «Вотъ, я къ вамъ: такъ Богъ велѣлъ».

Этотъ домъ уже давно онъ называлъ *своимъ*.

Когда предъ смертью соборовали Матрону Наумовну Попову, онъ сказалъ: «И я у Бога не забытъ. Терпѣніе убогихъ не погибнетъ до конца». Онъ пережилъ эту великую подвижницу лишь на 40 дней.

«Мама, говорилъ онъ, заболѣвъ, г-жѣ Демидовой, пора мнѣ умереть: похорони меня! похорони меня во спасеніе души въ монастырѣ и заплати за меня пять рублей!» Когда та сказала себѣ, что едва ли можно схоронить за эти деньги, онъ, прозрѣвая ея мысль, прибавилъ: «Ну, пятьсотъ отдай. Хотя у тебя и былъ нынѣ недородъ хлѣба, да зато у меня его много. Вотъ, дастъ Богъ, я перейду, тогда и тебя возьму къ себѣ, мама! Да сшей мнѣ новый бѣлый кафтанъ, нижнее бѣлье и купи новый кушакъ». За двѣ недѣли до Покрова онъ сталъ говорить ей: «Мама, пеки блины въ субботу подъ Покровъ».

И въ эту самую субботу, 29 сентября 1851 года, онъ тихо почилъ на 120-мъ году.

Со всѣхъ сторонъ бездна народа стала сходиться къ его гробу, и служить по немъ панихиды. Его схоронили въ усыпальницѣ, гдѣ покоятся другіе въ этомъ благословенномъ краѣ подвизавшіеся праведники.

Блаженный являлся съ помощью людямъ и по кончинѣ своей.

Ходя по деревнямъ съ товарищами, бить шерсть, правнукъ его, Иванъ, опасно заболѣлъ. Ночью онъ видѣлъ прадѣда, который сказалъ ему, что боленъ онъ потому, что дурно живетъ—много вина пьетъ и табакъ нюхаетъ и приказывалъ ему въ первый же постъ отговѣть и пріобщиться, обѣщая исцѣленіе. Иванъ всталъ здоровымъ и съ тѣхъ поръ бросилъ и вино и табакъ.

Одинъ инокъ, уже 40 лѣтъ жившій въ Задонскѣ, подъ вліяніемъ скорбей, задумалъ перейти въ другой монастырь. Онъ увидѣлъ во снѣ, что входитъ въ келлію его, чтимый имъ при жизни, Антоній Алексѣевичъ и говоритъ: «Мишка, я тебѣ дамъ думать неподобное! — Жилъ и живи: перемелется, мука будетъ!» — Онъ остался въ Задонскѣ.

Въ ноябрѣ 1879 года Воронежская дворянка А. М. В-ва видѣла во снѣ, что къ ней въ домъ вошелъ неизвѣстный ей невзрачный старикъ со всклокоченными волосами, одѣтый въ бѣлый чекмень, низко опоясанный кушакомъ и съ отвислою пазухою.

Помолясь на икону, старикъ низко поклонился г-жѣ В-вой и, вынувъ изъ-за пазухи большой черный крестъ, подалъ его ей, и сказалъ: «Возьми — это твое!» Потомъ, между прочимъ, прибавилъ: «Позаботься-ка о духовномъ завѣщаніи твоего мужа!»—Кто ты, спросила его г-жа В-ва.— А пріѣдешь въ Задонскъ молиться Богу, и узнаешь обо мнѣ. Я живу уже давно въ монастырѣ: пріѣзжай!

— Какъ же зовутъ тебя?

— Антонушкой - юродивымъ, сказалъ онъ громко и вышелъ.

Тутъ она проснулась. Утромъ она поѣхала въ Митрофановъ монастырь и разсказала свой сонъ благочестивому архіепископу Воронежскому Серафиму.

— Вамъ являлся воистину рабъ Божій, сказалъ онъ ей. Приведите дѣла ваши въ порядокъ и поговорите съ мужемъ о завѣщаніи.

Оказалось, что у мужа ея было значительное движимое имущество, которое онъ назначалъ женѣ и изъ-за котораго въ случаѣ его смерти безъ наличности завѣщанія могла возникнуть тяжба со стороны его родныхъ.

Немедленно было составлено имъ завѣщаніе въ пользу жены, и въ тотъ же день его постигла внезапная смерть.

Похоронивъ мужа, г-жа В-ва была на богомольѣ въ Задонскѣ и служила панихиду надъ гробомъ Антонія Алексѣевича.

По висящему надъ гробомъ портрету она узнала являвшагося ей во снѣ старца.

Священникъ Іоаннъ (города Ельца).

Прошло уже три четверти вѣка со времени смерти отца Іоанна Борисовича, а память его окружена такимъ усердіемъ, его любятъ съ такою теплотою, что день его кончины, 20 декабря, является въ Ельцѣ чуть ли не праздничнымъ. Множество народа собирается тогда въ Елецкій Троицкій мужской монастырь, помолиться во время соборной панихиды надъ его могилою. Такъ велико высокое свѣтлое впечатлѣніе, произведенное имъ на современниковъ и перешедшее отъ отцовъ и дѣдовъ къ дѣтямъ и внукамъ.

Отецъ Іоаннъ родился около 1750 г., въ Воронежѣ, гдѣ его отецъ былъ приходскимъ священникомъ. По окончаніи курса Воронежской семинаріи, онъ вступилъ въ бракъ съ дѣвицею Дарьею изъ духовнаго званія, сдѣлался священникомъ въ Воронежѣ и, не прослуживъ здѣсь и года, переведенъ въ Елецъ, сперва къ Архангельской, потомъ къ Преображенской церкви.

Еще изъ Воронежа, въ желаніи достойно нести свои священническія обязанности, онъ дважды писалъ святителю Тихону, жившему тогда на покоѣ въ Задонскѣ, — прося наставить его въ томъ. Вотъ замѣчательный отвѣтъ святителя.

«Отецъ Іоаннъ!—писалъ святитель,—два письма я отъ

тебя получилъ, за оба благодарствую. Посылаю тебѣ, по твоему желанію, мой совѣтъ, читай его и разсуждай, и поступай такъ; а болѣе самъ читай книги и отъ нихъ учись и себя пасти и людей тебѣ порученныхъ отъ Бога, и молись Богу прилежно, чтобы Самъ Богъ наставилъ тебя пасти стадо Христово. При томъ помни: ищи людей, а не людскихъ, т. е. ищи спасенія душъ, а не денегъ и богатства, и почитанія. Спасайся о Христѣ и о мнѣ грѣшномъ Богу молись.

Вашъ бывшій пастырь, недостойный епископъ Тихонъ. Октября 24, 1776 года. Задонскъ».

Совѣтъ мой.

1. «Страхъ Божій всегда тщись имѣть и молись Богу о томъ, чтобы самъ вселилъ въ тебя Свой страхъ; рождается страхъ съ помощію Божіею отъ вниманія: кто ты? и что поручено тебѣ хранить? Ты іерей и пастырь, храни жъ овецъ Христовыхъ, которыхъ онъ стяжалъ кровію Своею, и за нихъ дашь Христу отвѣтъ, какъ ты ихъ хранилъ: поминай смерть, судъ Христовъ, небесное царство и муку вѣчную».

2. «Юнъ еси, храни чистоту души и тѣла, на лицы дѣвическія и женскія не смотри прилежно, да не сатана сердце твое возмутитъ; слова празднаго, шутокъ, смѣховъ и всякихъ игръ берегись; думай всегда: предъ лицемъ Божіимъ ходишь и Богъ всегда на тя смотритъ; дѣло, слово и помышленіе твое все ясно видитъ. Отъ обѣдовъ и собраній удаляйся, да убѣжишь грѣха; гдѣ смѣхи, шутки и рѣчи о людяхъ бываютъ, отъ того мѣста убѣгай: на помины и прочіе обѣды не ходи; а только отправивъ погребеніе въ церкви — въ домъ бѣги: понеже въ тѣхъ поминахъ обѣденныхъ много бываетъ соблазна и словомъ и дѣломъ; горе бо тому, имъ же соблазнъ приходитъ, глаголетъ Христосъ. Что священники, братья твои, дѣлаютъ и прочія лица, не смотри; но внимай, что Христосъ учитъ и повелѣваетъ; часто поминай Христовы страсти: что Онъ

и сколь страшное подъялъ за насъ мученіе! Нищихъ не забывай, но чѣмъ можешь снабдѣвай. Въ служеніи, а паче въ литургіи, всегда тщись со умиленіемъ и страхомъ стоять; помни, что предъ Богомъ страшнымъ стоишь и молишься о себѣ и о людяхъ; также тайны святыя совершай весьма благоговѣйно. Безъ дѣла никогда не бывай, часто Богу молись: читай часто первое Іоанна Богослова посланіе тамо вся должность христіанина изображена; такожде къ Тимоѳею посланія оба и къ Титу посланіе, тамо служителей Христовыхъ должность описана; читай и прочія книги и что ни читаешь, достойно вписывай въ тетради, дабы могъ въ случаѣ людей наставлять».

3. «Съ женою живи по-христіански, а не такъ, какъ скоты. Во время служенія и предъ служеніемъ отъ нея удаляйся. Знаешь, что здѣсь пишу. Увѣщевай и ее, чтобъ чистоту любила, читай 1-е Коринѳ. посланіе гл. 7, а паче ст. 29-й».

4. «Въ исповѣди весьма опасно поступай, чтобъ грѣшника въ отчаяніе не привести; такожде берегись, чтобы и во обычай грѣховный не вошелъ грѣшникъ; во обычай грѣшникъ удобно приходитъ, когда грѣхъ безъ наказаній бываетъ. Обыкновенно священники говорятъ: Богъ проститъ, Богъ проститъ: но смотри, каково его покаяніе, истинно ли кается, и впредь отъ грѣха обѣщается ли отстать. Такожде во отчаяніе можетъ придти грѣшникъ, когда съ нимъ жестоко поступаетъ іерей; грѣха тяжесть показуетъ, а о великомъ Божіемъ милосердіи не объясняетъ. Надобно въ семъ случаѣ іерею и праведный судъ Божій грѣшникамъ представить не кающимся; а истинно кающимся исповѣдимое Божіе милосердіе. Молодыхъ женъ и дѣвицъ берегись исповѣдывать, — молодъ ты самъ, — чтобы сатана плевела не посѣялъ на сердце; пусть ихъ другой священникъ исповѣдуетъ».

5. «По обѣдни всегда что нибудь прочитай, хотя краткое, ради поученія людей, а праздника никогда не оставляй безъ поученія, и гдѣ бываешь въ приходѣ, въ

чьемъ-либо домѣ, всегда что нибудь душеполезное скажи, чтобы люди духовно созидались; ежели кого знаешь въ чемъ грѣшаща, увѣщевай его и моли, чтобы пересталъ отъ грѣха и судомъ Божіимъ устрашай и мукою вѣчною и неизвѣстною житія его кончиною; горе христіанамъ неисправнымъ и попамъ нетщащимся исправлять ихъ! Лица сильнаго не стыдись, и не бойся, но всѣхъ, кто грѣшитъ, обличай, сіе бо есть званіе священническое, и всѣмъ помощи у Бога проси, хотя и будутъ тебя за то ненавидѣть злые и злословить, не бойся ихъ; ты дѣлай свое, Богъ тебя защититъ».

6. «Обычаи злы, какъ-то божбу: «ей-Богу, на то Богъ свидѣтель», и прочая призыванія имени Божія въ подлыхъ вещахъ обличай и искореняй, понеже въ семъ люди тяжко грѣшатъ. Богъ, Который повелѣваетъ: да не будутъ тебѣ бози иніи развѣ Мене, Тойже повелѣваетъ: не пріемли имени Господа Бога всуе. Такожде, когда единъ съ другимъ говоритъ: судитъ-де ему Богъ и прочая, все сіе зло искореняй и обличай».

7. «Напоминай всѣмъ, что судъ Христовъ есть при дверяхъ, уже насталъ день Христовъ, уготовилъ Господь на судъ престолъ Свой. Оттуда страхъ родиться можетъ».

8. «Заповѣди святыя десять и самъ часто прочитывай: изрядно протолкованы оныя въ книжкѣ Платона *), учителя великаго князя; думаю, что есть она у многихъ въ Воронежѣ».

9. «Богатымъ, другамъ, почтеннымъ лицамъ не угождай — грѣхъ великъ есть человѣкомъ угождать; но что видишь въ нихъ худо — обличай, и страхомъ суда Божія грози неисправнымъ».

10. «Тако ежели, по должности своей поступая, презрѣнъ будеши, и злословіе, клевету и прочія гоненія отъ беззаконныхъ будешь терпѣть, небреги о томъ, но паче радуйся по Христову словеси; радуйтеся и веселитеся, яко мзда ваша многа на небесѣхъ! Аминь».

*) Учитель цесаревича Павла Петровича, впослѣдствіи митрополитъ московскій, знаменитый ученый и проповѣдникъ.

«Поминай и мене грѣшнаго. Спиши здѣ увѣщеваніе преподобнаго Моисея—оно написано въ Прологѣ, декабря 15 дня, и прочитывай часто, и внимай, и тщись поступать такъ! Богъ милостивый, видя твое усердіе и тщаніе, просвѣтитъ умъ твой Своею благодатію и поможетъ тебѣ. Чего тебѣ усердно желаю».

Отецъ Іоаннъ показалъ себя достойнымъ той любви и довѣрія, съ которымъ отвѣчалъ ему святитель Тихонъ.

Службу онъ совершалъ съ величайшимъ усердіемъ.

Звонъ завелъ онъ у себя предъ службами особый: въ колоколъ ударяли не часто, но рѣдко, какъ въ монастыряхъ. Ежедневно совершалъ онъ позднюю литургію, и затѣмъ акаѳистъ Богоматери со звономъ.

Самъ онъ во время службы былъ такъ полонъ благоговѣнія, что невольно возбуждалъ его и въ присутствующихъ. Когда же онъ замѣчалъ, что кто нибудь стоитъ невнимательно, оборачивается или разговариваетъ: тогда онъ дѣлалъ замѣчаніе, а иныхъ высылалъ изъ церкви. Обыкновенно это бывали пріѣзжіе, не знавшіе требованій о. Іоанна. Для исправленія шалуновъ, неспокойно стоявшихъ въ храмѣ, онъ прибѣгалъ къ суровымъ мѣрамъ.

При всякой литургіи о. Іоаннъ говорилъ поученіе, читая иногда по книгѣ, а иногда по своей рукописи.

Особенно заботился о. Іоаннъ о храмѣ. Онъ былъ до него тѣсенъ и некрасивъ. О. Іоаннъ расширилъ его и расписалъ внутри картинами изъ житій святыхъ.

Свой же домъ его совершенно не интересовалъ. Кромѣ тесовыхъ сѣней съ корридоромъ, которыя онъ пристроилъ вмѣсто прежнихъ плетневыхъ, онъ не сдѣлалъ никакихъ передѣлокъ. Въ крышѣ показались какъ-то трещины, и въ это время посѣтилъ о. Іоанна епископъ орловскій Іона. Смотря на крышу и потолокъ, онъ сказалъ: «Я думаю, тебя дождь мочитъ, бываетъ течь съ худого потолка». — «Нѣтъ, владыко, — отвѣчалъ онъ: я всегда бываю сухъ»... Во время этого разговора ударилъ дождь. Земля покрылась водой. А въ комнату чрезъ худую крышу и потолокъ

не проникло ни одной капли, крыша даже была суха, такъ что архіерей въ изумленіи воскликнулъ: «Какъ чудно Царь небесный спасаетъ и покоитъ Своихъ рабовъ!»

Въ обиходѣ своемъ о. Іоаннъ былъ крайне воздерженъ.

Пища его состояла изъ куска хлѣба съ солью и какой нибудь приправой. А приходъ его былъ богатый. Всѣ доходы раздавалъ онъ бѣднымъ. Милость его была неудержимая. Часто, за неимѣніемъ денегъ, онъ отдавалъ имъ послѣдній носовой платокъ. Онъ самъ первый разыскивалъ по домамъ бѣдныхъ, вдовъ и сиротъ и поддерживалъ ихъ, посѣщалъ тюремные замки и подавалъ милостыню заключеннымъ, уговаривалъ ихъ покаяться и терпѣть.

Часто жена о. Іоанна укоряла его за его безполезную щедрость. «Какъ ты не помнишь,—говорила она ему,—что у тебя есть свое семейство и дѣти? Вмѣсто того, чтобъ награждать чужихъ, ты бы своимъ кровнымъ что нибудь приберегъ и собралъ!»

— Не думай,—отвѣчалъ онъ ей на такія рѣчи,— что, расточая свое добро, я лишаю моихъ дѣтей. Они не будутъ бѣдными. Весь мой избытокъ въ лицѣ нищихъ и бѣдныхъ я даю взаймы Самому Богу. Я дѣлаю Его должникомъ моимъ въ твердой надеждѣ, что въ свое время, когда мои нужды будутъ велики, Онъ заплатитъ мнѣ. Я не расточаю, а собираю для дѣтей.

И его слова оправдались: оба его сына и обѣ дочери были хорошо устроены.

Вотъ нѣсколько свидѣтельствъ тому, какъ оправдана была вѣра о. Іоанна въ Божественный Промыслъ.

У жены его не было денегъ на покупку припасовъ къ празднику Рождества Христова. Она просила мужа дать ей денегъ.

— У меня нѣтъ денегъ,—сказалъ онъ ей.—Помолись Богу и потерпи. Онъ и безъ денегъ пошлетъ тебѣ нужное на праздникъ, какъ это бывало и прежде.

Но она неоднократно требовала денегъ. О. Іоаннъ рѣшительно сказалъ ей, что у него нѣтъ ничего. Но при

этихъ его словахъ растворились ворота, и въѣхалъ цѣлый возъ, со всѣмъ нужнымъ для праздника. Тогда о. Іоаннъ сказалъ женѣ: «Благодари Бога и впредь будь терпѣливѣе въ недостаткахъ».

Но жена вообще много досаждала ему, своимъ безпокойнымъ сварливымъ нравомъ. Даже, когда онъ молился, она не умолкала и часто вынуждала его своимъ ворчаніемъ уходить молиться въ приходскую церковь, находившуюся въ той же оградѣ.

Однажды во время молитвы его въ церкви предъ иконами Спасителя и Богоматери о томъ, чтобъ излилась и на него и на паству его благодать Божія,—онъ услышалъ отъ иконы Богоматери голосъ: «Іоанне, Іоанне, услышаны молитвы твои».

Въ ужасѣ упалъ онъ, долго плакалъ отъ умиленія и не могъ продолжать молитву. Въ разслабленіи вышелъ онъ изъ церкви и ночевалъ въ притворѣ церковномъ.

Въ другой разъ пришелъ онъ къ елецкому купцу Ростовцеву, который только что передъ тѣмъ читалъ разсужденіе о тайнѣ Пресвятой Троицы, и съ недоумѣніемъ размышлялъ, какъ бы лучше ее постигнуть.

Придя къ Ростовцеву, о. Іоаннъ сказалъ: «Матвѣй, взгляни на потолокъ». Тотъ взглянулъ и увидѣлъ открытое свѣтлое небо. Купецъ отъ страха упалъ на полъ и залился слезами; плакалъ съ нимъ вмѣстѣ и о. Іоаннъ. Когда окончилось видѣніе, онъ сказалъ: «Гдѣ намъ глупымъ разсуждать о Святой Троицѣ? Притомъ и то не забудь, что пророкъ Моисей, увидѣвъ купину, горѣвшую и несгоравшую, не смѣлъ приблизиться къ ней. А ты, нечистый, углубляешься въ это великое таинство и хочешь постигнуть непостижимое. Наше дѣло не углубляться, а сердечно вѣровать»..

Въ домѣ своемъ, исполняя завѣтъ святителя Тихона, о. Іоаннъ не оставался безъ дѣла. Молитва, чтеніе книгъ или другія добрыя дѣла занимали его время. Смѣха и шутокъ не любилъ онъ. Исправляя требы, былъ нестяжате-

ленъ, совершалъ таинства съ благоговѣніемъ, а на обѣдахъ поминовенныхъ не участвовалъ.

Замѣчательно было въ его служеніи священническомъ то, что онъ, навѣщая прихожанъ, особенно ходилъ къ тѣмъ, кого замѣтилъ въ дурномъ поведеніи. Онъ обличалъ ихъ, угрожалъ гнѣвомъ Божіимъ и нерѣдко склонялъ къ покаянію. Съ такими же наставленіями ходилъ онъ и по больницамъ, въ тюрьму и бѣдные дома. Никто не отходилъ отъ него безъ вразумленія, которое часто измѣняло всѣ взгляды собесѣдника на жизнь.

Однажды пришелъ къ нему елецкій житель Кожуховъ и сказалъ о себѣ, что, слава Богу, всю свою жизнь прожилъ покойно, всего у него довольно, недостатковъ нѣтъ, бѣдъ съ нимъ не случалось. На эти слова о. Іоаннъ воскликнулъ.

— Жаль мнѣ тебя, несчастный счастливецъ!

— Чѣмъ же я несчастливъ?—спросилъ тотъ.

— Тѣмъ, — отвѣчалъ о. Іоаннъ, — что не посѣщенъ Божіимъ наказаніемъ, которое вѣрный знакъ любви Бога къ намъ: «его же любитъ Господь, того и наказуетъ». А вѣдь ты не малый грѣшникъ! Какъ же можешь считать себя счастливымъ, когда пьешь беззаконія какъ воду, а живешь безъ вразумленія и бѣдъ, которыя спасительны, потому что побуждаютъ грѣшника къ покаянію!

Задумался гость надъ этими словами и пошелъ домой, поникнувъ головой... Черезъ двѣ недѣли загорѣлся у него домъ, и, пока другіе тушили пожаръ, онъ выбѣжалъ на улицу, сталъ на колѣни и, поднявъ руки къ небу, громко молился: «Слезно благодарю Тебя, Господи, что ты наказуешь меня, великаго грѣшника. Чувствую теперь, что Ты не забылъ меня и пробуждаешь меня окаяннаго. Съ усердіемъ лобзаю десницу Твою, достойно меня карающую».

Не терпѣлъ о. Іоаннъ лжи.

Живописецъ, расписывавшій его приходскую церковь, нуждаясь въ деньгахъ, пришелъ просить ихъ впередъ за работу. Прежде чѣмъ тотъ заговорилъ, о. Іоаннъ спраши-

ваетъ его, читалъ ли онъ Новый Завѣтъ, и говоритъ, подавая ему евангеліе: «Вотъ возьми, еще почитай и, что найдешь въ книгѣ для себя полезнаго, о томъ скажи мнѣ. Бери же и иди домой».

Такъ и пошелъ живописецъ, не объяснивъ своей нужды, и дома положилъ книгу на полку и не раскрывалъ ее. Чрезъ двѣ недѣли приходитъ къ нему о. Іоаннъ и спрашиваетъ:

— Что, Алексѣй, прочелъ книгу?

— Прочелъ.

— Гдѣ-жъ она? Подай ее сюда.

И, получивъ книгу, о. Іоаннъ развернулъ ее прямо въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ написаны слова: «Просите, и дастся вамъ». А на этомъ самомъ мѣстѣ, вручая книгу живописцу, о. Іоаннъ тайно положилъ для него двадцать пять рублей.

Упалъ живописецъ въ ноги о. Іоанну и сознался во лжи.

— Богъ проститъ тебя,—отвѣчалъ о. Іоаннъ, отдавая ему деньги, и объяснилъ ему низость лжи. Послѣ этого живописецъ и самъ не лгалъ и другихъ предостерегалъ отъ этого порока.

Боролся о. Іоаннъ и съ суевѣріями.

Одинъ купецъ, выѣзжая на ярмарку, у самаго своего двора встрѣтилъ о. Іоанна. Купецъ приказалъ вернуться, считая это за неблагопріятное предзнаменованіе. Переждавъ немного, собрался онъ ѣхать опять, и снова на встрѣчу о. Іоаннъ, и такъ до трехъ разъ. Въ третій разъ подозвалъ купца къ себѣ о. Іоаннъ и говоритъ: «Что это у васъ за предразсудокъ, что встрѣча священника признакъ неудачи... Брось ты это. Прими отъ меня благословеніе и вернись домой. Я тамъ отслужу для тебя напутственный молебенъ, и ты отправишься въ путь съ благими надеждами».

Послѣ молебна купецъ поѣхалъ и отлично торговалъ на ярмаркѣ. И больше ужъ не боялся встрѣчи со священникомъ.

Въ обличеніяхъ своихъ о. Іоаннъ былъ прямъ и смѣлъ, не стѣсняясь значительностью лицъ.

Одинъ именитый купецъ пригласилъ его осмотрѣть выстроенную имъ церковь.

Войдя въ нее, о. Іоаннъ воскликнулъ: «Слава Богу, великолѣпенъ храмъ! Радуюсь и благодарю Господа Бога за этотъ молитвенный домъ. Благодари и ты Его благость, поблагодари не языкомъ только, но самымъ дѣломъ. Благодари Господа по примѣру Закхея мытаря, который обѣщалъ, когда Господь пришелъ въ его домъ, полъ-имѣнія раздать нищимъ и возвратить четверицею тѣмъ, кого обидѣлъ... Совѣтую тебѣ послѣдовать этому примѣру. Вѣдь обиженныхъ тобою, я думаю, столько, что ихъ, по многочисленности, невозможно помѣстить въ этомъ храмѣ. Вспомни, какъ ты поступалъ съ бѣдными торговцами, которымъ за годъ впередъ роздалъ деньги подъ сало. По истеченіи года ты принималъ отъ нихъ товаръ, сверхъ вычета громаднаго процента, не по той цѣнѣ, по какой они покупали, а по той, какую тебѣ было угодно назначить. Вспомни, что дѣлалъ ты, если они не успѣвали къ сроку поставить товаръ. Ты былъ неумолимъ, хотя бы до этого несчастія эти люди лѣтъ по десяти и по двадцати работали на тебя и умножали твои милліоны. Сколько такихъ людей ты совсѣмъ разорилъ, лишилъ крова и пріюта и пустилъ съ семействами и дѣтьми бродить по міру... Побойся Бога, побереги свою душу и въ благодарность за ту милость, что Господь позволилъ тебѣ выстроить храмъ, раздай одну половину имѣнія нищимъ и изъ второй расплатись съ тѣми, кого ты обидѣлъ. Тогда твоя жертва будетъ угодна Богу. А если сохранишь капиталъ, то, при внезапной твоей смерти, онъ будетъ расхищенъ и поступитъ, въ укоръ тебѣ, въ чужія руки.

Купецъ плакалъ и обѣщалъ хоть частью вознаградить имъ обиженныхъ и потомъ ужъ никого не притѣснять.

Въ преклонныхъ годахъ, при полномъ развитіи ду-

ховныхъ силъ о. Іоанна, открылся въ немъ даръ прозорливости.

Извѣстный затворникъ Задонскаго монастыря Георгій былъ смущаемъ въ монастырскомъ храмѣ тѣмъ, что многіе вели себя непристойно для такого мѣста, разговаривали и смѣялись. Онъ надумалъ перейти въ другой монастырь, но напередъ хотѣлъ посовѣтоваться съ какимъ-нибудь опытнымъ старцемъ, и выборъ его остановился на о. Іоаннѣ.

Когда Георгій пришелъ въ Елецъ, едва успѣлъ подойти онъ къ дому о. Іоанна, какъ тотъ выбѣжалъ на крыльцо и, хотя никогда не видалъ и не зналъ его, встрѣтилъ его такими словами: «А я, братъ, сейчасъ только отслужилъ молебенъ со звономъ Пресвятой Богородицѣ... Она не велитъ давать наставленія монахамъ, особенно смущеннымъ и хотящимъ оставить свой монастырь... Ступай, братъ, въ чуланъ!» И при этихъ словахъ о. Іоаннъ спрятался въ свой чуланъ, въ которомъ обыкновенно жилъ.

То же было и съ другимъ Задонскимъ монахомъ, думавшимъ изъ-за тяжести послушаній перейти въ другой монастырь. Подойдя къ дому о. Іоанна, монахъ думалъ: «Не рано ли я иду къ нему? Вѣдь онъ позднюю обѣдню медленно служитъ, а по окончаніи обѣдни служитъ молебенъ съ акаѳистомъ Божіей Матери. Впрочемъ, пойду и подожду».

Не успѣлъ подойти онъ къ дому о. Іоанна, какъ тотъ, никогда его не видавшій, выходитъ къ нему на встрѣчу и говоритъ: «службу свою долгую я окончилъ, акаѳистъ прочиталъ, и вотъ сижу дома, на покоѣ. А ты, братъ, внѣ дома, не на своемъ мѣстѣ; иди опять въ свой монастырь и безропотно неси свое послушаніе».

Священникъ Вуколовъ пришелъ къ о. Іоанну со студентомъ Орловской семинаріи Иродіономъ Соловьевымъ, который желалъ принять благословеніе на бракъ. О. Іоаннъ, принявъ ихъ, подвелъ ихъ къ угощенію. Когда студентъ хотѣлъ взять чего-то мяснаго, о. Іоаннъ сказалъ: «Нѣтъ, братъ, намъ къ этому не надо прикасаться: мы съ

тобой икры съѣдимъ». Вскорѣ затѣмъ о. Іоаннъ пошелъ въ свой чуланъ, вынесъ оттуда два посоха — для себя и священника и архіерейскій жезлъ.

Этотъ жезлъ онъ вручилъ студенту со словами:

— Даю жезлъ архіерейскій. Теперь ступай съ Богомъ. Мнѣ некогда больше бесѣдовать съ вами, — и убѣжалъ въ свой чуланъ.

Студентъ этотъ постригся въ монахи и впослѣдствіи былъ архіереемъ.

Составитель жизнеописанія о. Іоанна, Елецкій протоіерей Лука Ефремовъ, разсказываетъ о себѣ, что за него были сватаны пять невѣстъ, четыре изъ нихъ съ большимъ приданымъ, а одна совсѣмъ безприданница, мѣщанская дочь. На ней онъ и остановилъ свой выборъ, но хотѣлъ провѣрить выборъ свой чрезъ о. Іоанна. Въ этомъ самый день о. Іоаннъ заходитъ въ домъ его тестя и говоритъ жениху: «Радуюсь, что ты, при помощи Божіей, сумѣлъ выбрать себѣ невѣсту: твой выборъ хорошъ». И, дѣйствительно, онъ былъ очень счастливъ, жену его любилъ весь городъ, а тѣ четыре невѣсты оказались непригодными въ жизни.

Иногда въ дѣйствіяхъ отца Іоанна замѣчалась нѣкоторая странность, и малопонимающіе люди считали его малоумнымъ. Вѣроятно, этою странностью старецъ старался избѣжать славы людской, которая ему была тяжела. Какой иногда въ этихъ странностяхъ бывалъ глубокій смыслъ, покажетъ слѣдующій примѣръ.

Однажды онъ легъ на сыромъ мѣстѣ на площади, находящейся на краю города. Проходящіе осуждали его: «неприлично священнику сидѣть на сырой землѣ». А онъ отвѣчалъ: «Земля, правда, сырая и грязная, но я особенно люблю это мѣсто и даже лобызаю его. Здѣсь скоро воздвигнется великолѣпный храмъ и будетъ совершаться святѣйшее таинство».

Эти слова разнеслись между жителями, открылся сборъ, встрѣченный очень сочувственно, и былъ выстроенъ великолѣпный храмъ.

Отецъ Іоаннъ мирно скончался 20 декабря 1824 г.; къ послѣднему жилищу въ Троицкомъ монастырѣ его несли на плечахъ священники.

Весь городъ и тысячи окрестныхъ жителей слѣдовали за гробомъ. Вопли бѣдныхъ почти заглушали пѣніе духовенства.

Протоіерей Матѳей Ржевскій.

Протоіерей Матѳей Александровичъ Константиновскій, настоятель Ржевскаго каѳедральнаго собора, извѣстный болѣе въ ревностныхъ православныхъ кружкахъ подъ именемъ «отца Матѳея Ржевскаго», родился 6 ноября 1791 г. и былъ сыномъ дьякона села Константиновскаго Новоторжскаго уѣзда, Тверской губерніи. Дьяконъ этотъ, именемъ Александръ Андреевъ, скончался въ нестарыхъ лѣтахъ, когда его сынъ Матѳей учился въ среднемъ отдѣленіи семинаріи. Тяжкая доля горькаго сиротства и бѣдности выпала на долю вдовы, Марѳы Аѳанасьевны, оставшейся съ двумя малолѣтними дочерьми.

Подъ руководствомъ родителей, мальчикъ получилъ воспитаніе въ христіанскихъ правилахъ. Съ раннихъ лѣтъ онъ полюбилъ и ученіе и храмъ Божій. Ему былъ только пятый годъ, когда онъ упросилъ родителей, чтобъ они начали обучать его грамотѣ. Успѣхи его были столь быстры, что на седьмомъ году онъ уже довольно бойко читалъ церковныя книги. Для него была радость ходить въ церковь и тамъ на клиросѣ пѣть и читать. Мѣстный священникъ за это очень любилъ его и каждый разъ послѣ обѣдни давалъ ему просфору. Его отдали въ Новоторжское духовное училище по восьмому году. По имени села, въ которомъ онъ родился, ему дали фамилію Константиновскій.

Въ первые годы училищной жизни мальчикъ учился не бойко: нѣкоторое время развитіе его какъ бы пріостановилось. Но чрезъ нѣсколько лѣтъ онъ точно переродился. Умственныя способности его окрѣпли, въ немъ развилась

счастливая память. И онъ настолько успѣлъ въ ученіи, что сталъ первымъ ученикомъ своего класса.

Въ то же время онъ отличался скромностью, хорошимъ поведеніемъ, услужливостью, смиреніемъ и благочестіемъ. Въ досужее время онъ посѣщалъ церкви, особенно монастырь преп. Ефрема Новоторжскаго. Къ мощамъ этого святого онъ поставилъ себѣ за правило ходить ежедневно, и исполнялъ это во время своей жизни въ Торжкѣ.

Такъ какъ въ духовномъ училищѣ общежитія не было, то Матѳей помѣщался на одномъ изъ постоялыхъ дворовъ города. Когда въ этотъ дворъ собиралось много народа для ночлега, мальчикъ, выучивъ свой урокъ, отправлялся къ ночлежникамъ съ евангеліемъ или катихизисомъ и читалъ имъ эти книги. Ночлежники съ удовольствіемъ слушали усерднаго чтеца и такъ привыкли къ этому чтенію, что послѣ сами стали просить его почитать имъ. И даже въ селѣ, пріѣзжая на каникулы, онъ любилъ читать мужикамъ что-нибудь поучительное.

Перейдя изъ духовнаго училища въ Тверскую семинарію, Матѳей продолжалъ учиться съ тою же усидчивостью. Часто онъ цѣлыя ночи проводилъ за книгою безъ сна. Безъ дѣла же не сидѣлъ никогда. Окончивъ учебныя занятія, онъ съ жадностью принимался читать все, что было ему доступно. Любимымъ чтеніемъ его были творенія св. Василія Великаго и Іоанна Златоустаго. Читая, онъ дѣлалъ выписки изъ книгъ.

Счастливый характеръ его оставался прежнимъ. Какъ, учась въ училищѣ, онъ любилъ ходить въ монастырь преп. Ефрема Новоторжскаго, такъ теперь, изъ семинаріи, онъ усердно посѣщалъ Жолтиковъ монастырь. Въ Жолтиковской рощѣ, на берегу рѣки Тьмаки, онъ выбралъ себѣ уединенное мѣсто, куда часто уходилъ для молитвы и для оплакиванія своихъ грѣховъ. Охваченный весь думою о спасеніи своей души, онъ не разъ рѣшался изъ семинаріи удалиться куда нибудь въ уединеніе. Но всякій разъ возникало какое нибудь препятствіе. По окончаніи курса въ

семинаріи, въ немъ окончательно созрѣла мысль о монашествѣ. Но ему пришлось измѣнить это твердое рѣшеніе: его мать надѣялась, что онъ будетъ поддержкою въ ея сиротствѣ, и онъ ради нея навсегда отказался отъ любимой мечты.

Вскорѣ по окончаніи курса, Матѳей Александровичъ, 10 февраля 1814 года былъ рукоположенъ въ діаконы въ погостъ Осѣчно Вышневолоцкаго уѣзда. Семь лѣтъ провелъ онъ здѣсь и терпѣлъ все время крайнюю бѣдность. На его рукахъ были мать и двѣ малолѣтнія сестры. Всю домашнюю и полевую работу онъ долженъ былъ исполнять самъ, съ женою и матерью. Самъ воздѣлывалъ землю, косилъ траву. Только въ послѣдніе годы нѣсколько доброжелательныхъ крестьянъ ему помогали. За этихъ крестьянъ, какъ за своихъ благодѣтелей, онъ молился и тогда, и потомъ всю свою жизнь.

И тутъ, въ этой тяжкой работѣ, не покидалъ онъ своего любимаго занятія—чтенія. Когда онъ ѣхалъ въ поле на работу, бралъ съ собою книгу, *камень вѣры*, и читалъ ее въ часы, назначенные для отдыха. Дома же читалъ евангеліе или Четь-Минеи и взялъ привычку ежедневно прочитывать житія святыхъ, которыхъ въ тѣ дни празднуетъ Церковь. Его средства были очень скудны. Но просящій не отходилъ отъ него съ пустыми руками. Хижина его была бѣдна и мала, но въ ней предъ иконами неугасимо теплилась лампада, и странникъ всегда находилъ себѣ пріютъ.

Какъ ни тяжела была бѣдность, о. діаконъ однако не желалъ лучшаго мѣста и за все благодарилъ Бога. Домашніе не разъ умоляли его просить себѣ лучшее мѣсто, а онъ спокойно отвѣчалъ все одно: «Нужно ждать, когда и куда Богъ призоветъ». Домашніе возражали на это, а онъ отшучивался такими словами: «Богъ дастъ—и на печку подастъ». Это слово его сбылось буквально. Однажды, когда онъ былъ на печи, онъ получилъ отъ мѣстнаго архіепископа бумагу съ предложеніемъ ему священническаго мѣста въ селѣ Діевѣ.

Въ этомъ селѣ онъ прослужилъ 13 лѣтъ, и переведенъ затѣмъ, по неотступному ходатайству эськовскихъ крестьянъ въ село Эсько, гдѣ прослужилъ только три года съ небольшимъ.

Такъ какъ въ городѣ Ржевѣ усиливался расколъ, то для поддержанія православія нуженъ былъ тамъ особо ревностный священникъ, и въ 1836 г. о. Матѳей получилъ такое предложеніе отъ архіепископа:

«Отецъ Матѳей, я хочу перевести тебя въ городъ Ржевъ для дѣйствованія на раскольниковъ, и въ руководство для сего теперь же посылаю тебѣ три книжки. Бѣдности не увидишь, нападеній не бойся: аще Богъ по насъ, то кто на ны? Григорій Архіепископъ Тверской».

Прихожане и домашніе со слезами умоляли о. Матѳея отказаться, боясь ненависти раскольниковъ. Но о. Матѳей смѣло рѣшился идти туда, видя въ томъ волю Божію. Тогда прихожане отправили въ Тверь къ архіепископу выборныхъ, и они умоляли со слезами оставить его у нихъ. Ради пользы дѣла архіерей не могъ удовлетворить ихъ просьбу: 17 іюня 1836 г. о Матѳей былъ перемѣщенъ къ Спасопреображенской въ Ржевѣ церкви, а его мѣсто въ селѣ Эськѣ предоставлено другому, который женился на его дочери.

Трогательнымъ образомъ прощалось село съ любимымъ священникомъ: старики, молодые парни, взрослые мужики, дѣвушки, матери съ грудными младенцами пять верстъ провожали его, кланялись ему въ ноги, принимая его благословеніе: нѣкоторые провожали его до самаго Ржева.

Чрезъ 13 лѣтъ о. Матѳей былъ переведенъ въ томъ же Ржевѣ штатнымъ протоіереемъ Ржевскаго Успенскаго собора. Здѣсь онъ и прослужилъ послѣднія восемь лѣтъ своей жизни.

Такова простая и несложная внѣшняя жизнь отца Матѳея, бывшая поприщемъ многихъ духовныхъ добродѣтелей, о которыхъ и слѣдуетъ разсказать.

О. Матѳей былъ строгій постникъ. Онъ отказался вовсе

отъ мясной пищи съ принятіемъ діаконскаго сана. Рыбную употреблялъ онъ рѣдко, а въ среду и пятницу никогда. Посты соблюдалъ такъ, что первую недѣлю великаго поста, а иногда, сверхъ того, и вторую, ничего не ѣлъ. Никакого вина и напитковъ не пилъ онъ всю свою жизнь, и первыя десять лѣтъ во Ржевѣ не пилъ ничего кромѣ воды, въ послѣдніе же годы, въ видѣ подкрѣпительнаго лекарства, пилъ кофе. Но, постясь у себя дома, онъ предъ посторонними посѣтителями или въ гостяхъ, особенно когда въ немъ ожидали видѣть святого человѣка, нарочно отступалъ отъ своего обычая.

Вездѣ, гдѣ пришлось служить о. Матѳею, онъ проявлялъ великую ревность о благолѣпіи храмовъ.

Такъ, въ первомъ мѣстѣ его служенія, погостѣ Осѣчнѣ, очень плоха была колокольня. Онъ былъ тамъ не настоятелемъ, а лишь діакономъ; тѣмъ не менѣе сталъ внушать прихожанамъ, какъ грѣшно относиться равнодушно къ убожеству храмовъ, и что необходимо строить новую колокольню. Прихожане стали жертвовать кто что могъ. Одинъ генералъ почему-то отнесся недружелюбно къ этому дѣлу— не только самъ ничего не далъ, но и крестьянамъ своимъ запретилъ жертвовать. Тогда многіе изъ крѣпостныхъ этого генерала стали жертвовать тайно. Объ этомъ узналъ бывшій въ то время архіепископомъ Филаретъ (впослѣдствіи митрополитъ московскій) и устранилъ генерала отъ участія въ дѣлѣ, а діакона о. Матѳея назначилъ безъ его прошенія священникомъ въ село Діево. Здѣсь, какъ и въ Эськѣ, о. Матѳей много поработалъ надъ благоустройствомъ храмовъ: покрылъ стѣны живописью, завелъ хорошую ризницу. Въ еще большихъ размѣрахъ проявилъ онъ свою «ревность о домѣ Божіемъ» въ Ржевѣ. Онъ распространилъ и украсилъ Спасопреображенскую церковь, принялъ участіе въ построеніи Оковецкой (Предтеченской) церкви, причемъ ѣздилъ въ Москву для сбора, съ ничтожными средствами заложилъ Вознесенскую церковь на Преображенскомъ кладбищѣ, и довелъ до конца эту постройку, лучшую послѣ со-

бора изъ церквей Ржева, считающуюся красой города. Наконецъ, принявъ соборный храмъ малымъ, тѣснымъ, бѣднымъ, такимъ, что онъ безъ слезъ не могъ входить въ алтарь, онъ оставилъ его помѣстительнымъ, роскошно отдѣланнымъ, съ богатою утварью, и, истративъ на него до 40 тысячъ, не коснулся церковной суммы. Онъ помогалъ также бѣднымъ храмамъ православныхъ Восточныхъ Церквей, и одинъ изъ восточныхъ патріарховъ благодарилъ его «за усердное стараніе о пользахъ бѣдствующей патріархіи и за его сердечное участіе къ нуждамъ страждущей греческой братіи».

Украшая храмы, о. Матѳей заботился и о соблюденіи въ нихъ благочинія.

Очень его огорчало, когда въ храмѣ стояли неблаговѣйно, разговаривали и смѣялись. Особенно этимъ отличался одинъ именитый помѣщикъ, прихожанинъ Осѣченской церкви. Замѣтивъ однажды, что этотъ помѣщикъ во время литургіи разговариваетъ и смѣется, о. діаконъ Матѳей Александровичъ просилъ священника вразумить этого человѣка. Священникъ поручилъ это сдѣлать діакону, и діаконъ кротко, но сильно обличилъ помѣщика. Тотъ въ ярости поклялся выгнать діакона изъ Осѣчны и въ тотъ же день отправился съ жалобою на него къ митрополиту Филарету. Но то, что онъ говорилъ, чтобы очернить его—было только въ пользу діакона, напримѣръ: «діаконъ вопреки закону учитъ народъ ходитъ съ нимъ по деревнямъ и чѣмъ-то сумѣлъ привязать къ себѣ не только прихожанъ, но даже и весь причтъ, и самихъ священниковъ; распоряжается, какъ ему хочется, и всѣ его слушаются»... Не исполнивъ ходатайства жалобщика, архіепископъ Филаретъ затребовалъ отъ благочиннаго свѣдѣній о діаконѣ Константиновскомъ. По полученіи этихъ свѣдѣній, онъ предписалъ благочинному отправиться въ Осѣчну и въ присутствіи причта передать благословеніе отъ архіепископа за его примѣрную жизнь, а самъ архіепископъ въ словѣ, сказанномъ имъ Новоторжскому духовенству при

посѣщеніи Торжка, поставилъ діакона Константиновскаго въ образецъ всѣмъ.

Благоговѣйно почитая таинства, о. Матѳей, напримѣръ, если предстояло хоть бы вечеромъ крещеніе младенца, ничего не ѣлъ съ самаго утра. Онъ настаивалъ на крещеніи младенцевъ въ церкви.

О. Матѳей находилъ высочайшее утѣшеніе въ совершеніи Божественныхъ службъ. Тринадцать лѣтъ, проведенныхъ имъ въ Діевѣ, прошли почти въ непрерывномъ служеніи. Рѣдкій день онъ не совершалъ литургіи. Церковный причтъ сперва этимъ очень тяготился, не привыкши къ постояннымъ службамъ, а причетникъ часто бранилъ его въ лицо. Тогда о. Матѳей смиренно кланялся ему въ ноги, чтобъ выпросить у него прощенія.

Всѣ правила церковнаго устава онъ соблюдалъ строжайше, ничего не выпуская. Причетники и въ будни и за обѣдней должны были надѣвать стихари. Постороннихъ въ алтарь не пускалъ.

За 8 лѣтъ своей жизни въ Ржевѣ онъ не пропустилъ ни одной службы, ежедневно совершая литургію и вкушая Божественнаго тѣла и крови Господней, также по большей части совершалъ и прочія службы. Въ церковь онъ приходилъ первымъ и уходилъ послѣднимъ. Если звонарь опаздывалъ, о. Матѳей, не взирая на свой санъ и возрастъ, самъ начиналъ звонить до прихода звонаря. Иногда къ утренѣ или вечернѣ не являлось ни одного изъ двухъ причетниковъ, и тогда о. Матѳей дѣлалъ все самъ: и читалъ, и пѣлъ, и разводилъ кадило. Въ соборѣ онъ служилъ литургію всегда позднюю. Уходя въ церковь еще до утрени, онъ только къ полудню возвращался домой.

Даръ слова у о. Матѳея былъ необыкновенный. Рѣчь у него лилась рѣкой, и онъ могъ, увлекая слушателей, говорить нѣсколько часовъ: онъ былъ неистощимъ и не имѣлъ нужды въ утомительной подготовкѣ къ проповѣди. Онъ разомъ обнималъ представляющуюся ему тему и говорилъ, какъ бы велико ни было собраніе, чрезвычайно ясно, живо и увлекательно.

Ржевскій протоіерей о. Матѳей.

Обличеніе его пробуждало раскаяніе, угрозы наводили ужасъ, мольбы его растрогивали.

Еще будучи діакономъ, онъ просилъ у своего священника разрѣшенія ходить въ праздники по деревнямъ и говорить съ крестьянами о Законѣ Божіемъ. Сперва иногда выходили непріятности, потомъ же дѣло пошло чрезвычайно успѣшно, и священники, видя въ прихожанахъ своихъ перемѣну къ лучшему, стали просить его говорить проповѣди въ церкви.

Еще больше пришлось проповѣдывать въ Діевѣ, гдѣ было много весьма невѣжественныхъ кореловъ. Всякій праздникъ, всякій воскресный день, равно какъ при каждомъ подходящемъ случаѣ, будь то даже на улицѣ, онъ поучалъ народъ. Слушатели находились всегда подъ обаяніемъ его словъ. Тяжелые вздохи вырывались изъ груди, нѣкоторые плакали. Когда о. Матѳей пріѣзжалъ въ Бѣжецкъ, сказывать свою очередную проповѣдь — бо̀льшая часть города сбѣгалась его слушать.

Онъ училъ всюду: входилъ для того въ дома, по апостолу—«училъ въ церкви и по домамъ, обще всѣхъ и каждаго, благовременно и безвременно». Предъ совершеніемъ таинствъ объяснялъ народу ихъ значеніе; исполняя требы, поминая усопшихъ, соборуя, причащая умирающихъ—говорилъ поученія. Кореловъ взрослыхъ и дѣтей онъ училъ молитвѣ Господней, Богородице Дѣво, радуйся, Символу вѣры, заповѣдямъ. Онъ достигъ такого довѣрія къ себѣ со стороны своихъ духовныхъ дѣтей, что всѣ они спѣшили къ нему со своимъ горемъ, недоумѣніемъ. Въ Діевѣ, о которомъ о. Матѳей всегда съ удовольствіемъ вспоминалъ, была у цѣлаго стада одна душа.

По ночамъ на воскресенье и праздники особо ревностные прихожане собирались въ церковь, гдѣ о. Матѳей велъ съ ними духовную бесѣду, пѣлъ акаѳисты Богоматери и Христу.

Въ Эськѣ собирались къ нему на домъ. Несмотря на помѣстительность его, было тѣсно, и лѣтомъ приходилось

многимъ слушать его съ улицы. Онъ объяснялъ законъ Божій, училъ доброй жизни, потомъ для разнообразія начиналъ пѣть псалмы и духовныя пѣсни. Бывавшіе тутъ разсказывали потомъ то, что слышали отъ него своимъ домашнимъ, и въ шумномъ селѣ рѣже раздавались соблазнительныя пѣсни. Ихъ смѣнили церковные напѣвы, и даже дѣти вмѣсто игръ пѣли: Царю Небесный, Святый Боже, Богородице Дѣво, радуйся.

Неутомимо проповѣдывалъ онъ и во Ржевѣ. Ни одного праздника и воскреснаго дня онъ не оставлялъ безъ проповѣди. Многіе, придя слушать его лишь изъ любопытства, незамѣтно для себя начинали мѣняться къ лучшему и возвращались съ благочестивыми чувствами. Иногда нѣкоторые вступали съ нимъ въ споры, но сознавали послѣ недолгой бесѣды свои заблужденія и становились весьма къ нему приверженны.

Въ Ржевѣ имъ особенно дорожили дворяне, такъ что нѣкоторые изъ нихъ изъ своихъ имѣній нарочно переселялись во Ржевъ, чтобъ постоянно пользоваться его руководствомъ. Во всѣхъ скорбяхъ у него находили утѣшеніе, въ недоумѣніяхъ совѣтъ.

Больше всего работалъ онъ надъ вразумленіемъ раскольниковъ. Первые два года онъ ходилъ по ихъ домамъ, ясно доказывалъ имъ всѣ ихъ заблужденія. Вообще потрудился надъ ними всѣ двадцать лѣтъ. Но нужно сказать, что полнаго успѣха на этой нивѣ онъ не имѣлъ. Многіе раскольники, убѣдясь въ своемъ безсиліи предъ нимъ, избѣгали говорить съ нимъ и на его слова лишь молчали. Они старались удалить его изъ Ржева. Отъ нихъ онъ перенесъ очень много, но молча, безъ ропота, вытерпѣлъ всѣ ихъ оскорбленія. Впрочемъ, его стараніемъ два раскольничьихъ молитвенныхъ дома обращены въ единовѣрческія церкви, многія лица присоединились къ православію, еще болѣе къ единовѣрчеству. Но обратить всѣхъ раскольниковъ о. Матѳей не могъ.

Среди добродѣтелей о. Матѳея сіяло милосердіе, величайшая христіанская добродѣтель.

Онъ всѣмъ дѣлился съ неимущими. Въ воскресенья и праздники онъ собиралъ къ себѣ въ домъ бѣдныхъ и нищихъ, съ ними обѣдалъ, часто самъ прислуживалъ у стола. Всѣхъ странниковъ, приходившихъ къ нему, онъ принималъ къ себѣ, какъ братью во Христѣ, какъ бы ни было у него тѣсно, въ какихъ бы тяжелыхъ обстоятельствахъ онъ ни находился.

Переведенный въ Ржевъ, онъ занялъ скромную квартиру и, забывая нужды свои и своей семьи, раздавалъ и деньгами и хлѣбомъ до крайней возможности. И Господь помогалъ ему настолько, что никогда его семейство или принятые имъ странники не оставались голодными. Часто Господь испытывалъ его вѣру, доводилъ его какъ бы нарочно до послѣдней степени скудости, и когда въ подобныхъ обстоятельствахъ о. Матѳей проявлялъ свою непоколебимость своей вѣры, Господь облегчалъ его. Въ такія минуты онъ получалъ внезапную помощь отъ разныхъ сочувствующихъ ему лицъ, изъ которыхъ иныхъ онъ вовсе не зналъ, какъ и они знали его только по наслышкѣ.

У него не было во Ржевѣ своего дома и онъ шесть лѣтъ прожилъ на квартирѣ. Его почитатели собрали деньги на покупку дома, которыя ему и вручили. Но чрезъ нѣсколько дней о. Матѳеемъ всѣ эти деньги были уже розданы бѣднымъ. Была произведена вторичная складчина, но деньги отданы не самому о. Матѳею, а его женѣ, и домъ былъ купленъ. Во Ржевѣ всѣ странники и богомольцы шли прямо къ о. Матѳею; ихъ число доходило иногда до 40 въ день.

Когда о. Матѳей былъ переведенъ въ соборъ, Ржевскій помѣщикъ Демьяновъ сталъ доставлять все необходимое и для него съ семействомъ и для всѣхъ странниковъ. Тогда милосердіе его еще увеличилось. Онъ раздавалъ и хлѣбъ, и одежду и все, что могъ. Особенно старался онъ помогать заключеннымъ въ тюрьму за неуплату долговъ по бѣдности. Онъ, если не хватало своихъ денегъ, бралъ для этого взаймы у другихъ.

Весь нижній этажъ дома, когда онъ сталъ служить въ соборѣ, былъ отведенъ подъ странниковъ, которые получали здѣсь столъ и все нужное. Нѣкоторымъ онъ давалъ деньги на дорогу, душеполезныя книжки. Кромѣ прохожихъ странниковъ, къ нему приходили издалека также и лишь для того, чтобы видѣть его самого.

Вообще, какъ правильно было сказано въ надгробномъ словѣ по немъ — домъ его напоминалъ ту евангельскую Виѳезду, гдѣ «слежаше множество болящихъ, хромыхъ, слѣпыхъ, сухихъ, чающихъ движенія воды».

Много бѣдъ пришлось въ жизни своей вынести о. Матѳею, и вынесъ онъ всѣ ихъ безъ ропота.

Когда онъ служилъ въ Эськѣ, нѣкоторыя возненавидѣвшія его лица подали на него доносъ, что онъ распространяетъ ереси, собирая у себя народъ, и укрываетъ бѣглыхъ подъ видомъ страннопріимства. Назначено было слѣдствіе; кромѣ того, архіепископъ вызывалъ о. Матѳея къ себѣ и убѣдился въ его невиновности. Пока дѣло шло, и прихожане неоднократно просили его дозволить имъ ходатайствовать за него предъ архіереемъ и объяснить ему все, онъ рѣшительно запретилъ это и увѣрялъ, что Богъ самъ, ими же вѣсть судьбами, оправдаетъ его. Состоя подъ судомъ, при угрозахъ ссылки и наказанія, онъ радовался, что терпитъ за Христа и жалѣлъ лишь своихъ клеветниковъ.

Тяжелымъ испытаніемъ для него былъ также пожаръ его дома. Сгорѣло все до тла, и его библіотека съ лучшими книгами духовнаго содержанія. Когда онъ вбѣжалъ изъ церкви въ домъ, уже объятый со всѣхъ сторонъ огнемъ, и его спросили, что нужно выносить, онъ отвѣчалъ: «други мои, спасайте святыя иконы». И это одно только и было спасено. Сорокъ лѣтъ служилъ о. Матѳей бѣднымъ, а теперь оставался безъ крова и одежды, безъ всякаго имущества. Два часа сидѣлъ онъ, окруженный семействомъ предъ бушевавшимъ пожаромъ, прося Бога дать ему на эту ночь пріютъ, какъ одному изъ странниковъ, которыхъ

онъ раньше принималъ. Тутъ же семья Воейковыхъ предложила ему свою квартиру.

Когда все сгорѣло, о. Матѳей отъ груды кирпичей, оставшейся вмѣсто его дома, отправился съ семьею въ эту квартиру. Отъ полноты сердца онъ благодарилъ Бога, называлъ это «посѣщеніе» великою милостью Божіею, которую нельзя купить и за большія деньги.

Послѣ этого испытанія Господь и утѣшилъ Своего служителя: дворянство и купечество купили ему новый домъ.

Какъ свѣтелъ былъ домашній, внутренній бытъ о. Матѳея!

Дѣлая добро, онъ старался, чтобъ даже домашніе не видали этого. Если случалось, что дѣти заставали его плачущимъ на ночной молитвѣ или дающимъ большую сумму бѣдному—онъ просилъ, чтобъ они никому не разсказывали о томъ. Одинъ Ржевскій прикащикъ промоталъ хозяйскія деньги и рѣшился утопиться. О. Матѳей далъ ему 500 руб., но просилъ молчать. Съ бѣдными о. Матѳей дѣлился послѣднимъ. Разъ зимою нищій просилъ у него теплый подрясникъ. Не имѣя ничего другого, о. Матѳей далъ ему свой теплый подрясникъ и шапку. Его мать стала упрекать его за это. Упавъ ей въ ноги, онъ со слезами сказалъ: «Прости меня, матушка. Во всемъ я готовъ тебя слушать, а въ этомъ самъ Богъ не велѣлъ мнѣ тебя слушать». Денегъ о. Матѳей никогда не откладывалъ, а носилъ ихъ всегда съ собой, для раздачи.

Любовь о. Матѳея ясно выражалась въ томъ, какъ онъ исполнялъ заповѣдь о неосужденіи. Онъ считалъ осужденіе однимъ изъ наиболѣе тяжкихъ грѣховъ и называлъ его дерзкимъ присвоеніемъ права Творца. Въ ближнемъ онъ искалъ не недостатковъ, а добрыхъ качествъ. Слово осужденія ни разу не сорвалось съ его устъ.

Молитва Іисусова была всегда на его устахъ, и когда онъ былъ одинъ и при постороннихъ.

Онъ былъ привѣтливъ и равенъ со всѣми, ненавидѣлъ лесть и униженіе. Былъ прекраснымъ семьяниномъ; ничего не дѣлалъ важнаго безъ совѣта съ матерью. Самъ живой,

остроумный — эти свойства старался онъ развить и въ своихъ дѣтяхъ, задавая имъ вопросы, требовавшіе смѣтливости. Дѣтямъ не позволялъ сидѣть безъ дѣла, носить щегольскую одежду, не терпѣлъ въ своемъ домѣ мірскихъ развлеченій. Часто въ зимніе вечера, усадивъ семью за работу, онъ читалъ имъ вслухъ Евангеліе или Четью-Минею.

День его проходилъ такъ.

Вставъ въ 3 часа, шелъ служить утреню; изъ церкви возвращался, отслуживъ литургію, въ 10, 11 или 12 часовъ. Тутъ онъ, если не было посѣтителей, засыпалъ на нѣсколько минутъ. Черезъ часъ послѣ литургіи скромный обѣдъ, потомъ чтеніе книгъ или иное занятіе, затѣмъ вечерня. Вечеромъ снова чтеніе или занятіе съ посѣтителями, домашними, въ 6 часовъ легкая закуска, въ 9—молитва, въ 10 ложился, въ 12 просыпался и опять становился на молитву, потомъ спалъ до 3-хъ.

Свѣтла была его жизнь, а находились люди, называвшіе его фанатикомъ, святошею, лицемѣромъ.

Въ 1853 году, въ ноябрѣ, о. Матѳей былъ вызванъ въ Петербургъ, для совѣщанія о воздѣйствіи на раскольниковъ. Его упросила остановиться въ его домѣ извѣстная ревнительница православія, Т. Б. Потемкина. По строгости жизни и мудрости о. Матѳей сталъ очень извѣстенъ въ Петербургѣ, и къ нему стекалось много народа. Почти ежедневно онъ служилъ.

11 марта 1854 г. онъ подалъ въ Св. Синодъ прошеніе, разрѣшить ему отправиться на похороны жены. А никакихъ извѣстій о безнадежномъ состояніи ея онъ не получалъ, хотя зналъ, что она больна. 13 марта онъ совершалъ литургію, а предъ вечерней запѣлъ панихиду, поминая новопреставленную Марію, и 14 поѣхалъ во Ржевъ. Между тѣмъ жена его тихо, неожиданно для всѣхъ, скончалась въ то время, когда о. Матѳей сталъ служить панихиду. Посланный въ Петербургъ съ вѣстью нарочный уже не засталъ его.

Въ апрѣлѣ о. Матѳей вернулся въ Петербургъ и про-

жилъ тамъ до іюня, до окончанія совѣщаній. Но память о немъ осталась въ столицѣ жива во всѣхъ, кто съ нимъ встрѣчался. Здѣсь онъ не измѣнилъ правилъ своей простой, трудовой жизни. Знали его и въ Москвѣ. Такъ, знаменитый писатель Гоголь очень дорожилъ знакомствомъ съ нимъ и велъ съ нимъ переписку.

Съ осени 1856 г. о. Матѳей сталъ видимо слабѣть.

Его мучило удушье, но онъ преодолѣвалъ страданія, ежедневно служилъ, проповѣдывалъ, хлопоталъ за бѣдныхъ, украшалъ соборъ. По просьбѣ нѣсколькихъ невинно преданныхъ суду ржевцевъ, онъ ѣздилъ въ Петербургъ для выясненія дѣла и дорóгой нѣсколько разъ былъ близокъ къ смерти. Съ наступленіемъ зимы появилась сильная опухоль ногъ и усилилось удушье. Несмотря на мольбы родныхъ, онъ все служилъ. Послѣдній годъ жизни онъ не могъ уже, даже и ночью, ложиться. И въ этомъ болѣзненномъ состояніи онъ усугубилъ строгость жизни; изнуренный постомъ, уставъ отъ богослуженія, отъ долгой домашней молитвы, не въ силахъ уже спать — онъ все исполнялъ свой долгъ. Отправляясь въ церковь, онъ былъ такъ слабъ, что говорилъ: «не знаю, приведетъ ли Господь сегодня отслужить, доживу ли до вечера». 28 декабря онъ чуть не умеръ, служа утреню, и послалъ тотчасъ за духовникомъ, чтобъ готовиться къ смерти, но остался живъ.

Въ началѣ 1857 г. окончательно выяснилась болѣзнь— водянка. Насталъ великій постъ; онъ ежедневно служилъ и проповѣдывалъ. Первымъ приходилъ онъ къ утренѣ, замирающимъ голосомъ начиналъ службу; ходя по церкви, шатался, но къ концу дѣлался крѣпче, а во время литургіи трудно было думать, что служитъ умирающій. И всякую литургію онъ говорилъ слово—въ духѣ кроткомъ, увѣщательномъ, какъ завѣщаніе отходящаго отца дѣтямъ. Въ субботу третьей недѣли, 9 марта, онъ въ послѣдній разъ пришелъ въ устроенный имъ соборъ, говорилъ слово, но выйти изъ собора не могъ и былъ вынесенъ на рукахъ.

Теперь онъ сталъ готовиться къ смерти. 12 марта

исповѣдывался, пріобщался, соборовался. Съ этого дня до смерти онъ не принималъ никакой пищи. Въ день смерти, 14 апрѣля, въ Ѳомино воскресенье, онъ передалъ зятю свои послѣдніе полтораста рублей, присланные ему къ Пасхѣ, чтобъ на нихъ оштукатурить выстроенный имъ теплый соборъ. Въ шесть часовъ вечера онъ исповѣдывался, пересказалъ всѣ грѣхи, сдѣланные имъ съ дѣтства, самъ пріобщился, потомъ молился одинъ до 10-го часа. Тогда онъ легъ, въ первый разъ за всю длинную болѣзнь; глаза его были обращены къ иконамъ. Потомъ онъ оправился, и въ 10$^1/_2$ часовъ вздохнулъ въ послѣдній разъ.

20-го его хоронили, — по просьбѣ гражданъ, — въ соборѣ, какъ храмоздателя. Стеченіе народа было громадное; много было пріѣзжихъ издалека. Послѣ отпѣванія тѣло въ предшествіи святыхъ иконъ было обнесено кругомъ храма. Когда подняли гробъ, раздалось громкое рыданіе народа, заглушая пѣніе.

О. Матѳей положенъ въ правой сторонѣ холоднаго собора въ придѣлѣ святителя Арсенія.

Кончина о. Матѳея сопровождалась разными необыкновенными явленіями.

Въ день и часъ смерти его жившіе въ Твери дочь и сынъ о. Матѳея были во снѣ извѣщены о кончинѣ отца. Утромъ братъ разсказывалъ объ этомъ сестрѣ, а сестра брату. Вечеромъ они получили подтвержденіе этой вѣсти.

14-го апрѣля одна ржевская жительница, Спиридонова, услыхала ночью унылый звонъ колокола. Понявъ, что скончался о. Матѳей, она сейчасъ же, взявъ требникъ, прочла послѣдованіе на исходъ души изъ тѣла. Во снѣ ей явился о. Матѳей, благословилъ и сказалъ: «благодарю!»

На четвертый день по его кончинѣ сынъ о. Матѳея, священникъ Тверской церкви Живоноснаго Источника въ состояніи среднемъ между сномъ и бодрствованіемъ получилъ отъ отца извѣщеніе о его загробной участи. Между прочимъ, о. Матѳей сказалъ: «Человѣкъ, облеченный плотію, не можетъ вмѣстить той славы, которую Богъ уготовалъ любящимъ Его».

Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ по кончинѣ о. Матѳея его видѣлъ замѣчательнымъ образомъ священникъ погоста Итомли Ржевскаго уѣзда, о. Іоаннъ Итомлинскій, хорошо знавшій его. Священникъ этотъ однажды вечеромъ думалъ о томъ, награжденъ ли о. Матѳей за свою святую жизнь. И вдругъ его открытымъ глазамъ представился великолѣпный престолъ. Передъ престоломъ стоялъ священникъ въ бѣлыхъ ризахъ, лицо котораго было обращено въ противоположную сторону... Когда о. Итомлинскій повернулся такъ, чтобъ разсмотрѣть это лицо, онъ, къ своему величайшему удивленію, увидалъ о. Матѳея Ржевскаго. Онъ хотѣлъ позвать жену, чтобъ показать ей, что онъ видитъ. Но его дыханіе стѣснилось, онъ не могъ произнести ни слова. — А въ это время свѣтъ сталъ исчезать, алтарь какъ будто свивался, и вскорѣ въ домѣ воцарилась прежняя темнота.

Въ іюлѣ 1858 г. о. Матѳей явился одной жившей въ Ржевѣ женщинѣ, которая была долгое время одержима истеріей, причемъ ей не помогало никакое лѣченіе. О. Матѳей сказалъ ей, чтобъ она ежедневно читала канонъ сладчайшему Іисусу. Съ радостью приняла больная этотъ совѣтъ; съ тѣхъ поръ болѣзнь ея прекратилась.

Мало событій описано здѣсь. — Большая книга, и не безъ назиданія, составилась бы, говорилъ о. Матѳей, еслибъ подробно описать его жизнь.

Но изъ этого краткаго описанія не выступаетъ ли величавый образъ ревностнаго, дивнаго пастыря, которымъ можетъ гордиться и Россія и, ближайшимъ образомъ, выставившая этого свѣтильника вѣры — древняя Тверская епархія?

Священникъ Петръ (города Углича).

Отецъ Петръ родился въ 1782 г., въ семьѣ причетника Якимовскаго погоста, Угличскаго уѣзда. Воспитаніе онъ получилъ въ Ярославской семинаріи, и въ 1807 г. рукоположенъ священникомъ во Входо-Іерусалимскую церковь близъ Углича.

Въ 1812 г., совершая литургію, о. Петръ былъ испуганъ ложною вѣстью о приближеніи къ Угличу французовъ и съ нимъ начались припадки падучей болѣзни.

Около года пролѣчился онъ отъ этой болѣзни въ Ярославлѣ.

Въ началѣ 1814 г. онъ снова заболѣлъ, и его помѣстили въ домъ умалишенныхъ въ Ярославлѣ, а когда онъ вернулся въ томъ же году домой, его отставили вслѣдствіе болѣзни отъ должности священника и отобрали священническую грамату.

Но именно съ этого времени начинается извѣстность его, какъ подвижника терпѣнія и прозорливаго.

Онъ зналъ, что у каждаго на сердцѣ, и къ нему за совѣтомъ стекалось множество посѣтителей.

Болѣзнь все продолжалась, средствъ на лѣченіе не было, и съ согласія его жены, отецъ его задумалъ отправить его въ Ярославскую градскую больницу.

Долго не соглашался на это о. Петръ, но дѣло получило неожиданный оборотъ.

Полицейскій чиновникъ, таившій месть на о. Петра, который разъ обличилъ его, поймалъ его на дорогѣ, привелъ въ полицейскій домъ и жестоко наказалъ розгами.

По утру этого дня, о. Петръ, поднявшись отъ сна, сказалъ своей женѣ: «Ксенія Ивановна, какая нынѣ баня мнѣ будетъ славная!» А, когда она ему возразила: «Что ты, батька, давно-ли парился?» — онъ подтвердилъ: «Жаркая будетъ баня!»

Граждане угличскіе сочли себя жестоко оскорбленными этимъ поступкомъ съ о. Петромъ. Они начали дѣло. Назначено было по Высочайшему повелѣнію слѣдствіе. Противъ воли о. Петръ былъ вызванъ въ Ярославль для дачи показаній. Но онъ ничего не отвѣчалъ на предложенные вопросы, только пропѣлъ тропарь Преображенію Господню.

Затѣмъ о. Петръ былъ оставленъ въ Ярославлѣ для освидѣтельствованія его болѣзни и опять помѣщенъ въ домъ умалишенныхъ. Обращались здѣсь съ нимъ жестоко.

Наконецъ, по ходатайству родственниковъ и при помощи расположенныхъ къ о. Петру угличскихъ гражданъ, было получено разрѣшеніе начальства водворить его на родину. Онъ оставался здѣсь до конца жизни.

Слава о его прозорливости и мудрости духовной все распространялась, и къ нему шло множество посѣтителей изъ самыхъ разнородныхъ слоевъ общества.

Иногда приходили къ нему съ дурными намѣреніями и ради празднаго любопытства вызывали его на споръ, смѣялись надъ нимъ.

Онъ или молчалъ или обличалъ ихъ, высказывая ихъ тайныя дурныя дѣла, намѣренія и мысли. Когда эти обличенія не вызывали въ посѣтителяхъ раскаянія, онъ начиналъ кричать, рвать на себѣ волосы, раздирать рубашку. Иногда, предсказывая пожаръ, онъ бѣгалъ полуобнаженнымъ по тѣмъ улицамъ, гдѣ будетъ пожаръ. За это полиція его преслѣдовала.

Чтобы удержать его отъ такихъ поступковъ, вредныхъ для его здоровья и навлекавшихъ на него месть обличаемыхъ, родные въ теченіе 15 лѣтъ приковывали его къ стѣнѣ, чему онъ не противился.

Иногда онъ даже самъ, чувствуя сильное душевное волненіе, просилъ домашнихъ связать себя или самъ приковывалъ себя къ стѣнѣ.

Съ людьми, относившимися къ нему искренно, о. Петръ обращался ласково и предупредительно; предваряя ихъ вопросы, предсказывалъ имъ успѣхи или неудачи въ ихъ дѣлахъ, давалъ имъ духовные совѣты и наставленія.

Къ тѣмъ, кто ѣхалъ издалека, онъ выходилъ далеко на встрѣчу, прежде чѣмъ его о нихъ предваряли, объявлялъ имъ, зачѣмъ они пріѣхали, и давалъ имъ нужный совѣтъ или предостереженіе.

Иногда предъ посѣтителями онъ говорилъ, не обращаясь ни къ кому лично, а точно къ постороннему, ему одному видимому лицу.

Слушатели ловили въ его рѣчахъ то, что относилось

къ нимъ, изумлялись его прозорливости. Не одними словами, но и знаками онъ вразумлялъ приходящихъ, возлагая разныя послушанія. Такъ, одного о. Петръ посылалъ въ кузницу сковать вещь, кому принести что-нибудь съ недалекаго берега Волги. Иныхъ заставлялъ при себѣ читать, пѣть, писать, или давалъ какія нибудь маленькія работы, всѣ имѣвшія назидательное значеніе.

Самъ онъ любилъ выдѣлывать разныя вещи изъ дерева, камня и желѣза и раздавалъ ихъ посѣтителямъ вмѣсто отвѣтовъ на вопросы и недоумѣнія.

Съ достойнѣйшими о. Петръ любилъ пѣть церковныя пѣсни, особенно-же «*О Тебѣ радуется, Благодатная, всякая тварь*».

Когда посѣтители приносили о. Петру деньги и вещи, нужныя въ хозяйствѣ, онъ предугадывалъ, кто принесъ къ нему съ усердіемъ и пріобрѣтенное честнымъ трудомъ. Иначе онъ совсѣмъ не принималъ ихъ и даже цѣнныя вещи бросалъ въ печь.

Онъ обличалъ въ недобросовѣстности людей, которымъ было поручено передать ему вещи и которые или утаивали ихъ у себя или приносили изъ дому только часть ихъ.

Все получаемое о. Петръ раздавалъ бѣднымъ, а остатки лишь домашнимъ, которые его на это и содержали.

Жизнь о. Петръ всегда велъ суровую, спалъ не на кровати, а на простой лавкѣ, подкладывая себѣ подъ голову кирпичъ. Чтобъ лишить чай пріятнаго вкуса, клалъ въ чашку прядь льна.

На 85-мъ году закончилась подвижническая и многострадальная жизнь о. Петра Алексѣевича Томаницкаго.

Онъ скончался въ началѣ сентября 1866 года, напутствованный Св. Тайнами. У гроба служились по желанію гражданъ непрерывныя панихиды, при самомъ многолюдномъ стеченіи народа. Для погребенія тѣло привезено было, какъ то завѣщалъ покойный, въ Рыбинскъ, въ женскій Софійскій монастырь. Этотъ монастырь былъ устроенъ по предсказанію, наставленію и благословенію о. Петра.

Погребальное шествіе было торжественно встрѣчено за заставою крестнымъ ходомъ.

Въ день погребенія знаменитый проповѣдникъ о. Родіонъ Путятинъ произнесъ слѣдующее слово:

«Вмѣсто послѣдняго цѣлованія, пріидите, братіе и сестры, отдадимъ нашъ поклонъ умершему отцу Петру и помолимся о упокоеніи души его.

«Рѣдкіе изъ людей пользуются такимъ почтеніемъ, какимъ пользовался покойный о. Петръ, котораго гробъ теперь передъ нами, — очень рѣдкіе.

«Въ послѣднія сорокъ лѣтъ девяностолѣтней его жизни, у него, можетъ быть, до сотни тысячъ перебывало народа — людей всякаго званія, состоянія, образованія. И приходили къ нему не близкіе только, но и изъ дальнихъ мѣстъ, и приходили не за совѣтомъ только и наставленіемъ, а просто такъ—только взглянуть на него, только посидѣть у него, поклониться ему, получить благословеніе отъ него.

«А какое къ нему почтеніе, теперь умершему. Какъ святыню встрѣтили здѣсь его гробъ, и какъ отца своего родного стеклись всѣ проводить его въ могилу.

«Чѣмъ заслужилъ онъ такое почтеніе? Что заставляло всѣхъ особенно прибѣгать къ нему за совѣтами, за наставленіями, за утѣшеніями? Думаю, тѣмъ, что онъ былъ человѣкомъ большого ума, далеко видѣлъ, былъ прозорливъ. Да, онъ былъ одаренъ прозорливостью, дальнозоркостью. Онъ зналъ, что кому сказать, какъ сказать; зналъ, кого къ себѣ принять, кому отказать, зналъ, когда передъ кѣмъ ему молчать, когда передъ кѣмъ ему говорить. И потому-то онъ и молчаніемъ своимъ говорилъ поученіе и отказомъ своимъ давалъ вразумленіе.

«При такой прозорливости, дальновидности, онъ всегда можно сказать, днемъ и ночью, имѣлъ въ мысляхъ одно: что одно? — Чтобы всякаго приходящаго чему нибудь научить, чѣмъ нибудь вразумить, какъ нибудь и чѣмъ нибудь утѣшить, успокоить. Отъ того-то онъ мало говорилъ, а больше молчалъ, слушая и обдумывая. Дальновидныхъ

людей на свѣтѣ не мало, но тѣ далековидящіе смотрятъ вдаль для того, чтобы какъ нибудь поскорѣе, прежде другихъ что добыть, получить для себя, чѣмъ воспользоваться, завладѣть. А покойный о. Петръ, забывая себя и свое, зорко всматривался во все, внимательно вслушивался всегда—для того только, чтобы другимъ понужнѣе, полезнѣе что сказать, другихъ повѣрнѣе какъ вразумить, наставить, поскорѣе утѣшить, получше успокоить. Да, своимъ забвеніемъ самого себя для другихъ, своею небрежностью къ самому себѣ ради ближнихъ, — вотъ, чѣмъ онъ, при своей дальновидности, всѣхъ къ себѣ располагалъ, всѣхъ привлекалъ, вѣрить въ себя заставлялъ.

«Слушатели христіане! Многіе изъ васъ ходили къ о. Петру въ его домъ, въ его келлію. Ходите сюда на его могилу, молитесь здѣсь, молитесь объ упокоеніи души его, и Господь за вашу молитву объ упокоеніи души его будетъ васъ успокаивать, утѣшать, вразумлять, наставлять, какъ онъ успокаивалъ, вразумлялъ и наставлялъ васъ въ домѣ, въ келліи его.

«Такъ поминайте іерея Петра, и ради него Господь помянетъ васъ. Аминь».

Вотъ нѣсколько случаевъ прозорливости о. Петра:

Когда онъ содержался въ Ярославлѣ въ домѣ умалишенныхъ на испытаніи, одна угличская мѣщанка, пришедшая навѣстить его, сказала ему: «Въ какой вы неволѣ здѣсь, батюшка! Что досталось на вашу долю!» На это о. Петръ закричалъ ей: «Не тужи сова о совѣ, а тужи сама о себѣ; нечего меня жалѣть, сама сюда попадешь».

Посѣтительница подумала, что о. Петръ не въ своемъ умѣ и потому говоритъ такъ. Но чрезъ нѣсколько лѣтъ отъ тифозной горячки она впала въ нервную болѣзнь съ буйствомъ, и четыре мѣсяца ее лѣчили въ этой больницѣ.

Однажды жена о. Петра, Ксенія Ивановна, собралась въ Угличъ, отстоящій въ верстѣ отъ Іерусалимской слободы, гдѣ они жили. О. Петръ сказалъ ей: «Не ходила-бы нынче въ городъ, неравно пожаръ будетъ».

Не обративъ вниманія на эти слова, она ушла, но, дойдя ужъ до городского рынка, почувствовала тоску. Вспомнились ей тутъ слова о. Петра о пожарѣ и она поспѣшно вернулась домой. Между тѣмъ въ ея отсутствіе, въ комнату, гдѣ находился о. Петръ, входила дѣвочка-сосѣдка и слышала, какъ онъ произнесъ: «Еще не загорѣлось, а скоро загорится». Въ тотъ-же часъ занялся пожаръ въ сосѣднемъ домѣ. Затѣмъ пламя бросилось на домъ о. Петра. О. Петръ былъ въ это время прикованъ цѣпью къ стѣнѣ, ему угрожала опасность сгорѣть; но вернувшаяся изъ города жена его успѣла указать ему чрезъ окно ключъ отъ замка, который замыкалъ цѣпь.

Андрей, юродствовавшій въ городѣ Мещовскѣ.

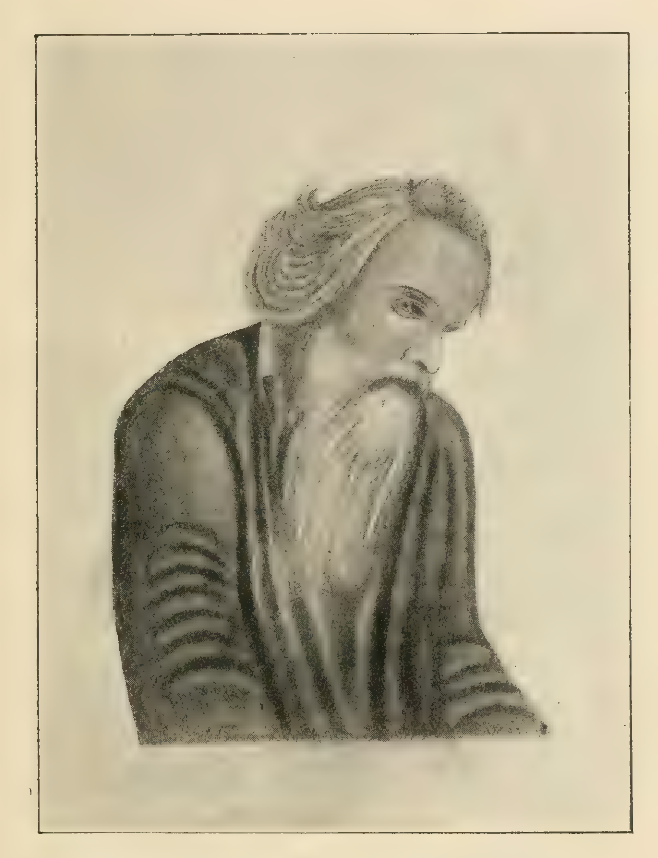
Юродивый Андрей родился въ 1744 г. въ деревнѣ Овсянниковой, въ приходѣ села Клѣтина, Мещовскаго уѣзда, въ благочестивой семьѣ. Отецъ его умеръ рано, и онъ жилъ съ матерью и вотчимомъ. Онъ съ дѣтства былъ сосредоточенъ въ себѣ и все обособлялся.

Придя въ возрастъ, Андрей началъ ходить почти голый, съ кнутикомъ и топорикомъ, который онъ носилъ на лѣвомъ плечѣ, держа рукоятку правою рукою.

Одежду, которую на него одѣвали, онъ рвалъ. Разговаривая о чемъ нибудь хорошемъ, Андрей пріятно улыбался, а при бранныхъ словахъ уходилъ. Онъ большею частію сидѣлъ или лежалъ на печи, перебирая положенныя на ней дрова. Спалъ на печи, самой горячей, безъ подстилки и подъ голову всегда клалъ свой топорикъ.

Много онъ молился, особенно ночью. Лѣтомъ, когда послѣ работъ всѣ ложились, онъ потихоньку пробирался въ садъ и звалъ Бога, осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ. Слово его молитвы было немногосложно. Смотря на небо, поднявъ вверхъ руки, онъ произносилъ только «Господи!»

Когда Андрей ходилъ по деревнямъ, его обижали



Священникъ Петръ (города Углича).

крестьяне и дѣти. Ребятишки толпою гнались за нимъ съ крикомъ «Андрей топора!» швыряли въ него каменья, которые иногда ранили ему голову. Но онъ все терпѣлъ спокойно.

Иногда Андрей ударялъ себя сильно въ грудь, или бился затылкомъ о стѣну такъ, что удары слышны были на улицѣ, но этимъ онъ не дѣлалъ себѣ вреда.

Пока одни смѣялись надъ нимъ, другіе стали уважать его, замѣчая въ немъ прозорливость.

Пришелъ какъ-то Андрей въ сосѣднюю деревню Староселье во время посѣва ржи. Одинъ мужикъ, издѣваясь надъ нимъ, просилъ его посѣять ему ржи. Бросая сѣмена, Андрей произносилъ: «пропало, замерло!»

На этомъ полѣ не выросло ни одного колоса. А когда Андрей обсѣялъ поле другому крестьянину, который вѣрилъ, что Андрей угоденъ Богу—у него уродился, никогда имъ не виданный, урожай.

Когда Андрею исполнилось 35 лѣтъ, онъ захотѣлъ жить въ Мещовскѣ и, указывая въ сторону города, говорилъ: «отвезите меня туда!»

Когда его привезли въ городъ, онъ подошелъ къ дому мѣщанской вдовы Суховой и остановился тутъ, прислонившись къ стѣнѣ и какъ бы задумавшись. Мать этой вдовы позвала его къ себѣ, уложила ночевать, и Андрей сталъ постоянно жить у нея.

Въ городѣ Андрей продолжалъ ходить неодѣтымъ и съ топорикомъ. Сколько ни жертвовали ему рубашекъ, онъ отдавалъ ихъ нищимъ. Лѣтомъ и зимой онъ на нѣсколько часовъ уходилъ изъ города. Снѣгъ и морозъ ему не вредили.

Однажды въ сильный холодъ одинъ человѣкъ отказалъ Андрею въ ночлегѣ, но потомъ пожалѣлъ его и вышелъ его искать. Онъ нашелъ Андрея лежащимъ на снѣгу, изъ котораго выходилъ сильный паръ, и, когда онъ позвалъ его, юродивый куда-то ушелъ.

Молясь за городомъ, онъ прекращалъ молитву, когда его замѣчали. Дома онъ молился за хозяевъ: «Помяни,

Господи, подай здравіе дядюшкѣ и тетушкѣ!» Въ праздники, которые онъ очень чтилъ, онъ ходилъ въ церковь, гдѣ стоялъ съ благоговѣніемъ. Въ дни Рождества и Пасхи онъ полонъ былъ величайшей духовной радости и все восклицалъ: «Христосъ рождается!» въ Пасху «Христосъ воскресе!»

На рынкѣ замѣчено было, что у кого Андрей бралъ что нибудь, тотъ бойко торговалъ, и потому торговцы наперерывъ старались ему вручить подаяніе.

Онъ раздавалъ все нищимъ, а, когда ихъ не попадалось, клалъ деньги въ щели домовъ, чтобъ нищіе ихъ брали оттуда.

Особенно жалѣлъ Андрей солдатъ и заключенныхъ въ тюрьмѣ. Когда шла рѣчь о солдатахъ, онъ съ тяжелымъ вздохомъ говорилъ: «Бѣдные солдаты!»

Въ Мещовскомъ тюремномъ замкѣ не было для арестантовъ готовой пищи. Они содержались подаяніями и, для сбора ихъ, ихъ водили подъ конвоемъ по городу. Андрей тогда кричалъ имъ изъ окна: «Братіе нищіе, идите къ намъ!»—и съ радостью сдавалъ имъ все, что для нихъ приберегъ.

Въ 1812 году, во время вторженія Наполеона въ Россію, Андрей, указывая въ ту сторону, съ которой приближался Наполеонъ, говорилъ: «идутъ съ горы! Очень много! Боюсь; уѣду въ Калугу».

Хозяинъ сталъ допрашивать его, а онъ, ударяясь все головой о стѣну, повторялъ: «Ахъ, идутъ! Очень много! Но пропадутъ, исчезнутъ!»—Тогда не было еще вѣсти о Наполеонѣ, и, только побывавъ въ Смоленскѣ, хозяинъ узналъ о вступленіи его арміи въ Россію.

Это былъ одинъ изъ множества случаевъ проявленія у Андрея дара прозорливости. Объ этомъ дарѣ его знали всѣ въ Мещовскѣ.

Когда люди недостойно издѣвались надъ младенчески незлобивымъ Андреемъ, Самъ Богъ вступился на него.

Одинъ Мещовскій помѣщикъ, равнодушный къ вѣрѣ и

самодовольный, возвращался со псовой охоты и, встрѣтивъ Андрея, началъ травить его собаками. Собаки искусали ему ноги, а онъ съ терпѣніемъ смотрѣлъ на свои раны и, придя домой, весело попросилъ тертой рѣдьки, чтобъ приложить ее къ ранамъ.

— Да рѣдька не залѣчитъ ихъ, — сказала хозяйка, — а растравитъ ихъ.

Но Андрей сдѣлалъ по своему, и раны зажили. А у помѣщика внезапно заболѣли и умерли два сына.

Почувствовавъ близость смерти, Андрей въ Мещовскомъ монастырѣ выбралъ себѣ мѣсто для погребенія.

Предсмертная болѣзнь его длилась болѣе полугода и была мучительна, такъ какъ онъ лежалъ за печью все на одномъ боку. На тѣлѣ его появилось множество червей, которыхъ онъ очищать не позволялъ.

28 іюня 1812 года, за нѣсколько дней до того пріобщившись и особоровавшись, Андрей тихо почилъ.

Множество народа, какъ Мещовскихъ, такъ и пришлыхъ по случаю Петровской ярмарки — собралось поклониться усопшему, всѣ жертвовали на погребеніе, и оно было совершено съ большою торжественностью. При перенесеніи тѣла въ монастырь, панихидъ служили такъ много, что шествіе продолжалось три часа. Народъ шелъ съ зажженными свѣчами.

Съ тѣхъ поръ прошло около вѣка, а память объ этой искренней душѣ, которая такъ властно распяла въ себѣ земного человѣка, съ такою силою избрала путь тяготы, униженія и нищеты,—не прекратились въ Мещовскѣ и его округѣ.

Старики передавали молодымъ разсказы о томъ, какъ онъ жилъ, какъ терпѣлъ свою трудную долю и какъ жалѣлъ народъ. И вѣра въ то, что эта отреченная жизнь была угодна Богу и что сильна предъ Богомъ молитва юродиваго Андрея — никогда не изсякала въ народѣ.

Издалека приходятъ къ его могилѣ служить панихиды, обливаютъ висящій у его могилы топорикъ его водою,

пьютъ ее и умываются, берутъ съ могилы землю и посыпаютъ ею больныя мѣста, получая по вѣрѣ исцѣленіе.

Доселѣ крестьяне Клѣтинской волости живутъ сытно и въ голодный даже 1840 годъ у нихъ былъ урожай. Они вѣруютъ, что Богъ посылаетъ имъ по молитвамъ юродиваго Андрея.

2 октября 1853 г. тяжко больная 12-ти лѣтняя дочь Александра Мещовскаго купца Кобелева видѣла во снѣ, что икона Божіей Матери приказываетъ ей съѣздить въ Мещовскій монастырь и отслужить панихиду по юродивомъ Андреѣ. Отецъ ея не рѣшился вывезти опасно больную, но самъ съѣздилъ въ монастырь и привезъ воды, спущенной съ топорика, которой она напилась, помочила руки и ноги. Она почувствовала внезапное облегченіе и стала здорова.

Незадолго до того получилъ исцѣленіе послѣ панихиды, отслуженной надъ гробомъ Андрея и отъ воды, спущенной съ его топорика, мещовскій мѣщанинъ Василій Костинъ.

Внѣшность Андрея была такова. Средній ростъ, небольшая лысая голова, продолговатое лицо, довольно большіе глаза, длинный носъ, рѣдкая съ просѣдью борода.

Онъ скончался 68 лѣтъ отъ роду и погребенъ въ средней монастырской башнѣ.

Евѳимія Григорьевна Попова.

Евѳимію Григорьевну Попову еще при жизни называли старицей, т. е. наставницей, проникнутой духомъ христіанства, умѣвшей въ этомъ духѣ руководить соприкасавшимися съ нею лицами.

Родилась она въ селѣ Каликинѣ, Лебедянскаго уѣзда, Тамбовской губерніи, въ набожной семьѣ однодворца. Кто далъ ей духовное направленіе первыхъ лѣтъ — неизвѣстно.

Въ раннемъ возрастѣ ничего отличавшаго рѣзко отъ другихъ въ ней не замѣчали. Но съ четырнадцатаго года она стала тайкомъ уходить изъ дому, иногда на нѣсколько дней, и проводила ночное время въ молитвѣ на церковной

паперти. Стала она неопустительно ходить ко всѣмъ службамъ въ Каликинской церкви, держала суровый постъ, иногда по два и по три дня не принимая вовсе пищи.

Убѣгая всякихъ сборищъ, хороводовъ и ночныхъ посидѣлокъ, она искала уединенія и больше любила слушать, чѣмъ говорить. Держала она себя скромно, покорно, въ словахъ была кратка и разумна, подолгу и часто молилась со слезами.

Родители ея не мѣшали дочери въ ея наклонностяхъ. Когда она достигла зрѣлаго возраста, они выстроили ей у сельской церкви небольшую хижину. Здѣсь она стала жить и принимала къ себѣ только отца и мать; они поперемѣнно носили ей хлѣбъ и воду. Душа Евѳиміи съ такой силою устремилась въ это время къ Богу, что она не замѣчала почти нуждъ тѣлесныхъ, и даже зимою рѣдко топила свою келлію.

Чрезъ нѣсколько лѣтъ этого добровольнаго затвора, изъ котораго она выходила лишь въ церковь, Евѳимія приняла на себя труднѣйшій подвигъ христіанской жизни — юродство Христа ради.

Она стала ходить по улицамъ своего родного села, являлась въ дома, уличала крестьянъ въ порокахъ и безпорядкѣ, и иногда, разсерженные правдою ея словъ, бывшею не понутру мужикамъ,—они бранили ее или даже и били. Она спокойно выносила все, не жаловалась и прощала обидчиковъ.

Особенно пришлось ей натерпѣться отъ волостного головы, котораго она на народѣ обличала въ развратной жизни. Онъ вытолкалъ ее изъ своей избы, и съ кольемъ въ рукахъ преслѣдовалъ ее побоями до самой ея келліи.

Людей же съ мягкимъ воспріимчивымъ сердцемъ обличительныя слова Евѳиміи удерживали и предохраняли отъ проступковъ.

Уже съ первой поры подвижнической жизни дѣйствовавшій въ Евѳиміи даръ прозорливости проявился съ особою силою во время случившагося въ селѣ Каликинѣ пожара.

Когда загорѣлся первый домъ, на сельской колокольнѣ ударили въ набатъ, поднялась суматоха. Евѳимія съ посохомъ въ рукахъ вышла изъ своей хижины, и, бѣгая по селу въ тревожномъ состояніи духа, останавливалась предъ нѣкоторыми домами и говорила: «вотъ и этотъ домъ сію минуту загорится: въ немъ живутъ грѣшники, Бога прогнѣвляютъ и въ грѣхахъ не каются».

Тогда тотчасъ по воздуху неслись съ пожара головни и дома эти сгорали, тогда какъ стоявшіе рядомъ оставались цѣлы».

Дойдя до избы своей близкой родственницы, стоявшей за воротами съ груднымъ младенцемъ на рукахъ, Евѳимія указала и на этотъ домъ, но прибавила, глядя на младенца: онъ невиненъ. У этого загорѣвшагося дома стояли скирды хлѣба, и Евѳимія, указавъ на меньшій изъ нихъ, сказала: «Этотъ останется для дитяти». И онъ, дѣйствительно, остался, тогда какъ прочіе сгорѣли.

Когда, по окончаніи пожара, ее спросили, зачѣмъ она бѣгала по селу и сожгла нѣсколько домовъ, она отвѣчала: «Я не помню, гдѣ была и что̀ дѣлала».

Съ 1808 г. до смерти Евѳимія жила въ Задонскѣ. Ей выстроили уважавшія ее лица особенный домъ, въ которомъ съ нею помѣщались сошедшіяся къ ней для христіанской жизни вдовы и дѣвицы. Эта община занималась страннопріимствомъ бѣдныхъ, и Евѳимія была у нихъ старшею.

Тутъ ея жизнь получила мирное направленіе. Она постоянно ходила въ Задонскій монастырь и всегда молилась усердно и дома большую часть времени проводила въ молитвѣ. И здѣсь она погружалась въ такое высокое созерцаніе, что часто къ ней входили, а она не замѣчала.

Она обращалась за совѣтами и наставленіями къ Иларіону Троекуровскому. Онъ принималъ ее съ великимъ уваженіемъ, и самъ часто пользовался ея духовною опытностью, въ ней искалъ совѣта и поддержки.

Когда Евѳимія приходила къ о. Иларіону, онъ посы-

лалъ ночевать ее въ холодную комнату со словами: «поди туда съ Богомъ и тамъ тепло будетъ!»—и, говорятъ, что она не чувствовала тамъ холода.

И она также давала подвижнику совѣты, и, если онъ имъ не слѣдовалъ, то впослѣдствіи ему иногда приходилось раскаяваться. Онъ имѣлъ желаніе поступить въ общежительную пустынь; она его отговорила, зная, что это не его призваніе. Онъ настоялъ на своемъ, но вскорѣ долженъ быль вернуться къ прежнимъ подвигамъ.

Съ такимъ же уваженіемъ относился къ ней и задонскій затворникъ Георгій, называвшій ее всегда своею «духовною матерью».

Въ 1819 г. Георгій по назначенію настоятеля исполнялъ въ монастырѣ послушаніе у свѣчного ящика. Его душа, жаждавшая полнаго сосредоточія въ Богѣ, искала совершеннаго уединенія. Онъ задумалъ перейти въ Соловки и со слезами молился, чтобъ Господь открылъ ему Свою волю. Однажды послѣ богослуженія Евѳимія подошла къ клиросу и, подавая Георгію, стоявшему у ящика съ наклоненною головой четки, сказала: «вотъ тебѣ четки: молись по нимъ. Царица Небесная приказала тебѣ жить въ Задонской Ея обители, и никуда не переходить. Придетъ время—будешь сидѣть въ келліи».

Вскорѣ Георгій тяжко заболѣлъ и полгода не выходилъ изъ келліи, а затѣмъ затворился въ затворѣ.

Когда Георгій былъ уже въ затворѣ, онъ оставилъ у себя только одинъ образъ, уступая распространенному въ міру мнѣнію, что излишество въ иконахъ есть роскошь, несовмѣстимая съ затворничествомъ. Тогда Евѳимія объяснила ему неосновательность этого мнѣнія и совѣтовала снова украсить келлію иконами, укрѣпляя себя воспоминаніями о подвигахъ святыхъ.

Высоко чтилъ Евѳимію и юродивый Антоній Алексѣевичъ, который благоговѣлъ передъ ней и былъ при ней всегда тихъ.

Посѣтители странно-пріимной общины приносили иногда

Евѳиміи деньги, но она рѣдко ихъ отъ кого принимала и отговаривалась: «можетъ быть, вамъ самимъ онѣ нужны, а меня Господь пропитаетъ».

Такъ говорила она не отъ избытка средствъ: часто она терпѣла крайнюю нужду, но ей была дорога добровольная нищета. Молодыя келейницы роптали на нее за отказъ принимать приношенія, а она отвѣчала мудрыми, полными значенія, словами: «Если желаете, сами вы принимайте приношенія. А я стара и слаба, не въ силахъ уже умолить за другихъ Господа».

Жизнь Евѳиміи была долга: она продолжалась 110 лѣтъ.

За полгода она имѣла извѣщеніе о кончинѣ. Въ тотъ же часъ—была полночь—она вышла изъ своей молельни, собрала въ одну комнату всѣхъ жившихъ съ нею сестеръ и сказала имъ: «Господь нашъ Іисусъ Христосъ благоволилъ возвѣстить мнѣ о скоромъ моемъ отшествіи, и потому я болѣе не начальница вамъ. Пусть главною у васъ будетъ сестра Анна Дмитріевна, кланяйтесь ей въ ноги и цѣлуйте ея руку»,—и сама она первая подошла къ ней и поклонилась.

Тѣло старицы слабѣло, но духъ бодрствовалъ. За нѣсколько дней до кончины надъ нею было совершено таинство св. елеосвященія, а затѣмъ св. причащенія. За причащеніемъ открылся ея слухъ, котораго она давно по старости лишилась. Все время сохраняла она ясное сознаніе. Въ день смерти вечеромъ встала съ постели, позвала келейницу и просила налить въ стаканъ св. воды.

Три раза перекрестившись, она при каждомъ крестномъ знаменіи пила св. воду. Потомъ сама опустилась на постель и тихо предала духъ Богу. Это было 15 января 1860 года.

Она лежала три дня въ гробу, какъ спящая, безъ всякихъ признаковъ разложенія.

Тѣло ея, при громадномъ стеченіи народа, предано землѣ въ часовнѣ Задонскаго Богородицкаго монастыря, рядомъ съ затворникомъ Георгіемъ, въ ряду другихъ Задонскихъ подвижниковъ.

Іеросхимонахъ Іоаннъ, затворникъ Святогорскій.

Іеросхимонахъ Іоаннъ, подъявшій великій подвигъ затворничества, происходилъ изъ небогатыхъ мѣщанъ города Курска, назывался въ мірѣ Иванъ Крюковъ и родился 20 сентября 1795 года. Съ дѣтства запало въ него желаніе монашества, которое возбудили въ его душѣ разсказы мальчика-сверстника Семена Мошнина о его дѣдѣ, спасавшемся въ то время въ Саровѣ,—великомъ старцѣ Серафимѣ.

«Охъ, хорошо такъ жить, хорошо жить и спасаться!»—восклицалъ Иванъ, разспрашивая мальчика о его дѣдѣ.

На девятомъ году Иванъ просилъ родителей отдать его учиться грамотѣ; но родители, находясь въ бѣдности, предпочли отдать сына печному мастеру, изготовлявшему изразцы, на 7 лѣтъ, съ уплатою родителямъ за все это время 10 руб. ассигнаціями. Хозяинъ Ивана былъ жестокій человѣкъ и вымѣщалъ на своемъ ученикѣ свою досаду. Онъ билъ его такъ, что Иванъ иногда подолгу лежалъ безъ дыханія. Придя въ возрастъ, Иванъ поступилъ приказчикомъ къ торговцу скотомъ, и зарабатывалъ 200 руб. въ годъ; тутъ, вопреки своему желанію, такъ какъ мысль о монастырѣ не оставляла его,—Иванъ женился, по настоянію родителей. Перейдя вскорѣ затѣмъ снова въ изразцовую мастерскую, онъ сталъ зарабатывать 600 руб. въ годъ, и къ 30 годамъ, заведя собственное дѣло, сталъ брать значительные подряды; купилъ два постоялые дома и гостинницу, и сталъ совершенно зажиточнымъ человѣкомъ. Жизнь Крюковъ велъ трезвую и благочестивую, ходилъ часто въ церковь и сохранялъ расположеніе къ монашеству.

Лѣтъ черезъ десять послѣ того какъ Иванъ сталъ на ноги, жена его умерла, и онъ остался бездѣтнымъ; вскорѣ умеръ и отецъ его, и онъ, видя, что сестры его живутъ въ замужествѣ, обезпечилъ старуху мать и сталъ проситься у нея въ монастырь. Мать никакъ не соглашалась, требуя чтобъ онъ остался при ней до ея смерти, и старуху пре-

клонили только увѣщанія одного уважаемаго ею помѣщика, который прямо объявилъ ей, что, если и теперь она будетъ удерживать сына, то отвѣтитъ за него Богу.

— Богъ съ тобой,—сказала она,—отпущу тебя въ монастырь; иди съ Богомъ и молись тамъ за меня.

Сынъ поклонился ей, въ радости, въ ноги, и этотъ день показался ему свѣтлымъ праздникомъ. Мать предложила Ивану выбрать въ благословеніе отъ нея какую нибудь изъ ея иконъ, которыхъ у нея было много въ золотыхъ и серебряныхъ окладахъ, но онъ просилъ дать ему мѣдный литой крестъ, который и носилъ всю жизнь на толстой желѣзной цѣпочкѣ. Сдѣлавъ себѣ изъ шиннаго желѣза вериги, поясъ и наплечники, вѣсомъ въ полпуда, онъ возложилъ ихъ на себя для усмиренія плоти. Проведя около полутора года въ хлопотахъ по разсчетамъ и полученію свидѣтельства отъ мѣщанскаго общества, причемъ онъ махнулъ рукой на тѣхъ, кто обманно не хотѣлъ ему платить,— Крюковъ со слезами простился съ матерью, которую перевезъ на жительство къ одной изъ сестеръ своихъ, и на 39-мъ году оставилъ родной городъ.

Побывавъ пѣшкомъ въ Кіевѣ и получивъ тамъ совѣтъ вступитъ въ Глинскую пустынь Курской епархіи, онъ направился туда и у воротъ монастырскихъ молился, чтобъ Матерь Божія сподобила его потрудиться въ Ея обители на спасеніе души. Глинская пустынь въ то время процвѣтала духовно подъ управленіемъ игумена Филарета, утвердившаго въ ней строгій чинъ и уставъ молдованскихъ монастырей Паисія Величковскаго.

Крюкову было дано послушаніе класть печи — занятіе, которое онъ раньше хоть и видалъ, но самъ имъ не занимался. Въ пустынѣ онъ быстро сталъ хорошимъ печникомъ. Въ поведеніи онъ отличался простосердечіемъ, простотою и искренностью; кромѣ хожденія ко всѣмъ службамъ, онъ въ келліи все свободное отъ послушаній время дня и ночи посвящалъ на молитву, кладя земные поклоны. Уже въ это время его твердая дѣтская вѣра проявилась слѣдующимъ

образомъ. Въ монастырь былъ приведенъ одержимый нечистымъ духомъ. Пять человѣкъ не могли ввести этого несчастнаго въ церковь. Крюковъ взялъ его въ свою тѣсную келлійку, заперся съ нимъ и слезно сталъ молиться Богу объ освобожденіи скованной души. Такъ молился онъ до полуночи; одержимый лежалъ безъ движенія, тяжело дыша, какъ умирающій. Потомъ Іоаннъ положилъ правую руку на страшно трепетавшее сердце больного; онъ успокоился, заснулъ, а на другое утро всталъ исцѣленный. На это событіе Іоаннъ смотрѣлъ, какъ на совершенно обыкновенное.

Печное послушаніе, отвѣтственность за небрежность молодыхъ помощниковъ - послушниковъ сильно тяготили Іоанна. Однажды вечеромъ, идя изъ церкви въ келлію, онъ думалъ о томъ, какой ему принять подвигъ, и, взглянувъ на развѣсистое дерево, сказалъ себѣ, что, притворясь юродивымъ, можно взойти на дерево, и жить тамъ, какъ птица. Послѣ долгой молитвы о томъ, чтобы Господь вразумилъ его, Іоаннъ заснулъ и видѣлъ, какъ къ нему вошли два свѣтлые юноши, наложили на него священническую ризу и сказали: «оставь мысль о юродствѣ, это не твой путь».

Духовникъ монастырскій, узнавъ объ этомъ снѣ, посовѣтовалъ Іоанну учиться грамотѣ, и далъ ему псалтырь славянской печати. Подъ руководствомъ одного грамотнаго мальчика Іоаннъ научился грамотѣ и немного письму. Послѣ печного послушанія, Іоаннъ былъ переведенъ въ трапезу, затѣмъ назначенъ экономомъ и въ 1840 г. постриженъ въ мантію съ именемъ Іоанникія. Незадолго до того, произошелъ новый случай исцѣленія имъ бѣсноватаго, изъ дворянъ.

Въ сороковыхъ годахъ началось возобновленіе древней и знаменитой Святогорской обители, упраздненной въ 1788 году; о. Іоанникій былъ назначенъ туда экономомъ. Много пришлось понести трудовъ и скорбей о. Іоанникію при наблюденіи за постройками, за которыя онъ былъ отвѣтственъ; было нелегко согласовать распоряженія настоятеля съ желаніями Потемкиныхъ, главныхъ устроителей

и жертвователей монастыря. Подъ наблюденіемъ эконома была воздвигнута гостиница, два братскіе корпуса, хлѣбный амбаръ и ледникъ. Приходилось, по тѣснотѣ мѣста, отсѣкать часть мѣловой горы, у подошвы которой стоитъ обитель, устраивать каменные своды и подпорки. Кромѣ того, экономъ расчистилъ и расширилъ двумя вновь выкопанными придѣлами древній пещерный храмъ, засыпанный съ прошлаго столѣтія землею и поросшій лѣсомъ. Замѣчательно открытіе этого храма. Предъ упраздненіемъ монастыря, одинъ изъ послушниковъ, именемъ Михаилъ, замѣтилъ отверстіе въ землѣ, служившее входомъ во храмъ, и разсказалъ о томъ монахамъ, но до упраздненія обители ничего не успѣли сдѣлать. Этотъ послушникъ, поселившійся въ окрестностяхъ Святыхъ горъ, при возобновленіи обители, вновь вступилъ въ нее, уже столѣтнимъ старцемъ, и постриженъ съ именемъ Маѳусаила; онъ разсказалъ настоятелю о засыпанномъ храмѣ, надъ мѣстомъ котораго духовникъ монастырскій видалъ по ночамъ свѣтъ. Храмъ былъ открытъ подъ руководствомъ эконома Іоанникія, который собственноручно вырубилъ изъ цѣльнаго дикаго камня престолъ.

Въ 1849 г. о. Іоанникій рукоположенъ во іеромонаха, и назначенъ духовникомъ для богомольцевъ. Незадолго до того онъ подвергся тому же искушенію, какъ цѣломудренный Іосифъ, и, спасая себя, выпрыгнулъ, съ опасностью для жизни, изъ высокаго окна. Душа о. Іоанникія просила тишины и полнаго безмолвія. Онъ началъ думать о затворѣ.

Та мѣловая гора, на которой стоитъ Святогорскій монастырь, вся изрыта пещерными ходами, которые во время запустѣнія монастыря во многихъ мѣстахъ завалились, такъ что проходъ по нимъ былъ труденъ. Іоанникій просилъ у настоятеля позволенія ихъ очистить и расширить. Въ верхней части скалы было нѣсколько тѣсныхъ келлій; въ одной изъ нихъ, работая надъ очищеніемъ пещеръ, о. Іоанникій отдыхалъ и полюбилъ ее. Онъ вспомнилъ въ ней свое далекое дѣтство, разсказы товарища о затворничествѣ о. Се-

рафима, свои первыя мечты и стремленія, и ему захотѣлось хоть теперь осуществить ихъ. Съ разрѣшенія настоятеля, онъ обложилъ келлію досками, сдѣлалъ деревянные дверь и простѣнокъ, и сталъ проситься въ затворъ. Настоятель, зная крайнюю простоту Іоанникія и великія духовныя опасности, которыя представляетъ этотъ подвигъ, — боясь, не дѣлается ли это изъ обольщенія, сталъ испытывать его. Онъ велѣлъ ему, іеромонаху, своими руками очищать нечистыя мѣста, ставилъ его на поклоны предъ всею братіею въ трапезной, нарочно налагая незаслуженныя взысканія, отобралъ отъ него крѣпкую одежду и далъ изношенную, въ заплатахъ—но кротко переносилъ подвижникъ испытаніе. Видя правильное его духовное устроеніе, настоятель велѣлъ ему для опыта войти въ простую келлію, затворивъ ставнями окна. Тутъ по ночамъ о. Іоанникій чувствовалъ ужасъ, мѣшавшій ему молиться. Тайно отъ настоятеля онъ перешелъ въ пещерную келлію, и провелъ въ ней четыре дня, испытывая великую радость. Тогда настоятель, давъ Іоанникію малый запасъ хлѣба и воды, заперъ его на ключъ и поѣхалъ въ Харьковъ, испросить разрѣшеніе преосв. Филарета, который принялъ въ дѣлѣ особое участіе и совѣтовалъ настоятелю, не взирая на ропотъ братіи, осуждавшей Іоанникія за чрезвычайные подвиги,—не препятствовать его стремленіямъ. Условіемъ пребыванія о. Іоанникія въ затворѣ было поставлено преосвященнымъ—подчиняться надзору настоятеля и духовника и, по требованію ихъ, оставить затворъ.

Малая келлія, изсѣченная въ скалѣ, гдѣ затворился о. Іоанникій, была не выше человѣческаго роста; освѣщалась она узкою пробуравленною чрезъ скалу скважиною. Воздухъ былъ холодный, сырой, производящій въ тѣлѣ лихорадочный ознобъ.

Въ келліи находился лишь деревянный гробъ, служившій постелью, налой съ иконами, неугасимая лампада, деревянный обрубокъ, кувшинъ для воды, гарнецъ для пищи, нагольный тулупъ, старая мантія и епитрахиль. У гроба

въ головахъ стояло распятіе. Жестокое житіе особенно трудно было съ начала. Ложась для отдыха во гробъ въ тулупѣ, подвижникъ дрожалъ отъ пронизывающаго насквозь холода. Отъ сырости тлѣла и распадалась одежда. Молитвенное правило затворника состояло изъ 700 земныхъ поклоновъ, 100 поясныхъ, 5,000 Іисусовыхъ молитвъ, тысячи Богородичныхъ, акаѳистовъ Христу, Божіей Матери и Страстямъ Христовымъ, помянника по запискамъ, подаваемымъ отъ богомольцевъ. Ежемѣсячно о. Іоанникій пріобщался св. Тайнъ и только тогда, закрытымъ ходомъ, проходилъ въ церковь. Сперва, глядя на великую мѣру трудовъ затворника, братія думала, что онъ въ прелести; его осуждали, глумились надъ нимъ. Но время шло. Крѣпко и молчаливо продолжалъ подвижникъ начатые труды, удивленіе стало замѣнять насмѣшки. Чрезъ полтора года по начатіи затвора, на день Усѣкновенія главы, о. Іоанникій постриженъ преосв. Филаретомъ въ схиму съ именемъ Іоанна.

Подвижнику было разрѣшено пріобщаться ежемѣсячно а въ посты еженедѣльно. Архимандритъ и нѣкоторые изъ старшей братіи обратились къ о. Іоанну какъ къ духовнику; преосв. Филаретъ, всегда посѣщая его при своихъ пріѣздахъ,—оказывалъ къ нему великое уваженіе.

По пятилѣтнемъ пребываніи въ пещерѣ, у о. Іоанна въ ногахъ появились судороги отъ сырого холода, и тогда настоятель устроилъ ему въ пещерѣ печь.

Всякій вторникъ ходилъ онъ въ церковь, пріобщаться, и послѣ литургіи благословлялъ тѣснившійся къ нему народъ. Семь дней въ году, со страстной среды до четверга Пасхи, онъ проводилъ въ келліи, у келейниковъ. Господь сохранилъ о. Іоанна отъ искушеній демонскихъ. Только разъ ночью вошли къ нему въ пещеру два необычайные великана и, со злобою смотря на него, сказали: Съѣдимъ этого старика, чтобъ онъ не молился такъ постоянно». Затворникъ, закрывъ глаза, сталъ читать молитву Іисусову, и привидѣніе съ дикимъ хохотомъ исчезло. Много терпѣлъ подвижникъ отъ нареканій братіи, осуждавшей его за выходы

изъ затвора, за его крайнюю простоту, за то, что онъ имѣлъ у себя самоваръ, и изрѣдка подкрѣплялся чаемъ. Приставленные къ затворнику келейники, тяготясь имъ, дѣлали ему непріятности, и въ глаза поносили его. Не въ состояніи самъ назидать книжнымъ языкомъ, старецъ съ любовью выслушивалъ отъ собесѣдниковъ, много младшихъ возрастомъ, свято-отеческія изреченія. Пока о. Іоаннъ могъ самъ читать, онъ самъ вычитывалъ свое ежедневное правило; когда же отъ мрака и отъ свѣчъ его зрѣніе совершенно испортилось, къ нему былъ приставленъ инокъ, прочитывавшій для него церковныя послѣдованія; оставаясь же наединѣ, старецъ творилъ земные поклоны и предавался молитвѣ Іисусовой. «Іисусъ — моя утѣха, — говорилъ затворникъ. Съ Нимъ мнѣ, слѣпому, не скучно. Онъ и утѣшитъ, Онъ и усладитъ душу, такъ что съ Нимъ скучно мнѣ никогда не бываетъ». Равнодушіе старца къ окружавшей его обстановкѣ доходило до того, что нѣкоторые иноки сами отъ себя должны были мѣнять полусгнившую соломенную подстилку въ гробѣ и распоряжаться у него, чтобъ хоть нѣсколько смягчать тотъ безконечно суровый обиходъ, въ которомъ жилъ старецъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ старецъ сталъ появляться по вторникамъ у алтарныхъ дверей, къ нему стало тѣсниться множество народа; многіе изъ этихъ людей спрашивали у него совѣтовъ. Эти бесѣды съ мірянами сильно тяготили старца.

Въ послѣдніе годы жизни о. Іоаннъ проявлялъ иногда въ своихъ дѣйствіяхъ странности, похожія на юродство. Однажды Т. Б. Потемкина привела въ келлію къ нему своего брата, настроеннаго противъ монашества. Вмѣсто духовной бесѣды,—старецъ сталъ усиленно просить посѣтительницу озаботиться, чтобъ сняли съ него портретъ, говоря, что онъ очень нуженъ. Такое, какъ казалось, тщеславіе, очень непріятно поразило посѣтителей. Но портретъ былъ по неоднократнымъ настояніямъ старца сдѣланъ, и по смерти его многимъ оказался нуженъ и полезенъ. Въ дру-

Святогорскій затворникъ Іоаннъ.

гой разъ одинъ благодѣтель монастырскій, желая видѣть знаменитаго затворника, вошелъ въ пещеру его, а о. Іоаннъ сталъ просить о помощи бѣднымъ своимъ сродникамъ. «Ты умеръ міру, отче; ты мертвецъ въ мірѣ, какіе у тебя родные!» обличалъ его посѣтитель, и съ огорченіемъ вышелъ. Такіе поступки, несомнѣнно, имѣли цѣлію принять укоры отъ такихъ людей, которые шли къ о. Іоанну, какъ къ праведнику: онъ трепеталъ хвалы человѣческой, и предпочиталъ ей оскорбленія. А между тѣмъ народная молва повторяла имя подвижника, какъ святого старца, и дѣйствовавшіе въ немъ, ясно проявлявшіеся дары исцѣленія, молитвы, прозорливости, свидѣтельствовали о достигнутой имъ степени совершенства. Онъ изгонялъ бѣсовъ, называлъ по имени лицъ, въ первый разъ имъ видимыхъ, открывая имъ ихъ тайны.

Приближалось время отшествія старца. Силы его упадали. Его утружденное тѣло страдало. Поломавшіяся вериги, врѣзавшись въ спину, образовали язвы, въ которыхъ роились черви; когда вериги обложили кожей, онѣ все же причиняли страданіе. Ноги отъ постояннаго стоянія опухли и были въ язвахъ. Желудокъ не принималъ пищи. Появился сильный кашель. Совершать поклоновъ старецъ не могъ, и все молился, лежа въ своемъ гробѣ. Подвижникъ говорилъ о мѣстѣ своего погребенія. Сперва хотѣлъ онъ быть погребеннымъ въ своей пещерѣ, но потомъ сказалъ: «Неудобно, панихиды тѣсно служить будетъ»; просилъ, чтобъ по смерти его не затеряли его веригъ.

Въ Пасху 1867 г., о. Іоаннъ, войдя, по обычаю, въ монастырь, осмотрѣлъ зданіе строившагося собора и походилъ по монастырю, чего раньше не дѣлалъ, какъ бы прощаясь съ нимъ. Въ августѣ онъ окончательно ослабѣлъ. Настоятель архимандритъ Германъ, опасаясь, чтобъ старецъ въ своей пещерѣ не умеръ невѣдомо, безъ напутствія, рѣшилъ перемѣстить его въ монастырскую больницу, находившуюся на хуторѣ, въ верстѣ отъ обители. На отказъ старца, онъ напомнилъ ему объ обѣщаніи, данномъ по-

чившему о. Арсенію — при первомъ требованіи оставить затворъ. Тогда старецъ безпрекословно повиновался. Это великое послушаніе было вѣнцомъ подвиговъ затворника.

Въ больничной келліи прожилъ онъ 8 дней. Снятыя съ него вериги были поставлены около него, также и мѣдный крестъ, материнское благословеніе, который имѣть на себѣ у него не хватало уже силъ. Онъ убѣдительно просилъ, чтобъ этотъ крестъ положили съ нимъ въ гробъ. Онъ прощался съ приходившею навѣстить его братіею, раздавая имъ свои немногія вещи — иконы, книги, схиму, четки. Старецъ былъ особорованъ. 11 сентября, пріобщившись, онъ сказалъ, что сегодня отойдетъ. Къ нему пришелъ настоятель и предложилъ схоронить его у алтаря больничной церкви. Онъ не прекословилъ.

По выходѣ настоятеля мертвенно блѣдное лицо о. Іоанна просвѣтилось, и на немъ заигралъ румянецъ, онъ улыбнулся, видя что-то радостное. Къ вечеру разразилась страшная гроза. Вѣтеръ, гудя, гнулъ деревья и подымалъ по дорогамъ столбы пыли, громъ гремѣлъ сильными раскатами, и молнія сверкала почти непрерывно. Казалось, что безсильные предъ смиреніемъ праведника враги души его выражали свою злобу возмущеніемъ стихій. Въ шестомъ часу старецъ съ молитвою на устахъ безмятежно предалъ духъ Богу. Гроза утихла, настала тишина и покой освѣженной дождемъ природы. Свѣтлый ликъ почившаго сіялъ радостью.

Убравъ тѣло, на грудь положили мѣдный крестъ; такъ какъ мантія почившаго была въ монастырѣ, его завернули въ чужую, а его мантія промыслительно осталась въ монастырѣ.

Его схоронили у алтаря больничной церкви, во имя Ахтырскія иконы Богоматери. Могилу вырыли въ прочномъ мѣловомъ грунтѣ, не потребовавшемъ ни свода, ни склепа, и этотъ покой его близко напоминалъ его вольный затворъ. Теперь могилу о. Іоанна осѣняетъ чугунный крестъ подъ навѣсомъ. Деревянный крестъ и вериги сохраняются

въ пещерной келліи, гдѣ теплится неугасимая лампада, при свѣтѣ которой богомольцемъ овладѣваетъ невольное удивленіе силѣ духа умершаго старца. Схимы, мантія и скуфья о. Іоанна находятся при больничной церкви.

Не прошло года по кончинѣ о. Іоанна, какъ на могилѣ его начали твориться знаменія и исцѣленія. Послѣ двухъ такихъ исцѣленій бѣсноватыхъ надъ могилою старца, скопленіе народа, приходившаго служить по старцѣ панихиды, умножилось, и монастырскія власти, боясь нареканій, донесли преосвященному Харьковскому Макарію (впослѣдствіи митр. Московскому) о случающихся исцѣленіяхъ и о стеченіи народномъ на могилѣ затворника. Было велѣно тщательно записывать всѣ такіе случаи, съ достовѣрными свидѣтельствами, завести особую для того книгу и не стѣснять народное усердіе въ служеніи панихидъ.

Съ тѣхъ поръ много записано исцѣленій. Наиболѣе дѣйствуетъ даръ въ о. Іоаннѣ, дарованный ему еще при жизни—изгнанія нечистыхъ духовъ. Одержимые страдаютъ даже при видѣ изображенія старца; затворникъ являлся многимъ въ видѣніяхъ, съ обѣщаніемъ помощи. Исцѣленіе большею частію получали на могилѣ, при возложеніи мантіи и въ мѣловой келліи—при возложеніи веригъ.

Іеросхимонахъ Парѳеній Кіевскій.

Кіево-Печерская лавра, созданная вѣрою и подвигами первоначальниковъ ея, преподобныхъ игуменовъ Антонія и Ѳеодосія, въ древнія лѣта воспитала множество великихъ подвижниковъ благочестія.

Но и въ близкіе къ намъ дни она выставляетъ мужей, удивительныхъ силою религіознаго воодушевленія, здѣсь, на землѣ, внѣ земныхъ условій, живущихъ однимъ небеснымъ. Къ такимъ подвижникамъ принадлежитъ старецъ іеросхимонахъ Парѳеній.

Отецъ Парѳеній родился 24 августа 1790 года, въ 40 верстахъ отъ г. Тулы, въ селѣ Симоновѣ, Алексинскаго уѣзда, гдѣ отецъ его, Іоаннъ Краснопѣвцевъ, былъ причетникомъ.

О дѣтствѣ его не сохранилось подробностей; но нужно думать, что жизнь его въ домѣ сельскаго причетника была убогая, и, конечно, съ молодыхъ лѣтъ Петръ (такъ звали въ міру о. Парѳенія)—долженъ былъ привыкать къ терпѣнію и трудамъ.

Отданный въ тульское духовное училище — Петръ учился очень хорошо и изъ училища перешелъ въ семинарію. Разъ лѣтомъ, возвращаясь съ братомъ домой, Петръ имѣлъ необыкновенное видѣніе. Они расположились ясною ночью подъ открытымъ небомъ. Сердце Петра невыразимо радовалось. Онъ смотрѣлъ въ высокое небо и вдругъ увидѣлъ парящаго надъ собою бѣло-снѣжнаго голубя, который все на одномъ мѣстѣ рѣялъ надъ нимъ.—Съ этого видѣнія жажда чего-то лучшаго запала въ душу его, все земное ему опротивѣло, и тяжело было ему между людьми. Въ одномъ изъ пѣснопѣній своихъ о. Парѳеній вспоминаетъ это видѣніе: «Неописанный Параклите... Памятствую явленіе въ моемъ возрастѣ еще младомъ твоего наитія тиха и тонка на мя лѣнива и нерадива, голубя въ видѣ».

Съ той поры началъ отрокъ уединяться въ лѣсу на молитвѣ. Здѣсь было снова ему видѣніе: благообразный инокъ явился ему и произнесъ: «Страненъ монахъ и земенъ мертвецъ» (т. е. монахъ—чуждый землѣ пришлецъ и мертвъ земному). Эти слова возбудили въ Петрѣ желаніе монашества.

Старшій братъ, Василій, былъ уже въ монастырѣ. Родители убѣждали его принять мѣсто, и ужъ онъ рѣшился, какъ младшій братъ сказалъ ему: «Нѣтъ мнѣ тогда съ тобою части», и родители оставили свои уговоры.

Лѣтомъ 1814 года, въ вакаціонное время, Петръ пошелъ на богомолье въ Кіевъ. Въ лаврѣ оставался онъ годъ у соборнаго іеромонаха Антонія (впослѣдствіи архі-

епископа воронежскаго) и былъ у прозорливыхъ старцевъ Вассіана слѣпого и Михаила схимника. При входѣ во врата лавры онъ далъ обѣтъ остаться въ ней. Въ 1815 году Петръ уволился изъ семинаріи, не окончивъ курса. Родители его просили опредѣлиться на мѣсто и поддерживать ихъ въ старости. Онъ готовъ уже былъ склониться на ихъ просьбы; но дѣло женитьбы его дважды растраивалось, и, наконецъ, онъ по прошенію, получилъ совершенное увольненіе изъ епархіи. Родители покорились волѣ Божіей. Отецъ благословилъ Петра мѣднымъ крестомъ, надѣлилъ его гривною денегъ, отдалъ ему свои единственные сапоги, и они простились. Съ дороги Петръ прислалъ отцу сапоги назадъ и дошелъ въ лаптяхъ.

Антоній, уже намѣстникъ лавры, принялъ его ласково и помѣстилъ въ просфорнѣ.

Трудъ, молитва, полное послушаніе и неосужденіе— вотъ чего искалъ Петръ. Вскорѣ онъ былъ поставленъ начальникомъ просфорни, и въ этомъ послушаніи трудился двѣнадцать лѣтъ. Однажды, въ часъ унынія, было ему видѣніе преп. Никодима просфорника, который сказалъ ему, что всегда посѣщаетъ то мѣсто, гдѣ получилъ спасеніе.

Не принимая на себя чрезмѣрныхъ подвиговъ поста, но въ высшей степени умѣренный, тихій, спокойный, незлобивый, мирный,—Петръ безъ искушенія проходилъ свой путь. Послѣднюю одежду готовъ былъ онъ уступить. Поймали разъ странника, укравшаго у него зимою тулупъ. «Не троньте его,—онъ, бѣдный, и въ тулупѣ трясется: намъ хорошо въ теплѣ, а онъ—на морозѣ», сказалъ онъ и отпустилъ странника, давъ ему денегъ и научивъ его впередъ не воровать.

Плотскихъ страстей, плотской борьбы, нечистыхъ помысловъ не зналъ Петръ вовсе. И тотъ путь, *царскій*, которымъ шелъ подвижникъ, привелъ его къ великимъ духовнымъ дарамъ.

По постриженіи, 20 сентября 1824 года, въ монашество, съ именемъ Пафнутія, онъ увеличилъ труды. Въ келліи

его было лишь Распятіе, икона Пресвятой Богородицы, деревянная голая скамья, столикъ, фонарь и деревянная чашка. Ночью, кромѣ молитвъ, переписывалъ онъ святоотеческія книги. Благодатныя видѣнія посѣщали часто избранника Божія, укрѣпляя его. Во время совершенія литургіи онъ удостоился чуднаго озаренія, въ которомъ ему открылось таинство нашего спасенія.

Предъ рукоположеніемъ во священство ему представилось въ сновидѣніи, что невѣдомый ему Архіерей въ алтарѣ Великой лаврской церкви подаетъ ему съ престола Евангеліе, окруженное неизреченнымъ сіяніемъ, и на отвѣтъ его, что онъ не дерзаетъ, Жена, стоящая одесную Архіерея, въ царскомъ одѣяніи, говоритъ: «Возьми, Пафнутій, Я поручаюсь за тебя».

Вскорѣ отецъ Пафнутій былъ назначенъ духовникомъ лавры. Познаніе падшей оскверненной человѣческой природы погружало его въ великую скорбь, сокрушало до изнеможенія. «Бѣдные, бѣдные люди,—говорилъ онъ,—еслибъ они знали, какія блага они мѣняютъ на смрадъ грѣховный», и эту склонность ко грѣху приписывалъ врагу спасенія.

Въ 1838 году о. Пафнутій подалъ прошеніе о принятіи схимы, и въ сомнѣніи, разрѣшатъ ли ему въ столь не старые годы (ему было 48 лѣтъ), былъ подкрѣпленъ явленіемъ святителя Парѳенія. Вскорѣ митрополитъ кіевскій Филаретъ самъ облекъ его въ схиму. И съ еще большею всепоглощающею силою предался схимникъ молитвѣ, которая вросла въ сердце и дѣйствовала даже во снѣ. Онъ видѣлъ однажды въ такомъ снѣ свое сердце, объятое пламенемъ. Его молитвенное правило состояло изъ чтенія утромъ, въ полдень и вечеромъ по одному евангелисту, совершенія ежедневно пѣнія всей псалтири, молитвъ утреннихъ и вечернихъ, акаѳиста Спасителю, Божіей матери, поклоненія страстямъ Христовымъ и пѣсни «Богородице, Дѣво, радуйся», которую онъ произносилъ триста разъ.

Его усердіе къ Матери Божіей было необыкновенно. Онъ имѣлъ къ Пресвятой Владычицѣ умилительную, нѣж-

ную и дѣтскую любовь, и эта любовь излилась во вдохновенномъ къ Ней воззваніи: «Возлюбленная Богу Отцу дщерь, Безмужняя Эммануила Мати, кристалловидная Параклита, невѣсто святогласная горлице, бѣлолилейный Творца ковчеже, благородное гнѣздо орла небеснаго, несгораемая свѣще мірови! Архангельскій Гавріиловъ гласъ вопію Ти!» «Наипрекраснѣйшая и добропослушливая Маріе, Слову Мати Пречистая! ничего же инаго, кромѣ Божіей любве, пожелати не знаю. И въ послѣдняя моя—на поклоненіе ко Іисусови проити, отъ злобныхъ стражей мытарствъ Ты ми помози. На Тебе надѣюся и Тобою хвалюся, да во вѣкъ не посрамлюся, пепелъ и персть азъ».

«Несомнѣнная моя надеждо, Архангельскій гласъ вопію Ти, безгрѣшная Маргарито, спасающая родъ нашъ, Игуменія Лавры пещеръ, обрадованная, радуйся! Съ Тобою Господь, Тобою же съ нами; умилосердися надо мною: грѣшенъ есмь, но Твой! Поручница мнѣ и житію исправительница буди. Всего себя вручаю Тебѣ, Мати Божія. Сохрани мя подъ кровомъ Твоимъ».

«Сердобольная Мати моя, Богородице, и несомнѣнная вся надеждо, подъ кровомъ Твоимъ сохрани меня, погибающа, и въ шлемъ спасенія облецы мя, инока». О Благовѣщеніи о. Парѳеній говоритъ: «Буди благословенъ и преблагословенъ день Благовѣщенія Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы». Много разъ онъ имѣлъ видѣнія Пречистой Дѣвы. Однажды, прочтя, что Святая Владычица была первою инокинею, онъ сталъ размышлять о томъ и задремалъ. Тогда онъ увидѣлъ окруженную монахами величественную инокиню съ жезломъ въ рукахъ. Она подошла къ нему и сказала: «Парѳеній, Я—монахиня!»—Въ другой разъ Она предстала ему во славѣ въ часъ скорби, по горячей мольбѣ его. Онъ провелъ нѣсколько лѣтъ въ тѣсной келліи, окно которой загородилъ иконою Пресвятой Богородицы, озаренной лампадою, и говорилъ: «На что мнѣ свѣтъ чувственный: Пречистая—свѣтъ очей и души моей». Молясь однажды, чтобъ открыла ему Владычица, что есть

Старецъ Пареенiй.

схимничество, услышалъ онъ голосъ: «Посвятить себя на молитву за весь міръ».

Отлученный отъ всего земного — мірское достояніе считалъ онъ грѣхомъ. Вещи, приносимыя ему, связывалъ въ узелъ и выносилъ на дорогу. Графиня Анна Орлова однажды, преклонивъ предъ нимъ колѣни, сказала: «Отецъ, чѣмъ я тебя могу утѣшить?—не пожалѣю и милліоны».— «Вотъ нашла, чѣмъ утѣшить, — отвѣчалъ онъ—на что мнѣ этотъ навозъ?»

Отца Парѳенія смущало, что онъ не испыталъ гоненія, и что тѣмъ путь его скорбей не полонъ. Но митрополитъ кіевскій Филаретъ успокоилъ его: «На что тебѣ гоненіе,—ты самъ себя гонишь. Кто пожелаетъ жить твоею жизнью?»

Величайшею отрадою подвижника было ежедневное совершеніе литургіи въ домовой церкви митрополита. Тутъ во время херувимской, молясь предъ престоломъ съ воздѣтыми руками, видѣлъ онъ однажды отверстое небо, Христа, сходящаго на престолъ, Бога Отца, благословляющаго Его снисхожденіе и парящаго надъ Нимъ Духа Святаго. 13-го ноября 1843 года видѣлъ онъ Златоуста съ архистратигомъ, пришедшихъ къ нему на помощь. Однажды, долго повторяя молитву: «Іисусе, живи во мнѣ»,—услыхалъ сладкій и тихій голосъ: «Ядый Мою плоть и піяй Мою кровь во Мнѣ пребываетъ, и Азъ въ немъ». Наканунѣ новаго года, созерцая духовно младенчество Богочеловѣка, погрузился онъ въ тонкій сонъ, и увидѣлъ двухъ ангеловъ, летящихъ отъ Востока съ Младенцемъ на рукахъ, Котораго они положили предъ старцемъ. Невыразима была красота Божественнаго Младенца, и отъ любви, свѣтившейся въ его взорѣ, сердце старца разгоралось.

Весну и лѣто о. Парѳеній проводилъ съ митрополитомъ въ Голосѣевой пустыни. Тамъ въ чащѣ лѣса была его келлія; удаляясь въ лѣсъ, онъ совершалъ свои правила. Посѣтители, приходившіе къ старцу, отвлекали его отъ вожделѣннаго безмолвія, но, когда онъ рѣшилъ за-

твориться, ему было видѣніе, что на него напалъ страшный звѣрь, а духовныя дѣти отогнали его. Онъ объяснилъ себѣ, что духовными своими дѣтьми обрѣтетъ онъ спасеніе. Неисполненное за день изъ молитвъ отлагалъ онъ на ночь, такъ что часто лишь одинъ часъ оставался на сонъ.

Истощенная плоть старца казалась прозрачною оболочкою его души. Большіе, огненные глаза, пронизывавшіе сердце, сосредоточивали всю жизнь.

Рѣдко обличительное слово срывалось съ его устъ, но тогда и сильныхъ міра онъ обличалъ безстрашно. Послѣдніе свои годы старецъ прожилъ въ келліи у ближнихъ пещеръ. Большую часть времени онъ проводилъ въ темной комнатѣ съ Распятіемъ и иконою Богоматери. Въ сосѣдней комнатѣ устроили для него церковь. Его служеніе исполняло молящихся невыразимымъ благоговѣніемъ.

Съ радостью ждалъ онъ дня смерти и, сидя у приготовленнаго имъ для себя гроба, говорилъ о томъ, какъ душа, покинувъ тѣло, просіяетъ какъ солнце и будетъ съ удивленіемъ смотрѣть на свою смрадную темницу; говорилъ о вѣрѣ въ Пресвятую Владычицу Богородицу, Которую называлъ «несомнѣнною своею надеждою, при возвращеніи отъ земного, бѣдственнаго, многоплачевнаго, скучнаго, прискорбнаго и болѣзненнаго странничества въ небесное, любимое, блаженное, покойное, всевеселящее, немерцающее, безсмертное, нескончаемое, вѣчное и неизреченное отечество».

Передъ кончиною старецъ простился со всѣми. 1855 г., рано утромъ, въ великій праздникъ Благовѣщенія, совпавшій въ тотъ годъ со Страстною пятницею, о. Парѳеній былъ найденъ бездыханнымъ, сидящимъ какъ бы въ глубокой думѣ у дверей келейной своей церкви. Митрополитъ кіевскій Филаретъ на своихъ рукахъ выносилъ его гробъ и схоронилъ его въ Голосѣевской пустыни, въ храмѣ Пречистой Дѣвы во имя Ея иконы Живоноснаго Источника.

Изреченія отца Парѳенія.

Потеря благодати страшнѣе всѣхъ потерь.

Чѣмъ ближе приближаешься ты къ Богу, тѣмъ сильнѣе врагъ ухватится за тебя.

Никогда не должно послѣдовать своему помыслу, хотя бы онъ и благъ являлся, но испытывать его временемъ.

Пути высшіе должны мы предавать Самому Богу чрезъ отца нашего и наставника.

Наши желанія и намѣренія разсѣиваются, какъ прахъ. Итакъ, всеконечно, должны мы предаться волѣ Водителя нашего.

Неизреченная польза проистекаетъ изъ уединенія.

Кто стяжалъ страхъ Божій, для того нѣтъ на землѣ ни скорби, ни радости.

Чтобы уклониться отъ смущенія и сохранить духъ молитвы, уклоняйся отъ всякаго рода бесѣдъ и посѣщеній, всему предпочитай уединеніе и чаще размышляй о смерти.

Пришествіе Святаго Духа попаляетъ и истребляетъ всѣ страсти.

Честь, отъ человѣковъ бываемая, должна быть ненавистна душѣ, ищущей спасенія и познающей свою немощь.

Для достиженія совершенной чистоты не имѣй привязанности, даже духовной, ни къ человѣку, ниже къ вещи; люби всякаго любовью совершенною, какъ самого себя, но безъ пристрастія, т. е. не желай присутствія или видѣнія любимаго человѣка и не услаждайся мыслью о немъ.

Язычный не исправится на землѣ.

Кто самъ не достигъ въ мѣру совершенства и начинаетъ учить другихъ, — погубляетъ и то, что имѣлъ.

Будетъ только то, что опредѣлилъ Господь.

Дѣлай все вопреки хотѣнія плоти: хочется лечь покойнѣе—принудь себя на противное; хочется облокотиться, сидя — воздержись; и такъ во всемъ.

Должно нудить себя и не хотяща къ молитвѣ и ко всему благому.

Для принятія Святаго Духа необходимо изнурить плоть: даждь плоть и пріими Духъ.

Всякая благословенная душа есть проста, справедлива, милостива, любезна, не горда, не злобива, не величава, не прозорлива, воздержна и боящаяся Бога.

Зло пристаетъ къ намъ, какъ заразительная болѣзнь. Если будешь часто обращаться съ язычнымъ, съ клеветникомъ, съ міролюбцемъ,—и самъ незамѣтно впадешь въ тѣ же пороки. И наоборотъ, обращайся часто съ мужемъ духовнымъ и молитвенникомъ,—въ тебя перельются тѣ же добродѣтели.

У человѣка нечистаго и страстнаго и вещи его заражены страстями; не прикасайся къ нимъ, не употребляй ихъ.

Не должно разсказывать другимъ о своихъ подвигахъ и молитвенномъ правилѣ. Хотя бы это было и не изъ тщеславія, но у тебя отнимется даръ, который ты обнаружилъ.

Монахъ долженъ жить одинъ, а другой съ нимъ—Господь. Монахъ любитъ всѣхъ людей, но скучаетъ съ ними, потому что они отлучаютъ его отъ Бога.

Безъ молитвы нельзя снести уединенія, безъ уединенія нельзя стяжать молитвы. Молитва истинная есть та, которая вросла въ душу и совершается духомъ.

Никто не возвращался въ келлію свою такимъ, какимъ вышелъ изъ нея.

Святые скорбями совершаются.

Хорошо съ Богомъ вездѣ, а безъ Него очень скучно и въ раю, и въ адѣ.

Чтеніе Псалтири укрощаетъ страсти, а чтеніе Евангелія попаляетъ терніе грѣховъ нашихъ, ибо слово Божіе «огнь поядаяй есть». Однажды въ теченіе сорока дней читалъ я Евангеліе о спасеніи одной благотворившей мнѣ души, и вотъ вижу во снѣ поле, покрытое терніемъ. Внезапу спадаетъ огонь съ небесе, попаляетъ терніе, покрывавшее поле, и поле остается чистое. Недоумѣвая о семъ видѣніи, я слышу гласъ: «Терніе, покрывавшее поле,—грѣхи благотворившей тебѣ души; огнь, попалившій его,—слово Божіе, тобою за нее чтомое».

Страстныя Евангелія прочитывайте, когда прилучится, наипаче въ скорбное время.

Молчаніе собираетъ, а глаголаніе расточаетъ.

Буди на тебѣ благословеніе Божіе, чадо мое духовное, покровъ несомнѣнной нашей надежды Богородицы и помоществованіе чудотворцевъ печерскихъ.

Молитва ежедневная іеросхимонаха Парѳенія Кіевскаго.

Господи, Іисусе Христе, Сыне Божій! не попусти, чтобы суетность, самолюбіе, чувственность, нерадѣніе, гнѣвъ господствовали надо мною и похищали меня у любви Твоей. О, мой Господи, Создатель мой, все упованіе мое! не остави меня безъ удѣла въ блаженной вѣчности, содѣлай, да и я послѣдую святому примѣру Твоему, буду покоренъ властямъ, надо мною поставленнымъ; даруй мнѣ сію чистоту духа, сію простоту сердца, которыя дѣлаютъ насъ достойными любви Твоей. Къ Тебѣ, о, Боже мой! возношу душу мою и сердце мое, не попусти погибнуть созданію Твоему, но избавь меня отъ единственнаго и величайшаго зла — грѣха. Содѣлай, Господи, да переношу съ такимъ же терпѣніемъ безпокойства и скорби душевныя, съ какою радостію пріемлю удовольствія сердечныя. Если Ты хочешь, Господи, можешь очистить и освятить меня. Се предаю себя Твоей благости, прося истребить изъ меня все противное Тебѣ и присоединить къ сонму избранныхъ Твоихъ. Господи! отыми отъ меня праздность духа, погубляющую время, суетность мыслей, мѣшающую Твоему присутствію и развлекающую вниманіе мое въ молитвѣ; если же, молясь, я уклоняюсь отъ Тебя моими помыслами, то помози мнѣ, дабы сіе развлеченіе было не произвольно, и отвращая умъ, да не отвращу отъ Тебя сердце. Исповѣдую Тебѣ, Господу Богу моему, всѣ грѣхи моего беззаконія, нынѣ и прежде содѣланные передъ Тобою, отпусти мнѣ ихъ ради имени Твоего святаго и спаси душу мою, которую Ты искупилъ драгоцѣнною кровію Твоею. Вручаю себя милосердію Твоему, предаюсь въ волю Твою, твори со мною по благости Твоей, а не по злобѣ и безза-

конію моему; научи меня, Господи, располагать дѣла свои такъ, чтобы они споспѣшествовали къ прославленію имени Твоего святаго. Умилосердись, Господи, о всѣхъ христіанахъ, услыши желаніе всѣхъ вопіющихъ къ Тебѣ, избави отъ всякаго зла, спаси рабовъ Твоихъ (имена), пошли отраду, утѣшеніе въ скорбяхъ и милость Твою святую. Господи! молю Тебя особенно о тѣхъ, которые меня чѣмъ-либо обидѣли, оскорбили и опечалили или какое-либо зло сдѣлали; не наказывай ихъ, меня ради грѣшнаго, но пролей на нихъ благость Твою. Господи! молю Тебя о всѣхъ тѣхъ, которыхъ я, грѣшный, опечалилъ, обидѣлъ или соблазнилъ словомъ, дѣломъ, помышленіемъ, вѣдѣніемъ и невѣдѣніемъ. Господи Боже! отпусти намъ грѣхи наши и взаимныя оскорбленія; изжени, Господи, изъ сердецъ нашихъ всякое негодованіе, подозрѣніе, гнѣвъ, памятозлобіе, ссоры и все то, что можетъ препятствовать любви и уменьшать братолюбіе. Помилуй, Господи, тѣхъ, которые поручили мнѣ, грѣшному, недостойному, молиться о нихъ. Помилуй, Господи, всякаго просящаго Твоей помощи. Господи! сотвори сей день днемъ милосердія Твоего, подай каждому по прошенію его, буди пастыремъ заблудшихъ, вождемъ и свѣтомъ невѣрующихъ, наставникомъ немудрыхъ, отцомъ сирыхъ, помощникомъ угнетенныхъ, врачемъ больныхъ, утѣшителемъ умирающихъ и приведи насъ всѣхъ къ желанному концу, къ Тебѣ, Пристанищу нашему и блаженному Упокоенію. Аминь.

Іеросхимонахъ Ѳеофилъ.

Іеросхимонахъ Ѳеоѳилъ былъ сыномъ священника Андрея Горенковскаго, служившаго при церкви Рождества Богородицы, въ городѣ Махновкѣ, Кіевской губерніи.

Онъ родился въ октябрѣ 1788 г., и былъ однимъ изъ двухъ близнецовъ. Назвали его при крещеніи Ѳомою.

Мать начала разомъ кормить грудью обоихъ дѣтей, но Ѳома, къ ея изумленію, не хотѣлъ брать груди и чувствовалъ отвращеніе ко всему молочному, такъ что мать

съ большимъ затрудненіемъ должна была приготовлять ему растительную пищу. Сразу это возбудило въ ней неудовольствіе къ ребенку, а разныя суевѣрія еще разжигали ее, такъ что вскорѣ она просто возненавидѣла сына.

Видя въ этомъ младенцѣ какіе-то непонятные ей задатки, мать (ее звали Евфросинія) рѣшилась потихоньку отъ мужа истребить его.

Она сумѣла подговорить свою служанку и въ одно раннее утро велѣла отнести ребенка къ рѣкѣ и бросить въ воду. Это было исполнено, но сила Божія охраняла его. Младенецъ вынырнулъ изъ воды и спокойно лежалъ на поверхности, потомъ его прибило къ противоположному берегу и онъ былъ выброшенъ волною на сушу. Тогда служанка, упорная въ своемъ намѣреніи, переправилась черезъ рѣку, подняла спящаго младенца и снова бросила въ воду, но волны опять бережно приняли ребенка, понесли его къ острову, образовавшемуся вверхъ по теченію рѣки и сложили на песочную его окраину.

Это такъ поразило женщину, что она раскаялась. Она въ бродъ перешла рѣку, въ слезахъ приняла младенца на руки, понесла его къ матери и тамъ разсказала о всемъ, чему была свидѣтельницею.

Точно обезумѣвъ отъ ненависти, мать выхватила ребенка изъ рукъ служанки и бросилась съ нимъ къ рѣкѣ. Выбравъ то мѣсто, гдѣ была мельница, она швырнула его подъ колесо и въ ту-же минуту побѣжала прочь. Тогда вдругъ жернова, бывшіе въ движеніи, остановились, и отъ напора воды произошелъ необычайный шумъ. Мельникъ вышелъ посмотрѣть, что случилось; колеса, остановленныя какою-то силой, дрожали подъ натискомъ ударявшей на нихъ воды, а внизу слышались младенческіе вопли. Мельникъ посмотрѣлъ туда и увидалъ въ самомъ водоворотѣ плавающаго ребенка. Онъ поскорѣе спустился къ водѣ, выхватилъ ребенка, и жернова тотчасъ замололи.

Въ это время служанка, бывшая при первомъ спасеніи мальчика въ рѣкѣ и слѣдившая за нимъ, подошла къ

Іеросхимонахъ Өеофилъ

мельнику и разсказала ему все. Служанка и мельникъ, въ страхѣ за участь ребенка, рѣшили открыться его отцу. Но мать все продолжала съ ожесточеніемъ твердить, что не оставитъ сына въ живыхъ. Единственный способъ спасти его — было удалить его изъ дому. Отецъ нанялъ для него кормилицу, которая стала кормить его хлѣбомъ, обмакнутымъ въ сыту, и тайно давала знать отцу о его здоровьѣ.

Въ скоромъ времени отецъ почувствовалъ приближеніе смерти, и поручилъ сына попеченію мельника, который былъ свидѣтелемъ его спасенія въ мельничномъ водоворотѣ.

Такъ какъ слухъ о странной участи мальчика распространился по окрестности, и имъ много занимались, одинъ зажиточный человѣкъ просилъ мельника отдать ему Ѳому на воспитаніе, обѣщаясь его усыновить и сдѣлать своимъ наслѣдникомъ.

Но не исполнилось мальчику и трехъ лѣтъ, какъ этотъ человѣкъ скончался, а его вдова, получивъ все его имущество, уговорила мѣстнаго священника взять къ себѣ Ѳому на воспитаніе. Такъ онъ снова былъ поставленъ въ ту среду, гдѣ родился. У этого священника Ѳома прожилъ до семи лѣтъ.

Ребенокъ не выказывалъ склонности къ обычнымъ дѣтскимъ играмъ и навлекалъ на себя тѣмъ побои и насмѣшки товарищей. Тогда онъ уходилъ съ воплемъ и слезами въ лѣсъ. Дня черезъ два его находили тамъ пастухи и разсказывали о немъ чудныя вещи.

Мальчикъ очень любилъ церковную службу. Онъ не пропускалъ ни одного богослуженія и бѣжалъ въ церковь при первомъ ударѣ колокола. Часто заставали его у храма предъ запертыми дверями, погруженнаго въ молитву, далекаго отъ всего, что его окружало.

Зная на горькомъ опытѣ, что такое сиротство и гоненія, онъ рано сталъ бѣднымъ помогать отъ своей собственной нищеты. Онъ лишалъ себя для того необходимаго и разъ, увидавъ мальчика въ лохмотьяхъ, снялъ съ себя

рубашку и отдалъ ему, а самъ вернулся домой въ одномъ верхнемъ платьѣ. Но за это воспитатель его строго наказалъ.

Съ семилѣтняго возраста священникъ сталъ обучать его грамотѣ, но вскорѣ умеръ. Горько оплакивалъ его несчастный мальчикъ. Нужно было, однако, гдѣ-нибудь пріютиться. Церковный староста рѣшился отвести мальчика къ его матери, надѣясь, что время смягчило ея прежнюю ненависть.

Но какъ только яростная женщина завидѣла сына (она въ то время колола лучину), какъ бросила въ него топоромъ и разсѣкла ему правое плечо.

Староста бросился скорѣе бѣжать изъ этого дома, уводя съ собою и ребенка. Дома онъ перевязалъ ему раны и оставилъ при себѣ, пока его не вылѣчили.

Разузнавъ, что въ Кіевѣ въ Братскомъ монастырѣ живетъ дядя Ѳомы, вдовый священникъ, староста отвезъ къ нему Ѳому, сдалъ его на руки этому монаху и пересказалъ ему всѣ грустныя и трудныя обстоятельства его жизни. Здѣсь и сталъ жить Ѳома. При Братскомъ монастырѣ находится Кіевская духовная Академія, и въ принадлежашей ей школѣ Ѳома обучался.

Безумная мать, наконецъ, смягчилась. Она заболѣла неисцѣлимою болѣзнію и со слезами раскаивалась въ своихъ поступкахъ съ сыномъ. Особенно подѣйствовалъ на нее сонъ, въ которомъ она видѣла себя предъ страшнымъ судомъ Божіимъ, а сына кротко молящимся за нее. И сынъ имѣлъ отраду быть при кончинѣ матери, слышалъ отъ нея просьбу простить ее и молиться за нее и получилъ отъ нея благословеніе.

Учился Ѳеофилъ прилежно. Но наука не удовлетворяла запросовъ его души. Онъ жаждалъ тѣхъ высшихъ духовныхъ познаній, которыя открываются чистымъ сердцамъ чрезъ озареніе отъ Бога. Выше училища онъ ставилъ для себя храмъ, и здѣсь, среди чтенія и пѣнія, онъ уходилъ въ думы о Богѣ и въ глубочайшую сосредоточенную

молитву. Желаніе иночества охватывало его, и онъ твердо рѣшилъ стать монахомъ.

Недолго жилъ дядя и, умеревъ, оставилъ мальчика безъ всякихъ средствъ и пристанища. Продолжать учиться было невозможно, и Ѳома опредѣлился послушникомъ въ Братскій монастырь. Здѣсь онъ былъ послѣдовательно опредѣленъ къ послушаніямъ на хлѣбнѣ, на кухнѣ, звонаремъ и пономаремъ. Углубленный въ молитву, кроткій, смиренный и цѣломудренный, Ѳома жаждалъ отречься совсѣмъ отъ міра и произнести монашескіе обѣты. 11 декабря 1812 г., 23 лѣтъ отъ роду, онъ былъ постриженъ съ именемъ Ѳеофила, чрезъ годъ рукоположенъ въ іеродіаконы. Не имѣя никакой собственности, Ѳеофилъ все же исполнялъ великую заповѣдь милосердія. Онъ принималъ на себя труды, назначенные другимъ, исполнялъ послушанія низшей братіи, служилъ богомольцамъ, приходившимъ въ лавру, оставался по два и по три дня безъ пищи, чтобы отдать свою долю нуждавшимся.

Въ 1827 г., рукоположенный во іеромонаха, о. Ѳеофилъ назначенъ монастырскимъ экономомъ, но онъ просилъ уволить его отъ этой обязанности и позволить ему удалиться въ пещеры, ископанныя въ с. Лѣсникахъ преп. Ѳеодосіемъ Кіево-Печерскимъ. Но ему въ томъ отказали, и тогда Ѳеофилъ принялъ на себя тяжкій подвигъ юродства. Въ 1834 г. онъ былъ постриженъ въ схиму съ удержаніемъ имени Ѳеофила.

Далекъ житейской суеты, пренебрегая всѣми правилами житейскаго быта, Ѳеофилъ удалялся людей и рѣдко съ кѣмъ разговаривалъ. Спокойный, задумчивый, всегда съ потупленными глазами, онъ ходилъ только изъ келліи въ церковь, не пропуская ни одного богослуженія.

Онъ останавливался у церковныхъ дверей или въ притворѣ и стоялъ неподвижно до конца службы. Всегда около него находилась корзина, ведро, кувшинъ или другая посуда, которую онъ всюду носилъ съ собою. Иногда онъ спускался къ Днѣпру, за водой, и тогда иногда садился въ

лодку и переправлялся чрезъ рѣку, и на томъ берегу, зайдя въ чащу кустарниковъ, предавался молитвѣ. Онъ не искалъ перевозчика и, выбравъ какую-нибудь чужую лодку, садился въ нее и гребъ самъ. Объ этомъ обычаѣ его знали, и ему не мѣшали.

Старецъ не любилъ, чтобъ на него обращали вниманіе, и если кто подходилъ къ нему за благословеніемъ, онъ благословлялъ спѣшно и на ходу. Замѣтивъ, что его ждутъ богомольцы, онъ дѣлалъ большой крюкъ, чтобъ обойти ихъ, особенно если то были не простолюдины.

— Чего вамъ нужно отъ меня, смердящаго?—говорилъ онъ своимъ почитателямъ.—Обращайтесь съ чистою вѣрою къ Пречистой Божіей Матери и св. угодникамъ Печерскимъ. Они вамъ все дадутъ, что нужно. А у меня ничего нѣтъ. Подите!..

Когда же къ нему въ келлію входилъ какой-нибудь изъ образованныхъ людей, Ѳеофилъ говорилъ: «Я невѣжа, простецъ несвѣдущій и неученый; въ состязаніе съ вами входить не могу, а пустословить не хочу; чего добраго, вы, нынѣшніе мудрецы, пожалуй, и меня собьете съ пути».

Такъ говорилъ онъ людямъ, гордымъ своею мнимою мудростью. Но, когда къ нему приходилъ простой человѣкъ, жаждавшій полезнаго слова, Ѳеофилъ принималъ его охотно, хотя не удлинялъ бесѣды. Онъ говорилъ какую-нибудь знаменательную притчу или даже рѣзкій урокъ, освѣщавшій посѣтителю все его душевное состояніе. Часто онъ давалъ какую нибудь вещь, незначительную, но содержавшую намекъ на предстоявшую человѣку участь.

На внѣшность свою Ѳеофилъ, занятый молитвою, не обращалъ никакого вниманія, навлекая на себя отъ нѣкоторыхъ укоры въ неряшествѣ. Онъ носилъ ветхую одежду, всю исшитую бѣлыми нитками; грудь была почти всегда полуоткрыта, на ногахъ изорванныя туфли, а то иногда на одной сапогъ, а на другой валенокъ. Голова была иногда повязана грязнымъ полотенцемъ. Замѣчали, что, чѣмъ неопрятнѣе онъ одѣтъ, тѣмъ неспокойнѣе внутреннее состоя-

ніе его души. Когда Ѳеофилъ приступалъ къ своимъ келейнымъ молитвамъ, онъ надѣвалъ на себя мантію, а передъ чтеніемъ евангелія и акаѳистовъ, надѣвалъ епитрахиль и фелонь и зажигалъ три лампады. Опоясанный по тѣлу желѣзнымъ поясомъ съ иконою Богоявленія, которой онъ никогда не снималъ, онъ клалъ множество поклоновъ, а для отдыха прислонялся къ стѣнѣ или ложился на узкую скамью. Постоянно занятый внутреннею своею жизнію, онъ не заботился о порядкѣ въ келліи и, когда его спрашивали, какъ это онъ допускаетъ у себя такую неустроенность, онъ отвѣчалъ: «пусть все вокругъ меня напоминаетъ мнѣ о безпорядкѣ въ моей душѣ». Кромѣ стола, налойчика и скамейки, въ комнатѣ ничего не было. Печка топилась курящимся нерубленымъ бревномъ, и въ комнатѣ бывало такъ холодно, что замерзала вода. Но старецъ, надѣвъ тулупъ и валенки, становился на молитву и, весь охваченный ею, уже ничего больше не замѣчалъ.

Денегъ Ѳеофилъ не бралъ, а, если, послѣ долгихъ о томъ просьбъ, и соглашался взять, то тутъ же раздавалъ ихъ бѣднымъ.

Чтобъ не оставаться празднымъ, онъ сучилъ шерсть, вязалъ чулки и ткалъ холстъ, который давалъ иконописцамъ для ихъ работы. Трудясь, онъ читалъ наизусть псалтирь и разныя молитвы.

Получая пищу изъ братской трапезы, онъ перемѣшивалъ все вмѣстѣ—сладкое съ горькимъ и, когда ему говорили, какъ это онъ можетъ дѣлать, онъ отвѣчалъ: «вѣдь и въ жизни сладкое перемѣшано съ горькимъ». Но часто старецъ вовсе не касался пищи, оставляя ее всю для бѣдныхъ и странниковъ. Вообще постъ онъ соблюдалъ чрезмѣрный.

Въ концѣ 1844 г., крайне ослабѣвъ силами, подвижникъ сталъ проситься перевести его къ Больничной церкви Кіево-Печерской Лавры. Но вмѣсто того онъ опредѣленъ въ Голосѣевскую пустынь, лежащую въ очаровательной мѣстности въ окрестностяхъ Кіева.

Многіе, по слухамъ о высокой жизни его, хотѣли его видѣть, и тогда онъ, для избѣжанія мірской славы, усилилъ свое юродство. За это онъ былъ удаленъ на такъ называемую Новую пасѣку. По значительности разстоянія очень было трудно старцу ежедневно приходить къ службамъ, и его перевели неподалеку, въ Китаевскую пустынь, окруженную высокими поросшими густымъ лѣсомъ горами. Старецъ уходилъ въ глубь лѣса и цѣлыми днями погружался въ молитву. Еще теперь показываютъ тотъ пень, на которомъ онъ иногда цѣлыми сутками молился о прощеніи всего міра, невѣдущаго, что онъ творитъ, и скорбѣлъ о растлѣніи вѣка.

При внѣшней угрюмости, кроткій и незлобивый сердцемъ, онъ на самыя жестокія оскорбленія отвѣчалъ мольбою о прощеніи и терпѣніемъ побѣждалъ злобу.

Замѣчательную мысль высказалъ онъ однажды:

«Молиться надо за враговъ. Они большею частью сами не видятъ, что творятъ. Да они даже и благодѣтели наши: нападками своими они укрѣпляютъ въ насъ добродѣтели, смиряютъ на землѣ духъ нашъ, а на небѣ сплетаютъ намъ райскіе вѣнцы. Родъ человѣческій приходитъ въ изнеможеніе, подвижники ослабѣваютъ въ силахъ, и тѣмъ только и спасаются, что ихъ гонятъ и причиняютъ имъ скорби».

Нечасто дѣлился старецъ своими думами, и лишь въ глубокомъ сознаніи о необходимости того. «Смотри,—сказалъ онъ одному изъ близкихъ къ себѣ,—не сѣй пшеницы между терніемъ, а сѣй на тучной землѣ; да и тутъ еще хорошо разглядывай, нѣтъ ли лебеды, чтобъ не выросло плевеловъ, заглушая ростки пшеницы».

Нѣсколько странно стоялъ старецъ въ церкви. Онъ обыкновенно отворачивался отъ людей къ стѣнѣ и никогда не подымалъ своихъ опущенныхъ глазъ. Такъ же, когда онъ участвовалъ въ соборномъ служеніи, онъ стоялъ въ полъоборотъ отъ стоявшаго предъ алтаремъ, кланяясь на востокъ. Одинъ братъ спросилъ его о томъ: «Богъ видитъ мою простоту, отвѣчалъ старецъ, я дѣлаю все по положенному. Но когда углубляюсь мыслію въ совершаемое таин-

ство, то забываю и себя, и то, что вокругъ меня. Я вижу во время Божественной литургіи лучъ, крестообразно сходящій съ высоты и осѣняющій служащихъ,—но иногда не всѣхъ; вижу росу, сходящую на Дары. Тогда все мое существо несказанно восторгается, и во мнѣ все гласитъ: «Святъ, святъ, святъ, Господь Богъ Саваоѳъ, исполнь небо и земля славы Твоея... «Я не оправдываю себя, братъ, въ томъ какъ я стою,—я говорю только истину. Но никому не открывай ее».

Недолго пробывъ опять въ Голосѣевской пустыни, старецъ вернулся умирать въ Китаевъ, и здѣсь часто говорилъ о близкой своей кончинѣ.

Въ послѣдніе мѣсяцы о. Ѳеофилъ охотнѣе говорилъ и, прося не забывать въ молитвахъ смердящаго Ѳеофила, не скупился на совѣты и наставленія.

«Любите,— повторялъ онъ,— любите другъ друга любовью святой и не держите гнѣва другъ на друга. Не прельщайтесь ничѣмъ. Не прилагайте сердца ни къ чему земному. Все это оставимъ здѣсь. Только одни добрыя дѣла пойдутъ съ нами на тотъ свѣтъ. Чаще надо молиться и оплакивать свои грѣхи, да не свои только, но и своего ближняго».

Много хранилось разсказовъ о прозорливости о. Ѳеофила и силѣ его молитвъ за больныхъ.

Ровно за мѣсяцъ до кончины старецъ вовсе пересталъ вкушать пищу, принимая лишь кусочекъ антидора, омоченный въ водѣ.

У него стали пухнуть ноги отъ долгаго стоянія, но онъ продолжалъ по-прежнему ходить въ церковь и почти ежедневно пріобщался.

За нѣсколько дней до смерти онъ просилъ, чтобъ 28 октября ему принесли св. Дары въ келлію, и нѣсколько разъ напоминалъ о томъ, прибавляя, что это въ послѣдній разъ, и что онъ больше никого не будетъ безпокоить.

Рано утромъ въ этотъ день онъ пріобщился и совсѣмъ успокоился. Передъ вечернею велѣлъ зажечь у себя ладону со смирной и засвѣтить предъ иконами лампадку.

Затѣмъ онъ самъ поставилъ чрезъ порогъ келліи скамейку, велѣлъ зажечь восковую свѣчку и подать крестъ, которымъ обыкновенно осѣнялъ приходившихъ къ нему.

Благословивъ потомъ своихъ послушниковъ, старецъ тихо предалъ душу Богу. Это было въ 3 часа дня 28 октября 1852 г., въ день памяти преподобномученицы Параскевы, нарицаемыя Пятницы, особенно имъ чтимой.

Іеросхимонахъ Ѳеофилъ былъ роста скорѣе высокаго. Его свѣтлое лицо и ясные голубые глаза не соотвѣтствовали угрюмости, какую онъ принималъ въ обращеніи съ людьми. Говорилъ онъ глухо и быстро, употребляя преимущественно малороссійское нарѣчіе. Часто видали его плачущимъ и никогда смѣющимся.

Его могила находится въ Китаевской пустыни, близъ Свято-Троицкой церкви, на сѣверной сторонѣ.

Ростовскій іеромонахъ Амфилохій.

Іеромонахъ Амфилохій, долгое число лѣтъ стоявшій у раки святителя Димитрія Ростовскаго, былъ чтимъ не только одними жителями Ростова.

Многочисленные богомольцы, бывавшіе у мощей святителя, всѣ оставались подъ обаяніемъ свѣтлой, истинно монашеской личности его, и повсюду разносили разсказы объ его удивительной кротости, духѣ постоянной молитвы, тихихъ и мудрыхъ совѣтахъ его. Окруженное всеобщимъ уваженіемъ при жизни его,—не забыто имя іеромонаха Амфилохія и по его смерти.

О. Амфилохій, въ міру Андрей Яковлевичъ, родился 9 октября 1748 г. въ Ростовѣ. Его отецъ былъ приходскимъ священникомъ.

Первоначальное обученіе онъ получилъ въ домѣ своего отца. Примѣчая хорошія его способности, отецъ сталъ учить его очень рано, съ шести лѣтъ. На седьмомъ году онъ уже могъ свободно пѣть и читать.

Эти успѣхи и привязанность мальчика къ духовнымъ

книгамъ радовали его родителей, какъ хорошее предзнаменованіе.

Кротость, послушаніе, почтеніе къ родителямъ, услужливость всѣмъ старшимъ и благочестіе были чертами его характера.

Это благочестіе и любовь къ Богу уже и тогда рѣзко проявлялись въ немъ.

Почти всякій день онъ ходилъ въ церковь къ утренѣ, обѣднѣ и вечернѣ, и на клиросѣ пѣлъ и читалъ. Но такъ какъ за малымъ ростомъ онъ не могъ достать до книгъ, лежавшихъ на аналоѣ, – то отецъ его подставлялъ ему подъ ноги маленькую скамеечку, и съ этой скамеечки онъ пѣлъ и читалъ. Всѣмъ пріятно было видѣть маленькаго чтеца, справлявшагося лучше многихъ взрослыхъ причетниковъ не только съ псалтирью и часословомъ, но и канонами и другими богослужебными книгами.

Отъ дѣтскихъ забавъ и игръ Андрей удалялся. Никогда не допустилъ онъ себя до праздности, безчиннаго смѣха и сквернословія.

Отецъ Андрея не имѣлъ возможности или случая провести сына чрезъ учебное заведеніе, и, когда Андрею было около 16 лѣтъ, онъ опредѣленъ причетникомъ въ одну ростовскую церковь.

Исполнительность по службѣ, воздержанность во всемъ, смиреніе и строгость къ себѣ дѣлали Андрея въ этихъ юношескихъ годахъ какъ бы взрослымъ. Все это давалось ему не безъ борьбы. Такъ-называемые пріятели старались свести его съ его хорошаго пути, но онъ съ помощью Божіею оставался твердъ, жизнь его ничѣмъ не была запятнана.

Главнымъ средствомъ для предохраненія себя отъ уступокъ тѣмъ страстямъ, которыя омрачаютъ собой юношескій возрастъ, Андрей избралъ постоянный трудъ. Кромѣ отправленія своей должности, онъ сталъ заниматься иконописью—на деревѣ и на финифти.

Занятіе это совершенно соотвѣтствовало его душев-

ному настроенію. Онъ какъ бы находился въ постоянномъ общеніи съ тѣми святыми; видѣлъ постоянно предъ собою тѣ высокія и спасительныя событія, которыя онъ изображалъ.

Въ иконописномъ дѣлѣ онъ достигъ многаго. Иконы, имъ писанныя, выдавались своими качествами.

Ростовскій архіерей, узнавъ о службѣ и трудахъ Андрея, назначилъ его діакономъ въ Ярославль.

Въ скоромъ времени стали въ Москвѣ обновлять соборы Успенскій, Архангельскій и Благовѣщенскій, преимущественно художниками изъ духовенства. Въ числѣ ихъ былъ вызванъ въ Москву и Андрей, и оставался тамъ до конца дѣла.

Въ Ярославлѣ и Ростовѣ есть образа, имъ писанные.

Вскорѣ по возвращеніи домой, Андрей потерялъ жену свою, послѣ пятилѣтняго супружества. Не болѣе года оставался онъ еще на діаконскомъ мѣстѣ. Поручивъ воспитаніе единственной дочери своему брату, онъ въ 1777 году поступилъ въ Ростовскій Яковлевскій монастырь, а 8 декабря 1779 г. былъ постриженъ въ монашество. При этомъ настоятель, противъ своего и общаго обыкновенія, далъ ему свое имя, — Амфилохій.

— Никому,—сказалъ онъ,—не давалъ я этого имени. Тебѣ первому и послѣднему даю его, въ надеждѣ, что оно по смерти моей не только продолжится въ тебѣ, но и прославится.

О. Амфилохію было назначено сродное ему послушаніе: расписывать стѣны въ соборной монастырской церкви.

Однажды, когда онъ, стоя на подмосткахъ, занимался этимъ дѣломъ, онъ услышалъ, во время службы у мощей святителя Димитрія, пѣніе стиха «Житейское море воздвизаемое зря напастей бурею, къ тихому пристанищу Твоему притекъ, вопію Ти: возведи отъ тли животъ мой, Многомилостиве!»

Ему казалось, что это поютъ ангелы небесныя слова, и онъ не могъ не заплакать. Тутъ онъ почувствовалъ омер-

зѣніе къ благамъ этого міра, и благочестивое его настроеніе превратилось въ живое пламенное чувство. Его любовь къ Богу какъ бы унесла его отъ земли; онъ жаждалъ только одного — быть всегда съ Богомъ.

Вскорѣ о. Амфилохій былъ рукоположенъ во іеромонахи, и на него возложено разомъ нѣсколько должностей— ризничаго, смотрителя благочинія, гробового и уставщика. Чтобъ исполнять все это, требовалось крайнее напряженіе всѣхъ силъ. Его постоянные труды были тѣмъ изумительнѣе, что у себя въ келліи онъ былъ постоянно занятъ молитвою.

Почти весь день и большую часть ночи онъ проводилъ на молитвѣ. Отдыху давалъ себѣ не болѣе пяти часовъ, да и то постоянно урѣзывалъ себя.

Прежде всѣхъ нужно ему было войти въ церковь, для приготовленія ризъ, а послѣ окончанія службы убрать. Случалось ему только что вернуться въ келлію, какъ его требовали къ мощамъ. Въ первыя двѣ недѣли великаго поста во время Ростовской ярмарки онъ по 12 часовъ и болѣе проводилъ, стоя на ногахъ, не выходя изъ церкви.

Хилый, изможженный на видъ, онъ соблюдалъ чрезвычайно строгій постъ, и по нѣскольку дней, особенно въ великій постъ, оставался безъ пищи.

Въ продолженіе 43 лѣтъ присутствуя, за самыми малыми исключеніями, у всѣхъ службъ,—вечерни, утрени, ранней и поздней обѣдни, онъ и дома постоянно молился. Въ полночь онъ стоялъ на колѣняхъ предъ распятіемъ, со слезами, сокрушеніемъ и раскаяніемъ повторялъ много разъ слова молитвъ. Особенно молился онъ предъ причащеніемъ; тогда слезы лились неудержимо.

Затѣмъ онъ употреблялъ много времени на чтеніе Священнаго Писанія. Не пройдя чрезъ школу, онъ имѣлъ рѣдкое знаніе Священнаго Писанія. Множество мѣстъ изъ него онъ зналъ наизусть и приводилъ на память, сообразно обстоятельствамъ тѣхъ людей, съ которыми говорилъ. Такъ что, когда кто избиралъ его духовникомъ и руководите-

лемъ,—какъ бы не онъ, а само слово Божіе направляло ввѣрившагося ему человѣка.

Чтеніе дало ему столько знанія, что бесѣдовавшіе съ нимъ образованные люди бывали тѣмъ поражены.

О. Амфилохій чрезвычайно любилъ святителя Димитрія. Дороже всего была для него возможность служить при мощахъ святителя, и изъ-за того онъ упорно отказывался отъ настоятельскихъ мѣстъ, которыя ему предлагали.

Іеромонахъ Амфилохій.

Монастырское богослуженіе было ему обязано прекраснымъ чиномъ и порядкомъ.

Кромѣ другихъ обязанностей на него возложили новую должность—духовника.

Кромѣ исповѣди, онъ принималъ также братію съ откровеніемъ постоянныхъ, случавшихся съ ними недоумѣній или искушеній, что уже представляло собою отношенія старчества. И онъ не жалѣлъ времени на разговоръ въ такихъ случаяхъ съ тѣмъ, кто нуждался въ немедленной духовной поддержкѣ.

Онъ не былъ ни безмѣрно строгъ, ни излишне снисходителенъ, умѣлъ различать духовное состояніе всякаго и каждому назначалъ, что ему было по силамъ.

Глубочайшее смиреніе старца соединялось съ горячею ревностью и прямодушіемъ въ обличеніи того, что требовало обличенія. Однажды онъ сдѣлалъ строгій выговоръ иноку за безчинство въ церкви. Потомъ оказалось, что выговоръ былъ незаслуженъ. Тогда старецъ бросился при всѣхъ въ церкви къ ногамъ оскорбленнаго, умоляя простить его.

Вслѣдъ за иноками, къ о. Амфилохію стали обращаться и міряне. Многіе писали ему.

Не только письма и рѣчи старца производили отрезвляющее духовное дѣйствіе. Отъ одного взгляда на его просвѣтленное лицо лучше становилось на душѣ.

Совѣты и наставленія онъ предлагалъ тономъ скорѣе друга, чѣмъ наставника. Въ немъ была большая проницательность. Съ перваго взгляда иногда онъ понималъ всего человѣка и его слова часто сбывались съ удивительною точностью.

Добро онъ дѣлалъ такъ, какъ другіе дышатъ, безсознательно. Всѣхъ ему хотѣлось видѣть счастливыми.

Такая жизнь снискала о. Амфилохію всеобщее уваженіе. Кромѣ множества мірянъ съ большимъ положеніемъ, его чтилъ Государь Императоръ Александръ I и его мать, императрица Марія Ѳеодоровна: посѣщали его, пріѣзжая въ Ростовъ, и долго съ нимъ бесѣдовали.

Какое значеніе имѣлъ онъ для монастыря и для мірянъ, видно изъ письма митрополита С.-Петербургскаго Серафима къ настоятелю обители:

«Сіе свѣтило, столько лѣтъ озарявшее святую обитель вашу и окрестные грады и веси, склоняется уже къ западу. А посему я долгомъ своимъ считаю молить купно съ вами Отца небеснаго, дабы Онъ долѣе и долѣе продлилъ тихое сіянье его къ сердечной радости сыновъ Церкви и къ нашему утѣшенію».

Старецъ старѣлъ, но не ослабѣвалъ въ подвигахъ.

Однажды во время всенощной онъ такъ обезсилѣлъ, что долженъ былъ подать знакъ, чтобъ его вынесли изъ церкви. Съ тѣхъ поръ онъ заключился въ келлію.

Къ концу мая 1824 г. онъ совершенно изнемогъ.

Отнялся языкъ. Онъ былъ особорованъ и пріобщенъ, прочтенъ канонъ на разлученіе души съ тѣломъ. Благословивъ всѣхъ, онъ и себя сталъ ограждать крестнымъ знаменіемъ.

24 мая въ 10 часовъ вечера—время, когда онъ обыкновенно отходилъ къ временному отдыху, онъ уснулъ вѣчнымъ сномъ.

Такъ какъ отъ слабости голова его не лежала, а скорѣе стояла въ подушкахъ, то при кончинѣ его она склонилась на грудь, и ее никакъ не удавалось, несмотря на всѣ усилія, отдѣлить отъ груди и привести въ нужное положеніе. Но только что стали его облачать, тѣло его выпрямилось и голова поднялась отъ груди.

Много народу съѣхалось къ похоронамъ, и сошлось со всѣхъ сторонъ.

При общемъ плачѣ, старца схоронили въ притворѣ соборнаго храма.

Около него впослѣдствіи былъ погребенъ его племянникъ, архимандритъ Иннокентій, тоже извѣстный строгою жизнью.

Доселѣ жители Ростова помнятъ обоихъ старцевъ и вѣрятъ въ ихъ молитвы.

Пустынникъ Василискъ.

«Духъ дышетъ, идѣже хощетъ». Благодать Божія вселяется въ безвѣстныхъ людей, озаряетъ умы непросвѣщенные знаніемъ, «Божественное желаніе» охватываетъ душу деревенскаго мальчика какого-нибудь глухого угла, и ведетъ его далеко-далеко по пути благочестія. Къ такимъ избранникамъ принадлежитъ пустынножитель Василискъ, жизнь котораго представляетъ собою много замѣчательнаго, чрезвычайнаго. Интересная сама по себѣ, она, кромѣ того,

показываетъ, какъ глубоки всегда были духовныя стремленія въ русскомъ крестьянствѣ.

Смиреніе, происшедшее отъ тяжелыхъ жизненныхъ испытаній и отъ лишеній, перенесенныхъ вслѣдствіе нищеты въ дѣтскомъ возрастѣ, были отличительными свойствами этого подвижника.

Василискъ, въ міру Василій, происходилъ изъ экономическихъ крестьянъ Тверской губерніи, Калязинскаго уѣзда, деревни Иванишъ. Отца его звали Гавріиломъ. Онъ былъ высокій, здоровый, работящій и набожный мужикъ. Работая дружно съ женой Стефанидой, они накопили цѣлый кувшинъ серебра, и жили въ довольствѣ, уважаемые сосѣдями. Дѣтей своихъ воспитывали они въ страхѣ Божіемъ; пріучали ихъ сносить обиды и отнюдь не ссориться, запрещали имъ браниться и наказывали ихъ за брань. Одинъ былъ недостатокъ у этихъ добрыхъ крестьянъ: слишкомъ надѣялись они на свои деньги и считали несомнѣннымъ, что проведутъ съ дѣтьми старость въ довольствѣ.

Но Господь часто посылаетъ избранникамъ своимъ бѣдность, такъ какъ жить въ скорби и нищетѣ полезнѣе, чѣмъ въ богатствѣ и отрадѣ. Господь часто отымаетъ богатство у тѣхъ, о которыхъ Онъ знаетъ, что они могутъ быть преданными Ему служителями, и Онъ освобождаетъ ихъ умъ и сердце отъ суетныхъ попеченій, чтобъ, подобно Маріи, они могли всею душою оставаться у ногъ Христовыхъ, внимая Его закону.

Итакъ, Господь попустилъ, чтобъ воры украли тѣ самыя сбереженія, которыя составляли какъ бы идолъ для Гавріила и Стефаниды. Чрезъ то и сами они должны были прибѣгать чаще къ Богу, а дѣти ихъ должны были привыкнуть къ нищетѣ, научиться все покорно переносить и привыкнуть къ смиренію, уповая на единаго Бога.

Вскорѣ послѣ того Стефанида умерла, и Гаврила остался съ тремя малолѣтними дѣтьми. По необходимости имѣть въ домѣ хозяйку, онъ женился второй разъ, и жилъ въ скудости, дойдя, наконецъ, до нищеты, когда наступила

старость и съ нею невозможность трудиться. Онъ сталъ тогда просить милостыню; старшаго сына отдалъ въ люди на прокормленіе, другого посылалъ по міру; Василій же по малолѣтству оставался дома. Часто бывалъ онъ одинъ, и тогда съ громкимъ плачемъ призывалъ отца или мачеху, которая берегла его не менѣе родной матери. Они были такъ бѣдны, что у нихъ и соли не бывало достаточно, и они смѣшивали ее съ мукою, когда маленькій Василій просилъ посыпать себѣ хлѣбъ солью. Нѣсколько подросши, онъ сталъ тоже ходить просить милостыню и, если кто подавалъ денежку или копейку, радовался, что есть, на что купить калачикъ. Приходя къ лавкѣ, онъ не смѣлъ просить купца, а, стоя, однимъ просящимъ терпѣливымъ взоромъ выражалъ свою просьбу. Кто давалъ ему денежку или полушку, за того онъ весь день мысленно молилъ Бога и, купивъ калачъ, считалъ тотъ день торжественнымъ праздникомъ. Однажды у купца разбился горшокъ съ медомъ, и онъ отбросилъ къ маленькому Василію покрытые медомъ черепки. А тотъ сталъ обсасывать ихъ и въ радости благодарилъ Бога, что узналъ вкусъ меда.

Еще въ этихъ малыхъ годахъ онъ часто размышлялъ о небѣ, и ему хотѣлось взлетѣть туда. Видя на образахъ ангеловъ, изображенныхъ съ крыльями, онъ думалъ, что и самъ можетъ летать на крыльяхъ. Онъ бралъ въ обѣ руки крылья и много длинныхъ перьевъ, влѣзалъ на пригорки и думалъ съ нихъ летѣть... Это ему, конечно, не удавалось, и мало-по-малу сталъ онъ понимать, что человѣку крылья нужны не изъ перьевъ; а взлетитъ къ небу тотъ, кто Богу угодитъ и возлюбитъ Его отъ всей души.

Онъ началъ предъ всѣми смиряться и терпѣливо переносить всякія огорченія. Онъ много слышалъ о преподобномъ Макаріи Калязинскомъ *). Этотъ святой былъ изъ

*) Преп. Макарій, сынъ Тверскаго боярина, Василія Кожи, былъ женатъ на дѣвицѣ изъ рода Яхонтовыхъ. Рано овдовѣвъ, постригся въ Клобуковѣ монастырѣ близъ г. Кашина. Стремясь душою въ пустынное уединеніе, онъ удалился въ безлюдное мѣсто въ 18 верстахъ отъ Кашина, между двумя озерами, близъ Волги.

бояръ и оставилъ почести міра и богатство, чтобъ идти за Христомъ. Узнавъ о томъ, Василій сталъ тужить, что ему невозможно спастись, такъ какъ онъ бѣденъ и ему нечего оставлять ради Бога. Сильно опечаленный, онъ сталъ искать клада, только для того, чтобъ, найдя, оставить его для Бога... Такъ думалъ онъ по своему неразумію и малолѣтству. Но и эти неправильныя предположенія его показывали, какъ ужъ тогда глубока была въ немъ мысль о спасеніи души.

Очень хотѣлось ему слышать церковныя поученія, и онъ всегда ходилъ въ церковь. Но отчасти вслѣдствіе тѣсноты въ храмѣ, отчасти по убожеству своей одежды, отчасти по малому своему росту и безсилію онъ не могъ стать близко къ проповѣднику. Это его очень печалило, особенно когда проповѣдывалъ архимандритъ Гавріилъ, знаменитый проповѣдникъ, бывшій впослѣдствіи митрополитомъ петербургскимъ. Съ великимъ огорченіемъ выходя изъ церкви, Василій горячо молилъ Бога, не зная самъ, чего просить, но всѣмъ сердцемъ предавая себя Богу.

Когда онъ нѣсколько подросъ, отецъ отдалъ его внаймы, пасти скотъ. Тутъ онъ много натерпѣлся отъ холода и зноя, дождей и слякоти. Одежда была ветхая, пища въ полѣ одинъ сухой хлѣбъ. Но, и пригнавши скотъ по дворамъ, онъ не смѣлъ просить хозяевъ накормить его чѣмъ нибудь получше. Видя его стараніе и робость, хозяева сами изъ жалости его кормили.

Въ простотѣ сердца, призывая на помощь имя Божіе, онъ нѣсколько лѣтъ пасъ стадо безъ труда: все стадо паслось вмѣстѣ, не расходилось во всѣ стороны, волки не трогали скотъ, не одна скотина не затерялась, не заболѣла. И Василій былъ такъ покоенъ, что не заботился уже о скотѣ, оставляя его пастись одного, а самъ углублялся въ молитву. Такъ шло дѣло, пока Василій наблюдалъ за собою.

Вокругъ него собралась братія и образовалась обитель, въ которой процвѣтала духовная жизнь. Удостоенный еще на землѣ благодатныхъ даровъ, старецъ почилъ на 83-мъ году 17 марта 1483 г. Мощи его почиваютъ въ его монастырѣ.

Когда же онъ духовно облѣнился и строй его жизни измѣнился: тогда измѣнилось и стадо. Оно стало бродить во всѣ стороны; съ величайшимъ трудомъ онъ еле поспѣвалъ собирать всѣхъ, бывали случаи, что волки бросались на скотъ и уносили. Созналъ свою вину предъ Богомъ Василій, и сталъ еще болѣе смиряться въ сердцѣ своемъ. Тогда онъ отказался отъ должности пастуха.

Когда всѣ три брата пришли въ возрастъ, всѣ трое положили отъ всего сердца служить одному Богу. Отказавшись отъ брачной жизни, они проводили жизнь въ трудахъ, соблюдая умѣренность и чистоту. Лѣтомъ они плавали на баркахъ, зимою занимались около дома.

Но старикъ-отецъ настоялъ, чтобъ меньшой его сынъ, Василій, женился; онъ отдалъ его въ зятья въ зажиточную семью. Часто изъ дому приходилъ онъ къ братьямъ, и сожалѣлъ, что не можетъ жить подобно имъ. Хотя и женатый, онъ содержалъ то самое молитвенное правило, которое исполняли его братья и проводилъ жизнь, подобно имъ: всякое лѣто ходилъ на барки въ работники. При дѣлежѣ денегъ у братьевъ всегда выходили споры: братья хотѣли заставить его взять ихъ деньги себѣ, на что Василій не соглашался.

Старшій братъ Козьма велъ жизнь чрезвычайно строгую. На тѣлѣ онъ носилъ власяницу, сотканную изъ конскаго волоса; подъ власяницею — вериги изъ желѣзныхъ обручей, врѣзавшихся въ его тѣлѣ. Крестьянское общество освободило его отъ податей, чтобъ дать свободу его духовнымъ стремленіямъ. Такое же увольненіе отъ общества получилъ и второй братъ.

Василій, живя у тестя, сталъ учиться грамотѣ, и все сильнѣе и сильнѣе жаждалъ посвятить себя Богу. Онъ сталъ уговаривать жену служить одному Богу и жить жизнію чистою—въ бракѣ, какъ внѣ брака. На это она вскорѣ согласилась, и они условились испытать себя — будутъ ли въ силахъ прожить цѣломудренно, и тогда разлучиться навсегда. Три года испытывали они себя, и всякій годъ тесть

отпускалъ Василія на заработки въ дальнія стороны, а онъ все это время проживалъ въ разныхъ монастыряхъ. За эти годы много узналъ и услыхалъ Василій относящагося до духовной жизни. И, наконецъ, объявилъ женѣ и тестю о непремѣнномъ своемъ намѣреніи оставить ихъ и уйти къ пустынникамъ. Его отпустили мирно. Онъ сперва поселился у старшаго брата, который увѣщевалъ его, что Богу угоднѣе, чтобы онъ послужилъ больному брату, чѣмъ укрылся въ пустыню, чему Богъ укажетъ время. Оставшись у брата, Василій ежедневно отправлялъ свое молитвенное правило, ежедневно ходилъ въ церковь. Тутъ выучился онъ окончательно читать и писать, и, имѣя неутомимое желаніе стать пустынножителемъ, выписывалъ изъ разныхъ книгъ отеческія слова и сказанія, чтобъ руководствоваться ими впослѣдствіи. По бѣдности онъ не имѣлъ ни одной своей книги. Живя у тестя, Василій выдѣлывалъ глиняные горшки. Теперь же сталъ сучить для церкви восковыя свѣчи, и тѣмъ себя содержалъ. Не только простой народъ, но и помѣщики относились къ братьямъ съ вниманіемъ и любовью, называя ихъ богомолами. Многіе, видя ихъ добрую жизнь и слушаясь ихъ совѣтовъ, исправлялись: пьянствующіе переставали пить, молодые отвыкали отъ пирушекъ и гульбы, скупые подавали милостыню, развратные начинали себя вести цѣломудренно, раздражительные становились кроткими, разлѣнившіеся приходили къ нимъ послушать Священнаго Писанія и молились вмѣстѣ съ ними. Нѣсколько калязинскихъ купеческихъ дочерей, по ихъ совѣту, оставили свои дома, построили себѣ уединенную келлію и жили подъ наставленіемъ Козьмы затворницами, не выходя никуда, только лѣтомъ отправляясь въ ближнія поля и рощи за ягодами и плодами.

Когда къ Козьмѣ пришелъ второй братъ, Максимъ, Козьма съ миромъ отпустилъ младшаго брата. Сперва Василій сталъ ходить по разнымъ монастырямъ, отыскивая опытныхъ подвижниковъ. Они совѣтовали ему идти жить къ пустынножителямъ. Когда онъ просился въ одинъ изъ

монастырей Владимірской епархіи (Островскій Введенскій, у г. Покрова), настоятель ночью пошелъ съ нимъ за ограду къ озеру; морозъ только что сталъ затягигать озеро льдомъ. Искушая Василія, настоятель сказалъ: «Побѣгай по льду, крѣпокъ ли?» Оба они хорошо знали, что ледъ, замерзшій менѣе сутокъ назадъ, не можетъ выдержать человѣка. Василій безъ разсужденій подбѣжалъ, чтобъ идти по льду. Удерживая его, настоятель сказалъ: «Благо тебѣ будетъ, сынъ мой. Ты преуспѣешь въ монашествѣ, если всегда будешь такъ послушенъ къ духовнымъ отцамъ».

Пустынножительствовать началъ Василій въ казенныхъ лѣсахъ, окружавшихъ чувашскія селенія. Здѣсь онъ жилъ сперва совмѣстно съ двумя другими пустынножителями, а потомъ одинъ. Новые, кромѣ старыхъ, которыхъ онъ и тутъ не оставлялъ, подвиги его состояли въ томъ, что онъ вооружался противъ отдыха и всякаго послабленія себѣ. Такъ, всѣ ночи на праздники онъ проводилъ вовсе безъ сна, въ молитвѣ. Если же сонъ, особенно въ зимнія долгія ночи, одолѣвалъ его, онъ растоплялъ печь и принимался за какое нибудь рукодѣліе, или пѣлъ духовныя пѣсни, клалъ поклоны, выходилъ на холодъ, носилъ дрова и приготовлялъ пищу. Чуваши любили и чтили пустынника. Они носили ему все нужное для пропитанія. Къ нему заходили также странствующіе монахи и міряне. Въ теченіе трехъ дней покоилъ онъ посѣтителей, а затѣмъ они должны были уходить. Василія тревожило, что онъ не можетъ пожить въ скудости и безвѣстнымъ. Узнавъ, что въ Брянскихъ лѣсахъ живетъ съ учениками іеромонахъ Адріанъ, мудрый и опытный инокъ-подвижникъ, Василій пришелъ къ нему и прожилъ у него нѣкоторое время. О. Адріанъ постригъ его съ именемъ Василиска, причемъ взялъ съ него обѣщаніе, что онъ всю жизнь будетъ пустынножителемъ.

Прекрасенъ былъ образъ жизни о. Адріана и учениковъ его. Одинъ видъ старца говорилъ объ его подвигахъ. Онъ былъ худъ и блѣденъ, тонокъ, сухъ тѣломъ и высокъ ростомъ. Все у отшельниковъ было бѣдное, едва удовле-

творявшее ихъ нуждамъ. Ночью они вставали на молитву. На трапезѣ не было ничего молочнаго; только пустынная и огородная пища, а питье—вода и квасъ. Всѣ были кротки, молчаливы и послушны. Когда о. Адріанъ былъ вызванъ митрополитомъ Петербургскимъ Гавріиломъ для обновленія Коневской обители, всѣ его ученики послѣдовали за нимъ, а о. Василискъ остался одинъ. Онъ перетерпѣлъ внутреннюю борьбу, искушенія и мучительные сны съ разными бѣсовскими призраками. Пробуждаясь отъ сна, онъ слышалъ ихъ возгласы: «ты здѣсь одинъ, а насъ много. Такъ или иначе—погубимъ тебя!» Часто бывалъ онъ въ глубокомъ уныніи. Къ тому же, онъ болѣлъ, а пищу принималъ простую, суровую, сухую. Спалъ на деревянномъ ложѣ безъ подстилки, съ деревяннымъ возглавіемъ. Разъ всю зиму пропитался однимъ картофелемъ. Помѣщики такъ уважали его, что брали у него часто его хлѣбъ и дома одѣляли имъ домашнихъ. Утѣшеніемъ ему служило посѣщеніе подвижниковъ, жившихъ въ тѣхъ лѣсахъ, съ которыми онъ обсуждалъ разные духовные вопросы.

О. Василискъ былъ такъ добръ, что не могъ подогнать даже и лѣнивую лошадь. И, если лошадь не слушала его голоса, предпочиталъ лучше плестись шагомъ, чѣмъ ударить ее.

Недолго однако оставался Василискъ въ Брянскихъ лѣсахъ. По горячимъ просьбамъ о. Адріана онъ перешелъ въ Коневецъ. Съ тѣхъ поръ при немъ находился неотлучно инокъ Зосима, изъ дворянскаго рода Верховскихъ, ставшій его сподвижникомъ и впослѣдствіи описавшій его жизнь.

Они поселились въ трехъ верстахъ отъ Коневца. Ежедневно о. Василискъ подымался на тайную молитву. Никогда не сидѣлъ онъ праздно. Но или книгу читалъ, или рукодѣліемъ занимался, или бесѣду духовную велъ. Привѣтливость его доходила до того, что иногда, совершенно изнеможенный, онъ насильно показывалъ себя здоровымъ и обрадованнымъ приходомъ посѣтителя. Чтобы отблагодарить обитель за гостепріимство, старецъ ежедневно лѣтомъ

собиралъ грибы и ягоды, и въ воскресный день, приходя къ литургіи, относилъ это братіи.

Послѣ десятилѣтней жизни на Коневцѣ, когда старецъ Адріанъ перешелъ въ Московскій Симоновъ монастырь, для пребыванія тамъ въ особыхъ трудахъ схимничества: тогда о. Василискъ съ о. Зосимою перешли въ Сибирь, и здѣсь въ Тобольской епархіи уединились въ одномъ мѣстѣ, отстоявшемъ въ 40 верстахъ отъ деревни. Здѣсь устроили они себѣ землянку. Одинъ крестьянинъ обѣщалъ весною вывести ихъ. У нихъ не хватало муки на хлѣбъ, и приходилось примѣшивать кору ильмоваго дерева.

Но чудное настроеніе испытывали подвижники, отрѣзанные отъ міра, лишенные даже необходимой пищи. Между тѣмъ, какъ тамъ, въ міру, люди старались, трудились, изобрѣтали разныя хитрости, днемъ и ночью не давая себѣ покоя для приращенія своего богатства,—какъ далека отъ этихъ земныхъ заботъ была жизнь подвижниковъ! Кругомъ дремучій лѣсъ, изъ котораго чистый взоръ устремляется къ небу и что-то манитъ скорѣй переселиться туда, въ блаженную вышину. Голоса птицъ возбуждаютъ душу славить Бога, и вокругъ каждая былинка проповѣдуетъ Его мудрость...

Когда стали разливаться рѣки, пустынники, видя, что крестьянинъ, обѣщавшійся пріѣхать за ними, не является, рѣшились одни искать населенныхъ мѣстъ. Послѣ неимовѣрныхъ трудовъ, нѣсколько разъ подвергшись смертной опасности, они, наконецъ, достигли людского жилья. Божья рука не разъ спасала ихъ на краю гибели. Такъ, о. Зосима, переходя вслѣдъ за о. Василискомъ по льду на лыжахъ рѣку, погрузился по грудь въ воду, и, такъ какъ ноги были крѣпко всунуты въ путы лыжъ, то ему предстояло утонуть. Въ такомъ положеніи онъ съ товарищемъ своимъ воззвалъ: «Теперь Тебѣ, Владычице Пресвятая Богородице, помогать!»—и противъ всякаго ожиданія былъ спасенъ. Послѣ всего пережитаго, о. Василискъ два мѣсяца былъ какъ разслабленный: не могъ ни ѣсть, какъ всегда, ни пить, ни ходить, ничего дѣлать.

Отдохнувъ, иноки выбрали себѣ мѣсто, гдѣ прожили 24 года. Это мѣсто находилось въ 50 верстахъ отъ города Кузнецка, было окружено лѣсомъ и длинными озерами, у которыхъ и находились двѣ келліи. Озера кишѣли рыбой, земля была обильна ягодными кустами. Ночью подвижники, не сходясь вмѣстѣ, тѣмъ не менѣе будили другъ друга на молитву. Въ воскресенье они сходились и проводили день въ чтеніи св. книгъ и духовныхъ бесѣдахъ. Образъ жизни былъ самый суровый по-прежнему. Въ день св. Пасхи у отшельниковъ не было бы чѣмъ разговѣться, еслибъ одинъ добрый крестьянинъ, сочувствуя имъ и лишая себя покоя, не приносилъ бы имъ за 40 верстъ въ самую ночь праздника коровьяго масла, яицъ, молочнаго и сдобнаго печенія. По окончаніи утрени онъ, не ѣвши, удалялся обратно.

Спустя нѣсколько лѣтъ, попросился къ пустынникамъ жить съ ними старый мѣщанинъ, ожедневно напивавшійся до безчувствія, обѣщая, если они примутъ его, не прикасаться къ вину. Въ виду такого его обѣщанія, они разсудили, что, если не примутъ его, а онъ умретъ отъ пьянства, то на нихъ взыщется эта несчастная душа. Они приняли его, и Господь укрѣпилъ его такъ, что онъ сталъ вести жизнь безупречную и не думалъ о винѣ. Кромѣ того, къ нимъ присоединился одинъ старикъ-купецъ, еще въ міру ведшій очень строгую жизнь.

Въ городѣ Кузнецкѣ благочестивая вдова-мѣщанка объяснила о. Зосимѣ, какъ трудно жить въ ихъ мѣстности женщинамъ съ духовными стремленіями: монастырей не было, а въ Россію ѣхать далеко. Она просила о. Зосиму быть ея руководителемъ. О. Зосима разсказалъ о такой просьбѣ своему сподвижнику. По совѣту о. Василиска, эта вдова переселилась въ ближнюю деревню, стоящую при рѣкѣ Томи; къ ней присоединились еще другія дѣвицы. Окрестные жители выстроили имъ домъ, затѣмъ обнесли мѣсто оградою. Тогда и старецъ Василискъ сталъ посѣщать ихъ, наставляя ихъ иноческой жизни. Посылалъ къ нимъ и о. Зосиму.

Между тѣмъ, гораздо бы удобнѣе казалось, чтобъ эти ищущія спасенія женщины имѣли пристанищемъ какой-нибудь монастырь. Чрезъ о. Зосиму онѣ подали прошеніе Тобольскому Архіепископу. Онъ соглашался въ своей епархіи предоставить имъ Туринскій заштатный опустѣлый монастырь. По этому дѣлу о. Зосима ѣздилъ въ Петербургъ, и Св. Синодъ согласился на то, чтобъ эта обитель изъ мужской была обращена въ женскую.

Такое распоряженіе отчасти имѣло основаніемъ и уваженіе, которымъ и въ Петербургѣ пользовался о. Василискъ, такъ какъ и туда достигъ слухъ о праведной жизни старца. Многія лица также ради старца оказали вещественную помощь вновь возникавшей обители.

Когда о. Зосимѣ для устроенной обители надлежало переселиться въ Туринскъ, о. Василискъ послѣдовалъ за нимъ. Тяжело было ему разставаться съ возлюбленной пустыней. Но онъ зналъ вѣру и любовь къ себѣ о. Зосимы, и какъ трудно предстоящее ему дѣло и какъ нужна ему будетъ и добрая поддержка и совѣтъ. Кромѣ того, о. Зосима убѣждалъ его не лишать начальныхъ сестеръ своего руководства ими. Міряне выстроили старцу келлію въ 7 верстахъ отъ монастыря. Тамъ онъ жилъ уединенно, а сестры посѣщали его. Двѣ послѣднія зимы своей жизни онъ по дряхлости переселялся въ монастырь.

О. Зосимѣ не пришлось пробыть при старцѣ до его конца. Въ обители, благодаря вмѣшательству нѣсколькихъ лицъ, вышли большія несогласія, и о. Зосима покинулъ начатое имъ дѣло. Въ это тяжкое время до самой разлуки старецъ Василискъ поддерживалъ своего вѣрнаго ученика и сподвижника.

По отъѣздѣ о. Зосимы старца взяли въ монастырь. Онъ скончался, напередъ предсказавъ свою кончину. Къ погребенію его пріѣхалъ о. Зосима. Весь городъ провожалъ старца до его послѣдняго жилища. Старецъ почилъ въ возрастѣ свыше 80 лѣтъ, 1824 года, 29 декабря, въ 5 часовъ утра, въ Туринскѣ, и погребенъ близъ соборнаго алтаря на сѣ-

верной сторонѣ въ Святониколаевскомъ дѣвичьемъ монастырѣ.

Можно предположить, что старцу было предъ самою смертью видѣніе. Когда онъ совсѣмъ изнемогалъ, служившій ему крестьянинъ крестилъ его-же рукою. Крестя его, тотъ человѣкъ видѣлъ, что грудь старца подымается и трепещетъ необычайно сильно, а сердце бьется и мечется во всѣ стороны. До послѣдняго вздоха старецъ творилъ устную и сердечную молитву, и со словами: «Господи Іисусе Христе, Сыне Божій» испустилъ духъ, словно уснулъ.

Будучи въ живыхъ, старецъ, по смиренію, никогда не позволялъ изображать себя красками. Зато съ него сняли портретъ лежащимъ во гробѣ.

Часто себя и прочихъ старецъ Василискъ подкрѣплялъ такими словами: «Богъ премудръ, всемогущъ, богатъ и милостивъ. Поэтому, что́ Онъ ни дѣлаетъ—ужъ не ошибется, но хорошо сдѣлаетъ. Онъ всемогущъ, а потому уже ничто волѣ Его противостать не можетъ. Онъ многомилостивъ, а потому помилуетъ и меня, грѣшнаго. Богатства у Него много, а потому дастъ и мнѣ».

Никогда не произнесъ онъ самохвальныхъ словъ. Никогда не надѣялся получить помилованія отъ своихъ дѣлъ. Но всегда надѣялся быть помилованнымъ по единой милости Божіей. Когда его благодарили люди за помощь, за наставленія, онъ отвѣчалъ: «Дай Боже, чтобъ мною пользовались, ибо Господу Богу слава и хвала, если Онъ чрезъ меня помогаетъ другимъ: Онъ, а не я; ибо я знаю, что я многогрѣшенъ и ничего добраго отъ себя не имѣю».

Петръ Алексѣевичъ Мичуринъ.

Жизнь юнаго подвижника Петра Алексѣевича Мичурина представляетъ собою удивительный примѣръ. Въ короткое время онъ достигъ высочайшихъ духовныхъ даровъ, и нельзя безъ трепета вспоминать ту безграничную любовь къ Богу, которая распаляла душу юнаго пустынножителя.

Его душа быстро созрѣла, и невыразимо прекрасны были короткіе дни его земной жизни, озаренные сплошь сіяніемъ иной, такъ рано занявшейся для него денницы.

Вѣчная память этой чистой свѣтлой жизни, вѣчная память его глубокой ревности по Богѣ!.. Есть люди, которые приносятъ пользу не тѣмъ, что̀ они сдѣлали, а тѣмъ только, что они существовали. Таковъ былъ и этотъ Божій человѣкъ... Воспоминаніе о немъ для насъ, обуреваемыхъ суетою міра—точно отголосокъ райскихъ напѣвовъ, раздавшійся среди утомительнаго и нестройнаго мірского гомона, среди безумныхъ нестроеній и криковъ мірской, забывшей о Богѣ, жизни.

Петръ Васильевичъ Мичуринъ родился въ Сибири въ Томской губерніи въ округѣ г. Кузнецы, Сарчумыскаго форпоста, въ благочестивой дворянской семьѣ. Воспитанный дома, онъ поступилъ въ военную службу, но недолго оставался въ ней. Его сердце принадлежало одному Христу. Для Него онъ оставилъ все—родныхъ, отца, мать, братьевъ, сестеръ, всѣ красоты и прелести міра и сталъ пустынникомъ.

Еще находясь въ военной службѣ, въ намѣреніи уйти изъ міра, Петръ отказался отъ мясной пищи и довольствовался постомъ. Цѣлые дни, пріучая себя къ воздержанію, онъ проводилъ безъ пищи. Когда же готовился къ причащенію Святыхъ Христовыхъ Тайнъ, тогда не вкушалъ онъ ничего пять дней. Всегдашнимъ духовнымъ оружіемъ его была молитва Іисусова «Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя, грѣшнаго». Онъ читалъ священныя книги съ великимъ вниманіемъ и вѣрою. Характеръ у него былъ мягкій, привѣтливый. Со всѣми былъ онъ простодушенъ и дружелюбенъ, такъ что всѣ домашніе и сосѣди любили его. Родители его, видя его стремленіе къ Богу, не препятствовали ему начать иноческую жизнь. Съ великою радостью онъ получилъ отставку отъ службы и, не взявъ съ собою никакого имущества, ушелъ къ пустынникамъ. Онъ поручилъ себя руководству старца Василиска, отло-

жилъ совершенно всякія думы о житейскомъ и началъ жить, повинуясь старцу. Съ благословенія старца онъ сталъ уменьшать пріемы пищи и воздерживаться отъ всѣхъ вкусныхъ и любимыхъ имъ вещей; и, наконецъ, вовсе отвыкъ отъ нихъ. Онъ избѣгалъ излишняго сна, одѣвался въ рубищныя одежды, готовъ былъ на всякія послушанія.

Пріучая себя къ воздержанію постепенно, онъ отъ 3—4 фунтовъ своей обычной пищи пріучилъ себя довольствоваться 3/4, а иногда менѣе, хлѣба. Чаще же всего онъ отказывался и отъ воды и къ вечеру ѣлъ одинъ сухой хлѣбъ, проведя весь день безъ пищи. Часто въ лѣтнія жары онъ томилъ себя до изнеможенія жаждою. Совершенно отучилъ себя спать лежа. Но отдыхалъ сидя, отъ чего его ноги страдали опухолью. На это онъ не обращалъ никакого вниманія.

Старецъ Василискъ указалъ ему больше всего заботиться о внутренней молитвѣ, и научилъ его такой молитвѣ. А Господь даровалъ ему такой даръ этой молитвы, что часто онъ находился какъ бы внѣ тѣла, и все существо его трепетало радостью молитвы. И любовь къ Богу съ такою силою охватывала его, что онъ, будучи не въ состояніи скрыть ее, громко взывалъ къ Богу и восторженно благодарилъ Его. Иногда онъ чувствовалъ благоуханіе, превосходящее всѣ ароматы. Иногда старецъ спрашивалъ его, зачѣмъ онъ такъ громогласно зоветъ и плачетъ во время молитвы, когда Христосъ заповѣдалъ молиться втайнѣ. А Петръ отвѣчалъ откровенно и смиренно: «Прости, отче! Не могу стерпѣть, чтобъ не кричать. Ибо я вижу духовными очами моими, какъ Владыка мой, Христосъ Господь, предъ мной неповинно страждетъ и истязуется жидами. Его пресвятое тѣло избито и истерзано, какъ ветхое рубище. Животворящая Его кровь течетъ потоками. Отъ того я не могу терпѣть. Прости меня, отче!»

Покорность его старцу была безгранична. Онъ ненавидѣлъ самоуслажденіе и самоволіе. Онъ, казалось, жаждалъ для себя всего худшаго и непріятнаго ему. Потому никакое

приказаніе не могло казаться ему тяжелымъ. Старецъ, будучи изъ простолюдиновъ и не считая себя мудрымъ, отказывался принять его въ совершенное послушаніе себѣ. А онъ отдалъ себя совершенно въ волю старца, совершенно отсѣкъ свою собственную волю.

Точно уже не живя на землѣ, Петръ словно чувствовалъ, особенно во время умной молитвы, какъ бы напечатлѣнными въ себѣ слова Христа: «Марія благую часть избра, яже не отымется отъ нея». И это ощущеніе распаляло въ немъ еще сильнѣе жажду такой жизни, въ которой бы ничто не разлучало его отъ Христа: въ которой бы онъ могъ подобно Маріи всею душою быть у ногъ Спасителя. Углубленность Петра въ умственную молитву, благодатныя утѣшенія, которыя онъ тутъ получалъ, дѣлали то, что онъ иногда забывалъ порученныя ему послушанія... Погруженный въ свѣтлыя видѣнія, чуя здѣсь на землѣ точно спускавшееся къ нему небо, онъ неспособенъ былъ къ внѣшней дѣятельности. Когда онъ ощущалъ вдругъ, что сердце его переполнено безграничнымъ желаніемъ Бога, онъ не въ силахъ былъ удерживать себя, и даже при постороннихъ неудержимо плакалъ.

Отъ постояннаго и тяжкаго поста, жажды и ночного бодрствованія, все тѣло въ Петрѣ увяло и высохло до того, что всѣ кости были покрыты одною кожею, точно онъ былъ живой мертвецъ. Кромѣ подвиговъ его, организмъ какъ бы сгоралъ отъ безмѣрной любви къ Богу. Весь изсохшій, блѣдный, уста запекшіяся отъ жажды, впалые глаза, пустой желудокъ, проступавшія наружу ребра. На рукахъ, колѣняхъ и лбу отъ земныхъ поклоновъ кожа зачерствѣла.

Еще въ міру онъ оказывалъ благопріятное вліяніе на окружающихъ. Многихъ, даже вдовъ и дѣвицъ, онъ склонилъ къ чистой жизни, къ отреченію отъ міра. А въ пустынѣ его подвигъ былъ громогласною, хоть нѣмою, проповѣдью.

Часто, вышедши изъ келліи, цѣлыя ночи простаивалъ онъ подъ открытымъ небомъ, молясь Богу, слава Котораго такъ ярко сіяетъ на ночномъ озаренномъ звѣздами небѣ.

Молитва была словно вкоренена въ его сердцѣ. «Никогда не перестаю я молиться, говорилъ онъ. Не бываю безъ молитвы даже и тогда, когда память забудется, когда дремлю или сплю. И тогда молитва сама творится, и, пробудясь, чувствую ее въ моемъ сердцѣ».

Въ умиленіи молитвы слезы то струились по лицу дивнаго юноши каплями, то лились потоками, то разражались неудержимо, какъ тяжелый градъ.

Въ высшемъ напряженіи молитвы его сердце какъ бы терзалось отъ радостного восторга. Не въ силахъ совладать съ собою, онъ разражался возгласами: «Господи, какъ воздать Тебѣ за Твои благодѣянія, за то, что́ Ты являешь теперь моему сердцу?»

Любовь Петра къ своему старцу, о. Василиску, была безгранична и поразительна.

Однажды о. Василиску нужно было посѣтить другого старца и на нѣсколько дней оставить Петра одного. Онъ такъ томился этимъ, что его нельзя было утѣшить. Онъ падалъ ему въ ноги, цѣлуя ихъ, и съ рыданіемъ провожалъ его на далекое пространство. Когда старецъ, простившись съ нимъ, велѣлъ ему возвратиться, нельзя было безъ глубокой жалости смотрѣть на Петра. Онъ долго стоялъ, рыдая, глядя ему вслѣдъ, прося его молитвъ и благословенія, звалъ его и, наконецъ, пошелъ тихими шагами, безпрестанно озираясь на старца... Можетъ быть, его душа предчувствовала, что недолго уже видѣть ему своего старца на землѣ.

Вскорѣ онъ просилъ у него благословеніе провести 40 дней безъ пищи. Старецъ разрѣшилъ ему на первый разъ лишь десятидневный постъ. Во время этого поста, занявшись рубкою дровъ, Петръ нанесъ себѣ опасную рану въ ногу.

Едва дойдя до келліи, онъ тѣмъ не менѣе довелъ постъ до конца, а по ночамъ молился, стоя на ногахъ, и, не щадя себя, работалъ еще на огородѣ. Наконецъ, онъ вынужденъ былъ слечь.

За день до кончины недугъ оставилъ его. Въ день смерти онъ утромъ поднялся и, улыбаясь, сказалъ о. Василиску: «Я стою крѣпко на обѣихъ ногахъ». Потомъ онъ ходилъ по келліи и сказалъ послѣ краткой бесѣды: «испить бы чего!» Старецъ замѣтилъ, что ему бы надо пріобщиться.

Между тѣмъ Петръ измѣнился въ лицѣ и посмотрѣлъ: направо съ радостнымъ чувствомъ, а налѣво съ гнѣвомъ. Потомъ онъ быстро посмотрѣлъ на небо, сталъ на колѣни и опустилъ голову къ столу, словно задремалъ. Спустя нѣкоторое время старецъ, думая, что онъ уснулъ, сталъ будить его. Но онъ былъ уже бездыханенъ.

Это было приблизительно въ 1820 году. Онъ прожилъ всего 20 лѣтъ.

Такъ хорошо знавшій его о. Василискъ говоритъ о немъ: «Много странствій сотворили мы съ о. Зосимою, а не нашли нигдѣ подобнаго раба Божія, такого жестокоподвижнаго, смиренномудраго, каковъ былъ сей юноша Петръ».

Какъ лучезаренъ этотъ необыкновенный образъ, словно залетѣвшее на землю небесное явленіе.

Пустынникъ Варлаамъ.

Пустынникъ Варлаамъ принадлежитъ къ числу скромныхъ тружениковъ апостольскаго дѣла — проповѣди евангелія людямъ, «сидящимъ во тьмѣ невѣдѣнія».

Онъ основалъ на границѣ Китайской Монголіи, въ 150 верстахъ отъ столь извѣстной торговлею своею Кяхты, на высокихъ, въ родѣ Аѳонскихъ горахъ, поросшихъ лѣсомъ скитъ.

Старецъ Варлаамъ родился въ 1774 г., происходилъ изъ дворовыхъ крестьянъ Нижегородской губерніи, Лукояновскаго уѣзда, села Моресова, помѣщиковъ Воронцовыхъ. Звался въ міру Василій Надежинъ, былъ женатъ, но бездѣтенъ. Поэтому принималъ съ женою сиротъ на воспитаніе, и затѣмъ устраивалъ ихъ семейный бытъ. Это доброе

дѣло показываетъ доброе его направленіе еще въ міру. Самоучкою выучился онъ церковной грамотѣ читать и писать.

О семейной жизни его ничего неизвѣстно. Только ему не захотѣлось жить въ міру, захотѣлось уйти спасать душу. Быть можетъ, тому способствовали и тревожныя обстоятельства того времени. Передъ великою отечественною войной многіе ожидали конца міра, въ виду различныхъ знаменій на небѣ.

Такъ или иначе безъ всякаго увѣдомленія Василій ушелъ тайно изъ дому. Всѣ поиски были тщетны. Впрочемъ, и домашніе и господа вскорѣ успокоились.

Въ 1811 г. онъ явился въ Кіево-Печерскую Лавру и надѣялся пожить здѣсь, какъ богомолецъ. Но у него не было паспорта, его судили и какъ бродягу опредѣлили сослать въ Сибирь. Такимъ путемъ уничиженія привелъ его Промыслъ въ страну, гдѣ ему предстояло много послужить Богу.

Его сослали за озеро Байкалъ и причислили къ населенію Урлукской волости. Въ продолженіе 6 лѣтъ онъ прожилъ, исполняя обязанности трапезника (сторожа) при церквахъ, сперва въ двухъ сельскихъ, потомъ въ церкви города Троицкосавска; наконецъ—при Воскресенской церкви въ Кяхтинской торговой слободѣ. Всюду онъ исполнялъ свои обязанности усердно. Кяхта—это послѣднее жилище его въ міру.

Къ селу Урлуку съ китайско-монгольской границы примыкаютъ громадные хребты горъ, отдѣляющіе Забайкальскую область отъ Китайской Монголіи. Граница идетъ по рѣкѣ Чикой. Эти горы покрыты вѣковымъ лѣсомъ. Сюда-то и укрылся подвижникъ отъ взоровъ людскихъ. Въ семи верстахъ отъ Урлука, онъ выбралъ въ чащѣ лѣса мѣсто, воздвигъ тамъ деревянный крестъ и около него, въ полутора саженяхъ, срубилъ себѣ малую келлію. Тутъ могъ онъ вполнѣ отдаваться богомыслію, молитвамъ, подвигамъ поста и самоуничиженія.

Ему пришлось вынести сильную борьбу. Его искушали

Пустынникъ Варлаамъ.

привидѣнія; угрожала опасность отъ дикихъ звѣрей и гадовъ. Враги спасенія являлись ему въ образѣ хищныхъ звѣрей, въ видѣ знакомыхъ, напоминая ему о прежней жизни, призывая его въ міръ. Все это онъ побѣждалъ молитвою и вѣрою. Много надо было бодрости, чтобъ выжить въ такомъ уединеніи нѣсколько лѣтъ, страдая отъ столькихъ напастей: отъ голода, жажды, помысловъ. Во время молитвы, какъ гласитъ преданіе, отшельникъ надѣвалъ желѣзную кольчугу, чтобъ смирить плоть и возвысить духъ. Въ свободное время онъ списывалъ церковныя книги для знакомыхъ и благодѣтелей.

Такъ прожилъ онъ пять лѣтъ. Молва о немъ стала распространяться, и нѣкоторые, узнавъ объ его мѣстѣ, стали посѣщать его. Для принятія Св. Тайнъ отшельникъ приходилъ въ с. Урлукъ.

Просьбы желающихъ склонили его къ принятію къ себѣ въ пустыню. Появилось еще нѣсколько келлій. Молва о подвижникѣ дошла до самой Кяхты, откуда его стали посѣщать богатые и именитые люди, давая ему и средства на устройство общины. Въ 1826 г. была устроена часовня во имя пророка и Предтечи Іоанна, а по сторонамъ ея — нѣсколько келлій; были привезены богослужебныя книги, колокола для часовни. Такъ какъ братія состояла изъ безграмотныхъ стариковъ, то старецъ сталъ отправлять для нихъ тѣ службы, которыя можно совершать безъ священника.

Земская полиція давно искала Надежина, забрала его и посадила въ острогъ. Но Кяхтинскіе жители хорошо знали его какъ по службѣ трапезникомъ, такъ и по отшельничеству въ Чикойскихъ горахъ, ради спасенія души. Подвиги свои онъ совершалъ дома, въ своей волости. Кяхтинцы рѣшили вступиться за невинно преслѣдуемаго и обратились къ епархіальной власти. По разслѣдованіи дѣла, и по личномъ знакомствѣ съ Надежинымъ, вызваннымъ въ Иркутскъ, архіепископъ нашелъ возникновеніе скита крайне полезнымъ, какъ бы указаніемъ свыше въ такой

мѣстности, гдѣ съ одной стороны много бурятъ—идолопоклонниковъ, съ другой раскольниковъ поповскаго и безпоповскаго толка. Въ Надежинѣ же архіерей призналъ человѣка истинно-православнаго и духовнаго.

Онъ предложилъ ему принять монашество и подалъ въ Святѣйшій Сѵнодъ прошеніе объ оформленіи скита, какъ опорнаго пункта для миссіонерской дѣятельности въ этой мѣстности.

Въ скиту въ то время была часовня съ иконами, лампадами и богослужебными книгами, порядочная трапеза и десять малыхъ келлій, настоятель и 8 человѣкъ братіи. Средства жизни доставлялись отъ благодѣтелей изъ Кяхты, Урлука и другихъ селъ.

5 октября 1833 г. скитооснователь былъ постриженъ въ иночество съ именемъ Варлаамъ.

Въ это время прослышали уже о немъ многіе и въ Россіи. Между прочимъ, зналъ его и дивный старецъ Серафимъ, что видно изъ письма благочестивой игуменіи Касимовскаго монастыря Елпидифоры, поддерживавшей духовно пустынника.

— Я имѣла счастье видѣть, пишетъ она ему въ 1830 г., и не въ первый разъ, отца Серафима. Оный вамъ извѣстенъ. Я насладилась его бесѣдой; совершенно рабъ Божій и точно живой святой; всѣ мои описалъ чувства и намѣренія, и вамъ посылаетъ свои благословенія. Прошу васъ, имѣйте къ нему вѣру. Онъ и заочно всѣхъ знаетъ, и молитва его столь намъ помогаетъ.

Присланный заботами матери Елпидифоры портретъ старца составляетъ теперь собственность Забайкальской духовной миссіи и принадлежитъ Николаевской часовнѣ.

Въ малой общинѣ не было священника — и въ мартѣ 1830 г. о. Варлаамъ вытребованъ въ Иркутскъ, 22 марта рукоположенъ въ діаконы, а въ день Благовѣщенія — въ іеромонахи.

Вернувшись домой, о. Варлаамъ изъ часовни устроилъ храмъ.

Вскорѣ обнаружилось благодѣтельное вліяніе о. Варлаама на окружныхъ раскольниковъ. Когда былъ присланъ ему въ помощь іеромонахъ, онъ получилъ возможность посѣщать жилища жителей, исполнять требы, напутствовать больныхъ, къ которымъ во всякое время онъ шелъ по первому зову. Онъ пріобрѣлъ себѣ такое уваженіе, что и раскольники почитали его. Ему доводилось крестить людей разныхъ націй, татаръ, евреевъ, бурятъ, убѣжденныхъ имъ въ истинѣ православія. Онъ иногда умѣлъ убѣдить и образованныхъ невѣровъ. Одна старая монголо-бурятка, считавшаяся сумасшедшею, прибѣжала къ нему босая и полунагая въ морозъ, ища крещенія, и послѣ крещенія пришла въ совершенный разумъ.

Въ скиту о. Варлаамъ завелъ во всемъ, особенно въ церковной службѣ, самый точный порядокъ. Самъ онъ неопустительно ее правилъ. Въ 1838 г. онъ былъ возведенъ въ званіе строителя, и ему поручено воздвигнуть новый соборный храмъ. Отъ Св. Синода было ассигновано 3.000, затѣмъ открыты пожертвованія и чрезъ три года храмъ былъ готовъ и освященъ.

Кроткія и твердыя дѣйствія о. Варлаама, заведенныя имъ школы — много способствовали ослабленію раскола. Жители Архангельской слободы приняли священника, а чрезъ нѣсколько лѣтъ Архангельскій приходъ пришлось дѣлить уже на два. Раскольники охотно отдавали дѣтей въ школу къ о. Варлааму; потомъ дѣти принимали крещеніе, крестились и взрослые, отказываясь отъ прежнихъ своихъ уставщиковъ, говѣли и пріобщались въ тикойскомъ скиту. Потомъ о. Варлаамъ объѣхалъ болѣе дальнія селенія, предлагая старообрядцамъ принять священника на правахъ единовѣрія, съ соблюденіемъ старыхъ обрядовъ и сохраненіемъ старопечатныхъ книгъ. Съ нимъ согласились. И, когда архіепископъ Иркутскій прибылъ въ 1839 г. и возвелъ о. Варлаама въ санъ игумена, на торжество собрались и вновь возсоединенныя чада Церкви.

О. Варлаамъ обратилъ до 5.000 душъ. Дѣйствовалъ

онъ особенно примѣромъ своей строгой жизни и простотой убѣжденія.

Въ 1845 г. о. Варлаамъ почувствовалъ упадокъ силъ, но не переставалъ трудиться. Предпринявъ въ январѣ слѣдующаго года путешествіе по Урлукской волости, онъ какъ бы прощался со своею паствой. Вернулся онъ больнымъ, и 23 января, 1846 г. на 71-мъ году, напутствованный св. таинствами, тихо предалъ духъ Богу послѣ 25-ти лѣтняго здѣсь подвига.

Надъ могилою его воздвигнутъ памятникъ.

Доселѣ на ней совершаютъ панихиды окрестные жители; приходятъ поклонники изъ Забайкальской области и особенно изъ Кяхты. Многіе приходятъ по обѣту, вѣруя въ силу загробныхъ молитвъ подвижника.

Въ тикойской обители хранится кольчуга, которую старецъ, живя одинъ въ пустынѣ, надѣвалъ во время молитвы.

Цѣла и келлія пустынника, устроенная имъ въ 200 саженяхъ отъ нынѣшней обители, за оградою.

Она стоитъ высоко, а сама чрезвычайно тѣсна, такъ что еле можно въ ней помѣститься. Отдыхать подвижникъ могъ лишь полусидя. Маленькое окошечко менѣе 7 вершковъ освѣщаетъ эту келлію въ 2¼ аршина длиною и шириной. Въ переднемъ углу—распятіе. Около келліи, въ тѣни, водруженъ старцемъ деревянный осьмиконечный крестъ. Вблизи — течетъ источникъ чистой воды. Здѣсь есть что-то благодатное, и много думается и чувствуется, когда читаешь на полоскѣ изъ бѣлаго желѣза выбитую пустынникомъ мольбу: «Господи, силою Твоею свыше на вся враги видимыя препояши мя, и буди ми покровъ и заступленіе».

Иванъ Яковлевичъ Корейшъ.

Иванъ Яковлевичъ Корейшъ, сынъ, священника, родился въ городѣ Смоленскѣ, учился въ Смоленской Семинаріи, затѣмъ въ Духовной Академіи.

Окончивъ курсъ, онъ опредѣленъ былъ въ Смоленскъ учителемъ въ Духовное Училище.

Съ юности искалъ онъ уединенія, любилъ духовныя книги, держался особнякомъ отъ товарищей; не зналъ ни увлеченій, ни удовольствій. Постоянно уходилъ онъ куда нибудь, гдѣ бы ему безъ помѣхи можно было заниматься любимымъ дѣломъ изученія священнаго Писанія... Обычные пути жизни были не по немъ... Въ душѣ раздавался голосъ, звавшій его къ иному.

Иванъ Яковлевичъ ушелъ изъ Смоленска, посѣтилъ русскія святыни: былъ въ Соловецкомъ монастырѣ, въ Кіевѣ, въ Ниловой пустыни, у преп. Нила Столбенскаго. Три года онъ работалъ здѣсь съ братіею, исполняя всѣ возлагаемыя на него послушанія. Потомъ опять вернулся въ Смоленскъ, сталъ снова учителемъ.

Ученики его любили, родители были рады за своихъ дѣтей, такъ какъ уважали его за его честное отношеніе къ своимъ обязанностямъ. Но его не удовлетворяла эта дѣятельность. Онъ рѣшился приступить къ тяжкому подвигу юродства, который онъ несъ до послѣдней минуты жизни и въ которомъ принялъ много страданія.

Онъ притворился помѣшаннымъ.

Жители Смоленска, на глазахъ которыхъ онъ выросъ, привыкли на него смотрѣть, какъ на человѣка большихъ дарованій и высокихъ нравственныхъ качествъ. Они поняли, что тутъ не безуміе, а подвигъ, и стали приставать къ нему за совѣтами, что смущало его смиреніе и, кромѣ того, отягощало его. Онъ нашелъ оригинальное средство избавиться отъ посѣтителей. Онъ поселился на огородѣ въ опустѣломъ строеніи, гдѣ раньше была баня. На наружной сторонѣ бани онъ наклеилъ письменное объявленіе, чтобъ къ нему не входили иначе, какъ ползкомъ на колѣняхъ. Одни считали это униженіемъ, другіе боялись испачкаться и порвать платье. Ему стало покойнѣе.

Поутру слышно было, какъ онъ распѣвалъ духовные стихи. Въ 1812 г., при нашествіи на Смоленскъ Наполеона,

Ивана Яковлевича видѣли у непріятельскаго лагеря, гдѣ враги наносили ему оскорбленія.

Послѣ войны онъ продолжалъ жить въ той же банѣ, и тутъ сталъ уже иногда принимать приходившихъ къ нему за совѣтами. Чрезъ пять лѣтъ въ его судьбѣ произошла большая перемѣна.

Проѣзжалъ чрезъ Смоленскъ одинъ высокопоставленный, уже не молодой человѣкъ, очень избалованный. Ему приглянулась дочь бѣдной вдовы — чиновницы, бывшая, дѣйствительно, красавицей.

Узнавъ, что на деньги она не польстится, онъ рѣшился прибѣгнуть къ обману. Онъ выдалъ себя за холостого и просилъ ея руки, съ тѣмъ, чтобъ бракъ былъ совершенъ по пріѣздѣ ихъ въ Петербургъ. Бѣдная мать была въ страшномъ колебаніи. Съ одной стороны видѣлась привольная жизнь дочери, обезпеченіе ея въ собственной ея старости; съ другой — страшно ей было отпускать такъ далеко дочь безъ себя, какъ того требовалъ женихъ. Посовѣтываться ей было не съ кѣмъ; кто-то надоумилъ ее сходить къ Ивану Яковлевичу. Иванъ Яковлевичъ, выслушавъ отъ нея про всѣ обстоятельства, приказалъ ей не отпускать дочь, пояснивъ, что тотъ человѣкъ женатъ и имѣетъ троихъ дѣтей, а при живой женѣ не женятся. Вдова наотрѣзъ отказала мнимому жениху.

Замужъ молодая дѣвушка, послѣ того, какъ все это огласилось на далекое разстояніе, выйти не рѣшалась. Она поступила въ монастырь, была игуменьей и постоянно находилась въ перепискѣ съ Иваномъ Яковлевичемъ.

Ярость обнаруженнаго обманщика обратилась на Ивана Яковлевича. Чрезъ свои связи онъ добился того, что Ивана Яковлевича признали человѣкомъ, котораго опасно оставлять на свободѣ. Было рѣшено засадить его въ домъ умалишенныхъ въ Москвѣ.

Такъ какъ въ Смоленскѣ Ивана Яковлевича любили, то его вывезли тайно: связали по рукамъ и по ногамъ, прикрыли рогожами, такъ что встрѣчные и не думали, что въ телѣгѣ живая кладь.

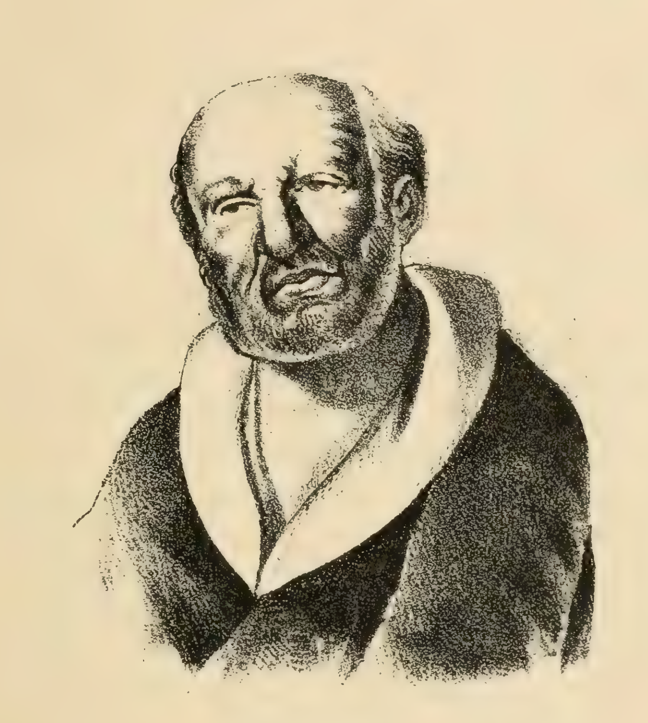
17 октября 1817 г. онъ былъ доставленъ въ Москву, сданъ въ качествѣ буйнаго больного въ Преображенскую больницу для умалишенныхъ, и заключенъ въ одиночномъ подвальномъ помѣщеніи. Его приковали въ углу подвала къ стѣнѣ, бросили ему клокъ соломы для спанья. Къ нему приставлена была грубая злая женщина, приносившая ему, когда ей вздумается, ломоть хлѣба и кружку воды. Такъ прожилъ онъ три года.

Одинъ блаженный, Александръ Павловичъ, содержавшійся тоже въ Преображенской больницѣ, обратилъ вниманіе молодого богатаго суконщика, навѣщавшаго его часто, на бѣдственное положеніе Ивана Яковлевича. Тотъ не пожалѣлъ никакихъ затратъ, чтобъ добиться отъ начальства больницы доступа къ Ивану Яковлевичу. Онъ засталъ его въ тѣсной темной ямѣ, въ углу ея въ ужаснѣйшей обстановкѣ. Суконщикъ сталъ посѣщать узника, за нимъ и другіе.

Въ концѣ двадцатыхъ годовъ старшимъ докторомъ назначенъ былъ въ больницу г. Саблеръ, человѣкъ доброй души.

Обходя въ первый разъ больницу, онъ спустился къ Ивану Яковлевичу, и, когда увидѣлъ его на соломѣ, прикованнаго къ стѣнѣ въ этой ямѣ, онъ въ ужасѣ отступилъ и потребовалъ, чтобъ ему объяснили, за что такъ обращаются съ этимъ человѣкомъ. Ему показали бумаги, на основаніи которыхъ Ивана Яковлевича заключили въ эту больницу. Докторъ приказалъ сейчасъ-же снять цѣпь, вынести узника на верхъ въ чистую комнату и перемѣнить бѣлье.

Комнату ему отвели просторную и свѣтлую, докторъ всячески старался возстановить его силы, постоянно навѣщалъ его, требуя внимательности къ нему и со стороны другихъ; дозволилъ постороннимъ свободно входить къ нему. Число посѣтителей все прибывало, и достигло цифры 60 въ день. У входа къ Ивану Яковлевичу начальство больницы повѣсило кружку, и всякій предъ входомъ долженъ былъ опускать туда двугривенный. Деньги шли на улучшеніе быта больныхъ. Дѣйствительно, пища стала имъ пода-



Иванъ Яковлевичъ Корейшъ.

ваться свѣжая, сытная, появилось чистое бѣлье, расчищенъ былъ для нихъ садъ.

Но, насколько зависѣло отъ него самого, Иванъ Яковлевичъ, теперь никѣмъ не тѣснимый, продолжалъ все тѣснить себя. Онъ опредѣлилъ себѣ пространство въ два квадратныхъ аршина въ углу около печки, на полу, и, какъ заключенный, не смѣлъ протянуть ногъ за эту черту.

Во всемъ онъ себя тѣснилъ. Въ продолженіе сорока лѣтъ, прожитыхъ имъ въ этой комнатѣ, онъ никогда не садился: или лежалъ, въ случаѣ крайняго утомленія, на полу, или все дѣлалъ, стоя на ногахъ—и писалъ такъ, и ѣлъ. Удручая себя, онъ занимался толченіемъ въ мелкій порошокъ камней, бутылокъ и костей и, смѣшавъ все съ пескомъ, приказывалъ выносить вонъ и приносить другое стекло.

Всякую приносимую ему пищу онъ перемѣшивалъ все вмѣстѣ: кашу, щи, лимонъ, ананасъ, семгу, и тогда только ѣлъ. Многіе, видя это, считали его безумнымъ. А это было лишь желаніе не услаждать свой вкусъ.

Приносимыя ему деньги и вещи онъ раздавалъ посѣтителямъ или умалишеннымъ; принималъ онъ только нюхательный табакъ, которымъ посыпалъ себѣ голову и одежду. Про себя онъ говорилъ: «У насъ одеженка пошита и хоромина покрыта, находи нуждающихся и помогай имъ». Иногда онъ приказывалъ кому нибудь тутъ же при себѣ помочь нуждающемуся посѣтителю.

Въ общемъ же его дѣйствія часто бывали такъ странны, что нужна была и вдумчивость, и привычка, чтобъ открывать истинный смыслъ его поступковъ.

Онъ одѣвался въ темное, носилъ рубашку, халатъ, подпоясанный мочалой или полотенцемъ; халатъ на шеѣ и груди его былъ всегда растегнутъ, такъ что виднѣлся шейный крестъ. Онъ лежалъ вправо отъ входной двери.

Съ 1858 г. Иванъ Яковлевичъ все болѣе лежалъ и сталъ слабѣть.

Онъ обыкновенно пріобщался Святыхъ Тайнъ въ Ве-

ликую Субботу. Въ этотъ день 1861 г. онъ, раздавая посѣтителямъ просфоры, сказалъ: «Поздравляю васъ съ новымъ годомъ, съ утренней авророй» *).

Многіе поняли, что онъ говоритъ объ утрѣ новой своей жизни.

Въ послѣдніе мѣсяцы жизни, мучимый кашлемъ; онъ ни въ чемъ не дѣлалъ себѣ послабленія; даже голову не клалъ на подушки, а на полъ.

6-го сентября, рано утромъ, Иванъ Яковлевичъ просилъ священника напутствовать его на смерть. Онъ былъ пріобщенъ, особорованъ, прочли надъ нимъ отходную. Тутъ подходили къ нему прощаться, задавая ему вопросы, и онъ всѣмъ отвѣчалъ такъ, какъ дѣйствительно впослѣдствіи совершилось. Служителю «Миронкѣ» много лѣтъ, всегда съ ворчаніемъ ходившему за нимъ, онъ предсказалъ, что тотъ послѣдуетъ за нимъ первымъ.

Одна женщина хотѣла спросить его, кому ей отдать большое количество принесенныхъ ею хлѣбовъ. Онъ еле внятно сказалъ ей: «Боже, благослови для нищихъ и убогихъ». Предъ послѣднимъ вздохомъ онъ поднялъ руку, сказалъ громко: «Спаситеся, спаситеся, спасена буди вся земля!» — и скончался.

Извѣстный живописецъ, придя снять портретъ съ почившаго, не могъ этого сдѣлать, такъ какъ лицо немедленно стало измѣняться, какъ только художникъ приступилъ къ работѣ.

Тѣло Ивана Яковлевича стояло пять дней; надъ нимъ было отслужено болѣе 200 панихидъ. Между почитателями почившаго происходили споры, гдѣ хоронить его—въ Смоленскѣ, какъ мѣстѣ родины, въ Покровскомъ монастырѣ или Алексѣевскомъ. Митрополитъ утвердилъ просьбу его родной племянницы, которой мужъ служилъ діакономъ при церкви села Черкизова. Здѣсь его и положили. Около него лежитъ Петръ Абрамовичъ Аладьинъ, человѣкъ изъ высшаго мос-

*) Аврора, латинское слово, значитъ — заря.

ковскаго общества, горячо преданный Ивану Яковлевичу, и тульскій уроженецъ г. Кирѣевъ, возрожденный Иваномъ Яковлевичемъ изъ погибели къ доброй жизни.

Сыну г. Кирѣева принадлежитъ трудъ жизнеописанія Ивана Яковлевича, въ которомъ можно найти много интересныхъ подробностей и который служилъ руководствомъ при составленіи настоящаго очерка.

Если взаимныя отношенія духовныхъ мужей могутъ способствовать намъ въ пониманіи этихъ людей, то слѣдуетъ сказать, съ какимъ неизмѣннымъ вниманіемъ и уваженіемъ относился къ Ивану Яковлевичу великій московскій митрополитъ Филаретъ.

Пришелъ разъ къ Ивану Яковлевичу совершенно неизвѣстный ему діаконъ, который былъ женатъ на его родной племянницѣ. Онъ былъ въ такомъ бѣдномъ приходѣ, что никакъ не могъ содержать себя и свою семью. Увидавъ его, Иванъ Яковлевичъ, прежде чѣмъ тотъ объяснилъ, кто онъ, спросилъ у него о здоровьѣ своей сестры, а его тещи. Когда же узналъ о желаніи діакона быть переведеннымъ въ другой приходъ — онъ попросилъ листъ сѣрой оберточной бумаги и карандашомъ написалъ на ней отъ своего имени просьбу московскому митрополиту Филарету. Просьба эта начиналась словами: «Лучъ великаго свѣта», а кончалась подписью: «Студентъ хладныхъ водъ Іоаннъ Яковлевъ».

По этой просьбѣ митрополитъ немедленно перевелъ діакона въ село Черкизово, близъ Преображенской богадѣльни.

Если вдуматься въ эту странную, съ перваго взгляда, подпись Ивана Яковлевича—«студентъ хладныхъ водъ»; не содержитъ ли она въ себѣ глубочайшаго смысла.—Не слышенъ ли здѣсь вопль человѣка, истомленнаго жестокими, безпощадными уроками жизни? Не говоритъ ли онъ объ этомъ грустномъ житейскомъ опытѣ, который, какъ струя холодной воды, льется на горячія головы честныхъ людей, одушевленныхъ широкими порывами сочувствія къ человѣ-

честву. Вѣдь самъ Иванъ Яковлевичъ въ молодости вступился за беззащитную дѣвушку, которой грозило непоправимое поруганье — и что̀ получилъ онъ за этотъ благой порывъ: заключенiе, узы, холодъ, голодъ, лишенiе человѣческаго достоинства. Страшная, глубокая драма! Чтобъ пережить и еще нравственно выrости послѣ нея потребовалась вся духовная мощь Ивана Яковлевича. Драма эта слышится цѣликомъ въ этихъ трехъ словахъ: «студентъ хладныхъ водъ».

Иванъ Яковлевичъ имѣлъ высокiе духовные дары. Видя лицъ въ первый разъ, онъ, со всѣми подробностями, разсказывалъ имъ всю ихъ прошлую жизнь. И будущее со всѣми его подробностями не имѣло для него покрововъ.

Въ немъ былъ и даръ исцѣленiя.

Нѣсколько способныхъ людей, много лѣтъ преданныхъ ужасной страсти къ вину и доведшихъ тѣмъ свои семьи до нищеты, онъ поставилъ на ноги, мгновенно на всю жизнь исцѣливъ ихъ отъ пьянства.

Въ нѣсколько часовъ исцѣлилъ онъ ребенка, сына богатыхъ родителей, которому угрожала тяжелая операцiя, при чемъ врачи сомнѣвались въ благопрiятномъ исходѣ ея. Обрадованная мать, желая выразить благодарность исцѣлителю, пожертвовала 6,000 руб. на больницу, гдѣ жилъ Иванъ Яковлевичъ.

Конечно, то былъ истинный духовный человѣкъ, и прежде всего разгадалъ его тотъ простой русскiй народъ, который умѣетъ смотрѣть вглубь жизненныхъ явленiй. Этотъ народъ не смущается никакими странностями, которыми иногда прикрываются люди высокой жизни, невольно, быть можетъ, для нихъ самихъ подвигаемые къ этому Богомъ для того, чтобъ не смущала грѣшниковъ ихъ свѣтозарная высота. Понятенъ былъ и Иванъ Яковлевичъ тому народу, о которомъ не даромъ сказалъ поэтъ, что онъ:

Подъ земнымъ позоромъ
Въ убогомъ нищемъ зритъ Христа!

Старецъ Даніилъ, подвизавшійся близъ г. Ачинска, въ Сибири.

Старецъ Даніилъ (по фамиліи Деліе, по отчеству Корниліевичъ) былъ изъ казаковъ. Семья его жила въ Полтавской губ., Кобелякскаго уѣзда, въ мѣстечкѣ Новыя Сенжары (впослѣдствіи же переѣхала въ хутора Култоловскіе, въ 14 в. отъ Сенжаръ). Родился Даніилъ 12 декабря 1784 года; о дѣтствѣ его не сохранилось никакихъ свѣдѣній, особенныхъ событій въ эту пору его жизни не было; онъ жилъ, какъ другіе; но въ пороки не вдавался, былъ смиренъ и непамятозлобивъ; грамотѣ не умѣлъ. Отецъ его за двадцать лѣтъ до кончины лишился разсудка, но скончался христіанскою кончиною, на свѣтлой недѣлѣ. Мать была хорошая хозяйка и честная женщина. Въ пятнадцатилѣтнемъ возрастѣ Даніилъ заболѣлъ горячкою, и домашніе опасались, что его ждетъ участь отца, но чрезъ два мѣсяца онъ совершенно оправился.

Выучившись играть на басѣ, Даніилъ, вмѣстѣ съ товарищами, сталъ промышлять этою игрою, но, по требованію дѣда, долженъ былъ оставить это занятіе и приняться за домашнее хозяйство и земледѣліе, въ замѣнъ больного отца.

Въ 1807 году Даніилъ былъ принятъ въ ратники. Послѣ двухъ лѣтъ службы, онъ былъ опредѣленъ въ артиллерію, и тамъ, въ батарейной школѣ, въ два мѣсяца выучился грамотѣ. Въ 1812 г. онъ участвовалъ въ Бородинской битвѣ; при орудіи, у котораго онъ стоялъ, изъ 8 человѣкъ прислуги уцѣлѣло только двое. Послѣ 12-го года дѣлалъ онъ кампанію 13—14—15 годовъ, и былъ въ Парижѣ. Изъ Парижа онъ два раза писалъ роднымъ, и прислалъ имъ денегъ (60 и 25 руб.). Вообще онъ былъ очень бережливый и даже скупой человѣкъ. Въ 1820 г. Даніилъ изъ г. Лебедянь, гдѣ въ то время стояла его батарея, на три дня приходилъ домой въ отпускъ; онъ былъ въ чинѣ унтеръ-офицера и въ должности каптенармуса. Въ отпускѣ онъ велъ строгую жизнь, говорилъ домашнимъ о необходимо-

сти ежедневной молитвы; читалъ духовныя книги и разсказывалъ ихъ содержаніе. Уходя, Даніилъ оставилъ брату своему 25 р. денегъ, а племяннику подарилъ свою землю—до пяти десятинъ; при этомъ сказалъ, что больше у него ничего нѣтъ, и что остальныя деньги онъ употребилъ на устройство иконъ въ церковь, но въ какую — не сказалъ. При прощаніи, онъ молвилъ: «Болѣе не ожидайте моего прихода въ домъ: куда нибудь залѣзу въ щель, какъ муха, и тамъ вѣкъ доживу».

Въ 1822 г. родные Даніила узнали, что батарея его будетъ проходить чрезъ Полтаву, и братъ его отправился туда для свиданія съ нимъ. Но Даніила не было, и отъ командира батареи братъ его узналъ, что Даніила сыскать трудно, что онъ предался богоугоднымъ дѣламъ. Чрезъ полгода родные прослышали, что онъ находится въ Диканькѣ (Полтавскаго уѣзда), гдѣ чудотворный образъ святителя Николая, и тетка его поѣхала въ надеждѣ увидать его. Онъ подходилъ къ ея возу, спросилъ, съ кѣмъ она пріѣхала, но подходилъ, какъ чужой человѣкъ. Когда онъ отошелъ, одна женщина разсказала этой теткѣ, что онъ странникъ, живетъ въ лѣсахъ и получаетъ отъ нея пищу—въ скоромные дни яйцо и кусокъ хлѣба. Эта женщина указала въ лѣсу мѣсто, гдѣ странникъ началъ рыть себѣ пещеру. Съ той поры родные совершенно потеряли Даніила изъ виду.

Именно къ этому времени относится великій переломъ въ жизни Даніила.—Эта жизнь, посвященная до сихъ поръ служебному долгу, круто измѣняется. Въ нее входятъ новыя начала, и Даніилъ становится новымъ человѣкомъ.

Служба Даніила Делiе шла превосходно. Исполнительный, ревностный, честный, засвидѣтельствовавшій храбрость раною, полученною въ 12-мъ году—онъ былъ отличаемъ начальствомъ, и, послѣ 17-ти лѣтней службы, былъ представленъ къ офицерскому чину. Но онъ не хотѣлъ болѣе продолжать службы, отказался отъ чина и просилъ только, чтобъ его пустили въ монастырь или въ уединеніе спасать

душу. Тщетно командиръ его, которому онъ открылъ свое намѣреніе, уговаривалъ его служить; онъ рѣшительно отъ всего отрекался; напрасно страшили его суровыми наказаніями. Сидя подъ арестомъ, онъ утѣшался священными книгами, которыя ему дозволено было имѣть. Наконецъ, состоялся о немъ такой приговоръ военнаго суда:

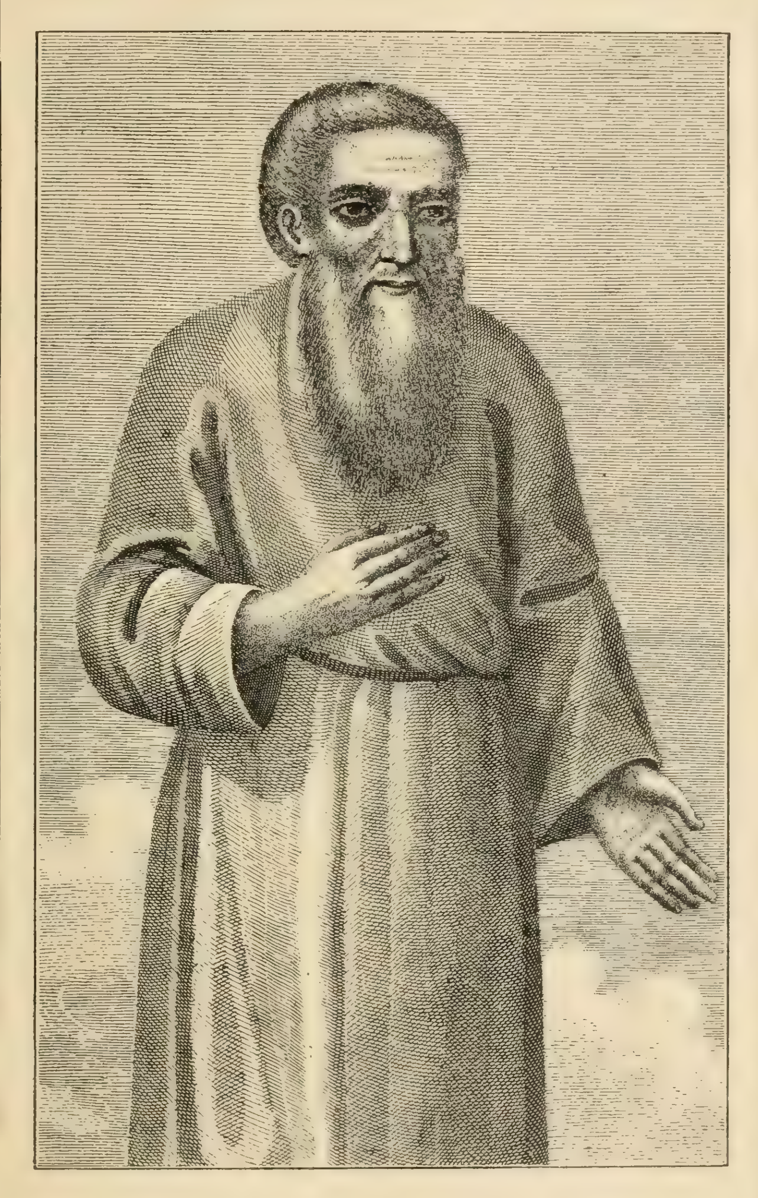
«За принятое намѣреніе удалиться вовсе отъ службы для пустынножительства, и такъ какъ, за всѣми предпринимаемыми мѣрами и вразумленіями къ продолженію службы, остался непреклонимъ и при томъ показалъ, что лучше согласенъ получить смерть, нежели оставить свое намѣреніе,—по конфирмаціи г. главнокомандующаго 1-ю арміею, какъ упорствующій въ своемъ мнѣніи и не хотящій служить, выключенъ изъ воинскаго званія и назначенъ въ ссылку въ Нерчинскъ, на работы въ рудникахъ тамошнихъ горныхъ заводовъ».

Когда начались духовныя стремленія Даніила, и какимъ образомъ развилось въ немъ столь сильное стремленіе къ подвижничеству?

Божественное желаніе возбудили въ немъ духовныя книги. Одинъ діаконъ хорошей жизни, съ которымъ онъ познакомился, давалъ ему священное писаніе и житія святыхъ. Неотразимое впечатлѣніе производили на Даніила примѣры святыхъ; много глубокихъ думъ передумалъ онъ, и дошелъ до намѣренія подражать праведнымъ. Устрашился онъ суеты, непостоянства міра, участи грѣшныхъ, и рѣшилъ все оставить, чтобъ получить помилованіе на страшномъ Господнемъ судѣ... Такъ возникло въ Даніилѣ неодолимое желаніе уединенія, молитвы и подвижничества.

Въ Сибири Даніилъ былъ опредѣленъ на вѣчную работу, въ Боготольскій винокуренный заводъ, Томской губерніи. Дошелъ онъ до Сибири съ преступниками, и не позволилъ снять съ себя кандалы.

На заводѣ провелъ онъ нѣсколько лѣтъ; приставъ возненавидѣлъ его, называлъ святошею и возлагалъ самыя тяжелыя на него работы. Протрудившись весь день, Даніилъ



Старецъ Даніилъ Ачинскій.

ночь стоялъ на молитвѣ, и днемъ, когда назначенъ былъ отдыхъ, удалялся на молитву, стараясь, чтобы его не видали. Приставъ, издѣваясь надъ нимъ, говорилъ: «Ну-ка, святоша, спасайся въ каторгѣ!» Хлѣбъ и вода составляли единственную пищу Даніила. Разъ зимою приставъ посадилъ раздѣтаго его на крышу дома и велѣлъ поливать водою, крича: «Спасайся — ты святой!»

Тяжкою болѣзнію былъ наказанъ приставъ за гоненіе подвижника, и повинился предъ нимъ, и просилъ помолиться о своемъ исцѣленіи. Богъ внялъ молитвѣ Даніила за его гонителя. Убѣжденный въ томъ, что Даніилъ избранный рабъ Божій и желая обезпечитъ ему возможность служить одному Богу, приставъ донесъ губернатору, что Даніилъ Деліе неспособенъ къ работѣ, и потому отпускается на вольное пропитаніе.

Получивъ свободу, Даніилъ водворился въ городѣ Ачинскѣ: сперва въ маленькой келліи, потомъ во дворѣ одного купца, гдѣ тоже устроилъ себѣ маленькую келлію. Жестокое житіе избралъ себѣ тутъ Даніилъ—онъ пребывалъ въ постоянномъ тяжкомъ трудѣ, въ тѣлесномъ озлобленіи и непрестанной молитвѣ. Безъ трепета нельзя вспомнить особенно о послѣднихъ годахъ жизни Даніила, которые провелъ онъ въ деревнѣ Зерцалахъ (въ 17 в. отъ Ачинска) у одного крестьянина.

Тутъ его келлія была въ размѣръ гроба, такъ что приходящіе съ ужасомъ взирали на подвигъ великаго труженика. Платье свое держалъ онъ въ сѣняхъ, такъ какъ одѣтый не могъ онъ помѣститься въ этомъ гробѣ. Окно было размѣромъ въ мѣдный гривенникъ; по цѣлой недѣлѣ оставался онъ въ этомъ заключеніи, безъ свѣта, въ молитвѣ; иногда въ сѣняхъ занимался онъ рукодѣліемъ, но за издѣлія свои не бралъ денегъ, только хлѣба для пропитанія. По ночамъ выходилъ онъ тайно на работу: воздѣлывалъ землю чужихъ огородовъ, жалъ и косилъ на поляхъ у бѣдныхъ.

Деньгами подавать онъ не могъ, потому что ихъ у

него никогда не было. О милостынѣ говорилъ: «Лучше подавать, нежели принимать; а ежели нечего подавать — Богъ и не потребуетъ. Нищета Бога ради — лучше милостыни, а милость можетъ оказать и неимущій: помоги бѣдному поработать, утѣшь его словомъ, помолись о немъ Богу,—вотъ и чрезъ сіе можно оказать любовь ближнему».

Пища, которую принималъ онъ лишь къ вечеру, и то не всякій день,—состояла изъ воды, хлѣба или картофеля, который онъ никогда не чистилъ; предъ ѣдой онъ забивалъ за поясъ деревянный клинъ, чтобъ меньше ѣсть. Для смиренія плоти онъ носилъ берестовый поясъ, вросшій въ тѣло, съ которымъ и погребенъ, и желѣзныя вериги и обручъ, но незадолго до смерти онъ снялъ эти послѣднія и отвѣтилъ такъ одному искренне вопрошавшему: «Тѣло мое къ нимъ привыкло и не чувствовало отъ нихъ болѣзни. Тогда бываетъ только полезенъ подвигъ, когда наноситъ обузданіе тѣлу. Пусть лучше, чѣмъ хвалить меня, говорятъ люди: Даніилъ нынѣ уже разлѣнился; это будетъ для меня полезнѣе».

Еще съ завода прошла въ народѣ молва про праведную жизнь Даніила, и, когда поселился онъ въ Ачинскѣ, сталъ народъ ходить къ нему за благословеніемъ на какое нибудь дѣло, или за совѣтомъ, или чтобъ взглянуть на него и порадоваться. Одинъ видъ подвижника дѣйствовалъ на душу неотразимо — закоснѣлые грѣшники рыдали предъ святынею, въ немъ чувствовавшеюся, и признавались въ своихъ грѣхахъ.

Духовною силою, любовью и умиленіемъ были исполнены бесѣды Даніила. Онъ говорилъ о церковныхъ уставахъ, о заповѣдяхъ, о Христѣ и Его ученіи, и крестной смерти, о вѣчной жизни, блаженствѣ праведныхъ и мученіи грѣшныхъ. Любовь, наполнявшая его сердце, изливалась въ слезахъ, безъ которыхъ онъ не могъ говорить, и иногда во время бесѣды приходилъ онъ въ духовное восхищеніе, и молился восторженною молитвою, которая полноводною рѣкою текла всегда изъ его сердца.

Звать себя «отцомъ Даніиломъ» старецъ воспрещалъ— и говорилъ, что одинъ только у насъ отецъ—Господь Богъ, а всѣ мы — братья, и потому звали его «братъ Даніилъ». Много случаевъ дали современникамъ поводъ узнать прозорливость Даніила. Говорить онъ старался притчами и такъ, чтобъ понятно было лишь тому, до кого это относилось.

Мѣстные епископы, объѣзжая епархію, бывали у Даніила и относились къ нему съ великимъ уваженіемъ. Архіепископъ Иркутскій Михаилъ рыдалъ отъ его бесѣды; отъѣзжая, онъ умолялъ Даніила принять денегъ отъ него, но тотъ не хотѣлъ. При прощаніи на паромѣ архіепископъ подалъ ему просфору, въ нижней части которой были положены деньги, но старецъ, не беря ее на руки, отломилъ верхнюю половину и сказалъ: «Владыко, мы раздѣлимъ, верхнюю часть мнѣ, а нижнюю тебѣ». Удивяся прозорливости Даніила, архіепископъ поклонился ему почти до земли, говоря: «Прости меня, братъ Даніилъ!» Съ такимъ же уваженіемъ относился къ старцу Агапитъ, первый епископъ Томскій.

Старецъ часто шелъ навстрѣчу желаніямъ лицъ, имѣвшихъ до него надобность. Когда изъ Ачинска кто собирался въ Зерцалы, старецъ, прозрѣвая ихъ намѣреніе, самъ пріѣзжалъ въ городъ и приходилъ къ тѣмъ людямъ.

Но молва людская, разлучавшая его отъ ненарушимаго единенія съ Богомъ, была ему тяжела. Онъ любилъ молчаніе, краткость рѣчи и никакихъ разговоровъ, кромѣ духовныхъ, не выносилъ. Нестяжаніе довелъ до того, что самую малѣйшую вещь считалъ за вредъ душѣ своей. Одежда, которую носилъ старецъ, была такъ плоха, что никто бы не поднялъ ее, еслибъ старецъ ее бросилъ. Тѣло его отъ поста сдѣлалось какъ бы восковое. Никто не видалъ его ѣдящимъ. Часто постился онъ по седмицѣ и больше. Ко святому причастію приступалъ онъ очень часто. Лицо у него было пріятное и веселое, съ малымъ румянцемъ. Къ вольнымъ страданіямъ, которыми порабощалъ Даніилъ свою плоть, прибавилась тѣлесная бо-

лѣзнь: въ колѣнѣ отъ молитвеннаго стоянія, образовались струпья и завелись черви, и благодушно терпѣлъ старецъ эти страданія.

Такою самоотверженною жизнію и основанномъ на исканіи небеснаго—крайнемъ пренебреженіи земного естества—и стяжалъ Даніилъ тѣ великіе духовные дары, о которыхъ свидѣтельствуютъ его современники. Предавшись весь Богу, чувствовалъ онъ потому надъ собою постоянный покровъ Божій, хранившій его во всѣхъ путяхъ его жизни. Одинъ человѣкъ, выйдя отъ Даніила, полюбопытствовалъ узнать, что дѣлаетъ старецъ одинъ въ келліи. Но, едва подползъ онъ тихонько къ окну келліи, какъ изъ окна появилось пламя и едва не опалило любопытнаго. На крикъ его, Даніилъ изъ келліи отвѣчалъ: «Богъ проститъ тебя; но впредь не испытывай».

Въ январѣ мѣсяцѣ 1843 г. Даніилъ уѣхалъ изъ Ачинска въ Енисейскъ. Въ тамошнемъ женскомъ монастырѣ игуменья Евгенія была близко знакома старцу, и, по его совѣту, оставила міръ. Еще въ міру, она звала его къ себѣ въ домъ, предлагала ему выстроить въ саду келлію, а онъ отвѣчалъ: «Когда будешь жить на твердой землѣ, я къ тебѣ приду — ты меня и похоронишь». Въ Енисейскѣ Даніилъ прожилъ только три мѣсяца.

Заболѣвъ въ ночь на 15 апрѣля, онъ въ утреню исповѣдывался, въ раннюю обѣдню причастился, и, по прочтеніи отходной, скончался, стоя на колѣняхъ, въ четвертомъ часу дня, на пятьдесятъ девятомъ году, въ четвертокъ святой Пасхи, — 15 апрѣля 1843 года.

По смерти живая радостная улыбка запечатлѣлась на его лицѣ. Множество народа стеклось на его похороны; хотя его не успѣли узнать — весь городъ былъ на отпѣваніи. Предмѣстница игуменіи Евгеніи, слѣпая, когда несли мимо нея гробъ, увидѣла яркій свѣтъ, какъ блескъ молніи. Особенный свѣтъ наполнялъ также храмъ во время отпѣванія, хотя были зажжены всѣ мѣстныя свѣчи. Многіе слышали благоуханіе и прославляли Бога.

Надъ могилою старца Даніила, у Христорождественской церкви, воздвигнута часовня.

Вотъ нѣсколько строкъ о немъ послѣдняго его духовника.

«До прибытія блаженнаго Даніила въ Енисейскъ, я не зналъ его лично и, признаюсь, думалъ о немъ, какъ о человѣкѣ обыкновенномъ, имѣющемъ только внѣшній образъ благочестія. Однажды самъ онъ пришелъ ко мнѣ въ домъ; отъ предложеннаго мною угощенія, даже и чаемъ отказался, но началъ со мною духовную бесѣду, и съ такою простотою, съ такою сладостью, съ такимъ умиленіемъ прочиталъ и объяснилъ мнѣ евангельскую притчу о десяти дѣвахъ, что я тутъ же перемѣнилъ о немъ свое мнѣніе и позналъ въ немъ истиннаго человѣка Божія. Ахъ, какъ бы поболѣе подавалъ намъ Богъ таковыхъ исповѣдниковъ!.. Когда мнѣ были назначены катихизическія поученія, я съ особенною охотою и легкостію исполнилъ сіе дѣло. Ничему другому, какъ благодати Божіей, присущей старцу Даніилу, я приписываю успѣхъ моихъ поученій. Каѳедральный протоіерей Василій Касьяновъ».

Юродивая Домна Карповна.

Юродствовавшая въ Томскѣ.

Домна Карповна принадлежала къ ссыльно-поселенцамъ Сибири и была сослана туда въ наказаніе за бродяжничество. По статейному списку и ревизскимъ сказкамъ она значилась Марьею Слѣпченко изъ Полтавской губерніи. Но была ли она лишь судима тамъ и затѣмъ оттуда сослана— неизвѣстно. Однако ея рѣчь доказывала ея малороссійское происхожденіе.

Кто она была въ міру?

Она говаривала женамъ сельскихъ священниковъ:

— Чепчики, маменьки, носите, платьице чистенькое. Лучше уважать будутъ. Смолоду я сама наряжалась хорошо. Жила я въ господскомъ домѣ, да ушла.

А разъ она прямо сказала одной преданной ей женщинѣ, которую она любила и не называла иначе, какъ мамка. «Родителей у меня не было, жила я у тетки. Тетка хотѣла отдать меня замужъ силою, а я замужъ идти вовсе не хотѣла. Гуляла въ садикѣ и убѣжала».

Изъ другихъ словъ ея можно заключить, что она стала странствовать по святымъ мѣстамъ.

— Ступай въ монастырь, сказалъ ей одинъ священникъ,—молиться за насъ грѣшныхъ.

— Я уже много ходила по монастырямъ, — отвѣчала она,—да нигдѣ не принимаютъ, вездѣ гонятъ, да, наконецъ, сослали въ Сибирь.

Родилась Домна Карповна въ началѣ 19-го вѣка, и до конца была свѣжа лицомъ, бойка, имѣла правильныя черты и пріятный взглядъ. Нельзя было ошибиться, сказавъ, что въ молодости она должна была быть замѣчательно красива. Когда она меньше юродствовала, въ ея пріемахъ было видно, что она не простого происхожденія.

Ее никогда не видали читающею, но она была грамотная, да и не только грамотная. Однажды чрезъ село, гдѣ она жила, проѣзжала женщина высшаго общества, ея знакомая. Она осталась ночевать и всю ночь она проговорила съ Домной Карповной на иностранномъ языкѣ.

Жилища постояннаго Домна Карповна не имѣла, жила, гдѣ Богъ приведетъ, часто проводила ночь, не взирая ни на какую погоду, на улицѣ. Она одѣвалась очень странно: собирала всякую ветошь, составляла изъ нея узлы и затѣмъ всю себя обвертывала и обвѣшивала этими тяжелыми узлами, которые представляли собою такимъ образомъ вериги. И такъ ходила она, съ этой тяжестью и студеной зимой и въ лѣтнюю жарынь.

Она юродствовала на народѣ, но прекрасна и величава была ея тайная молитва.

Ставши гдѣ нибудь въ сторонкѣ, на колѣни, она погружалась въ созерцаніе величія и благости Божіей, проливала горькія слезы о своемъ недостоинствѣ, совершенно

отрѣшалась отъ себя. Слезы текли тогда по ея лицу непрерывно, и чрезвычайной духовной красотой и силой полонъ былъ тогда ея образъ.

Но при народѣ она и въ церкви держала себя странно; переходила съ мѣста на мѣсто, разговаривала, пѣла, гасила свѣчи, переставляла ихъ, нѣкоторыя снимала и клала въ свои узлы.

За пазухой, въ карманахъ и прорѣхахъ рубища у Домны Карповны были насованы битыя стекла, камни, щепки, опилки, кусочки сахара, и все это она раздавала, съ иносказательнымъ смысломъ.

Иногда Домна Карповна, оставляя юродство, говорила разумно и назидательно, въ ея словѣ дышала великая христіанская любовь. А потомъ снова она начинала юродствовать.

Денегъ она не просила, говоря, когда ей предлагали: «На что мнѣ ихъ?»—Очень рѣдко брала у людей, которые ее любили, нѣсколько мелкихъ монетъ.

За то она настойчиво выпрашивала хлѣбъ, булки, калачи. А то иногда и сама брала.

— У меня слѣпенькихъ много,—говорила она, оправдываясь, когда ее укоряли за такое самовольство: голодными, бѣдные, сидятъ.

Подъ слѣпенькими она разумѣла всякаго рода странниковъ — прохожихъ, проѣзжихъ. Она непремѣнно подойдетъ къ нимъ, ласково поговоритъ и дастъ на дорогу хлѣбъ, булку или калачъ.

Она очень любила животныхъ, и собаки, которыхъ она кормила, ходили за ней стаями.

Переходя изъ дома въ домъ, съ утра до ночи она безпрестанно говорила безъ умолку.

Видя ея рубище, многіе даривали ей новое платье, но эти подарки она немедленно раздавала нищимъ.

Однажды, очень любившій ее архіерей Порфирій подарилъ ей новую шубу. Съ благодарностью набросила она ее на свои плечи, но черезъ два часа шуба была уже на нищемъ. Архіерей сказалъ тогда: «дурочка учитъ насъ, умниковъ.

Юродивая Домна Карповна.

О, если бы и мы додумались до такой любви къ ближнему и до такого терпѣнія ради Христа!»

Ходя по улицамъ, Домнушка громко распѣвала духовныя пѣсни. Часто полиція ловила ее и сажала въ полицейскую тюрьму.

Это было желаннымъ, радостнымъ событіемъ для заключенныхъ.

Томскіе купцы и купчихи, узнавъ о томъ, посылали ей грудами пироги, булки, блины, чай и сахаръ. Все это она раздавала арестантамъ и, когда она выходила изъ подъ ареста, ея товарищи по заключенію въ простотѣ душевной желали ей поскорѣй попасть въ тюрьму обратно.

Такъ жила эта незлобивая душа, избравшая себѣ въ жизнь путь младенческой простоты, путь униженій и скорбей.

Когда она умерла, множество народа сошлось на ея погребеніе. Много было и духовенства, не по приглашенію, а по собственному желанію.

Оптинскій старецъ Амвросій.

Къ числу Оптинскихъ незабвенныхъ подвижниковъ, столько сдѣлавшихъ для нравственнаго воспитанія русскаго народа, принадлежитъ отецъ Амвросій, старецъ іеросхимонахъ, почившій 10 октября 1891 г.

Казалось, что въ отцѣ Амвросіи разомъ воплотились всѣ лучшія стороны потрудившихся до него старцевъ.

Во всякомъ случаѣ, онъ былъ такимъ удивительнымъ, свѣтозарнымъ явленіемъ, въ его образѣ было столько обаятельной силы, что достаточно было только увидѣть его, чтобы испытать невыразимое счастье.

Память отца Амвросія не исчезнетъ. Онъ какъ бы живъ для тѣхъ, кто его зналъ, и эти разсказы о немъ, удивленіе той безграничной любви, которая жила въ немъ и грѣла страдающее человѣчество, это свѣтлое впечатлѣніе праведнаго человѣка перейдетъ отъ отцовъ къ дѣтямъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе.

Дорога Оптина всѣмъ, знавшимъ старца. Сколько она вызываетъ сердечныхъ, благодарныхъ воспоминаній...

Отецъ Амвросій родился 21 ноября 1812 года въ Липецкомъ уѣздѣ, Тамбовской губерніи, въ многочисленной семьѣ сельскаго дьячка.

Въ тотъ день праздновали храмовой праздникъ въ селѣ, и вокругъ дома, гдѣ родился мальчикъ, было много съѣхавшихся къ празднику крестьянъ. Отецъ Амвросій говаривалъ: «Какъ я на народѣ родился, такъ все на народѣ и живу».

Мальчикъ отличался чрезвычайною живостью нрава и сметливостью. Пройдя Липецкое духовное училище, онъ поступилъ въ Тамбовскую семинарію. Товарищи его разсказывали впослѣдствіи о его способностяхъ.

— Бывало, сидишь за уроками, зубришь, а онъ все бѣгаетъ. А отвѣчать станетъ—точно по книгѣ читаетъ.

По окончаніи курса въ семинаріи Александръ Михайловичъ Гренковъ (таково было мірское имя о. Амвросія) былъ нѣкоторое время учителемъ въ частномъ домѣ, а затѣмъ преподавателемъ Липецкаго духовнаго училища.

Удивительно сметливый и наблюдательный, чрезвычайно разговорчивый, онъ близко познакомился съ бытомъ разныхъ слоевъ общества, и это впослѣдствіи много помогло ему въ его дѣятельности старца.

Между тѣмъ въ Гренковѣ начинался переломъ. Онъ сталъ уединяться. Замѣчали, что онъ по ночамъ ходитъ молиться въ садъ, а потомъ, чтобы еще болѣе скрывать свою молитву, онъ уходилъ на чердакъ. Онъ сталъ задумываться о суетности всего земного, о посвященіи себя всецѣло тому, что одно не проходитъ, но вѣчно.—Монашеская келлія рисовалась уже его воображенію.

Среди такихъ мыслей онъ тяжко заболѣлъ и во время болѣзни далъ обѣтъ идти въ монахи, если выздоровѣетъ.

Но, оправившись, онъ медлилъ исполненіемъ своего обѣщанія, и тогда снова заболѣлъ. Тогда онъ твердо рѣшился проститься съ міромъ и, выздоровѣвъ, пошелъ за совѣтомъ къ старцу Иларіону Троекуровскому.

О. Иларіонъ указалъ ему на Оптину пустынь, промолвивъ при этомъ: «Ступай въ Оптину и будешь опытнымъ».

Никому больше не открылъ Александръ Михайловичъ своего намѣренія и тайно ушелъ изъ Липецка въ Оптину, не испросивъ разрѣшенія епархіальнаго начальства. Уже изъ Оптиной онъ написалъ Тамбовскому архіерею, объясняясь ему чистосердечно; онъ опасался, что уговоры родныхъ и знакомыхъ поколеблятъ его рѣшимость, и потому рѣшилъ уйти тайно.

Въ Оптиной о. Амвросія приняли въ скитъ и дали послушаніе на кухнѣ. Потомъ онъ былъ взятъ въ келейники къ о. Макарію и сталъ ближайшимъ его ученикомъ.

Какъ человѣкъ ученый, о. Амвросій принялъ большое участіе въ важномъ дѣлѣ, предпринятомъ о. Макаріемъ: переводѣ на русскій языкъ и изданіи твореній древнихъ великихъ пустынножителей о монашеской жизни.

Незамѣтно вырабатывалась въ о. Амвросіи та высота духа, та сила любви, которую онъ посвятилъ на помощь людскому горю и страданію, когда сдѣлался старцемъ. Уже съ самаго поступленія въ скитъ выдѣлялся онъ своею привѣтливостью. Тихо, безъ потрясенія, по смерти о. Макарія паства его перешла къ о. Амвросію. Началась нескончаемая страда.

Отецъ Амвросій, какимъ стали знать его въ народѣ, былъ однимъ изъ тѣхъ Оптинскихъ старцевъ, къ которымъ всякій могъ прійти въ душевной тягости или жизненной бѣдѣ и требовать помощи. Шли къ нему люди, прослышавъ объ его мудрости, объ его святости, а больше всего о той великой добротѣ, съ какою онъ принималъ всякаго.

Любить ближнихъ такъ, чтобы желать имъ всякаго счастья, благословляемаго Богомъ, — и стараться доставить имъ это счастіе—было его жизнью и его дыханіемъ. И въ этомъ потокѣ любви, который обливалъ всякаго, приходившаго къ отцу Амвросію, была такая сила, что она чувствовалась безъ словъ, безъ дѣйствій. Къ отцу Амвросію до-

вольно было подойти, чтобы почувствовать, какъ сильно онъ любитъ, и, вмѣстѣ съ этимъ, въ отвѣтъ на его чувство открывалось сердце приходившаго, рождалось полное довѣріе и самая тѣсная близость. Какимъ образомъ возникали такія отношенія — это тайна отца Амвросія.

Такимъ образомъ, съ разныхъ концовъ къ отцу Амвросію сходились люди и передавали свои скорби. Онъ слушалъ, сидя или полулежа на своей низенькой кроваткѣ, все понималъ еще лучше, чѣмъ тотъ, кто разсказывалъ, и начиналъ говорить, что все это значитъ и какъ тутъ быть. Собесѣдникъ зналъ, что въ эти минуты старецъ весь вошелъ въ его жизнь и заботится о немъ больше, чѣмъ онъ самъ. А могло быть такъ потому, что свое собственное существо отецъ Амвросій позабылъ, оставилъ, стряхнулъ съ себя, отрекся отъ него и на мѣсто этого изгнаннаго «я» поставилъ своего ближняго и перенесъ на него, но въ сильнѣйшей степени, всю ту нѣжность, которую люди тратятъ на себя.

У отца Амвросія можно было искать разрѣшенія всѣхъ вопросовъ. Ему повѣряли какъ самыя завѣтныя тайны внутренней жизни, такъ и денежныя дѣла, торговыя предпріятія, всякое жизненное намѣреніе.

Люди, которые не понимали ни старчества, ни отца Амвросія, ни его духовныхъ дѣтей, рѣшались осуждать старца и говорили: «Его дѣло—душа, а не разныя предпріятія. Тотъ, кто говоритъ съ нимъ о такихъ вещахъ, не уважаетъ религіи».

Но отецъ Амвросій прекрасно понималъ, что тамъ, гдѣ умираютъ съ голода, прежде чѣмъ толковать о праведности, надо подать хлѣба, если онъ есть. Самъ человѣкъ высшей духовной жизни, погасившій въ себѣ всѣ собственныя требованія, онъ больше, чѣмъ кто-либо другой, заслужилъ похвалу Христову за попеченіе о несчастныхъ: «Я былъ голоденъ—вы накормили Меня, жаждалъ—вы напоили Меня, нагъ былъ — вы одѣли Меня». Онъ, какъ умѣлъ, служилъ людямъ своими сокровищами, а величайшія

его сокровища были любовь, мудрость, прозорливость, которыми полны были его совѣты.

Люди, *боящіеся* Бога и ищущіе спасенія, такъ зорко слѣдятъ за всякимъ своимъ поступкомъ, зная, что для внутренней жизни онъ отзовется безчисленными послѣдствіями, что они хотятъ, чтобы всякій ихъ шагъ былъ одобренъ духовникомъ, которому они довѣрились,—старцемъ.

Отъ такого благословенія у нихъ является сознаніе, что этотъ поступокъ нуженъ и хорошъ, а вслѣдствіе этой увѣренности достигаются: для дѣла — смѣлость, твердость и настойчивость, вообще же—спокойное и ясное состояніе души.

А христіанство имѣетъ безконечно широкіе взгляды, обнимая все раанообразіе человѣческой дѣятельности. Тѣмъ и велико христіанство, тѣмъ и доказывается его божественный источникъ, что оно всеобъемлюще. Христіанство, съ безконечною ширью своихъ свѣтлыхъ взглядовъ, благословляетъ трудъ учителя, воина, врача, землепашца, ученаго, судьи, торговца, писателя, слуги, чиновника, ремесленика, адвоката, чернорабочаго, художника. Оно провозглашаетъ святымъ всякій честный трудъ и учитъ, какъ лучше всего его исполнить. Тому же училъ и отецъ Амвросій.

Если къ нему приходили люди и разсказывали, что ихъ семьи бѣднѣютъ, и надо подумать о томъ, какъ бы ихъ обезпечить, отецъ Амвросій не говорилъ: «Это не мое дѣло, я занимаюсь только душами». Онъ весь начиналъ горѣть тѣмъ же желаніемъ, выслушивалъ всѣ предположенія, вникалъ, разспрашивалъ, утверждалъ или дополнялъ то, что было задумано или предлагалъ свое. А все, что благословлялъ отецъ Амвросій, не могло не удасться, потому что ему все было открыто.

Это громадное сочувствіе, благодатная способность принять чужое горе и нужду ближе своего и поясняютъ все то значеніе, которое имѣлъ отецъ Амвросій для тѣхъ, кто его зналъ.

Среди общей холодности и равнодушія, при совершен-

номъ нежеланіи людей видѣть и чувствовать дальше собственнаго существа, многимъ трудно живется. Нуженъ человѣкъ, къ которому бы можно было сносить все, что волнуется въ душѣ, которому бы безъ утайки можно было открыть всѣ думы и надежды, довѣрить всякую тайну, чтобъ стало легче и счастливѣе. И нужно, чтобъ это чувство было раздѣленное, чтобъ за вѣжливымъ словомъ не слышалось удивленія тому, что ищутъ участія, а чтобъ это участіе, котораго труднѣе всего добиться въ жизни, свѣтило во всякомъ звукѣ, во всякомъ движеніи. Нуженъ въ жизни сочувственный взоръ, ласковое слово, нужно сознаніе, что насъ любятъ и намъ вѣрятъ, нужно то, что въ мірѣ самое рѣдкое и самое великое сокровище — сердце *внимательное*.

Такое сердце билось въ отцѣ Амвросіи. И, конечно, такіе люди, какъ онъ, не могутъ относиться съ презрѣніемъ ни къ чему, что̀ входитъ въ жизнь ихъ ближнихъ.

Мелочей для отца Амвросія не существовало. Онъ зналъ, что все въ жизни имѣетъ свою цѣну и свои послѣдствія. Не было ни одного вопроса, на который бы онъ не отвѣтилъ съ неизмѣннымъ чувствомъ добра и участія.

Однажды остановила его баба, которая была нанята помѣщицей пасти индюшекъ. Индюшки у нея не жили, и барыня хотѣла ее расчесть. «Старецъ — кричала она въ слезахъ, — хоть ты помоги. Силъ моихъ нѣтъ. Сама надъ ними не доѣдаю, пуще глазъ берегу,—а колѣютъ онѣ. Согнать меня барыня хочетъ. Пожалѣй, родимый». Присутствовавшіе тутъ смѣялись надъ ея глупостью, къ чему ей идти съ такимъ дѣломъ къ старцу. А старецъ ласково разспросилъ ее, какъ она ихъ кормитъ и далъ совѣтъ, какъ ихъ содержать иначе, благословилъ ее и простился. Тѣмъ же, которые смѣялись надъ бабой, онъ замѣтилъ, что въ этихъ индюшкахъ вся ея жизнь. Индюшки у бабы перестали колѣть.

Такое совершенное пониманіе людей, такое умѣніе стать на ихъ точку зрѣнія происходило отъ той громадной

любви, которую носилъ въ себѣ старецъ. Въ ту минуту, когда люди обращались къ нему, онъ отождествлялся съ ними — онъ бралъ въ себя все ихъ, все ихъ горе, всѣ страданія; только взамѣнъ ихъ недоумѣній, ихъ колеблющейся немощи онъ давалъ свое свѣдущее прозорливое слово. Даже и среди обыкновенныхъ людей, гдѣ любятъ, тамъ легко понимаютъ.

Любовь, которая одушевляла отца Амвросія, была та, которую заповѣдалъ Своимъ ученикамъ Христосъ. Она многимъ отличается отъ того чувства, которое извѣстно въ міру. Въ ней не менѣе поэзіи, она такая же трогательная, но она шире, чище и не имѣетъ конца.

Главное ея отличіе, что она все даетъ и ничего не проситъ. Въ тотъ часъ, когда она нужна, она сотворитъ величайшіе подвиги самопожертвованія, а потомъ молча отойдетъ, какъ только горе смягчилось, туда, гдѣ новое горе. Апостолъ сказалъ: «любовь не ищетъ своего», — *своего*, т. е. и того, что принадлежитъ ей по праву, напримѣръ, довѣрія, воспоминанія.

Такъ было и со старцемъ...

Онъ безконечно любилъ всякаго къ нему приходившаго, давалъ ему отъ себя все, что могъ, а о себѣ не думалъ. Ему, кажется, и на мысль не приходило, что онъ дѣлаетъ нѣчто такое, за что бы можно быть благодарнымъ. Сдѣлавъ свое дѣло, наставивъ человѣка, онъ успокоивался. Были люди, которые не слушались его — и дѣлали по своей волѣ; выходило плохо; тогда они возвращались къ старцу и говорили: вы сказали такъ, а мы сдѣлали иначе. Какъ теперь быть?»

Старецъ никогда не говорилъ, что такое недовѣріе оскорбительно, а жалѣлъ ихъ же, что у нихъ такъ плохо, и давалъ новый совѣтъ. Можно было на всѣ его попеченія отвѣчать самою возмутительною неблагодарностію и пользоваться вмѣстѣ съ этимъ его самымъ теплымъ участіемъ.

Въ міру любятъ людей, потому что они полезны или пріятны, любятъ *для себя*, а отецъ Амвросій любилъ, потому

О. Амвросій въ началѣ старчества.

что они страдаютъ, потому что они грѣшны, противны людямъ, любилъ *для нихъ*. Если вообще кого-нибудь отличалъ, такъ это тѣхъ, кого больше всего презираютъ въ міру — самыхъ закоренѣлыхъ грѣшниковъ, самыхъ непріятныхъ, самыхъ тяжелыхъ нравомъ людей. Онъ находилъ даже, что для общаго удобства всего лучше, чтобъ они на немъ срывали свой нравъ. Много досаждала ему одна непріятная монахиня. Его спросили, какъ онъ ее выноситъ. Онъ съ удивленнымъ взоромъ отвѣчалъ: «Если здѣсь, гдѣ я стараюсь ее успокоить, ей все-таки такъ тяжело, каково ей будетъ тамъ, гдѣ всѣ ей будутъ перечить! Какъ же ее не терпѣть?»

Любовь отца Амвросія шла неразрывно съ его вѣрою. Онъ твердо, непоколебимо вѣрилъ въ человѣка, въ его божественную душу. Онъ зналъ, что въ самомъ сильномъ искаженіи человѣческомъ, тамъ, гдѣ-то далеко, лежитъ искра божественнаго дара, и эту искру чтилъ отецъ Амвросій. Какъ бы ни былъ грязенъ тотъ, кто говорилъ съ нимъ, уже тѣмъ была велика его бесѣда, что она давала грѣшнику сознаніе, что святой старецъ смотритъ на него, какъ на равнаго, что, поэтому, онъ не окончательно погибъ и можетъ возродиться. Онъ самымъ падшимъ людямъ подавалъ надежду, бодрость и вѣру, что они могутъ стать на новый путь.

При такомъ отношеніи старца къ людямъ, они ему не умѣли отплачивать тою же любовью—не то, чтобъ не хотѣли, а не могли по своему несовершенству.

Прежде всего, до знакомства съ отцомъ Амвросіемъ, очень многіе относились къ нему подозрительно. Понятіе объ истинномъ монашествѣ и о старчествѣ такъ далеки отъ насъ, что многимъ казалось дикимъ, когда имъ совѣтовали ѣхать въ далекую Оптину, въ 70 отъ Калуги верстахъ безпокойнаго пути на лошадяхъ, чтобъ видѣть какого-то стараго монаха. «Что съ нимъ можетъ быть общаго? Навѣрное, какой-нибудь лицемѣръ, который ищетъ славы. Знакомая удочка, да только попадутъ на нее одни простецы!»

Такъ, многіе не хотѣли ѣхать въ Оптину и, для успокоенія совѣсти, старались не вѣрить тому, что разсказывали объ отцѣ Амвросіи. Тѣ же, кто заѣзжалъ въ Оптину, начинали съ осужденія.

Старца раздирали на части; поэтому, иногда приходилось ждать, и отцу Амвросію на этотъ счетъ посылалось не одно колкое замѣчаніе. Въ Оптиной принято между монахами изъ смиренія предъ старцемъ становиться на колѣни. По доброй волѣ это дѣлаютъ и нѣкоторые міряне. Батюшка всегда приглашалъ садиться противъ него на стулъ, иногда упрашивалъ не стоять на колѣняхъ, а сколько насчетъ этого бывало нехорошихъ рѣчей! «Съ какой стати мнѣ предъ всякимъ монахомъ на колѣни становиться! Вотъ гдѣ ихъ смиреніе!» Точно кому-то было досадно, что люди идутъ къ хорошему старцу, и кто-то старался сѣять смуту. И когда приходила минута перваго свиданія, многіе смотрѣли на него съ недовольнымъ сердцемъ, со страстнымъ желаніемъ «разоблачить стараго монаха».

Старцу все и вездѣ было открыто. Если онъ видѣлъ людей совершенно равнодушныхъ, онъ старался кончить съ ними короткимъ, вѣжливымъ разговоромъ. Такіе люди отзывались о немъ «очень умный монахъ»—вообще нѣтъ ни одного человѣка изъ видѣвшихъ его, который бы не почувствовалъ къ нему уваженія.

Но иногда это недовѣріе разомъ разсѣивалось и уступало мѣсто самому теплому чувству.

Одна молодая дѣвушка изъ хорошей семьи, съ большимъ образованіемъ, крѣпкой волею и цѣльною природой случайно попала къ отцу Амвросію, была имъ поражена, умолила его принять ее въ Шамординскую общину и съ перваго шага вступила на путь истиннаго подвижничества. Ея мать пріѣхала вырвать изъ «этого ужаснаго монашескаго міра» свою дочь. Она съ негодованіемъ вошла къ старцу, съ грозными упреками на языкѣ. Старецъ предложилъ ей стулъ. Прошло нѣсколько минутъ разговора. Раздраженная мать, невольно, не понимая сама, что съ

нею дѣлается, встаетъ со стула и опускается около старца на колѣни. Бесѣда длится. Въ скоромъ времени соединяется мать-монахиня съ дочерью-монахиней. Такихъ примѣровъ было много.

Вотъ, старецъ ходитъ по скиту, опираясь на свою палочку. Много мужчинъ подходитъ къ нему; нѣсколько сзади идутъ келейники. Должностной монастырскій іеромонахъ подводитъ къ нему двухъ молодыхъ людей. Они очень хорошо одѣты и имѣютъ видъ очень воспитанныхъ людей. Старшій совершенно равнодушенъ къ православію. Другой—довольно вѣрующій: ему нравятся хорошія церкви, московскій Кремль, въ который онъ всегда завернетъ, когда весною и осенью ѣдетъ изъ деревни въ Петербургъ — и стихи Хомякова. Одному до отца Амвросія нѣтъ дѣла, а другой почему-то очень осуждалъ его, когда о немъ разсказывали, а теперь очень недоволенъ, что нѣсколько дней подрядъ старецъ не могъ принять ихъ. Онъ усиленно слѣдитъ за старцемъ и старается отгадать, что это за человѣкъ. Іеромонахъ называетъ старцу тѣхъ, съ кѣмъ они пріѣхали, и проситъ благословить ихъ. Онъ скоро, не глядя, благословляетъ и идетъ дальше. Нѣсколько мужиковъ изъ дальней губерніи поджидаютъ его. «Мы къ тебѣ съ поклономъ,— говорятъ они:—прослышали, что у тебя ножки болятъ—вотъ тебѣ мягкіе сапожки сдѣлали—носи на здоровье». Старецъ беретъ ихъ сапоги и говоритъ съ каждымъ. А второй изъ молодыхъ людей все это видитъ. И вдругъ ему представилась трудная жизнь этого старика и всѣ чужія бремена, которыя онъ поднялъ, и вѣра, съ которою на него смотрятъ всѣ эти люди, и любовь мужиковъ, принесшихъ ему сапожки—и сомнѣнія, лежавшія камнемъ на сердцѣ, ушли. Богъ знаетъ, почему, ему вспомнилось дѣтство съ его безбрежною вѣрой, и что-то мелькнуло ему въ старцѣ общее съ этими воспоминаніями. Онъ опять близъ старца и робко проситъ: «Батюшка, благословите меня!» Старецъ обертывается, весело смотритъ на него и начинаетъ съ нимъ говорить о его ученіи и жизни. Онъ

всю дорогу думаетъ о старцѣ, и на слѣдующее лѣто самъ возвращается къ нему.

Приходитъ къ отцу Амвросію измученный человѣкъ, потерявшій всѣ устои и не отыскавшій цѣли жизни. Онъ искалъ ее въ общинномъ трудѣ, въ бесѣдѣ Толстого — и отовсюду бѣжалъ. Онъ говоритъ старцу, что пришелъ посмотрѣть. «Что жъ — смотрите!» Старецъ встаетъ со своей кроватки, выпрямляется во весь ростъ и вглядывается въ человѣка своимъ яснымъ взоромъ. И отъ этого взора какое-то тепло, что-то похожее на примиреніе льется въ наболѣвшую душу. Невѣрующій поселяется близъ старца и всякій день ведетъ съ нимъ долгую бесѣду: онъ хочетъ вѣры, но ещё не можетъ вѣровать. Проходитъ много мѣсяцевъ. Въ одно утро онъ говоритъ старцу: «Я увѣровалъ».

Общественная дѣятельность старца охватывала широчайшую область. Даже люди, не видѣвшіе въ отцѣ Амвросіи того, что въ немъ было, не могли не признать его значенія. Одинъ писатель, смотрѣвшій на отца Амвросія, какъ на любопытное жизненное явленіе, говорилъ: «А вѣдь подите, Амвросій-то дѣятель народный: въ общественной жизни старикъ участвуетъ. Такъ скажемъ: рѣка это народная течетъ, а онъ на берегу сѣлъ, да ноги въ нее и опустилъ». Его спросили: «пятки?» «Нѣтъ-съ: по колѣни, по колѣни въ этой рѣкѣ!»

А эту общественную дѣятельность лучше всего опредѣлитъ одно очень хорошее русское слово; такое слово, какого не сыскать въ другой землѣ. Отецъ Амвросій *жалѣлъ*.

Если отдать себѣ отчетъ въ той дѣятельности, которую проявлялъ отецъ Амвросій, — то станетъ яснымъ, что *только* человѣческихъ, даже самыхъ напряженныхъ силъ, на нее хватить не могло. Мысль о необходимомъ присутствіи благодати возникаетъ сама собою. Нужно понять, что дѣлалъ отецъ Амвросій.

Съ утра до вечера къ нему приходили люди съ самыми жгучими вопросами, которые онъ усваивалъ себѣ, которыми въ минуту бесѣды жилъ. Онъ всегда разомъ схва-

тывалъ сущность дѣла, непостижимо мудро разъяснялъ его и давалъ отвѣтъ. Но въ продолженіе 10—15 минутъ такой бесѣды рѣшался не одинъ вопросъ, въ это время о. Амвросій вмѣщалъ въ своемъ сердцѣ всего человѣка—со всѣми его привязанностями, его желаніями — всѣмъ его міромъ внутреннимъ и внѣшнимъ. Изъ его словъ и его указаній было видно, что онъ любитъ не одного того, съ кѣмъ говоритъ, но и всѣхъ — любимыхъ этимъ человѣкомъ, его жизнь, его вещи. Предлагая свое рѣшеніе, отецъ Амвросій имѣлъ въ виду не какое-нибудь уединенное дѣло; онъ смотрѣлъ на всякій шагъ со всѣми его разнообразными послѣдствіями какъ для лица, такъ и для другихъ, для всѣхъ сторонъ всякой жизни, съ которыми это дѣло сколько нибудь соприкасалось. Каково же должно быть умственное напряженіе, чтобъ разрѣшить такія задачи? А такихъ вопросовъ, и каждый помногу, предлагали ему ежедневно нѣсколько десятковъ человѣкъ мірянъ, не считая множества монаховъ и 30—40 писемъ, приходившихъ и отсылавшихся ежедневно. При такой громадной работѣ, продолжавшейся 30 лѣтъ изо дня въ день, въ этой безконечной сѣти самыхъ запутанныхъ и тонкихъ отношеній, самыхъ отчаянныхъ жизненныхъ положеній, ни разу не ошибиться, ни разу не сказать: «Я тутъ ничего не могу, я не умѣю»—это сила не человѣческая. Старецъ говорилъ не отъ себя, а по вдохновенію; было видно, что иногда онъ беретъ свой отвѣтъ откуда-то извнѣ. Его слово не было только словомъ опытнаго старика — оно было со властію, основанной на близости къ Богу, давшей ему всезнаніе.

Кто-то справедливо замѣтилъ, что едва ли въ настоящее время можно найти такой даръ *разсужденія*, какой былъ у отца Амвросія. Это—способность всякому явленію дать вѣрную оцѣнку, опредѣлить его значеніе, его развитіе и дальнѣйшій ходъ. Разсужденіе—драгоцѣнное орудіе для разрѣшенія вопросовъ и внутренней жизни, и внѣшняго поведенія. Основываясь именно на разсужденіи, о. Амвросій счелъ бы гибельнымъ для однихъ то, что назначалъ

необходимымъ для другихъ. Этотъ даръ и давалъ ему ту ширину взглядовъ, которою онъ отличался.

Память у него тоже была сверхъестественная. Одной изъ духовныхъ дочерей онъ напомнилъ на исповѣди грѣхъ, сдѣланный ею очень давно; она его совсѣмъ забыла, и такъ и не могла припомнить, а онъ описалъ все, какъ было.

Много всегда говорили о прозорливости отца Амвросія. Онъ старался скрыть отъ людей этотъ свой даръ и не имѣлъ обыкновенія предсказывать. Но въ тѣхъ совѣтахъ, которые онъ давалъ, этотъ даръ обнаруживался во всемъ своемъ непостижимомъ величіи.

Для него не существовало тайнъ; онъ видѣлъ все. Незнакомый человѣкъ могъ придти къ нему и молчать, а онъ зналъ его жизнь и его обстоятельства, его душевное состояніе и зачѣмъ онъ сюда пришелъ. Отецъ Амвросій разспрашивалъ своихъ посѣтителей, но внимательному человѣку по тому, какъ и какіе вопросы онъ ставитъ, было ясно, что батюшкѣ извѣстно дѣло. Но иногда, по живости природы, это знаніе высказывалось, что̀ всегда приводило старца въ смущеніе. Однажды къ нему подошелъ молодой человѣкъ изъ мѣщанъ съ рукою на перевязи и сталъ жаловаться, что никакъ не можетъ ее вылечить. У старца былъ еще одинъ монахъ и нѣсколько міряНъ. Не успѣлъ тотъ договорить: «все болитъ, шибко болитъ», какъ старецъ его перебилъ: «и будетъ болѣть, зачѣмъ мать обидѣлъ?»—Но разомъ смутился и продолжалъ: «ты ведешь-то себя хорошо ли, хорошій ли ты сынъ? Не обидѣлъ ли?»

Вотъ образцы того, какъ дѣйствовалъ старецъ.

Парень изъ-подъ Тихоновой пустыни (верстъ 50 отъ Оптиной) задумалъ жениться, потому что старуха-мать ослабѣла, а другихъ женщинъ въ домѣ не было. Пошелъ онъ въ Успенье къ батюшкѣ, а тотъ говоритъ: «Приходи въ Покровъ». А мать дома сердится—«только путаетъ старецъ — некогда, прохлаждаться». Въ Покровъ говоритъ батюшка: «Обожди до Крещенья — тогда увидимъ, что бу-

детъ», — а мать дома пуще бранится. Настало Крещенье, а парень объявляетъ, что материной брани терпѣть нѣтъ мочи. А батюшка ему въ отвѣтъ: «Боюсь я, что не послушаешь; а мой совѣтъ: никакъ тебѣ жениться не надо — обожди». Парень ушелъ и женился. Послѣ свадьбы мѣсяца черезъ два умеръ, и осталась его жена безъ всякихъ средствъ.

Бѣдную мѣщанку за красоту просваталъ купецъ, а батюшка говоритъ матери: «вашему жениху отказать надо». Мать такъ и вскинулась: «Что ты, батюшка; да намъ и во снѣ такой не снился — послалъ Богъ сиротѣ, а ты отказать!» А батюшка въ отвѣтъ: «Этому откажите—у меня для дочери твоей другой женихъ есть, лучше этого».—Да какого намъ лучше надо: не за князя ей выходить? «Такой у меня великій женихъ, что и сказать трудно—откажите купцу!» Купцу отказали, а дѣвушка внезапно заболѣла и умерла. Тогда поняли, о какомъ Женихѣ говорилъ батюшка.

Пріѣзжаютъ къ батюшкѣ двѣ сестры. Младшая — невѣста, влюбленная, счастливая, съ дѣтства радостнаго настроенія; старшая — тихая, задумчивая, богомольная. Одна проситъ благословить ея выборъ, а другая — проситъ постриженія. Батюшка невѣстѣ подаетъ четки, а старшей говоритъ: «Какой монастырь! Ты замужъ выйдешь — да не дома—вотъ тебѣ что!» и назвалъ губернію, куда онѣ никогда не ѣздили.

Обѣ возвращаются въ Петербургъ. Невѣста узнаетъ, что любимый человѣкъ ей измѣнилъ. Это произвело въ ней страшную перемѣну, потому что ея привязанность была глубока. Она постигла суетность того, что прежде ее занимало, ея мысли обратились къ Богу — и вскорѣ одною инокинею стало больше. Между тѣмъ старшая получила письмо изъ дальней губерніи, отъ забытой тетки, набожной женщины, жившей по сосѣдству какого-то монастыря. Она звала ее присмотрѣться къ жизни монахинь. Но вышло иначе. У этой тетки она познакомилась съ человѣкомъ уже

не молодымъ, очень подходившимъ къ ней по характеру— и вышла за него ззмужъ.

У одного близкаго къ батюшкѣ монаха сестра замужемъ за помѣщикомъ, часто посѣщавшимъ Оптину. Однажды батюшка заводитъ такой разговоръ.

Отецъ Амвросій на крылечкѣ.

«Говорятъ (батюшка очень любилъ употреблять это «говорятъ» для прикрытія своей прозорливости) — говорятъ, около тебя имѣніе выгодно продается: купи».

Помѣщикъ удивился. — «Продается, батюшка — и какъ бы хорошо купить, да это мечта одна: имѣніе большое, просятъ чистыми деньгами — хоть дешево, а у меня денегъ нѣтъ».

«Денегъ... повторилъ тихо батюшка, деньги-то будутъ». Потомъ они перешли къ другимъ разговорамъ. На прощаніе отецъ Амвросій сказалъ: «Слышишь— имѣніе-то купи». Помѣщикъ отправился домой на своихъ лошадяхъ. По дорогѣ жилъ его дядя, богатый, но страшно-скаредный старикъ, избѣгаемый всею родней. Такъ случилось, что пристать было негдѣ и пришлось заѣхать къ дядѣ. Во время бесѣды дядя спрашиваетъ: «Отчего ты не купишь имѣніе, которое около тебя продается: хорошая покупка!» А тотъ отвѣчаетъ: — «Что спрашивать, дядюшка? Откуда мнѣ столько денегъ взять?»—«А если

деньги найдутся: хочешь, взаймы дамъ?» Племянникъ принялъ это за шутку, но дядя не шутилъ. Имѣніе было куплено, и новый владѣлецъ пріѣхалъ распорядиться. Не прошло еще и недѣли, барину докладываютъ, что пришли купцы—торговать лѣсъ. Лѣсъ этого имѣнія они хотѣли купить не весь, а часть его. Стали говорить о цѣнѣ: «Мы съ тобой, баринъ, торговаться не будемъ, — цѣну сразу поставимъ»,—и назвали ту цѣну, за которую было куплено все имѣніе.

Но таковы тѣ случаи прозорливости, которые доказываютъ прямое знаніе извѣстныхъ событій, мыслей и чувствъ, никому не открывавшихся. Такая прозорливость старца часто обнаруживалась для отдѣльныхъ лицъ на такъ называемыхъ общихъ благословеніяхъ. Старецъ обходилъ ожидавшихъ его благословенія людей, внимательно вглядываясь во всякаго, осѣняя крестнымъ знаменіемъ, и нѣкоторымъ говоря нѣсколько словъ. Часто онъ, обращаясь ко всѣмъ, разсказывалъ что нибудь такое, что служило отвѣтомъ на сокровенную мысль кого нибудь изъ присутствующихъ. Это былъ чудесный способъ общенія старца съ дѣтьми въ томъ, чего они ему не высказывали, но что ему было открыто.

Отецъ Амвросій зналъ не только чувства тѣхъ, кто находился предъ нимъ, — ему было извѣстно настроеніе тѣхъ, кто приходилъ въ первый разъ; когда ему докладывали, онъ уже зналъ, привела ли къ нему нужда или любопытство — надо ли принять поскорѣе или смирить ожиданіемъ. Кто былъ внимателенъ къ себѣ, тотъ замѣчалъ, что, чѣмъ тяжелѣе была ноша, съ которою шли къ батюшкѣ, тѣмъ ласковѣе былъ его привѣтъ, хотя бы было темно и не было видно выраженія лица приходящаго.

Какъ и даръ прозорливости, скрывалъ отецъ Амвросій и даръ исцѣленій. Онъ имѣлъ обычай посылать купаться въ цѣлебный колодезь Тихоновой пустыни и отнимать у себя всякую славу цѣлителя.

Исключительно дѣйствіемъ благодати можно постиг-

нуть то несеніе скорбей, которыя принималъ на себя батюшка. Эти скорби принималъ онъ во множествѣ отъ тѣхъ людей, которые со всѣхъ сторонъ шли къ нему, чтобъ возложить на него эти скорби и самимъ облегчиться. Онъ безропотно принималъ ихъ и несъ, принималъ не какъ нѣчто чужое, а какъ кровное, свое, участвовалъ въ нихъ не внѣшнимъ образомъ сочувствія, а переживалъ ихъ, какъ собственное страданіе. Если онъ былъ для людей тѣмъ, что звучитъ въ имени «отецъ Амвросій», — то это потому, что чужая жизнь со всѣми ея чувствами была для него своя жизнь.

Тѣ, которымъ приходилось жить полною внутреннею жизнію, знаютъ, что иногда трудно переносить эту полноту даже однихъ своихъ чувствъ. И эта область ограничена; приходятъ времена, когда воспріимчивость притупляется, чувство изнемогаетъ, чувство человѣческое.

Не то было съ отцемъ Амвросіемъ. Его подкрѣпляла постоянно безконечная сила, и онъ всякое мгновеніе своего существованія могъ принять и нести новую скорбь. Посреди ужасающихъ безднъ человѣческихъ бѣдъ, казней и страданій, гдѣ ходилъ утѣшителемъ отецъ Амвросій, ему было дано сохранять неземную ясность духа, высочайшую мудрость и безмятежіе младенца. Не разрѣшенный еще отъ узъ тѣла, онъ страдалъ скорбями и по-человѣчески: его видали иногда согбеннаго, съ низко склонившейся головой. Онъ шепталъ тогда въ укоризну себѣ: «Я былъ строгъ въ началѣ своего старчества, а теперь я сталъ слабъ. У людей столько скорбей, столько скорбей». И въ эти скорбные часы онъ возлагалъ свою печаль на Бога и получалъ новую крѣпость. Богъ, поставившій его среди людскихъ страданій для облегченія ихъ, былъ всегда съ нимъ; и потому могъ утѣшать скорбныхъ отецъ Амвросій, что онъ былъ посредникомъ между людьми и тѣмъ Крестомъ Христовымъ, на которомъ на вѣки вѣковъ разрѣшились всѣ скорби, на которомъ пребываетъ безконечная сила Божественнаго сострастія.

«Я слабъ,—говорилъ батюшка о своемъ старчествѣ,—

но это была не слабость, а снисходительность, основанная на вѣрѣ въ божественную душу и на любви. Отдавъ свою жизнь русскому народу и стоя у самыхъ сокровенныхъ тайниковъ народной жизни, отецъ Амвросій былъ глубокій знатокъ русскаго человѣка. Онъ зналъ, что въ душѣ, познавшей самыя омерзительныя паденія, не утрачена еще способность дойти и до подвижничества, что есть личности, которыя свои былыя преступленія искупаютъ величайшимъ раскаяніемъ; онъ зналъ, что карать осужденіемъ на Руси еще несправедливѣе, чѣмъ гдѣ-либо, и что люди, которые низко падаютъ, но высоко встаютъ и въ постоянной борьбѣ противъ грѣха, хотя и побѣждаемые, не утрачиваютъ высочайшихъ стремленій и не сдаются до конца— заслуживаютъ большаго участія, чѣмъ тѣ обыденные, не злые и не добрые люди; о которыхъ сказано: «ты ни холоденъ, ни горячъ — и потому изблюю тебя вонъ».

Чтобы дать лучшее понятіе о томъ, почему былъ такъ дорогъ старецъ своимъ духовнымъ дѣтямъ, должно разсказать и о другихъ сторонахъ его существа.

Батюшкино смиреніе было такъ велико, что и другихъ онъ заставлялъ забывать о томъ громадномъ явленіи, которое представляетъ собою отецъ Амвросій.

О людяхъ, которые сдѣлали ему очень много зла, онъ отзывался съ самымъ искреннимъ участіемъ и, конечно, не сознавалъ, что совершаетъ подвигъ. Ни недовѣріе, ни оскорбленія не могли заглушить въ немъ самой теплой любви и заботы о каждомъ человѣкѣ. Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ другой бы хоть невольно смутился, онъ отдѣлывался шуткой.

Разъ при народѣ какая-то простолюдинка, кажется, цыганка, закричала: «Батюшка, а батюшка, погадай-ка мнѣ!» Отецъ Амвросій отозвался ей: «а карты принесла?» — «Нѣтъ, картъ нѣту». — «Ну, какъ же тебѣ гадать безъ картъ?»

Его милостыня не знала предѣловъ. Онъ самъ держался и другимъ совѣтовалъ такое правило: никому никогда не отказывать — и никому не отказалъ. Чрезъ его руки

прошло множество денегъ, которыя приносили ему его дѣти, и эти деньги расходились съ необыкновенною быстротой. Этими деньгами жилъ и строился Шамординъ съ его болѣе чѣмъ полутысячнымъ составомъ монахинь и его обширными богадѣльнями, изъ этихъ денегъ давались десятки, сотни и тысячи — въ видѣ подарковъ, займа безъ отдачи и просто помощи всѣмъ, кто просилъ, а часто кто и не просилъ, и кому было нужно.

Часто происходили такіе разговоры. Батюшка возится у себя на постели и ищетъ денегъ, проситель настаиваетъ, чтобы дали сейчасъ же. Батюшка зоветъ келейника: «посмотри-ка гдѣ нибудь: кажется, у насъ рубль гдѣ-то остался, поищи—просятъ». — «Кабы вы не велѣли вчера еще отдать, такъ бы точно оставался, а теперь ничего нѣтъ. Вотъ, все раздаете, а рабочіе жалованья просятъ — чѣмъ платить будемъ?» Батюшка, чтобъ утѣшить келейника, дѣлалъ видъ, что раскаивается и сокрушенно качалъ головой. Рубль гдѣ-нибудь разыскивали, а вскорѣ въ Козельскую почтовую контору на имя іеросхимонаха Амвросія приходила крупная повѣстка, платили рабочимъ и по всѣмъ концамъ чрезъ ту же контору разсылали помощь нуждающимся. Однимъ изъ послѣднихъ пожертвованій отца Амвросія было очень значительное количество денегъ, данное на голодающихъ.

Въ отцѣ Амвросіи въ очень сильной степени была одна русская черта: онъ любилъ что-нибудь устроить, что-нибудь создать.

Созидающая дѣятельность была у него въ крови. Онъ часто научалъ другихъ предпринять какое-нибудь дѣло, и когда къ нему приходили сами за благословеніемъ на подобную вещь честные люди, онъ съ горячностью принимался обсуждать и давать свои поясненія. Онъ любилъ бодрыхъ, сообразительныхъ людей, соблюдающихъ слова: «самъ не плошай» — и давалъ благословеніе, а съ нимъ и вѣру въ удачу самымъ смѣлымъ предпріятіямъ.

Старецъ былъ великій мастеръ и по-человѣчески при-

думать, какъ вывернуться изъ бѣды и отстоять себя, а вооруженный своею прозорливостью, онъ мощно разбивалъ самыя несокрушимыя препятствія. Когда предъ нимъ въ отчаяніи ломали руки, умоляя научить, что дѣлать, онъ не говорилъ: «не знаю, что сказать вамъ, не умѣю», а показывалъ, какъ и что дѣлать. Умилительно вспоминать, какимъ глубокимъ умомъ обладалъ старецъ и какія вещи умѣлъ онъ придумывать для своихъ дѣтей — отъ самыхъ сложныхъ предпріятій до послѣдней вещи домашняго обихода. Останется совершенно непостижимымъ, откуда бралъ отецъ Амвросій тѣ глубочайшія свѣдѣнія по всѣмъ отраслямъ человѣческаго труда, которыя въ немъ были; среди нихъ не было ни одной, по которой бы отецъ Амвросій не могъ дать самыхъ основательныхъ совѣтовъ.

Приходитъ къ батюшкѣ богатый орловскій помѣщикъ и, между прочимъ, объявляетъ, что хочетъ устроить водопроводъ въ своихъ обширныхъ яблоновыхъ садахъ. Батюшка уже весь охваченъ этимъ водопроводомъ. «Люди говорятъ,— начинаетъ онъ со своихъ обычныхъ въ подобныхъ случаяхъ словъ, — люди говорятъ, что вотъ какъ всего лучше, — и подробно описываетъ водопроводъ. Помѣщикъ, вернувшись въ деревню, начинаетъ читать объ этомъ предметѣ; оказывается, что батюшка описалъ послѣднія изобрѣтенія по этой части.—Помѣщикъ снова въ Оптиной. «Ну, что водопроводъ?» спрашиваетъ батюшка съ горящими глазами. Вокругъ яблоки—гниль, а у этого помѣщика у одного богатый урожай прекрасныхъ яблокъ.

Самъ отецъ Амвросій обладалъ замѣчательными способностями строителя, и въ этомъ дѣлѣ, благодаря его всезнанію, случались поучительныя вещи.

Не выходя изъ келіи, старецъ зналъ каждый уголъ Шамордина и всѣ подробности. Приходитъ монахъ, завѣдующій постройкой, заходитъ рѣчь о пескѣ. «Ну, отецъ Іоиль, песокъ у тебя теперь сваленъ; аршина... (батюшка точно прикидываетъ въ умѣ) аршина два съ половиной глубины будетъ или не будетъ?»—Не знаю, батюшка, смѣ-

рить не успѣлъ.— Еще два раза спрашиваетъ батюшка о пескѣ, и все не мѣрили, а какъ смѣряютъ наконецъ, то непремѣнно окажется такъ, какъ говорилъ батюшка.

Или примется старецъ прикидывать планъ зданія. Взглянетъ на длину и скажетъ: «аршинъ 46 тутъ будетъ?» Потомъ планъ переиначиваютъ, дѣлаютъ пристройки, укорачиваютъ, а какъ зданіе готово—непремѣнно 46 аршинъ окажется.

День старца начинался часовъ съ 4—5. Въ это время онъ звалъ къ себѣ келейниковъ, и читалось утреннее правило. Оно продолжалось болѣе двухъ часовъ. Затѣмъ келейники уходили, и батюшка оставался одинъ. Сколько времени онъ употреблялъ на сонъ, неизвѣстно, но, по примѣрамъ другихъ аскетовъ, можно предположить, что и изъ своихъ четырехъ полныхъ часовъ онъ большую часть отдавалъ на молитву. Вѣроятно, въ утренніе уединенные часы онъ готовился къ своему великому дневному служенію и у Бога искалъ силъ. Это доказывается слѣдующимъ случаемъ.

Однажды батюшка съ вечера назначилъ прійти къ себѣ двумъ супругамъ, имѣвшимъ до него важное дѣло— въ тотъ часъ утра; когда онъ не начиналъ еше пріема. Они вошли.

Отецъ Амвросій сидѣлъ на постели въ бѣлой полотняной одеждѣ, въ своей шапочкѣ, въ рукахъ были четки. Его лицо преобразилось. Неземная ясность покрыла его, и все вокругъ въ келліи было полно какого-то торжественнаго святого настроенія. Пришедшіе почувствовали трепетъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ охватило невыразимое счастье. Они не могли промолвить ни слова и долго стояли, замеревъ и созерцая ликъ отца Амвросія. Вокругъ было тихо — и батюшка молчалъ. Они подошли подъ благословеніе, онъ безмолвно осѣнилъ ихъ крестнымъ знаменіемъ, они еще разъ окинули взоромъ эту картину, чтобъ навсегда сохранить ее въ сердцѣ; отецъ Амвросій все съ тѣмъ же преображеннымъ ликомъ былъ погруженъ въ созерцаніе. Они вышли

въ благоговѣйномъ трепетѣ, не нарушивъ словомъ этой святыни.

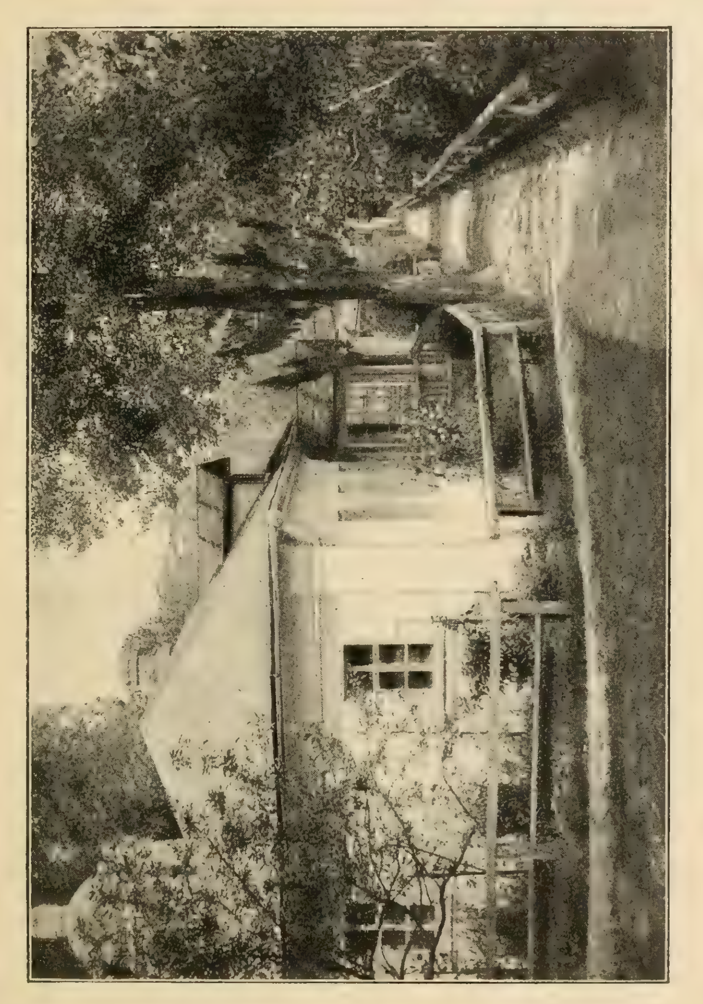
Съ девятаго часа начинался пріемъ. Батюшка жилъ въ скиту, въ небольшомъ домикѣ, выстроенномъ въ самой оградѣ, такъ что съ наружнаго крыльца могли входить женщины. Изъ Оптиной въ скитъ ведетъ широкая, саженъ 150 длины, дорожка, прорубленная въ могучемъ сосновомъ бору. Торжественное молчаніе этихъ древнихъ, суровыхъ великановъ, несокрушимая, какъ время, сила, которою дышатъ громадные стройные стволы и ихъ гордыя вершины, навѣваетъ мысль о человѣческой слабости, о неизбѣжной вѣчности.

Здѣсь невольно человѣкъ заглянетъ въ себя и смирится, вспомнитъ свое зло и содрогнется. Такъ мелочны покажутся всѣ вожделѣнія, которыми живутъ люди, и такъ хочется забыть ихъ и уйти подальше отъ всего. Тутъ словно ходятъ слова погребальной пѣсни: «Воистину суета всяческая; всуе мятется всякъ земнородный», и такъ вѣрится, что во злѣ міръ, и нечего любить «міра и яже въ мірѣ» — и станетъ тоскливо, что такъ сильно любится то, что такъ недостойно любви.

А безстрастный сосновый боръ поднялъ высоко свои вершины и замеръ въ созерцаніи неба и его тайнъ. И если взглянуть туда, гдѣ столько безграничнаго простора, откуда на весь міръ льются животворные лучи, станетъ понятно, куда идти, къ чему стремиться.

Въ этомъ бору и построенъ оптинскій скитъ. Онъ представляетъ очень большой садъ; посреди деревянная церковь, скорѣе молитвенный домъ, кое-гдѣ сосны, а весь скитъ усаженъ во множествѣ яблонями; между деревьевъ выстроены простенькіе домики; лѣтомъ въ клумбахъ красивые благоухающіе цвѣты.

Здѣсь хорошо весной, когда зацвѣтутъ яблони, и зажужжитъ пчела надъ сладкимъ цвѣтомъ, хорошо лѣтомъ, когда отъ политыхъ съ вечера цвѣтовъ понесутся ароматы — а старыя сосны величаво уснутъ подъ луннымъ небомъ;



Келья отца Амвросія.

хорошо осенью, когда привѣтные огни зовутъ въ келліи, къ святымъ бесѣдамъ; хорошо зимой, когда каждая хвоя красуется и играетъ, разубранная морозомъ и солнцемъ, а лучше всего тутъ было,—невыразимо свѣтло и отрадно,—когда тутъ жилъ о. Амвросій.

Это мѣсто его моленій, та гора, съ которой онъ просіялъ міру, тутъ все—дивныя воспоминанія, великіе завѣты. Все дышитъ его именемъ; иноки—его ближайшіе ученики, предъ которыми совершилось его служеніе и являлись чудныя дѣла его любви.

Сюда и собирались люди, которымъ нуженъ былъ батюшка.

Съ девятаго часа приходили монахи, одни — довольствуясь общимъ благословеніемъ, другіе требуя особой бесѣды. За ними поодиночкѣ принимались міряне, кто съ душевной скорбью, кто съ ужаснымъ грѣхомъ, кто съ бѣдой, кто съ новымъ дѣломъ, кто съ недоумѣніемъ, кто въ счастьѣ, кто въ горѣ. Всѣхъ встрѣчала та же беззавѣтная любовь и та же забота.

Пріемъ длился до обѣда. Часа въ 2 батюшкѣ приносили какой-нибудь жижицы; онъ бралъ нѣсколько ложекъ; потомъ онъ возился вилкой еще въ какомъ-нибудь блюдѣ. Это значило, что батюшка пообѣдалъ. Послѣ обѣда часа полтора онъ оставался одинъ, но, повидимому не спалъ, потому что не замѣчалъ, если вокругъ шумѣли, только разговоры безпокоили его. Затѣмъ читалась вечерня, и до ночи возобновлялся пріемъ. Часовъ въ 11 совершалось длинное вечернее правило, и не раньше полуночи старецъ оставался одинъ.

Отецъ Амвросій не любилъ молиться на виду. Келейникъ, читавшій правило, долженъ былъ стоять въ другой комнатѣ. Однажды скитскій іеромонахъ рѣшился въ это время подойти къ батюшкѣ. Читали молебный канонъ Богородицѣ. Глаза отца Амвросія были устремлены на небо, лицо сіяло радостью; яркое сіяніе почило на немъ, такъ что инокъ не могъ его вынести.

Единственный случай, когда батюшка избѣгалъ народа — это во время говѣнія — наканунѣ и въ день причастія.

Между часами, отданными посѣтителямъ, нужно было найти время для разборки писемъ и отвѣтовъ. Ежедневно приходило ихъ отъ тридцати до сорока. Батюшка бралъ пачку ихъ въ руки и, несмотря на нихъ, отбиралъ — какія болѣе спѣшныя, какія могутъ ждать, или предъ нимъ раскладывали ихъ на полу, ковромъ, и онъ палочкой прямо указывалъ, какія ему подать. Писать самъ отвѣты батюшка не могъ. Онъ диктовалъ ихъ.

Эти смиренныя письма «многогр. і. Амвросія» — многогрѣшнаго іеромонаха Амвросія — несли утѣшеніе въ разные концы, проявляя издали ту же мудрость, ту же прозорливость и какимъ-нибудь вскользь брошеннымъ словомъ показывая цѣлые міры заботливой думы.

Отецъ Амвросій давно уже страдалъ ногами. Иногда, минутъ на 10, онъ выходилъ изъ своей келліи и, согнувшись, опираясь на свою палочку, ходилъ по дорожкамъ. Большую же часть дня онъ проводилъ полулежа на своей постели.

Лѣтомъ онъ изрѣдка ѣздилъ дня на два въ лѣсную глушь, верстахъ въ семи отъ Оптиной, гдѣ на зеленой лужайкѣ стоитъ просторная изба, но и тамъ находили его люди. Въ такую же дачу, по имени Руднове — имѣющую большое будущее, ѣздилъ онъ и изъ Шамордина.

Такъ совершалъ свой подвигъ великій старецъ, и Господь посылалъ знаменія о своемъ праведникѣ.

Отецъ Амвросій вышелъ однажды лѣтомъ къ народу на общее благословеніе и вдругъ въ толпѣ послышался ужасный крикъ: «Онъ, онъ!» Этотъ крикъ испустилъ одинъ человѣкъ. Когда батюшка увидѣлъ его, смутился, но уже не могъ скрыть того, что было.

Этотъ человѣкъ долгое время безуспѣшно искалъ себѣ мѣста, уже не зналъ, что ему дѣлать и впалъ въ уныніе. Въ одну ночь, во снѣ, онъ видитъ сѣдого странника въ

монашескомъ кафтанчикѣ, съ посохомъ, въ черной камилавкѣ; только онъ не запыленъ, а вся одежда его чистая. Странникъ говорилъ ему ласковымъ голосомъ: «Ступай въ Оптину пустынь, тамъ живетъ добрый старецъ, онъ найдетъ тебѣ мѣсто!» Человѣкъ пошелъ, и, когда въ первый разъ увидалъ о. Амвросія, онъ узналъ въ немъ являвшагося ему странника.

Достигнувъ такой высокой мѣры благодати, отецъ Амвросій остался тѣмъ же смиреннымъ, простымъ, ласковымъ человѣкомъ.

Въ немъ было развито въ высшей степени то умѣніе, которое въ свѣтѣ зовутъ тактомъ, и онъ давалъ всякому то, чего въ немъ искали. Люди, которые, не нуждаясь въ немъ самомъ, должны были видѣть его по какому-нибудь дѣлу, всѣ отзывались: «безусловно умный человѣкъ, очень умный человѣкъ». Онъ могъ говорить о всякомъ вопросѣ, поддерживалъ бесѣду столько времени, сколько требовало приличіе — и разставался съ такими посѣтителями. Тутъ онъ былъ очень выдержанъ, въ высшей степени вѣжливъ и точно старался не показывать тѣхъ внутреннихъ своихъ сторонъ, до которыхъ этимъ людямъ не было никакого дѣла.

Зато съ людьми, любившими его, батюшка былъ совершенно другой. Онъ оставался всегда такимъ же вѣжливымъ, но въ такія отношенія влагалъ самую искреннюю и живую задушевность.

Онъ до конца сохранилъ свою природную живость, которая была выраженіемъ разносторонности, доброты и заботливости его характера.

Что особенно влекло къ нему, — это полная увѣренность, что онъ защититъ, а не обидитъ.

При всей своей прозорливости, онъ страшился обличать кого нибудь предъ людьми и одинаково принималъ праведника и ужаснаго грѣшника. Поэтому у дѣтей о. Амвросія никогда не могло родиться сомнѣніе: «Какъ мнѣ теперь показаться къ нему, послѣ того, какъ я это сдѣ-

лалъ?»—сомнѣніе, столь гибельное, такъ отдаляющее покаяніе. Не грозою, а любовію умѣлъ батюшка вести людей къ исправленію и умѣлъ дать вѣру, что не все потеряно, и можно «одолѣть врага».

Когда люди, знавшіе батюшку, входили къ нему со своими скорбями и невзгодами, вдругъ становилось легко и свободно. Все какъ-то прояснялось и дѣлалось невыразимо свѣтло, потому что при свѣтѣ—тьмы быть не можетъ.

А главное, что было въ батюшкѣ, это ясность его ума и умѣнье примѣняться. Въ наше время, когда все въ жизни до такой степени избилось и спуталось, и правда съ начала до конца перемѣшалась съ ложью, когда самый отчаянно несмысленный толкъ находитъ поклонниковъ и самымъ дѣтскимъ обманомъ проводятъ взрослыхъ людей,—это истинное пониманіе жизни, ея началъ и цѣлей, умѣніе всякое явленіе обсудить и дать ему свою цѣну—однимъ словомъ, даръ разсужденія — было величайшимъ сокровищемъ.

Съ виду батюшка былъ благообразный, чистенькій старичекъ средняго роста, очень согбенный, носившій теплый черный ваточный кафтанчикъ, черную теплую шапочку-камилавку и опиравшійся на палку, если вставалъ съ постели, на которой всегда лежалъ — также и во время пріемовъ.

У него было лицо, красивое въ молодости и, какъ видно изъ его изображеній, глубоко задумчивое, когда онъ оставался одинъ. Но чѣмъ дальше жилъ батюшка, тѣмъ оно становилось ласковѣе и радостнѣе при людяхъ.

Батюшку нельзя себѣ представить безъ участливой улыбки, отъ которой вдругъ становилось какъ-то весело, тепло и хорошо, безъ заботливаго взора, который говоритъ, что вотъ-вотъ онъ сейчасъ для васъ придумаетъ и скажетъ что-нибудь очень хорошее, и безъ того оживленія во всемъ — въ движеніяхъ, въ горящихъ глазахъ, — съ которымъ онъ васъ выслушиваетъ, и по которому вы хорошо понимаете, что въ эту минуту онъ весь вами живетъ, и что вы ему ближе, чѣмъ сами себѣ.

Отъ живости батюшки выраженіе его лица постоянно мѣнялось. То онъ съ лаской глядѣлъ на васъ, то смѣялся съ вами одушевленнымъ, молодымъ смѣхомъ, то радостно сочувствовалъ, если вы были довольны, то тихо склонялъ голову, если вы разсказывали что-нибудь печальное, то на минуту погружался въ размышленіе, когда вы хотѣли, чтобъ онъ сказалъ вамъ, какъ поступить, то рѣшительно принимался качать головой, когда онъ отсовѣтовалъ какую-нибудь вещь, то разумно и подробно, глядя на васъ, все ли вы понимаете, начиналъ объяснять, какъ надо устроить ваше дѣло.

Во все время бесѣды на васъ зорко глядятъ выразительные черные глаза батюшки. Вы чувствуете, что эти глаза видятъ васъ насквозь, со всѣмъ, что въ васъ дурного и хорошаго, и васъ радуетъ, что это такъ и что въ васъ не можетъ быть для него тайны.

Голосъ у батюшки былъ тихій, слабый,—а за послѣдніе мѣсяцы онъ часто переходилъ въ еле слышный шопотъ. Чтобъ хоть сколько-нибудь представить подвижничество о. Амвросія, надо понять, какой трудъ говорить болѣе 12 часовъ въ день, когда языкъ отъ устали отказывается дѣйствовать, голосъ переходитъ въ шопотъ, и слова вылетаютъ съ усиліемъ, еле выговариваемыя. Нельзя было спокойно смотрѣть, какъ старецъ, страшно изнеможенный, когда голова падала на подушки и языкъ еле говорилъ, старался подняться и подробно разсуждать о томъ, съ чѣмъ къ нему приходили. Вообще, какъ бы ни былъ занятъ батюшка, разъ къ нему вошли съ важнымъ дѣломъ, можно было быть увѣреннымъ, что онъ не пожалѣетъ времени—и, пока дѣло не будетъ рѣшено, пришедшій не почувствуетъ, что имъ тяготятся и что надо уходить.

Ничто не можетъ сравниться съ тѣмъ счастіемъ, какое испытывали дѣти отца Амвросія при свиданіи съ нимъ послѣ долгой разлуки. Это однѣ изъ тѣхъ минутъ, которыхъ описать нельзя, а нужно пережить.

Послѣ дней, проведенныхъ съ батюшкою, въ міръ

возвращались подкрѣпленными и просвѣтленными, а, главное, все становилось ясно и просто. При свѣтѣ правды Христовой, которою жилъ и которую проповѣдывалъ отецъ Амвросій,—нѣтъ уже сомнѣній,—и жизнь вся понятна, всѣ ухищренія разбиваются и пропадаютъ сами собой. «Живи попроще, живи попроще», т. е. живи по Божьи, было однимъ изъ любимыхъ совѣтовъ старца.

Послѣ оптинскихъ бесѣдъ міръ представлялся въ своей полной наготѣ,—тотъ міръ, гдѣ взгляды такъ томительно узки, гдѣ сердца такъ черствы, гдѣ такъ много словъ и такъ мало дѣла, гдѣ крохотные люди становятся на высокіе подмостки, и другіе раболѣпствуютъ предъ ними, гдѣ въ рѣдкомъ словѣ есть правда, и вездѣ ложь и ложь, тотъ міръ, гдѣ больной лепетъ называютъ мудростью, и гдѣ проглядѣли отца Амвросія,—тотъ, наконецъ, міръ, за который и страшно, и жалко.

И въ этой грустной жизни, въ этомъ мутномъ потокѣ, въ который погружаются люди безъ любви и вѣры, среди жалкихъ уродствъ, вспоминался въ сіяніи святыни, увѣнчанный непрестаннымъ подвигомъ дивный образъ отца Амвросія. Къ этому образу неслись всѣ чувства, хотѣлось видѣть его и отдохнуть.

Посѣтимъ Оптину теперь, послѣ кончины старца.

Вотъ Калуга, и мы спускаемся крутымъ берегомъ къ Окѣ, а тамъ, за Окой, снова знакомая «прямая дорога, большая дорога», и по сторонамъ ея, изрѣдка прерываемыя сосновыми и лиственными рощами, привольныя пространства полей и луговъ и синія дали лѣсовъ на горизонтѣ. Къ вечеру, радуя глазъ своими линіями, подымается впереди на возвышенности Козельскъ, а слѣва, какъ непорочная невѣста, красуется своими бѣлыми стѣнами, башнями, колокольней, церквами, на темной зелени нескончаемаго сосноваго бора, Оптина пустынь.

Привѣтъ тебѣ, тихое пристанище, гдѣ потрудилось для Бога въ истинномъ монашествѣ столько высокихъ душъ, гдѣ обрѣли покой и обновили силы столько мірянъ! Слава

создателямъ твоей немерцающей духовной славы, слава святымъ твоимъ игуменамъ и старцамъ, чьихъ именъ не забудетъ православный народъ, благо теперешнимъ твоимъ насельникамъ и трудникамъ!

Вотъ, свернули съ «большака» на собственную монастырскую дорогу, доѣхали до рѣки, кликнули паромъ, монахъ перевезъ на тотъ берегъ, лошади быстро донесли до гостиницы — и міръ остался позади. Теперь предъ нами только Оптина, съ ея цѣльнымъ, своеобразнымъ бытомъ, ея духомъ, ея интересами, ея преданіями: все новое, другое.

Вы чувствуете этотъ духъ и въ радушной и, вмѣстѣ, чинной встрѣчѣ стараго монаха гостиника, котораго вызываютъ отъ вечерни, и съ которымъ вы вкратцѣ вспоминаете, какъ давно не были въ Оптиной, и разспрашиваете о перемѣнахъ; чувствуется этотъ духъ и въ ласковой охотѣ, съ какою выгружаютъ ваши вещи, и въ цвѣтахъ, пышно растущихъ на окнахъ отводимой вамъ комнаты, и въ четвертяхъ, звонко и мѣрно отбиваемыхъ на колокольнѣ, пока вы чиститесь послѣ дороги.

И вотъ, вы подымаетесь по терассѣ въ монастырь и, минуя соборныя двери, проходите къ сѣверо-восточному его углу. Тамъ стоятъ два давніе памятника надъ почившими знаменитыми старцами, Львомъ и Макаріемъ, и около— недавній... Войдемъ въ эту часовню, прижмемся къ холодному мраморному надгробію, на которомъ изсѣчены слова: «Быхъ немощнымъ яко немощенъ, да немощныя пріобрящу; всѣмъ быхъ вся»,—и попросимъ чтобы помянулъ насъ положенный здѣсь праведникъ. Это великій старецъ Амвросій, скончавшійся 10 октября 1891 г., чудотворецъ еще при жизни, цѣлитель больныхъ сердецъ, печальникъ обремененныхъ, наставникъ и руководитель православной Руси. Если вы знали его—воспоминаніе о немъ, конечно, самое свѣтлое, не повторяющееся воспоминаніе вашей жизни.—«Всѣмъ быхъ вся».

Вы стоите, не видя его, но чувствуя яснѣе дѣйствительности, что вы пришли къ живому, и ваша грусть

побѣждается тою радостью, съ какою вы вспоминаете уже начавшіяся великія чудотворенія незабвеннаго дорогого старца.

Отъ его могилы вы побредете по широкой тропинкѣ среди многовѣкового сосноваго бора туда, гдѣ онъ жилъ— въ скитъ. И будете вы думать, что эта тропинка была спасительною для многихъ въ самыя страшныя, безотрадныя, опасныя минуты жизни... А неоглядно высокія верхушки сосенъ будутъ вести надъ вашею головою подъ вечерѣющимъ небомъ непонятный свой шепотъ, какъ сотни лѣтъ назадъ, и подъ сѣнью ихъ ближе станетъ вамъ чувство

Обычное положеніе о. Амвросія въ келліи.

вѣчности. Вспоминая о древнемъ покаявшемся разбойникѣ Оптѣ, основавшемъ этотъ монастырь, и объ архимандритѣ Моисеѣ, нашего вѣка, возведшемъ его изъ запустѣнія на высокую степень благоустройства, и объ утвержденномъ здѣсь старчествѣ, и о самихъ старцахъ, предавшихся вольной мукѣ постояннаго обуреванія народомъ, — вы почувствуете, что все это не ушло, все это живо...

Пусть иная толпа стучится къ иному старцу, пусть прежнія поколѣнія исчезли съ земли, и тѣхъ старцевъ «теперь рѣчей исчезло обаянье»; но все прежнее смотритъ на васъ, неизмѣняемое и нетлѣнное, и прежніе святые по-

движники этихъ мѣстъ стоятъ предъ вами живые только въ новыхъ формахъ бытія.

Вотъ деревянныя строенія, и чрезъ глубокія ворота въ колокольнѣ, мимо встрѣчающихъ васъ ликовъ древнихъ пустынножителей, изображенныхъ во весь ростъ съ хартіями своихъ поученій, вы проходите въ скитъ. На васъ пахнуло свѣжестью отъ высоко-поднявшихся на стебляхъ пахучихъ цвѣтовъ осени и, завернувъ направо, вы останавливаетесь предъ бѣлымъ домикомъ.

Крытое крылечко съ сѣнями, дверь съ оконцемъ — и чрезъ минуту вы въ маленькой комнаткѣ, увѣшанной иконами и портретами лицъ, еще недавно принадлежавшихъ къ воинствующей Церкви. Сколько разъ въ этой комнатѣ ждали вы почившаго старца, и бывало, какъ откроется вамъ, наконецъ, его дверь, и вы увидите его обаятельную улыбку, услышите его ободряющій привѣтъ — часто веселый, шутливый—какое вдругъ нездѣшнее счастье переполнитъ васъ, и все горькое и трудное, что вы принесли къ нему, разсѣевается въ лучахъ льющейся на васъ благодати.

. . . .

. . . .

Этотъ небольшой очеркъ, представляющій собою скорѣе передачу личныхъ впечатлѣній отъ знакомства съ великимъ старцемъ Амвросіемъ, чѣмъ описаніе его жизни, слѣдуетъ дополнить хоть краткими свѣдѣніями о кровномъ дѣтищѣ о. Амвросія—женской общинѣ въ Шамординѣ, о кончинѣ старца и загробныхъ его явленіяхъ!

Шамордино расположено въ восхитительной мѣстности— на широкой луговинѣ надъ крутымъ обрывомъ. Густой лиственный лѣсъ лѣпится по почти отвѣсному скату. А тамъ, глубоко внизу, изгибается серебряной лентой рѣчка Серена. За нею привольные луга, а дальше взбѣгающая кой-гдѣ холмистыми перекатами равнина сливается съ горизонтомъ, оттѣненная въ иныхъ мѣстахъ далекими борами или перелѣсками.

Усадьба Шамордино лежала въ верстѣ отъ деревни

того же имени и въ сторонѣ отъ большой калужской дороги и принадлежала небогатому помѣщику Калыгину, жившему здѣсь со старушкой-женой. Въ 1871 г. имѣніе это, въ 200 десятинъ земли, было куплено послушницею-старца, вдовою—помѣщицею Ключаревою (въ иночествѣ Амвросія). И она, и покойный ея мужъ, богатый помѣщикъ Ключаревъ, чрезвычайно уважали старца, и во всемъ ему подчинялись. Они по благословенію старца, разлучась другъ съ другомъ, проходили жизнь иноческую. Вотъ эта мать Амвросія и стала владѣтельницею Шамордина. За годъ до продажи имѣнія старику Калыгину было видѣніе: ему представлялась въ его имѣніи церковь въ облакахъ.

У матери Амвросіи были двѣ внучки-близнецы, отъ ея единственнаго сына. Потерявъ первую жену, мать этихъ дочекъ, молодой Ключаревъ женился вторично, а дѣвочки жили у бабушки. Для этихъ внучекъ мать Амвросія и отвела Шамординскую усадьбу, гдѣ все было поновлено, поставленъ новый домъ. Мать Амвросія часто пріѣзжала въ Шамордино, изъ Оптиной, гдѣ она постоянно жила въ особомъ корпусѣ въ окрестностяхъ монастыря. Посѣщалъ усадьбу и старецъ, отъ котораго не разъ слыхали тутъ слово: «у насъ здѣсь будетъ монастырь». Ходитъ, бывало, старецъ по усадьбѣ, осматриваетъ все, вдругъ остановится на какомъ нибудь мѣстѣ, велитъ вымѣрить его длину и ширину и поставить колышки. Уже тогда, зная по прозорливости своей, что здѣсь возникнетъ обитель, старецъ обдумывалъ и прикидывалъ, гдѣ какія будутъ постройки.

Въ Шамординѣ вмѣстѣ съ маленькими барышнями Ключаревыми поселились нѣкоторыя бывшія крѣпостныя матери Амвросіи, искавшія тишины и молитвы, такъ что жизнь здѣсь шла въ родѣ монашеской.

Бабушка, увѣренная, что внучки ея будутъ жить въ міру, старалась дать имъ хорошее свѣтское воспитаніе. Когда онѣ стали подростать, бабушка просила старца благословить ее пріискать для нихъ француженку, чтобъ обучить ихъ бѣгло говорить по французски и слѣдить,

чтобъ онѣ одѣвались наряднѣе. Но старецъ не позволилъ ей этого сдѣлать, что̀ ее сильно огорчало.

Дѣвочки были крестными дочерьми старца и съ ранняго дѣтства отличались глубокою набожностью. Онѣ часто молились, очень любили оптинскія длинныя службы и такъ твердо знали порядокъ богослуженія, что сами служили всенощныя съ іерейскими возгласами. Онѣ подвижничали, отказывались отъ мяса и ѣли его лишь по убѣжденію батюшки о. Амвросія. Бабушка выражала опасенія, что онѣ повредятъ тѣмъ свое здоровье, а старецъ отвѣчалъ ей: «пусть молятся — онѣ слабаго здоровья». Старушка не понимала словъ прозорливаго старца, который другимъ прямо говорилъ о своихъ крестницахъ: «Ничего: онѣ знаютъ, что готовятся туда».

Однажды пріѣхала въ Оптину помѣщица, близкая духовная дочь о. Амвросія, и ей мать Амвросія излила свое горе. «Вы знаете, говорила она: можно ли въ нашемъ кругу обойтись безъ иностранныхъ языковъ? Поговорите объ этомъ съ батюшкой!» При свиданіи со старцемъ посѣтительница коснулась этого вопроса, говоря, что ей удобно пріискать хорошую иностранку. Отвѣтъ батюшки былъ таковъ: «Нѣтъ, не дѣлай ты этого. Дѣтямъ не надо француженки. Я къ нимъ помѣстилъ отличную благочестивую русскую особу, которая ихъ наставитъ и приготовитъ къ будущей жизни. Знаешь-ли: дѣти жить не будутъ; а на мѣсто нихъ въ имѣніи будутъ за нихъ молитвенницы. Ты только не говори этого матери Амвросіи». Не желая огорчать заботливую старушку, посѣтительница сказала ей, что о. Амвросій приказалъ съ иностранкой повременить, но передала немедленно весь разговоръ со старцемъ мужу.

Желая обезпечить благосостояніе внучекъ и вслѣдствіе настойчивыхъ совѣтовъ старца, мать Амвросія пріобрѣла еще три дачи: Руднoво, Преображенское и Акатово, не совсѣмъ понимая, къ чему покупается такое количество лѣса, точно собираются строить цѣлый городъ. Положила она на имя внучекъ и капиталецъ, причемъ было оговорено,

что, въ случаѣ смерти ихъ, въ Шамординской усадьбѣ должна быть устроена женская община, и для обезпеченія ея дѣла послужитъ три упомянутыя дачи и капиталъ, положенный на имя барышень Ключаревыхъ.

13 марта 1881 г. мать Амвросія скончалась, и оставшіяся послѣ нея еще въ большемъ сиротствѣ десятилѣтнія внучки, унаслѣдовавъ эти имѣнія, продолжали жить со своими нянями, воспитательницей и сестрами-послушницами въ Шамординѣ.

Такъ прошелъ годъ. Сиротки-сестры Вѣра и Любовь жили тою же тихою жизнію, горячо любя другъ друга и никогда не разставаясь. Онѣ не знали дѣтскихъ шалостей, одѣвались просто, цѣнили иноческую жизнь, монашеское богослуженіе. Въ крестницахъ великаго старца все сильнѣй разгорался огонекъ любви къ Богу. Не разъ говорили онѣ своимъ нянямъ: «Мы не хотимъ жить болѣе 12-ти лѣтъ: что хорошаго въ этой жизни?»

Между тѣмъ отецъ ихъ не одобрялъ уединенную жизнь сестеръ и опредѣлилъ ихъ въ Орелъ въ пансіонъ; на лѣто 1883 г. была приготовлена для нихъ дача. Всею душою рвались сиротки изъ непривычнаго для нихъ міра подъ крылышко старца Амвросія. Въ маѣ онѣ, прежде чѣмъ поселиться на дачѣ, пріѣхали въ Оптину. 31 мая обѣ онѣ заболѣли дифтеритомъ. Ихъ положили въ разныхъ комнатахъ, исповѣдывали и пріобщили. Пока хватало у нихъ на то силъ, онѣ часто писали къ батюшкѣ записочки, въ которыхъ просили его св. молитвъ и благословенія.

4-го іюня скончалась Вѣра, а 8-го за нею послѣдовала Любовь.

Теперь нужно было во исполненіе воли матери Амвросіи учреждать въ Шамординѣ женскую общину.

Мы не будемъ слѣдить шагъ за шагомъ за развитіемъ дѣла, первое, такъ сказать, зерно котораго мы только что видѣли.

Необходимо сказать только, что Шамординская обитель удовлетворяла ту горячую жажду милосердія къ страж-

дущимъ, которою всегда полонъ былъ о. Амвросій. Сюда онъ посылалъ многихъ безпомощныхъ.

Приходитъ къ батюшкѣ молодая женщина, оставшаяся больною вдовой въ чужой семьѣ. Свекровь ее гонитъ и говоритъ: «Ты, горемычная, хоть бы удавилась: тебѣ не грѣхъ!» Старецъ выслушиваетъ ее, всматривается въ нее и говоритъ: «Ступай въ Шамординъ!»

Мужъ бросилъ тяжко больную жену; ее лѣтомъ привезли къ старцу. Батюшка вышелъ къ ней, благословилъ и шутливо проговорилъ: «Ну, этотъ хламъ-то у насъ сойдетъ: отвезти ее въ Шамордино!» Тамъ прожила она до смерти десять лѣтъ.

Оптинскій старецъ Амвросій.

Приходитъ горемыка изъ Сибири, отдаетъ ему свою дочку и говоритъ: «У нея нѣтъ матери. Что я съ нею буду дѣлать! Возьмите ее!» Старецъ отдаетъ дѣвочку въ Шамордино.

Изъ такихъ безпріютныхъ дѣтей составился обширный Шамординскій пріютъ. Старецъ любилъ, бывая въ Шамординѣ, приходить въ этотъ пріютъ. Дѣти нѣжно тѣснились къ нему, и онъ садился среди нихъ на лавку. Онѣ запѣвали ему сочиненную въ честь него пѣснь: «Отецъ родной», или пѣли тропарь Казанской иконѣ, которой посвящена обитель. И, слыша эту хвалу дѣтей, укрытыхъ здѣсь отъ зла и грязи, ждавшихъ ихъ въ міру, подъ покровъ Царицы Небесной, онъ не могъ сдержать своего волненія. Переполненное любовью сердце его тре-

петало и слезы ручьемъ текли по блѣднымъ впавшимъ щекамъ его.

1 октября 1884 г. въ общинѣ освященъ былъ первый храмъ. На весь этотъ день старецъ затворился въ своей келліи и молился.

Въ первое свое посѣщеніе Шамординской усадьбы, войдя въ домъ и увидѣвъ въ залѣ большую Казанскую икону, старецъ остановился предъ нею и долго на нее смотрѣлъ, и, наконецъ, сказалъ: «Ваша Казанская икона Божіей Матери, несомнѣнно, чудотворная. Молитесь ей».

Теперь число сестеръ старцевой обители, возведенной въ монастырь, много ужъ превысило пять сотенъ; воздвигнутъ великолѣпный громадный многоглавый соборъ, замѣчательная трапеза, все расширяется и благотворительная дѣятельность обители.

Первою настоятельницею Шамордина была Софья Михайловна Астафьева, рожденная Болотова, окончившая короткую жизнь свою въ подвигахъ. Ее замѣнила здравствующая доселѣ игуменія Евфросинія, усерднѣйшая послушница старца.

Необыкновенно красивъ видъ этого благословеннаго мѣста—духовнаго города, воздвигнутаго на спасеніе столькихъ душъ великимъ старцемъ *).

Что-то необыкновенное запечатлѣло и лежащую верстахъ въ 5 отъ Шамордина усадьбу Рудново, гдѣ о. Амвросій часто проводилъ по нѣскольку дней и гдѣ открылъ онъ при особыхъ обстоятельствахъ колодезь, воду изъ котораго въ послѣднее время своей жизни всегда держалъ въ своей келліи.

Еще при жизни своей старецъ, безвыходно жившій въ Оптиной, съ посѣщеніемъ лишь въ лѣтнее время Шамордина, являлся за сотню верстъ людямъ, его никогда не видавшимъ и даже никогда о немъ не слыхавшимъ. Въ этихъ явленіяхъ своихъ онъ или предостерегалъ отъ опас-

*) Адресъ — ст. Подборки Калужской губерніи.

ности или наставлялъ, какъ исцѣлиться отъ болѣзни, или тутъ же исцѣлялъ.

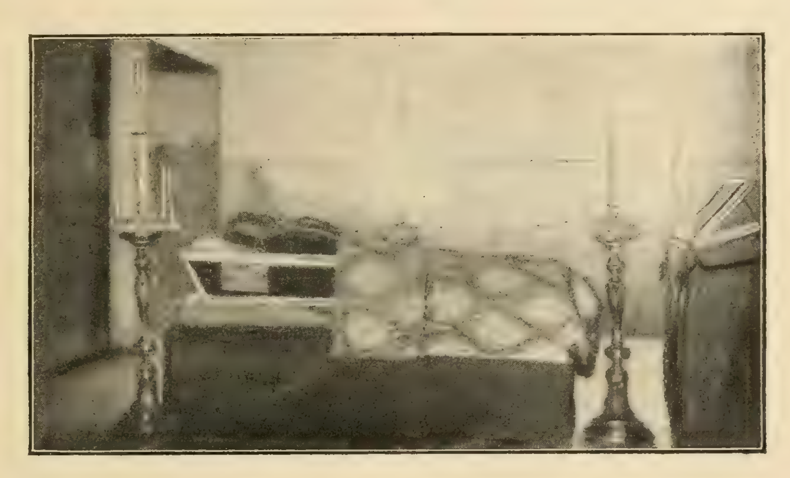
Жена сельскаго священника, пріѣхавъ въ Оптину, разсказывала тамъ, что однажды ночью, когда и она и мужъ ея спали въ отдѣльныхъ комнатахъ, она почувствовала, что ее будятъ. «Вставай скорѣе, говорилъ голосъ, а то мужа убьютъ!» Открывши глаза, она увидѣла, что предъ нею стоитъ монахъ. Думая, что это воображеніе ея рисуетъ ей такое необыкновенное явленіе, она заснула и опять была разбужена тѣмъ же монахомъ и опять заснула. Тогда, дергая ее за одѣяло, монахъ говорилъ ей: «Скорѣй, какъ можно скорѣй бѣги: вотъ, сейчасъ бѣги!» Вскочивъ съ постели, она побѣжала въ залъ, ведшій въ кабинетъ мужа, и въ дверяхъ кабинета увидѣла кухарку, шедшую туда съ большимъ ножомъ, чтобъ зарѣзать священника. Приходъ жены спасъ его. Чрезъ нѣсколько времени, пріѣхавъ къ своей сестрѣ, бывшей тоже за священникомъ, она увидала на стѣнѣ портретъ являвшагося ей монаха и тутъ въ первый разъ услыхала имена отца Амвросія и Оптиной пустыни.

Г-жа А. Д. Карбоньеръ была тяжко больна и лежала, не вставая, въ постели. Разъ видитъ она, какъ о. Амвросій входитъ въ ея комнату, приближается къ постели, беретъ ее за руку и говоритъ: «Вставай! полно тебѣ болѣть!»—и затѣмъ становится невидимъ. Тогда же больная, жившая въ Козельскѣ, встала и пѣшкомъ пошла въ Шамордино, благодарить своего исцѣлителя. О. Амвросій принялъ ее, но велѣлъ ей молчать о томъ до своей смерти.

У одного состоятельнаго помѣщика служилъ бѣдный многосемейный дворянинъ. Помѣщикъ, продавъ имѣніе, отказалъ бѣдняку. Положеніе было крайнее. Слышавъ о мудрости и добротѣ о. Амвросія, онъ рѣшился идти въ Оптину за совѣтомъ. Вскорѣ видитъ онъ въ окно странника въ монашеской шапкѣ и съ палочкой. Любя принимать странниковъ, онъ сейчасъ зазвалъ его къ себѣ, угостилъ, чѣмъ могъ, разсказалъ о своемъ горѣ, потомъ, что собирается въ Оптину. Странникъ сказалъ, что о. Амвросій переѣхалъ въ

Шамординъ и совѣтовалъ спѣшить, чтобъ застать его. Когда странникъ ушелъ, жена дворянина посовѣтовала вернуть его и предложить ему ночевать у нихъ. Но странника не могли найти. Придя въ Шамординъ, бѣднякъ узналъ въ о. Амвросіи бывшаго у него странника. Упавъ старцу въ ноги, онъ хотѣлъ открыть ему все, но старецъ сказалъ ему: «Молчи, молчи!» Затѣмъ онъ указалъ на стоявшую тутъ-же барыню и промолвилъ: «Вотъ у ней будешь служить и успокоишься». Барыня эта, богатая помѣщица, дала ему хорошее мѣсто въ своемъ имѣніи.

Наступало послѣднее время жизни старца. Лѣтомъ 1890 г. онъ переѣхалъ въ Шамордино. Осенью нѣсколько



Гробъ о. Амвросія.

разъ собирался онъ ѣхать обратно—и всякій разъ занемогалъ. Видно на то была воля Божія, чтобъ отдать ему свое послѣднее дыханіе родному дѣтищу — Шамордину.

Къ концу зимы 1891 года о. Амвросій страшно ослабѣлъ, но весной силы какъ будто вернулись. Раннею осенью стало опять хуже. Посѣтители видѣли, какъ иногда старецъ лежалъ, сломленный усталостью: голова безсильно падала назадъ, языкъ еле могъ произнести отвѣтъ и наставленіе; чуть слышный, неясный шопотъ вылеталъ изъ груди, а онъ все жертвовалъ собой, никому не отказывалъ.

Въ это время старецъ говорилъ нѣсколько загадочныя слова, которыя объяснились потомъ, когда онъ умеръ, и въ которыхъ онъ предсказывалъ обстоятельства своей кончины.

Уже нѣкоторое время Калужскій преосвященный требовалъ возвращенія старца въ Оптину. Что могъ отвѣтить ему старецъ, кромѣ того, что говорилъ и другимъ; именно, что задержался въ Шамординѣ по особому смотрѣнію Божію. Когда ему говорили, что могутъ отвезти его въ Оптину силой, онъ говорилъ: «я знаю, что не доѣду до Оптиной; если меня отсюда увезутъ, я на дорогѣ умру».

Все лѣто въ Шамординѣ ожидали пріѣзда архіерея.

— Какъ встрѣчать намъ владыку?—спрашивали сестры старца.

— Не мы его, а онъ насъ будетъ встрѣчать,— отвѣчалъ старецъ.

— Что для владыки пѣть?

— Мы пропоемъ ему аллилуіа, отвѣчалъ старецъ.

— Батюшка, о многомъ владыка будетъ спрашивать у васъ.

— Мы съ нимъ потихоньку будемъ говорить: никто не услышитъ.

Когда одинъ близкій старцу монахъ объявилъ, что владыка скоро будетъ, старецъ, всегда принимавшій архіереевъ въ келліи, теперь сказалъ: «Ну чтожъ, — ступай въ церковь и приготовь мѣсто, гдѣ мнѣ стоять».

Съ 21 сентября старецъ занемогъ; появилась крайняя слабость, потеря слуха и голоса, сильная боль въ ушахъ, лицѣ, головѣ и во всемъ тѣлѣ.

Затѣмъ на нѣсколько дней ему полегчало, но глухота продолжалась, и вопросы писались для него на большомъ листѣ, и онъ давалъ устно отвѣты.

Съ 6-го октября положеніе ухудшилось. Всякій часъ можно было ожидать конца. Старецъ былъ особорованъ, а 9 числа пріобщенъ ближайшимъ своимъ ученикомъ и преемникомъ, о. Іосифомъ. Въ этотъ день пріѣзжалъ проститься

со старцемъ оптинскій настоятель о. Исаакій. Видя изнеможеніе больного старца, онъ заплакалъ. Батюшка, увидѣвъ о. настоятеля, поднялъ руку и снялъ съ себя шапочку.

Батюшка неоднократно говаривалъ: «Вотъ цѣлый вѣкъ свой я все на народѣ,—такъ и умру». Это и случилось.

Утромъ въ четвергъ 10 октября силы совсѣмъ оставили старца. Онъ лежалъ безъ движенія. Уста уже не шевелились. О. Іосифъ поѣхалъ въ оптинскій скитъ, чтобъ привезти приготовленныя для себя старцемъ погребальныя одежды—между прочимъ холщевую рубашку о. Макарія, на которой о. Амвросій сдѣлалъ собственноручную надпись: «по смерти моей надѣть на меня неотмѣнно».

Въ одиннадцать часовъ прочитанъ былъ канонъ Божіей Матери на исходъ души. Когда прочли отходную, старецъ началъ кончаться. Онъ дважды сильно вздохнулъ, потомъ поднялъ правую руку, сложилъ ее для крестнаго знаменія, донесъ ее до лба, потомъ на грудь, на правое плечо и, донеся до лѣваго, сильно стукнулъ рукой о плечо—и дыханіе прекратилось. Потомъ онъ вздохнулъ еще въ послѣдній разъ. Было ровно половина двѣнадцатаго дня.

Долго стояли всѣ кругомъ въ оцѣпенѣніи. Свѣтелъ и покоенъ былъ ликъ старца. Его озаряла неземная улыбка.

Въ самую минуту кончины старца епископъ Виталій выѣхалъ изъ Калуги въ Шамординъ и былъ глубоко пораженъ, получивъ въ пути извѣстіе о его кончинѣ.

Горя Шамордина не описать словами. Сестры не отходили отъ тѣла своего учителя. По ихъ горячимъ просьбамъ, когда старецъ лежалъ уже въ гробу, бытъ расшитъ большой параманъ, покрывавшій лицо почившаго. Лицо было чудное, свѣтлое, съ выраженіемъ привѣта, какое было у батюшки, когда, послѣ долгой разлуки, онъ встрѣчалъ дорогихъ своихъ дѣтей. Отъ угара свѣчей или тѣсноты, даже капельки пота были замѣтны на свѣтломъ лицѣ старца, какъ у живого.

11-го числа гробъ перенесенъ былъ изъ настоятельскаго корпуса, гдѣ почилъ старецъ, въ церковь. Между

Оптиною и Шамординымъ шелъ споръ о томъ, гдѣ хоронить старца. Споръ разрѣшенъ былъ св. Сvнодомъ, назначившимъ мѣстомъ погребенія Оптину.

Отовсюду съѣзжались лица всѣхъ сословій. Всего въ Шамординѣ собралось до восьми тысячъ народу. Панихиды служились по желанію народа днемъ и ночью. Народъ приносилъ платки, куски холста, прося приложить къ тѣлу старца и принималъ ихъ обратно, какъ святыню.

13-го утромъ прибылъ преосвященный и прямо направился къ церкви, гдѣ въ это время пѣли по окончаніи «непорочныхъ» слова: *Аллилуіа, аллилуіа, аллилуіа* — о чемъ говорилъ старецъ: «мы пропоемъ владыкѣ аллилуіа».

Послѣ литургіи, отслуженной архіереемъ, и надгробныхъ рѣчей началось торжественное отпѣваніе. Прощаніе съ тѣломъ сестеръ длилось до 3-хъ часовъ.

14-го октября состоялось перенесеніе тѣла въ Оптину. Погода была ненастная. Холодный осенній вѣтеръ насквозь пронизывалъ путниковъ, а непрерывный дождь обратилъ землю въ глубокое мѣсиво. Но все время гробъ, сопровождаемый тысячами народа, несли на рукахъ. Часто останавливались для совершенія литіи; но подъ конецъ, когда полилъ проливной дождь, литіи служились безъ остановокъ, на ходу. Въ селахъ по пути, при погребальномъ звонѣ, священники въ облаченіяхъ, съ хоругвями и иконами выходили изъ церквей, селяне прикладывались ко гробу и присоединялись къ шествію. Замѣчено было, что, несмотря на сильный дождь и вѣтеръ, горѣвшія свѣчи, окружавшія гробъ старца, не погасли во все время пути.

Ужъ нѣсколько темнѣло, когда шествіе стало приближаться къ Оптиной. На встрѣчу гробу вышло все духовенство города Козельска и граждане. Подобно черной тучѣ плыло къ обители шествіе. Высоко надъ головами виднѣлся черный гробъ, таинственно освѣщенный пламенемъ горящихъ свѣчей. Чуть колеблясь, онъ точно плыветъ по воздуху. Казалось, то было перенесеніе мощей... Какое благодатное было во всѣхъ настроеніе!

Когда шествіе ступило на устроенный для этого случая изъ паромовъ мостъ чрезъ Жиздру — увидали, какъ особнякомъ отъ всѣхъ, не видя грязи, не чувствуя вѣтра и дождя, въ скромной одеждѣ, съ невыразимымъ чувствомъ нѣмого сосредоточеннаго горя въ каждомъ движеніи, шелъ навстрѣчу гроба нынѣшній старецъ, іеросхимонахъ Іосифъ, болѣе 30 лѣтъ неотлучно находившійся при почившемъ.

15 октября было совершено погребеніе. Старецъ положенъ рядомъ съ учителемъ своимъ о. Макаріемъ.

Въ послѣдніе годы о. Амвросій заказалъ иконописцу изображеніе Богоматери, которое назвалъ *Спорительница хлѣбовъ*, и которое представляетъ Богоматерь въ облакахъ, благословляющую снопы на сжатомъ полѣ. Онъ установилъ праздновать этой иконѣ 15 октября, и это былъ день его похоронъ.

Вотъ еще замѣчательное обстоятельство.

Въ началѣ своей предсмертной болѣзни о. Амвросій велѣлъ одной монахинѣ читать книгу Іова. Въ этой книгѣ, между прочимъ сказано, что отъ смрада ранъ этого праведника бѣжала даже его жена. Этимъ примѣромъ старецъ какъ бы предварялъ, что и съ нимъ по смерти случится то же. Дѣйствительно, вначалѣ отъ тѣла ощущался мертвенный запахъ. Давно старецъ объ этомъ прямо говорилъ своему келейнику о. Іосифу, и на вопросъ его, отчего это такъ будетъ, отвѣчалъ: «Это мнѣ за то, что при жизни я принялъ слишкомъ много незаслуженной чести». Но, чѣмъ больше проходило времени ото дня смерти, тѣмъ менѣе этотъ запахъ ощущался; въ послѣдній же день отъ тѣла почившаго уже шло благоуханіе *).

Любовь старца такъ же стремится и теперь на помощь людямъ, какъ и во время земной его жизни.

У одной москвички былъ сильно боленъ мужъ. Врачи ужъ отказались отъ него. Въ одну ночь видитъ онъ у

---

*) Всѣ свѣдѣнія о послѣднихъ дняхъ жизни старца, кончинѣ и погребеніи его, равно и о посмертныхъ явленіяхъ, почерпнуты изъ прекраснаго подробнаго жизнеописанія старца, выпущеннаго Оптиной пустынью въ 1900 г.

своей постели старца, который молится надъ нимъ и говоритъ: «Отслужи молебенъ св. Амвросію Медіоланскому». Съ этими словами старецъ скрылся. Больной сказалъ это женѣ, и она отслужила молебенъ. Онъ пріобщился, началъ поправляться, но никому не разсказывалъ объ явленіи. Когда онъ совсѣмъ оправился, явился ему опять тотъже старецъ и сказалъ: «Ты теперь совсѣмъ здоровъ. Зачѣмъ же ты скрываешь и не говоришь о своемъ исцѣленіи? Надо говорить. А старецъ предъ тобой — оптинскій Амвросій».

Отецъ Амвросій во гробу.

А вотъ свидѣтельство объ исцѣленіи жителя Глазовскаго уѣзда Вятской губерніи Николая Яковлевича Широкова.

«Я, пишетъ Широковъ, весьма былъ боленъ — страдалъ болью ногъ и головы.

26 ноября 1896 г. приноситъ отецъ мой отъ сельскаго священника книгу «Душеполезное Чтеніе», въ которой я нашелъ статью про о. Амвросія. Прочитавъ ее и размысливъ немного, началъ я душевно молиться къ о. Амвросію объ исцѣленіи моихъ недуговъ, и, помолившись, уснулъ тонкимъ сномъ. Только что успѣлъ заснуть, какъ вдругъ заблисталъ предъ мною необычайный свѣтъ,

который скоро исчезъ — только остался одинъ слѣдъ отъ него въ видѣ облака: и вдругъ слышу шаги идущаго человѣка. Въ скоромъ времени вижу предъ собою мужа, украшеннаго сѣдинами, въ мантіи, съ крестомъ на груди. Подошелъ онъ къ моей постели и говоритъ: «чадо Николае, возстань, поспѣши въ церковь, отслужи молебенъ св. Амвросію Медіоланскому, и получишь скорое облегченіе». Онъ взялъ меня за руку, благословилъ и дотронулся посохомъ до моихъ ногъ, которыя и почувствовали тотчасъ облегченіе. Далъ мнѣ поѣсть что то въ родѣ просфоры, и, когда накрылъ голову мою мантіею, я въ головѣ почувствовалъ облегченіе. Старецъ еще разъ благословилъ меня, и я облобызалъ его свѣтлую руку, и при этомъ спросилъ его: Какъ звать васъ по имени?» Онъ мнѣ отвѣтилъ: «Кому я велѣлъ тебѣ отслужить молебенъ, того и я ношу имя. Я — іеросхимонахъ Амвросій изъ Оптиной пустыни». Сказавъ это, онъ сдѣлался невидимъ. Пробудившись, я весьма обрадовался, что выздоровѣлъ, и родные тоже были рады. Все-таки объ этомъ явленіи я не открылъ имъ вскорѣ, а записалъ его въ свою памятную книжку. Но вотъ явленіе опять повторилось. О. Амвросій явился мнѣ лежащимъ въ гробѣ, повитый въ схиму, и говоритъ: «Что-же ты, рабъ Божій Николай, умалчиваешь о дѣлахъ милости Божіей, не сообщаешь Оптиной пустыни объ исцѣленіи?» Только поэтому я и сообщаю о вышесказанномъ, и прошу васъ, о. Іосифъ, не оставить безъ вниманія мой разсказъ» . . . .

. . . .

. . . .

Но много, много страницъ потребовалось бы для того, чтобы вполнѣ ясно описать о. Амвросія.

Счастливая страна, гдѣ являются такіе люди! дивное, дорогое имя «отецъ Амвросій».

Его праведный образъ, глубокая мудрость, вдумчивый прозорливый взглядъ на всю жизнь и на отдѣльныя существованія людей, безконечная сила сочувствія и со-

жалѣнія, милующее и грѣющее состраданіе въ невыразимомъ обаяніи пронесли это имя среди тѣхъ, кому нужны были теплое сердце и духовная помога. Въ нашъ сухой и холодный вѣкъ онъ былъ яркимъ воплощеніемъ заповѣди о всепрощающей, безграничной любви, въ нашъ слабый вѣкъ грѣха и отчаянія былъ подвижникъ предъ Богомъ за русскую землю.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Пибоди, Фр., Іисусъ Христосъ и соціальный вопросъ. Переводъ О. П. Никитскаго. Изд. 2-е, М., 1907 г., ц. 1 р. 25 к. Содержаніе книги какъ нельзя болѣе отвѣчаетъ запросамъ нашего времени, освѣщаемымъ здѣсь съ христіанской точки зрѣнія.

Платоновъ, І., прот. Способы православно - христіанскаго воспитанія дѣтей въ семьѣ и обученія ихъ Закону Божію въ начальной школѣ. Изд. 7-е. *Одобрено Учил. Сов. при Св. Сѵнодѣ.* Спб. 1906 г., ц. 40 к.

Покровскій, П. Курсъ практическаго руководства для пастырей. Часть общая.—Сост. примѣнит. къ прогр. препод. дух. семин. Изд. 2-е. Спб., 1898 г., ц. 2 р., въ кол. пер. 2 р. 75 к.

— Очерки методики народной школы. 4-е изд., исправл. Спб., 1904 г., ц. 50 к.

Полторацкая, Э. Кто виноватъ въ распятіи Іисуса Христа? Отвѣтъ г. И. Гуревичу. Спб., 1907 г., ц. 15 к.

Поляковъ, П. Подъ сѣнью благодати. Изъ путевыхъ набросковъ и впечатлѣній паломника. Спб., 1904 г., ц. 50 к.

— Голосъ народа. Спб., 1905 г., ц. 50 к.

— Свѣточи жизни. Живые и назидательные уроки высокой нравственности и просвѣщенія для жизни современнаго общества. Спб., 1910 г., ц.

— Лучи свѣта Христова, сіющіе въ сердцахъ праведниковъ и озаряющіе жизнь современнаго общества. Живое слово для церк. каѳедры, народной аудиторіи, школы и семьи. Спб., 1910 г., ц.

Поминанье (для записыв. о здравіи и за упокой), отпечат. на лучшей почтов. бумагѣ. Спб., ц. въ красив. коленк. пер. съ футл. 60 к., въ шагрен. перепл. 1 р.

Поповъ, Евг., прот. Земная жизнь Господа нашего Іисуса Христа. Общенародныя бесѣды, въ 2 частяхъ. Изд. 2-е, испр. и дополн. Спб., 1893 г., ц. 2 р., въ изящ. коленк. перепл. 3 р. *Мин. Нар. Просв. отъ 10—19 ноября 1901 г. за № 31977, допущено въ учит. библ. низш. училищъ и въ безплатн. народныя читальни и библіотеки.*

— О святомъ причащеніи. Домашнія наставленія пастыря готовящимся ко святому причаст., съ приложеніемъ молит. вознош. къ Богу во дни причастные. Изд. 2. Спб., 1893 г., ц. 50 к. *Мин. Нар. Просв. отъ 10—19 ноября 1901 г., за № 31977, допущено въ учит. библ. низш. учил. и въ безпл. нар. чит. и библ.*

— Объ исповѣди. Домашнія наставленія духовнаго отца говѣющимъ, съ приложеніемъ свойственныхъ исповѣднику молитвенныхъ возношеній къ Богу. Изд. 2-е. Спб., 1893 г., ц. 50 к. *Мин. Нар. Просв. отъ 10—19 ноября 1901 г., за № 31977, допущено въ учител. библ. низшихъ учил. и въ безпл. народ. чит. и библ.*

Поповъ, Евг., прот. Общенародн. чтенія по православно-нрав. богословію. Въ порядкѣ 10-ти заповѣдей Божіихъ. Въ 2 ч., изд. 2-е. Спб., 1901 г., ц. 3 р., въ роск. кол. пер. 4 р. *Мин. Нар. Просв. отъ 10—19 ноября 1901 г., за № 31977, допущено въ учит. библіот. низшихъ учил. и въ безпл. нар. чит. и библіот.*

— По православно - догматическому богословію. Общенародныя бесѣды. Въ 6 част. Изд. 3-е, вновь исправл. и дополн. Пермь, 1880 г., ц. за всѣ 6 кн. 6 р. *Мин. Нар. Просв. отъ 10 — 19 нояб. 1901 г., за № 31977, допущ. въ учит. библ. низш. учил. и въ безпл. нар. чит. и библ.*

Поселянинъ, Е. Русскіе подвижники 19-го в. Историко-біограф. очерки. Изд. 2-е, значит. исправленное и дополн., всего 45 жизнеописаній подвижниковъ, прославившихся въ XIX вѣкѣ, съ ихъ портретами и видами (свыше 50-ти рис.). Спб., 1901 г., ц. 2 р., въ роск. кол. пер. 3 р. *Мин. Нар. Просв. отъ 10—19 нояб. 1901 г., за № 31977, допущ. въ уч. библ. низш. уч. и въ безпл. нар. чит. и библ.*

— Божья Рать. Разсказы изъ жизни святыхъ по Четьи-Минеѣ святит. Димитрія Ростовск. Съ рис. Спб., 1902 г., ц. 40 к. *Мин. Нар. Просв. допущено въ учит. библ. низш. учил. и въ безпл. народн. чит. и библ.*

— Дѣтская вѣра и Оптинскій старецъ Амвросій. Съ портретомъ и рис. Спб., 1901 г., ц. 20 к. *Учебн. Комит. при Свят. Сѵн. постановлено: одобрить для ученич. библіотекъ духовн. семинарій и женск. епарх. училищъ* („Церковныя Вѣдом." № 5-й, 1902 г.). *Мин. Народ. Просвѣщ. отъ 10 — 19 ноября 1901 г., за № 31977, допущено въ учит. библ. низш. учил. и въ безпл. народн. чит. и библ.*

— Въ похвалу Богородицѣ (Знаменія Ея благодатной чудесной силы, явленныя вѣрующимъ чрезъ Ея св. иконы). Съ рис. въ текстѣ. Спб., 1903 г., ц. 40 к. *Мин. Нар. Просв. отъ 10—19 ноября 1901 г., за № 31977, доп. въ учит. библ.*

— Задушевныя бесѣды. Спб., 1901 г., ц. 20 к. *Учебн. Ком. при Св. Сѵн. постановлено: одобрить для ученич. библіот. дух. семин. и женск. епарх. училищъ* („Церк. Вѣдом." № 5-й, 1902 г.).

— Праведникъ нашего времени, оптинскій старецъ Амвросій. Дѣтство, отрочество, порывъ къ Богу, юность, иночество, подвигъ, старчество, служеніе народу, кончина. Спб., 1907 г., ц. 50 к.

Поселянинъ, Е. Преп. Серафимъ Саровскій чудотвор. (съ новыми свѣдѣніями о старцѣ). Съ рисунками. Спб., 1903 г., ц. 50 к. въ коленкоровомъ переплетѣ съ золототисненіемъ 1 р. 25 к. *Мин. Нар. Просв. допущ. въ безпл. нар. чит. и библ. и въ ученич. библ. низш. учил. 24 октября 1903 г., № 33010.*

— Пустыня. Очерки изъ жизни Ѳиваидскихъ отшельниковъ. Въ 2-хъ частяхъ. Спб., 1907 г., ц. 1 р., въ роск. коленк. перепл. 1 р. 75 к.

— Душа передъ Богомъ. Духовныя впечатлѣнія міряннна. Спб. 1909 г., ц. 1 р., въ роск. кол. перепл. 1 р. 75 к.

— Русская церковь и Русскіе подвижники 18-го вѣка. Съ портретами и рисунками. Спб., 1905 г., ц. 1 р. 50 к., въ роск. кол. пер. 2 р. 50 к.

— Письма о монашествѣ. Спб., 1910 г. (печатается).

Послѣднія минуты православнаго христіанина. Спб., 1886 г., ц. 30 к., въ изящн. кол. пер. 75 к.

Преображенскій, П. А., прот. Писанія мужей апостольскихъ. Изд. въ русск. перев. со введеніями и примѣчан. къ нимъ. Изд. 2-е. Спб., 1895 г., ц. 1 р. 50 к., въ колен. переплетѣ 2 р. 50 к. *Ученымъ Комит. Мин. Нар. Просв. одобр. для библіот. средн. учебн. завед. Мин.* (25 ноября 1898 г., № 28740).

— Сочиненія древн. христ. апологетовъ. Изд. въ русск. пер. со введен. и прим. Изд. 2-е. Спб., 1895 г., ц. 1 р. 50 к., въ кол. пер. 2 р. 50 к. *Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. одобр. для библ. средн. уч. Мин. зав.* (25 ноября 1898 г., № 28740).

Причастникъ Святыхъ Христ. Таинъ. Размышленія, взятыя изъ сочиненій: св. Димитрія, митроп. Ростовскаго, Иннокентія, архіеп. Херсонскаго, Димитрія, архіеп. Волынскаго, Ѳеофана, еписк. Владимірскаго, прот. *Родіона Путятина* и другихъ. *Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. одобр. для пріобрѣт. въ библіот. средн. и низш. учебн. зав.* Спб., 1888 г., ц. 20 к.

Путятинъ, Р., пр. Полное собр. поученій. Съ портр. автора. Изд. 25-е. Спб., 1901 г., ц. 2 р., въ перепл. 3 р.

Пѣвницкій, В., проф. Кіевск. Дух. Акад. Служеніе священника въ качествѣ дух. руководителя прихожанъ. Спб., 1898 г., ц. 2 р., въ кол. пер. 3 р., *одобр. въ кач. учебн. пособ. при преп. практ. руков. для пастырей въ дух. семин.* („Церк. Вѣд." 1891 г., № 35. Цирк. 1892 г., № 10).

— Церковное краснорѣчіе и его основные законы. Изд. 2-е. Спб., 1908 г., ц. 1 р. 50 к., въ роск. кол. пер. 2 р. 50 к.

Пюшъ, Эме. Св. Іоаннъ Златоустъ и нравы его времени. Соч., удост. преміи франц. акад. нравств. и полит. наукъ. Перев. съ франц. А. А. Измайлова. Спб., 1897 г., ц. 1 р., въ кол. пер. 1 р. 75 к.

Робертсонъ, С. Джемсъ, каноникъ Кэнтерберійск., покойн. проф. церк. ист. въ королевск. коллегіи въ Лондонѣ. Исторія христіан. церкви отъ апостольскаго вѣка до нашихъ дней. Перев. съ VI англ. изд. А. П. Лопухина. Въ 2 больш. том. (бол. 2.000 стран. уборист. шрифта). Спб., 1890 г., ц. за оба тома 10 р., въ роск. кол. пер. 12 р.

Родосскій, А. С., Біографическій словарь студентовъ первыхъ XXVIII-ми курсовъ. Спб., Дух. Акад. 1814—1869 гг. Спб., 1907 г., ц. 2 р. 25 к.

Рознатовскій, К. Н., прот. Основы церковнаго самосознанія. Спб., 1908 г., ц. 1 р. 50 к.

Романовъ, І. К., прот. Краткія поученія о богослуженіи Православн. Церкви. Спб., 1898 г., ц. 50 к.

— Полное собраніе поученій. Изд. 2. Два т., 8 д. л., болѣе 1300 стр. убор. печ. Спб., 1887 г., ц. 4 р. 50 к., въ роск. пер. 6 р.

— Учебники по закону Божію:

I. Законъ Божій для русскихъ народныхъ школъ. Въ 4-хъ вып., содержащ. въ себѣ: Вып. 1. „Молитвы, заповѣди, сѵмволъ вѣры и о главнѣйшихъ праздникахъ Православн. Церкви". Изд. 9-е исправл. Спб., 1905 г., ц. 20 к. *Допущ. Учен. Комит. Минист. Нар. Просв. для употр. въ начальн. учил. въ кач. учебн. руководства.* Вып. 2. „О церкви, какъ мѣстѣ общ. богосл., о принадл. ея, съ присовокупл. краткаго объясн. литургіи. Съ 100 рис., изображ. одежду, утварь и всѣ принадл. Церкви". Изд. 4-е, испр. и дополн. Спб., 1885 г., ц. 25 к. Вып. 3. „Священная исторія Ветхаго Завѣта". Изд. 4, испр. Спб., 1882 г., ц. 25 к. Вып. 4. „Священная исторія Новаго Завѣта". Съ рис. въ текстѣ. Изд. 2-е, Спб., 1894 г., ц. 25 к.

— II. Уроки о Богослуженіи Прав. Церкви. Съ 98 рис. въ текстѣ. Спб., 1886 г., въ 16 д. л. 250 стр., ц. 50 к.

— III. Уроки по церковной исторіи. Изд. 2. Спб., 1886 г., ц. 60 к.

— IV. О правильномъ и душеполезномъ приготовленіи къ исповѣди. Спб., 1889 г., ц. 10 к.

— V. Краткіе уроки о нравственной христ. жизни и о главнѣйш. обязанностяхъ христіанъ. Спб., 1889 г., ц. 15 к.

— VI. Уроки Закона Божія по Катихизису. Изд. 6-е. Спб., 1907 г., ц. 30 к. *Мин. Нар. Просв. одобрено для пріобр. въ ученич. библ. средн. учебн. завед.* 21 іюля 1894 г., № 14375.

Руновскій, П., свящ. Сборникъ поученій. Спб., 1887 г., ц. 1 р.

— Значеніе христіанства въ духовнонравственномъ развитіи и отношеніе

его къ благоустройству земной жизни человѣчества. Спб., 1889 г., ц. 40 к.

Русаковъ, Н., прот. Катихизическія поученія, приспособленныя къ пониманію простого народа. Изд. 2, исправл. и дополн. Спб., 1897 г., ц. 1 р. 25 к.

— О православной христіанской вѣрѣ по ученію Слова Божія. Противъ молоканъ, баптистовъ и штундистовъ. Вып. I и II. Спб., 1891—1897 г., ц. 60 к.

— Краткія поуч. къ простому народу. Изд. 2-е, дополн. Спб., 1893 г., ц. 1 р. 50 к.

— Поученія (произн. въ гор. Бугурусланѣ и Самарѣ). Спб., 1893 г., ц. 50 к.

— Поученія изъ Священной Исторіи Ветхаго Завѣта. Спб., 1893 г., ц. 50 к.

Свирѣлинъ, А., прот. Православное исповѣданіе христіанской вѣры въ Четіихъ-Минеяхъ св. Димитрія Ростовскаго. Спб., 1893 г., ц. 60 к.

Свѣтила Церкви. Спб., 1886 г., ц. 1 р.

Свѣтловъ, П. Я., М. Б. проф. свящ. Мистицизмъ конца XIX вѣка въ его отношеніи къ христіанск. религіи и философіи. Изд. 2-е. Спб., 1897 г., ц. 1 р.

Святый Димитрій Ростовскій и его избранныя творенія, перевед. на русскій языкъ. Спб., 1888 г., ц. 1 р. 25 к., въ изящн. пер. 2 р.

Семеновъ, Я. Д. Руководство къ духовно-нравственной жизни. По сочиненіямъ св. Ефрема Сирина и другихъ духовныхъ писателей. Спб., 1901 г., ц. 50 к. *Мин. Нар. Просв. отъ 10—19 ноября 1901 г., за № 31977 допущ. въ учит. библ. низшихъ училищъ и въ безпл. народныя читальни и библ.*

Сергій, Д. Б., арх. Влад. Бесѣды объ основныхъ истинахъ святой православной вѣры. Изд. 3-е, испр. и дополн. Спб., 1899 г., ц. 1 р. 25 к., въ коленк. переп. 2 р. 25 к. *Внесена въ списокъ книгъ, одобр. Уч. Сов. при Св. Сгнодѣ, для библ. церк.-прих. школъ* („Цер. Вѣд." № 2, 1896 г.). *Мин. Нар. Просв. допущ. въ ученич. библ. средн. учебн. зав. Мин.* (4 августа 1903 г., № 23684).

— Православное ученіе о почитаніи святыхъ иконъ и другія соприкосновенныя съ нимъ истины православной вѣры. Изд. 3-е. Спб., 1899 г., ц. 25 к. *Мин. Нар. Просв. допущ. въ учен. биб. ср. учеб. зав.* (4 авг. 1903 г., № 23684).

Сергій, архіеп. Финляндскій. Православное ученіе о спасеніи. Опытъ раскрытія нравственно-субъективной стороны спасенія на основаніи св. Писанія и твореній святоотеческихъ. Изд. 4-е, Спб., 1910 г., ц. 1 р., въ роскошн. коленк. переплетѣ 1 р. 75 к.

Сильвестръ, арх. Кавк. и Астр. Приточникъ Евангельскій. Объяснен. находящихся въ св. Евангеліяхъ притчей, основ. на свящ. пис. и мнѣніяхъ св. отцовъ и учит. церк., съ прил. нрав. назид. размыш. Изд. 4-е (пересм.). Спб., 1894 г., ц. 1 р. *Учебн. Ком. при Св. Сгн. допущ. въ фунд. библ. средн. дух.-уч. зав.*

Синайскій, А. Магометанство въ его исторіи и отношеніи къ христіанству. Изд. 2-е, испр. и доп. Спб., 1904 г., ц. 40 к.

— Отношеніе русской церковной власти къ расколу старообрядчества въ первые годы Сvн. Управл. при Петрѣ Вел. (1721—1725 г.). Спб., 1892 г., ц. 1 р. 75 к.

Скальскій, К., свящ. Литургія св. Іоанна Златоустаго. Руководство для священно- и церковно-служителей при Архіерейской службѣ, съ изложеніемъ порядка посвященія въ священно-церковно-служительскія степени и награжденія набедренникомъ, скуфьею, камилавкою и проч. Спб., 1902 г., ц. 30 к.

Славинъ, А. Помилуй мя, Боже, помилуй мя! Душевные и сердечные вопли, стенанія и воздыханія кающагося грѣшника. Изд. 3-е. Спб., 1899 г., ц. 20 к.

— Размышленія кающагося грѣшника о страшн. Судѣ или о второмъ пришествіи Господа нашего І. Христа на землю и всеобщ. воскрес. мертвыхъ. Изд. 4-е, дополн. Спб., 1897 г., ц. 15 к.

Смирновъ С., свящ. Сарат. епарх. Алфавитный сборникъ распоряж., необходимыхъ для каждаго члена причта. Настольн. книга „Никто не можетъ отговариваться невѣдѣніемъ закона" (Осн. зак., ст. 62). Спб., 1898 г., ц. 1 р. 50 к., въ кол. пер. 2 р. 25 к.

Снегиревъ, В., проф. Логика. Систематическій курсъ чтеній по логикѣ. Харьковъ, 1901 г., ц. 2 р.

Снессорева, С. Земная жизнь Пресвятой Богородицы и описаніе святыхъ чудотворн. ея иконъ, чтимыхъ православн. церк. на основаніи свящ. писанія и церковныхъ преданій. Съ изображен. въ текстѣ праздниковъ и иконъ Божіей Матери. Спб., 1910 г., ц. 3 р., въ роск. кол. перепл. 4 р. *Внесена въ кат. книгъ для употр. въ низ. учил. вѣд. Мин. Нар. Просв. и для публ. нар. чтеній* (стр. кат. 135, 1901 г.).

Фарраръ, Ф. В. Жизнь и труды святаго апостола Павла. Перев. съ 19-го англ. изд. А. П. Лопухина. 3-е общед. изд. съ карт. въ текстѣ. Въ 2 ч. Спб., 1893 г., ц. 3 р., въ изящн. перепл. 4 р. *Мин. Нар. Просв. одобр. для фунд. библ. сред. учеб. зав.* 21 іюля 1894 г., № 14375.

— Первые дни христіанства. Перев. съ посл. англ. изд. А. П. Лопухина. Въ 2-хъ част., болѣе 1.000 стр. убор. шрифта. Изд. 2-е, 1892 г., ц. 4 р., въ изящн. кол. пер. 5 р. *Мин. Нар. Пр. одобр. для фунд. библ. средн. учебн. завед.* 21 іюля 1894 г., № 14375.

— Аллегоріи. Борьба добра со зломъ. Съ 20-ю рисунками въ текстѣ. Съ англ. Ф. С. Комарскаго. Спб., 1899 г., ц. 1 р. 50 к., въ изящн. кол. пер. 2 р. *Мин. Нар. Просв. допущена въ ученич. библ. среднихъ учебн. зав. Минист.* (4 февраля 1903 г., № 4099).

— Безхарактерность — причина многихъ бѣдствій. Очеркъ нравовъ школьной жизни. Съ англійскаго Ф. С. Комарскаго. Въ 2 частяхъ. Спб., 1898 г., ц. 2 р., въ изящн. кол. пер. 2 р. 50 к. *Мин. Нар. Просв. допущ. въ ученич. библ. средн. учебн. зав. Мин.* (4 февраля 1903 г., № 4099).

— Семейный очагъ. Мужчина и женщина. Съ англ. Ф. С. Комарскаго. Спб. 1898 г., ц. 60 к., въ коленк. перепл. 1 р. *Мин. Нар. Пр. допущена въ учен. библ. средн. учеб. зав. Министерства (4 февраля 1903 г. № 4099).*

— Искатели Бога. Съ англійск. Ф. С. Комарскаго (съ рис.). Спб., 1898 г., ц. 1 р. 50 к., въ кол. пер. 2 р.

— Голосъ совѣсти. Бесѣды о нравственности. Съ англ. Ф. С. Комарскаго. Спб., 1899 г., ц. 1 р. 50 к., въ кол. пер. 2 р.

— Голосъ съ Синая. Вѣчное основаніе нравственнаго закона. Духовно-нравственныя бес. Подъ ред. Ф. С. Комарскаго. Спб., 1895 г., ц. 1 р. 50 к. въ кол. пер. 2 р.

— Сила добраго вліянія—результатъ правильнаго воспитанія. Очеркъ нравовъ школьной жизни. Съ англійск. Ф. С. Комарскаго. Въ 2 ч. Спб., 1898 г., ц. 2 р. 50 к., въ изящн. коленк. перепл. 3 р. *Мин. Нар. Просв. допущена въ ученич. библ. среднихъ учебныхъ завед. Минист.* (4 февраля 1903 г., № 4099).

— Раскаяніе — основаніе нравственнаго совершенства. Очеркъ нравовъ школьной жизни. Съ англійск. Спб., 1898 г., ц. 2 р., въ изящн. коленкор. пер. 2 р. 50 к. *Мин. Нар. Просв. допущена въ учен. библ. средн. учебн. зав.* (4 февраля 1903 г., № 4099).

— Христіанская отвѣтственность Бесѣды о нравственности. Съ англ. Ф. С. Комарскаго. Спб. 1899 г., ц. 1 р. 50 к., въ кол. пер. 2 р. *Мин. Нар. Просв. допущ. въ учен. библ. средн. учеб. завед. Мин.* (4 февраля 1903 г., № 4099).

— Христіанскіе труженики. Съ англ. Ф. С. Комарскаго. Спб., 1898 г., ц. 60 к., въ коленк. перепл. 1 р.

— Молитва, какъ средство къ утоленію печали. Спб., 1888 г., ц. 10 к.

— Въ дни твоей юности. Дух.-нрав. бесѣды. Подъ ред. Ф. С. Комарскаго. Спб., 1895 г., ц. 2 р., въ кол. пер. 2 р. 50 к.

Филаретъ (Гумил.), архіеп. Черн. Бесѣды о страданіяхъ Господа нашего Іисуса Христа. Съ портр. автора. Въ 2-хъ част. Изд. 3-е. Спб., 1884 г., ц. 3 р., въ кол. пер. 4 р.

— Историческій обзоръ пѣснопѣвцевъ и пѣснопѣнія греческой Церкви. Изд. 3-е, съ дополн. Спб., 1902 г., ц. 1 р. 50 к., въ коленк. перепл. 2 р. 50 к. *Учен. Ком. Мин. Нар. Пр. допущ. для библ. средн. и низш. учеб. зав. и въ безпл. нар. чит. и библ.* (1 іюня 1903 г., № 17109).

— Исторія русской Церкви. Изд. 6-е. Большой томъ въ 840 стр. Спб., 1894 г., ц. 3 р., въ изящн. коленк. переп. съ золот. тисн. 4 р. *Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. одобр. для фундам. и учен., старш. возр., библ. средн. учебн. зав.* (25 ноября 1898 г., № 28740).

— Историческое ученіе объ отцахъ Церкви, въ 3 том. (860 стр.). Спб., 1882 г., ц. 5 р., въ коленк. пер. 6 р. *Учен. Комит. Мин. Нар. Просв. рекомендована для фундам. библ. средн. учебн. заведеній.* Внесена въ Справочный каталогъ книгъ *для библіотекъ церковн. школъ.* Спб., 1900 г., стр. 48-я.

— Историческое ученіе объ отцахъ Церкви (въ сокращеніи). Черниговъ, 1864 г., ц. 1 р. 25 к.

— Гласъ Божій къ грѣшнику. Спб., 1891 г., ц. 30 к. *Учен. Ком. Мин. Нар. Просвѣщ. одобрено для ученич. библ. средн. и низш. учебн. заведеній* (2 сент. 1884 г., № 12959).

— Житіе св. Митрофана, епископа Воронежскаго. Съ изображеніемъ. Спб. 1904 г., ц. 10 к.

— Житіе св. Димитрія, митрополита Ростовскаго. Въ память 200-лѣтія. Спб., 1910 г., ц. 10 к.

— Православное догматическое богословіе. 2 тома. Изд. 3-е. Спб., 1882 г., ц. 3 р., въ кол. пер. 4 р. *Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. рек. для фунд. библ. ср. уч. зав.*

— Святые южныхъ славянъ. Описаніе жизни ихъ. Съ изобр. свят. акад. Ѳ. Г. Солнцева. Спб., 1893 г., ц. 1 р. 50 к. въ изящн. пер. 2 р. 50 к. *Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. одобрено для фундам. и ученич., ст. возр., библіот. средн. учебн. завед.* (25 ноября 1898 г., № 28740).

— Житіе святыхъ Кирилла и Меѳодія, славянскихъ просвѣтителей. Въ память тысячелѣтія. Спб., 1908 г., ц. 10 к.

Филаретъ (Гумилевск.), архiеп. Черниг. Слова, бесѣды и рѣчи. Въ 4-хъ ч. Изд. 3-е. Спб., 1883 г., ц. 3 р. 50 к., въ роск. пер. 4 р. 50 к. *Учен. Ком. Мин. Нар. Пр. одобр. для фунд. библ. средн. учебн. зав.* (25 ноября 1898 г., № 28740).

— Житiя святыхъ, чтимыхъ православной Церковью. Съ изображ. святыхъ и праздн. акад. Ѳ. Г. Солнцева. На русскомъ языкѣ, за круглый годъ, 12 мѣсяцевъ: Январь, Февраль, Мартъ, Апрѣль, Май, Iюнь, Iюль, Августъ, Сентябрь, Октябрь, Ноябрь, Декабрь. Изд. 3-е, дополненное. Спб. 1900 г., ц. за всѣ 12 кн. 15 руб., въ роск. коленк. пер. въ 6 кн. 20 р.; въ 12 кн. 24 р. *Мин. Народ. Просв. внесена въ каталогъ книгъ для безплатн. народныхъ читаленъ и для ученич. библ. средн. учебныхъ завед. Мин. Нар. Просв.* Стр. кат. 17-я, 1897 г.

— Житiя святыхъ подвижницъ Восточной Церкви. Изд. 3-е, съ изображ. св. подвижницъ, академ. Ѳ. Г. Солнцева. Спб., 1898 г., ц. 1 р. 50 к., въ изящн. коленкор. перепл. 2 р. 25 к. *Ученымъ Комитет. Минист. Народн. Просв. одобрено для фундамент. и ученическ., старш. возраст., библiот. средн. учебн. заведен.* (25 ноября 1898 г., № 28740).

— Обзоръ русской духовной литературы. Изд. 3-е, съ поправк. и дополн. автора. Спб., 1884 г., ц. 3 р., въ кол. пер. 4 р. *Учен. Ком. Мин. Нар. Пр. одобр. для фунд. и учен., старш. возр., библ. сред. уч. зав.* (25-го ноября, 1898 г., № 28740).

Хергозерскiй, А. Обозрѣнiе пророч. книгъ Ветх. Завѣта. Изд. 4-е, исправл. Спб., 1899 г., ц. 1 р. *Прин. учебн. рук. по Св. Пис. въ дух. сем.* («Церк. Вѣстн.» 1875 г., № 22 и 1880 г., № 43).

Хитровъ, М. И., прот. Древняя Русь въ великiе дни. Съ рис. въ текстѣ. Спб., 1899 г., ц. 30 к. *Учебн. Ком. при Св. Сгн. одобрена для ученич. библ. дух. сем., муж. дух. и женск. епарх. уч.* («Церк. Вѣд.», № 49-й 1899 г.).

Христiанскiя размышленiя на каждый день мѣсяца. Спб., 1904 г., цѣна 10 к.

Царь изъ дома Давида. Три года жизни въ Священномъ городѣ. Сочиненiе доктора правъ и Богословiя архiеп. Дж. Г. Ингрэма. Полный переводъ съ англiйскаго подъ редакцiей С. Дестунисъ. Иллюстр. изданiе. (42 рис.). Спб., 1909 г., ц. 1 р. 25 к., въ роск. коленк. пер. 2 р.

Чепурковскiй, Д. В. Подготовка къ вѣчному блаженству. Спб., 1891 г., ц. 20 к.

Чистовичъ, И. Исторiя перев. Библiи на русск. яз. Изд. 2-е. Спб., 1899 г., ц. 2 р.

Шарбонель, В. Жажда жизни. Философско-нравствен. разсужденiе. Съ фр. Ф. С. Комарскiй. Спб., 1898 г., ц. 1 р.

Шаффъ Ф., д-ръ и проф. богосл. Iисусъ Христосъ — чудо исторiи. Соч., заключающее въ себѣ опроверженiе ложныхъ теорiй о лицѣ Iисуса Христа, и собранiе свидѣтельствъ о высокомъ достоинствѣ характера, жизни и дѣлъ Его, со стороны невѣрующихъ. Съ приложенiемъ 15-ти иллюстрацiй съ картинъ извѣстныхъ художниковъ. Изд. 4-е. Спб., 1906 г., ц. 1 р., въ кол. изящн. пер. 1 р. 75 к. *Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. одобрено для фундам. и учен., старш. возраста, библ. средн. учеб. заведен.* (25 ноября 1898 г., № 28740).

Ширкевичъ, С., свящ. Церковно-славянскiй словарь. Пособiе при чтенiи и разборѣ свящ. и богослужебныхъ книгъ (для духовн. учил. и др. школъ). Изд. 4-е, вновь испр. и дополн. Спб., 1904 г., ц. 15 к. *Внесена въ кат. книгъ для употр. въ низш. учил. вѣд. Мин. Нар. Просв., для безпл. народн. чит.* (стр. кат. 4-я, 1897 г.).

Шкабельниковъ и Петровъ. Знаки благотворит. обществъ и правила награжд. ими лицъ за оказ. помощь дѣлами благотв. Съ рис. Спб., 1902 г., ц. 1 р.

Ювачевъ, И. Между мiромъ и монастыремъ. Очерки и разсказы. Спб., 1903 г. ц. 50 к.

Яковлевъ, Ѳ. Апокалипсисъ, съ очеркомъ жизни св. апостола и евангелиста Iоанна Богослова. Съ иллюстрацiями худ. Г. Доре. Изд. 2-е. Спб., 1905 г., ц. 1 р., въ изящн. кол. перепл. 2 р.

Ярославская, К. Л. (кн. Е. В. Львова). Общедоступное чтенiе во время говѣнiя. Выбранныя мѣста изъ поученiй: св. Тихона Задонскаго,—Евсевiя, архiепископа Могилевск.,—Иннокентiя, архiеп. Херсонскаго — и протоiерея Р. Путятина. *Рек. Уч. Ком. Мин. Нар. Просв. для библ. гор. и нар. учил.* Изд. 5-е. Спб., 1902 г., ц. 15 к.

— Пасха Красная. Сборникъ для назидат. чтенiя во дни Святой недѣли. Одесса, 1898 г., ц. 80 к., съ пер. 1 р.

Ѳаворскiй, Д., свящ. Правосл. христ. нравств. ученiе и современная естеств.-научная мораль. Спб., 1900 г., ц. 15 к.

— Христiанскiе догматы о безсмертiи души и воскресенiи мертвыхъ, въ связи съ философ. воззрѣн. на загробную жизнь человѣка. Спб., 1900 г., ц. 30 к.

Ѳома Кемпiйскiй. О подражанiи Христу. Четыре книги. Перев. П. Мѣщаниновъ. Спб., ц. 1 р., въ изящн. кол. пер. 1 р. 50 к.